

СТРАНЫ
и
НАРОДЫ
ВОСТОКА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS
ORIENTAL COMMISSION OF RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Vol. XXXV

Collections, texts
and their “biographies”

Edited by
I.F. Popova, T.D. Skrynnikova

MOSCOW
NAUKA — VOSTOCHNAYA LITERATURA
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXXV

Коллекции, тексты
и их «биографии»

*Под редакцией
И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой*

МОСКВА
НАУКА — ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА
2014

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
С83

Редакторы издательства
Т.А. Аникеева, О.В. Мажидова

Страны и народы Востока / Ин-т восточных рукописей РАН ; Вост. комиссия РГО. — М. : Наука — Вост. лит. — 1959—.

Вып. XXXV: коллекции, тексты и их «биографии» / под ред. И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. — 2014. — 439 с. — ISBN 978-5-02-036581-0 (в пер.).

В очередной выпуск продолжающегося издания вошли статьи по проблемам изучения истории, этнографии, культуры стран и народов Востока. Рассматривается история создания и исследования коллекций буддийских, индуистских, монгольских рукописей в собраниях Санкт-Петербурга, Улан-Батора, Одессы, публикуются материалы, посвященные народам Африки, Центральной и Восточной Азии, анализируются различные аспекты изучения китайского языка в России.

ISBN 978-5-02-036581-0

© Институт восточных рукописей РАН, 2014
© Редакционно-издательское оформление.
Наука — Восточная литература, 2014

К.В. Алексеев

**ПЕРЕВОДЫ БУДДИЙСКИХ
КАНОНИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ АЛТАНГЭРЭЛ-УБАШИ
В РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЯХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И УЛАН-БАТОРА**

Статья призвана частично восполнить недостаток сведений о переводческой активности в Халхе в конце XVI — первой половине XVII в. В ней рассматриваются хранящиеся в частных и государственных рукописных собраниях Санкт-Петербурга и Улан-Батора списки монгольских переводов буддийских канонических сочинений, выполненных халхаским переводчиком Алтангэрэл-убаши (XVII в.).

Ключевые слова: монгольская литература, буддийские канонические сочинения, перевод, Халха, Алтангэрэл-убаши.

Борьба за объединение монгольских земель и распространение среди монгольских племен буддизма во второй половине XVI — первой половине XVII в. сопровождалась подъемом литературной и, в частности, переводческой активности монгольского общества.

В основном работа по переводу буддийских сочинений велась на юге под эгидой Алтан-хана түмэтского (1507–1582) и его внуков Намудай Сэцэн-хана (годы правл. 1586–1607) и Омбо Хун-тайджи (конец XVI — начало XVII в.), а также Лигдэн-хана чахарского (годы правл. 1604–1634) и была связана с именами Ширегету Гуши Цорджи, Аюши Гуши, Дайгун Шиху Гуши, Самдана Сэнгэ, Гунга Одзера и других известных переводчиков и редакторов того времени¹.

¹ См. далеко не полные списки работ по этой теме в: *Alekseev K., Turanskaya A.* An Overview of the *Altan Kanjur* Kept at the Library of the Academy of Social Sciences of Inner Mongolia // *Asiatische Studien / Études Asiatiques*. LXVII (3). 2013. P. 778–782; *Kollmar-Paulenz K.* The Transmission of the Mongolian Kanjur: A Preliminary Report // *Eimer H., Germano D.* (eds). *The Many Canons of Tibetan Buddhism*. Leiden: Brill, 2002. P. 174–176.

О переводческой деятельности халхасцев в рассматриваемый период известно значительно меньше. Между тем в Халхе также велась работа по переводу буддийских сочинений на монгольский язык. Одним из заметных халхаских переводчиков, работавших в середине XVII в., был Алтангэрэл-убаши. Сведения о нем в монголоведной литературе исчерпываются небольшой статьей академика Ц. Дамдинсүрэн², а также несколькими упоминаниями о его переводах в работах общего характера³. Ц. Дамдинсүрэн полагает, что, поскольку в колофонах нескольких его переводов упоминается Тушету-хан Гомбодорджи (ум. 1655), Алтангэрэл-убаши был приближен ко двору последнего⁴.

Перу Алтангэрэл-убаши принадлежат переводы таких популярных буддийских сочинений, как «Ламрим» Цзонхавы, «Повесть о Молонтойне», «Жизнеописание Таранатхи», «Жизнеописание Марпы-лоцзавы»⁵. Перевел Алтангэрэл-убаши и несколько канонических сочинений. Описание списков этих переводов, хранящихся в государственных и частных рукописных собраниях Санкт-Петербурга и Улан-Батора, и представлено в настоящей статье.

«Тхарпа чэнпо»

Небольшая «Сутра великого освобождения» (монг. *Yekede tonilyaüi sudur*), более известная под своим тибетским названием «Тхарпа чэнпо» (тиб. *Thar pa chen po*), была крайне популярна в Монголии, неоднократно переводилась на монгольский язык⁶ и вошла в обе редакции монгольского Ганджура⁷.

В частной коллекции А.А. Туранской в Санкт-Петербурге хранится рукопись формата ботхи монгольского перевода этой сутры, выпол-

² Дамдинсүрэн Ц. XVII зууны эхний үеийн орчуулагч Алтангэрэл увшийн тухай зарим мэдээ // Монголын уран зохиолын өв уламжлын асуудал. Шинжлэх ухааны академийн хэл зохиолын хүрээлэн. № 1. Улаанбаатар, 1987. С. 117–124.

³ Дамдинсүрэн Ц., Цэнд Д. (ред.). Монголын уран зохиолын тойм. Боть 2. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1976. С. 486–487; *Róna-Tas A. The Mongolian Versions of the Thar-pa chen-po in Budapest // Ligeti L. (ed.). Mongolian Studies. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970 (Bibliotheca Orientalis Hungarica XIV). P. 451. Note 34.*

⁴ Дамдинсүрэн Ц. XVII зууны эхний үеийн орчуулагч. С. 121.

⁵ Там же. С. 117–124; Дамдинсүрэн Ц., Цэнд Д. (ред.). Монголын уран зохиолын тойм. С. 486–487.

⁶ О других переводах, изданиях и списках сутры, а также об истории изучения ее монгольских переводов см.: *Róna-Tas A. The Mongolian Versions. P. 445–493.*

⁷ Касьяненко З.К. Каталог петербургского рукописного «Ганджура» / Составление, введение, транслитерация и указатели З.К. Касьяненко. М.: Наука, 1993 (Памятники письменности Востока, СП; *Bibliotheca Buddhica*. XXXIX). № 667; *Ligeti L. Catalogue du Kanjur Mongol Imprimé. Vol. I. Budapest, 1942 (Bibliotheca Orientalis Hungarica. III). No. 1021.*

ненного Алтангэрэл-убаши (ТСАТ)⁸. Текст написан каламом черной и красной тушью на многослойной и ломкой китайской бумаге, пожелтевшей от времени. Размер листов — 29,2×7,8 см, размер рамки — 25,7×6,2 см. В рамке помещается 22 строки.

Название текста на монгольском языке дано на л. 1b после молитвы Трем драгоценностям и названий текста на санскрите и тибетском: qut'uy-du yekede tonilyayči jüg-üd-dür delgeregsen {gemsin} gemsin yasiyudaqui-bar nigül-i arilyayči: burqan-i бүтүгегүлүн жогиуагчи neretü yeke kölgen sudur:: — «Махаянская сутра под названием „Распространившееся во все стороны святое великое спасение, очищение грехов раскаянием и создание [состояния] будды“»¹⁰. Это же название с минимальными разночтениями продублировано в конце текста на л. 149b.

Текст состоит из трех глав с титульными листами (титульный лист второй главы без названия; на титульном листе третьей главы: [100a] yutayar bölg kemegči orosi/ba:: — «Третья глава»), но со сквозной пагинацией слева на монгольском: первая глава — л. 1b–47b, вторая глава — л. 48a–99b (маргин. — nögöge), третья глава — л. 100a–150a (маргин. — yutayar).

Весь текст написан одним, весьма характерным, округлым почерком, с многократным написанием начального t' в середине слов (монг. amit'an, sayit'ur, qormust'a) и медиального d' в начале (монг. d'alai, d'iyar); нет разницы между č и j — обе графемы пишутся, скорее, как č; š и γ — без диакритики. Исправления в тексте отмечены крестиками и сделаны той же рукой, что и основной текст.

Текст сохранил характерные особенности доклассической орфографии, такие как написание “qi” вместо “ki” (монг. joqiyayči, taqil, saqiju, joqilduyči), отсутствие устоявшейся орфографии в написании дательного и совместного падежей (монг. čay-dur, jüg-dür, učir-dur, burqan-nuyud-da, qutuy-du, öljei-dü, nom-dan, qutuy-du), архаичное написание некоторых слов (монг. bodisung, qonsim, ‘ac’amtib (=jambutib), bülege, oytoryui) и практически повсеместное добавление “i” к слогам, начинающимся на согласный, при передаче тибетских слов (например, ibyogsu, irgasba, isdig, isbyangdi, irgasu, irnambar, ibkodba для тиб. phyogs su, rgyas pa, sdig,

⁸ ТСАТ — Qut'uy-du yekede tonilyayči jüg-üd-dür delgeregsen {gemsin} gemsin yasiyudaqui-bar nigül-i arilyayči: burqan-i бүтүгегүлүн жогиуагчи neretü yeke kölgen sudur. Рук. Коллекция А. Туранской (СПб.). 150 л.

⁹ В статье используются следующие символы для обозначения редакторской правки и монгольского галика: [] — любые глоссы и интерполяции, {} — любой вычеркнутый или исправленный текст, / — перенос слова на другую строку; ‘a — ʼ, c’ — ꞑ, d’ — ʼ, d’ — ʼ, g’ — ʼ, m’ — ʼ, n’ — ʼ, t’ — ʼ (в середине слова).

¹⁰ В монгольском переводе названия сутры частично сохранен тибетский синтаксис. Ср.: 'Phags pa thar pa chen po phyogs su rgyas pa 'gyod tshangs kyi sdiḡ sbyangs te sangs rgyas su grub par nam par bkod pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo.

sbyangs te, rgyas su, nam par, bkod pa). Особенности орфографии и дукта позволяют датировать рукопись XVII в.

На л. 149b–150a расположен стихотворный колофон:

- (1) [149b] ene qut'uy-du yekede tonil[150a]γayči jüg-üd-dür delgeregsen sudur:
egüneče urida бүкү busu merged-ün orčiγu/luγsan:
ene mongγol γajar-a delgerejü olan bui бүgesüber:
tesergü tesergü üge ud/qas anu jokilduqu busuyin tulada:
- (2) tegüdegerel ügei süsüg-tü bayasqulang neret'ü güüsi:
temdegtey-e orčiγul kemen bas-a bas-a duraduγsan-dur:
tere merged-ün orčiγuluγsan-i buruγusiyaju burčiγu jasabasu ele:
teresleküi nayidangγui-bar üiledügsen kemegdekü бүкүйin tulada:
- (3) tel keletü altan genel ubasi
töbed-ün olan eke bičig-üd-i tokiyalduγulju
tösljü medegsen-iyen činegeber mongγol-un ayalu-dur:
tegüskен jasju orčiγulju orosiγulbai bi::
- (4) egünče boluγsan kedüi бүкү buyan-iyar:
ene ba qoyiči törölt'ür bida бүгүdeger
endegsen nigül-iyen gemsin arilyaqui sedkil-tü bolju:
ene suduri bičiküi ungsiqui-ača ülü anggijiraqu bolt'uyai:
- (5) tere metü üiledügsen čay/lasi ügei buyan-iyar
terigülesi ügei eke boluγsan amitan бүгүdeger:
tem/degtey-e nasun ürgüljide yeke kölgен-iyer yabju:
tedüyikü burqan-u qut'uy-i öder¹¹ olqu boltuγai: :
- (6) öljei qutuγ-un čoy badarču
'ac''amtib-un¹² jiryuγan čimeg bolt'uyai:
mangghalam:

- (1) Хотя переводы этой сутры — «Распространившееся во все стороны
святое великое спасение»,

Выполненные прежде другими мудрецами,
И разошлись во множестве по Монгольской земле,
Слова и смысл их были противоречивы и не совпадали.

- (2) Поэтому обладающий непоколебимой верой гуши¹³ по имени Баясгалан
Неоднократно напоминал: «В совершенстве переведи!»

¹¹ = ödter

¹² = jambutib-un

¹³ О титуле güsi см.: *Hucker Ch. A Dictionary of Official Titles in Imperial China*. Taipei, 1985. No. 3530; *Serruys H. On Some Titles in the Mongol "Ganjur" // Monumenta Serica*. (1977–1978.) Vol. 33. P. 425–426.

[Посчитав, что] если, порицая и переименовая, исправить переводы тех мудрецов,
Скажут, что сделал это из зависти и соперничества.

- (3) Я, двуязычный Алтангэрэл-убаши,
Сопоставив множество тибетских источников,
В силу своего невеликого разума,
Окончательно исправив, перевел на монгольский язык и отредактировал¹⁴.
- (4) Пусть благодаря происходящим от этого благим заслугам
Все мы в этом и последующих рождениях
Обретем помыслы, очищающие наши проступки и грехи с помощью раскаяния,
И никогда не перестанем переписывать и читать эту сутру.
- (5) Пусть в силу бесчисленных благих деяний, подобных этому,
Несметные живые существа, бывшие нашими матерями [в прошлых рождениях],
Всегда будут следовать пути Махаяны
И быстро обретут состояние будды.
- (6) Пусть разожгут они пламя наивысшей святости
И станут Шестью украшениями Дзямбудвипы¹⁵.
Мангхалам.

Как следует из колофона, перевод «Тхарпа чэнпо» на монгольский был выполнен Алтангэрэл-убаши с привлечением нескольких тибетских источников и отредактирован по инициативе некоего гуши¹⁶ по имени Баясгалан, идентифицировать которого на данный момент не представляется возможным. Не указывает колофон и время перевода.

Другой экземпляр «Тхарпа чэнпо» в переводе Алтангэрэл-убаши хранится в фонде ИВР РАН (ТСИОМ)¹⁷.

¹⁴ Монг. *orosiyulqu*. В колофонах монгольского Ганджура этот термин соответствует тиб. *gtan la phab pa* — «кодифицировать». Здесь, на наш взгляд, он, скорее, обозначает завершение переводческой и редакторской работы над текстом. Также об этом термине см.: *Serruys H.* On Some 'Editorial' Terms in the Mongol "Ganjur" // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London*, (1980). Vol. 43. No. 3. P. 524.

¹⁵ Тиб. *rgyan drug* — выдающиеся буддийские мыслители Индии: Нагарджуна, Арьядева, Асанга, Васубандху, Дигнага и Дхармакирти.

¹⁶ В колофонах других списков он имеет титул «тидши» (монг. *tidši*). См. ниже.

¹⁷ ТСИОМ — *Qutuγ-du yekede tonilyayči jüg-üd-tür delgeregsen gemsin yasiyudaqui-bar nigül-i arilyaju: burqan-i bütügegül-ün jokiyaγči neretü yeke kölgen sudur*. Рук. Фонд ИВР РАН. 27+30+24 л. См. археографические данные рукописи в: *Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения Российской академии наук. Т. II. М.: Восточная литература, 2001. № 2813.

Титульный лист рукописи не имеет названия. Название текста на монгольском языке дано на л. 1b после молитвы Трем драгоценностям и названий текста на санскрите и тибетском: qutuγ-du yekede tonilyaγči jüg-üd-tür delgeregsen gemsin γasiγudaqui-bar nigül-i arilyaju: burqan-i бүтүгегүл-үн жокйаγчи neretü yeke kölgen sudur.: — «Махаянская сутра под названием „Распространившееся во все стороны святое великое спасение, очищение грехов раскаянием и создание [состояния] будды“»¹⁸.

Текст состоит из трех глав с отдельной пагинацией слева на монгольском: 1b–27a (маргин. terigün bölöγ, terigün); 1b–30a (по пагинации 29a, этот лист обозначен в пагинации дважды; маргин. dumdatu); 1b–24a (маргин. ečüs).

Судя по внешнему виду, дукту, бумаге, а также орфографии рукописи, в которой совершенно отсутствуют доклассические элементы, и широкому использованию галика, она относится к гораздо более позднему времени, чем вышеописанный текст из коллекции А.А. Туранской.

На л. 23b третьей главы рукописи расположен колофон, практически полностью идентичный колофону описанного выше источника, за двумя существенными исключениями: инициатор перевода здесь имеет титул не «гуши», а «тидши»¹⁹ (монг. Bayas/qulang neret'ü d'idsi), а вместо фразы «Я, окончательно исправив, перевел на монгольский язык и отредактировал» (монг. tegüsken jасаγu orčiγulju orosiγulbai bi) сказано: «Я, окончательно исправив, утвердил» (монг. tegüsken jасаγu orosiγulbai bi:).

Еще два экземпляра этой сутры хранятся в библиотеках г. Улан-Батора. Первый из них — в Институте языка и литературы АН Монголии (ТСНЗН)²⁰. Это рукопись, написанная каламом на русской бумаге, объемом 107 листов²¹. На л. 107a–107b расположен колофон, идентичный приведенному выше²². Вторая рукопись монгольского перевода «Тхарпа чэнпо» хранится в библиотеке Педагогического института²³.

¹⁸ В монгольском переводе названия сутры частично сохранен тибетский синтаксис.

¹⁹ О титуле tidsi см.: *Serruys H.* On Some Titles. P. 425–426.

²⁰ ТСНЗН — Qutuγ-tu yeke tonilyaγči neretü sudur orosiba. Рук. Фонд Института языка и литературы АН Монголии. 107 л.

²¹ См. археографические данные рукописи в: *Няммягмар Б.* Хэл зохиолын хүрээлэнгийн монгол бичмэл дармал номын бүртгэл // *Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Literarum Academiae Scientarum Publicae Mongolici*. Tom XXVIII. Fasc. 1. Улаанбаатар, 2012. № 117.

²² Согласно транскрипции колофона, выполненной Н. Няммягмар, инициатор перевода здесь назван «гебши» (монг. Bayasqulang neretü gebsi): *Няммягмар Б.* Хэл зохиолын хүрээлэнгийн монгол бичмэл дармал номын бүртгэл. Тем не менее это противоречит данным Ц. Дамдинсүрэн о том, что в этой рукописи инициатор представлен как «тидши». См.: *Дамдинсүрэн Ц.* XVII зууны эхний үеийн орчуулагч. С. 118. О титуле gebsi см.: *Позднеев А.М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста, 1993. С. 197.

²³ Недоступна автору статьи. Колофон текста также называет инициатора перевода «тидши», а не «гуши». См.: *Дамдинсүрэн Ц.* XVII зууны эхний үеийн орчуулагч. С. 118.

Последний из известных автору статьи экземпляров «Тхарпа чэнпо» в переводе Алтангэрэл-убаши хранится в Нью-Дели. В колофоне этой рукописи инициатором перевода назван «тидши Баясгалан Хонджин» (монг. Bayas-qulang qonjin neretü tidsi)²⁴.

Текст перевода Алтангэрэл-убаши весьма сходен с переводом, выполненным Гунга Одзером для рукописной редакции Ганджура времен Лигдан-хана. Вполне вероятно, это сходство не случайно, и именно текст Гунга Одзера был положен в основу нового перевода/редакции сутры. Ниже приведена сравнительная таблица начального фрагмента сутры в пекинском издании тибетского Кангьюра (ТСКК)²⁵, перевода Гунга Одзера в Санкт-Петербургской рукописи Ганджура (ТСРК)²⁶ и списка перевода Алтангэрэл-убаши из коллекции А.А. Туранской (ТСАТ)²⁷.

ТСКК	ТСРК	ТСАТ
[227b/2] bcom ldan 'das rgyal po'i khab kyi grong khyer chen po na/ dge slong gi dge 'dun chen po brgyad khri dang/ byang chub sems dpa'i dge 'dun sum khri drug stong dang thabs gcig tu bzhugs te/ de dag kun kyang skye ba gcig gis thogs pa/ sgrib pa thams cad dang/ yongs su bral ba/ gzi brjid dang dpal gyi dbang phyug dang ldan pa/ de bzhin gshegs pa la gsang ba'i don thabs	[1b] ilaju tegüs nögčigsen burqan rajigirq-a yeke balyasun-tur naiman tümen ayaγ-a tegimlig- üid- ün yekes quvaray-ud kiged: yurban tümen jiryuyan mingyan bodisung-nar-un quvaray- ud-luy-a qamtu sayun bülüge:: tede бүгүдегер ber nigen töröl törögsed oγoyata anggijiraysan jobalang kiged: čoy jali erke tegüsügsed: tegünčilen iregsed-ün udq-a- yi aγ-a-bar duradqayči: burqan-u	[2a] ilaju tegüs nögčigsen burqan rajigarq-a balyasun-u yeke qoton-dur naiman tümen ayaγ-qa tegimlig-ün yekes quvaray-ud kiged: yurban tümen jir <u>u</u> yuyan mingyan bodisung-nar-un quvaray-ud-luy-a nigen-e qamtu sayun bülüge:: tede бүгүдегер ber nigen töröl qočoroysad: qamuy tүidүgčid-eče anggijiraysan čoy jali kiged öljei qutuy-un erketü: tegünčilen iregsen-ü nomlaysan qamuy udq-a- bar duradqay/ daysan: burqan-u ulus-i sayitur arilyayči: burqan-u üile öbesün

²⁴ *Röna-Tas A.* The Mongolian Versions. P. 451. Note 34. А. Рона-Таш транскрибирует имя и титул инициатора перевода как Bayas-qulang qončin neretü diunsi.

²⁵ ТСКК — 'Phags pa thar pa chen po phyogs su rgyas pa'i gyod tshangs kyis sdig sbyangs te sangs rgyas su grub par nman par bkod pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo // bKa' 'gyur pe cin par ma. Woodblock Print Preserved at National Library of Mongolia. Ulaanbaatar, Mongolia. Digitally Published and Distributed by Digital Preservation Society. Mdo sna tshogs, zu, 227a/8–288b/4. Tokyo, 2010.

²⁶ ТСРК — Qutuy-tu yeke-de tonilyayči jüg-üd-tür delgeregsen yasiyudan gemsiküi-ber kilinčes-i arilyayad burqan bolyan бүтүгекүи тейин бүгед жокіяйсан neretü yeke kölgen sudur. Рук. Ганджур. Рукописный фонд Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ. Eldeb, na, 87a–113a.

²⁷ В таблице жирным шрифтом выделены разночтения в монгольских текстах, жирным курсивом — слова или аффиксы, отсутствующие в другом переводе.

kyis bskul ba/ sangs
rgyas kyi zhing yongs
su dag par byed pa/
sangs rgyas kyi bya ba
lhun gyis grub pa/
sangs rgyas rnam kyi
byin gyi rlabs kyis
rnam par bkod pa/
chos kyi sde snod
bsrung zhing skyob
pa'i phyir theg pa chen
po'i mdo gzungs su
'dzin cing seng ge'i
sgras phyogs bcur chos
kyi 'brug sgra chen
pos grogs pa/ de dag gi
yon tan gyi go 'phang
ni ri rab dang 'dra ba/
shes rab zab cing rgya
che ba ni rgya mtsho
dang 'dra ste/

ulus-i *oyoyata* arilyan:
üiledügči burqan **ulus-i**
öbesüben bütügülügči:
qamuy burqad-un adistid-
iyar teyin büged:
jokiyayči: sang nom-ud-i
sakin ibegekü-yin tulada
yeke kölgen-*ü* sudur-i
toytañan bariyad: arslan-u
dayun-iyar arban жүг-**tür**
nom-un yeke *luu-yin*
dayun dayurisqayči:
tedeger-ün erdem-ün
qutuy **inu** sümür ayulan-
tur adali: ayui yeke gün
bilig **inu** dalai-tur adali
buyu:

bütügßen: burqan-nuyud-un
adistid-{iyar} teyin büged:
joqiyay**daysan**: sang nom-
ud-i sakiyad ibegeküi-yin
tulada yeke kölgen sudur-i
toytañaju bariyči: arslan-u
dayun-iyar arban жүг-**dür**
nom-un yeke d'ayun-*i*
d'ayurisqayči: tedeger-ün
erdem-ün qutuy **anu** sümür
ayula-**dur** adali: [2b] ayui
yeke gün bilig **anu** d'alai-
dur adali **büküi jer**:

Даже по этому небольшому фрагменту можно заключить, что Алтангэрэл-убаши, скорее, отредактировал старый текст, нежели перевел его заново²⁸. В основном его правка связана с уточнением перевода тибетского текста. Так, в переводе тибетского выражения *skye ba gcis gis thogs pa* (букв. «задерживаемые одним рождением») *nigen törol törgösed* он исправил *törgösed* на *qoçogoysad*, посчитав, что такой перевод больше соответствует тибетскому глаголу *thogs pa*.

«Аштасахасрика-праджняпарамита»

«Аштасахасрика-праджняпарамита»²⁹ является одной из наиболее почитаемых сутр в Монголии. Согласно легенде, монголы уже в XIII в. получили копию этой сутры, написанную алфавитом ланча и принадлежавшую буддийскому философу Нагарджуне³⁰. Сутра неоднократно

²⁸ Разумеется, для окончательных выводов необходим значительно более широкий сравнительный материал, поскольку сходство обоих переводов может объясняться устоявшейся традицией передачи стандартных, повторяющихся из текста в текст (в особенности начальных) фрагментов канонических сочинений.

²⁹ О местонахождении «Аштасахасрики» в обеих редакциях монгольского Ганджура см.: Касьяненко З.К. Каталог. № 543; Ligeti L. Catalogue. No. 766.

³⁰ Wallace Vesna A. Texts as Deities. Mongol's Rituals of Worshipping Sūtras, and Rituals of Accomplishing Various Goals by Means of Sūtras // Cabezón J.I. (ed.). Tibetan Ritual. Oxford University Press, 2010. P. 208.

переводилась на монгольский язык, и в настоящее время известно восемь ее переводов, в число которых входит и перевод Алтангэрэл-убаши³¹.

Двухтомная рукопись (формат ботхи) его перевода хранится в Монгольской национальной библиотеке в г. Улан-Баторе под шифрами 13416/97 (первый том) и 13405/97 (второй том) (NMNL)³². Том первый — л. 3а–120а (первые два листа отсутствуют); одинарная красная рамка, метка тома (тиб. ka) и полистная пагинация на монгольском языке в левом верхнем углу за рамкой; размер листа — 61,5×20,6 см, размер рамки — 50,7×15,6 см; в рамке помещается 37–38 строк. Том второй — 1б–109а, одинарная красная рамка, метка тома (тиб. kha) и полистная пагинация на монгольском языке в левом верхнем углу за рамкой; размер листа — 61,5×20,5, размер рамки — 47,3×14,7; в рамке помещается 37–38 строк. Оба тома написаны каламом на китайской плотной бумаге красной и черной тушью (красной тушью написаны пять строк в середине каждого листа).

Поскольку начальные листы первого тома утеряны, мы приводим здесь конечное название сочинения: [108b] *naiman mingyan neretü ilaju tegüs nögčigsen eke bilig baramid:: : ::* — «Победоносная Праджняпарамита под названием „Восьмитысячная“».

Почерк рукописи характерен для большинства томов Ганджура, хранящегося в фонде Национальной библиотеки Монголии: жирные, округлые линии, с многократным написанием начального *t'* в середине слов, особенно в начале и в конце каждого тома. Рукопись изобилует различного рода вставками и исправлениями.

На листах 108b–109а расположен объемный колофон³³:

- (1) [108b] *qubilγan bey-e-tü ilaju tegüs nögčigsen šakyamun"i burqan
qut'uy-tu saributari subuti qormust'a tngri terigüt'en-i öčigsen-iyer:
qoγosun činar uran aγ-a qoslaqui yosun-i nom/layсан
qut'uy-tu naiman <mingyan> neret'ü ene bilig baramid-i::*

³¹ См. подробное описание переводов «Аштасахасрики» и задействованных в них переводческих техник в: *Yampolskaya N. Canonicity in Translation. Eight Mongolian Versions of the Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā Sutra. Dissertation Submitted at the Faculty of Humanities at the University of Bern to Obtain the Degree of Doctor of Philosophy. 2013. Vol. I. P. 46–195.*

³² NMNL — [Qutuy-tu bilig-ün činadu kiγaγar-a kürügsen naiman mingyan neretü]. Рук. Т. 1–2. Национальная библиотека Монголии. 13416/97 (т. 1), 13405/97 (т. 2). 118+109 л.

³³ Транскрипция и перевод практически идентичного колофона из другого списка «Аштасахасрики» в переводе Алтангэрэл-убаши (NMUB — Qut'uy-tu bilig-ün činadu kiγaγar-a kürügsen naiman mingyan neret'ü. Рук. Частная коллекция. 208 л. См. ниже) были выполнены Н.В. Ямпольской в ее кандидатской диссертации. См.: *Yampolskaya N. Canonicity in Translation. P. 59–60.* Значимые разночтения между текстами колофонов обоих списков см. в примеч. 35, 36, 39.

- (2) ülemji bisirel-tü d'angčing qung tayiji čayan d'ar-a qatun
 ürgüljide idam bolyan üiledkegülsügei kemen süsüljü duradqayad:
 ülisi ügei takil kündülel-i beledčü: sayit'ur kičiy-e-rün
 ürgüljide öglige-yin ejen bolju: ünen-iyer nököčeldügsen-ü silt'ay-a-bar
- (3) asuru olan eke töbed³⁴ bičig-üd-i neyilegül-ün tokiyal-duyul ju:
 ayalγu udq-a-si ayalyus udq-a-si ayalγus bolγayč³⁵ kemen
 ariγud-qan tegüsčü tegüs-ke-jü³⁶ alt'an gerel ubasi ali medeg-sen-iyen
 činege-ber:
 asu-ru kičiy-e-jü mongγol-un kelen³⁷-tür orčiγulju orosiγul-bai::
- (4) <ese> medeg-sen-<-iyer> endegsen aldaysan kedüi ele bolbasu
 erket'ü šakyamun''i³⁸ terigüt'en erdenis-tür arilyan öčisü/gei:
 ese endjü kejiy-e el-e jöb boluy/san бүгесү:
 erdenis-ün adis-tid/-iyar bolbai-j-a: eremsin omoy buu barisuyai::
- (5) [109a] yerü ene nom-i orčiγuluysan kedüi бүкү buyan-iyar
 yeke süsüg-ün ögligeyin ejed terigüten bida бүгүдегер:
 yeke<de> jirγa/ju ebečün ügegüy-e urtu nasulayad:
 yerüngkei amitan бүгүдегер бурқан-u sasin-tur uduridqu boltuyai:
- (6) ilangγuy-a erte urida saributari subuti qormus/da terigüt'en
 imayt'a ene nom-i nomlaqui irüger qutuy γuyuyusan-iyar:
 ilayuy/san šakyamun''i burqan-u emün-e učiγlduju бүрүн:
 ilete ene bilig baramid-i öči/jü nomlayuluysan-tur adali:
- (7) tegünčilen mayidari burqan yirt'inčü-tür ireküi čay/-tur-i:
 tegüs bisirel-tü öglige-yin ejed terigüt'en bida бүгүдегер:
 tegünü emün-e nököd anu bolun tör<ö>jü: ene bilig baramid-i:
 terekü mayidari-tur öčijü nomlayuluγči anu boltuyai::
- (8) tereγ čay/-tur edüge³⁹ qamuy töröl tut'um-tur:
 tngri kümün-ü degedü töröl-i olju бүрүн:
 degedü kölgen-ü mergen-e medegči sayin baysi-da učiγlduju:
 tegün-eče ene bilig baramid-i sonosču edlekü bolt'u/γai::
- (9) erten-ü olan töröl-tür quriγaysan buyan-u küčün kiged:
 ene töröl-tür eyimü sayin üilesi üiledügsen küčün-iyer ba:
 erket'ü γurban erdenisün endegürel ügei adis/tidun küčün-iyer
 ene metü quriγaysan irüger (bügüde bütükü)⁴⁰ boltuyai:: : ::
 (ma)⁴¹ gha lam'::

³⁴ Слово написано красной тушью.

³⁵ Ошибка переписчика. Ср. NMUB, [208a?]: ayalγu udqasi aljīyas boluyujai kemen.

³⁶ NMUB, [208a?]: ariγudqan tegüskejü.

³⁷ Словосочетание mongγol-un kelen написано красной тушью.

³⁸ Слово написано красной тушью.

³⁹ NMUB, [208a?]: tere čay-tur kürüge inaru.

⁴⁰ Верхний слой бумаги с текстом оторван. Восстановлено по NMUB, [208a?].

⁴¹ Верхний слой бумаги с текстом оторван. Восстановлено по NMUB, [208a?].

- (1) По причине того, что обладающие исключительной верой
Дайцин Хун-тайджи и Цаган Дара Хатун благоговейно увещевали:
«Навечно сделаем своим покровителем эту Праджняпарамиту под
названием „Восьмитысячная“,
В которой Нирманакайя Бхагаван Будда Шакьямуни
- (2) По просьбе наивысших Шарипутры, Субхути, Хормусты-тэнгри
и прочих
Изложил закон, соединяющий свойство пустотности с искусным
методом» — и,
Приготовив несравненные подношения, проявили усердие и,
Навечно став милостынедателями, истинно оказали покровительство,
- (3) Я, Алтангэрэл-убаши, сопоставив
Исключительное множество тибетских источников,
Дабы не вышло ошибок в звучании и смысле⁴², в силу своего разума,
Проявляя исключительное старание, перевел на монгольский язык.
- (4) Если в силу неведения допустил какие-то ошибки,
Молю могущественного Шакьямуни и другие Драгоценности
исправить их.
Если же перевел что-то верно и без ошибок,
То благодаря благословию [Трех] драгоценностей. Да не посетят меня
гордость и надменные помыслы!
- (5) Пусть в силу добродетели перевода этого Учения,
Милостынедатели, обладающие великой верой, и все мы прочие
Будем жить очень долго, без болезней и в великой радости!
Пусть направят все живые существа к вере Будды!
- (6) Пусть подобно тому, как когда-то прежде, Шарипутра, Субхути,
Хормусда-тэнгри и прочие
Произнесли благопожелание о проповеди этого Учения,
И, представ перед Буддой Шакьямуни,
Испросили и получили проповедь этой Праджняпарамиты.
- (7) Когда будда Майтрейя придет в этот мир,
Милостынедатели, обладающие великой верой, и все мы прочие,
Переродимся в его свите и также испросим у Майтрейи,
И получим проповедь этой Праджняпарамиты!
- (8) А пока не наступит то время⁴³, да будем в каждом перерождении
Обретать высшие рождения божеств и людей,
Встречаться с прекрасными учителями — знатоками Высшей колесницы
И выслушивать от них [учение] этой Праджняпарамиты!

⁴² Перевод выполнен по NMUB, [208a?]. См. примеч. 35.

⁴³ Перевод выполнен по NMUB, [208a?]. См. примеч. 39.

(9) Пусть в силу добродетелей, обретенных в многочисленных прежних
рождениях,
И благих деяний, совершенных в этом рождении,
А также в силу безошибочного благословения могущественных Трех
драгоценностей
Исполнятся все мои благопожелания!
Мангхалам.

Как отмечено в колофоне, перевод «Аштасахасрики» на монгольский был выполнен Алтангэрэл-убаши с привлечением нескольких тибетских источников по инициативе Дайцин Хун-тайджи⁴⁴ и Цаган Дара Хатун.

Другой экземпляр «Аштасахасрики» в переводе Алтангэрэл-убаши доступен автору статьи лишь в виде цифровых фотоснимков, сделанных в одном из антикварных магазинов г. Улан-Батора. По всей вероятности, в настоящее время эта рукопись хранится в одной из монгольских частных коллекций (NMUB)⁴⁵.

На титульном листе рукописи карандашом написано название сочинения по-тибетски: [1a] 'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa brgyad stong pa bzugs so // — «Святая восьмитысячная Праджняпарамита».

На л. 1b после четырехчастной молитвенной формулы (перед стандартной молитвой Трем драгоценностям добавлена строка namo' gugu bhay-a) и названия сочинения на санскрите и тибетском приведено монгольское название сочинения: qut'uγ-tu bilig-ün činadu kijayar-a kürügen naiman mingγan neret'ü: — «Святая восьмитысячная Праджняпарамита». Объем рукописи 208 л. Текст разделен на два тома, 32 главы⁴⁶. За исключением нескольких существенных разночтений⁴⁷, текст колофона на л. 207b–208a совпадает с приведенным выше⁴⁸.

Другие экземпляры перевода Алтангэрэл-убаши хранятся в библиотеке монастыря Их Дзуу (монг. Yeke juu) в г. Хух-Хото⁴⁹ и в музейно-квартире академика Ц. Дамдинсурэна в Улан-Баторе⁵⁰.

⁴⁴ О халхаских правителях, носивших имя Дайцин Хун-тайджи, см.: *Yampolskaya N. Canonicity in Translation*. P. 61–62.

⁴⁵ NMUB — Qut'uγ-tu bilig-ün činadu kijayar-a kürügen naiman mingγan neret'ü. Рук. Частная коллекция. 208 л.

⁴⁶ Археографическую характеристику рукописи см. в: *Yampolskaya N. Canonicity in Translation*. P. 62.

⁴⁷ См. выше.

⁴⁸ См. транскрипцию и перевод в: *Yampolskaya N. Canonicity in Translation*. P. 59–60.

⁴⁹ *Catalogue of Ancient Mongolian Books and Documents of China*. Beijing Library Press, 1999. Vol. I. No. 00338.

⁵⁰ В каталоге музея-квартиры колофон приведен не полностью, а лишь до строк, содержащих имя переводчика. См.: *Бильгүүдэй Г. Ц. Дамдинсүрэнгийн гэр музейн монгол номын бүртгэл*. Боть I. Улаанбаатар, 1998. № 452.

Подход Алтангэрэл-убаши к переводу «Аштасахасрики», его переводческая техника, а также отличия его текста от других переводов этой же сутры подробнейшим образом исследованы Н.В. Ямпольской⁵¹.

«Сутра Амитаюса»

«Апарамита-аюрджняна-сутру», или «Сутру Амитаюса», в Монголии также называют «детской сутрой». Содержание ее преимущественно составляет перечисление наград, полагающихся за ее почитание, наиценнейшей из которых считается долголетие. Краткое изложение (монг. *qurıyangıui*) этой сутры, как правило, читают ради обретения младенцами долгой и здоровой жизни и защиты от 15 видов духов, вызывающих 15 видов детских заболеваний⁵². Сутра включена в обе редакции монгольского Ганджура⁵³.

В фонде ИБР РАН хранится рукопись перевода этого текста, выполненного Алтангэрэл-убаши (ASIOM)⁵⁴. Это небольшая, в 17 листов, рукопись в формате ботхи⁵⁵, написанная черной тушью на русской бумаге со штемпелем слепого тиснения угличской бумажной фабрики⁵⁶. Характерной особенностью почерка рукописи является наличие диакритики у ү перед согласными и в конце слов.

На титульном листе помещается название сочинения в трапециевидной красной рамке: *qutuy-tu čaylası ügei nasun kiged belge bilig-tü-yin jirüken neretü yeke kölgен sudur orosiba::* — «Святая махаянская сутра под названием „Средоточие обладания бесконечной жизнью и мудростью“».

На л. 7а расположен колофон:

(1) [17b] *asuru süsüg-tü suvasti byıgyıči yin duraduısan-u ildara:
ayusi-yin sudur-i altan gerel ubası mongyolčılan orčiyulbai:
alı tere egün-i orčiyuluısan bičıgsen ungsıysan buyan-ıyar:
amitan urtu nasulaju ayusi-yin qutuy-i olqu boltuyai:: : ::
mangg'halam:: : ::*

⁵¹ *Yampolskaya N.* Canonicity in Translation. P. 137–139, 145, 147–177, 193.

⁵² *Wallace Vesna A.* Texts as Deities. P. 216.

⁵³ *Касьяненко З.К.* Каталог. № 319; *Ligeti L.* Catalogue. No. 367.

⁵⁴ ASIOM — *Qutuy-tu čaylası ügei nasun kiged belge bilig-tü-yin jirüken neretü yeke kölgен sudur orosiba.* Рук. Фонд ИБР РАН. 17 л.

⁵⁵ Археографическую характеристику текста см. в: *Сазыкин А.Г.* Каталог. № 2511.

⁵⁶ Сюжетная часть штемпеля состоит из герба Ярославской губернии (медведь с протазаном на гербовом щите в обрамлении гербовой мантии) с надписью «КО УГЛ ФАБ» (Компания угличской бумажной фабрики). Годы применения штемпеля — 1861–1863. См.: *Клепиков С.А.* Филигрانی и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959. С. 105. Табл. 2. № 96.

(1) По причине того, что обладающий исключительной верой Свасти
Бьигьичи увещевал,
Алтангэрэл-убаши перевел на монгольский сутру Аюши.
Пусть в силу добродетели ее перевода, переписывания и чтения
Живые существа будут жить долго и обретут милость Аюши!
Мангхалам!

Как отмечает колофон, Алтангэрэл-убаши перевел «Сутру Амитаюса» по просьбе некоего Свасти Бьигьичи (?)⁵⁷, идентифицировать которого на данный момент не представляется возможным.

Текст «Сутры Амитаюса» в переводе Алтангэрэл-убаши существенно отличается от перевода Майдари Гундинг Гуши (монг. *Mayidari günding guši*), включенного в рукописную редакцию Ганджура (ASPK)⁵⁸.

Переводы буддийских канонических сочинений, выполненные Алтангэрэл-убаши, являются редкими и ценными источниками по изучению литературного и переводческого процессов в Халхе XVII в.

Источники и литература

- ASIOM — *Qutuγ-tu čaylasi ügei nasun kiged belge bilig-tü-yin jirüken neretü yeke kölgen sudur orosiba*. Рук. Фонд ИБР РАН. 17 л.
- ASPK — *Qutuγ-du nasuda üliger ügei belge bilig-ün neretü yeke kölgen sudur*. Рук. Ганджур. Рукописный фонд Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ. Dandira, 'a, 20b–22b.
- NMNL — [*Qutuγ-tu bilig-ün činadu kijayar-a kürügsen naiman mingyan neretü*]. Рук. Т. 1–2. Национальная библиотека Монголии. 13416/97 (т. 1), 13405/97 (т. 2). 118+109 л.
- NMUB — *Qut'uy-tu bilig-ün činadu kijayar-a kürügsen naiman mingyan neret'ü*. Рук. Частная коллекция. 208 л.
- TCAT — *Qut'uy-du yekede tonilyačči jüg-üd-dür delgeregsen {gemsin} gemsin γasiyudaqui-bar nigül-i arilyačči: burqan-i бүтүгегүлүн jоqiyаčči neretü yeke kölgen sudur*. Рук. Коллекция А. Туранской (СПб.). 150 л.
- TCHZH — *Qutuγ-tu yeke tonilyačči neretü sudur orosiba*. Рук. Фонд Института языка и литературы АН Монголии. 107 л.
- TCIOM — *Qutuγ-du yekede tonilyačči jüg-üd-tür delgeregsen gemsin γasiyudaqui-bar nigül-i arilyačči: burqan-i бүтүгегүлүн jоkiyаčči neretü yeke kölgen sudur*. Рук. Фонд ИБР РАН. 27+30+24 л.
- TCKK — 'Phags pa thar pa chen po phyogs su rgyas pa'i gyod tshangs kyis sdig sbyangs te sangs rgyas su grub par rnam par bkod pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo //

⁵⁷ В колофоне имя записано как *ᠰᠠᠪᠲᠢ ᠪᠢᠶᠢᠭᠢᠴᠢ*.

⁵⁸ ASPK — *Qutuγ-du nasuda üliger ügei belge bilig-ün neretü yeke kölgen sudur*. Рук. Ганджур. Рукописный фонд Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ. Dandira, 'a, 20b–22b.

- bKa' 'gyur pe cin par ma. Woodblock Print Preserved at National Library of Mongolia. Ulaanbaatar, Mongolia. Digitally Published and Distributed by Digital Preservation Society. Mdo sna tshogs, zu, 227a/8–288b/4. Tokyo, 2010.
- ТСРК — Qutuy-tu yeke-de tonilyaγči jüg-üd-tür delgeregsen γasiyudan gemsiküi-ber kilinčes-i arilyaγad burqan bolγan бүтүгекүи тейин бүгед jokiyaysan neretü yeke kölgön sudur. Рук. Ганджур. Рукописный фонд Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ. Eldeb, na, 87a–113a.
- Бильгүүдэй Г. Ц. Дамдинсүрэнгийн гэр музейн монгол номын бүртгэл. Боть I. Улаанбаатар, 1998.
- Bilguudey G. Ts. Damdinsurengiyn ger muzeyn mongol nomyin burtgel. I bot. Ulaanbaatar, 1998.
- Дамдинсүрэн Ц. XVII зууны эхний үеийн орчуулагч Алтангэрэл увшийн тухай зарим мэдээ — Монголын уран зохиолын өв уламжлын асуудал. Шинжлэх ухааны академийн хэл зохиолын хүрээлэн, № 1. Улаанбаатар, 1987. х. 117–124.
- Damdinsuren Ts. XVII zuunyi ehniy ueiyn orchuulagch Altangerel uvshiyin tuhay zarim medee — Mongolyin uran zohiolyin ov ulamzhlyin asuudal. Shinzhleh uhaanyi akademiyn hel zohiolyin hureelen, № 1. Ulaanbaatar, 1987. х. 117–124.
- Дамдинсүрэн Ц., Цэнд Д. (ред.). Монголын уран зохиолын тойм. Т. 2. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1976.
- Damdinsuren Ts., Tsend D. (red.). Mongolyin uran zohiolyin toym. T. 2. Ulaanbaatar: Shinzhleh uhaanyi akademiyn hevlel, 1976.
- Касьяненко З.К. Каталог петербургского рукописного «Ганджура» / Сост., введ., транслит. и указатели З.К. Касьяненко. М.: Наука, 1993 (Памятники письменности Востока. СII; Bibliotheca Buddhica. XXXIX).
- Kasyanenko Z.K. Katalog peterburgskogo rukopisnogo «Gandzhura» / Sost., vved., translit. i ukazateli Z.K. Kasyanenko. M.: Nauka, 1993 (Pamyatniki pismennosti Vostoka. СII; Bibliotheca Buddhica. XXXIX).
- Клепиков С.А. Филигрانی и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959.
- Klepikov S.A. Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX vv. M.: Izd-vo Vsesoyuznoy Knizhnoy palaty, 1959.
- Нямнямгар Б. Хэл зохиолын хүрээлэнгийн монгол бичмэл дармал номын бүртгэл. Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Literarum Academiae Scientiarum Publicae Mongolici. Tom XXVIII. Fasc. 1. Улаанбаатар, 2012.
- Nyamnyagmar B. Hel zohiolyin hureelengiyn mongol bichmel darmal nomyin burtgel. Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Literarum Academiae Scientiarum Publicae Mongolici. Tom XXVIII. Fasc. 1. Ulaanbaatar, 2012.
- Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста, 1993.
- Pozdneev A.M. Ocherki byita buddiyskih monastyirey i buddiyskogo duhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniyami sего poslednego k narodu. Elista, 1993.
- Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения Российской академии наук. Т. II. М.: Восточная литература, 2001.
- Sazykin A.G. Katalog mongolskih rukopisey i ksilografov Instituta Vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk. T. II. M.: Vostochnaya literatura, 2001.
- Alekseev K., Turanskaya A. An Overview of the *Altan Kanjur* Kept at the Library of the Academy of Social Sciences of Inner Mongolia // Asiatische Studien / Études Asiatiques. LXVII (3). 2013. P. 755–782.

- Catalogue of Ancient Mongolian Books and Documents of China. Vol. I–III. Beijing Library Press, 1999.
- Hucker Ch.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Taipei, 1985.
- Kollmar-Paulenz K.* The Transmission of the Mongolian Kanjur: A Preliminary Report // *Eimer H., Germano D.* (eds). The Many Canons of Tibetan Buddhism. Leiden: Brill, 2002. P. 151–176.
- Ligeti L.* Catalogue du Kanjur Mongol Imprimé. Vol. I. Budapest, 1942 (Bibliotheca Orientalis Hungarica. III).
- Róna-Tas A.* The Mongolian Versions of the Thar-pa chen-po in Budapest // *Ligeti L.* (ed.). Mongolian Studies. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970 (Bibliotheca Orientalis Hungarica. XIV). P. 445–493.
- Serruys H.* On Some 'Editorial' Terms in the Mongol "Ganjur" // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London (1980). Vol. 43. No. 3. P. 520–531.
- Serruys H.* On Some Titles in the Mongol "Ganjur" // Monumenta Serica. (1977–1978.) Vol. 33. P. 424–430.
- Wallace Vesna A.* Texts as Deities. Mongol's Rituals of Worshipping Sūtras, and Rituals of Accomplishing Various Goals by Means of Sūtras // *Cabezón J.I.* (ed.). Tibetan Ritual. Oxford University Press, 2010. P. 207–223.
- Yampolskaya N.* Canonicity in Translation. Eight Mongolian Versions of the Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā Sutra. Dissertation Submitted at the Faculty of Humanities at the University of Bern to Obtain the Degree of Doctor of Philosophy. 2013. Vols I–II.

K.V. Alekseev

**TRANSLATIONS OF THE BUDDHIST CANONICAL WORKS
BY ALTANGEREL-UBAŠI HOUSED AT THE MANUSCRIPT COLLECTIONS
OF ST. PETERSBURG AND ULAANBAATAR**

Summary: The article is aimed to compensate for deficiency of data on the translation activity in Khalkha during the late 16th — first half of the XVIIth centuries. It deals with the versions of the Mongolian translations of the Buddhist canonical works carried out by the Khalkha translator Altangerel-ubaši (17th cent.) housed at private and public collections of St. Petersburg and Ulaanbaatar.

Key words: Mongolian literature, Buddhist canonical works, translation, Khalkha, Altangerel-ubaši.

К.М. Богданов

**КНИГИ ИЗ ХАРА-ХОТО,
НАПЕЧАТАННЫЕ ПОДВИЖНЫМ ШРИФТОМ:
КРИТЕРИИ И ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ИЗДАНИЙ
(КОЛЛЕКЦИЯ П.К. КОЗЛОВА,
ТАНГУТСКИЙ ФОНД ИВР РАН)¹**

Данная статья посвящена изданию книг при помощи подвижного, или наборного, шрифта в тангутском государстве Си Ся (982–1227). Данная тема является достаточно актуальной, так как в последние годы ряд авторитетных исследователей истории книжного дела в Си Ся высказывают уверенные предположения о значительном по своим масштабам использовании этого способа книгоиздания. В статье кратко изложены история этого изобретения, история научного изучения данной темы, а также показаны проблематика и перспективы дальнейших исследований на материале книг из Тангутского фонда ИВР РАН.

Ключевые слова: Тангутский фонд ИВР РАН, подвижной (наборный) шрифт, ксилограф, Хара-Хото.

Проблема использования тангутами подвижного шрифта (далее — п. ш.) при печатании книг и предполагаемые масштабы этого способа печати в настоящий момент приобрели новую значимость для исследований коллекции книг из Хара-Хото в собрании ИВР (Института восточных рукописей) РАН. В 30-х годах XX в. первым на применение

¹ Идея заняться данной проблематикой была подсказана автору Евгением Ивановичем Кычановым (1932–2013). Эту тему он считал крайне интересной и важной для истории книгопечатания в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Именно он предположил, что среди китайской части коллекции из Хара-Хото (фонд ТК — материалы на китайском языке из Хара-Хото, часть коллекции П.К. Козлова) могут быть обнаружены издания, напечатанные подвижным шрифтом. Работа над статьей началась еще при его жизни, и он постоянно интересовался данной темой, сам просматривал обнаруженные материалы, высказывал свое мнение и, конечно, оказывал помощь и поддержку. К сожалению, Е.И. Кычанов не успел ознакомиться с законченным вариантом статьи.

тангутами п. ш. указал китайский тангутовед Ло Фу-чан². Позднее, начиная с 1960-х годов такие исследователи тангутской письменной культуры, как Нисида Тацуо, Ван Цзин-жу, Эрик Гринстед, высказывали уверенные предположения, что тангуты печатали книги подвижным (наборным) шрифтом³. В последние годы среди китайских исследователей (Чэнь Бин-ин, и Ши Цзинь-бо), целенаправленно занимающихся данной темой, сформировалось устойчивое мнение, которое заключается в том, что тангуты равным образом издавали книги как способом ксилографической печати, так и подвижным шрифтом. Причем в отдельные исторические периоды масштабы печатания книг подвижным шрифтом, возможно, превосходили ксилографическую печать⁴. Учитывая тот факт, что коллекция тангутских книг, хранящаяся в ИВР РАН, до настоящего времени остается крупнейшей в мире, можно предположить, что примеры и масштабы этой технологии книжного производства в XI–XIII вв. в Центральной Азии могут быть исследованы на материалах Тангутского фонда ИВР РАН.

В качестве необходимого введения приведем краткие сведения по истории подвижного шрифта. Его изобрел «некий простолюдин Би Шэн»⁵ в период Цин-ли (1041–1048). Подробные описания изобретения, которое позволяло решать задачи изготовления, компоновки и раскомпоновки литер многократного употребления, содержатся в исторической хронике Шэнь Ко (1031–1096) «Записи бесед в Мэнси», «Мэн си би тань» 夢溪筆談 (1080-е годы)⁶, а также в сочинении Ван Чжэна «Книга о сельском хозяйстве», «Нун шу» 農書 (1313). Переводы этих письменных свидетельств приводятся во всех серьезных исследованиях, начиная с книг Т.Ф. Картера⁷, К.К. Флуга⁸, поэтому мы ограничимся

² Эти данные содержатся в статье китайского исследователя Чэнь Бин-ина в ежегоднике «Си Ся сюе» ([«Тангутоведение»]. Вып. 1–3. Нинся жэньмин чубаньшэ, 2006–2008). Подробное его описание содержится в обзоре (видимо, неопубликованном) Е.И. Кычанова, машинописный вариант которого он любезно предоставил для ознакомления. Данный выпуск этого альманаха также отсутствует в научной библиотеке ИВР РАН.

³ См.: Goodrich L. C. Tangut Printing. Sonderdruck aus dem Gutenberg-Jahrbuch, 1976.

⁴ В первую очередь мы имеем в виду исследования по этому вопросу Чэнь Бин-ина и Ши Цзинь-бо. См.: Shi Jinbo 史金波, Yasen Wushou'er. "Xixia he Huigu huozi yinshuashu yanjiu" 中国活字印刷术的发明和早期传播 - 西夏和回鹘活字印刷术研究 (Studies on Tangut and Uyghur Movable Print Technology). Beijing: Shehui Kexue Wenxian Chubanshe, 2002; Shi Jinbo. 史金波. Xixia Chuban Yanjiu 西夏出版研究 (Study of Publishing during the Western Xia). Yinchuan: Ningxia Renmin Chubanshe, 2004.

⁵ Флуг К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи. М.–Л., 1955. С. 60.

⁶ В 2009 г. был опубликован русский перевод избранных мест из «Записей бесед в Мэнси», в том числе описание этого изобретения. См.: Алимов И.А. Лес записей. Китайские авторские сборники X–XIII вв. в очерках и переводах. СПб., 2009. С. 328–424.

⁷ Carter T.F. The Invention of Printing in China and Its Spread Westward. N. Y., 1955. P. 211–217.

⁸ Флуг К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи. С. 57–69.

изложением основных технологических моментов данного способа печати. Литеры этого шрифта имели форму брусочков с вырезанными на торце изображениями иероглифов. Брусочки делали из глины и затем для прочности обжигали в печи. Подобранные для печатания брусочки специальной пастой (сосновая смола, воск и бумажный пепел) закрепляли в железной форме с перегородками для разделения строк. Перед использованием для печати форму нагревали, а когда паста размягчалась, поверх литер накладывали доску для выравнивания. Сделав на бумаге оттиски (обычно тушью), форму вновь нагревали, после чего набор рассыпали, а литеры использовали для набора другого текста. (Поскольку глиняные литеры не были прочными и не могли воссоздать все нюансы китайской каллиграфии, то стали применять деревянные, а позднее медные литеры.) Для каждого знака изготавливалась отдельная литера, для наиболее употребительных — несколько литер. Литеры помещались в деревянный ящик — наборную кассу — и были расположены по рифмам, которые обозначались бумажным ярлыком. Наиболее употребительные литеры держали в отдельной наборной кассе. Кассы располагались на двух вращающихся столах, в работе участвовали два наборщика: один называл номер иероглифа, другой находил литеру в наборной кассе на столе и вставлял в наборную форму. Процесс печатания благодаря этому изобретению приобрел иной уровень эффективности. В упомянутом выше сочинении «Мэн си би тань» говорится: «Если печатать три-два экземпляра, то это слишком трудоемко, а вот если несколько сотен или тысячу, то получается вполне оправданно»⁹.

С начала XV в. этот способ книгоиздания стал активно использоваться в Корее, с конца XVI в. — в Японии¹⁰. В этот поздний период, когда технология была усовершенствована, книги, напечатанные в Корее и Японии, практически неотличимы по качеству печати от лучших образцов китайских ксилографов. В Китае книгопечатание подвижным шрифтом не получило распространения — ни в момент своего изобретения, ни позже, и практически всегда, когда в синологической литературе речь идет о китайской печатной книге, то, безусловно, подразумевается ксилограф. Подвижной шрифт упоминается только как этап развития книжного дела, описываются технологические аспекты при печатании этим способом. Т.Ф. Картер в книге «Возникновение книгопечатания в Китае и его распространение на Запад» заканчивает раздел «Печатание подвижным шрифтом» следующим выводом: после долгого пути технического усовершенствования этот способ печати все-таки

⁹ Алимов И.А. Лес записей. Китайские авторские сборники X–XIII вв. в очерках и переводах. С. 388.

¹⁰ Carter T.F. The Invention of Printing. P. 223–233.

не пользовался коммерческим успехом в Китае и к XIX в. полностью уступил место старому способу печати с досок¹¹.

К.К. Флуг в своей «Истории китайской печатной книги...» тоже посвящает печати подвижным шрифтом целую главу, в которой подробно описываются этапы и технические новшества, связанные с его применением, перечисляет все известные ему китайские книги, изданные этим способом, начиная с момента изобретения вплоть до Минской эпохи¹². Главный его вывод таков: «Для Китая, пользующегося письменностью, состоящей из тысяч и даже десятков тысяч различных знаков, пользование подвижным шрифтом в связи с трудностями набора и дороговизной изготовления не представляло экономических выгод, и ксилография была гораздо выгоднее, принимая во внимание дешевизну труда резчика, материала и инструментов для книгопечатания с деревянных досок. Кроме того, для Китая, где тираж издания невелик, последний способ представлял еще то удобство, что доски могли сохраняться неопределенно долгое время, книги могли печататься при помощи их по мере надобности без единовременных больших затрат. Что касается довода о „любви китайцев к каллиграфии“, выдвигаемого некоторыми зарубежными авторами в качестве одной из причин длительного существования ксилографии, то подобные соображения эстетического порядка вряд ли могли иметь сколько-нибудь существенное значение»¹³. Таким образом, оба авторитетных исследователя делают один вывод: в Китае подвижной шрифт не смог заменить ксилографическую печать и не нашел широкого применения¹⁴.

¹¹ Ibid. P. 233.

¹² Флуг К.К. История китайской печатной книги. С. 68–69. Обратим внимание на приводимое Флугом интересное свидетельство о том, что «в Дуньхуане были найдены буддийские картины с датированными надписями, относящимися к 607 г., напечатанными подвижным шрифтом. Насколько достоверно это указание, сказать нельзя, хотя столь раннее существование подвижного шрифта кажется очень сомнительным...» (Там же. С. 61). В связи со сказанным выше заметим: Е.В. Завадская упоминает, что некоторые японские исследователи предполагали использование п. ш. при печати дхарани уже в VIII в. (Завадская Е.В. Облик буддийской книги в Японии (VI–XII вв.) // Буддизм. История и культура. М., 1989. С. 215). Хотим также обратить внимание на две гравюры с текстом из собрания ИВР РАН (фонд ТК, ТК 283, 288, 289), которые, согласно каталожным описаниям, были изданы в Дуньхуане и датируются 947 г. См.: Меньшиков Л.Н. Описание китайской части коллекции из Хара-Хото. М., 1964. С. 314–315. Сопроводительный текст к гравюрам, особенно надписи в картуше Танг 289, напечатан крупными, «неровно» расположенными знаками. Вероятнее всего, это все-таки ксилограф, однако с учетом приведенного Флугом свидетельства не следует исключать применения здесь другого способа печати.

¹³ Флуг К.К. История китайской печатной книги. С. 57–58.

¹⁴ Причем, заметим, если Флуг делает акцент на трудоемкости и дороговизне способа, отвергая такую причину, как любовь китайцев к каллиграфии, то Картер, напротив, не выражает скепсиса относительно эстетических пристрастий китайцев, которые вырезали знаки, отпечатанные на доске, так же искусно и тщательно, как наносили их кистью на бумагу.

Проблематика использования подвижного шрифта затрагивается также в исследовании Дэвида Вэй Цзэ, посвященном истории книгопечатания в Китае. Само название исследования (диссертации на получение степени доктора философии) — «Книгопечатание как фактор социальной стабильности: социальные условия издания книг в Китае в период Сунской династии»¹⁵ — определяет его главную концепцию и делает акцент на новом подходе к проблеме данного способа книгоиздания. Автор совершенно обоснованно указывает на связь между возникновением книгопечатания (в особенности печати п. ш.) и появлением нового типа ментальности в китайском обществе той эпохи, а также на последствия, которые неизбежно возникают как результат этих изменений в общественном сознании. Он приводит примеры подобных явлений в социальной и культурной жизни Европы, которые последовали за изобретением Гуттенберга начиная с XV в., проводит историческую аналогию с сунским Китаем, где издание книг было поставлено под строгий идеологический контроль в целях сохранения стабильности и традиционных этических и социальных устоев. Одной из гарантий этой стабильности было издание классических текстов способом ксилографии, который в принципе не предполагал или делал практически невозможным внесение каких-либо изменений в текст. Именно по этой главной причине ксилография вписалась в существовавшую традиционную систему и была поставлена на службу государству, тогда как столь динамичный и эффективный способ книгоиздания, как печать подвижным шрифтом, не нашел применения в Китае. По свидетельству автора этого исследования, на сегодняшний день зафиксировано не более 30 примеров использования подвижного шрифта за период, ограниченный существованием Сунской и Цинской династий¹⁶. Приведенные выше аргументы последовательно объясняют этот феномен неприятия и отторжения данного изобретения. Предположения Д. Вэй Цзэ представляются нам весьма интересными, так как они основаны на выявлении особенностей сознания определенного общества и мировосприятия данного общества в конкретный исторический период. Соседние страны, которые заимствовали все изобретения китайцев, стали использовать печать книг подвижным шрифтом. На севере — Корея, Япония (классический пример активного использования подвижного шрифта), на западе — Центральная Азия (тангуты, уйгуры), откуда книгопечатание, в том числе, возможно, и подвижным шрифтом, про-

¹⁵ *Wei Ze D. Printing as Agent of Social Stability: The Social Organization of Book Production in China during the Sung Dynasty. Simon Fraser University, 1995.* При работе над статьей использовался только доступный электронный вариант исследования: <http://Printing as an agent of social stability-Simon Fraser University>

¹⁶ *Ibid.* P. 3.

никло в Персию, арабские страны и затем в Европу. Доказано, что уйгуры использовали печать подвижным шрифтом. В 1908 г. Поль Пеллио в одной из пещер Дуньхуана обнаружил набор деревянных литер уйгурского письма, относящихся к XIII в.¹⁷ Эта находка явилась неоспоримым доказательством использования этого способа книгоиздания в Центральной Азии. Такова в общих чертах история вопроса.

Традиционно тангутская печатная книга воспринималась только как ксилограф. Возможно, это было связано с тем, что при исследовании любой близкой к Китаю и соседней с ним культуры основой всегда являлась китайская традиция. Е.И. Кычанов подчеркивал: «Исключительно китайским влиянием следует объяснить и то, что книги способом ксилографии печатали на тибетском и монгольском языках... В данном случае решающим фактором оказывалась не целесообразность, а культурное влияние»¹⁸. Соответственно, если в китайском книгопечатании практически не использовался подвижной шрифт, то этот феномен «неиспользования» переносился и на соседние страны. Как уже упоминалось, эта точка зрения изменилась во второй половине XX в. Первым в этот период на использование тангутами п. ш. обратил внимание Нисида Тацуо, который выявил издания п. ш. среди фрагментов книг, хранящихся в Киото¹⁹. Позднее, в 1972 г. Ван Цзин-жу опубликовал фрагменты из «Аватамсака-сутры»²⁰, напечатанные подвижным шрифтом. Тогда же фрагменты, напечатанные данным способом, выявил Эрик Гринстед в процессе работы над изданием тангутского перевода буддийского канона «Трипитака»²¹. В предисловии к изданию буддийского канона Гринстед кратко характеризует книжное дело в тангутском государстве, а также классифицирует по ряду признаков все типы текстов (как рукописных, так и печатных), которые использо-

¹⁷ Подобный же набор шрифтов, привезенный С.Ф. Ольденбургом, согласно некоторым свидетельствам, хранился и в Азиатском музее, однако был утрачен во время войны или раньше. См.: *Терентьев-Катанский А.П.* С Востока на Запад. М., 1990. С. 136. Между тем китайский тангустовед Чэнь Бин-ин в уже упомянутой статье в периодическом издании «Си Ся сюе» (см. примеч. 2) пишет, что до сих пор не обнаружено ни одного набора китайского подвижного шрифта. См.: *Си Ся сюе.* Ежегодник. Вып. 1–3. С. 1, 11.

¹⁸ *Кычанов Е.И.* История Тангутского государства. СПб., 2008. С. 482.

¹⁹ *Nishida T.* Seika-go no kenkyuu (A Study of the Hsi-Hsia Language). Tokyo, 1966. Vol. 2. P. 599.

²⁰ См. ссылку на это издание в: *Goodrich L.C.* Tangut Printing. P. 64.

²¹ Э. Гринстед в соавторстве с рядом исследователей работал над изданием тангутской «Трипитаки» в рамках проекта по изданию буддийских текстов, инициатором проекта был индийский ученый и общественный деятель Рагху Вира. В издание тангутской «Трипитаки» вошли копии микрофильмов с фрагментами различных списков канона на тангутском языке, хранящихся в Пекинской библиотеке и в рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР (в настоящее время — ИВР РАН).

Илл. 1

вались или были просмотрены при подготовке данного издания²². В частности, печатные издания он подразделяет следующим образом: стандартные ксилографы, «великолепные ксилографы», соответствующие лучшим китайским образцам; популярные издания, напечатанные грубо вырезанными знаками, возможно глиняным подвижным шрифтом; книги, напечатанные подвижным шрифтом в период существования Си Ся и позже; ксилографы, имитирующие издания, напечатанные п. ш.; издания, напечатанные металлическим п. ш.²³. В статье «Тангутская Трипитака: комментарии к истории исследования» Гринстед упоминает хранящееся в Пекинской библиотеке издание «Аватамсака-сутры», напечатанное подвижным шрифтом в Юаньский период, а также, по его словам, «важнейшую находку», обнаруженную во время работы над изданием «Трипитаки», — фрагмент текста «Вималакирти-нирдеша-сутры» (Танг 172²⁴, илл. 1) из книжного собрания ЛО ИВ АН (теперь ИВР РАН), напечатанный этим же способом²⁵. Что касается отече-

²² Grinstead E. The Tangut Tripitaka. New Dehli, 1973.

²³ Ibid. Pt 1. P. 4. Не ясно, на основе каких данных или свидетельств Гринстед выделяет издания п. ш., относящиеся к периоду Си Ся, и издания, отпечатанные металлическим шрифтом.

²⁴ Горбачева З.И., Кычанов Е.И. Тангутские рукописи и ксилографы. М., 1963. С. 104.

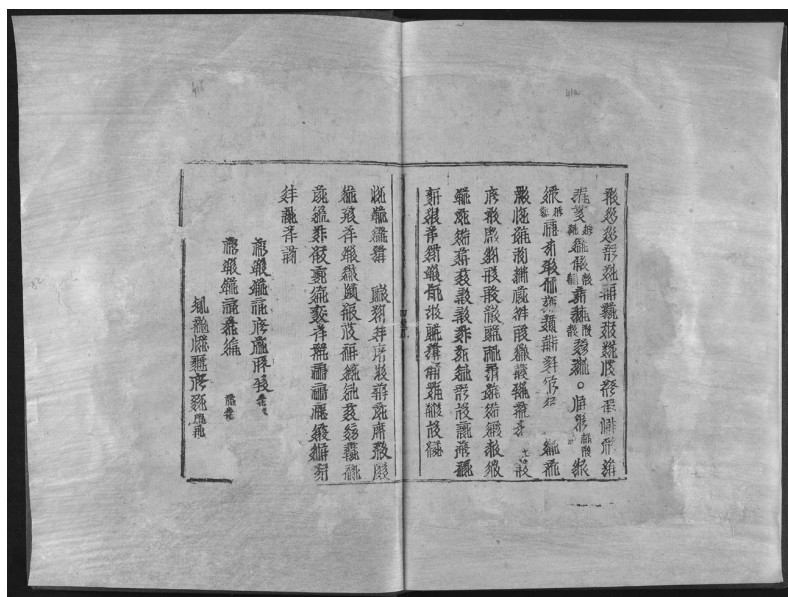
²⁵ Grinstead E. The Tangut Tripitaka, Background Notes // Sung Studies Newsletter. 6. Hong-Kong, 1972. P. 28–36. В этой же статье Гринстед приводит интересные факты: тангутский подвижной шрифт был реконструирован дважды в XX в. Один текст из Тяньцзиня был напечатан в 20-е или 30-е годы, хранится в Парижской национальной библиотеке. Второй раз тангутский подвижной шрифт был воспроизведен в 60-е годы в Японии. Тексты были изданы университетом Киото под редакцией Т. Нисиды.

Илл. 2

ственного тангутоведения, то в трудах Н.А. Невского не упоминается данный вид книгоиздания, так как в тот исторический период в поле научных исследований европейского и отечественного тангутоведения находились другие проблемы. Во второй половине XX в. в СССР непосредственно историей тангутской книги занимались Е.И. Кычанов и А.П. Терентьев-Катанский. В двух своих монографиях А.П. Терентьев-Катанский упоминает изобретение подвижного шрифта Би Шеном и утверждает, что нет никаких данных, что тангуты использовали этот способ печати при издании книг²⁶. Вместе с тем он высказывает предположение, что «одна из книг тангутской коллекции кажется напечатанной

²⁶ Терентьев-Катанский А.П. Книжное дело в государстве тангутов. М., 1981. С. 97.

Илл. 3

наборным шрифтом», и описывает внешние характеристики текста, которые, по его мнению, являются признаками этой печати²⁷ (инв. 8279, илл. 2). Е.И. Кычанов в процессе каталогизации материалов Тангутского фонда обнаружил единственный текст, который, согласно колофону, напечатан подвижным (наборным) шрифтом²⁸. Это сочинение — «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» (Танг. 27²⁹, илл. 3) — уникальный для исследования текст XII в., так как в нем документально зафиксирован способ его издания³⁰. Другим изда-

²⁷ Терентьев-Катанский А.П. С Востока на Запад. М., 1990. С. 136. Здесь следует заметить, что приведенные в описании внешние признаки печати этого фрагмента характерны для значительного количества печатных изданий из собрания Тангутского фонда.

²⁸ Подвижной шрифт на тангутском языке передается двумя знаками 𐰇𐰏 *ndi siwu* «знак /который/ живет», перевод китайских знаков 活字 *хо цзы* «живой знак», обозначающих подвижной шрифт. Транскрипция тангутских знаков дана в фонетической реконструкции М.В. Софронова. Этот вариант транскрипции использован в словаре тангутского языка Е.И. Кычанова. См.: Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь / Составитель Е.И. Кычанов. Сосоставитель С. Аракава. Киото, 2006.

²⁹ Горбачева З.И., Кычанов Е.И. Тангутские рукописи и ксилографы. М., 1963. С. 54.

³⁰ Перевод колофона и фрагментов памятника см.: Кычанов Е.И. «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» — уникальный памятник книгопечатания подвижным шрифтом // Кычанов Е.И. История Тангутского государства. С. 474–485. Кычанов также пишет, что в колофоне к рукописи Танг 101 «упоминается

Илл. 4

нием, напечатанным п. ш., является текст «О достойном поведении» (Танг 36/3³¹, илл. 4), опубликованный в 7-м томе текстов из Си Ся, изданных в Китае³². В содержании данного тома издание текста определено именно так: *хо цзы бань* 活字版 (печать «живыми» знаками, напечатан «живыми» знаками), хотя в самом тексте способ его печати не указан. Эти два текста являются документально зафиксированными изданиями п. ш. в собрании Тангутского фонда ИВР РАН³³.

Мы уже приводили гипотезы и объяснения феномена отсутствия или редкого использования п. ш. в китайской книжной культуре. Теперь

должностное лицо, ведавшее печатанием книг набором» (Там же. С. 483). До сих пор других текстов с аналогичным свидетельством о способе издания обнаружить не удалось: у подавляющего большинства текстов из Хара-Хото отсутствуют начало и конец; более того, наличие колофона не являлось необходимым условием тангутского книжного издания.

³¹ Горбачева З.И., Кычанов Е.И. Тангутские рукописи и ксилографы. М., 1963. С. 59.

³² Памятники письменности из Хара-Хото, хранящиеся в России. Т. 7. Шанхай: Древняя книга, 1997. С. 2.

³³ Возможно, тангутские тексты из китайских собраний могут содержать более полную информацию по данному вопросу, на основании чего в китайском тангутоведении, как уже упоминалось, в последнее время господствует мнение, что среди тангутских печатных текстов преобладают издания п. ш. Это точку зрения последовательно высказывает Ши Цзинь-бо в уже названных исследованиях (см. примеч. 4), подкрепляя свои доводы богатым иллюстративным материалом, на основе которого проводится сопоставительный анализ.

выскажем некоторые предположения относительно того, почему тангуты могли активно применять печать подвижным шрифтом. Возникновение тангутской письменности и появление книжного дела приблизительно совпадают со временем изобретения подвижного шрифта. Из всех описаний явствует, что ксилография было делом трудоемким и дорогостоящим, для эффективности производства требовалось, чтобы в распоряжении печатников постоянно был определенный запас досок. При этом большие тиражи не делали, так как всегда можно было быстро напечатать нужное количество с имеющихся досок. У тангутов не было традиции книгопечатного ремесла и созданных благодаря этой традиции наборов ксилографических клише, образцов для печатания книг и, главное, соответствующих профессиональных навыков. Именно поэтому большую часть тангутских ксилографов (что следует из колофонов) резали китайские мастера³⁴. Тангутское государство развивалось быстро, и это развитие было осознанно и целенаправленно: тангуты хотели в кратчайшие сроки создать государство и общество, не уступавшее по уровню развития могущественному соседу — Китаю. В этом национальном историческом контексте книгоиздание, которое находилось под патронатом императора, должно было служить целям и потребностям государства и общества в данный исторический период — необходимо было как можно быстрее перевести и распространить канонические буддийские тексты — основу религиозного восприятия создаваемого государства и общества³⁵. Что касается книгоиздания способом подвижного шрифта, то, как мы помним, при характеристике этого вида печати подчеркивалась его эффективность при издании больших тиражей в короткие сроки. Это как раз то, что было нужно правящему классу тангутского общества для осуществления культурных и социальных преобразований. Небольшое количество знаков в тангутской письменности по сравнению с китайской — известный и надежный аргумент — также укладывается в эту схему. Другой, более важный довод, который может быть приведен по аналогии с гипотезой Дэвида Вэй Цзе, заключается в том, что, в отличие от сунского Китая, полити-

³⁴ Кенинг К.Б. Резчики тангутских ксилографов // ППВ. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 193–198.

³⁵ В этом отношении можно провести аналогию с ситуацией в Корее, где с начала XV в. печать металлическим подвижным шрифтом достигла значительных масштабов. По мнению Дж. Хадсона, причина этого феномена объяснялась тем, что новая правящая династия активно стремилась внедрить китайскую книжную и культуру образования (ученость) во всех слоях корейского общества, которое в течение долгого времени испытывало подавление со стороны монголов (“had been terribly ravaged by the Mongols”). См.: Hudson G.F. Europe & China. A Survey of Their Relations from the Earliest Times to 1800. Boston: Beacon Press, 1961. P. 165.

ка тангутского государства обладала иной отправной точкой и иным вектором развития.

Обратимся теперь непосредственно к тангутским печатным книгам из собрания ИВР РАН, значительная часть которых выглядит как небрежно напечатанные издания, что достаточно странно для ксилографов сунской эпохи. Проблема выявления книг, изданных данным способом, учитывалась в процессе очередного этапа каталогизации материалов коллекции, что, в свою очередь, и заставило нас более внимательно рассмотреть значительную часть книг, которые традиционно во всех предшествующих описаниях были отождествлены как ксилографы. Надо признать, что при отсутствии сведений о способе производства книги (как правило, он может быть указан в колофоне издания) внешние признаки являются до сих пор главными, но вместе с тем весьма относительными критериями для того, чтобы признать, что данный текст напечатан подвижным шрифтом. В соответствии с внешними признаками исследуемые тексты могут быть классифицированы определенным образом. В одних случаях главным признаком явился общий внешний вид печатного текста книг, который, если смотреть с расстояния, создает ощущение расплывчатости и некоторой нечеткости. К другой категории можно отнести отчетливо напечатанные тексты, однако при внимательном рассмотрении заметно, что печатные знаки в них скошены или наклонены в одну из сторон в воображаемом квадрате, куда вписывается иероглиф, а расстояния между знаками в строке и самими строками текста на странице листа неодинаковы и непропорциональны (особенно в интервалах между знаками в одной строке: во многих случаях части знаков буквально напечатаны друг на друге). Другой существенный признак — различное количество знаков в строке. Все перечисленные признаки весьма трудно соотносить с ксилографической печатью, которую традиционно в странах Дальнего Востока воспринимали как вид искусства. В принципе все эти характеристики противоречат канонам создания рукописного текста, служившего основой для печатного издания. Если допустить, что мы сталкиваемся с феноменом, когда тангуты из соображений целесообразности отступали от канонов ксилографии, то даже при этой версии, представляя технологию изготовления ксилографов, трудно объяснить, например, неодинаковое количество знаков в строке, диспропорциональное расположение знаков, а также различие формы одного знака в разных частях текста³⁶.

³⁶ Вместе с тем один китайский исследователь в устной беседе приводил названный аргумент (разница во внешнем виде одного знака) как доказательство использования именно ксилографической печати. Поскольку основой любой печати является написанный или вырезанный текст, вероятность случайного изменения почерка присутствует в обоих случаях, но при печати с досок, на которых вырезан каллиграфический текст, этих отступлений от норм при написании теоретически быть не должно.

Таким образом, можно предположить, что эти тексты могли быть напечатаны подвижным шрифтом. Здесь возникают дополнительные вопросы. К.К. Флуг пишет, что текст, напечатанный деревянным подвижным шрифтом, нелегко отличить от ксилографа и «такие экземпляры представляют величайшую редкость»³⁷. В связи с этим уместно обратиться к классификации Гринстеда, приведенной выше, и задаться вопросом: каким образом при отсутствии данных в колофоне и при одинаковых внешних характеристиках он отличал издания–имитации печати п. ш. от подлинных изданий, отпечатанных п. ш.? Для какой цели в ту эпоху имитировались способом ксилографии издания п. ш.? Скорее всего, Гринстед полагается на свое собственное восприятие этих текстов и под «имитацией п. ш.» понимает небрежно вырезанные ксилографы. Таким образом, как мы видим, четких критериев определения текста, напечатанного наборным шрифтом, все-таки нет. Если следовать приводимой в исследованиях по этому вопросу методике выделения таких книг на основе внешних характеристик, то масштабы использования этого способа были действительно значительны. Печатные книги из Тангутского фонда ИВР РАН являются наглядным и довольно большим по объему материалом для изучения этой проблемы. С учетом внешних признаков можно было бы даже предположить, что значительная часть печатных книг в данном собрании — это книги, напечатанные подвижным шрифтом. Это всего лишь гипотеза, ее доказательством может быть только указание на способ производства книги в колофоне издания. В контексте высказанного предположения о способе книгопечатания в Си Ся заметим, что имена резчиков в колофоне издания, которые до сих пор категорично воспринимались как имена резчиков ксилографов, могут также подразумевать резчиков знаков для печати подвижным шрифтом. Сформулируем еще раз существенную для данного и возможного будущего исследования проблему: как следует характеризовать огромное количество книг, в которых внешний вид печатных знаков явно не соответствует известным строгим правилам ксилографической печати? Как нестандартный с точки зрения канонов печатного дела ксилограф или же это тип ксилографической печати, распространенный в Си Ся, далекий от установленных китайской традицией норм³⁸? Или это книги, изданные подвижным шрифтом?

³⁷ Флуг К.К. История китайской печатной книги. С. 63. Основываясь на собственном опыте работы с тангутскими печатными изданиями, считаем, что это замечание К.К. Флуга с полным правом можно отнести только к поздней печати подвижным шрифтом.

³⁸ Л.Н. Меньшиков, в частности, отмечал, что «в начале Сун ксилографию рассматривали... как способ фиксации утонченных и высочайше утвержденных текстов и что отпечатанные экземпляры оставались в императорских библиотеках, редко выходя за пределы дворцов» (Меньшиков Л.Н. Из истории китайской книги. СПб., 2005. С. 131).

В качестве варианта ответа и материала для возможных исследований данной проблемы приведем только некоторые шифры книг из Тангутского фонда, которые на основании внешних признаков предположительно можно рассматривать как книги, напечатанные подвижным шрифтом: Танг 218/258, Танг 218/272, Танг 218/413, Танг 218/414, Танг 334/2660, Танг 334/2845, Танг 173/3, Танг 66/14³⁹.

И еще в качестве заключения. На данный момент принято считать, что китайские книги, напечатанные способом подвижного шрифта, не сохранились до наших дней или представляют собой единичное явление⁴⁰. Это подтверждается во всех авторитетных изданиях середины XX в. (Картер, Флуг); в исследованиях последних лет в качестве наглядного материала публикуются иллюстрации только современных реконструкций подвижного шрифта и напечатанных с его помощью фрагментов текста⁴¹. В связи с этим печатные китайские книги, изданные в Си Ся, являются особенно интересным материалом для исследования. Правомерно предположить следующее: если тангуты печатали данным способом книги на тангутском языке, то, соответственно, они должны были аналогичным способом издавать книги на китайском языке. Выделить на основе внешних признаков текста книги из Хара-Хото, напечатанные китайскими «живыми» знаками, гипотетически возможно, но как доказать это? Среди книг фонда ТК ИВР РАН⁴² есть печатные книги, отличающиеся нестандартным качеством печати, что, как уже отмечалось, было характерно и для книг на тангутском языке. Исходя из перечисленных выше внешних признаков можно допустить, что некоторые ксилографы являются на самом деле книгами, напечатанными подвижным шрифтом. В качестве примера приведем одно издание из фонда ТК, которое привлекло внимание в контексте данной проблемы. Это цзиньский ксилограф «Синьдяо вэнь цзю цин хуа» 新雕文酒清話 (ТК 228), переведенный в каталоге Л.Н. Меньшикова как «Сборник анекдотов», датированный началом XIII в.⁴³. Это издание, несомненно, производит впечатление ксилографа, и внешние признаки

³⁹ На основе уже указанных выше внешних характеристик у нас есть основания предполагать, что в Тангутском фонде хранятся в том числе следующие издания, отпечатанные п. ш.: «Саддхармапундарики-сутра», «Махапраджняпарамита-сутра», «Махамаюривидьяраджни-сутра».

⁴⁰ В комментариях к переводу «Записей бесед в Мэнси» И.А. Алимов отмечает существование «дошедшего до наших дней» китайского текста, датированного 1103 г. и отпечатанного с помощью подвижного шрифта. См.: Алимов И.А. Лес записей. С. 389.

⁴¹ См.: Духовная культура Китая: энциклопедия. М.: Восточная литература, 2009. Т. 5. С. 291.

⁴² См. примеч. 1.

⁴³ Меньшиков Л.Н. Описание китайской части коллекции из Хара-Хото. М., 1964. С. 304.

Илл. 5

печати п. ш. не проявлены в нем характерным образом. Однако на верхнем поле листа № 11 содержится странная надпись, выполненная схематично очень неумелым или небрежным почерком (илл. 5). Надпись состоит из пяти иероглифов. Первый знак написан схематично и весьма небрежно, тем не менее мы склонны прочесть его как 活 *хо* «живой», так как второй знак — это определенно 字, *цзы* «иероглиф», третий знак — 文 *вэнь* «текст». Возможно, что следующие два знака — это иероглифы 酒 *цзю* *цин* («вино», «чистый»). Все три знака, возможно, взяты из названия сочинения, последний иероглиф названия 話 *хуа* «речь» — опущен. Таким образом, если следовать логике этой гипотезы, на полях указано, что данное сочинение напечатано «живыми» знаками, подвижным шрифтом. Выскажем еще одно предположение: знаки 新雕文 *синьдяо вэнь*, которые переводятся как «вырезанный снова/заново текст», могут быть истолкованы также как «вырезанный по-новому (т.е. новым способом. — К.Б.) текст», а надпись на полях листа является уточнением, указывающим на способ производства книги. Здесь следует упомянуть, что в колофоне текста Танг 27 про резчика говорится, что «он изготовил новые живые знаки» 夙繼罔羅彥 *ndi siwu siew thwi mie*. По правилам тангутской грамматики, слово

«новый» в постпозиции к слову «знаки» выступает в качестве его определения, но вместе с тем «новый» в препозиции к глаголу «изготовил» можно рассматривать как дополнение к нему: «изготовил снова, заново» или, может быть, «новым способом»? В этой надписи есть еще одна интересная деталь: иероглифы написаны горизонтально, слева направо. Такой способ записи иероглифов совершенно нехарактерен для китайской письменной традиции данной эпохи, он появился значительно позже. Вместе с тем на полях тангутских рукописей мы встречаем исправления или краткий комментарий в виде горизонтальной (слева направо) иероглифической записи. Таким образом, если предположить, что мастер, сделавший эту маргинальную надпись, был этническим тангутом или тибетцем, т.е. китайский язык не был его родным языком, можно объяснить как внешний, небрежный вид надписи, так и горизонтальное расположение знаков на поле страницы. Еще раз подчеркнем — приведенные доводы и заключения существуют только в области смелых гипотез, и тут мы дали волю воображению, но если это предположение вдруг подтвердится, то маргинальная надпись может быть доказательством того, что данный китайский текст Сунской династии напечатан подвижным шрифтом. Здесь возникает проблема, насколько вправе мы считать эту книгу китайской, если она была издана в таком полиэтническом и поликультурном регионе, как тангутское государство; но это не так важно для истории книгопечатания.

Библиография

- Алимов И.А. Лес записей. Китайские авторские сборники X–XIII вв. в очерках и переводах. СПб., 2009.
Alimov I.A. Les zapisey. Kitayskie avtorskie sborniki X–XIII vv. v ocherkah i per-evodah. SPb., 2009.
- Горбачева З.И., Кычанов Е.И. Тангутские рукописи и ксилографы. М., 1963.
Gorbacheva Z.I., Kychanov E.I. Tangutskie rukopisi i ksilografyi. M., 1963.
- Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 5. М.: Восточная литература, 2009.
Duhovnaya kultura Kitaya: entsiklopediya. T. 5. M.: Vostochnaya literatura, 2009.
- Завадская Е.В. Облик буддийской книги в Японии (VI–XII вв.) // Буддизм. История и культура. М., 1989.
Zavadskaya E.V. Oblik buddiyskoy knigi v Yaponii (VI–XII vv.) // Buddizm. Istoriya i kultura. M., 1989.
- Кепинг К.Б. Резчики тангутских ксилографов // ППВ. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 193–198.
Keping K.B. Rezhchiki tangutskih ksilografov // PPV. M.: Nauka, GRVL, 1975. S. 193–198.
- Кычанов Е.И. История Тангутского государства. СПб., 2008.
Kychanov E.I. Istoriya Tangutskogo gosudarstva. SPb., 2008.

- Кычанов Е.И. Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения РАН. Киото, 1999.
- Kychanov E.I. Katalog tangutskih buddiyskih pamyatnikov Instituta vostokovedeniya RAN. Kioto, 1999.
- Кычанов Е.И. «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» — уникальный памятник книгопечатания подвижным шрифтом // Кычанов Е.И. История Тангутского государства. СПб., 2008.
- Kychanov E.I. «Sobranie slov, peredavaemykh ot odnogo k drugomu v trekh pokoleniyakh» — unikalnyi pamyatnik knigopечатaniya podvizhnym shriftom // Kychanov E.I. Istoriya Tangutskogo gosudarstva. SPb., 2008.
- Меньшиков Л.Н. Описание китайской части коллекции из Хара-Хото. М., 1964.
- Menshikov L.N. Opisaniye kitayskoy chasti kolleksii iz Hara-Hoto. M., 1964.
- Меньшиков Л.Н. Из истории китайской книги. СПб., 2005.
- Menshikov L.N. Iz istorii kitayskoy knigi. SPb., 2005.
- Памятники письменности из Хара-Хото, хранящиеся в России. Т. 7. Шанхай: Древняя книга, 1997.
- Pamyatniki pismennosti iz Hara-Hoto, hranyaschiesya v Rossii. T. 7. Shanhay: Drevnyaya kniga, 1997.
- Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь / Составитель Е.И. Кычанов. Составитель С. Аракава. Киото, 2006.
- Slovar tangutskogo (Si Sya) yazyika. Tangutsko-russko-anglo-kitayskiy slovar / Sostavitel E.I. Kychanov. Sosostavitel S. Arakava. Kioto, 2006.
- Терентьев-Катанский А.П. Книжное дело в государстве тангутов. М., 1981.
- Terentev-Katanskiy A.P. Knizhnoye delo v gosudarstve tangutov. M., 1981.
- Терентьев-Катанский А.П. С Востока на Запад. М., 1990.
- Terentev-Katanskiy A.P. S Vostoka na Zapad. M., 1990.
- Флуг К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи. М.—Л., 1955.
- Flug K.K. Istoriya kitayskoy pechatnoy knigi sunskoy epohi. M.—L., 1955.
- Carter T.F. The Invention of Printing in China and Its Spread Westward. N. Y., 1955. P. 211–217.
- Goodrich L.C. Tangut Printing. Sonderdruck aus dem Gutenberg-Jahrbuch, 1976.
- Grinstead E. The Tangut Tripitaka. New Dehli, 1973.
- Grinstead E. The Tangut Tripitaka, Background Notes // Sung Studies Newsletter. 6. Hong-Kong, 1972. P. 28–36.
- Nishida T. Seika-go no kenkyuu (A Study of the Hsi-Hsia Language). In 2 vols. Tokyo, 1964–1966.
- Hudson G.F. Europe & China. A Survey of Their Relations from the Earliest Times to 1800. Boston: Beacon Press, 1961.
- Wei Ze D. Printing as Agent of Social Stability: The Social Organization of Book Production in China during the Sung Dynasty. Simon Fraser University, 1995. Электронный вариант исследования: <http://> Printing as an agent of social stability—Simon Fraser University

K.M. Bogdanov

**MOVABLE-TYPE PRINTED BOOKS FROM KHARA-KHOTO:
CRITERIA AND PROBLEMS RELATED
TO THE SEARCH OF THESE EDITIONS
(P.K. KOZLOV COLLECTION, IOM RAS TANGUT COLLECTION)**

Summary: This article's subject is the use of movable type printing in book publishing in the Tangut State Xi Xia (982–1227). This subject is interesting because in the last years many noted experts in this field consider this way of book printing to be the most widespread in the Xi Xia State. We offer a brief history of this invention, a history of its modern research and also describe the problems, difficulties and prospects of further research of this interesting aspect of ancient book history in the article. The richest and biggest Tangut book collection stored at IOM RAS is a basis for the writing of this short study.

Key words: IOM RAS Tangut books collection, moveable type printing, woodblock printing, Khara-Khoto.

С.Л. Бурмистров

**ГИМН ШАНКАРЫ «ДАШАШЛОКИ»
И РУКОПИСЬ DAŚAŚLOKĪVEDĀNTA
ИЗ ИНДИЙСКОГО ФОНДА ИВР РАН**

В статье даны транслитерация и комментированный перевод двух гимнов Шиве — «Дашашлоки» Шанкары и Daśaślokīvedānta из «Нандикешвара-пураны», содержащегося в рукописи V, 9c (Ind. 43) из Индийского фонда Института восточных рукописей РАН.

Ключевые слова: Шива, Шанкара, Daśaślokī, веданта, индуистские гимны, пураны.

Гимн «Дашашлоки» (Daśaślokī) Шанкары, обращенный к Шиве, хорошо известен специалистам по религиозной философии веданты. Впервые он был опубликован, насколько мне удалось выяснить, еще в 1910 г. в т. 15 полного собрания сочинений Шанкары¹, и санскритский текст его вместе с переводом на английский язык можно найти в сети интернет². Текст невелик, но интересен в силу того значения, которое придавали ему представители адвайты: так, Мадхусудана Сарасвати (XVI в.) написал на него комментарий Siddhāntabindu³.

В Индийском фонде Института восточных рукописей РАН хранятся две тождественные по содержанию рукописи, именуемые Daśaślokīvedānta. Этот текст, однако, совершенно отличается от текста Шанкары, хотя тоже представляет собой восхваление Шивы. Т.К. Посова и

¹ The Works of Sri Sankaracharya. Srirangam: Sri Vani Vilas Press, 1910. Vol. 15. P. 97–99.

² Daśaślokī vedānta evaṃ nirvāṇadaśakaṃ Śaṅkarācāryaviracitam // Sanskrit Documents Collection [Электронный ресурс]. URL: http://sanskritdocuments.org/all_pdf/dashashl.pdf, 10.03.2013.

³ Potter K.H. Daśaślokī // Encyclopedia of Indian Philosophies / Ed. by K.H. Potter. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 1981. P. 333–334.

К.Л. Чижилова в своем «Кратком каталоге...» указывают, что это раздел из «Нандикешвара-пураны», а сами рукописи выполнены в конце XVIII в. (во всяком случае, в колофоне одной из них — под шифром V, 9с (Ind. 43) — указан 1834 год эры самват, соответствующий 1778 г.)⁴. Первая из них — та, что хранится под шифром V, 9с (Ind. 43), — содержит четыре листа, из которых *Daśaślokīvedānta* занимает л. 1–2а; также она содержит тексты *Rudrākṣamāhātmya* из «Нандикешвара-пураны» и *Śrīmaddattopaniṣad*. Рукопись выполнена на листах бумаги светло-кремового цвета, с заметной сеткой верже, размером 24×12,5 см, поля сверху и снизу 22 мм, слева 30 мм, справа 35 мм, при этом боковые поля отчеркнуты двумя тонкими черными двойными линиями, пространство между которыми (шириной ок. 2 мм) закрашено киноварью. Текст написан черными чернилами и киноварью (знаки *dvidanḍa* и некоторые акшары в колофоне), на странице уместается 13 строк по 35–40 акшар в каждой. Почерк крупный и ясный, высота акшар ок. 4 мм. На сторонах *verso* сверху слева написано сокращенное название текста — *ve.da.*, а под ним — номер листа, помещенный между двумя знаками *dvidanḍa*; снизу справа — *gāṭa* (возможно, имя или часть имени переписчика) и под ним — номер листа (также между знаками *dvidanḍa*).

Рукопись под шифром V, 9b (Ind. 6) состоит из трех листов и содержит *Daśaślokīvedānta* (л. 1–3а) и 12 стихов из *Śrīmaddattopaniṣad*. Она выполнена на более тонкой, чем предыдущая, бумаге, на которой сетка верже не просматривается. Листы имеют размер 23×12 см, поля со всех сторон одинаковой ширины — 25 мм. Текст написан черными чернилами и киноварью (знаки *dvidanḍa*), почерк крупный и разборчивый, высота акшар ок. 5 мм, на странице уместается 9 строк по 30–35 акшар. На сторонах *verso* сверху слева сокращенное название текста — *ve.da.*, под ним номер листа; снизу справа только номер листа. В отличие от предыдущей рукописи они не окружены знаками *dvidanḍa* и на рукописи не указано имя переписчика.

Транслитерация и перевод гимна Шанкары выполнены по указанному изданию. Хотя этот текст и опубликован, я посчитал необходимым привести здесь также санскритский текст, ибо комментарии требуют порой непосредственного обращения к нему — для более полного уяснения смысла ряда ключевых терминов, использующихся в этом гимне. Из рукописей для транслитерации выбрана первая — V, 9с (Ind. 43). В транслитерации этой рукописи **жирным шрифтом** выделены те части, которые в оригинале написаны киноварью.

⁴ Пособа Т.К., Чижилова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М.: Восточная литература, 1999. С. 60–61.

Шанкара. Daśaśloki

Транслитерация и перевод

Na bhūmirna toyam na tejo na vāyuh na kham nendriyam vā na teṣāṃ
samūhaḥ | anekāntikatvāt suṣuptyekasiddhaḥ tadeko 'vaśiṣṭaḥ śivaḥ
kevaloham || 1 ||

[Я] не есть ни земля, ни вода, ни огонь, ни ветер, ни пространство, ни органы [восприятия либо действия], ни их сочетание, ибо [все они] неопределенны. [Я могу быть] постигнут только в состоянии глубокого сна без сновидений. Я — единственное, что остается, [если устранить их все, Я], милостивый и освобожденный.

Комментарий

Примечательно, что уже здесь использовано слово śiva, которое, как известно, является именем одного из главных божеств индуистского пантеона, причем божества, чьим воплощением считается сам Шанкара⁵. Насколько можно судить, Шанкара позволяет себе здесь многозначительную игру слов, отсылающую читателя не только к свойству божества, но и указывающую на то, какое конкретно это божество. Достойно внимания также слово kham, которое я перевожу как «пространство». Следует пояснить, что в санскрите есть и другие слова, которые в той или иной степени эквивалентны русскому «пространство»: это dig, обозначающее простое физическое пространство или стороны света, и ākāśa, представляющее собой скорее «пространство психического опыта» (во всяком случае, именно так оно понимается, например, в буддизме)⁶. Kham же имеет такое семантическое поле: «cavity, hollow, cave, cavern, aperture; an aperture of the human body (of which there are nine, viz. the mouth, the two ears, the two eyes, the two nostrils, and the organs of excretion and generation); (hence) an organ of sense; the hole in the nave of a wheel through which the axis runs; vacuity, empty space, air, ether, sky; heaven; *Brahma (the Supreme Spirit)* (курсив мой. — С.Б.); a city; a field; happiness (a meaning derived — sukha, duḥkha)»⁷. По существу, отрицается за истинным Я также и его тождество с Брахмой как

⁵ Пименов А.В. Возвращение к дхарме. М.: Наталис, 1998. С. 362.

⁶ Рудой В.И., Островская Е.П. Буддийская картина мира в традиции постканонической Абхидхармы // Категории буддийской культуры / Под ред. Е.П. Островской. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. С. 24.

⁷ Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages. Delhi: Motilal Banarsidass, 1899. P. 334.

божеством, ибо, насколько можно понять, kham означает, помимо прочего, именно *личностное божество* Брахму, а не Брахмана как безличное начало мира, — в противном случае для адвайтиста невозможно было бы отрицать тождество Брахмана и истинного Я.

Транслитерация и перевод

Na varṇa navarṇāśramācāradharmā na me dhāraṇādhyānayogādayopi |
anātmāśrayāhammamādhyāsahānāt tadeko 'vaśiṣṭaḥ śivaḥ kevaloham ||
2 ||

[Я] не [имею отношения] ни к варнам, ни к стадиям жизни [и связанным с ними] законам, [я] не [имею нужды в] сосредоточении, медитации, йоге и т.д. [Я] устранил омрачения, [связанные с представлениями] «я» и «мое», [которые служат] основанием для [всего, что] не есть Я, поэтому Я — единственное, что остается, [если устранить их все, Я], милостивый и освобожденный.

Комментарий

Истинное Я не затрагивается ни принадлежностью к варне, ни положением на том традиционном жизненном пути, который описывается системой var āśrama-dharma. В соответствии с этой системой каждый человек проходит (или, по крайней мере, должен пройти) четыре стадии — brahmācārin, gr̥hastha, vanaprastha, saṃnyāsin. Атман свободен от всех социальных предписаний, которые должен выполнять человек, и в этом отношении к раскрытию Атмана более всего приближается санньясин, который вообще, в восприятии носителей традиционной индийской культуры, пребывает уже за пределами мира живых. Именно по этой причине «Вишну-смрити» предписывает ему, в частности: «Пусть принимает милостыню после того, как совершавшие трапезу поели и посуда убрана»⁸, а переводчик в пояснении к этому фрагменту пишет, что «подобное предписание связано с особой сакральной значимостью трапезы и остатков пищи. Отшельник считается умершим для мирской жизни и не может быть сотрапезником живых. Он уже принадлежит потустороннему миру, и ему подают так же, как, например, птицам, которые ассоциируются с предками-питарами»⁹. Истинный же Атман, естественно, не затрагивается даже теми правилами, которые предписаны санньясину, ибо истинное Я выше вообще любых законов и правил, действующих лишь в эмпирическом мире.

⁸ Вишну-смрити / Пер. с санскр., предисл., коммент. и приложения Н.А. Корнеевой. М.: Восточная литература, 2007 (Памятники письменности Востока. СXXXII). С. 193.

⁹ Там же. С. 282.

Транслитерация и перевод

Na mātā pitā vā na devā na lokā na vedā na yajñā na tīrtha bruvanti |
susuptau nirastātīśūnyātmakatvāt tadeko ‘vaśiṣṭaḥ śivaḥ kevaloham ||
3 ||

Нет ни матерей, ни отцов, ни богов, ни миров, нет ни Вед, ни жертвоприношений — [так] говорят [мудрецы]. В состоянии глубокого сна [все это предстает как] ничто, [как] совершенно пустое по своей сути, поэтому Я — единственное, что остается, [Я], милостивый и освобожденный.

Комментарий

Здесь Шанкара (если именно его считать автором гимна) развивает высказанную в предыдущей строфе мысль — для человека, познавшего Атман, нет уже нужды ни в каких общепринятых социальных и религиозных практиках, он не связан ни родственными узами, ни обязанностью совершать ритуалы. Обращает на себя внимание и использование Шанкарой термина śūnya (atīśūnyātmaka — «совершенно пустой по природе»), более обычного в философских текстах буддийской школы шуньявада. Существует достойное внимания мнение, что в основных положениях адвайта и буддизм Махаяны совпадают¹⁰. При всем своем радикализме это мнение имеет под собой по крайней мере некоторые основания: так, предтеча Шанкары Гаудапада в комментарии на «Мандукья-упанишаду» пишет, например, что «все дхармы свободны от омрачений и по природе своей чисты» — *alabdhāvaraṇāḥ sarve dharmāḥ prakṛtīnirmalāḥ* (MandUpK IV.98)¹¹. Впрочем, утверждение оппонентов Шанкары, будто бы он — всего лишь *pracchanna bauddha* («скрытый буддист»), вряд ли может быть названо справедливым: при всех сходствах между адвайтой и рядом течений буддизма основное положение философии Шанкары и его последователей — тождество индивидуального Я и божественного Я — естественно, буддизмом не могло быть принято. Шанкара ассимилировал некоторые взгляды своих предшественников и противников, адаптируя их к собственной философии¹², и неудивительно поэтому, что какими-то терминами и представлениями мог воспользоваться сам, переосмыслив их в адвайтистском духе.

¹⁰ Исаева Н.В. Шанкара и индийская философия. М.: Наука, 1991. С. 9.

¹¹ Gauḍapāda-kārikā / Ed. and transl. by R.D. Karmarkar. Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1953. P. 56.

¹² Исаева Н.В. Шанкара и индийская философия. С. 8.

Транслитерация и перевод

Na sām̐khyam̐ na śaivam̐ na tatpāñcarātram̐ na jainam̐ na mīmāṃ-
sakadermātam̐ vā | viśiṣṭānubhūtyā viśuddhātmakatvāt tadeko ‘vaśiṣṭaḥ
śivaḥ kevaloham || 4 ||

Нет ни санкхьи, ни [школы] шайва, ни панчататры, ни джайнов, ни мимансаков, ни воззрений прочих [школ]. [Если] специфические черты постигнуты, то [благодаря тому, что моя] истинная природа чиста, [открывается, что] Я — единственное, что остается, [Я], милостивый и освобожденный.

Комментарий

Учения всех школ в той или иной степени ложны. Однако относительно того, почему Шанкара утверждает это, остается только строить догадки. Можно допустить, что автор указывает на ложность учений всех школ, которые не в состоянии вместить в себя Истину, в полной мере схваченную лишь в адвайте. Вместе с тем известно, что высшая Истина, согласно адвайте (и не только ей, но и, например, махаянским буддийским школам), не может быть выражена словами и вообще какими бы то ни было концептуальными построениями — она anīrvacanīya. Поэтому ложными оказываются все учения, которые, естественно, не могут обойтись совсем без слов, а значит, и без концептуальных построений, всегда в той или иной мере омрачающих Истину. В принципе, оба толкования применимы к этой строфе.

Нет смысла, думается, говорить об учениях тех школ, которые автор гимна считает бессильными выразить полноту Истины, — о санкхье, джайнизме и мимансе можно прочесть в любой обзорной работе по индийской философии. В шиваизме, как видно уже из названия, Высшая Реальность понимается как личностное божество — Шива. При всех различиях между разными направлениями шиваизма в них есть общее ядро. «Мир эманерирует из абсолютной, „бездонной“ сущности Бога в серии последовательных ступеней, и это происходит благодаря божественной энергии Шакти — неотъемлемой женской ипостаси Шивы, его динамичного принципа. Возникнув из небытия по воле Абсолюта, мир управляется законом кармы, которой подвластны все существа, кроме Шивы. Очень часто высший Бог в шиваизме понимается в смысле недвойственного Сознания»¹³. Согласно школе панчататра, души изначально нечисты и только бог способен очистить их в колесе

¹³ Пахомов С.В. Шиваизм // Индийская философия: Энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Восточная литература; Академический проект; Гаудеамус, 2009. С. 866.

перерождений, но так как все души, естественно, разные, то и скорость этого очищения и, соответственно, перспективы освобождения из сансары у всех различны¹⁴.

Интерпретация термина *viśiṣṭa* представляет известные затруднения. Возможно, имеются в виду те отличия, которыми характеризуется истинное *Я* и которые отделяют его от эмпирического мира и эмпирического *я*.

Транслитерация и перевод

Na cordhva na cādhō na cāntarna bahyaṃ na madhyaṃ na tīryaṃ na
pūrvāparā dik | viyadvyāpakatvādakhaṃdaikarūpaḥ tadeko 'vaśiṣṭaḥ
śivaḥ kevaloham || 5 ||

[Это истинное *Я*] не сверху, не снизу, не внутри, не вовне, не посередине, не между [другими предметами], не впереди и не позади. [Оно], пронизывающее [все сущее, подобно] пространству, едино и неделимо, *Я* — единственное, что остается, [*Я*], милостивый и освобожденный.

Комментарий

Насколько можно судить, здесь перечисляются те *viśi ā*, о которых говорилось в предыдущей строфе. Понятия, в том числе и те, что касаются пространственных отношений, сами по себе ложны — истинно существует лишь Атман, благодаря ему и становятся возможными различные пространственные отношения, поэтому к Атману все эти пространственные категории неприменимы.

Транслитерация и перевод

Na śuklaṃ na kṛṣṇaṃ na raktaṃ na pītaṃ na kubjaṃ na pīṇaṃ na
hrasvaṃ na dīrghaṃ | arūpaṃ tathā jyotirākāratvāt tadeko 'vaśiṣṭaḥ
śivaḥ kevaloham || 6 ||

[Истинное *Я*] не белое, не черное, не красное и не желтое, не горбатое, не тучное, не короткое и не длинное, [оно] не имеет формы и представляет собой поэтому [лишь свет], *Я* — единственное, что остается, [*Я*], милостивый и освобожденный.

Комментарий

Истинное *Я* не имеет никаких телесных характеристик. Примечательно здесь, однако, то, о каких цветах говорит Шанкара, описывая Атман. В «Ваджрасучика-упанишаде», переведенной А.Я. Сыркиным,

¹⁴ Dasgupta S.N. A History of Indian Philosophy. Vol. V. Cambridge: Cambridge University Press, 1962. P. 118.

и в ее более полной версии — «Апта-ваджрасучи-упанишаде»¹⁵ ставится вопрос о том, кто является истинным брахманом. В «Ваджрасучика-упанишаде» говорится об этом, в частности, следующее: «...брахман [представляется существом] белого цвета, кшатрий — красного цвета, вайшья — желтого цвета, шудра — черного цвета»¹⁶. В примечании к этому довольно неясному на первый взгляд фрагменту переводчик пишет, что данная цветовая символика связана, возможно, с какими-то этническими различиями¹⁷. Однако такое объяснение не кажется разумным. В самом деле, вряд ли можно более или менее однозначно соотнести варны с какими-то этносами или расовыми группами — не так уж велики среди индийцев различия по этому признаку. Маловероятным кажется также, что названные цветовые различия зависели от, например, преобладающих цветов одежды каких-то этнических групп. Более разумно будет объяснять эту цветовую символику через учение о гунах — элементах первичной субстанции (*prakṛti*) в философии санкхьи. Гун, как известно, насчитывается три — *sattva*, *rajas* и *tamas*, причем каждая из них связана с определенными психологическими состояниями и эмоциями: *sattva* — с легкостью и радостью, *rajas* — с возбуждением и болью, *tamas* — с помраченностью ума, ленью и инертностью¹⁸. Еще в ведийскую эпоху арьями выделялись три основных цвета — белый, красный и черный, сопоставлявшиеся соответственно с водой, огнем и землей¹⁹. Так как, согласно санкхье, все сущее состоит в конечном счете из трех гун в определенном соотношении, поэтому и цвет предмета зависит от них — точнее, от того, в каких отношениях друг к другу пребывают они в этом предмете. Так, если преобладает *tamas*, на втором месте находится *rajas*, а гуна *sattva* подавлена, такой предмет будет черным; сочетание «*rajas-sattva-tamas*» дает красный цвет, «*sattva-tamas-rajas*» желтый, а «*sattva-rajas-tamas*» — белый²⁰. Отсюда становится ясно, почему варнам приписываются именно такие цвета: шудры, согласно этой символике, невежественны, пассивны и подвержены страстям, ибо в них преобладает *tamas*, поддерживаемый гуной *rajas*; в вайшьях преобладает *sattva*, ограничиваемая,

¹⁵ «Апта-ваджрасучи-упанишада» («Полная упанишада об Алмазной игле») / Предисл., транслитерация, пер. с санскр. и коммент. С.Л. Бурмистрова // Письменные памятники Востока. 2013. № 1 (18). С. 65–78.

¹⁶ Упанишады / Пер. с санскр., исслед., коммент. и приложение А.Я. Сыркина. Изд. 2-е, доп. М.: Восточная литература, 2000. С. [639].

¹⁷ Там же. С. [742].

¹⁸ *Glaser H. Der Hinduismus: Religion und Gesellschaft im heutigen Indien*. München: Kurt Wolff Verlag, 1922. S. 227.

¹⁹ *Dasgupta S.N. A History of Indian Philosophy*. Vol. I. P. 22.

²⁰ *Garbe R. Die Sāmkhya-Philosophie: eine Darstellung der indischen Rationalismus*. Lpz.: Verlag von H. Haessel, 1894. S. 217.

однако, *tamas*’ом, поэтому они — по крайней мере в идеале — праведны, но пассивны; в кшатриях преобладает *rajas*, его поддерживает *sattva*; в брахманах же доминирует *sattva*, поддерживаемая *rajas*’ом. Иными словами, определенные сочетания гун дают не только те или иные цвета, но и соответствуют определенным сочетаниям нравственных качеств: например, праведность (*sattva*), ограничиваемая инертностью (*tamas*), делает человека добродетельным, но не склонным отдавать все силы религиозной практике и ограничивающимся в своем личном развитии лишь требованиями общепринятой морали.

Таким образом, в приведенной строфе речь идет, по существу, о том, что Атман (истинное Я) свободен и от гун, к которым он не имеет отношения и которыми не связан, и — поэтому — от каких бы то ни было ограничений, обусловленных варновой принадлежностью. К варне может принадлежать лишь эмпирическая личность, Атман же выше всего этого. О том же самом говорится и в упомянутых двух упанишадах, где проводится мысль, что истинный брахман (*brāhmaṇa*) — это не тот, кто родился в соответствующей варне, или совершает все предписанные ритуалы, или отличается особой набожностью и т.п., а тот, кто познал Атман.

Транслитерация и перевод

Na śāstā naśāstraṃ naśiṣyo na śikṣā na ca tvaṃ na cāhaṃ na cāyaṃ
prapañcaḥ | svarūpābodbodhvikalpāsaḥiṣṇuḥ tadeko ‘vaśiṣṭaḥ śivaḥ
kevaloham || 7 ||

[Истинное Я] — не учитель и не учение, не ученик и не наука, [оно] — не «ты», не «я» и не этот мир. Познавание своей истинной природы несовместимо с различающим мышлением, [которое препятствует постижению] Я — единственного, что остается, милостивого и освобожденного.

Комментарий

Vikalpa (различающее мышление) Н.А. Канаева определяет так: это «все формы и все операции мышления и их результат — знания, полученные с помощью мышления», а также «собирательное имя для трех законов мышления: противоречия, тождества и причинности. Знание, полученное в результате деятельности мышления и отличное от восприятия как чистой чувственности, буддисты называют „простой кажимостью“, мыслительной конструкцией, ибо мир вещей и мир мышления никак друг с другом не связаны: мышление конструирует образ вещей по своим собственным законам, и эти образы не соответствуют

ничему в реальности»²¹. Таким образом, то истинное Я, о котором пишет в своем гимне Шанкара, лежит за пределами всякого возможного концептуального познания, оно не может быть познано подобно всем прочим объектам, ибо вообще не может быть объектом. Если учесть, что *vikalpa* тождественно *kalpanā*²², а это последнее как термин, используемый в буддийской философии, означает «мысленное конструирование, лежащее в основании любого концептуального, вербального и какого-либо иного упорядочивания внутреннего содержания опыта»²³, то познание Атмана требует прекращения этого конструирования и вообще отказа от мышления в общепринятом смысле этого слова.

Транслитерация и перевод

Na jāgran na me svapnako vā suṣuptiḥ na viśvau na vā taijasaḥ
prājñako vā | avidyātmakatvāt trayāṇaṃ turīyaḥ tadeko 'vaśiṣṭaḥ śivaḥ
kevaloham || 8 ||

Я — не [состояние] бодрствования, не сон со сновидениями и не глубокий сон, не Вишва, не Тайджаса и не Праджня, ибо [все эти] три [состояния] суть [лишь] неведение. Я — единственное, что остается, [Я], милостивый и освобожденный.

Комментарий

Этот фрагмент достоин специального внимания, ибо в нем автор отрицает существование трех «стоп Атмана», о которых говорит «Мандукья-упанишада». В ней сказано, что Атман имеет четыре стопы:

«[Находящаяся в] состоянии бодрствования, познающая внешнее, из семи членов, из девятнадцати ртов, вкушающая грубое, *вайшванара* — [вот] первая стопа.

[Находящаяся в] состоянии сна, познающая внутреннее, из семи членов, из девятнадцати ртов, вкушающая тонкое, *тайджаса* — [вот] вторая стопа.

Когда уснувший не имеет никакого желания, не видит никакого сна — это глубокий сон. [Находящаяся в] состоянии глубокого сна, ставшая единой, пронизанная лишь познанием, состоящая из блаженства, вкушающая блаженство, чье лицо — мысль, *праджня* — [вот] третья стопа»²⁴.

²¹ Канаева Н.А. Викальпа // Индийская философия: Энциклопедия. С. 272–273.

²² Там же. С. 272.

²³ Лысенко В.Г. Кальпана // Индийская философия: Энциклопедия. С. 431.

²⁴ Упанишады. С. [637].

Эти три стопы соответствуют трем звукам, составляющим священный слог *om*, который образуется из трех фонем — *a*, *u*, *m*: звук *a* соответствует *vaiśvānara*, *u* — *taijasa*, *m* — *prājña*. Четвертое состояние не имеет частей и невыразимо, оно — «растворение проявленного мира»²⁵. Только о первых трех стопах можно сказать что-то положительное, четвертая же лежит за пределами всякого возможного субъект-объектного познания. В принципе, первые три стопы можно соотнести с тремя гунами: *vaiśvānara* — *taṃas*, *taijasa* — *rajas*, *prājña* — *sattva*, помня о том, что каждой из них соответствует и своя варна (вайшьи, кшатрии, брахманы, соответственно). При этом благодаря стопе *vaiśvānara* постигается грубо-материальная реальность (*mahābhūta*), благодаря стопе *taijasa* — тонкая материя (то, что в санхье называется *tanmātra*), о *prājña* же можно сказать положительное лишь то, что это чистая *ānanda*, «блаженство». О четвертой стопе, как уже сказано, говорить что-либо положительное невозможно, однако именно четвертая стопа и есть истинное *Я*. Гаудапада в комментарии на «Мандукья-упанишаду» пишет, что посредством звука *a* достигается *viśva* (т.е. *vaiśvānara*), посредством звука *u* — *taijasa*, посредством *m* — *prājña*, а то, что не имеет соответствий в составе этого священного слога, не может быть достигнуто: *nāmātre vidyate gatih*²⁶.

Транслитерация и перевод

Api vyāpakatvāt hitatvaprayogāt svataḥ siddhabhāvādananyāśrayatvāt |
jagat tucchametad samastam tadanyat tadeko 'vaśiṣṭaḥ śivaḥ kevaloham || 9 ||

Мир пуст, а иное, [чем мир], совершенно, ибо [оно] пронизывает всё, подтверждается как реальное, не нуждается в доказательствах и в опоре на иное, [чем оно само], поэтому *Я* — единственное, что остается, [*Я*], милостивый и освобожденный.

Комментарий

Речь идет о совершенной несвязанности Атмана с реальным миром. Атман не нуждается для подтверждения своего существования ни в чем, ибо, как гласят и многие другие тексты веданты, самоочевиден (*svayaṃprakāśika*). Поэтому Шанкара и называет его *svataḥ siddha* — «постигаемый самостоятельно», т.е. независимо от каких бы то ни было свидетельств и без каких бы то ни было доказательств.

²⁵ Там же. С. [638].

²⁶ Gauḍapāda-kārikā. P. 8.

Транслитерация и перевод

Na caikaṃ tadanyat dvitīyaṃ kutaḥ syāt na kevalatvaṃ na cākevalatvam | na śūnyaṃ na cāśūnyamadvaitakatvāt kathaṃ sarvavedāntasiddhaṃ bravīmi || 10 ||

Оно не одно, ибо как может существовать другое, отличное от него? [Ему не свойственна] ни абсолютность, ни не-абсолютность, ни пустота, ни не-пустота [по причине его] недвойственности. Как [иначе] я [могу] говорить [о том, что] установлено всеми [писаниями] упанишад?

Комментарий

Атмана, строго говоря, нельзя называть даже единым, ибо, по мысли Шанкары, высказанной здесь, о едином можно говорить тогда, когда есть отличное от него многое, а об абсолютном (kevala) — когда есть нечто не-абсолютное. Но поскольку Атман — единственное, что поистине существует, а значит, нет ничего, от чего он мог бы отличаться, то о нем, естественно, нельзя говорить как о едином или не-едином и т.п.

Daśaślokaśloka.
Рукопись V, 9c (Ind. 43)

Транслитерация и перевод

śrīgaṇeśāyanamaḥ || omkāre ādirūpesukṛtavahavidhesvetayītecakṛṣṇa ||
nīlaraktekapotetaduparirahitesarvavarṇevivarṇe || prāṇāpānesamāne-
viparitakarāṇejñānavijñānapīṭhe ekovyāpīśivoham itivadatiharināsti-
devodvītīyaḥ || 1 ||

Поклонение Ганеше. В [слоге] om, [который представляет собой] изначальную форму, [пребываешь ты], Кришна, со всевозможными твоими благими деяниями, среди синих, красных, серых и свободных от какого-либо цвета, среди [тех, которые имеют] цвет, и бесцветных, в пране, апане, самане [и в том, что] действует противоположным [образом]. [Ты пребываешь] на троне знания и сознания [как тот, кто] мыслит, [ты] один пронизываешь [это все]. «Я есмь Шива», — так говорит Хари, [и] нет второго бога, [кроме него].

Комментарий

Как видно из первого стиха гимна, Кришна (отождествляемый с Хари и Шивой) представляется как единственное божество, пребывающее во

всем и пронизывающее все сущее. Обращает на себя внимание то, что в стихе говорится о цветах. К сожалению, не вполне понятно, что именно имеется в виду под «синими, красными, серыми и бесцветными», хотя нельзя исключить, что здесь перед нами отсылка в том числе и к цветовой символике варн. Слово *varṇa* может означать, естественно, не только физический цвет, но и варну, и то, что божество пребывает в них и над ними, означает его свободу от всяких варновых ограничений. Однако против этого предположения свидетельствует упоминание серого и синего цветов, которые с варнами никак не связаны.

Транслитерация и перевод

pātālecām̐tarīkṣedaśaḍiṣigaganesaptaśailesamudrebhasmekāṣṭhecaloṣṭ
hekṣitījalapavanesthākojamaṅgamevā || vījaṃsarvaṣadhīnāṃ asurasu-
rayatepuṣpapatretrīṇāgre ekovyāpī ○²⁷ || 2 ||

В подземном мире, в промежуточном пространстве [между небом и землей], в десяти [его] направлениях, в небесах, на семи горах, в океане, в пепле, в дровах, в воде, в [том, что] очищает землю и воду, [он] пребывает, в живых существах, в семенах всех растений, в асурах и богах, в лепестках цветов и в кончиках [стеблей] трав, — [он] один пронизывает [это все]...

Комментарий

Saptaśaila — это семь горных цепей, отделяющих в индийской мифологии разные континенты друг от друга. Названия их — *Niṣadha*, *Hemakūṭa*, *Nīla*, *Śveta*, *Śrīṅgin*, *Mālyavat*, *Gandhamādana*. «Дрова» (*kāṣṭha*) — это топливо, используемое для возжигания священного огня.

Транслитерация и перевод

śavdesvādecānāderaviśasibhuvanētārakejyotirūpekāmekrodhevirodhe
vihitahitajanehāsakrīḍā vinode || jāgratsvapnesuṣuptesatvarajata-
masesarvadharmeturīye ekovyāpī ○ || 3 ||

[Он пребывает] в звуке, во вкусе и т.д., во всевозможных живых существах, в звездах и созвездиях, в желании, в гневе, в ненависти, в добрых и злых людях, в смехе, играх и наслаждениях, [в состояниях] бодрствования, сна со сновидениями и глубокого сна,

²⁷ Здесь и далее в рукописи знак ○ после слов *ekovyāpī* заменяет полную фразу *ekovyāpīśivohaṃ itivadatiharimāstidevovitīyaḥ* («Я есмь Шива», — так говорит Хари, [и] нет второго бога, [кроме него]), которую переписчик ради экономии места предпочел не повторять.

в [гунах] *самтв*, *раджас* и *тамас*, во всех обрядах и в четвертом [состоянии сознания], — [он] один пронизывает [это все]...

śīte uṣṇecasaumyebhavaabhramagahanepuṇyapāpevisīrṇekhederāgevirāgeviṣṭavahuguṇe kālarūpevikāle || saukhyeduḥkhetvamekosphuritamaṇimayesarvasuddheviśuddhe ekovyāpī o || 4 ||

В холоде, в жаре, в блаженном бытии, в заблуждениях и страданиях, в заслугах и грехах, в разрушении и уничтожении, в страсти и бесстрастии, во множестве явленных [нашему познанию] качеств, в [том, что имеет] форму времени, и во вневременном, в счастье и страдании ты, единый, [пребываешь]. [Ты], трепещущая драгоценность, один пронизываешь все [сущее], чистое и нечистое...

Комментарий

В четвертом стихе обращает на себя внимание, что к божеству обращаются как к sphuritamaṇimaуа, «имеющему природу трепещущей драгоценности». Не исключено, что здесь перед нами отсылка к известному в индийской религиозно-философской мысли принципу spanda, в шиваизме он понимается как «динамический аспект единой недвойственной реальности, запредельной, безличной и вечной... Этот динамический аспект выражается через чередование фаз возникновения (*унмеша*) и исчезновения (*нимеша*): когда Шакти „открывает“ глаза, начинается процесс творения (*сришти*); когда она их „закрывает“, творение погружается в первозданную бесформенность (*праляй*). На высших ступенях постижения, однако, эти оба процесса — эволюционный и инволюционный — видятся не только как чередующиеся; комментатор Кшемараджа уверяет, что они происходят одновременно. Иначе говоря, принцип спанда охватывает как развертывание, так и свертывание во времени, а также соединение временных слоев с „отсутствующим присутствием“ времени»²⁸. При этом Шива из простого желанной игры (kṛīḍa) ограничивает себя, чтобы могла существовать Вселенная, выступающая здесь как реализация его сознания. Слово kṛīḍa мы уже видели в предыдущем стихе, и оно, возможно, указывает на ту интеллектуальную среду, где сформировался этот короткий текст, и на те религиозные представления, которые были характерны для нее.

Говоря о Брахмане и о творении (или порождении) им Вселенной, представители ранней веданты — Гаудапада и Бхартрихари в своих трудах используют сходную лексику, т.е. слова типа spanda, sphoṭa,

²⁸ Пахомов С.В. Принцип спанда и кашмирский шиваизм // Путь Востока: традиции освобождения. Вторая молодежная научная конференция по проблемам философии, религии и культуры Востока. Тезисы докладов. СПб., 1999. С. 13.

sphuṭa, sphurattā, kampa и т.п., которые передают примерно один и тот же смысл — «трепет», «дрожание», «вибрация», «пульсация»²⁹. У Гаудапады «вибрация сознания кажется разделенной на само восприятие и того, кто его воспринимает»³⁰, тогда как в действительности это различие ложно: существует лишь одна недвойственная реальность. Более того, в первом стихе сказано, что божество пребывает в священном слоге om, и то же самое утверждение мы видим у Бхартрихари и Гаудапады. «Веды — это конечно же верный образ, верный сколок Брахмана (хотя и этот образ может быть противоречивым и раздробленным ввиду несовершенства отражающих его зеркал, то есть отдельных душ), но ядро и „семя“ (bīja) Веды, ее самая точная форма и безобманное воплощение есть длящаяся пульсация (spanda) священной мантры»³¹. Иначе говоря, принцип spanda находит в рассматриваемом тексте достаточно ясное отражение, что позволяет говорить по крайней мере о значительном влиянии ранней веданты и шиваизма на его автора (или авторов).

Транслитерация и перевод

devedaityemunīmdregrahaṇagaṇa ṛṣayesiddhagaṇḍharvayakṣeyogebhoge viyopraguṇi-guṇitevālavṛddhetaruṇye || vedeśāstre purāṇevuddhajana jatharenyāyatarkemimāṃse ekovyāpī o || 5 ||

В бoге, дайтьe, повелителе *муни*, в *риши*, [повелевающем] множествами овладевающих [людьми демонов], в *сиддхе*, *гандхарве*, *якше*, йоге, наслаждении, в праведнике и грешнике, в новорожденном, ребенке, взрослом и юноше, в Ведах, шастре, пуранах, в разуме человека и [его] внутренностях, в [учениях] ньяи, логики и мимансы [ты] один [пребываешь], пронизывая [их]...

Комментарий

Дайтьи — сыновья Дити, богини, которая упоминается еще в Ригведе. Гандхарвы и якши — тоже виды сверхъестественных существ: первые — это небесные музыканты, услаждающие своей игрой слух богов и обязанные, кроме того, охранять сомu, вторые же — полубоги, состоящие в свите ведийского бога богатства Куберы. Интересно в этом стихе также, что puṇya и tarka здесь различаются. Этого различия нет в «Сарва-даршана-санграхе» Мадхавы (XIV в.) — там говорит-

²⁹ Исаева Н.В. Слово, творящее мир: От ранней веданты к кашмирскому шиваизму. М.: Ладомир, 1996. С. 75–76.

³⁰ Там же. С. 39.

³¹ Там же. С. 10.

ся лишь о системе Акшапады (Akṣapāda), которая называется пуāуа³², но не о tarka. Последний термин понимается здесь как один из инструментов логического вывода: демонстрация того факта, что допущение ложной меньшей посылки в силлогизме приводит к ложности вывода³³.

Транслитерация и перевод

sthūlesūkṣmesamānecalitadr̥ḍhamateyogayukteprasiddhemūrttāmūrtta
prakāreṣaḍrasarucire-saṃdhibhedeviceare || dhūrttyeśāṃtivivaraṇepra-
hasitavimatyeduteṃkevītarāge ekovyāpī ○ || 6 ||

В грубой [и] тонкой [материи и в том, что] подобно [ей], в движущемся и неподвижном, в [том, кто] погружен [в практику] йоги, [и в том, кто] достиг [ее плодов], в [том, что имеет] вид, [и] в безвидном, в приятности шести *рас*, в разрывании оков [и] странствовании, в тревогах, в бесцветном покое, в [том, что находят] смешным, в сиянии [?] [и в том, кого] покинули страсти, [ты] один [пребываешь], пронизывая [их]...

Комментарий

Под словом *gasā* здесь надо понимать «вкус» в собственном смысле слова — как свойство пищи или воды. Это следует из того, что вкусов называется именно шесть; традиционный их перечень таков: сладкий, соленый, горький, кислый, острый, пресный. Если бы не точное указание на число *gasā*, можно было бы, в принципе, подумать, что автор гимна имеет в виду поэтическое переживание или аффект, коих насчитывается десять: любовь (śṛṅgāra), героизм (vīrya), отвращение (bībhatsa), гнев (gaudra), радость (hāsyā), страх (bhayānaka), сострадание (karuṇā), удивление (adbhūta), покой (śānti), родительская нежность (vātsalya). Под странствием (vīcāra) подразумеваются, видимо, скитания санньясина, который должен странствовать из деревни в деревню в поисках подаяния («Пусть в деревне не остается более чем на ночь», — предписывает санньясину «Вишну-смрити»³⁴). Не очень ясно, почему покой называют «бесцветным» (śāṃtivivaraṇa); в принципе, это тоже можно толковать как указание на свободу от варновых ограничений, которой наслаждается божество, однако вопрос о том, насколько справедливо такое толкование, пока остается открытым.

³² *Madhava Āchārya*. The Sarva-darśana-saṃgraha or Review of the Different Systems of Hindu Philosophy / Transl. by E.B. Cowell and A.E. Gough. Varanasi: The Chowkhamba Sanskrit Series Office, 1961. P. 161–178.

³³ Ibid. P. 163.

³⁴ Вишну-смрити. С. 194.

Транслитерация и перевод

vrarttetīrtheṣuyajñejapatapaniyamesnānadānevidhānekarttākarmakṛtā
ṁtebahumatavimate-jyotirūpekṛpāle || kṛīmīkīṭepaṭaṁgepaśujana-
maśake aṁtarātmenirātme ekovyāpī ○ || 7 ||

В [исполнении религиозных] обетов, в тиртах, молитвах, аскезе, исполнении *ниямы*, омовениях, дарах, обрядах, в [том, кто] делает [все это], в [его] действии [и] в [их] результатах, в [том, кто] думает много, [и в том, кто] думает иначе, в сочетаниях звезд и в [сердце человека] милосердного, в червях [и] насекомых, в тканях, в летающих насекомых, [жалящих] людей [и] животных, в [том, что находится в] душе, [и] в [том, что] вне души, [ты] один [пребываешь], пронизывая [это все]...

Комментарий

Kṛīmī — это, насколько можно понять, искаженное санскритское kṛmī «червь». Niyama — это повседневные ритуальные практики, обязательные, в частности, для йогина. По Чаттерджи и Датте, *нияма* включает в себя соблюдение чистоты (śauca) — как физической (омовения, принятие только чистой пищи), так и духовной (воспитание в себе благих чувств и избегание неблагих), умение довольствоваться малым (saṁtoṣa), аскезу (tapas), постоянное повторение текстов *шрути* (svādhyāya) и размышление о божестве и смирение перед ним (īśvaraparaṇidhāna)³⁵.

Транслитерация и перевод

jñānedhyānepravīṇeprabhavatiparamenāstirūpecakārevrahmāviṣṇuśca
rudra akulakulamaye-viśvarūpe atīte || yaṁtremamtre uḍḍiśesvahita-
hitajanesarvavidyāgarīye ekovyāpī ○ || 8 ||

В знании, медитации, мудрости высшей [он] пребывает, нет [у него] формы и вида, [он] — Брахма, Вишну [и] Рудра, [он пребывает] в [членах] чистых и нечистых [каст и] в [тех, кто] покинул [пределы касты], [он находится в священных] изображениях [и] мантрах, в тантрических ритуалах, в добрых и злых людях, в [том, кто] овладел всеми знаниями, [он] один [пребывает], пронизывая [это все]...

³⁵ Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия. М.: Селена, 1994. С. 287–288.

Транслитерация и перевод

ratneyatnesurakṣemṛdamayakāṭhinevajresāre asāredhūmredīptecajvāle
asidyutimaye-kaustubhepārijāte || yodhevodhevirodhe ajitajitamaye
ugratejeviśāle ekovyāpī ○ || 9 ||

В драгоценностях, в усилиях, в [горе] Суракша, в твердых [предметах], сделанных из глины, в алмазе, в сливках, во [всем] не-твердом, в дыме и в сверкании молнии, в мече, [словно] сделанном из [чистого] блеска, в самоцветах и кораллах, в битве, в разуме [и] в [том, что] противоположно [им], в [том, что] побеждено, [и] в непобежденном, в могучем и яростном жаре [он] один [пребывает], пронизывая [это все]...

Комментарий

Surakṣa — это название некой горы, встречающееся в «Маркандеяпуране». Ajitajitamaye — фрагмент не вполне ясный. Возможно, имеется в виду, что над какими-то сторонами собственной личности адепт уже имеет полный контроль (jītamaya), а над другими — еще нет (ajītamaya), однако и в том и в другом в равной мере пребывает божество.

Транслитерация и перевод

dhyātādhyanevidhānejayavijayakarebhāvabhāvevibhāverāmārāmebhi
rāme amṛtaviśamaye-lubdhacandri alubdhe || svargenarke anarkedak-
khilakhilamayecetacetapracete ekovyāpīśivoham itivadatiharirnāsti-
devodvītyaḥ || 10 ||

В медитации [и] в медитирующем, в [исполнении повседневных] обрядов, в [том, кто дарует] победу, в существующем [и] в несуществующем, в приятном, неприятном [и] безразличном, в [человеке] алчном, [словно] Чандра, [и] в [свободном от] алчности, на небесах, в преисподней [и] в [остальном мире, не являющемся ни небесами], ни преисподней, целостном [и] состоящем из частей, в мыслящем, немыслящем [и том, что] мыслимо, — [ты] один пронизываешь [все это]. «Я есмь Шива», — так говорит Хари, [и] нет второго бога, [кроме него].

Комментарий

Почему алчный человек сравнивается с богом луны Чандрой, не вполне ясно. Обращает на себя внимание слово *paṅka*, которого нет ни в словарях санскрита, ни в словарях хинди и которое я понимаю как слегка искаженное санскритское *paṅaka* «ад, преисподняя».

Транслитерация и перевод

stotraṃyaḥ paṭhatenityaṃmunīdharmārthasampadaṃ || vidyābhogaṃ-
kalatraṃcaputraṃ-vijayamevaca || 11

Кто читает эту стотру, [тот становится] украшен вечной дхармой и благом, [подобным тому, которым наделены] мудрецы, и обретает наслаждение знанием, жен и сыновей...

rājyaṃsaukhyamṭathāmokṣaṃśivasāyujyalakṣaṇaṃ || strīpuṃnapuṃ-
sakatvaṃvādvija-śūdrothavābhavet || 12

...[статус, подобный статусу] царей, счастье, а также освобождение и общение с Шивой, [кем бы он] ни был — женщиной, мужчиной, евнухом, дваждырожденным или же шудрой.

koṭīrthasamopuṇyaṃgavaṃkoṭīphalaṃlabhet || stotraṃyaḥ paṭhe-
dyastuvrahma-hatyāvīpohati || 13 || itīśrīnaṃdikeśvarapurāṇeśrīma-
hāviṣṇuviracitaṃdaśaślokaṭīvedāntaṃ-saṃpūrṇaṃ

[Он] получает высший плод, коров [и религиозные] заслуги равные [тем, которые обретает человек благодаря] посещению высших тиртх. Так закончена «Дашашлокиведанта», составленная благословенным Махавишну, [часть] священной «Нандикешвара-пураны».

Комментарий

Под «высшим плодом» (koṭīphala) надо понимать, насколько можно судить из общего контекста мировоззрения веданты, достижение окончательной религиозной цели согласно представлениям этой религиозно-философской системы.

Однако природа самой этой цели, насколько она обрисована в «Дашашлокиведанте», не вполне соответствует представлениям именно адвайты и близка скорее к двайта-веданте Мадхвы. Это видно из того, что одно из тех благ, которые даруются адепту за чтение этого текста, — śivasāyujya, общение с Шивой. Здесь ничего не говорится о растождествлении себя с эмпирическим ограниченным я и воссоединении с Брахманом. Впрочем, этот небольшой текст имеет характер скорее сугубо религиозный, чем философский, а в текстах такого рода вряд ли можно ожидать полного отражения сложных философских воззрений адвайты. Кроме того, божество в нем изображается как присутствующее во всем сущем — и возвышенном, и самом низком, как причастное к любой вещи и к любому делу, что, однако, столь же справедливо было бы и в контексте вишиштадвайта-веданты Рамануджи. Кратко говоря, этот текст, конечно, несет в себе явные признаки влияния ве-

данты, однако какая именно школа более полно отразилась в нем, сказать невозможно. Как и во многих других подобных текстах (например, в «Апта-ваджрасучи-упанишаде»), здесь тоже говорится о том, что постижение высшей религиозной истины высвобождает человека из-под власти таких мощных социальных институтов, как система варн, и даже от установлений, касающихся поведения полов.

«Нандикешвара-пурана», частью которой является переведенный текст, представляет собой одну из упануран (второстепенных пуран), относящуюся к шиваитской традиции. Это, собственно, хорошо видно из «Дашашлокиведанты», в которой высшим божеством выступает Шива.

Библиография

- «Апта-ваджрасучи-упанишада» («Полная упанишада об Алмазной игле») / Предисл., транслитерация, пер. с санскр. и коммент. С.Л. Бурмистрова // Письменные памятники Востока. 2013. № 1 (18). С. 65–78.
- «Apta-vadzhrasuchi-upanishada» («Polnaya upanishada ob Almaznoy igle») / Predisl., transliteratsiya, per. s sanskr. i komment. S.L. Burmistrova // Pismennyye pamyatniki Vostoka. 2013. № 1 (18). S. 65–78.
- Вишну-смирти / Пер. с санскр., предисл., коммент. и приложения Н.А. Корнеевой. М.: Восточная литература, 2007 (Памятники письменности Востока. CXXXII).
- Vishnu-smriti / Per. s sanskr., predisl., komment. i prilozheniya N.A. Korneevoy. M.: Vostochnaya literatura, 2007 (Pamyatniki pismennosti Vostoka. CXXXII).
- Исаева Н.В. Шанкара и индийская философия. М.: Наука, 1991.
- Isaeva N.V. Shankara i indiyaskaya filosofiya. M.: Nauka, 1991.
- Исаева Н.В. Слово, творящее мир: От ранней веданты к кашмирскому шиваизму. М.: Ладомир, 1996.
- Isaeva N.V. Slovo, tvoryaschee mir: Ot ranney vedanti k kashmirskomu shivaizmu. M.: Lodomir, 1996.
- Канаева Н.А. Викальпа // Индийская философия: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Восточная литература; Академический проект; Гаудеамус, 2009.
- Kanaeva N.A. Vikalpa // Indiyaskaya filosofiya: entsiklopediya / Otv. red. M.T. Stepanyants; In-t filosofii RAN. M.: Vostochnaya literatura; Akademicheskii projekt; Gaudeamus, 2009.
- Лысенко В.Г. Кальпана // Индийская философия: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Восточная литература; Академический проект; Гаудеамус, 2009.
- Lyisenko V.G. Kalpana // Indiyaskaya filosofiya: entsiklopediya / Otv. red. M.T. Stepanyants; In-t filosofii RAN. M.: Vostochnaya literatura; Akademicheskii projekt; Gaudeamus, 2009.
- Пименов А.В. Возвращение к дхарме. М.: Наталис, 1998.
- Pimenov A.V. Vozvrashchenie k dharme. M.: Natalis, 1998.

- Пахомов С.В.* Принцип спанда и кашмирский шиваизм // Путь Востока: традиции освобождения. Вторая молодежная научная конференция по проблемам философии, религии и культуры Востока. Тезисы докладов. СПб., 1999.
- Pahomov S.V.* Printsip spanda i kashmirskiy shivaizm // Put Vostoka: traditsii osvobozhdeniya. Vtoraya molodezhnaya nauchnaya konferentsiya po problemam filosofii, religii i kulturyi Vostoka. Tezisyi dokladov. SPb., 1999.
- Пахомов С.В.* Шиваизм // Индийская философия: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Восточная литература; Академический проект; Гаудеамус, 2009.
- Pahomov S.V.* Shivaizm // Indiyaskaya filosofiya: entsiklopediya / Отв. ред. М.Т. Степанянц; In-t filosofii RAN. M.: Vostochnaya literatura; Akademicheskii proekt; Gaudeamus, 2009.
- Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М.: Восточная литература, 1999.
- Posova T.K., Chizhikova K.L.* Kratkiy katalog indiyских rukopisey Instituta vostokovedeniya RAN. M.: Vostochnaya literatura, 1999.
- Рудой В.И., Островская Е.П.* Буддийская картина мира в традиции постканонической Абхидхармы // Категории буддийской культуры / Под ред. Е.П. Островской. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.
- Rudoy V.I., Ostrovskaya E.P.* Buddiyskaya kartina mira v traditsii postkanonicheskoy Abhidharmy // Kategorii buddiyskoy kulturyi / Pod red. E.P. Ostrovskoy. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001.
- Упанишады / Пер. с санскр., исслед., коммент. и приложение А.Я. Сыркина. Изд. 2-е, доп. М.: Восточная литература, 2000.
- Upanishadyi / Per. s sanskr., issled., komment. i prilozhenie A.Ya. Syirkina. Izd. 2-e, dop. M.: Vostochnaya literatura, 2000.
- Чаттерджи С., Датта Д.* Индийская философия. М.: Селена, 1994.
- Chatterdji S., Datta D.* Indiyaskaya filosofiya. M.: Selen, 1994.
- Daśaślokī vedānta evaṃ nirvāṇadaśakam Śaṅkarācāryaviracitam // Sanskrit Documents Collection [Электронный ресурс]. URL: http://sanskritdocuments.org/all_pdf/dashashl.pdf, 10.03.2013.
- Dasgupta S.N.* A History of Indian Philosophy. Vol. V. Cambridge: Cambridge University Press, 1962.
- Garbe R.* Die Sāmkhya-Philosophie: eine Darstellung der indischen Rationalismus. Lpz.: Verlag von H. Haessel, 1894.
- Gauḍapāda-kārikā / Ed. and transl. by R.D. Karmarkar. Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1953.
- Glaserapp H.* Der Hinduismus: Religion und Gesellschaft im heutigen Indien. München: Kurt Wolff Verlag, 1922.
- Madhava Āchārya.* The Sarva-darśana-saṃgraha or Review of the Different Systems of Hindu Philosophy / Transl. by E.B. Cowell and A.E. Gough. Varanasi: The Chowkhamba Sanskrit Series Office, 1961.
- Monier-Williams M.* A Sanskrit-English Dictionary, Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages. Delhi: Motilal Banarsidass, 1899.
- Potter K.H.* Daśaślokī // Encyclopedia of Indian Philosophies / Ed. by K.H. Potter. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 1981.
- The Works of Sri Sankaracharya. Srirangam: Sri Vani Vilas Press, 1910. Vol. 15.

S.D. Burmistrov

FROM THE INDIAN COLLECTION OF IOM RAS

S u m m a r y : The article offers transliterated texts and translations of two hymns to Śiva — Śaṅkara's *Daśaślokī* and *Daśaślokīvedānta* from the “Nandikeśvara-purāṇa”, to be found in the manuscript V, 9c (Ind. 43) from the Indian collection of the Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences.

Key words: Śiva, Śaṅkara, *Daśaślokī*, Vedānta, Hindu hymns, Purāṇas.

О.В. Васильева

**«В ПОЛЬЗУ ИМПЕРАТОРСКОЙ
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ...»:
ПРИРАЩЕНИЕ ФОНДОВ ВОСТОЧНЫМИ
МАНУСКРИПТАМИ В 1812–1814 гг.**

В 1795 г. Екатерина II решила создать в Санкт-Петербурге Императорскую Публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека, РНБ), в которой с 1805 г. существует Отдел рукописей. Однако официально Библиотека была основана Александром I только в 1812 г., а открыта — в 1814 г. По документам известно, что к 1812 г. фонд восточных рукописей насчитывал 182 единицы хранения. В течение трех лет он вырос на 22 единицы: 7 японских, 4 китайские, 9 мусульманских в арабской графике, по одной еврейской и армянской. Они были подарены «любителями просвещения», а именно: директором Библиотеки А.Н. Олениным, его заместителем С.С. Уваровым, военными А.П. Тормасовым и Н.Ф. Хитрово, горным инженером П.К. Фроловым, антикваром К.А. Эттером, купцом М.М. Булдаковым и уроженцем Армении Артемием Арагатским.

Данная статья посвящена этим рукописям (включая их происхождение), которые поступили в Библиотеку на первом этапе ее существования и дали начало ныне многочисленному восточному фонду.

Ключевые слова: восточные рукописи в Санкт-Петербурге, А.Н. Оленин, С.С. Уваров, Российская национальная библиотека.

В истории Императорской Публичной (Российской национальной) библиотеки есть несколько важных дат. Самая ранняя из них — 27 мая 1795 г. В этот день Екатерина II поставила свою подпись на проекте здания, представленном архитектором Егором Соколовым. В том же году в Петербург после подавления восстания Тадеуша Костюшко из Варшавы был доставлен трофей — библиотека, принадлежавшая некогда братьям Залуским. Именно она стала основой отечественного книго-

хранилища¹. 14 марта 1805 г. приказом Александра I в не открытой еще Библиотеке создано Депо манускриптов, в основу которого было положено собрание рукописей, привезенное из Франции секретарем русского посольства П.П. Дубровским.

Формально Библиотека была образована 23 февраля (5 марта) 1812 г., но открытию ее для публики помешали война с Наполеоном и длительное отсутствие в столице государя императора Александра Павловича. Однако с этого года началось интенсивное пополнение фондов дарами, в том числе восточными материалами.

«Ведомость о числе рукописей, находящихся в Императорской Публичной библиотеке в начале 1812 г.» сообщает о 182 манускриптах и ксилографических изданиях на восточных языках². В их число входят около 20 рукописей из библиотеки Залуских³ и более 150 — из собрания Дубровского⁴. Возможно, в общее число были включены и семь рукописей, находившихся «на хранении» с 1811 г., и материалы, поступившие в 1812 г. За три последующих года, включая год ее открытия «на пользу общую», Библиотека получила в дар от разных лиц 22 единицы хранения восточных материалов⁵.

1812 г.

Петр Козмич Фролов (1775–1839) — горный инженер, с 1817 г. — начальник Колывано-Воскресенских заводов в Барнауле, с 1828 г. — тобольский гражданский губернатор, с 1831 г. — сенатор. П.К. Фролов был почетным библиотекарем Публичной библиотеки и коллекционером произведений искусства, древнерусских рукописей и старопечат-

¹ По Рижскому мирному договору 1921 г. книги и рукописи польских собраний были возвращены в Варшаву, где подавляющее их большинство сгорело во время Второй мировой войны. См.: *Моричева М.Д.* Библиотека Залуских и Российская национальная библиотека. СПб., 2001.

² Отчет в управлении Императорскою Публичною библиотекою... за 1808, 1809, 1810, 1811 и 1812 года. СПб., 1813. Прил. 7.

³ Восемь были возвращены в Польшу, по нашим данным, 6 остались в Библиотеке, однако в описи собрания Залуских упомянуты одной строкой 20 восточных книг. См.: *Инвентарь рукописей библиотеки Залуских в Императорской Публичной библиотеке* / Подгот.: О.Н. Блескина, Н.А. Елагина при сотр.: К. Коссажецки, С. Шиллер. Варшава, 2013.

⁴ Нам удалось выявить 156 восточных рукописей его коллекции. См.: *Васильева О.В., Ришар Ф.* Orientalia Петра Дубровского, дипломата и коллекционера // Восточная коллекция. М., 2005. № 1. С. 10–20; *Васильева О.В., Ришар Ф.* Петр Дубровский и восточные рукописи его коллекции // История в рукописях и рукописи в истории. Сб. трудов к 200-летию Отдела рукописей РНБ. СПб., 2006. С. 8–25.

⁵ В настоящее время фонд восточных рукописей Российской национальной библиотеки насчитывает 28 000 единиц хранения. См. подробнее: *Васильева О.В.* Восточные рукописные фонды Российской национальной библиотеки // Письменные памятники Востока. М., 2005. № 1(2). С. 217–238.

ных книг. Собирал он также памятники письменности и искусства Востока. В 1811 г. Фролов передал на хранение в библиотеку 34 рукописи, 7 из которых — на восточных языках.

В 1812 г. Фролов подарил две тюркские рукописи⁶: «Историю Чингиз-Хана и Аксак-Тимура» на татарском языке (шифр: Дорн⁷ 527) и турецкий народный роман «Борьба за веру Сайида Батал-Гази» (Дорн 577).

Позднее, в 1817 г., получив назначение в Барнаул, он продаст все свое собрание, насчитывавшее более 200 рукописей, 65 из которых — на восточных языках⁸. Источники, из которых Фролов приобретал восточные материалы, до сих пор не ясны. Часть его книг, бесспорно, приобретена в Сибири до его приезда в Петербург, часть — во время служебных поездок по югу России, но документального подтверждения этому мы не имеем.

Карл Антонович Эттер (1774–1831) — коллежский регистратор, минералог, антиквар, действительный член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, член-корреспондент Академии наук, с 1817 г. — комиссионер Публичной библиотеки, неоднократно приносил в дар печатные и рукописные книги на разных языках, включая небольшой личный архив.

Первыми из них были два китайских ксилографа⁹: Астрономический и гадательный месяцеслов «Ясная книга о Венере и Меркурии на год бин-янь, составленная Лю Чуньи, Цзои»¹⁰ (Дорн 742) и первое сочинение Четверокнижия «Дасюэ» с предисловием Чжу Си¹¹ (Дорн 731), описанное в Отчете как сочинение Конфуция «Та-гю», или «Великая наука». На обеих книгах имеется красная сургучная печать с гербом¹².

⁶ Отчет в управлении... Прил. 7.

⁷ Шифр по изданию: *Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale publique de St. Pétersbourg* / [Ed. par B. Dorn]. SPb., 1852.

⁸ См.: *Васильева О.В.* Восточные рукописи собрания П.К. Фролова // История в рукописях и рукописи в истории. С. 318–326; *Васильева О.В.* Петр Фролов как собиратель памятников письменности Востока // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на Востоке России (1965–2005). Т. 1. Новосибирск, 2008. С. 91–101.

⁹ Отчет в управлении... Прил. 7.

¹⁰ См.: Китайские рукописи и ксилографы Публичной библиотеки: систематический каталог / Сост. К.С. Яхонтов. СПб., 1993. С. 142. № 254.

¹¹ Там же. С. 65. № 78.

¹² На гербе изображены циркуль и молот внутри диагонально положенной короны (в верхней части щита), груда камней (гора, Голгофа?) (в нижней части) и две фигуры по сторонам: мужская (Меркурий) справа и женская (Исида?) слева. Эттер был членом масонской ложи Великого Востока, и, возможно, этим объясняется присутствие циркуля и молота на его гербе.

В благодарственном письме директор библиотеки А.Н. Оленин пишет, что он передал в хранилище рукописей помимо двух китайских книг и другие подаренные Эттером «разные вещи», а именно: «3) раковину с начертанием на гладкой стороне оной неизвестных слов; 4) коковосую чашечку без дна с разными на наружной стороне изображениями и китайскими словами; и 5) рисовальную книжку, состоящую из 88 осмущек...»¹³. Их дальнейшая судьба нам неизвестна.

Письмо Оленина датировано 1 мая 1813 г., хотя информация о китайских книжках вошла в Отчет за 1812 г. Этому могут быть два объяснения. Отчет печатался после 14 октября 1813 г., и в него могли быть включены данные за первые девять месяцев 1813 г. Следующий Отчет содержал уже сведения за 1814 г. Однако книги, подаренные Уваровым в феврале 1813 г. (см. ниже), не нашли отражения ни в одном печатном Отчете. Можно также предположить, что Эттер подарил китайские книги в 1812 г., а раковину, чашечку и рисовальную книжку — в начале следующего года; Оленин же перечислил их в одном письме.

1813 г.

Генерал-майор Николай Федорович Хитрово (1771–1819) — с 1815 г. поверенный в делах при дворе великого герцога Тосканского во Флоренции, зять фельдмаршала М.И. Кутузова. Н.Ф. Хитрово подарил Библиотеке Пятикнижие на древнееврейском языке — миниатюрный свиток (высотой 58 мм) тонкого белого мягкого пергамена, сделанный, вероятно, в Восточной Европе (Дорн 603). На оборотной стороне сделана запись: «Сия рукопись подарена Императорской Публичной библиотеке г. генерал-майором Николаем Федоровичем Хитровым в 1813-м году. Сей свиток длиной одиннадцать аршин и одиннадцать вершков». На картонном футляре-ковчеге имеется наклейка с номером 16, под которым свиток описан в «Каталоге редкостей, принадлежащих Императорской Публичной библиотеке»¹⁴.

В том же каталоге под номером 144 читаем: «Серебряный сосуд для водоосвящения, найденный в Днепровских порогах около того места, где Святослав Игоревич убит был печенегами при возвращении своем из похода противу императора Иоанна Цимисхия... Сей сосуд наполнен был медными медалями, чеканенными при императорах Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии. Там же найден древний бронзовый ключ. Предметы сии подарены были А.Н. Оленину генерал-майором Никола-

¹³ ОР РНБ. Ф. 886. Эттер К.А. № 3. Л. 104–104 об. Здесь и далее курсивом выделены не публиковавшиеся ранее архивные документы.

¹⁴ ОР РНБ. ОСПК. Ф. 547. Л. 2.

ем Хитровым в 1812 году»¹⁵. Из этой записи видно, что благодаря Н.Ф. Хитрово Библиотека обогатилась и ценными археологическими предметами, которые стала собирать с самого начала своего существования. Современное место их хранения нам неизвестно.

Сергей Семенович Уваров (1786–1855) — попечитель Петербургского учебного округа (1811–1822), в 1812–1833 гг. — помощник директора ИПБ¹⁶, президент АН (1818–1855), министр народного просвещения (1833–1849). С.С. Уваров немало сделал для становления и развития отечественного востоковедения: он выдвинул проект Азиатской академии и в 1818 г. подписал приказ об образовании Азиатского музея Академии наук.

Свою деятельность С.С. Уваров начал в Коллегии иностранных дел: с 1806 г. он служил в посольстве в Вене под началом Андрея Кирилловича Разумовского, а в 1809–1810 гг. был секретарем посольства в Париже. Находясь за границей, Уваров познакомился помимо прочих известных лиц с Сильвестром де Саси. Считается, что во многом благодаря общению с этим выдающимся французским востоковедом Уваров составил свой проект создания в России Азиатской академии и опубликовал его в 1810 г. на французском языке¹⁷, а годом позже — на немецком. Уместно сказать, что тогда же находившийся в стесненных финансовых обстоятельствах Уваров весьма удачно женился на очень богатой, хоть и немолоденькой невесте — Екатерине Разумовской, племяннице своего бывшего начальника и дочери министра просвещения Алексея Кирилловича Разумовского, и сразу стал попечителем Петербургского учебного округа. Не исключено, что проект Азиатской академии был лишь пиар-акцией для начинающего государственного деятеля, а сама идея публикации принадлежала не столько ему или Сильвестру де Саси, сколько одному из братьев Разумовских. Как бы то ни было, дальнейший ход событий показал, что интерес к Востоку у Уварова был неподдельный.

Хотя его проект не встретил высочайшей поддержки и никогда не был, да и не мог быть реализован в силу своей утопичности¹⁸, идея о преподавании восточных языков и изучении стран Азии довольно быстро нашла воплощение. В Главном педагогическом институте, основанном по инициативе Уварова в 1817 г. и через два года преобразо-

¹⁵ Там же. Л. 14–14об.

¹⁶ См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1: Императорская Публичная библиотека: 1795–1917. С. 525–528.

¹⁷ *Ouvaroff S. Projet d'une académie asiatique (en Russie)*. SPb., 1810.

¹⁸ См.: Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.–Л., 1958. Т. 5. С. 69–71.

ванном в Петербургский университет, началось преподавание арабского, персидского, а позднее и турецкого языка (хотя Уваров отдавал предпочтение языкам Индии). В 1818 г. создан Азиатский музей, а в 1823 г. образовано Учебное отделение при Азиатском департаменте МИД, где выпускники Университета могли продолжить свое образование для работы на дипломатическом поприще.

Поскольку интерес к Востоку и его изучению был присущ Уварову, не вызывает большого удивления, что в его руках оказалось несколько восточных рукописей.

В письме Оленину от 21 февраля 1813 г. Уваров, в частности, пишет: *«Честь имею препроводить при сем к Вашему Превосходительству шесть рукописей на восточных языках, содержащих частию исторические сочинения на арабском, частию стихотворные на персидском языке; между оными находится и Алкоран, о котором знатоки с похвалою отзываются»*¹⁹. *Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, приказать поместить оные рукописи в Депо манускриптов, при Императорской Публичной библиотеке находящееся, в знак моего желания содействовать к его обогащению, и вместе в знак личного к Вам почтения и преданности...»*²⁰.

Списка книг нет, но его легко составить, поскольку на каждой из шести рукописей имеется подпись на французском языке: *Ouvaroff*, а на четырех — также аннотации на русском языке. Все книги — мусульманские арабографичные, датируются периодом с середины XV в. до начала XVIII в.

Рукописи, поступившие от Уварова

Курсивом выделены тексты аннотаций и цифры в начале или конце рукописей

Шифр	Название	Цифры	Датировка; примечания
Дорн 77	«ал-Инайа» (супракомментарий ал-Бабарти на юридическое сочинение «ал-Хидайа», авт. Маргинани). Ч. 2. На араб. яз.	25	XV в. Филигрань «голова быка». Переплет XVIII в. ²¹

¹⁹ На самом деле это не Коран, а персидский комментарий на него «Махбуб-и алийа» Ваиза Кашифи, переписанный в 1522 г. и украшенный развернутым фронтисписом (Дорн 251). См. также: *Костыгова Г.И.* Персидские и таджикские рукописи Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 2. Л., 1988. С. 230–231. № 1271.

²⁰ Письмо подклеено к комментарию на «ал-Хидайа» (Дорн 77, л. I).

²¹ В основной части бумага восточная, в конце есть листы с европейской филигранью «голова быка»; она плохо просматривается, но все же ее можно датировать по справочникам второй половиной XV в. Не противоречит такой датировке и почерк. На

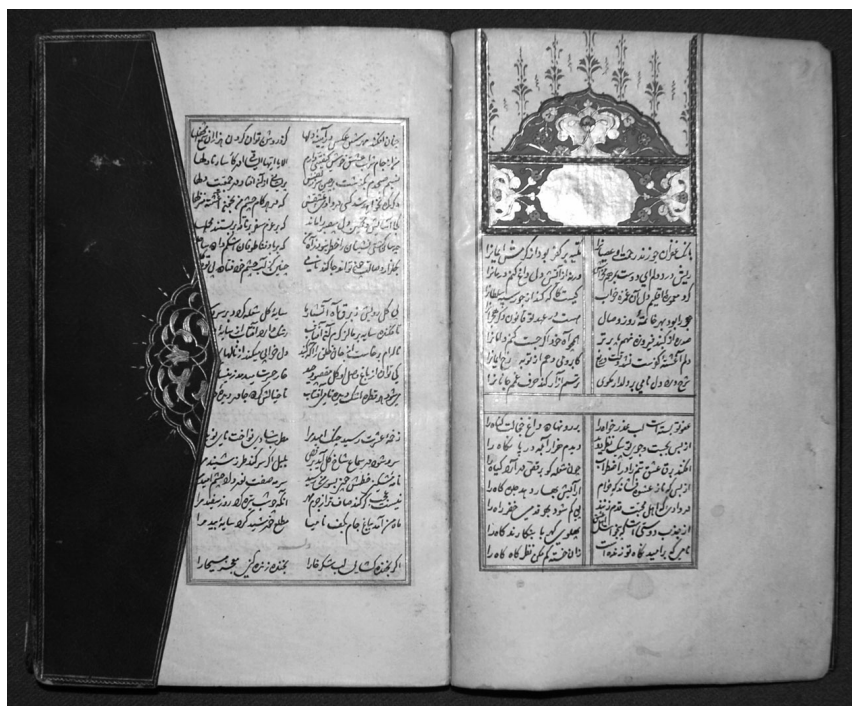
Дорн 82	<i>Кудири-Ефенди кади ескера румелийска собрание обрядов веры Муггамеданской писано в 1121 (1743) на арабском языке Мугамедом сыном Алиевым.</i> Сборник сложных юридических казусов	25 или 23	1121/1709 г. Филигрань «три шляпы»
Дорн 251	<i>Соган</i> (Комментарий на Коран). Авт. Хусайн ибн Али ал-Ваиз ал-Кашифи Байхаки. На перс. яз.	40	928/1522 г. Бумага восточная
Дорн 310	<i>Ваеза-Кашефи, то есть проповедника Кашафского Описание деяний Мугаммеда на персидском писано в 909 (1531).</i> «Рашахат-и айн ал-хайат». Авт. Али ибн Хусайн ал-Ваиз ал-Кашифи, Сафи	25	XVI в. Бумага восточная, темная (Индия?). Сост. 909 /1503. Автор — сын автора предыдущего сочинения
Дорн 474	<i>Дивани Селим, то есть выбор из стихотворений Селима на персидском — Тут же Дивани Кашиф, то есть выбор стихотворений Кашифа на турецком.</i>	10	1105/1693–1694. Филигрань «три шляпы»
Дорн 475	<i>Дивани Наиб, то есть собрание стихотворений Наиба на персидском языке; написана сия книга в 1043 (1649) месяца зигедже шейх-Мугаммедом.</i> Имя авт. Нами. Во второй части — Диван кази Нури Исфакхани	10	1043/1634 г. Бумага восточная

Рукописи по большей части происходят из Турции. Об этом свидетельствуют и европейская бумага с филигранями, и турецкие переплеты. Диваны Нами (в описании — Наиб) и кази Нури (Дорн 475)²² в копии 1634 г. украшены двумя заставками-унванами и заключены в переплет с клапаном с типичным турецким тиснением (контур орнамента выделен золотом) (илл. 1). Стихотворный сборник конца XVII в. имеет аналогичный переплет (Дорн 474)²³. Тоже турецкий, но другого типа переплет XVIII в. (бордовой кожи с золотым тиснением) у комментария на юридический трактат (Дорн 77).

форзацных (переплетных) листах филигрань «виноградная гроздь под короной» первой пол. XVIII в.

²² См.: Костыгова Г.И. Персидские и таджикские рукописи. Вып. 1. С. 203–204. № 563–564.

²³ Там же. С. 190. № 524; С. 199. № 551 (содержит как тюркский диван Кашифи, так и его стихотворения-газели на персидском языке).

Илл. 1.

Поэтический сборник. Содержит Диван Нами и Диван кази Нури Исфакхани. На персидском языке. 1634. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Дорн 475, л. 10б.-2)

На начальных листах всех книг имеется печать с легендой: «ходжа Абд ал-Каххар ибн Абд ас-Саттар 1221» / 1806–1807 гг. Очевидно, это имя одного из последних владельцев. Трудно с уверенностью сказать, как и когда книги оказались у Уварова, но он мог приобрести их в Вене, куда в 1807 г. вернулся из Константинополя дипломат и коллекционер рукописей Йозеф Хаммер-Пургшталь. Этот известный впоследствии австрийский ориенталист издал перевод «Тысячи и одной ночи», арабская рукопись которой перешла из его собственного собрания в собрание Вацлава Ржевусского, как и еще не менее шести других рукописных книг²⁴. Тогда же в Австрии Ржевусский приобрел еще две

²⁴ «Тысяча и одна ночь» попала в Публичную библиотеку в 1832 г., но была возвращена в Польшу в 1920-е годы (см. примеч. 1). В Иституте восточных рукописей находится арабский трактат о конях (С-686), принадлежавший Хаммеру, затем Ржевусскому, впоследствии оказавшийся в Стамбуле, где был куплен А.П. Бутеневым, от которого перешел в Азиатский музей.

коллекции восточных рукописей. Таким образом, Уваров находился в Вене, когда там вполне можно было приобрести мусульманские книги, например, у Хаммера. Да и потом, в Париже это было вполне реально. Вероятным представляется и предположение о приобретении Уваровым этих книг в России, поскольку в 1812 г. завершилась война с Османской империей, и рукописи могли быть привезены кем-то из военных или дипломатов. Таковым мог быть, например, посол России в Турции (с 1801 г.), коллекционер А.Я. Италинский²⁵, принимавший участие совместно с М.И. Кутузовым в подготовке и подписании Бухарестского мирного договора.

Обращают на себя внимание цифры, написанные на первом или последнем листе либо на крышке переплета. Можно было бы предположить, что это номера в предыдущей европейской коллекции, если бы они не повторялись. Скорее всего, это цены, но неизвестно, в какой денежной системе. Причем цены эти почти пропорциональны толщине/объему/весу книг и практически не учитывают их древность или художественную ценность.

Интересен такой вопрос: кто написал карандашом аннотации на русском языке и прочел имена на печатях? Надо заметить, что с 1806 по 1811 г. в Европе учился выпускник Московского университета А.В. Болдырев²⁶ — в Геттингене и затем в Париже у Сильвестра де Саси. Более чем вероятно, что С.С. Уваров и А.В. Болдырев были знакомы по Парижу, и, возможно, именно этому востоковеду принадлежат карандашные аннотации в рукописях. Вернувшись в Россию, А.В. Болдырев занял кафедру восточных языков Московского университета. В Петербурге же тогда еще не было русского ориенталиста, который мог бы такие описания выполнить. Однако известно, что Италинский, находясь в Стамбуле, изучал арабский язык и, если книги происходят из его коллекции, мог сам или с помощью профессионального переводчика сделать аннотации.

В любом случае, очевидно, что у С.С. Уварова были возможности приобрести это небольшое собрание, которое весьма удачно дополнило имевшуюся к тому времени подборку мусульманских рукописных книг в Публичной библиотеке. В дальнейшем Уваров дарил восточные рукописи Азиатскому музею²⁷.

²⁵ Как известно, его собрание легло в основу библиотеки Учебного отделения при Азиатском департаменте МИД, поступившей в 1919 г. в Азиатский музей.

²⁶ О нем см.: *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. С. 57–62.

²⁷ В 1820 г. Уваров подарил список Корана (шифр: ИБР А-125; см.: *Dorn B.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. SPb., 1846. S. 34; Арабские рукописи Института востоковедения: краткий каталог / Под ред. А.Б. Халидова. М., 1986. С. 40. № 46). Турецкая рукопись «Давха-и машайх-и кибар» («Древо великих шейхов») поступила от него в 1848 г. (ИБР В-726; см.: *Дмитриева Л.В.* Каталог

Илл. 2.

Миниатюрный Коран в металлическом футляре. XVIII в.
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Дорн 36)

1814

Генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов (1752–1819) — герой войны 1812 г. (командующий 3-й Западной армией), член Государственного Совета, с 1814 г. генерал-губернатор Москвы — подарил миниатюрный Коран, «писанный на шелковой бумаге в самом малом круглом формате, с серебряным для хранения его ковچهжцем»²⁸ (Дорн 36) (илл. 2). У Тормасова имелась возможность приобрести этот Коран, поскольку он участвовал в усмирении бунта татар в Крыму в 1782 г., Русско-турецкой войне 1787–1792 гг., а в 1809 г. был командующим в Грузии.

Алексей Николаевич Оленин (1763–1843) — известный государственный деятель, археолог, историк, художник, в 1811–1843 гг. директор Публичной библиотеки²⁹ — подарил «Печатный китайский словарь о рыбах»³⁰ (один том из словаря Кан-си)³¹ (Дорн 833) и ксилографическое издание на маньчжурском и китайском языках (с гравюрами),

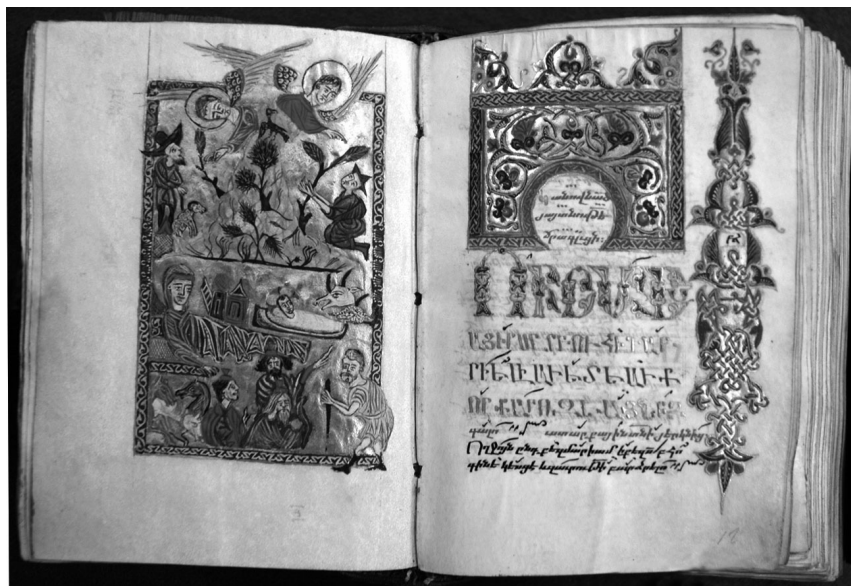
тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М., 2002. С. 88).

²⁸ Отчет в управлении Императорскою Публичною библиотекою... за 1814 г. СПб., 1815. С. 21, примеч.

²⁹ См. о нем: Сотрудники Российской национальной библиотеки. С. 392–398.

³⁰ Отчет... за 1814 г. СПб., 1815. С. 21, примеч.

³¹ Китайские рукописи и ксилографы Публичной библиотеки. С. 159.

Илл. 3.

Молитвенник. На армянском языке. Переписчик, миниатюрист и переплетчик Николайос. 1645, Феодосия.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
(Дорн 631, л. 1об.-2)

сброшюрованное в один том с русским переводом³² (Дорн 739). Перевод, озаглавленный «О двадцати четырех пунктах, касающихся до родительского почтения», выполнен в 1745 г. в Петербурге прапорщиком Ларионом Калиновичем Рассохиным (ум. 1761), бывшим учеником Второй духовной миссии в Китае, преподавателем и переводчиком с маньчжурского и китайского языков при Академии наук.

Оленин и в дальнейшем передавал в хранилище рукописей оказавшиеся у него раритеты.

Артемий Богданов-Арапатский (Йарутюн Валаршапатци, 1774 — после 1827) — армянин по национальности, «лицо без определенного места жительства и занятий», приехал в Россию, выучил русский язык, написал и издал в 1813 г. книгу «Жизнь Артемия Арапатского»³³. Он

³² Маньчжурские рукописи и ксилографы Государственной Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина: систематический каталог / Сост. К.С. Яхонтов. Л., 1991. С. 26, № 14.

³³ Жизнь Артемия Арапатского / Изд. подгот. К.Н. Григорьян при участии Р.Р. Орбели. Л., 1980 (переизд.).

подарил Библиотеке армянский молитвенник³⁴ (Дорн 631) (илл. 3), сопроводив его письмом, в котором есть такие строки:

«Родясь в древней Армении... я от младенчества почти до совершенных лет испытывал в отечестве моем одни только бедствия... Его благий промысл... меня... водворил на земле обетованной — России! Наполненный... безпредельной благодарности к святой Русской земле... я желаю... внести в публичную Его Императорского Величества библиотеку подносимую при сем книгу — вещь для меня драгоценную — и я готов принести все мое драгоценное, что имею и впредь иметь буду»³⁵.

Молитвенник переписан в 1645 г. в Кафе (Феодосии) мастером Николайосом³⁶, о котором Арабатский пишет, что он «как чистописанию, так и живописи учился сам собою, без всякого руководства, и никому в том, кроме собственного тщания не обязан; даже и переплетал сам. О чем именно он в книге сей изъясняется».

Булдаков Михаил Матвеевич (1766–1830) — из купеческого сословия, первенствующий директор Российско-Американской компании³⁷, у истоков создания которой стояли купец Г.И. Шелихов и Н.П. Резанов. (Резанов и Булдаков были женаты на дочерях Шелихова Анне и Евдокии.) В 1803 г. Булдаков снарядил первую кругосветную экспедицию из двух судов, «Надежда» и «Нева», командовали которыми И.Ф. Крузенштерн и Ю.Ф. Лисянский.

Булдаков написал Н.А. Оленину два письма, сопроводительных к посылкам с книгами. 15 мая 1814 г. он пишет: «*При сем посылаю книгу Японскую для Императорской библиотеки с планами, картинами, видами и воинскими снарядами. Она весьма редкая и большой важности стоит для японцев*»³⁸. Речь идет о ксилографическом издании 1769 г. —

³⁴ См.: Юзбашян К.Н. Армянские рукописи в петербургских собраниях: каталог. СПб., 2005. С. 17. № 1; Васильева О.В. Армянские рукописи в Российской национальной библиотеке // Памятники армянской культуры в Российской национальной библиотеке. СПб., 2010. С. 19 [http://expositions.nlr.ru/armen_manus/].

³⁵ ОР РНБ. Ф. 542. Оленины. № 1028. Л. 1–2.

³⁶ О нем см.: Корхмазян Э.М. Армянская миниатюра Крыма: XIV–XVII вв. Ереван, 1978. С. 77–84.

³⁷ См.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера: 1799–1815: Сборник документов. М., 1994; Артемов В.В. Русская Америка: Рыльский купец Григорий Шелихов, великий администратор Александр Андреевич Баранов, дворянин Николай Петрович Резанов, митрополит Московский и Коломенский Иннокентий. М., 2009.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 542. Оленины. № 1054. Л. 1.

энциклопедии «Сокровищница знаний» (Дорн 872), на обложке и первом листе которой имеется красная сургучная печать³⁹.

В письме Оленину от 17 мая Булдаков сообщает: «*Приискал у себя еще три книги и три хартии японские, которые посылаю при сем*» — и далее приводит «*Реэстр книгам японским*»⁴⁰, на основании которого составлена нижеследующая таблица.

Рукописи и ксилографы, поступившие от М.М. Булдакова

Курсивом выделены данные его реестра

№	Название	Шифр	Примечания
1	<i>Книга печатная</i>	Дорн 871	на л. 1: 1. и красная сургучная печать, она же на обл.
2	<i>Тоже печатная</i>	Дорн 872	на л. 1 и на обл.: красная сургучная печать (номера нет)
3	<i>Маленька письменная</i>	Дорн 864	на обл.: 3. и красная сургучная печать, на последнем листе карандашом: <i>Жи юнь дзи. Дневная записка</i>
4	<i>Хартия печатная</i>	Дорн 869	на обл.: 4. и красная сургучная печать
5	<i>Хартия письменная</i>	Дорн 868	на обл.: 5. и красная сургучная печать
6	<i>Тоже маленька письменная</i>	Дорн 861	на л. 1: 6. и красная сургучная печать

Что же представляет собой это небольшое собрание? Кроме упомянутой выше энциклопедии здесь есть и изданный в 1747 г. энциклопедический иллюстрированный словарь (Дорн 671). Поэзия представлена в двух единицах хранения. Это — «Песни о красоте восьми пейзажей провинции Хунань», имя автора Сэкисё Сюрэй; изданы в 1800(?) г.⁴¹ в виде гармошки, сложенной и подклеенной справа и слева к двум листам плотной цветастой бумаги (Дорн 869) (илл. 4). Вторая такая гармошка, но меньшего размера, названа в каталоге Дорна «Стихи по разным случаям» и является образчиком изящной каллиграфии (Дорн 868). Лишь один лист из двух, хранящихся ныне под шифром Дорн 861, описан как «контракт между двумя персонами» с датой 1778 г. Второй лист, меньшего формата, появился неизвестно откуда (возможно, был

³⁹ Печать с гербом Шелиховых, но с латинскими инициалами «МВ» в овале сбоку от герба. Дворянское достоинство указом Павла I получила в 1797 г. теща Булдакова, вдова Г.И. Шелихова, за заслуги мужа. См.: Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1809. Ч. 4. Отд. 2. С. 143–144. Тем же указом дворянство было даровано и детям Шелиховых. Сам же М.М. Булдаков получил дворянское звание только в 1828 г., за два года до смерти.

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 542. Оленины. № 1054. Л. 2–3.

⁴¹ Данные из рабочей картотеки О.К. Войнош.

Илл. 4.

Сэкисё Сюрэй. Песни о красоте восьми пейзажей провинции Хунань.
На японском языке. Ксилограф. 1800(?).

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Дорн 869)

вложен ранее в какую-либо книгу), и пока не установлено, что собой представляет. Маленькая книжечка (Дорн 864) содержит дневниковые записи 1805 г.

Откуда могли появиться у успешного, приближенного ко двору купца японские рукописи и книги? Наиболее вероятным представляется, что они первоначально принадлежали не Булдакову, а его близкому родственнику и деловому партнеру Николаю Петровичу Резанову (1764–1807)⁴², обер-прокурору Сената и камергеру.

Именно Резанов был послан Александром I в Японию на корабле «Надежда» для налаживания торговых отношений. Формальным поводом для посещения Японии явилось желание российского правительства вернуть на родину японских моряков, потерпевших крушение в

⁴² См. о нем: Командор: Страницы жизни и деятельности Двора Его Императорского Величества действительного камергера, руководителя первой русской кругосветной экспедиции Николая Петровича Резанова / Сост. Ю.П. Авдюков, Н.С. Ольхова, А.П. Сурник. Красноярск, 1995.

1793 г., а в 1795 г. доставленных в Охотский порт с Алеутских островов⁴³. Несколько лет они прожили в Иркутске, двое приняли крещение, а остальные не теряли надежды вернуться к родным берегам. Они были вызваны в Петербург, и в июле 1803 г. четверо японских моряков вошли на борт «Надежды». Их-то и должен был доставить в Японию Резанов. Посольство сопровождал переводчик Петр Степанович Киселев — японский моряк Дзэнроку, принявший христианство и ставший российским подданным⁴⁴, но в Японию он по некоторым причинам не попал.

Резанов тщательно готовился к своей роли посланника: во время плавания изучал с Киселевым японский язык, не без его участия составил словарь и «Руководство к познанию японского языка»⁴⁵. В своем «Журнале путешествия»⁴⁶ Резанов не раз упоминает о том, как он говорил с японцами без переводчика.

В сентябре 1804 г. «Надежда» вошла в гавань Нагасаки. Резанов провел полгода в этом городе в ожидании аудиенции у императора. В своем «Руководстве...», в разделе «Разговоры»⁴⁷ Резанов привел такой диалог:

— *Я желал бы иметь на вашем языке книги <...> Можно ли купить их?*

— *Наши книги вывозить запрещено.*

— *Я говорю о таких, кои не касаются ни до законов, ни до правления. Я разумею учебные книги.*

— *Какие бы то ни были.*

— *...Мне бы хотелось иметь нарисованное собрание ваших трав.*

— *Это позволят, только оно недешево.*

— *...Где это достать можно?*

— *Вы найдете в Йедо*⁴⁸.

⁴³ Здесь и далее данные из: Горегляд В.Н. Два православных японца в Иркутске на рубеже XVII и XIX вв. // Православие на Дальнем Востоке. СПб., 2001. Вып. 3. С. 135–146.

⁴⁴ С ним в постоянной вражде находились остальные японцы. К этому добавился жесткий конфликт между официальным руководителем кругосветной экспедиции Крузенштерном и Резановым, который также претендовал на главенство.

⁴⁵ Писарская копия русско-японского словаря, который был составлен «в первом путешествии россиян около света 1804 года под парусами на корабле Надежда», занимает л. 85–153 сборной единицы хранения, содержащей материалы по японскому языку: ОР РНБ. Ф. 7. Аделунг Ф.П. № 153. См.: Петрова О.П. Словарь японского языка Николая Резанова. (Неучтенный результат экспедиции в Японии в 1803–1805 гг.) // XXVI Международный конгресс востоковедов. М., 1963.

⁴⁶ «Журнал путешествия Двора Его Императорского Величества действительного камергера Резанова из Камчатки в Японию и обратно в 1804, 1805 годах» хранится в ОР РНБ под шифром Ф. IV. 482; опубликован А.П. Сурник в кн.: Командор... С. 117–238.

⁴⁷ Писарская копия этого раздела: ОР РНБ. Ф. 7. № 153. Л. 14–47.

⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 7. Аделунг Ф.П. № 154. Л. 146об.–147.

Из приведенного отрывка ясно, во-первых, что книги за пределы Японии вывозить не разрешалось и, во-вторых, стоили они дорого. Эти обстоятельства придают особую ценность энциклопедическим словарям и другим материалам собрания. Остается только сожалеть, что никто из японистов пока не обратил пристального внимания на дневник карманного формата, исписанный скорописью и датированный 1805 г. (Дорн 864).

Дипломатическая и коммерческая миссия посланника совершенно провалилась: Япония в очередной раз не пожелала идти на контакты с иноземцами. Здесь уместно привести еще один диалог из «Руководства...»:

- Скажите, долго ли мне жить здесь?
- Я не знаю. Еще не получено из Йедо ответа.
- Я удивляюсь, но когда ждут его?
- Всякий час.
- ... Чрезвычайно скучно по-пустому дожидаться.
- Что делать! Таковы японские обычаи.
- Ежели бы знал я их прежде, то никогда б сюда не пришел...⁴⁹.

Последние два года жизни Резанов провел в Северной Америке: на Аляске и в Калифорнии. В памяти потомков он остался благодаря романтической истории, приключившейся в Сан-Франциско, — его сватовству к молоденькой дочке коменданта крепости Марии Консепсьон де Аргуэльо (Кончите). Эта история послужила основой для поэмы Андрея Вознесенского и рок-оперы Алексея Рыбникова «„Юнона“ и „Авось“». Впрочем, экономические и политические выгоды от этого брака, если бы таковой состоялся, могли быть весьма значительны. Однако на пути в Петербург, куда Резанов спешил за разрешением на брак, он сильно простудился и умер 1 марта 1807 г. в Красноярске.

Японские книги Резанова могли быть отосланы им самим или достаться по наследству Булдакову, кстати, имевшему хорошую личную библиотеку, которая теперь находится в Великоустюгском краеведческом музее. Патриотический порыв, вызванный открытием на пользу общую Императорской Публичной библиотеки, видимо, побудил его подарить в это хранилище имеющиеся в его семье редкостные диковинки.

За 1812–1814 гг. подарены 22 единицы хранения: 7 японских и 4 китайские (Дальний Восток), 9 арабографичных (арабские, персидские, тюркские) (Ближний и Средний Восток), 1 еврейская (Восточная Европа?) и 1 армянская (Крым).

⁴⁹ Там же. Л. 146–146об.

В Петербург они были привезены частью непосредственно из стран, где были созданы, частью, возможно, из Европы и из регионов Российской империи. Среди владельцев-дарителей сотрудники Библиотеки — Оленин и Уваров, ранее бывший дипломатом, еще один дипломат — Резанов (японские материалы которого переданы Булдаковым, имевшим купеческое происхождение), поступили рукописи от военных — Тормасова и Хитрово, от горного инженера и коллекционера Фролова, антиквара Эттера и носителя восточной культуры — Артемия Араратского.

Таким образом, уже на начальном этапе существования Библиотеки наметились и характер восточных материалов, и основные пути их поступления. Уже получен трофей — собрание Залуских, и скоро будут другие трофеи (когда начнутся войны с Ираном и Турцией)⁵⁰. Уже оплачена правительством коллекция Дубровского, и скоро за государственный счет будут приобретаться другие крупные собрания. Уже есть частные приношения. Еще нет, но скоро поступят книги непосредственно от членов Российской духовной миссии в Китае (когда такая задача будет поставлена Олениным). В первой половине XIX в. не будет только поступлений от отечественных востоковедов.

Трудами многих лиц источниковедческая база петербургского востоковедения начала складываться еще до возникновения научной ориенталистики в России, причем создавалась она вполне осознанно в стенах Императорской Публичной библиотеки. Основную роль в этом процессе играли российские императоры: они передавали военные трофеи и дипломатические дары, а главное, оплачивали слишком дорогие для бюджета Библиотеки коллекции⁵¹. И все же особого внимания и благодарности заслуживают те «любители просвещения», кто откликнулся на открытие российского книгохранилища, принеся ему в дар имевшиеся в домашних библиотеках раритеты.

Библиография

Арабские рукописи Института востоковедения: краткий каталог / Под ред. А.Б. Халидова. М., 1986.

⁵⁰ См.: *Васильева О.В.* «Отдать в Публичную Библиотеку как трофеи Российского оружия»: Николай I и отечественное востоковедение // *Россия: средоточие народов и перекресток цивилизаций: 10-е Плехановские чтения: материалы конф.*, С.-Петербург, 30 мая — 1 июня 2012. СПб., 2012. С. 169–171.

⁵¹ См.: *Васильева О.В.* Русские императоры и создание источниковедческой базы отечественного востоковедения: Из истории формирования рукописного фонда Российской национальной (Императорской Публичной) библиотеки // *Династия Романовых и Восток. (К 400-летию Дома Романовых): Материалы конференции. Институт восточных рукописей, 15–16 октября 2013 г. (в печати).*

- Arabskiye rukopisi Istituta vostokovedeniya: kratkiy katalog / Pod red. A.B. Khalidova. M., 1986.
- Артемов В.В.* Русская Америка: Рыльский купец Григорий Шелихов, великий администратор Александр Андреевич Баранов, дворянин Николай Петрович Резанов, митрополит Московский и Коломенский Иннокентий. М., 2009.
- Artemov V.V.* Russkaya Amerika: Rylskiy kupets Grigoriy Shelikhov, velikiy administrator Aleksandr Andreevitch Baranov, dvoryanin Nikolay Petrovitch Rezanov, mitropolit Moskovskiy i Kolomenskiy Innokentiy. M., 2009.
- Васильева О.В.* Армянские рукописи в Российской национальной библиотеке // Памятники армянской культуры в Российской национальной библиотеке. СПб., 2010.
- Vasilyeva O.V.* Armyanskiye rukopisi v Rossiyskoy natsionalnoy biblioteke // Pamyatniki armyanskoy kultury v Rossiyskoy natsionalnoy biblioteke. SPb., 2010.
- Васильева О.В.* Восточные рукописные фонды Российской национальной библиотеки // Письменные памятники Востока. М., 2005. № 1(2). С. 217–238.
- Vasilyeva O.V.* Vostochnye rukopisnye fondy Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki // Pismennye pamyatniki Vostoka. M., 2005, № 1(2). S. 217–238.
- Васильева О.В.* Восточные рукописи собрания П.К. Фролова // История в рукописях и рукописи в истории: Сб. трудов к 200-летию Отдела рукописей РНБ. СПб., 2006. С. 318–326.
- Vasilyeva O.V.* Vostochnye rukopisi sobraniya P.K. Frolova // Istoriya v rukopisyah i rukopisi v istorii: Sb. trudov k 200-letiyu Otdela rukopisey RNB. SPb., 2006. S. 318–326.
- Васильева О.В.* «Отдать в Публичную Библиотеку как трофеи Российского оружия»: Николай I и отечественное востоковедение // Россия: средоточие народов и перекресток цивилизаций: 10-е Плехановские чтения: материалы конф., С.-Петербург, 30 мая — 1 июня 2012. СПб., 2012. С. 169–171.
- Vasilyeva O.V.* “Otdat v Publichnuyu biblioteku kak trofei Rossiyskogo oruzhiya”: Nikolay I i otechestvennoye vostokovedeniye // Rossiya: sredotochiye narodov i perekrestok tsivilizatsiy: 10-e Plekhanovskiye chteniya: materialy konf., Sankt-Peterburg, 30 maya — 1 iyunya 2012. SPb., 2012. S. 169–171.
- Васильева О.В.* Петр Фролов как собиратель памятников письменности Востока // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на Востоке России (1965–2005). Т. 1. Новосибирск, 2008. С. 91–101.
- Vasilyeva O.V.* Petr Frolov kak sobiratel pamyatnikov pismennosti Vostoka // Drevnerusskoye dukhovnoye nasledie v Sibiri: Nauchnoye izucheniye pamyatnikov traditsionnoy russkoy knizhnosti na Vostoke Rossii (1965–2005). T. 1. Novosibirsk, 2008. S. 91–101.
- Васильева О.В.* Русские императоры и создание источниковедческой базы отечественного востоковедения: Из истории формирования рукописного фонда Российской национальной (Императорской Публичной) библиотеки // Династия Романовых и Восток. (К 400-летию Дома Романовых): Материалы конференции. Институт восточных рукописей, 15–16 октября 2013 г. (в печати).
- Vasilyeva O.V.* Russkiye imperatory i sozdaniye istochnikovedcheskoy bazy otechestvennogo vostokovedeniya: Iz istorii formirovaniya rukopisnogo fonda Rossiyskoy natsionalnoy (Imperatorskoy Publichnoy) biblioteki // Dinastiya Romanovyh i Vostok. (K 400-letiyu Doma Romanovyh): Materialy konferentsii. Institut vostochnykh rukopisey, 15–16 oktyabrya 2013g. (v pechati).

- Васильева О.В., Ришар Ф.* Orientalia Петра Дубровского, дипломата и коллекционера // Восточная коллекция. М., 2005. № 1. С. 10–20.
- Vasilyeva O.V., Rishar F.* Orientalia Petra Dubrovskogo, diplomata i kollektsionera // Vostochnaya kollektsiya. M., 2005. № 1. S. 10–20.
- Васильева О.В., Ришар Ф.* Петр Дубровский и восточные рукописи его коллекции // История в рукописях и рукописи в истории: Сб. трудов к 200-летию Отдела рукописей РНБ. СПб., 2006. С. 8–25.
- Vasilyeva O.V. Rishar F.* Petr Dubrovskiy i vostochnye rukopisi ego kollektsii // Istoriya v rukopisyah i rukopisi v istorii: Sb. trudov k 200-letiyu Otdela rukopisey RNB. SPb., 2006. S. 8–25.
- Горегляд В.Н.* Два православных японца в Иркутске на рубеже XVIII и XIX вв. // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 3. СПб., 2001. С. 135–146.
- Goreglyad V.N.* Dva pravoslavnykh yaponsa v Irkutske na rubeje 18 i 19 vv. // Pravoslaviye na Dalnem Vostoke. Vyp. 3. SPb., 2001. S. 135–146.
- Дмитриева Л.В.* Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М., 2002.
- Dmitriyeva L.V.* Katalog tyurkskih rukopisey Instituta vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk. M., 2002.
- Жизнь Артемия Арабатского / Изд. подгот. К.Н. Григорьян при участии Р.Р. Орбели. Л., 1980.
- Jizn Artemiya Araratskogo / Izd. podgot. K.N. Grigoryan pri uchastii R.R. Orbeli. L., 1980.*
- Инвентарь рукописей библиотеки Залуских в Императорской Публичной библиотеке / Подгот. О.Н. Блескина, Н.А. Елагина при сотр. К. Коссажецки, С. Шиллер. Warszawa, 2013. С. 89–96.
- Inventar rukopisey biblioteki Zaluskich v Imperatorskoy Publichnoy biblioteke / Podgot. O.N. Bleskina, N.A. Elagina pri sotr. K. Kossajetski, S. Shiller. Warszawa, 2013. S. 89–96.*
- Китайские рукописи и ксилографы Публичной библиотеки: систематический каталог / Сост. К.С. Яхонтов. СПб., 1993.
- Kitayskiye rukopisi i ksilografiy Publichnoy biblioteki: sistematicheskiy katalog / Sost. K.S. Yakhontov. SPb., 1993.*
- Командор: Страницы жизни и деятельности Двора Его Императорского Величества действительного камергера, руководителя первой русской кругосветной экспедиции Николая Петровича Резанова / Сост. Авдюков Ю.П., Ольхова Н.С., Сурник А.П. Красноярск, 1995.
- Komandor: stranitsy jizni i deyatelnosti Dvora Ego Imperatorskogo Velichstva deistvitelnogo kamergera, rukovoditelya pervoy russkoy krugosvetnoy ekspeditsii Nikolaya Petrovitcha Rezanova / Sost. Avdyukov Yu.P., Olkhova N.S., Surnik A.P. Krasnoyarsk, 1995.*
- Корхмазян Э.М.* Армянская миниатюра Крыма: XIV–XVII вв. Ереван, 1978.
- Korkhmazyan E.M.* Armyanskaya miniatyura Kryma: 14–17 vv. Yerevan, 1978.
- Костыгова Г.И.* Персидские и таджикские рукописи Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 1–2. Л., 1988.
- Kostygova G.I.* Persidskiye i tadjikskie rukopisi Gosudarstvennoy publichnoy biblioteki im. M.E. Saltykova-Schedrina. Vyp. 1–2. L., 1988.
- Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. 5. М.–Л., 1958.

- Krachkovskiy I.Yu.* Ocherki po istorii russkoy arabistiki // *Krachkovskiy I.Yu.* Izbrannyye sochineniya. T. 5. M.–L., 1958.
- Маньчжурские рукописи и ксилографы Государственной Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина: систематический каталог / Сост. К.С. Яхонтов. Л., 1991.
- Manchjurskiye rukopisi i ksilografy Gosudarstvennoy Publichnoy biblioteki im. M.E. Saltykova-Schedrina: sistematiicheskiy katalog / Sost. K.S. Yakhontov. L., 1991.
- Моричева М.Д.* Библиотека Залуских и Российская национальная библиотека. СПб., 2001.
- Moricheva M.D.* Biblioteka Zaluskih i Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka. SPb., 2001.
- Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 4, отд. 2. СПб., 1809.
- Obschiy gerbovnik dvoryanskih rodov Vserossiyskoy imperii. Ch. 4, otd. 2. SPb., 1809.
- Отчет в управлении Императорскою Публичною библиотекою... за 1808, 1809, 1810, 1811 и 1812 года. СПб., 1813.
- Otchet v upravlenii Imperatorskoyu Publichnoyu bibliotekoju... za 1808, 1809, 1810, 1811 i 1812 goda. SPb., 1813.
- Отчет в управлении Императорскою Публичною библиотекою... за 1814 год. СПб., 1815.
- Otchet v upravlenii Imperatorskoyu Publichnoyu bibliotekoju... za 1814 god. SPb., 1815.
- Петрова О.П.* Словарь японского языка Николая Резанова. (Неучтенный результат экспедиции в Японии в 1803–1805 гг.) // XXVI Международный конгресс востоковедов. М., 1963.
- Petrova O.P.* Slovar yaponskogo yazyika Nikolaya Rezanova. (Neuchtennyiy rezultat ekspeditsii v Yaponii v 1803–1805 gg.) // XXVI Mezhdunarodnyiy kongress vostokovedov. M., 1963.
- Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера: 1799–1815: Сборник документов. М., 1994.
- Rossiysko-Amerikanskaya kompaniya i izuchenie Tihookeanskogo severa: 1799–1815: Sbornik dokumentov. M., 1994.
- Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь. Т. 1: Императорская публичная библиотека: 1795–1917. СПб., 1995.
- Sotrudniki Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki — deyateli nauki i kultury: biografiicheskiy slovar. T. 1: Imperatorskaya publichnaya biblioteka: 1795–1917. SPb., 1995.
- Юзбашян К.Н.* Армянские рукописи в петербургских собраниях: каталог. СПб., 2005.
- Yuzbashyan K.N.* Armyanskie rukopisi v peterburgskih sobraniyah: katalog. SPb., 2005.
- Dorn B.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. SPb., 1846.
- Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale publique de St. Pétersbourg / [Ed. par B. Dorn]. SPb., 1852.
- Ouvaroff S.* Projet d'une académie asiatique (en Russie). SPb., 1810.

O.V. Vasilyeva

**“FOR THE BENEFIT OF THE IMPERIAL PUBLIC LIBRARY...”:
GROWTH OF THE COLLECTIONS THROUGH THE ACQUISITION
OF ORIENTAL MANUSCRIPTS IN 1812–1814**

Summary: In 1795 Catherine the Great decided to establish in St. Petersburg the Imperial Public Library (the National Library of Russia of today), the Manuscript department of which exists since 1805. However, officially, the Library was founded by Alexander I in 1812 and opened for public in 1814. According to documents, till 1812 the Oriental Manuscript Collection consisted of 182 items. Within three years, it grew by 22 items: 7 Japanese, 4 Chinese, 9 Islamic in Arabic script, 1 Hebrew and 1 Armenian. They were donated by “enlightenment fanciers”, namely, the director of the Library A.N. Olenin, deputy director S.S. Uvarov, the military officers A.P. Tormasov and N.F. Khitrovo, the mining engineer P.K. Frolov, the antiquarian K.A. Etter, the merchant M.M. Buldakov and Artemiy Araratsky, a native of Armenia.

The present article is focused on the manuscripts (including their origin and provenance), which came to the Library during the first stage of its existence and which gave rise to its now numerous Oriental collections.

Key words: Oriental manuscripts in St. Petersburg, A.N. Olenin, S.S. Uvarov, the National Library of Russia.

Е.В. Гусарова

**НАРОД ОРОМО В ЭФИОПИИ
В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТАКЛА ГИОРГИСА I
(КОНЕЦ XVIII в.)
ПО ДАННЫМ ЕГО ЦАРСКОЙ ХРОНИКИ**

В данной статье рассматриваются несколько эпизодов многовековой истории кушитоязычного народа оромо, составляющего в наши дни около половины населения Эфиопии. Речь идет о походах, предпринятых в 1779 и 1781 гг. царем эфиопского христианского государства Такла Гиоргисом I против племен оромо, которых источники на классическом эфиопском языке (геэзе) именуют уничижительным этнонимом галла. В основу статьи положены материалы царской хроники Такла Гиоргиса I и других хроник, входящих в обширный свод произведений местной историографии, составленный в 1784–1785 гг. по заказу видного представителя эфиопской знати Хайла Микаеля Эшате.

Ключевые слова: позднесредневековая Эфиопия, царь Такла Гиоргис I; народ оромо (галла), военные походы, эфиопская историография.

Хроника царя Эфиопии Такла Гиоргиса I¹, насколько удалось установить, входит в состав как минимум трех рукописей², представляю-

¹ Периодами правления данного монарха считаются июль 1779 — февраль 1784, апрель 1788 — июль 1789, январь 1794 — апрель 1795, декабрь 1795 — май 1796, январь 1798 — май 1799, март — июнь 1800 гг. Таким образом, он возводился на престол и свержался шесть раз — своеобразный рекорд не только в эфиопской, но и в мировой истории.

² Две из них хранятся в Британской библиотеке: Orient. 821 (см.: *Wright W. Catalogue of the Ethiopic Manuscripts in the British Museum. L.–B., 1877. P. 315–318*); Orient. 820 (см.: *Wright W. Catalogue of the Ethiopic Manuscripts. P. 314–315*), одна — в Национальной библиотеке Франции: Eth. 143 (см.: *Zotenberg H. Catalogue des manuscrits éthiopiens (gheez et amharique) de la Bibliothèque nationale. P., 1877. P. 216–221*). Тексты царской хроники Такла Гиоргиса I, содержащиеся в двух из них (Orient. 821 и Eth. 143), удалось получить в виде распечаток с микрофильмов, благодаря чему они были использованы при подготовке данной статьи.

ших собой копии обширного свода произведений традиционной эфиопской историографии, который был составлен в 1784–1785 гг. хронистом Абагазом по заказу видного представителя эфиопской знати Хайла Микаеля Эшате, известного как *деджазмач*³ Хайлу⁴. На протяжении всего текста хроники нам встречаются упоминания народа оромо⁵, именуемого хронистом галла⁶, а также различных племен, входящих в состав этого народа⁷, что немаловажно для реконструкции его социальной и этнической структуры. Кроме того, эти данные позволяют выяснить положение той или иной группы оромо в эфиопском христианском государстве в конце XVIII в. Как известно, после нескольких десятилетий расцвета в середине XVII — начале XVIII в., последовавших за основанием в 1636 г. его первой постоянной столицы в средние века — города Гондара, оно стало клониться к упадку из-за нарастания центробежных тенденций. Царь Такла Гиоргис I оказался последним эфиопским монархом, обладавшим хоть какой-то реальной властью, перед тем как страна вступила в эпоху феодальной раздробленности, продолжавшейся до середины XIX в.

К сожалению, издание хроник последней трети XVIII — первой половины XIX в. с английским переводом, осуществленное британским путешественником Гербертом Велдом Бланделлом по рукописи Or. 821 (*The Royal Chronicle of Abyssinia, 1769–1840, with Translation and Notes by H. Weld Blundell. Cambridge, 1922*), не выдерживает критики: эфиопский текст в нем изобилует опечатками, а перевод местами не просто не точен, а откровенно абсурден.

³ Один из высших военных титулов в средневековой Эфиопии. См. о нем: *Bairu Tafila. Däggazmač* // EAE. Vol. 2. Wiesbaden, 2005. P. 62–63.

⁴ См.: *Chernetsov S. Abägaz (person)* // EAE. Vol. 1. Wiesbaden, 2003. P. 5; *Chernetsov S. Haylä Mika'el Ėšäte* // EAE. Vol. 2. Wiesbaden, 2005. P. 1059–1060. Подробнее состав и история формирования этого свода, именуемого в западной эфиопистической традиции “*Haylu-compilation*”, изложены в: *Kropp M. Die äthiopischen Königschroniken in der Sammlung des Däggazmač Haylu. Entstehung und handschriftliche Überlieferung des Werks. Frankfurt-am-Main–Bern–New York–Paris, 1989 (Heidelberger orientalische Studien. Bd 13).*

⁵ См. о нем, в частности: *Hultin J. Oromo Ethnography* // EAE. Vol. 4. Wiesbaden, 2010. P. 59–61; *Ezekiel Gebissa. Oromo History* // Ibid. P. 61–64.

⁶ Сейчас этноним галла (галласы) воспринимается как уничижительный, и его употребления стараются по возможности избегать даже в научной литературе. Это обусловлено соответствующим характером его использования в эфиопской традиции. Относительно возникновения данного названия общепринятой точки зрения не существует, и несмотря на многочисленные попытки лингвистических реконструкций, его этимология не установлена (см.: *Baxter P.T.W. Galla* // EAE. Vol. 2. Wiesbaden, 2005. P. 660–661).

⁷ Попытка реконструкции племенного состава этого народа по данным, относящимся к концу XVI в., была предпринята В.М. Мисюгиным (*Мисюгин В.М., Чернецов С.Б. «История галла» как этноисторический источник* // *Africana. Африканский этнографический сборник. XI. Л., 1978 (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. CV). С. 184–186.*

Появление оромо на Эфиопском нагорье согласно письменным источникам

Народ оромо начал массовое переселение во внутренние районы Африканского Рога, сопровождавшееся вооруженными столкновениями с подданными эфиопской христианской державы, в правление царя Лебна Денгеля (1508–1540). История появления оромо в Эфиопии, активная миграция и воинственная экспансия против эфиопского государства, пик которой пришелся на период между концом XVI и серединой XVII в., сыграли заметную роль в истории этой страны и нашли отражение в эфиопской письменной традиции. В результате на рубеже XVI–XVII вв. сложился целый корпус литературы на языке геэз как легендарного, так и историографического характера, в той или иной мере посвященной этому народу⁸. Основной причиной появления сочинений подобного содержания была потребность коренного населения Эфиопии и его правителей каким-то образом обосновать победоносное продвижение этого народа в глубь территории эфиопского государства и найти причины поражения христиан, показавших себя более слабыми и уязвимыми перед лицом неконтролируемой миграции племен оромо, которая еще больше расшатывала нестабильную политическую и экономическую ситуацию в стране.

Самой древней из корпуса сочинений об оромо по праву считается работа монаха Бахрея⁹ *Зена-ху ла-Галла* («История галла») ¹⁰. В то время

⁸ Этот корпус включает в себя как отдельные сочинения (например, рассматриваемую ниже «Историю галла» Бахрея), так и произведения, входящие в состав исторических компиляций большего объема.

⁹ Религиозный деятель и историк, живший в XVI в. Информация о нем впервые встречается при царе Эфиопии Сарца Денгеле (1563–1597), у которого он состоял на службе и составил его хронику. Его имя встречается в тексте «Краткой хроники», где обычно упоминаются лишь видные государственные деятели Эфиопии. См. о нем, в частности: *Conti Rossini C.* Due squarci inediti di Cronaca Etiopica // *Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei. Classe di Scienze Morali, Storiche e Filologiche. Ser. 5. Vol. 2.* Roma, 1893. P. 18; *Baxter P.T.W.* Bahray // *EAE. Vol. 1.* Wiesbaden, 2003. P. 446.

¹⁰ На данный момент известны четыре рукописи, содержащие данное сочинение: London, British Library Or. 534, fol. 1r–3r (см.: *Wright W.* Catalogue of the Ethiopic Manuscripts. P. 84); Wien, Hofbibliothek 21, fol. 1v–2v, 103r–104r, 86v–88v (см.: *Rhodokanakis N.* Die äthiopischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien // *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien. Bd 151, 4.* Wien, 1906. S. 69); Berlin, Staatsbibliothek, Or. fol. 4096 (см.: *Hammerschmidt E., Six V.* Äthiopische Handschriften. 1: Die Handschriften der Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz. Wiesbaden, 1983 (Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland, Bd 20, 4). S. 305); Berlin, Staatsbibliothek, Or. quart. 996 (см.: *Hammerschmidt E., Six V.* Äthiopische Handschriften. S. 116). Данное сочинение выдержало два издания: *Schleicher A.W.* Geschichte der Galla. Text und Übersetzung. B., 1893 (для подготовки издания использовался текст рукописи: London, British Library Or. 534); *Guidi I.* Historia gentis Galla //

как работа Бахрея имела рациональный характер, многие другие сочинения, посвященные оромо, являются переложениями древних легенд и указывают на центральную роль Божественного провидения в появлении этих пришельцев на Эфиопском нагорье¹¹.

Источники не дают прямого ответа на вопрос, чем было вызвано появление данного народа на территории Африканского Рога. В своих исследованиях ученым, как правило, приходится опираться на косвенные свидетельства, содержащиеся в памятниках эфиопской письменности, зачастую предвзятые и противоречащие друг другу. В науке продолжают споры как о происхождении данного народа, так и о путях его миграции. Тем не менее корпус сочинений об оромо содержит достаточно информации исторического, этнографического, социокультурного и географического характера. На ее основании можно заключить, что оромо пришли с юга, точнее с юго-востока¹². Все эти источники сходятся на том, что проникновение этого народа на территорию Эфиопии с самого

CSCO 20, Scr. Aeth. 3. Louvain, 1907. P. 221–231 (текст); CSCO 21, Scr. Aeth. 4. Louvain, 1907. P. 195–208 (перевод) (для подготовки данного критического издания использовались две рукописи: London, British Library Or. 534 и Wien, Hofbibliothek 21). Сравнительно недавно работа Бахрея об оромо была опубликована еще раз известным эфиопским историком Гетачев Хайле в монографии, посвященной данному сочинению. Судя по всему, он издал его на основе трех рукописей (London, British Library Or. 534; Wien, Hofbibliothek 21; Berlin, Staatsbibliothek, Or. fol. 4096), добавил перевод истории Бахрея на амхарский и английский языки и подробное введение на амхарском (*Getatchew Haile. Yeabba Bahriy Dirsetoch*. Minnesota, 2002). Можно предположить, что данная монография предназначалась для эфиопского читателя.

Перевод этой работы Бахрея на русский язык, выполненный С.Б. Чернецовым, издавался дважды, первый раз — с обширным историко-этнографическим исследованием, принадлежащим в основном В.М. Мисюгину: Мисюгин В.М., Чернецов С.Б. «История галла» как этноисторический источник. С. 151–192; [Бахрей] История галласов / Предисл., пер. и коммент. С.Б. Чернецова // Эфиопские хроники XVI–XVII веков / Вступление и заключение, пер. с эфиопск. и коммент. С.Б. Чернецова. М., 1984. С. 139–152.

Автор этих строк подготовила и защитила в Университете «Л'Ориентале» в Неаполе в 2008 г. бакалаврскую работу *La "Storia dei Galla" (Zenahu lagalla): Edizione Critica del Testo in Ge'ez*, представляющую собой критическое издание данного сочинения на основе всех четырех его списков, с переводом на итальянский язык и комментарием.

¹¹ Издания этих сочинений см., например, в: *Caquot A. Histoire amharique de Grañ et des Gallas // Annales d'Ethiopie*. 1957. 2. P. 123–143.

¹² Принято считать, что приблизительно в XI в. этот народ населял некоторые районы современного Сомали. Во всяком случае, когда они впервые вторглись на территорию Эфиопии около 1522 г., они продвигались с юго-востока. Через столетия они отчасти обосновались в некоторых районах провинций Шоа и Амхара, а на севере Эфиопии добрались до Ангота. Эфиопы были, видимо, не единственными, кто пострадал в результате массовой миграции этого народа, а мнение о нем как о Божьей каре, ниспосланной именно эфиопским христианам, сформировалось на основе существующего в Эфиопии корпуса сочинений о галла. Следует подчеркнуть, что наличие в локальной письменной традиции корпуса литературы, посвященного не определенному персонажу или событию, а целому народу, — это исключительное явление.

начала сопровождалось проявлениями жестокости с его стороны и что оромо вели легендарное родословие от одной матери, дети которой считаются предками различных племен оромо¹³.

Массовая миграция этого народа была в конечном счете обусловлена тем, что он проходил в своем развитии через длительный переходный период между собственно родовым и раннеклассовым обществом¹⁴. Однако конкретные обстоятельства, подтолкнувшие оромо к вторжению в Эфиопию в первой половине XVI в., остаются не вполне ясными. С этого времени и до конца XVIII в. эфиопские правители вели войны с непокорным народом оромо¹⁵, который изначально исповедовал собственные языческие верования и культы. К XVIII в. переселение оромо подошло к концу, и их разрозненные племена¹⁶ закрепились в различных областях Эфиопии (хотя многие из них оставались кочевниками). Набеги их стали носить локальный характер, а некоторые из их вождей начали занимать определенные должности и оказались инкорпорированы в административно-политическую структуру эфиопского государства.

Стоит отметить, что полноценной и всеобъемлющей истории оромо написано не было, и попытки ее комплексного изучения до недавнего времени не предпринимались. Особенно это касается ее современного этапа¹⁷.

Появление на Эфиопском нагорье оромских племен совпало с нашествием мусульманских войск султанатов Африканского Рога под предводительством Ахмада б. Ибрахима аль-Гази по прозвищу Грань, т.е. «Левша» (ок. 1506 — 1543)¹⁸. Противостояние мусульманскому

¹³ Об истории и этнографии оромо см.: *Hultin J. Perceiving Oromo. 'Galla' in Great Narrative of Ethiopia // Being and Becoming Oromo. Uppsala, 1996. P. 81–91.*

¹⁴ Об истоках экспансии оромо см. подробнее: *Мисюгин В.М., Чернецов С.Б. «История галла» как этноисторический источник. С. 161–192; Чернецов С.Б. Эфиопская феодальная монархия в XVII веке. М., 1990. С. 3–10.*

¹⁵ Борьбу с оромо вели многие правители Эфиопии в XVII–XVIII вв. Их многочисленные племена продолжали разбойничать и совершать нападения в различных регионах страны. См., например: *Bosc-Tiessé C. Iyasu I // EAE. Vol. 3. Wiesbaden, 2007. P. 249; Чернецов С.Б. Эфиопская феодальная монархия. С. 9–10, 127–128, 132–134, 190, 226–227, 236–239, 243, 260, 269, 279–285. То же самое продолжалось и при царе Такла Гиоргисе I, на что указывает хроника его правления (см. о ней выше, примеч. 2).*

¹⁶ Считается, что народ оромо делится приблизительно на 200 отдельных этнических групп.

¹⁷ Об этом см.: *Ješman C. The Ethiopian Paradox. London–New York–Nairobi, 1963. P. 56–58; Asafa Jalata. The Struggle for Knowledge: The Case of Emergent Oromo Studies // African Studies Review. 1996. Vol. 39. No. 2. P. 95–123.*

¹⁸ См. о нем: *Чернецов С.Б. Ахмад Ибрахим аль-Гази // Православная Энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 209–210; Muth Fr.-Ch. Aḥmad b. Ibrāhīm al-Ġāzī // EAE. Vol. 1. Wiesbaden, 2003. P. 155–158. Некоторые из сочинений по истории оромо посвящены также и Ахмаду Граню, чье практически одновременное с оромо вторжение в Эфиопию*

вторжению длилось около 30 лет и также наложило глубокий отпечаток на все стороны жизни Эфиопии того времени, включая рукописное дело и архитектуру.

Разрушения и хаос, вызванные как набегами оромо, так и происшедшим одновременно с начальным этапом их экспансии вторжением Ахмада Грания, были столь многочисленны и велики, что память об этих трагических событиях сохранялась почти три столетия спустя. Так, хроника, посвященная деяниям влиятельного эфиопского правителя *раса*¹⁹ Алигаза, принадлежащего к знатному оромскому роду Яджжу, который принято рассматривать как локальную династию²⁰, приводит весьма критический отзыв о нем монахов из монастыря Дабра Хайк: «Мы не видели таких людей ни среди царей, ни среди правителей, кроме галла со времен Грания»²¹.

Если не считать упомянутого выше сочинения Бахрея, наиболее достоверная и ценная информация об оромо содержится на страницах царских хроник. Несмотря на то что ее приходится собирать по крупицам, она наиболее достоверна и укладывается в четкие хронологические рамки. Кроме того, интересные наблюдения, относящиеся к этому народу, вошли в *Journal de voyage* выдающегося путешественника Антуана д'Аббади (1810–1897)²², который в середине XIX в. провел около 12 лет в Эфиопии.

Не стоит забывать, что к данным об оромо, содержащимся в эфиопских источниках, в частности в царских хрониках, нужно подходить с определенной долей осторожности, подвергая их критическому анализу. Амхаро-тиграйское²³ общество Эфиопии того времени воспринимало воинственных галласов предвзято и негативно, что приводило к «сгущению красок» в соответствующих повествованиях.

связалось в умах современников в одно событие и имело для них, судя по содержанию данных работ, сходное значение.

¹⁹ Высший феодальный титул в позднесредневековой Эфиопии (см. подробнее: *Nosnitsin D. Ras* // EAE. Vol. 4. Wiesbaden, 2010. P. 330–331).

²⁰ См. о нем: *Wudu Tafete Kassu. Aligaz* // EAE. Vol. 1. Wiesbaden, 2003. P. 203–204.

²¹ Orient. 821, fol. 547r, col. 3.20–26; Eth. 143, fol. 341r, col. 1.20–25. Эти события происходили в 1791 г.

²² *d'Abbadie A. Géographie de l'Ethiopie: ce que j'ai entendu, faisant suite à ce que j'ai vu.* P., 1890.

²³ В Эфиопском государстве того времени как правящая верхушка, так и большая часть социально активных жителей были представлены, с одной стороны, народом (и в то же время социальным слоем) амхара, а с другой — тигре. Эта ситуация привела к тому, что представители иных этносов не входили в элиту, что считалось само собой разумеющимся. Однако в XX в. развернулась бурная полемика по этому вопросу, связанная в первую очередь с ущемлением гражданских прав других народов в полиэтнической стране.

Сегодня народ оромо составляет около половины населения Эфиопии. Его представители говорят на собственном языке, принадлежащем к кушитской группе афразийской языковой семьи и имеющем значительные диалектальные различия. Они живут собственным культурным наследием и в основном исповедуют ислам. Оромо представлены не только на территории Эфиопии, но и на севере Кении, а также в Судане.

Народ оромо в хронике царя Эфиопии Такла Гиоргиса I

Основным источником, в котором пребывание у власти Такла Гиоргиса I в первый период его правления, продолжавшийся с июля 1779 по февраль 1784 г., представлено последовательно и детально, является его царская хроника²⁴. Она позволяет заключить, что взаимоотношения монарха с племенами оромо оказывали значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Эфиопии того времени.

Весьма интересными в связи с этим представляются обстоятельства воцарения Такла Гиоргиса I, существенную роль в котором сыграло оромское племя меча. Непосредственно перед ним трон занимал царь Соломон II (1777–1779), марионеточный правитель в руках влиятельных феодалов. Когда один из них, Кэнфу Адам, освободил Такла Гиоргиса I из царской тюрьмы на столовой горе (амбе) Вахни и доставил его в землю Дамот, где находился тогда Соломон II, произошли события, расцениваемые хронистом как Божественное провидение: «И в месяце хамле²⁵ поднял Господь людей [племени] меча и Дамота²⁶, и они сказали: „Если не воцарится Такла Гиоргис, мы не подчинимся и не будем платить дань царю Соломону“»²⁷. Тогда, опасаясь смуты, Кэнфу Адам поставил на трон Такла Гиоргиса I, что произошло, согласно тексту хроники, в земле Ебаба 12-го числа месяца хамле (= 17 июля), в день памяти архангела Михаила.

Непосредственно после интронизации люди из племени меча выступили в составе войска Такла Гиоргиса I, предпринявшего свой первый поход. В хронике отмечается, что сыновья знатных людей из пле-

²⁴ Об этом монархе и его хронике см. выше, примеч. 1 и 2.

²⁵ Июль — начало августа 1779 г.

²⁶ В данном контексте используется как этнопоним, обозначающий и историческую область Дамот, расположенную к югу от Годжама и к западу от Амхары, и ее коренное кушитоязычное население.

²⁷ Orient. 821, fol. 447r, col. 1.25–2.7; Eth. 143, fol. 288v, col. 2.21–26 (в парижской рукописи для имени Такла Гиоргис было оставлено место, очевидно, чтобы вписать его красными чернилами, но это так и не было сделано).

мени меча и из Дамота шествовали вместе с царем, когда он покинул свою столицу Гондар. Направлен же этот поход был против других племен оромо, которые совершали военные набеги с целью захвата добычи, по пути разрушая церкви и убивая христиан. Таким образом, эфиопские цари успешно применяли древний принцип *divide et impera*, используя одни племена оромо против других. Представители этого народа, демонстрировавшие лояльность царю, рассматривали военную службу как почетное и прибыльное занятие. Основной жертвой набегов тех оромо, что не подчинялись центральной власти и чинили разбой, оказывались эфиопские крестьянские хозяйства, и без того страдавшие от постоев царского войска, однако, судя по тексту хроники, нередко под их ударом оказывалось и само это войско, в том числе дружинники царя.

Время от времени состоявшие на царской службе оромо оказывались вовлеченными в жесткую внутривластную борьбу, раздиравшую эфиопскую христианскую державу в конце XVIII в. Так, в октябре 1801 г. мятежник *рас* Асарат сбежал из рабства, в которое был продан, и пошел военным походом в сторону области Ласта. Ему на встречу выдвинулся царь Эгвала Сион (сокращенный вариант имени — Гвалу; 1801–1818) с многочисленными отрядами, состоявшими из оромо²⁸.

В тех случаях, когда мятежниками оказывались оромские вожди, ранее изъявлявшие покорность царю, жестокая кара следовала незамедлительно. Например, в хронике царя Такла Хайманота II (1769–1777), одного из предшественников Такла Гиоргиса I, описывается суд над влиятельным оромским вождем по имени Лубо, причинившим царю множество неудобств. На суде было заявлено, что этот Лубо так же вероломен, как и все галла. Его раскаяние не тронуло судей, и он был приговорен к смертной казни. Известно, что этот царь и утвердивший его на троне фактический правитель страны *рас* Михаил по прозвищу Сехуль («Хитроумный») вели активные военные действия против оромо, вылившиеся в несколько кампаний.

Следует подчеркнуть, что и в конце XVIII в. племена оромо продолжали восприниматься в первую очередь как главная внешняя угроза для эфиопского государства. Существовал особый титул, *абагаз*, который носил правитель земель, граничащих с территориями, населенными оромо²⁹. Интересно, что имя составителя свода

²⁸ Orient. 821, fol. 578v, col. 3.2–23; Eth. 143, fol. 361v, col. 1.10–22.

²⁹ *Guidi I. Vocabulario amarico-italiano*. Roma, 1935 (riproduzione fotomeccanica dell'edizione del 1901) (Publicazioni dell'Istituto per l'Oriente, XIII). Col. 457. Данная интерпретация с соответствующей ссылкой приведена также в: The Royal Chronicle of Abyssinia. P. 387.

Хайлу³⁰ было Абагаз. Очевидно, этот титул мог стать наследственным и со временем превратиться в имя собственное.

Наиболее значимым событием всего царствования Такла Гиоргиса I стала масштабная военная кампания в землях племени меча³¹, предпринятая им на третий год правления³². И хотя, на первый взгляд, из хроники явствует, что ее спровоцировали не столько действия самого этого племени, сколько то, что на его территории укрылся поднявший мятеж Кэнфу Адам, арестованный ранее царем за непокорность, но сумевший сбежать из-под стражи, можно с уверенностью предположить, что для царя это был удобный повод подчинить непокорных оромо и освободить захваченных ими во время набегов своих подданных. Разумеется, учитывалось, что в случае массовой поддержки людьми племени меча Кэнфу Адама, которому Такла Гиоргис I был обязан престолом, угроза царской власти стала бы крайне серьезной.

Во время этого похода царское войско сумело покорить не только племя меча, но и некоторые другие оромские племена, в частности волло. Особый интерес представляет описание прихода ко двору одного из его вождей по имени Манашо. Потерпев поражение, он предпочел добровольно сдаться, приведя с собой ранее захваченных в плен христиан из амхара. Как и многие оромо, сам Манашо был язычником. Когда царь спросил Манашо, не хочет ли он перейти в христианство, тот ответил государю, что он предпочел бы остаться в вере своих предков (дословно: «как мой отец»). Некоторые из пришедших с ним захотели креститься под тем предлогом, что прежде они были христианами, но отступили от веры. Тогда царь провозгласил, что тот, кто пожелает перейти или вернуться в христианство, пусть это сделает, а того, кто сохранит верность религии своих отцов, не будут принуждать к крещению³³. При этом хронист, *алека*³⁴ Габру, счел необходимым

Следует отметить, что данный титул не был закреплен исключительно за этим правителем. Его также носил военачальник на время выполнения особой боевой задачи (Эфиопские хроники XVIII века / Введ., пер. с эфиопск., коммент. и закл. С.Б. Чернецова. М., 1991. С. 322. Ср. также: *Chernetsov S. Abägaz* (title). P. 5).

³⁰ См. об этом свде выше, примеч. 4.

³¹ Ей посвящен специальный раздел его царской хроники. См его начало в: *Orient*. 821, fol. 461r, col. 1.1; *Eth.* 143, fol. 296r, col. 1.6.

³² 1781 г.

³³ *Orient*. 821, fol. 474r, col. 2.20–3.8; *Eth.* 143, fol. 303v, col. 2.5–12.

³⁴ *Алека (алака)* — титул (изначально обозначал главу или командира отряда воинов), который давался настоятелям крупных церквей, отвечавшим за порядок и материальное обеспечение культовой структуры, знавшим последовательность проведения литургии, а также игуменам в монастырской среде или вообще высокообразованным в религиозном отношении людям (об этом титуле см., например: *Французов С.А.* История эфиопской литературы на языке геэз // Литературы стран Азии и Африки. Начальный период развития / Отв. ред. В.В. Емельянов. СПб., 2012. С. 214, примеч. 2).

обосновать решение монарха ссылкой на Священное Писание: «Это то, что сказал царь, ибо знал он, как говорится в Писании: „Не крестите язычников силой“»³⁵. Как известно, непосредственно такого изречения в Библии нет, однако оно соответствует не букве, но духу христианской веры. Это весьма значимый отрывок хроники, позволяющий сделать ценные выводы как о религиозной политике царя Эфиопии в этот сложный период ее истории, так и о характере ведения царского летописания.

Данный поступок характеризует царя как мудрого и милосердного правителя и подчеркивает значительную степень проявленной им веротерпимости. Как известно, Эфиопия испокон веков была населена различными народами, исповедовавшими разные религии. Ко времени правления Такла Гиоргиса I сложился определенный, хотя и очень хрупкий баланс интересов между эфиопскими христианами, мусульманами и язычниками. В такой ситуации представляется весьма разумным решение царя гарантировать добровольность обращения в христианство покоренным оромским язычникам. Интересна та манера, в которой хронист его описывает. Он нарочито подчеркивает добродетель царя и изображает его переговоры с вождем волло Манашо как диалог равных, которые говорили на одном языке и понимали друг друга. На самом деле трудно представить, чтобы предводитель оромского племени и пришедшие с ним люди говорили на одном языке с царем (следовательно, на амхарском) на довольно «высокую» тему и прекрасно понимали друг друга. Также вызывает сомнение, что представитель этого народа, пусть и принадлежащий к его элите, мог быть настолько просвещенным в вопросах религии и обладать соответствующей культурой речи, чтобы полемизировать с монархом. Следует предположить, что хронист реконструировал эту сцену, внося в повествование некоторый элемент вымысла, с целью повысить престиж царя христианского государства в глазах подданных.

Однако полного покорения оромо и устранения исходящей от них угрозы в принципе было невозможно достичь. Вскоре после побед, одержанных над их племенами Такла Гиоргисом, один из отрядов оромо отважился совершить вооруженное нападение на походную царскую ставку: «Ночевал царь в Чарака [близ] Адала, и тогда пришли галла в Гуаз и убили многих из дружинников царя и князей, а еще захватили пленных и многочисленную добычу, [включая] царский шатер»³⁶.

Нужно отметить, что в целом успешные военные экспедиции Такла Гиоргиса I против племен оромо стали одной из последних масштабных акций, предпринятых эфиопским монархом для сохранения един-

³⁵ Orient. 821, fol. 474r, col. 3.8–13; Eth. 143, fol. 303v, col. 2.12–14.

³⁶ Orient. 821, fol. 477r, col. 2.13–22; Eth. 143, fol. 305v, col. 1.13–18.

ства эфиопского государства. В последующие десятилетия, вплоть до середины XIX в., жившие в Гондаре цари были марионетками в руках влиятельных феодалов и ни о каких походах не помышляли.

Необходимо подчеркнуть, что царская хроника Такла Гиоргиса I, детально описывающая события переломного этапа эфиопской истории, в ходе которого происходил переход от относительного единства страны, обеспечивавшегося правившими в Гондаре царями, к полной феодальной раздробленности, а также другие хроники этого времени являются уникальными источниками, позволяющими реконструировать историю Эфиопии конца XVIII в. не только в военно-политическом, но и в этноплеменном аспекте, и, вне всякого сомнения, заслуживают критического издания, основанного на всех дошедших до нас списках, с переводом и подробным историко-филологическим комментарием. Актуальность и даже, до некоторой степени, политическая злободневность этих памятников позднесредневековой эфиопской историографии состоит в том, что заметное место в них уделено взаимоотношениям племен оромо как с царской властью, так и оседлыми христианскими народами Эфиопии, в первую очередь с амхара, поскольку в наши дни именно оромский вопрос во многом определяет будущее этой страны.

Библиография

- Мисюгин В.М., Чернецов С.Б.* «История галла» как этноисторический источник // *Africana. Африканский этнографический сборник. XI. Л., 1978 (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. CV). С. 151–192.*
- Misyugin V.M., Chernetsov S.B.* «Istoriya galla» kak etnoistoricheskiy istochnik // *Africana. Afrikanskiy etnograficheskiy sbornik. XI. L., 1978 (Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya. T. CV). S. 151–192.*
- Французов С.А.* История эфиопской литературы на языке геэз // *Литературы стран Азии и Африки. Начальный период развития / Отв. ред. В.В. Емельянов. СПб., 2012. С. 213–244.*
- Frantsuzov S.A.* Istoriya efipskoy literatury na yazyke geez // *Literatury stran Azii i Afriki. Nachalnyy period razvitiya / Отв. ред. V.V. Yemelyanov. SPb., 2012. S. 213–244.*
- Чернецов С.Б.* Ахмад Ибрахим аль-Гази // *Православная Энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 209–210.*
- Chernetsov S.B.* Ahmad Ibrahim al-Gazi // *Pravoslavnaya Entsiklopediya. T. IV. M., 2002. S. 209–210.*
- Чернецов С.Б.* Эфиопская феодальная монархия в XVII веке. М., 1990.
- Chernetsov S.B.* Efipskaya feodalnaya monarkhiya v XVII veke. M., 1990.
- Эфиопские хроники XVIII века / Введ., пер. с эфиопск., коммент. и закл. С.Б. Чернецова. М., 1991.
- Efiopskie khroniki XVIII veka / Vved., per. s efipsk., komment. i zakl. S.B. Chernetsova. M., 1991.

- d'Abbadie A.* Géographie de l'Éthiopie: ce que j'ai entendu, faisant suite à ce que j'ai vu. P., 1890.
- Asafa Jalata.* The Struggle for Knowledge: The Case of Emergent Oromo Studies // African Studies Review. 1996. Vol. 39. No. 2. P. 95–123.
- Bairu Tafla.* Däggazmač // EAE. Vol. 2. Wiesbaden, 2005. P. 62–63.
- Baxter P.T.W.* Bahray // EAE. Vol. 1. Wiesbaden, 2003. P. 446.
- Baxter P.T.W.* Galla // EAE. Vol. 2. Wiesbaden, 2005. P. 660–661.
- Bosc-Tiessé C.* Iyasu I // EAE. Vol. 3. Wiesbaden, 2007. P. 349–351.
- Caquot A.* Histoire amharique de Grañ et des Gallas // Annales d'Éthiopie. 1957. 2. P. 123–143.
- Chernetsov S.* Abägaz (person) // EAE. Vol. 1. Wiesbaden, 2003. P. 5.
- Chernetsov S.* Haylä Mika'el Ḥšäte // EAE. Vol. 2. Wiesbaden, 2005. P. 1059–1060.
- Conti Rossini C.* Due squarci inediti di Cronaca Etiopica // Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei. Classe di Scienze Morali, Storiche e Filologiche. Ser. 5. Vol. 2. Roma, 1893. P. 804–808.
- Ezekiel Gebissa.* Oromo History // EAE. Vol. 4. Wiesbaden, 2010. P. 61–64.
- Getatchew Haile.* Yeabba Bahriy Dirsetoch. Minnesota, 2002.
- Guidi I.* Historia gentis Galla // CSCO 20, Scr. Aeth. 3. Louvain, 1907. P. 221–231 (текст); CSCO 21, Scr. Aeth. 4. Louvain, 1907. P. 195–208 (перевод).
- Guidi I.* Vocabulario amarico-italiano. Roma, 1935 (riproduzione fotomeccanica dell'edizione del 1901) (Publicazioni dell'Istituto per l'Oriente, XIII).
- Hammerschmidt E., Six V.* Äthiopische Handschriften. 1: Die Handschriften der Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz. Wiesbaden, 1983.
- Hultin J.* Perceiving Oromo. 'Galla' in Great Narrative of Ethiopia // Being and Becoming Oromo. Uppsala, 1996. P. 81–91.
- Hultin J.* Oromo Ethnography // EAE. Vol. 4. Wiesbaden, 2010. P. 59–61.
- Ješman C.* The Ethiopian Paradox. London–New York–Nairobi, 1963.
- Kropp M.* Die äthiopischen Königschroniken in der Sammlung des Däggazmač Haylu. Entstehung und handschriftliche Überlieferung des Werks. Frankfurt-am-Main–Bern–New York–Paris, 1989 (Heidelberger orientalische Studien. Bd 13).
- Muth Fr.-Ch.* Aḥmad b. Ibrāhīm al-Gāzī // EAE. Vol. 1. Wiesbaden, 2003. P. 155–158.
- Nosnitsin D.* Ras // EAE. Vol. 4. Wiesbaden, 2010. P. 330–331.
- Rhodokanakis N.* Die äthiopischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu Wien. Bd 151, 4. Wien, 1906. S. 1–93, Taf. I–V.
- The Royal Chronicle of Abyssinia, 1769–1840, with Translation and Notes by H. Weld Blundell. Cambridge, 1922.
- Schleicher A.W.* Geschichte der Galla. Text und Übersetzung. B., 1893.
- Wright W.* Catalogue of the Ethiopic Manuscripts in the British Museum. L.–B., 1877.
- Wudu Tafete Kassu.* Aligaz // EAE. Vol. 1. Wiesbaden, 2003. P. 203–204.
- Zotenberg H.* Catalogue des manuscrits éthiopiens (gheez et amharique) de la Bibliothèque nationale. P., 1877.

Список сокращений

CSCO — Corpus scriptorium christianorum orientalium
 EAE — Encyclopaedia Aethiopica
 Scr. Aeth. — Scriptorum Aethiopici

E.V. Gusarova

**THE OROMO PEOPLE IN ETHIOPIA
DURING THE REIGN OF TÄKLÄ GIYORGIS I
(LATE 18th CENTURY A.D.)
ACCORDING TO HIS ROYAL CHRONICLE**

Summary: The article deals with several episodes of the centuries-old history of the Oromo people speaking a Cushitic language who nowadays constitute almost a half of the population of Ethiopia. Its contents are concentrated on the military campaigns undertaken by the king of the Ethiopian Christian state Täklä Giyorgis I in 1779 and 1781 against some tribes of Oromo designated in the sources written in the Classical Ethiopic (Ge'ez) language with the pejorative ethnonym Galla. The article is based on materials extracted from the royal chronicle of Täklä Giyorgis I and from other chronicles included in the large corpus of local historiographic works compiled in 1784–1785 on the order of a prominent Ethiopian nobleman Ḥaylā Mika'el ʾƏšäte.

Key words: late medieval Ethiopia, king Täklä Giyorgis I, the Oromo (Galla) people, military campaigns, Ethiopian historiography.

Ю.И. Елихина

**ТИБЕТСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА**

Статья посвящена описанию наиболее интересных и характерных произведений тибетского буддийского искусства тибетской коллекции Государственного Эрмитажа, насчитывающей около трех с половиной тысяч предметов. К ним относятся скульптура, живопись, ритуальные предметы, ксилографические доски и книги. В статье рассказывается также о собирателях.

Ключевые слова: Государственный Эрмитаж, тибетская коллекция, бронзовая скульптура, живопись-тангка.

Тибетская коллекция Государственного Эрмитажа насчитывает около трех с половиной тысяч предметов. К ним относятся произведения скульптуры, живописи-тангка (тиб. *thang-ka*), ритуальные предметы, ксилографические доски и книги. Коллекции тибетского искусства собирали князь Э.Э. Ухтомский (1861–1921), путешественник П.К. Козлов (1863–1935), А.К. Фаберже (1876–1951), второй сын знаменитого ювелира; востоковеды Ю.Н. Рерих (1902–1960) и Б.И. Панкратов (1892–1979). Эти коллекции легли в основу собрания Государственного Эрмитажа. Некоторые предметы приобретались музеем или были поднесены в дар.

Основу тибетской коллекции Государственного Эрмитажа составляет собрание Эспера Эсперовича Ухтомского, дворянина, дипломата, публициста, поэта и переводчика.

Род князей Ухтомских — ветвь дома Рюриковичей, включающая в число предков по женской линии Юрия Долгорукого и хана Батыя. Отец, Эспер Алексеевич (1834 или 1832–1885), — морской офицер, участник обороны Севастополя, кругосветного плавания на корвете «Витязь» и похода на фрегате «Аскольд» в Нагасаки, капитан I ранга (1870), с 1881 г. — помощник морского агента в Австрии и Италии, один из основателей Товарищества Русского Восточного пароходства, осуществ-

влявшего рейсы в Индию и Китай. Мать, Дженни Алексеевна (урожденная Грейг, 1835–1870), была внучкой С.К. Грейга, адмирала эпохи Екатерины II, героя Чесменского сражения.

Э.Э. Ухтомский (1861–1921) окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, много путешествовал, неоднократно посещал Калмыкию, Бурятию, Монголию и Китай. В 1890–1891 гг. Э.Э. Ухтомский занимал при царском дворе пост камергера, был участником путешествия на Восток цесаревича Николая Александровича, которое подробно описал в своих сочинениях. Он имел самые обширные связи и поставщиков в этих регионах. В период с 1886 по 1890 г. Э.Э. Ухтомский неоднократно бывал на Востоке. Он посетил «буддийские монастыри Забайкалья, проехал Монголию от Кяхты до Великой стены, был в ламских святилищах Пекина»¹ и описания своих поездок опубликовал в «Русском Вестнике». Всю свою жизнь Э.Э. Ухтомский стремился, изучая культуру Центральной Азии, добиться большего политического, экономического и культурного сближения России с Востоком. Этой цели служили его выступления в печати, путешествия и собранная им коллекция, которая считалась наиболее ценным собранием произведений буддийского искусства в России до революции 1917 г. Публикация этой коллекции, осуществленная профессором А. Грюнведем, получила на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. большую золотую медаль и привлекла внимание европейцев к памятникам тибетского искусства. В ней представлены уникальные и самые разнообразные по стилям и времени произведения, дающие наиболее полное представление о буддийском искусстве и пантеоне.

Коллекция Э.Э. Ухтомского первоначально находилась в Этнографическом отделе Государственного Русского музея, ее первыми хранителями были сам собиратель и его сын, Дий Эсперович (1886–1918). В 1934 г. часть коллекции (около полутора тысяч экспонатов) была передана в Отдел Востока Государственного Эрмитажа, где хранится и экспонируется в настоящее время. К тому времени в Эрмитаж были переданы из Этнографического отдела Русского музея коллекции Э.Э. Ухтомского и других собирателей. В 1934 г. вдова П.К. Козлова передала фамильное собрание предметов буддийского искусства. Коллекция была сформирована в целом к 1936 г., позднее, в конце 1968 г., Государственным Эрмитажем были приобретены тангка из коллекции Ю.Н. Рериха и собрание Б.И. Панкратова.

Петр Кузьмич Козлов (1863–1935) — русский путешественник, исследователь Центральной Азии, участник и руководитель многих экс-

¹ Леонов Г.А. Э.Э. Ухтомский. К истории ламаистского собрания Государственного Эрмитажа // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение). С. 103.

педиций. Благодаря его экспедициям коллекции Эрмитажа пополнились археологическими находками из Ноин-Улы (2 тыс. ед. хр.), Хара-Хото (3,5 тыс. ед. хр.) и буддийской тибето-монгольской коллекцией (320 ед. хр.).

Агафон Карлович Фаберже (1876–1951), второй сын Карла Густавовича Фаберже, знаменитого российского ювелира, был известным собирателем восточного искусства. В 1920 г. коллекция была конфискована. Сохранившаяся в Эрмитаже часть коллекции насчитывает 89 произведений бронзовой пластики.

Юрий Николаевич Рерих (1902–1960) — востоковед, блестящий лингвист и переводчик, исследователь Центральной Азии, автор трудов по индологии, тибетологии и монголоведению. Часть собрания Ю.Н. Рериха, хранящаяся в Государственном Эрмитаже, насчитывает 44 тангка. В истории востоковедения Ю.Н. Рерих остается первым исследователем тибетской живописи.

Борис Иванович Панкратов (1892–1979) — один из самых крупных востоковедов 30–70-х годов XX в., занимавшихся изучением Дальнего Востока. Он был человеком необычайной широты научных знаний и интересов. Во время дипломатической работы в Китае, поездок по Монголии и Бурятии Борис Иванович собирал живопись, ксилографы и предметы культа. После его смерти эти предметы были приобретены Государственным Эрмитажем. Собрание тибетского искусства Б.И. Панкратова насчитывает 289 произведений.

Искусство Тибета отражает комплексный характер культуры, зародившейся на перекрестке культур Индии, Китая и Центральной Азии. Тибетское буддийское искусство является интернациональным, так как оно получило распространение у китайцев, тангутов, монголов, бурят, калмыков, тувинцев, бутанцев, жителей Сиккима, Непала, Мустанга и Ладакха.

Тибетское искусство представляет собой тонкий духовный мир буддийской культуры, набор символов и знаков, которые хорошо понятны каждому адепту. Буддизм начал распространение в Тибете в VII в., и до середины XX в. именно в сакральной сфере (архитектура, живопись, скульптура) реализовывалась художественная эстетика тибетцев. В духовных практиках адепт отождествлял себя с божеством до такой степени, что мог общаться с ним и получать советы. Божество, цвет его тела, поза, жесты и украшения — все имеет определенное значение, известное каждому адепту и предписанное иконографическими и иконометрическими канонами, а также структурой буддийского пантеона. Все памятники (живопись, скульптура и предметы культа) изготавливались в монастырях, которые являлись центрами духовной культуры.

Художники, изначально ремесленники, разделялись на скульпторов и живописцев. Каждое из этих ремесел требовало специальной подготовки, знания материала, определенных технологий и канонов. Для изготовления бронзовой скульптуры использовали технику «замещенного»² воска. Затем произведения золотили, полностью или частично. Художники строго следовали иконографическим и иконометрическим канонам, в которых были описаны правила изображения божеств и их размеры.

В иконографии тибетского буддизма положение рук и поза божеств также имели определенный смысл. Пантеон буддийских божеств достаточно обширен, в него входят будды, бодхисаттвы, гневные и милостивые божества, идамы (личные божества-хранители) и изображения выдающихся представителей буддийского духовенства.

В коллекции больше всего представлено изображений Будды Шакьямуни. В иконографии Будда имеет 32 больших и 80 малых отличительных признаков. К большим признакам относятся стройное тело, длинные руки, золотистый цвет кожи, широкие и округлые плечи и др.³. Эти особенности облегчали зрительное восприятие образа и воссоздание его в памяти адепта. Медитация на 32 больших признаках на протяжении долгих веков оставалась главным средством, с помощью которого воспроизводили в сознании облик Будды. С начала нашей эры в связи с распространением Учения мастера в большом количестве ваяли и писали образы Будды.

Для более тонкой детализации было создано учение о 80 малых признаках. К ним относятся описания рук, ног, волос, зубов, походки, голоса и других особенностей⁴. Кроме внешних признаков Будду отличала определенная иконография: жесты (мудры) и поза (асана), в которой он находился. Наиболее характерной иконографией для правой руки Будды Шакьямуни является бхумиспарша-мудра (жест касания земли) (тиб. sa-gñonphyag-rgya), в левой руке он может держать чашу для сбора подаяний (патра). Левая рука может быть расположена и в жесте медитации (дхьяна-мудра) (тиб. bsam-gtan-gyiphyag-rgya). Восседает Будда в алмазной позе — ваджрасана (тиб. rdo-rje'iskyil-krung). Он находился именно в таком положении, когда его искушал демон Мара. Также руки Будды могут изображаться в дхармачакра-мудре (жесте поворота колоса учения) (тиб. chos-chadphyag-rgya). Особыми признаками Будды («пробужденного») являются урна и ушниша (тиб.

² В технике «замещенного» воска используют восковую модель, сверху ее покрывают глиной. В глиняной форме оставляют отверстия, через которые вытекает воск при замещении его сплавом. Затем, когда сплав остынет, глиняную форму разбивают и бронзовую скульптуру дорабатывают вручную.

³ Андронов В.П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. М.: Восточная литература, 2001. С. 355–358.

⁴ Там же. С. 364–367.

gtsugtor). В махаянских сутрах урна описывается как источник лучей света, освещающего миры. Ушниша представляет собой выступ на макушке, особый признак, присущий просветленным сущностям⁵. Однако эти признаки характерны для Будды после просветления. Как правило, принято изображать Будду без украшений, так как он отказался от всех земных благ, но иногда встречаются изображения коронованного Будды, символизирующие тело блаженства — самбхога-кая⁶. Существует также особая иконография для образа Будды — ребенка, подростка и аскета, а также для сцены Великого ухода и пострижения в монахи.

Самыми ранними сочинениями, связанными с житием Будды, являются джатаки (рассказы о прошлых воплощениях Будды) и аваданы (поучительные истории). Сюжеты из этих произведений очень часто встречаются в тибетской живописи. В коллекции Эрмитажа имеются серии тангка, повествующие о жизни и чудесах Будды Шакьямуни (инв. № У-43–69). Всего они насчитывают 27 тангка. Эти серии были написаны в монастырях Бурятии по просьбе Э.Э. Ухтомского.

Тибетская живопись в коллекции Эрмитажа представлена произведениями XVII–XIX вв., имеются тангка, написанные в стилях «новый менри»⁷, «карма-гардри»⁸, в стилях монастыря Лавран, лхасском, ургинском⁹

⁵ Там же. С. 357.

⁶ Три тела Будды — одно из основных понятий в буддийской мифологии. Принцип просветления имеет три уровня: дхарма-кая (абсолютный), самбхога-кая (идеальный) и нирмана-кая (конкретный). Дхарма-кая — вневременное и недвойственное состояние, пустота и всепроникающая высшая реальность, духовное тело Будды. Самбхога-кая — тело блаженства, в нем пребывают будды и бодхисаттвы до их воплощения на земле. Нирмана-кая представляет собой земное тело Будды.

⁷ Стиль «новый менри» получил распространение в XVII–XX вв. Он был основан в середине XVII в. художником Цангпа Чойджин Гьяцо, который работал под патронатом Далай-ламы V и расписывал монастырь Ташилунпо. Живопись отличается тонкостью письма, обильно применяется золото. Для этого стиля характерно использование китайских элементов пейзажа (кучевые облака, горы, водопады, реки, радуги, буйная растительность, цветы, храмы, фигурки животных и птиц). Фигуры божеств и святых изображаются в естественных свободных позах. Они облачены в широкие одежды, декорированные растительным орнаментом, с большим количеством складок. Стиль «новый менри» считается наиболее популярным в тибетской традиции.

⁸ Стиль «карма-гардри» создан монахами школы кармапа и художником Намха Таши (работал в 1560–1590 гг.). Пропорции стиля «карма-гардри» основаны на стиле «менри» и индийской бронзовой скульптуре. Элементы пейзажа заимствованы из китайского стиля периода правления китайского императора Юн-лэ. Основной чертой этого стиля является бледный фон, в композиции преобладают небо и пейзаж. Центральная фигура сравнительно небольшая и пишется более темными красками на светлом фоне. Золота используется очень немного. Краски в основном светлые, наложены тонким слоем.

⁹ Некоторые монастыри и города имели свои собственные художественные стили. Подробное описание каждого из них требует специального исследования.

и тибето-китайском. Некоторые тангка, привезенные Ю.Н. Рерихом, происходят из Бутана и Непала.

Монгольская живопись в эрмитажном собрании представлена довольно слабо, но и на имеющихся тангка можно проследить особенности местной иконографии. К таким памятникам относятся изображения Богдо-гэгэна, бога войны Далха, Белого Старца, Гэсэра, богини богатства Бахапутрапатисары, которая в Монголии стала почитаться и как подательница детей.

Бронзовая буддийская пластика Тибета в коллекции Государственного Эрмитажа представлена достаточно хорошо. В ней имеется скульптура разных художественных стилей и времени. Произведений ранней тибетской пластики в коллекции нет. Самая ранняя скульптура из Индии и Кашмира, оказавшая значительное влияние на формирование тибетской традиции, датируется VII–VIII вв. Буддийские статуэтки, как правило, анонимные. Имя мастера писали в крайне редком случае. Чаще памятники определяются по стилю или по характерным только для мастера художественным приемам и особенностям. В коллекции представлены работы трех мастеров: тибетцев Тхантонг Гьялпо (1361–1485 или 1385–1464) и кармапы X — Чойджин Дордже (1604–1674), монгольского скульптора Дзанабадзара (1635–1723).

Среди произведений тибетской бронзовой пластики выделяются два основных направления: золоченой и незолоченой скульптуры.

Скульптуру отливали из меди и покрывали горячей позолотой, эта техника получила распространение в Непале во время правления династии Личчхави (приблизительно 400–879 гг.). Произведения, выполненные в этой технике, получили название золоченой скульптуры (илл. 1). Такова статуэтка Будды Шакьямуни, на которой красный цвет меди ярко выступает в тех местах, где позолота потерта. Будда Шакьямуни изображен стоящим в позе трибханга, с изящным S-образным изгибом тела. Подобная иконография наиболее характерна для раннего искусства Гандхары, затем она распространилась на территории всего Дальнего Востока. В такой традиции Будда держит правую руку перед грудью в жесте подавления страха (абхайя-мудра). Согласно легенде, этим жестом он остановил взбесившихся слонов. В левой руке Будды зажат край одеяния, которое облегает фигуру и подчеркивает ее совершенство. Подобные одеяния Будды появляются в Кашмире. Основной особенностью непальской скульптуры служит нимб, он не встречается среди произведений китайско-тибетской бронзовой пластики, но имеется у некоторых скульптур Кашмира и Тибета¹⁰. Сама скульптура

¹⁰ *Schroeder U. Buddhist Sculptures in Tibet. Hong Kong: Visual Dharma Publication, 2001. Vol. I. P. 116, 141, 143, 147.*

Илл. 1.

Будда Шакьямуни. Государственный Эрмитаж,
инв. № У-503. Коллекция Э.Э. Ухтомского.
Бронза, литье, позолота, краска. Непал, X–XI вв.

является одним из главных шедевров коллекции Государственного Эрмитажа как по качеству исполнения, художественному уровню, так и по времени изготовления памятника. Непал славился неварскими мастерами, которых приглашали ко двору императоры монгольской династии Юань (1279–1368) и династии Мин (1368–1644).

Уникальными произведениями тибето-китайского стиля во всем мире признаны скульптуры периода правления минских императоров Юн-лэ (1403–1424) и Сюаньдэ (1425–1435). Эти произведения создавались под влиянием непальских мастеров. Скульптуру отличают высочайший уровень художественного исполнения и единообразие произведений пластики. Произведения бронзовой пластики проработаны до мельчайших деталей не только с лицевой, но и с оборотной стороны. Характерными особенностями для скульптуры периода Юн-лэ являются серьги округлой формы и специфические одеяния божеств, особая удлиненная форма лепестков лотоса и их четное число, двойное обрамление сверху и снизу в виде «жемчужин» на лotosовой подставке и тончайшая проработка деталей. Милостивые божества имеют двойные лotosовые престолы, а тантрические и гневные помещены на одинарных; в обоих случаях пьедесталы округлой формы. Китайская скульптура времени Юн-лэ обычно не декорировалась вставками из бирюзы или коралла, что более характерно для тибетской и непальской бронзовой пластики. Очень трудно объяснить отсутствие инкрустации у китайской скульптуры, хотя тибетские и непальские мастера широко применяли технику инкрустации в это время. По большей части скульптуры подписные, хотя иногда встречаются и произведения без подписей. В коллекции имеются семь таких скульптур, изображающих Будду Шакьямуни, Амитаюса, Авалокитешвару Шадакшари, Авалокитешвару Кхасарпану, Рактаямари (илл. 2), бодхисаттву Майтрею и четырехрукого Манджушри (илл. 3). Самым уникальным произведением является скульптура Рактаямари, сплав содержит 40 процентов золота. Она не имеет аналогов в известных нам коллекциях.

Рактаямари (Ракта — красный, Ямари — враг Ямы, тиб. *gshed-dmar*) — одна из форм Ямантаки, победителя владыки смерти, бога Ямы. Рактаямари является одной из гневных форм Манджушри, бодхисаттвы мудрости. Левой рукой он обнимает праджню, свою женскую ипостась, Ваджраветали. У них в левых руках находятся капалы (чаши из человеческих черепов), наполненные кровью. В правой руке Рактаямари держит жезл, верх которого утрачен. Ваджраветали в правой руке сжимает ритуальный кинжал особой формы (картрика). Эта пара попирает ногами бога смерти Яму, индуистское божество, лежащее на быке. В левой руке он держит аркан (лассо), атрибут из правой руки утрачен. На престоле имеется китайская надпись: «Да мин юн-лэ нянь ши»

Илл. 2.

Рактаямари. Государственный Эрмитаж, инв. № КО-848.
Коллекция Э.Э. Ухтомского. Бронза (в сплаве 40% золота), литье.
Китай, Юн-лэ (1403–1424), тибето-китайский стиль

Илл. 3.

Манджушри. Государственный Эрмитаж, инв. № У-834.
Коллекция Э.Э. Ухтомского. Бронза, литье, позолота, краска.
Китай, Юн-лэ (1403–1424), тибето-китайский стиль

т.е. «сделано (пожертвовано) в годы правления императора под девизом Юн-лэ династии великая Мин», что еще раз подтверждает ее датировку.

Бодхисаттва мудрости Манджушри в четырехрукой форме держит свои главные атрибуты в двух основных руках: в правой — меч, рассекающий тьму невежества, и в левой — стебель лотоса, на котором находится книга «Праджняпарамита-сутра». Во второй левой руке он держит лук, стрела из второй правой руки утрачена. Лук и стрела — символы медитации и мудрости, они направлены против зла и эгоизма. Восседает бодхисаттва в алмазной позе (ваджрасана).

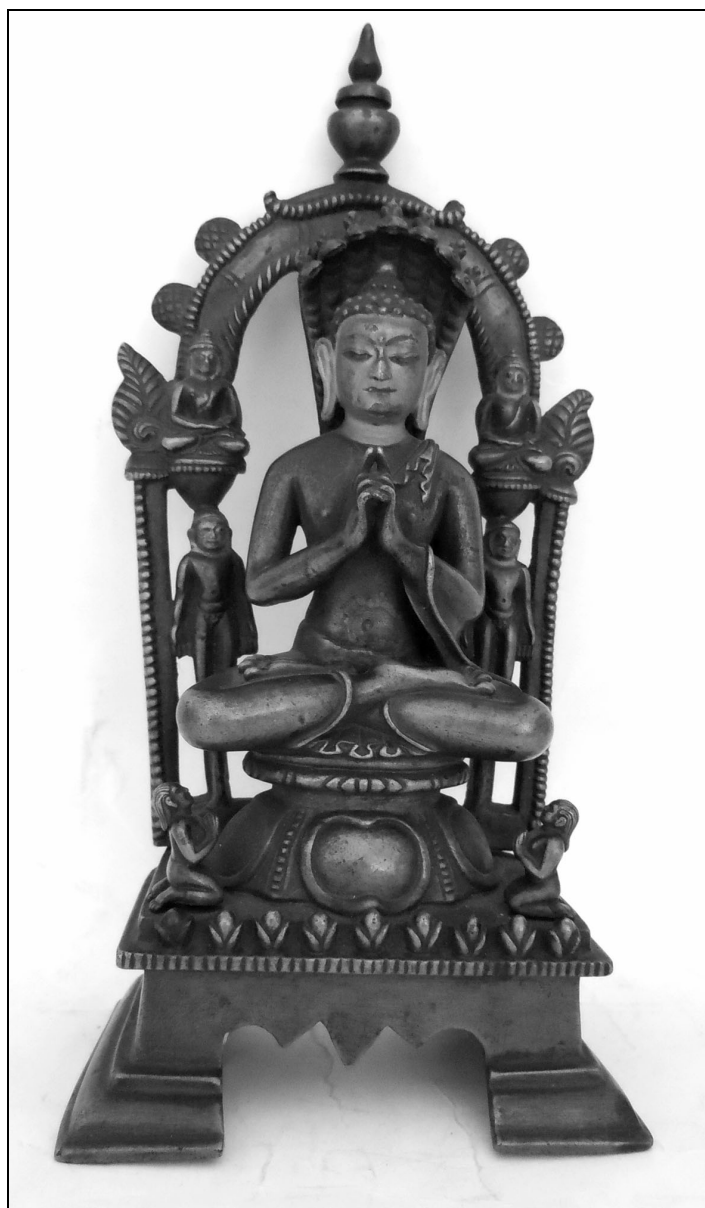
Скульптура также подписная. Для нее характерен высочайший художественный уровень литейного искусства. Аналогичные скульптуры находятся в Британском музее, Метрополитен-музее, Музее Востока (Москва) и в Тибете. Такая иконография наиболее характерна для ранней скульптуры.

В XVII–XVIII вв. в Тибете и Китае возникает традиция подражания, изготовления скульптур «под старину», создания копий произведений ранней тибетской бронзовой пластики имперского периода и индийских династий Пала–Сена (750 — середина XIII в.). Для таких предметов, как и для школы незолоченой скульптуры, характерны холодная позолота лица, реже ладоней и ступней божества, инкрустация бронзы медью и серебром, повторение набора и формы индийских украшений, богато декорированных престолов и мандорл¹¹. В коллекции представлено довольно большое число подобных произведений.

К этим же скульптурам относится и Будда Нагешварараджа (тиб. *klu-dbang-rgyal-po*) (илл. 4), он имеет тело синего цвета, лицо белого цвета и руки — в жесте «покорения змей (нагов)». Вокруг нимба Будды — змеиные головы. Нагешварараджа восседает на лotosовом престоле в алмазной позе (ваджрасана), на престоле видны хвосты змей. Змея (наг) — популярный персонаж буддийской мифологии. Змеи почитаются как хранители водоемов, хтонические¹² божества, но в то же время они могут вредить и вызывать некоторые болезни. Змеи прикрывали голову Шакьямуни во время дождя, часто селились в местах обитания святых. Среди 35 Будд покаяния особо почитается Нагешварараджа — повелитель змей. Скульптура выполнена в стиле подражания традиции Пала–Сена. Образ Будды окружен аркой, верх арки украшен сосудом (бумба). Вокруг Нагешварараджи — еще четыре Будды: двое стоящих и двое сидящих, помещенных на спинке престола.

¹¹ Мандорла — радужное сияние, окружающее все тело Будды или божества.

¹² Хтонические божества связаны с производительными силами земли или с подземным миром.

Илл. 4.

Будда Нагешварараджа. Государственный Эрмитаж, инв. № У-601.
 Коллекция Э.Э. Ухтомского. Бронза, литье, частичная позолота, краска.
 Тибет, XVII–XVIII вв., стиль подражания традициям Пала–Сена

У лотосового трона восседают две коленопреклоненные якшини¹³. Холодной позолотой покрыты только лица всех Будд.

Среди произведений тибетской буддийской пластики часть скульптур инкрустированы полудрагоценными камнями, они отличаются богатством и обилием украшений, некоторой массивностью фигур при соблюдении пропорций, свободными позами и изящными изгибами тел, изысканной гравировкой. Одним из шедевров коллекции, выполненной в подобном стиле, является скульптура Чакрасамвары (илл. 5). Чакрасамвара (тиб. 'khor-lo sdom-pa или 'khor-lo bde-mchog), идам, «Совершенное блаженство» или «Совершенство союза», — тантрическое медитативное божество наивысшей йоги. В буддизме считается, что Чакрасамвара живет на горе Кайлас и является особой эманацией Шивы. «Чакрасамвара-тантра» сложилась в Северной Индии в конце VIII — начале IX в. Наряду с «Хеваджра-тантрой» это наиболее известная материнская тантра, почитающая женские божества, подобные йогини и дакини. Практика материнских тантр сосредоточивается больше на ясном легком уме блаженного осознания пустоты, как непосредственная причина для достижения всеведения Будды или дхармакаи, тела блаженства. В Тибете тантра Чакрасамвары изучалась всеми школами буддизма, хотя особое распространение она получила в традиции гелукпа и кармапа.

Чакрасамвара в форме Парамасукха изображается с телом темно-синего цвета, в объятиях он держит праджню, Ваджраварахи, с телом красного цвета. Атрибутами Ваджраварахи служат капала и картрика. В этой форме у Чакрасамвары 12 рук. Чакрасамвара символизирует сострадательное сознание Будды, а Ваджраварахи олицетворяет природу всепроникающей мудрости Будды. У Чакрасамвары четыре лика, на каждом лице находится по три глаза. Центральное лицо, обращенное на восток, — синего цвета, на юг (направо) — желтое, на север (налево) — зеленое, и на запад (назад) — красное. В прическе помещены вишва-ваджра (перекрещенная ваджра) и полумесяц. В основных руках божество держит колокольчик и ваджру. В верхних руках — шкуру слона. В остальных правых руках у него находятся топор, картрика, трезубец и барабанчик-дамару, в левых — капала, аркан, отрубленная четырехликая голова Брахмы и жезл. Правой ногой он попирает Каларати, левой — Бхайраву.

Скульптуру характеризуют тонкая проработка деталей, яркая горячая позолота, инкрустация бирюзой, удлиненные пропорции тел и изящные

¹³ Якши (тиб. gnod-sbyin) — божества хтонического происхождения, имеющие отношение к плодородию. Они являются слугами бога богатства Куберы (Вайшраваны), охраняют его заповедные сады на горе Кайлас и сокровища, зарытые в земле и горных пещерах.

Илл. 5.
Чакрасамвара. Государственный Эрмитаж, инв. № У-1043.
Коллекция Э.Э. Ухтомского. Бронза, литье, позолота,
инкрустация бирюзой, краска. Тибет, XVII в.

Илл. 6.

Белая Тара. Государственный Эрмитаж, инв. № У-923.
Коллекция Э.Э. Ухтомского. Бронза, литье, позолота, краска.
Китай, XVII–XVIII вв., тибето-китайский стиль

фигуры божеств. Она является одной из лучших в коллекции Государственного Эрмитажа художественному уровню, сохранности и выразительности.

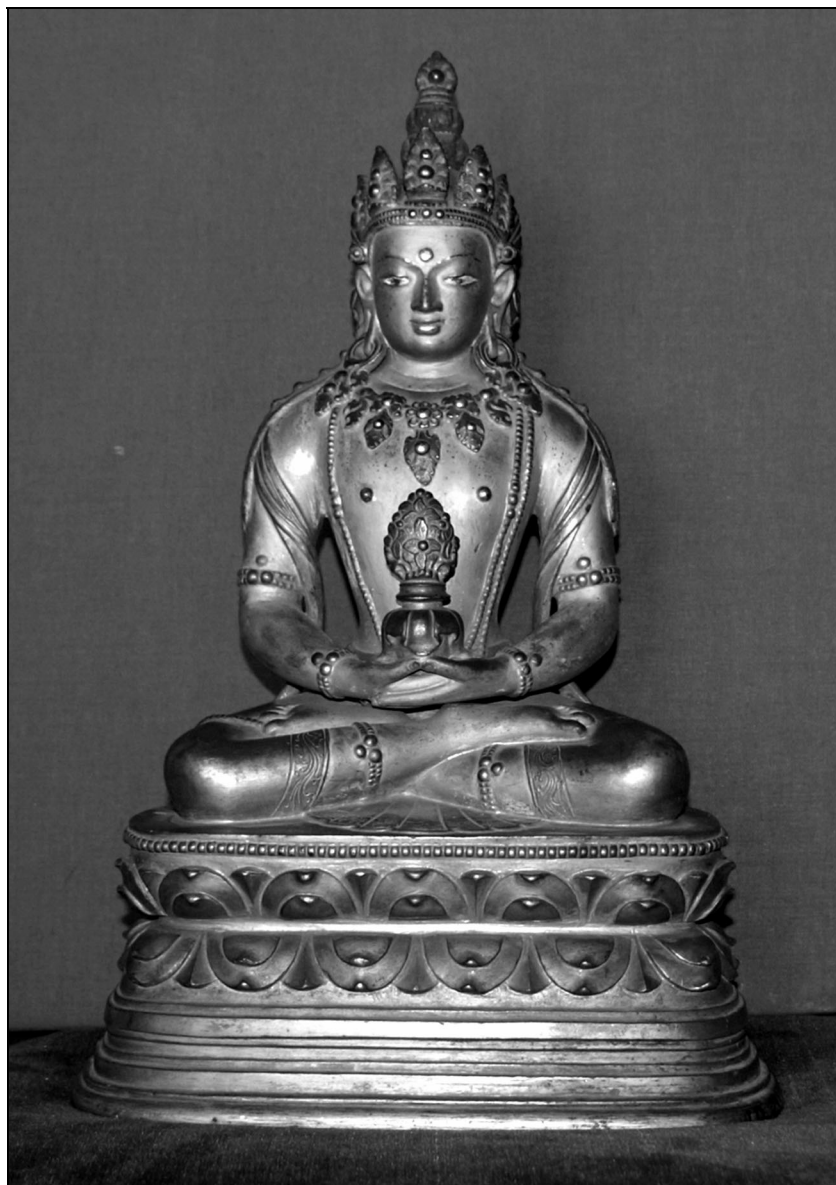
Больше всего произведений бронзовой пластики из коллекции Государственного Эрмитажа относится к тибето-китайскому стилю. Одним из примеров может служить образ Белой Тары (тиб. *sgrol-dkar-ma*) (илл. 6), спасительницы, по буддийским представлениям, она дарует долголетие. Тара изображается сидящей в алмазной позе (ваджрасана) на двойном лotosовом престоле, ее правая рука находится в жесте, дающем благо (варада-мудра), в левой она держит стебель лотоса.

Белая Тара также символизирует чистоту и трансцендентную мудрость. Практика Белой Тары способствует духовному росту и продлению жизни. Отличительной особенностью Белой Тары являются семь глаз, три из них расположены на лбу, а еще четыре — на ладонях и ступнях. Эти глаза позволяют ей видеть всех живых существ в каждой локе (измерении бытия) с проницательной мудростью и состраданием.

Ее украшения имеют ярко выраженный растительный декор. Особенно интересны серьги в виде цветочных розеток. Верх прически утрачен. В целом скульптура довольно крупная, она притягивает взгляд благодаря пропорциональности, проработанности деталей, тонкой гравировке и высокому художественному уровню литья, которое было характерно для времени императора Цяньлуня (прав. 1736–1795).

В собрании имеется скульптурная мандала Будды врачевания, Бхайшаджьягуру, — уникальный памятник, аналогов которому нет в музеях Европы и Америки. Мандала состоит из 50 статуэток, представляет собой космическую модель вселенной, в центре которой находится Будда, и сориентирована по сторонам света в соответствии с иконографическими канонами. Она датируется XVIII в. и выполнена в тибето-китайском стиле.

В конце XVI в. в связи с завоеванием территории Монголии маньчжурами начался новый этап распространения тибетского буддизма. Большую роль в этом процессе играл глава буддийской церкви — первый Богдо-гэгэн Дзанабадзар (1635–1723). Он был еще и выдающимся монгольским скульптором. После смерти мастера его ученики работали, используя его литейные формы. В собрании Государственного Эрмитажа имеются одна работа самого Дзанабадзара, изображающая Амитаюса (илл. 7), и несколько скульптур, относящихся к произведениям его школы. Скульптура Будды долголетия и здоровья — Амитаюса — характеризуется монументальностью, присущей произведениям непальской бронзовой пластики. Фигура божества отличается пропорциональностью и совершенством форм. Украшения представляют собой сочетание китайских и индийских традиций. На волосах

Илл. 7.

Амитаюс. Государственный Эрмитаж, инв. № У-707.
Коллекция Э.Э. Ухтомского. Бронза, литье, позолота, краска.
Монголия, XVII в. Скульптор Дзанабадзар

следы синей краски. Скульптура не вскрыта, имеет двойной лотосовый престол, верхние лепестки лотоса смещены относительно нижних. Для произведений Дзанабадзара и его школы характерно гравированное и позолоченное изображение вишва-ваджры на дне скульптуры.

Со второй половины XVIII в. в Монголии скульптуру практически не изготавливали, ее ввозили из Китая, где отливка памятников осуществлялась массовым тиражом. Много китайских мастеров работало и в самой Монголии.

В 1701 г. во Внутренней Монголии, в местности Долоннор была построена летняя резиденция пекинского ламы, главы буддийской церкви Китая. Там началось массовое производство буддийской скульптуры в технике выколотки¹⁴. В коллекции Эрмитажа находятся блестящие памятники долоннорского стиля, такие как Майтрейя, Ушнишаситатапатра, кинжал-пхурбу и др. Бодхисаттва Майтрейя (илл. 8) изображается в короне и украшениях. Руки расположены перед грудью в жесте поворота колеса учения (дхармачакра-мудра). У правого плеча находится лотос, верхняя часть которого утрачена, у левого плеча на лотосе — сосуд-кундика. Майтрейя восседает на троне со спущенными ногами в «европейской» позе (бхадрасана).

Монголы часто изготавливали троны для божеств в традиции Пала–Сена. Эта скульптура, изображающая Майтрейю, является шедевром долоннорского стиля. Для нее характерна пропорциональная изящная фигура божества в сочетании с мелкими дополнительными деталями декора. Все остальные произведения долоннорской традиции являются более простыми по технике и исполнению. Можно предположить, что скульптура была сделана по особому заказу для Э.Э. Ухтомского. Скульптура вскрыта, dna и вложений нет.

Уникальная серебряная скульптура будды Амитаюса (илл. 9) была выполнена в технике выколотки.

Она была преподнесена хамбо-ламой Восточной Сибири Даши Дорчжи Итигэловым в 1913 г. в связи с 300-летием дома Романовых. Амитаюс (илл. 9) был подарен цесаревичу Алексею¹⁵. Учитывая наследственную болезнь (гемофилию) цесаревича, подарок можно считать символическим и имеющим благопожелательный смысл¹⁶.

¹⁴ Для техники выколотки использовались листы бронзы, которые накладывались на определенные формы, сделанные чаще из ливневой. Под ударами молотка детали получали необходимые формы. При этом крупные части скульптуры выколачивались по заранее заготовленной форме, а мелкие отливались.

¹⁵ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 5. Оп. 69.

¹⁶ Елихина Ю.И. Буддийские дары дому Романовых из Галереи Драгоценностей // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. С. 14–20.

Илл. 8.

Майтрейя. Государственный Эрмитаж, инв. № У-1211.
Коллекция Э.Э. Ухтомского. Бронза, выколотка, частичное литье,
позолота, краска, инкрустация полудрагоценными камнями.
Внутренняя Монголия, Долоннор, XIX в., тибето-китайский стиль

Илл. 9.

Амитаюс. Государственный Эрмитаж, инв. № КО-384.
Подношение хамбо-ламы Д.Д. Итигэлова к 300-летию дома Романовых.
Серебро, выколотка, частичное литье. Бурятия, начало XX в.

Серебро очень ценилось в Монголии и Бурятии, из него отливали печати монгольских чиновников, а также изготавливали женские украшения, поясные наборы и женские головные уборы. Мелкая бронзовая пластика китайской и монгольской работы и предметы кочевого быта (поясные наборы, включающие нож и палочки для еды, чаши и футляры для чаш, пояса, гау-реликварии), а также шлемы монгольской знати представлены в экспозиции.

В целом тибетское искусство выражает идеи любви и сострадания. Один из современных тибетских лам, Тартанг Тулку Ринпоче, написал: «Для того чтобы оценить тибетское искусство, нужно оценить самого себя, факт своего существования, качество своего сознания — все, что проявлено в тебе. Тибетское искусство — часть этого чудесного процесса проявления-манифестации, но не комментарий к нему и не попытка представить альтернативу. Если кто-нибудь полностью понимает это искусство, то это означает, что он может считаться Буддой...»¹⁷.

Тибетская коллекция Государственного Эрмитажа является значительным по количеству и уровню предметов собранием не только в России, но и в мире.

Список литературы

- Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 5. Оп. 69.
Arhiv Gosudarstvennogo Ermitazha. F. 5. Op. 69.
Андросов В.П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. М.: Восточная литература, 2001.
Androsov V.P. Buddha Shakyamuni i indiyaskiy buddizm. M.: Vostochnaya literatura, 2001.
Елихина Ю.И. Буддийские дары дому Романовых из Галереи Драгоценностей // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. С. 14–20.
Elihina Yu.I. Buddiyskie daryi domu Romanovyih iz Galerei Dragotsennostey // Yuvellirnoe iskusstvo i materialnaya kultura. SPb.: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2006. S. 14–20.
Леонов Г.А. Э.Э. Ухтомский. К истории ламаистского собрания Государственного Эрмитажа // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение). С. 101–116.
Leonov G.A. E.E. Uhtomskiy. K istorii lamaistskogo sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha // Buddizm i literaturno-hudozhestvennoe tvorchestvo narodov Tsentral'noy Azii. Novosibirsk: Nauka (Sibirskoe otделение). S. 101–116.
Тартанг Тулку Ринпоче. Время, пространство и знание. Новое видение реальности. М.: Центр духовной культуры Единство, 1994.
Tartang Tulku Rinpoche. Vremya, prostranstvo i znanie. Novoe videnie realnosti. M.: Tsentr duhovnoy kulturyi Edinstvo, 1994.

¹⁷ Тартанг Тулку Ринпоче. Время, пространство и знание. Новое видение реальности. М.: Центр духовной культуры Единство, 1994. С. 143.

Schroeder U. Indo-Tibetan Bronzes. Hong Kong: Visual Dharma Publication, 1981.

Schroeder U. Buddhist Sculptures in Tibet. Vol. I–II. Hong Kong: Visual Dharma Publication, 2001.

Yu.I. Elikhina

**TIBETAN COLLECTION
OF THE STATE HERMITAGE**

Summary: The article describes the Tibetan collection of the State Hermitage, numbering about three and a half thousand items. It describes the most interesting and typical works of Tibetan Buddhist art. These include sculpture, paintings, ritual objects, woodblocks and books. The article also describes the collectors.

Key words: The State Hermitage Museum, Tibetan collection, bronze sculpture, *tangka*-painting.

Т.В. Ермакова

**ПЕРВЫЕ ШАГИ К ПОПОЛНЕНИЮ
И КАТАЛОГИЗАЦИИ РУКОПИСЕЙ ИНДИЙСКОГО ФОНДА
АЗИАТСКОГО МУЗЕЯ
(ПО РАБОТАМ Р.Х. ЛЕНЦА И П.Я. ПЕТРОВА
В «ЖУРНАЛЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО
ПРОСВЕЩЕНИЯ»)**

Введение, подготовка к публикации Т.В. Ермаковой¹

Комментированная публикация малоформатных работ Р.Х. Ленца и П.Я. Петрова (1830-е годы), ныне являющихся библиографическим раритетом, проливает свет на ранний период формирования индийских рукописных коллекций Азиатского музея (Института восточных рукописей РАН). Во введении к публикации предпринята попытка раскрыть социокультурный контекст и формы институционализации индологии в России в первой половине XIX в.

Ключевые слова: Р.Х. Ленц, П.Я. Петров, Азиатский музей, история индологии в России.

Р.Х. Ленц (1808–1836) и П.Я. Петров (1814–1875) практически первые востоковеды, подготовленные по модели востоковедного образования, разработанной Министерством народного просвещения в 1830-х годах. Р.Х. Ленц был командирован в европейские древлехранилища именно этим ведомством, поэтому его отчеты по работе в командировке («Донесения») адресованы «по начальству» и опубликованы впервые в «Журнале Министерства народного просвещения» (ЖМНП).

«Журнал Министерства народного просвещения» — официальный ведомственный печатный орган, издававшийся в Санкт-Петербурге

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Буддийское историко-документальное наследие Южной и Юго-Восточной Азии в индийском фонде Института восточных рукописей РАН: состав и история коллекционирования». Проект № 13-01-00167.

(1833–1917). Печать осуществлялась в типографии Императорской Академии наук. Структура издания обуславливалась подконтрольностью как образования, так и науки Министерству просвещения. Наряду с официальным разделом, в котором печатались министерские распоряжения и отчеты, в журнале были разделы «Словесность и наука», «Известия об ученых и учебных заведениях в России» и «Известия об иностранных ученых и учебных заведениях» и др., публиковались документы по деятельности Санкт-Петербургской Академии наук, научные статьи по различным отраслям знания. Ввиду ведомственного характера издания, ЖМНП распространялся по всем учебным заведениям в обязательном порядке, что объективно способствовало, в том числе, распространению информации о состоянии науки и образования как в России, так и за ее пределами. Для реконструкции истории буддологии XIX в. ЖМНП представляет собой ценный источник — именно в нем активно печатались такие крупные ученые, как В.П. Васильев, И.П. Минаев, С.Ф. Ольденбург. Применительно к первой половине XIX в. ценность ЖМНП как источника еще более высока, так как до 1850-х годов это был единственный российский журнал, где публиковались результаты научных исследований, путевые заметки. Для реконструкции форм институционализации буддологии в 1830–1850-х годах ЖМНП имеет исключительную ценность как источник, поскольку позволяет определить соответствующие периоду формы востоковедного образования и предмет буддологических исследований.

Публикации ЖМНП дают возможность раскрыть институциональные рамки командирования Р. Ленца в британские библиотеки. Практика командирования за границу молодых людей, успешно завершивших университетское образование, была санкционирована Министерством народного просвещения и осуществлялась применительно ко всем специальностям, по которым в Российской империи давалось высшее образование. В «Списке лицам, получившим образование по ведомству Министерства народного просвещения и ныне совершенствующим свои познания за границею» наряду с Р. Ленцем перечислены выпускники университетов, командированные в Германию, Францию для дальнейшего обучения медицине, философии, математике². Необходимость составления регулярных отчетов в Министерство обуславливалась тем, что эти командировки финансировались государством. В ЖМНП есть краткое сообщение «Отъезд г. Ленца в Англию»: «Теперь г. Ленц, по представлению г. Управляющего Министерством народного просвещения, получил от щедрот Его Императорского Величества всемиловитвейшее пособие на путешествие в Англию, где в те-

² См.: Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1834. Ч. 1. С. 436.

чение двухгодичного пребывания должен усовершенствовать сведения свои в знании восточных языков и литературы оных»³.

Действительно, к 1830-м годам в Англии сложилась развитая сеть древлехранилищ рукописей на санскрите и других индийских языках. В России в тот период не было возможности регулярного получения рукописей на санскрите из Индии. СобираТЕЛЬская активность успешно развивалась в направлении монгольских и тибетских рукописей и ксилографов, доступных на территориях укоренения буддизма в пределах Российской империи, а также в сопредельной Монголии.

В Лондоне молодой ученый имел возможность контактировать с такими авторитетными деятелями британского востоковедения и его научных обществ, как Г. Кольбрук⁴ и Г. Вильсон⁵. Калькуттское и Лондонское общества объединили востоковедов, преимущественно имевших опыт государственной службы в Индии. Многие из них за время

³ Там же. 1834. Ч. 1. С. 127.

⁴ Генри Томас Кольбрук (Henry Thomas Colebrooke, 1765–1837), подобно большинству британских индологов, долгое время служил в Индии, с 1805 г. — профессор санскрита и традиционного индийского права в колледже Форт-Уильяма в Калькутте. Он написал грамматику санскрита, обширное исследование Вед, очерки индийской филологии. Внес значительный вклад в организацию британского востоковедения. По образцу созданного в 1784 г. Азиатского общества в Калькутте Кольбрук в 1823 г. инициировал создание в Лондоне Азиатского общества Великобритании и Ирландии. Подробнее см.: *Серебряный С.Д.* Азиатское общество (Калькутта) // Народы Азии и Африки. 1987. № 6. С. 122–129; Centenary Volume of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1823–1923. L., 1923.

⁵ Горас Гайман Вильсон (Horace Hayman Wilson, 1786–1860) — английский индолог-санскритолог. Получив вначале медицинское образование, служил в Бенгалии. Проявил интерес к индийской культуре и способности к языкам и в 1811 г. по рекомендации Г. Кольбрука был назначен секретарем Калькуттского Азиатского общества. Переводчик санскритской драмы (*Select Specimens of the Theatre of the Hindus*. Calcutta, 1827), каталогизатор коллекции рукописей и предметов индийского искусства (*Mackenzie Collection*), собранной Колином Маккензи. Маккензи Колин (1754–1821) — начальник департамента исследования Индии, коллекционер. Вильсон представил один из первых опытов систематизации восточных коллекций. Подробнее см.: *Wilson H.H.* The Mackenzie Collection. A Descriptive Catalogue of the Oriental Manuscripts and Other Articles Illustrative of the Literature, History, Statistics and Antiquities of the South of India, Collected by the Late Lieut. Col. Colin Mackenzie (1st ed. Calcutta, 1828, 2nd ed. Madras, 1882). В 1840 г. опубликовал перевод «Вишну-пураны». В 1832 г. избран первым профессором санскрита Оксфордского университета. С 1836 г. занимал пост библиотекаря британской Ост-Индской компании. Член-основатель Королевского азиатского общества, с 1837 г. до кончины был его директором. Член Лондонского королевского общества (1834) и член-корреспондент Петербургской Академии наук (1845). Примечательно, что составленный Вильсоном по индийским материалам первый санскритско-английский словарь (1819) по приказу министра просвещения С.С. Уварова в 1833 г. был куплен для библиотеки Казанского университета. См.: *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVI в. — 1917 г.). СПб., 1994. С. 226.

службы составили коллекции рукописей на индийских языках, предметов культа и этнографических артефактов. И в Калькутте, и в Лондоне на базе Восточных обществ сформировалась научная периодика. В полной мере это была соответствующая периоду зарождения научного востоковедения форма институционализации индологии с характерными особенностями: опора на письменные памятники как источниковую базу, введение в научный оборот письменных памятников из сложившихся коллекций, каталогизация. В России на тот период еще не сложились условия для систематического развития индологии на основе рукописных коллекций. Опубликованием отчетов Ленца преследовалась еще дополнительная цель ознакомления с положением дел в востоковедении за рубежом.

«Донесения» — фактически научные отчеты (1834) — Р.Х. Ленца из Лондона очень важны для понимания его позиции относительно перспектив изучения буддийского рукописного наследия на примере рукописи «Лалитавистары» — сакральной биографии Будды.

Вклад П.Я. Петрова в описание коллекций индийского фонда ИВР РАН демонстрируется «Прибавлением к каталогу санскритских рукописей...» (1836), содержащим аналитическое описание индийской части коллекции барона Шиллинга фон Канштадта.

Наиболее плодотворный период научной и преподавательской деятельности П.Я. Петрова связан с Казанским университетом, где Петров фактически поставил преподавание санскрита и подготовил необходимые для этого пособия⁶. Прежде всего это Программа для преподавания санскрита, в которой изучение непосредственно языка сопровождалось ознакомлением учащихся с письменными памятниками⁷. Во введении П.Я. Петров осветил историю индийских языков, предполагая, что обучающимся должны быть сообщены сведения о ведийском санскрите, о языке пали, о пракритах, на которых написаны драматические произведения; аналогично о новых индийских языках — бенгальском, брадже; региональных вариантах — маратхском, кашмирском. Цель изучения древних языков П.Я. Петров однозначно формулирует как «уразумение текстов»⁸. Именно поэтому он включил в программу ознакомление с видами письма — ланчжа и деванагари. П.Я. Петров обратил внимание на особенности языка произведения в зависимости от жанра (итихасы, пураны, лирические произведения, драмы, Веды).

⁶ История преподавания санскрита в Казанском университете и роль П.Я. Петрова освещены Р.М. Валеевым. См.: *Валеев Р.М.* Санскритология и буддология в Казанском университете (Очерк истории казанского университетского востоковедения в XIX в.). Казань, 2007.

⁷ *Петров П.* Программа для преподавания санскритского языка и литературы при Императорском Казанском университете. Казань, 1842. С. 3.

⁸ Там же. С. 5.

Классификация письменного наследия на санскрите, данная П.Я. Петровым в Программе, использовалась им и далее⁹.

Опыт каталогизации вновь поступивших в Азиатский музей индийских рукописей относится к краткому петербургскому периоду работы П.Я. Петрова¹⁰. Во второй половине XX в. российские историки востоковедения провели значительную работу по восстановлению биографической канвы Р.Х. Ленца и П.Я. Петрова, по установлению предмета их научных занятий¹¹. Однако их малоформатные публикации в ЖМНП не стали предметом специального анализа как исторические источники.

Поскольку ведомственные периодические издания первой трети XIX в. давно стали библиографическими раритетами, мы подготовили к публикации два «Донесения» Р.Х. Ленца и работу П.Я. Петрова, объемно и убедительно, на наш взгляд, характеризующие их вклад в пополнение и обследование коллекции индийских рукописей Азиатского музея (ИВР РАН).

**Выписка из донесения
Воспитанника Дерптского Университета Ленца
к г. Министру Народного Просвещения,
из Лондона, от 30 июня 1834 года
(ЖМНП. 1834. Часть IV. С. 279–287)**

Продолжая мои занятия, коих свойства я имел честь точнее изложить в последнем моем донесении Вашему Превосходительству, случайно сделал я в Ост-Индской библиотеке открытие, которое снова изменило план моих изучений и уже два месяца занимает почти всё моё время трудом однообразным, но, как я надеюсь, тем более полезным. Уверенность, что европейские коллекции санскритских манускриптов не заключают в себе совершенно никаких источников для познания буддизма, долженствовала утвердиться во мне после первоначального обозрения здешних собраний тем более, что она согласна с общим мнением

⁹ Ср.: *Петров П.Я.* О духовной литературе индусов // ЖМНП. 1845. Ч. XLVIII. Отд. 2. С. 133–148. По структуре и содержанию этой публикации можно предположить, что это приложение к Программе преподавания санскрита.

¹⁰ П.Я. Петров слушал лекции Р.Х. Ленца, однако эти занятия были, к сожалению, прерваны безвременной кончиной Ленца.

¹¹ См.: *Зограф Г.А.* Роберт Христианович Ленц (1808–1836) (к 150-летию со дня рождения) // Ученые записки ЛГУ. 1960. № 279. Серия востоковедческих наук. Вып. 9. С. 31–38; *Куликова А.М.* Р.Х. Ленц в истории отечественной индологии // Записки Тартуского университета. 1979. № 8. С. 157–167; *Крачковский И.Ю.* Востоковедение в письмах П.Я. Петрова В.Г. Белинскому // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. С. 7–22.

всех учёных мужей. По сей причине, донося Вашему Превосходительству в моём первом рапорте об этом отсутствии всяких буддистических рукописей в здешних санскритских коллекциях, я надеялся освободить себя от неисполнимой обязанности, которая возлагалась на меня данною мне инструкцией — обращать особенное внимание именно на этот предмет. Тем с большею радостью увидел я возможность снова принять на себя обязанность, которую отклонил с сожалением: ибо я нашел одно из основных и главных творений этой религиозной секты, в довольно хорошем списке, между манускриптами Кольбрука в собрании Ост-Индской компании. Это — *Lalita Vistara*, история жизни Будды во вкусе индийских Пуранов — творение, о котором и Годгсон¹² (*Asiat. Res.* XVI) и Кореш¹³ (*Bengal Asiat. Journ.* Sept. 1832) упоминают с великими похвалами как об одном из подлинных документов учения Будды. В историческом отношении я придаю бы этой биографии фактической цены конечно не более, как и всякому другому из приведенных уже в известность изложений сего самого предмета, а в поэтическом — от смешения буддистических идей с изложением в роде Пуранов естественным образом нельзя ожидать ничего иного, кроме самых безрассудных последствий. Но именно эти качества книги и ручаются за её подлинность: скучное разбирание и чтение оной становятся для меня сносными лишь от того, что я утешаю себя надеждою получить возможность к изложению преданий и учений этого особенного и странного вероисповедания не по второстепенным источникам, как единственно делалось доселе, но основываясь на таком творении, которое (вскоре надеюсь показать это точнее и подробнее) либо из родины реформатора и его первых приверженцев перешло на Север вместе с спасавшимся от гонений братством (список книги происходит из Непала), либо должно быть по крайней мере написано в самые ранние времена их поселения в чуждой стране. Во всяком случае, следовательно, оно принадлежит языку и кругу мыслей отечественной страны, даже

¹² Брайан Хьютон Ходжсон (Brian Houghton Hodgson, 1800–1894) — британский резидент при королевском дворе Непала, за время службы собрал коллекцию рукописей, различных артефактов, автор научных трудов по религиям, этнографии, флоре и фауне Непала. Ценная коллекция рукописей была подарена Ходжсоном основным древлехранителям Европы. Подробнее см.: *Waterhouse D.* (ed.). *The Origins of Himalayan Studies. Brian Houghton Hodgson in Nepal and Darjeeling 1820–1858.* L., 2004. О рукописной коллекции Ходжсона см.: *Catalogue of Sanskrit Manuscripts Collected in Nepal and Presented to Various Libraries and Learned Societies by B.H. Hodgson Compiled by W.W. Hunter.* L., 1881. Ленц ссылается на публикацию Ходжсона: *Hodgson B.H.* *Notices of the Languages, Literature and Religion of Nepal and Tibet // Asiatic Researches.* 1828. Vol. XVI.

¹³ Чома Кереш (Александр Чома де Кереш, 1784–1842) — тибетолог, буддолог. С 1831 г. жил и работал в Калькутте, в том числе каталогизировал тибетский фонд Азиатского общества (Калькутта). См.: *Duka T.* *Life and Works of Alexander Csoma de Koros.* L., 1885 (New Delhi, 1972).

родной области основателя этой религии. Слог и язык сего сочинения — особенно наречие, странным образом смешивающее между собою архаизмы и позднейшие уклонения от первоначальных форм, наречие, которое мне самому ещё не совсем понятно: рифмические вольности в множестве включенных в сие творение Гимнов равномерно представляют любопытный предмет лингвистических познаний. К сожалению, эта книга очень обширна, но не весьма богата по содержанию; и одно списывание займет у меня по крайней мере ещё три месяца. Впрочем, перешедши за половину, перелистаю остальную часть и издам предварительно разбор содержания этого творения.

Я уверен, что ученые в нашем отечестве, которые с таким успехом занимаются разрешением запутанного вопроса о буддизме, пользуясь обширными, Россиею доставляемыми пособиями к тому, будут благодарны за пополнение материалов со стороны, для нас ещё недоступной: для того я считал себя обязанным предпочесть этот труд всем другим работам, отлагая даже отчасти и прочие мои занятия и планы.

Ваше Превосходительство изволили усмотреть живое участие, которое возбудили во мне романтические народные эпопеи на наречии *hindi*, и моё намерение в отношении к поэме Chand¹⁴, о важности коей для истории Индии в Средние века я и теперь остаюсь совершенно при прежнем моём мнении. Ныне, пожертвовав этим занятием для обработки буддистического *Purana*, я почти сомневаюсь, чтобы и без такого устранения сего предмета мне было возможно привести его в действо, потому что я недоволен взвесил внешние трудности этого предприятия. Я был бы принужден заниматься сею работою в Музее Азиатского Общества, а это на долгое время лишило бы меня возможности пользоваться неоцененными сокровищами по части санскритской литературы в *East-India House*. Но такой жертвы с моей стороны не стоил бы этот предмет: ибо я отправлен сюда для изучения санскритского языка. Приобретенное мною между тем для вышепоказанной цели знание наречия *hindi* нельзя ещё почитать совершенно потерянным. Есть несколько незанимательных печатных творений на этом же наречии или, по крайней мере, на сходных с оным диалектах *hindovi* (напр. стихотворческая история царя Чхатрасала, коей автор *Bundel-Khand* жил во времена Аурангзеба). Эти творения, без особенного изучения языка, на котором они писаны, совершенно непонятны даже для знатоков санскритского языка, и, сколько мне известно, доселе ещё никто в Европе не понимает их; я же, после моих последних лингвистических занятий,

¹⁴ Chand (Чанд Бардаи, XII в.) — автор «Сказания о Притхивирадже» — обширного произведения в поэтической форме на ранней версии хинди. Произведение долгое время передавалось устно, письменная фиксация ок. XVII в. Насчитывается много рукописных вариантов.

могу уже без большого труда пользоваться оными. Может быть, даже удастся мне когда-нибудь приобрести для себя рукописный экземпляр поэмы Chand, который и буду иметь возможность обработать впоследствии на свободе.

Во всяком случае мне остается выгода от изучения языка, который хотя справедливо почитается отраслью санскритского, однако, собственно говоря, скорее прошел через оный (если можно так выразиться), нежели из оного произошел: ибо он имеет много собственных и независимых особенностей; даже в том, что ему принадлежит общее с санскритским языком, многие составные части очевидно перешли из древнего наречия hindi в санскритский язык, а не наоборот.

Говоря о литературе на наречии hindi, я не могу не упомянуть о полученном здесь недавно из Калькутты творении на наречии braj-bhakha, которое, в отношении к своему содержанию, значительно даже для санскритской словесности. Это — перевод поэмы Mahabharata в целости, со всею точностью, какую только допускает метрическое приложение. За рукопись санскритского подлинника сей поэмы Берлинская Королевская Библиотека заплатила весьма недавно 100 фунт. стерл. После этого мне уже нечего прибавлять в рассуждении того, сколь важным почитается иметь в полноте это огромное творение, заключающее в себе такое богатство мифологического, эпического и дидактического содержания. В сем переводе, как я в точности удостоверился, ничто не опущено, и цену за печатный экземпляр (10 фунт. стер.) нахожу я умеренною сравнительно с ценою рукописи подлинника, пред которым он имеет главнейшим образом только ту невыгоду, что язык его не так понятен. Посему я надеюсь, что сообщаемое мною известие о сем издании обратит на себя внимание ученых заведений в нашем Отечестве, особливо потому что нет надежды, чтобы кроме одного экземпляра у книгопродавца Parbury находились в европейской книжной торговле ещё другие.

Сухое занятие Евангелием буддистов заставило меня искать отдохновения в обрабатывании в то же время санскритской драмы. Ваше Превосходительство изволите знать, что продолжение занятий в этой привлекательной области санскритской литературы всегда входило в состав моих намерений. При выборе пьесы или песни я считал себя обязанным следовать тому правилу, что обрабатывание ещё совершенно неизвестных драм, если даже оные уступают в занимательности тем, которые стали известными, принесет индийской филологии более пользы, нежели переделка пьес уже изданных, хотя и в рассуждении сих последних, всех без исключения, ещё очень много остается сделать. Поэтому я отказался от мысли — при помощи представляющихся здесь для сего предприятия превосходных критических пособий, обра-

ботать вновь Саконталу¹⁵, в которой, несмотря на многолетние труды Шези¹⁶, остается ещё бесчисленное множество недостатков и пропусков, — и решился приготовить к изданию героическую драму *Veni-Samhara*, которая доселе ещё ни напечатана, ни переведена. Хотя она не принадлежит к образцовым произведениям индийского театра, но в своем роде достойна замечания и заслуживает обнародования уже и по великому авторитету, которым пользуется у индийских драматургов. — Лишь через это получают пользу для европейских читателей беспрестанные ссылки на оную известных теоретиков и их лаконические цитаты. Предмет и характер пьес изображены вкратце Вильсоном, в прибавлении к его *Hindu Theatre*. — Я решился на выбор сей драмы ещё и по тому обстоятельству, что из числа неизвестных ещё драм она есть единственная, для верного восстановления текста коей достаточны материалы, находящиеся в Европе. В *East India House* есть два текста и комментарии к этой пьесе; третий хороший текст находится в Париже.

По приведении к концу сих двух предположений, думаю ещё обработать столько из философической литературы, сколько успею в остальное время моего пребывания здесь. Кроме области грамматической и аналитического языкоучения, которые уже исчерпаны, — ближайшее знакомство с оригинальными творениями ни в какой другой области санскритской литературы не обещает таких важных плодов для науки и её истории, как в области многостороннего и философического умозрения индийцев. Критическая и герменевтическая работы над принадлежащими к сему роду творениями сопряжены, правда, с столь великими трудностями, что и сам Кольбрук, после многолетнего углубления в оные, был в состоянии представить в своих отличных рассужде-

¹⁵ Саконтала (Шакунтала) — драматическое произведение Калидасы. Время жизни Калидасы (букв. «Слуга богини Кали») установлено в широком диапазоне от I в. до н.э. (индийская традиция) до IV–V вв. н.э. (европейская традиция). Драма «Шакунтала» в XIX в. переводилась на европейские языки. «Шакунталу» высоко оценил И. Гёте. В опубликованной в 1821 г. краткой заметке «Об индийской и китайской поэзии» он указал, что индийская поэзия «способствует внутренней углубленности и совершенству формы. Прежде всего здесь необходимо назвать „Сакунталу“, перед которой мы вот уже многие годы все испытываем чувство восхищения». — *Гёте И.В.* Собрание сочинений. Т. 10. Об искусстве и литературе. М., 1980. С. 326. Российский литератор и историк Н.М. Карамзин посвятил шедевр Калидасы отдельную работу. В 1792 г. в майском номере «Московского журнала» был опубликован очерк Карамзина «О Калидасе и его драме „Саконтала“» и отрывок из драмы.

¹⁶ Антуан-Леонар Шези (1773–1832) — французский востоковед. В начале карьеры служил в Отделе рукописей Национальной библиотеки в Париже. Затем посвятил себя санскритологии и занял пост первого руководителя основанной в 1814 г. кафедры санскритского языка в Коллеж де Франс. Воспитал плеяду санскритологов (Ф. Бопп, Э. Бюрнуф, Х. Лассен). П.Я. Петров ссылается на работу Шези: *Chézy A.-L. La Reconnaissance de Sacontala*. P., 1830.

ниях только слабые очерки разных школ. Потребен целый ряд годов для совершения чего-либо полного по этой части при помощи одних европейских ученых пособий. Мы можем ожидать от Вильсона в скором времени одного из главных творений философии Sankhya; в Бонне также занимаются этой школою и другими с рвением, которое обещает много: однако и самые основательные работы отдельных лиц всегда будут лишь постепенным приближением к общему и совокупному стяжанию всех, по столь различным направлениям расходящихся и в бесчисленных томах рассеянных материалов философии в литературе санскритской. Без всякого сомнения, потребуетсa более года для того только, чтобы списать одну из значительнейших учебных книг философии Vedanta, которая, по своему характеру неискаженному, ясно и чисто образовавшемуся из самого духа индийского, высказалась с наибольшою многосторонностью, и потому понятнее всех других. Медленность неизбежна как потому, что для уразумения системы необходимо при списывании справляться со всем запасом комментариев, так особливо по той причине, что по правилам здешних библиотек, в самое благоприятное время года можно употреблять на это дело только от 4 до 5 часов в сутки. Таким образом, должно мне будет иметь в виду более краткость избираемого труда, нежели важность оного; может быть, некоторые из упанишад, важных также для философии, будут соответственны и тому и другому условию. — Весьма естественно, что и под конец моего здесь пребывания я успею только ознакомиться с бесчисленным множеством задач, только узнать те вопросы и предметы, которые представляются изыскателю санскритского языка в этой области и в других областях литературы, напр., в астрономической, географической, медицинской и проч.

**Выписка из его же донесения,
от 26 сентября 1834 года
(ЖМНП. 1834. Часть IV. С. 287–291)**

Предпринятые мною труды, которыми я занимался, когда в последний раз имел честь писать донесение Вашему Превосходительству, по своей обширности и продолжительности не подавали мне надежды на возможность вскоре сменить оные другими занятиями. По сей причине не имею и на этот раз ничего другого донести Вашему Превосходительству, как только то, что продолжаю обрабатывать как буддистическое, так и драматическое творения. — Жизнеописание Будды представляет множество фактов, равно важных и для языка и для истории; но я полагаю собрать оные и обработать для обнародования не прежде, как освоившись совершенно с этим предметом: ибо в сей малоизвест-

ной и новой области уверенность в совершенном и точном понимании настоящего смысла основывается единственно на взаимном объяснении и пополнении одной части текста другими местами оногo. У себя дома занимаюсь частью новейшими наречиями индийскими, частью изданным недавно в Калькутте неоцененным для занимающихся санскритскою литературой энциклопедико-лексикальным творением, коего автор есть ученый индиец Radhakauta-Deva¹⁷ и коего три первые тома уже получены Азиатским Обществом. К сожалению, мало надежды найти ещё один экземпляр сей книги где-либо в Европе, кроме вышеупомянутого. Посему я считаю, что употреблю свободные часы свои с большею пользою, если в оные мало-помалу пройду все три толстых тома и сделаю из них извлечения, как для собственного моего употребления впоследствии, так и для обнародования известия об этой книге, которое вызвался доставить в журнал Азиатского Общества. Достоинство оной главнейшим образом состоит в подробных и простран-ных извлечениях из наиболее уважаемых творений санскритской литературы по всем областям знаний. Для твердой земли Европы она имела бы бесценное достоинство, потому что, составляя род сокращенной санскритской библиотеки (in puse), вознаграждала бы некоторым образом недостаток богатого запаса манускриптов. Достойная удивления любовь к ученой деятельности и рвение, которое показывают с некоторого времени индийские ученые к произведениям своей древней и новейшей отечественной литературы, доселе более печалят, нежели радуют европейских индианистов: ибо эти ученые сведения и наиздания, получаемые из первых рук, могли бы служить для последних величайшим пособием, а между тем сия отрасль книжной торговли производится между европейской и азиатской Англией с небрежением и бездейственностью, достойными сожаления. Если когда-нибудь и получится здесь какое-либо новое произведение, вышедшее из типографий индийских, то обыкновенно оно бывает случайной придачей к огромному транспорту альманахов или меркантильных брошюр; и когда бы Азиатское Общество ни получало по временам кое-каких книг в дар от авторов оных, то мы даже и не знали бы, каких важных лишаемся пособий, которые должны были бы находиться в общем обращении в ученом свете. — В рассуждении же этой книги надобно заметить ещё и то обстоятельство, что — по уверению профессора Вильсона — от долговременного лежания иной и от упрямства сочинителя, который

¹⁷ Ленц имеет в виду этимологический словарь Радхакантадевы. Современное издание см.: Shabda-Kalpadrum or Encyclopaedic Dictionary of Sanscrit Words Arranged in Alphabetical Order. Vol. 1–5. Varanasi, 1967. Словарь был составлен с использованием терминов и их синонимов на основе текстов различных жанров и отраслей традиционного индийского знания и представлял собой ценный источник для ознакомления с санскритской лексикой и ее этимологией.

сначала не хотел продавать её по частям, она почти совершенно попорчена насекомыми.

Я, может быть, приблизился бы уже гораздо более к окончанию моих работ над манускриптами, если бы деятельности моей не помешало расстройство здоровья нынешним летом, сделавшее необходимым перемену места моего жительства из столицы за город, чрез что на несколько недель я был слишком отдален от рукописей так, что не мог пользоваться оными ежедневно. — Между прочим, встретил я также несколько бывших мне доселе известными просодических манускриптов и не мог отказать себе в употреблении их на пользу для пополнения собранных мною материалов о метрическом искусстве индийцев. Поэтому я вижу впереди ещё месяца на два работы, и раньше не буду иметь возможности привести в исполнение намерение, от которого ожидаю значительного и, может быть, даже самого важного приращения к собранным мною здесь опытам. Мне хотелось бы — в том предположении, что Ваше Превосходительство изъявите на то свое согласие — провести зимою несколько месяцев в Оксфорде, где надеюсь попользоваться некоторыми, имеющими для меня особенную занимательность манускриптами профессора Вильсона. — Частная библиотека Вильсона для меня в особенности имеет то преимущество перед Кольбруковою и прочими библиотеками в East-India-House, что достойный собиратель оной с таким великим предпочтением заботился о полноте драматической литературы, как со стороны теоретической, так и со стороны практической. Здесь же, в Лондоне можно найти сравнительно очень мало пособий по этой отрасли индийской словесности. При обходительности и приветливости профессора Вильсона я не сомневаюсь, что получу благоприятный ответ на письмо, в котором намереваюсь между тем известить его о моих желаниях, и буду в состоянии написать следующее мое донесение Вашему Превосходительству, либо уже находясь вблизи сего ученого мужа, либо, по крайней мере, в полной уверенности и в ожидании сей перемены моего пребывания — перемены, от которой обещаю себе много пользы.

П.Я. Петров.

**Прибавление к каталогу санскритских рукописей,
находящихся в Азиатском музее
Императорской С.-Петербургской Академии наук
(ЖМНП. 1836. Часть XII. С. 194–198)**

Перепечатка из «Санкт-Петербургских ведомостей», где была напечатана со следующим примечанием: «Помещаемая нами здесь статья написана одним молодым туземным ориенталистом, бывшим питом-

цем Императорского Московского университета, откуда он, по окончании курса наук, переведен был сюда в 1834 г. попечением г. Министра народного просвещения Тайного советника Сергея Семеновича Уварова, заметившего, в бытность свою в то время в Москве, дарование и решительную склонность молодого человека к восточной литературе и благоволившего открыть ему доступ к многообразным случаям и пособиям, которые ныне предоставляет Санкт-Петербург к основательному знакомству с Востоком. Быстро совершенствуясь под руководством отличных здешних профессоров в трех языках ислама: арабском, персидском и турецком, он в то же время по собственной охоте предался изучению не только китайского языка, но и священных наречий Индии и в сем последнем, при пламенном усердии, всегда ознаменовывающем юношей, вдохновенных любовью к науке, сначала самоучкой, а потом руководимый покойным нашим Ленцем, вскоре приобрел столь прочные познания, что г. Министр, непрерывно следивший его успехи внимательным оком, ныне вознамерился поощрить ревность молодого, подающего столь прекрасные надежды ориенталиста исходатайствованием ему Высочайшего соизволения на дальнейшее усовершенствование себя в санскритском языке в Германии, Англии и Франции, с тем чтобы он мог со временем, по возвращении в Отечество, продолжать столь благоуспешно начатый под покровительством прозорливого начальника, но, к сожалению, слишком рано прерванный неисповедимыми судьбами подвиг водворения в России санскритского языкоучения. В предлежащем первом опыте своем он имел целью продолжать начатое бывшим его наставником полезное предприятие (см. Немецкие С.-Петербургские ведомости. 1833. № 219–20), довести до сведения ученой публики, принимающей в этом деле участие, все имеющиеся у нас по сей отрасли литературные пособия» [далее текст П.Я. Петрова. — *Т.Е.*].

Составленный покойным г. Ленцем Каталог санскритских рукописей, принадлежащих Азиатскому музею Санкт-Петербургской Академии наук¹⁸, содержит в себе около восьмидесяти сочинений, заключающих многие замечательные произведения брахманской словесности. Приобретенная Академиею часть Библиотеки Е.П. Барона Шиллинга фон Канштадта обогатила санскритское отделение четырьмя новыми рукописями, привезенными из Индии Герасимом Лебедевым. Этот замечательный путешественник, из петербургского музыканта сделав-

¹⁸ См.: *Dr. R. Lenz. Bericht über eine in Asiatischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg deponierte Sammlung Sanskrit — Manuscripte*, von Dr. R. Lenz (Abgedruckt aus der St.-Petersburgischen Zeitung, 1833, Nr. 219–223. St. Petersburg, 1833. Каталог Ленца представляет собой первичную классификацию собрания индийских рукописей, приобретенных в 1832 г. в Лондоне (Коллекция Стюарта).

шись директором Калькуттского театра, преданся изучению санскритского языка, несмотря на всю ограниченность пособий, существовавших в его время. Забвение, которому предали современники труды его, много зависит от недостатка воспитания, не ознакомившего его с систематическим изложением мыслей, необходимым для каждого образованного писателя. Он оставил по себе описание Индии на русском, грамматику ост-индских наречий на английском и несколько других нигде не напечатанных сочинений. Все это, даже для нас, не заключает в себе ничего важного, кроме имени соотечественника. Здесь представляется краткое обозрение четырех рукописей, которыми одолжен ему некоторым образом Азиатский музей.

1) *Амара-Коша*. Это знаменитый Словарь Амара-Синхи¹⁹, расположенный по материям и изданный в Серампуре ученым Кольбруком, который сделал его доступным для европейцев, присовокупив к нему английский перевод, примечания и алфавитный список содержащихся в нем слов. Четкая и вообще довольно правильная рукопись Азиатского музея писана бенгальскими буквами на индийской бумаге, с комментарием на полях. Она относится к 1707 г. *шаки*, который соответствует 1785 г. нашей эры, и описана Брахманом Враджа-мохана-шармою. Полное творение должно заключать в себе 108 листов: в нашей рукописи недостает семи, начиная от 91 до 98 нумера. Вместо слова *аведьяна* (неправильность), написанного на первом листе в виде заглавия, должно читать: *абьидьяна* (Словарь).

2) *Хитопадэша* (Спасительное наставление). Здесь не нужно распространяться об этом известном собрании индуских апологов, переведенных на многие европейские и азиатские языки и давно уже оцененных иностранными учеными. Калила и Димна, Энвори Сюейли и Хумаюн-наме мохаммеданских писателей одолжены своим существованием творению Вишнушармы. Рукопись писана бенгальским шрифтом на европейской бумаге брахманом Джаган-мохана-шармою. Она относится, по-видимому, к новейшим временам, хотя эпохи её с точностью определить нельзя, за недостатком фактов. В похвалу её довольно упомянуть о том, что она занимала не последнее место в числе пособий, служивших знаменитому Шлегелю и Лассену для великолепного издания *Хитопадэши*, отпечатанного в 1830 и 1831 годах. Из критического комментария, помещенного ими во второй части, видно, что ученые издатели нередко прибегали к её помощи для облегчения своих

¹⁹ Амара-коша, Словарь Амары. Составленный Амарой словарь из 10 тысяч слов, организованных в три раздела по тематическому принципу. Полностью был издан с переводом на английский язык Г.Т. Кольбруком в 1808 г. См.: *Colebrooke H.T.* (ed.). *Kosha, Or Dictionary of the Sanscrit Language by Amura Singha with an English Interpretation and Annotations by H.T. Colebrooke*. L.: 1808.

трудов. Манускрипт писан вдоль по примеру многих индийских рукописей и содержит в себе 93 страницы.

3) *Мадънмалати* (Весеннее лунное сияние). Это сочинение писано стихами. Автор, при конце своей книги, сам объявляет себя последователем секты джайнов, которые, как известно, составляли особенный раскол, прославившийся ненавистью к брахманизму. Их литература, замечательная своим богатством и оригинальностью, известна только по некоторым разысканиям знаменитого Вильсона и других английских ученых. Она заключает в себе множество сочинений, писанных по-санскритски; но это не препятствует джайнам употреблять в своих религиозных и философских книгах язык пракритский и многие другие народные наречия. Рукопись наша, писанная на одном из них, осталась бы неразгаданною, если бы в ней не находилось достаточного количества шлок (двустий), писанных чистым санскритским языком, хотя, впрочем, и они нередко страдают под рукою переписчика. Пантеистические догматы, изложенные в виде изречений, силлогизмов и сравнений, составляют их содержание. В местах, писанных народным наречием, автор, по-видимому, воспроизводит и объясняет смысл санскритских предложений. Вообще самоё сочинение, как кажется, не представляет ничего занимательного для европейца. Воззвание, находящееся в начале книги, относится к «покровителю Царя богов», потому что джайны, равно как и поклонники Будды, признают верховных первосвященников, которым повинуются и самые боги. Имя автора: Камасамвадана-раджа. Манускрипт представляет еще один достопримечательный факт: год, выставленный автором, означает эпоху, чрезвычайно отдаленную: его едва ли не должно принять за сокращение, подобное тем, которые нередко употребляются европейцами в обыкновенном рассказе. Явственно написанные слова: три — самват 28 (в 28 году эры раджи Викрамадितьи) = 28 году до Р.Х. — отодвигают на многие столетия происхождение секты, которое один из знаменитейших европейских ученых относит ко временам несравненно новейшим. Неопределенность сведений об истории и религии джайнов не позволяет здесь распространиться о предмете, столь мало известном в ученом мире. Манускрипт писан деванагарским шрифтом, он содержит в себе 113 страниц in 8°. Некрасивый, в сравнении с самою рукописью, почерк пяти последних принадлежит, вероятно, одному из прежних её владельцев.

4) а. Два Календаря, писанные бенгальским шрифтом на пальмовых листах, по 13 листов в каждом.

в. Список двух вышеупомянутых Календарей на индийской бумаге; 2 тетради — в каждой по 16 страниц.

Павел Петров

Литература

- Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVI в. — 1917 г.). СПб., 1994.
- Kulikova A.M.* Vostokovedenie v rossiyskikh zakonodatelnykh aktah (konets XVI v. — 1917 g.). SPb., 1994.
- Петров П.* Программа для преподавания санскритского языка и литературы при Императорском Казанском университете. Казань, 1842.
- Petrov P.* Programma dlya prepodavaniya sanskritskogo yazyika i literatury pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan, 1842.
- Петров П.Я.* О духовной литературе индусов // Журнал Министерства народного просвещения. 1845. Ч. XLVIII. Отд. 2.
- Petrov P.Ya.* O duhovnoy literature indusov // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1845. Ch. XLVIII. Otd. 2.
- Серебряный С.Д.* Азиатское общество (Калькутта) // Народы Азии и Африки. 1987. № 6. С. 122–129.
- Serebryaniy S.D.* Aziatskoe obshchestvo (Kalkutta) // Narodyi Azii i Afriki. 1987. № 6. S. 122–129.
- Catalogue of Sanskrit Manuscripts Collected in Nepal and Presented to Various Libraries and Learned Societies by B.H. Hodgson Compiled by W.W. Hunter. L., 1881.
- Centenary Volume of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1823–1923. L., 1923.
- Duka T.* Life and Works of Alexander Csoma de Koros. L., 1885 (New Delhi, 1972).
- Hodgson B.H.* Notices of the Languages, Literature and Religion of Nepal and Tibet // Asiatic Researches. 1828. Vol. XVI.
- Shabda-Kalpadrum or Encyclopaedic Dictionary of Sanscrit Words Arranged in Alphabetical Order. Vol. 1–5. Varanasi, 1967.
- Waterhouse D.* (ed.). The Origins of Himalayan Studies. Brian Houghton Hodgson in Nepal and Darjeeling 1820–1858. L., 2004.
- Wilson H.H.* The Mackenzie Collection. A Descriptive Catalogue of the Oriental Manuscripts and Other Articles Illustrative of the Literature, History, Statistics and Antiquities of the South of India, Collected by the Late Lieut. Col. Colin Mackenzie (1st ed. Calcutta, 1828; 2nd ed. Madras, 1882).

T.V. Ermakova

**THE FIRST STEPS TO THE ENRICHMENT AND CATALOGUING
OF THE INDIAN MANUSCRIPT COLLECTION OF THE ASIATIC MUSEUM
(IOM RAS) ACCORDING TO ARTICLES BY R. LENZ AND
P. PETROV IN THE MINISTRY OF EDUCATION JOURNAL.
PREFACE, COMMENTARIES BY T.V. ERMAKOVA**

Summary: This is a commented and prefaced republication of short texts by R. Lenz and P. Petrov shedding light on the 1830s as a formative period of Russian Hindu studies and of the Hindu Collection of the Asiatic Museum (currently, IOM RAS).

Key words: R. Lenz, P. Petrov, Asiatic Museum, the history of Hindu studies at Russia.

Д.С. Жамсуева
**МОНАСТЫРСКАЯ ЖИЗНЬ БУРЯТСКИХ ДАЦАНОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВ
Б. БАРАДИНА 1903–1904 гг.)¹**

В статье дана характеристика содержания дневников Б. Барадина (Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1, 2, 26, 27), которые представляют уникальный материал для изучения духовного и культурного наследия бурятского народа.

Диахронное разнообразие источников позволяет сделать относительно репрезентативные выводы о деятельности бурятских дацанов как центров буддийской культуры.

Ключевые слова: дневник, дацан, община, иконописная школа, внутреннее убранство.

Изучение буддийских дацанов² этнической Бурятии важно не только для популяризации культурного наследия народов республики, но и для его правовой охраны и использования в современных формах культурной деятельности.

Использование наследия буддийской культуры имеет два аспекта. С одной стороны, достижения буддизма вошли в исторический фонд культуры человечества, и результаты исследований древней и средневековой науки являются историческим интеллектуальным капиталом нации, служат познанию культуры народов Востока, сохранению исторической памяти народа и суверенности национального самосознания. С другой стороны, освоение наследия духовной культуры народов

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ № 14-18-00444 «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы».

² Дацан (тиб. grva thsang) — отделение высшего монастырского обучения; храм, где происходят занятия, или весь монастырь.

Азии изменило традиционный этнический менталитет бурятского народа. Познание процесса массовой адаптации буддийской культуры, выявление тех ценностей буддизма, которые вошли в массовое сознание, стали актуальными для социальных и духовных потребностей рядовых бурят, полезны для организации работы просветительных, учебных и культурных учреждений Республики Бурятия.

В культуре Бурятии, связанной с буддийской религией, остается много неизученных явлений, несмотря на многолетние системные исследования различных сторон бурятской буддийской конфессии. Кроме того, памятники буддийской культуры Бурятии не сохранились в репрезентативной полноте. Из 46 дацанов иркутских и забайкальских бурят осталось только три дацана — Гусиноозерский, Агинский, Цугольский, которые являются памятниками культового зодчества бурят. В конце 80-х годов XX в. буддийская церковь в России возобновила свою деятельность как организационная структура. Становятся актуальными исследования, восполняющие историю развития и становления памятников буддийского зодчества в разных регионах расселения бурят. Между тем, как показывает знакомство с историографией проблемы, необходимым условием успешного изучения истории буддийской церкви в России является расширение источниковой базы исследования. Оно должно происходить за счет вовлечения в научный оборот документальных материалов архивов органов государственного и церковного управления, которые до сих пор используются в очень незначительном объеме. Известно, что архивы бурятских дацанов полностью уничтожены. В связи с этим представляется вполне закономерным обращение к изучению документов, хранящихся в государственных, научных и ведомственных архивах.

В Отделе рукописей и документов Института восточных рукописей РАН находятся оригиналы дневников Базара Барадина³, написанные им в 1903–1904 гг., когда Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии командировал Барадина в Забайкалье для изучения буддийской иконографии и жизни дацанов. Дневники Базара Барадина, собранные им материалы по бурятским дацанам являются бесценным источником для объективной характеристики истории и развития монастырских комплексов Бурятии, утраченных в 30-е годы XX в. Они представляют безусловный интерес не только подробным воссозданием жизненных реалий монастырей — центров буддийской учености, но и продуманностью структуры изложения.

³ Барадийн (Барадин) Бадзар (Базар) Барадиевич (1878–1937) // Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.

«Дневник поездки, совершенной летом 1903 г. вольнослушателем С[анкт]-Петербургского Университета Б. Барадиным в Забайкальскую область по поручению Императорской Академии наук для собирания материала по буддийской иконографии» вошел в первые три тетради (с 5 июля по 22 августа 1903 г.). Тетрадь № 1 включает листы 1–70, тетрадь № 2 начинается с листа 71 и заканчивается листом 116, в тетради № 3 — листы 117–167 (Ф. 87. Оп. 1. Д. 26).

Своеобразие характеризуемого дневника — это отражение действительности, регулярная синхронная фиксация монастырской деятельности. Скрупулезные записи Б. Барадина (каждая запись дневника датирована, указано место, где она сделана) позволяют не только детально воспроизвести маршрут, но и проследить бытовые подробности, ежедневную работу исследователя.

Написанный простым и доступным языком, его дневниковый отчет 1903 г. содержит изложение конкретных сведений по истории строительства дацанов, подробное описание дацанов, их внешнего и внутреннего вида, убранства, внутренней структуры и организации. Здесь присутствуют сведения о богословских школах, наличии типографий (в том числе о технике и процессе ксилографирования), дается перечень книг (изданных при дацанах), приводятся данные о количестве ламских домов, численности духовенства и хувараков⁴.

Исследуя буддийскую иконографию, Б. Барадин обращается к истории буддизма, вникает в ее осмысление и исследование⁵:

В Тибете пишут натуральной краскою, добываемой из земли. Эта краска называется тинха (тин — синий). Свойство этой краски: будучи сначала белой, чрез 6, 7 периодических натираний и переливаний из одних чашек в другие получается темно-синего цвета. Он (Дулзун Боролдоев — иконописец Агинского дацана. — Д.Ж.) на мой вопрос, из какого литературного источника могу иметь сведения о достопримечательных местах Тибета, ответил, что на этот предмет самым лучшим пособием может служить огромное 4-х томное сочинение одного Лавранского⁶ ламы (имя не

⁴ Хуварак — духовное лицо; так называют учеников монахов в буддийских монастырях до получения ими ученых званий.

⁵ Здесь и далее мы придерживались принципа максимального сохранения текста записей без изменения стилистических особенностей и фразеологических оборотов автора. В тех случаях, когда пунктуация не выполняла присущую ей смысловозначительную функцию, пришлось прибегнуть к расстановке знаков препинания в соответствии с общепринятыми правилами русского языка.

⁶ Лавран — монастырь на северо-востоке Тибета. В 1905–1907 гг. Б. Барадин был командирован Русским комитетом при Академии наук по изучению Средней и Восточной Азии сопровождать Далай-ламу XIII, возвращавшегося из Урги на родину, в Тибет, а также для изучения культуры, языка и быта тибетцев. В монастыре Лавран Б. Барадин

помнит) о 500 амдоских монастырях под заглавием *a mdo bstan rabs* (История религии в Амдо). Учитель этого Ламы Гоман сан Гончик Жалсан⁷, современник Гу-барбы *ngag dbang brtson grus*⁸, — 1-й Жамьян Шадба). Книга — лавранской печати⁹.

Скрупулезные наблюдения автора, зафиксированные в дневнике, позволяют составить глубокие представления об иконописных школах Тибета, Монголии, бурятской технике рисования и литья скульптур. Кроме того, Б. Барадин свое изучение монастырских комплексов совмещает с освоением разговорного тибетского языка. Осуществляя перевод некоторых тибетских сочинений, дает подробные данные о буддийских рукописях и ксилографах по иконографии, приводит список сочинений известных буддийских деятелей со своими комментариями. Например, сообщает, что лучший источник по вопросу изучения лхасских святынь — сочинение¹⁰ Далай-ламы V¹¹, что «лучшим руководством иконописцев являлся комментарий Сумба Хамбо¹² на базовый

провел 8 месяцев. Результатом путешествия стало множество научных материалов — дневников, очерков, несколько сотен фотоснимков и т.п. За это путешествие Русским географическим обществом (РГО) ему была присуждена премия имени Пржевальского [<http://ru.wikipedia.org/wiki>].

⁷ В лавранских дневниках Б. Барадин говорит о двух Гоман-цангах в Лавране: Гоман-цанге (*sgo mang tshang*), являющемся перерожденцем декана факультета Гоман в Брэйбуне, он также называет его Гоман Чойдар Цанбой (*sgo mang chos dar tshang ba*) (*Барадин Базар. Жизнь в тангутском монастыре Лавран. Дневник паломника 1906–1907 гг. Улан-Удэ–Улан-Батор, 1999. С. 243–244*), и Гоман Балман-цанге — перерожденце Балман Гончок Далсана (1764–1853) (Там же. С. 251). А.И. Востриков указывает, что учеником Балман Гончок Жалцана был 49-й настоятель Лаврана — Брагон Шабдун Гончок Данба Ражэй (*brag dgon zhabs drung dkon mchod bstan pa rab rgyas*; род. в 1801 г.), который в 1865 г. написал «Книгу-море» (*debt her rgya mtsho*, «Дэбтэр Жамцо») по истории буддизма в Амдо (в ней он приводит более 500 названий работ) (*Востриков А.И. Тибетская историческая литература. М.: Издательство восточной литературы, 1962 (Bibliotheca Buddhica. Vol. XXXII). С. 16*).

⁸ Тиб. Агван Зондуй — имя Жамьян Шадбы I.

⁹ Отдел рукописей и документов ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Д. 26. Л. 122.

¹⁰ Сочинение «Книга трех воззрений» Дже Шераба Гьяцо [бур. Аху (Аку) Ринпоче Шейраб Жамсо (1803–1875)].

¹¹ *Востриков А.И. Тибетская историческая литература. С. 94.*

¹² Сумба Хамбо Ешей Балжор (*sumpa mkapro ye shes dpal 'byor*, 1704–1788) — знаменитый тибетский ученый, автор известного сочинения «Пагсам-чжонсан» (1748) и «История Куку-нора» (1786). Историческое сочинение Сумба Хамбо «Пагсам-чжонсан» («Прекрасное дерево, исполняющее желания»), написанное как история распространения буддизма в Индии, Тибете, Китае и Монголии (в четырех разделах), содержит две генеалогические таблицы (л. 308 и 310), которые включены в основной текст в виде приложения. Научная ценность генеалогических таблиц, составленных Сумба Хамбо, состоит в том, что они рисуют схему всеобщей политической истории Монголии XIII–XVIII вв., ее этнический состав, процесс консолидации и раздробления класса монгольских феодалов и государственности.

текст¹³ по рисованию»¹⁴. Описывает каталоги книг как библиотек Агинского и Цугольского дацанов, так и библиотек лам (в том числе ганжирвы-гэгэна Данзана Норбоева¹⁵).

Но не все части дневника Барадина имеют вид поденных заметок по буддийской иконографии. Например, Б. Барадин описывает репетицию религиозной мистерии Цам¹⁶, которая являлась неотъемлемым атрибутом религиозного праздника Майдари¹⁷; интересны его впечатления о встрече с известным писателем, бурятским филологом-монголистом и тибетологом Ринченем Номтоевым (1821–1907), его краткая биография изложена в дневнике.

В дневниках Б. Барадина редко встречаются записи о его душевных переживаниях, эмоциональном настрое. Вместе с тем есть заметки, где он делится своими личными впечатлениями:

¹³ Сочинение Аджа Данби Жалсана «Полное установление наставления, разъясняющего способ рисования тела бога».

¹⁴ Отдел рукописей и документов ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Д. 26. Л. 44.

¹⁵ Норбоев Данзан (1888–1935) — бурятско-тибетский ученый-лама, публицист, 6-й перерожденец (бур. хубилган) ганжирвы-гэгэна из Долоннора, объявлен живым богом после смерти 5-го перерожденца Сумаева (1887). После усвоения положенных знаний хубилган в 1905–1907 гг. обучался в школе цаннита в Лавране (Тибет). В 1909 г. Норбоев продолжил образование в Тибете, в 1916 г. окончил лхасскую школу цаннита и получил звание лхарамбы. В 1918 г. вернулся в Цугольский дацан. Был членом комиссии по переводу Ганчжура с тибетского языка на монгольский. В 1927 г. Д. Норбоев, подчиняясь решению I Всесоюзного Буддийского Духовного собора, запретившего культ перерожденцев, переехал по настоятельной просьбе А. Доржиева в Ленинград, где стал и.о. настоятеля буддийского храма и официального представителя Тибета в России по делам тибето-монгольской миссии. См.: *Жамсуева Д.С.* Агинские дацаны как памятники истории культуры. Улан-Удэ, 2001; *Жамсуева Д.С.* Бурятская линия перерожденцев Ганжурвы-гегэна // Иволгинский дацан: история, современность и перспективы. С. Верхняя Иволга, 2001.

¹⁶ Цам (тиб. 'cham) — религиозная мистерия, театрализованное представление (танец-пантомима). Согласно традиции буддийской религии, цам составлял неотъемлемый атрибут религиозного праздника Майдари. Гусиноозерский дацан был одним из немногих монастырей Забайкалья, где практиковалось проведение буддийских мистерий танцев. Цамы в Забайкалье отличались от цамов Тибета и Монголии. В Гусиноозерском дацане с 1877 г. (при Хамбо-ламе Шойдое Мархаеве) на площадке перед цокчен-дацаном разыгрывались мистерии цам. Это был цам докшитов, затем, уже в начале XX в. — цам Дуйнхор (Калачакры). В данном случае Барадин, по-видимому, был очевидцем репетиции цам докшитов (Эрилик-цам). Подробнее о цаме в Бурятии см.: *Найдакова В.Ц.* Буддийская мистерия цам в Бурятии. Улан-Удэ, 1997.

¹⁷ Майтрейя (санскр. Maitreya) — «Владыка, наречённый Состраданием», грядущий Учитель человечества, Бодхисаттва и Будда нового мира — Майдари (бур.). Культ бодхисаттвы Майдари, почитавшегося как Грядущий Будда, имел широкое распространение в Забайкалье.

Эти мысли и то обстоятельство, что я, мирянин и хожу теперь один особняком от философствующих чтецов, поразили меня захватывающим образом: сразу мои мысли обратились с требованием отчета к моей жизни. Выполнил ли сколько-нибудь той высшей задачи жизни, которую я, по своему разумению, считаю наивысшей и возможной и которая должна быть таковой всем без различия существам? Ответ был: «нисколько», и я сознал себя самым жалким существом и одним из бесчисленных обитателей мира сего, удел которых до сего времени был весьма определен: «родился, жил безотчетно и умер неожиданно для себя». Я, занятый такими горькими мыслями, повсюду встречая таких чтецов, незаметно для себя добрался до своего дома»¹⁸.

Второй «Дневник Бадзара Барадийна, командированного Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Забайкалье. 1904 г. 8 июля — 5 сентября» (Ф. 87. Оп. 1. Д. 27) состоит из одной тетради, которая включает листы с 1 по 90. Дополнительные две тетради — это «Описание главных храмов в Цугальском и Агинском монастырях 1904 г.» (Ф. 87. Оп. 1. Д. 1) и «Планы Цугальского и Агинского храмов. 16 августа 1904 г.» (Ф. 87. Оп. 1. Д. 2).

Первые две дневниковые записи содержат более подробные сведения о Цугальском и Агинском дацанах. Диахронное разнообразие источников позволяет сделать относительно репрезентативные выводы о деятельности агинских дацанов как центров буддийской культуры. В тексте дневника Б. Барадина за 1904 г. необходимо отметить анализ книг по буддизму, иконографии и выводы автора, где присутствует профессиональная оценка историка-религиоведа, свидетельствующая об особом научно-аналитическом характере его исследований. При этом в его дневнике имеются личные суждения, впечатления о тех людях, с которыми ему удалось общаться, и о тех странах, которые он изучал. Например, заметки о политическом положении:

*...в то время было в Тибете спокойно, по крайней мере в Лхасе. Но тем не менее, по его словам¹⁹, в Тибете шли большие толки о приближении тилинов, т.е. англичан, о вступлении их в пределы Тибета. В то время ему неизвестно, чтоб тибетцы что-либо предпринимали против англичан, только ограничивались созывом в Лхасу гуртынов *sku rten*²⁰ (чойджинов) числом до 70 человек. Они буд-*

¹⁸ Отдел рукописей и документов ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Д. 26. Л. 110–111.

¹⁹ Б. Барадин в дневнике указывает, что сведения получены от ламы по имени Цыден, который прибыл из Лхасы.

²⁰ Тиб., букв. «тело-опора». Это оракулы, их тело является «опорой», через посредство которого вещают духи-хранители религии (чойжоны). Поэтому их часто называют чойжанами (чойджиными).

*то предсказали, что никакой опасности для веры нет и т.п. Вот и все, что знал он о Тибете в момент своего выезда оттуда. Да еще он виделся с Агваном Доржиевым, только что прибывшим в Лхасу из Забайкалья*²¹.

Кроме того, анализ дневниковых записей позволяет систематизировать данные об имущественном состоянии дацанов и раскрыть важные аспекты внутренней жизни буддийских общин.

Значимый аспект дневников представляют «Описание главных храмов в Цугальском и Агинском монастырях. 1904 г.» (Ф. 87. Оп. 1. Д. 1) и «Планы Цугальского и Агинского храмов 16 августа 1904 г.» (Ф. 87. Оп. 1. Д. 2), раскрывающие особенности культовой системы агинской конфессии. Подробное описание Б. Барадиным внешнего вида и внутреннего убранства дацанского комплекса, малых его архитектурных форм дает возможность детально проанализировать соотношение архитектурных и эстетических решений с религиозными традициями и существенно расширить базу для последующих исследований:

На обратном пути мы обратили свое внимание на окружной дороге skor lam²² монастыря... на одну маленькую белую кирпичную постройку, вроде субургана²³... так называемый обыкновенный «Бум хан» bum khang²⁴. На лицевой стороне с юга сделано квадратное углубление, в котором помещалось изображение какого-то Дубчена²⁵, вырезанное на мраморной плите. Мы справились об этом изображении... Этот бум хан — с изображением тибетского Дубчена царя mthong thing rgyal po Тан-тин Джалбо²⁶ (один из тибетских владетельных князей) rgyal phran. Он был современником

²¹ Отдел рукописей и документов ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Д. 27. Л. 20–21.

²² Тиб. «дорога вокруг монастыря».

²³ Ступа, субурган (бур.) — буддийское архитектурно-скульптурное монолитное монументальное и культовое сооружение, имеющее полусферические очертания, обязательная часть монастырского комплекса не только на территории, но и за ее пределами.

²⁴ Тиб., букв. «кувшин-дом». В данном случае субурган в виде кувшина. Бумханом по-бурятски называют и небольшое сооружение на обо (пирамиде камней) или в буддийских культово-обрядовых почитаемых местах.

²⁵ Тиб. grub chen, санскр. махасиддха, букв. «великий реализатор». Так называют йога (в другом варианте мага-тантриста), который благодаря тантрийской практике обрел реализацию высшего постижения, сверхъестественных способностей (сиддх) и т.д.

²⁶ В лавранских дневниках Б. Барадин рассказывает историю появления в одном из скитов монастыря Лавран мумии йога, ушедшего в глубочайшее созерцание, а затем покинувшего тело. По одной из версий, йога признали перерожденцем Дубчена Тан Тон Жалпо (thang stong rgyal po). См.: Барадин Базар. Жизнь в тангутском монастыре Лавран. Дневник паломника. С. 149–151.

Марба ламы (учителя Мила-райты) и Ро-лоцавы²⁷. Предание говорит, что он пребывал в утробе матери 60 лет, дождался кончины Ро-лоцавы, который имел обыкновение (посредством чар) загубливать знаменитых (полезных) лам, отчего он и жил так долго в утробе. Бум хан с этим изображением сооружен по инициативе ученого ламы Дылыкова²⁸ (брат Н. Дылыкова) и будто сооружен по примеру тибетских монастырей для ограждения от наводнения²⁹.

На основе нарисованных схем, содержащих данные о размерах основных и поэтажных частей храмов, можно восстановить масштабную композицию дацанов. Характерно, что Б. Барадин ведет подробную обрисовку объекта, начиная с крыльца дацана, затем приступает к поэтажному описанию. Схема каждого этажа изображена со всех ракурсов: с севера, юга, востока и запада (количество окон, надписи с комментариями и т.д.). Пример описания:

*Главный каменный корпус храма составляют нижний и средний этажи высотой около 8 саж[ень] от основания. От этого главного корпуса над дверьми (нижн[его] этажа) выдается особое отделение с отдельной крышей. Наверху этой крыши находится *sakra*³⁰ (*khor lo*) — колесо, символическое изображение учения Будды, а по обеим сторонам ее — по одной боди гурысыны (монг. — примечание Б. Барадина. — Д.Ж.)³¹, обращенные головой к *sakr'e*. Символич[еские] изображения милосердия — все золочёные³².*

Особое внимание Барадин уделял расположению *танка*, их описанию и оценке, что, безусловно, представляет уникальный материал для изучения различных вопросов по богатейшему духовному и культурному наследию бурятского народа и позволяет обогатить познания о бурятской иконописной школе.

Кроме того, неопубликованные архивные документы Б. Барадина, несомненно, являются важным источником для исследования истории,

²⁷ Марба (1012–1097) считается 4-м иерархом тибетской духовной традиции Каржудпы, а его ученик Миларайпа (1040–1123) — 5-м иерархом. Ролоцава Дорже Даг ра (*rva lo tsa bar do rje grags pa*, XI в.) — известный тибетский йог, с которым связывают появление в Тибете систем Ваджрабхайравы (Ямандаки).

²⁸ Братья Дылыковы — штатные ламы Цугольского дацана, Н. Дылыков был ширетумом философской школы чойра.

²⁹ Отдел рукописей и документов ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Д. 27. Л. 30–31.

³⁰ Чакра (санскр.) — колесо с восемью спицами (Символы буддизма, индуизма, тантризма. М.: Золотой Век, 1999. С. 163–164).

³¹ Боди гурысыны (монг.) — лань, олень.

³² Отдел рукописей и документов ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.

религии, этнографии бурят, вместе с тем характеризуют роль ученого в развитии исторической науки.

Использованные документы:

Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей (ИВР) РАН. Ф. 87.
Оп. 1. Д. 1, 2, 26, 27.

Литература

- Барадийн (Барадин) Бадзар Барадиевич (1878–1937) // Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.
- Baradiyn (Baradin) Badzar Baradievich (1878–1937) // Lyudi i sudbyi: Biobibliograficheskiy slovar vostokovedov — zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991) / Sost. Ya.V. Vasilkov, M.Yu. Sorokina. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003.
- Барадин Бадзар. Жизнь в тангутском монастыре Лавран. Дневник паломника 1906–1907 гг.* Улан-Удэ–Улан-Батор, 1999.
- Baradin Bazar. Zhizn v tangutskom monastyire Lavran. Dnevnik palomnika 1906–1907 gg.* Ulan-Ude–Ulan-Bator, 1999.
- Барадин Бадзар. Жизнь в Тангутском монастыре Лавран: Дневник буддийского паломника (1906–1907 гг.).* Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002.
- Baradin Bazar. Zhizn v Tangutskom monastyire Lavran: Dnevnik buddiyskogo palomnika (1906–1907 gg.).* Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2002.
- Востриков А.И. Тибетская историческая литература.* М.: Издательство восточной литературы, 1962 (Bibliotheca Buddhica. Vol. XXXII).
- Vostrikov A.I. Tibetskaya istoricheskaya literatura.* M.: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1962 (Bibliotheca Buddhica. Vol. XXXII).
- Жамсуева Д.С. Агинские дацаны как памятники истории культуры.* Улан-Удэ, 2001.
- Zhamsueva D.S. Aginskie datsanyi kak pamyatniki istorii kulturyi.* Ulan-Ude, 2001.
- Жамсуева Д.С. Бурятская линия перерожденцев Ганжурвы-гегена // Иволгинский дацан: история, современность и перспективы.* С. Верхняя Иволга, 2001.
- Zhamsueva D.S. Buryatskaya liniya pererozhdentsev Ganzhurvyi-gegena // Ivolginskiy datsan: istoriya, sovremennost i perspektivy.* S. Verhnyaya Ivolga, 2001.
- Найдакова В.Ц. Буддийская мистерия цам в Бурятии.* Улан-Удэ, 1997.
- Naydakova V.Ts. Buddiyskaya misteriya tsam v Buryatii.* Ulan-Ude, 1997.
- Символы буддизма, индуизма, тантризма.* М.: Золотой Век, 1999.
- Simvolyi buddizma, induizma, tantrizma.* M.: Zolotoy Vek, 1999.
- Цыбиков Г.Ц. Избранные труды: в 2 т.* Новосибирск: Наука, 1991.
- Tsybikov G.Ts. Izbrannyye trudyi: v 2 t.* Novosibirsk: Nauka, 1991.

D.S. Zhamsueva

**MONASTIC LIFE OF THE BURYAT DATSANS
(BASED ON B. BARADIN'S DIARIES OF 1903–1904)**

S u m m a r y : The paper presents the characteristics of B. Baradin's Diaries from the funds of the Institute of Oriental Manuscripts of RAS, which provides unique material for studying the spiritual and cultural heritage of the Buryat people.

The diachronic variety of sources allows us to make relatively comprehensive conclusions about the activities of the Buryat datsans as centers of Buddhist culture.

K e y w o r d s : diary, Datsan, community, icon-painting school, the interior.

А.В. Зорин
**ТИБЕТСКИЙ ФОНД
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН:
ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И КАТАЛОГИЗАЦИИ
(1917–2013 гг.)***

Статья представляет собой обзор истории Тибетского фонда ИВР РАН в период начиная с Октябрьской революции 1917 г. и заканчивая настоящим временем. В ней рассмотрены основные источники поступлений ксилографов и рукописей на тибетском языке в коллекцию Института (ранее Азиатского музея и Института востоковедения АН СССР), представлена история их научно-технической обработки, отмечен личный вклад ленинградских/петербургских ученых в формирование и обработку фонда, охарактеризована текущая работа по его инвентаризации и каталогизации. Статья основана на обширных архивных материалах, хранящихся в ИВР РАН.

Ключевые слова: Тибетский фонд ИВР РАН, изучение тибетских ксилографов и рукописей, история отечественного востоковедения, Азиатский музей, ИНБУК, ИВ АН СССР.

Данная публикация, охватывающая послереволюционный период истории Тибетского фонда Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР — Института восточных рукописей РАН, является продолжением статьи, посвященной дореволюционной истории формирования и каталогизации Тибетского фонда¹. В ней мы остановимся на поступлении текстов и их обработке после 1917 г., а также на текущей работе по инвентаризации и каталогизации фонда.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Каталог сочинений буддийского тибетского канона из собрания ИВР РАН», проект № 11-34-00364.

¹ Зорин А.В. Тибетский фонд Института восточных рукописей РАН: из истории формирования и каталогизации (1917–2012 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 3 (33). С. 37–53.

Статья основана на обширных материалах Архива востоковедов (АВ) ИВР РАН, а также инвентарных книгах, хранящихся в архиве Отдела рукописей и документов ИВР РАН.

* * *

Революционные изменения и Гражданская война не способствовали академической деятельности в Петрограде. Хотя потерь в фондах, по-видимому, удалось избежать (во всяком случае, ни о каких фактах такого рода нам неизвестно), новых поступлений было немного. Первое свидетельство о послереволюционном пополнении тибетской коллекции Азиатского музея (далее — АМ) датировано 1923 г., когда из Русского музея «были переданы 4 тибетские рукописи и 3 ксилографа»². В 1926 г. в АМ были переданы 60 единиц тибетских книг, приобретенных Главнаукой у вдовы известного монголоведа, исследовавшего Монголию, в частности быт буддийских монастырей, проф. А.М. Позднеева (1851–1920)³. А в 1927 г. в Ленинград была доставлена партия «рукописей, книг и музейных предметов, отобранных из имущества М.В. Ухтомского⁴. Положено [было]... просить МАЭ распределить книги из наследства Ухтомского между библиотекой МАЭ и АМ»⁵. Были ли книги Ухтомского действительно переданы в АМ, пока выяснить не удалось.

То, что книги АМ до революции могли отправляться в Европу по запросу исследователей, по-видимому, не всегда означало гарантированный своевременный возврат их в Санкт-Петербург, по крайней мере, если речь идет о книгах, оказавшихся в Германии до Первой мировой войны. Во всяком случае, в 1926 г. берлинский Государственный музей народоведения (Museum für Völkerkunde) передал в АН через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей пакет с различными восточными книгами, в том числе одним тибетским ксилографом и изображениями 84 махасиддхов (великих индийских йоги-

² [Отчет о поступлениях за 1923 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 71. Л. 7).

³ Выписка из Протокола РАН от 29 апреля 1925 г.: ИФ. 1925. VIII (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 78. Л. 36).

⁴ Вероятно, имеется в виду кн. Михаил Валерьянович Ухтомский (1888–1941), с 1917 г. находившийся в Париже сначала по военному поручению, затем в эмиграции (Русское зарубежье во Франции: 1919–2000. Биографический словарь: в 3 т. / Под общей редакцией Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010. Т. 3. С. 390). Если предположение справедливо, то слово «наследство» в этой цитате следует понимать в переносном (ироническом?) смысле.

⁵ Выписка из Протокола РАН от 16 февраля 1927 г.: ИФ. 1927. III (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 103. Л. 31).

нов)⁶. В связи с этим событием откликнулась даже «Красная газета», разместившая несколько курьезную заметку «Подарок Академии Наук („Бамбуковая книга“»)⁷.

Год 1928-й «ознаменовался поступлением в АМ большого числа тибетских ксилографов преимущественно бурятских печатень и отчасти китайских из библиотеки Казанской духовной академии» (КДА)⁸, закрывшейся в марте 1921 г. после ареста ректора КДА и двадцати ее преподавателей.

В том же году был образован Институт буддийской культуры (ИНБУК) АН СССР, в котором был собран цвет российской буддологии, в том числе тибетологии: акад. Щербатской, его выдающиеся ученики Е.Е. Обермиллер (1901–1935), А.И. Востриков (1902–1937), Б.В. Семичов (1900–1981); в подготовке организации ИНБУК самое деятельное участие принял М.И. Тубянский (1893–1937), который, однако, еще в 1927 г. отправился в командировку в Монголию и на долгое время выбыл из работы академических институтов Ленинграда⁹. Правда, в 1930 г. он сообщал администрации АМ о возможности приобрести через него в Монголии редкие тибетские книги, но это предложение осталось нереализованным¹⁰.

В уставе ИНБУКа среди целей и задач, в частности, значилось следующее: «§ 2. 5. Экспедиционные исследования в странах, находившихся под влиянием Буддийской Культуры для изучения литературы, местной литературной и научной традиции, языка и материальных и бытовых форм, а равно и для разыскания и собирания памятников ли-

⁶ [Письмо из Государственного музея народоведения от 3 декабря 1925 г. с перечнем книг] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 100. Л. 3); [Письмо из Всесоюзного общества культурной связи с заграницей от 1 февраля 1926 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 100. Л. 2).

⁷ «Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей получен от германского музея народоведения ящик с 16 пачками бирманских, сиамских, явайских, сингалезских, тибетских и др. писем. Музей просит передать эти манускрипты Всесоюзной Академии Наук. На некоторых пачках манускриптов имеется печать Азиатского музея АН с датой 1118 (*sic!*) года. Каждая пачка писем представляет собой собрание слегка гнувшихся узких пластинок, превышающих длину 1 арш. Дощечки, испещренные с обеих сторон разнообразными знаками, имеют отверстие, через которое пропущена веревка, и перелистываются подобно листам книги. Материалом для этих своеобразных книг послужило какое-то волокнистое дерево — возможно, бамбук. Книги-доски отлично сохранились» (Красная газета. 29.01.1926).

⁸ [Отчет за 1928 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 124).

⁹ *Кожевникова М.Н.* Ученый секретарь Комитета наук МНР М.И. Тубянский // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV: Центральная Азия и Дальний Восток. М.: Восточная литература, 2013. С. 350–356.

¹⁰ Подробнее см.: *Зорин А.В.* М.И. Тубянский и тибетский фонд Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. СПб.: Изд-во А. Голода, 2014. С. 450–456.

тературы и материальной культуры. 9. Содействие пополнению фонда Азиатского Музея Академии Наук буддийской литературой и сочинениями по вопросам Буддийской культуры восточных и европейских авторов. 10. Создание подсобной рабочей библиотеки восточных и европейских сочинений по специальности в самом Институте»¹¹.

Обозначенные задачи успешно выполнялись. В частности, Обермиллер и Востриков, в период с 1928 по 1932 г. много времени проводившие в различных бурятских монастырях¹², где они изучали сложнейшие философские тексты буддизма, привезли в Ленинград немалые собрания текстов, как приобретенные для АН, так и личные коллекции. Так, в 1929 г. Востриков приобрел для АМ в тогдашней Бурят-Монгольской АССР 53 тома тибетских текстов¹³. Была создана и «подсобная рабочая библиотека» ИНБУК. В инвентарной книге Фонда ксилографов Института за 1928–1929 гг., хранящейся в архиве Отдела рукописей и документов ИВР РАН (Арх. 106/1), содержится 250 наименований.

Между прочим, еще в 1927 г. Востриков был привлечен как практикант к работе в АМ, где он занимался разбором и каталогизацией тибетских текстов (в 1929 г. он был принят в штат АМ как научный сотрудник II разряда на место отсутствовавшего Тубянского). За период с 1927 по 1930 г. Востриков инвентаризировал коллекции Позднеева и КДА, разобрал и расставил в порядке их описания коллекции Цыбикова и Барадийна. В 1929 г. им также «производился разбор и расстановка других более мелких коллекций ксилографов и рукописей. Расставлен в порядке его каталога весь старый тибетский фонд, а равно Канджур и Данджур Пекинского издания. Помятое при доставке из Тибета Нартанское издание Канджура и Данджура разбиралось по отдельным листам, причем каждый том, по тибетскому образцу, закладывался между особыми досками и скреплялся ремнями. Начата работа по составлению карточного алфавитного (по авторам и сочинениям) каталога всего Тибетского фонда АМ, а равно подготавливался материал для составления предметного каталога»¹⁴. Из приведенной цитаты следует, что уже в 1920-е годы в состав Тибетского фонда АМ вошло Нартанское издание тибетского буддийского канона, но неясно, в каком количестве (в данный момент в ИВР РАН имеются 12 экземпляров

¹¹ Устав ИНБУК (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 22–23).

¹² Подробнее см.: *Кожеевникова М.Н.* К истории создания Института буддийской культуры (ИНБУК) АН СССР (1927–1930 гг.). Значение научных экспедиций школы академика Щербатского // Международная научно-практическая конференция: «Рериховское наследие». Том 3: Восток–Запад на берегах Невы. СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. Ч. 1. С. 314–329.

¹³ [Отчет за 1929 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 141. Л. 30).

¹⁴ Там же.

Нартанского Канджура разной степени укомплектованности и 3 экземпляра Нартанского Данджура, один полный и два почти полных). Стоит упомянуть в связи с этим фактом (для представления о масштабах и значимости нашего собрания), что в тибетской библиотеке Колумбийского университета (Нью-Йорк) основная часть собрания оригинальных тибетских книг состоит из одного экземпляра Нартанского Канджура, причем сама печатня в монастыре Нартанг и все печатные формы, хранившиеся в ней, были уничтожены в годы китайской Культурной революции.

Новый этап развития востоковедения в нашей стране начался в 1930 г., когда в Ленинграде был организован Институт востоковедения АН СССР, в который вошли Азиатский музей, ИНБУК и Тюркологический кабинет со своими коллекциями и сотрудниками. Располагался Институт в здании Библиотеки Академии наук. Возглавил ИВ АН многолетний директор Азиатского музея академик С.Ф. Ольденбург, много сделавший для формирования тибетской коллекции в предыдущие годы (он, по счастью, избежал репрессий по так называемому «делу Академии наук» 1929 г., хотя ожидал ареста: «...есть свидетельство о „высочайшем“ жирном карандаше, вычеркнувшем в последний момент имя Ольденбурга и еще нескольких крупнейших ученых из проскрипционного списка»¹⁵).

Одной из административных единиц ИВ АН стал Индо-Тибетский кабинет, собрание тибетских книг вошло первоначально в состав его библиотеки, а Востриков исполнял обязанности ученого хранителя кабинета. Однако напряженная научная работа не позволила ему продолжать обработку коллекций, о чем он сообщал в марте 1931 г. в своем заявлении директору Института: «Ввиду крайней напряженности научно-производственных планов работников Индо-Тибетского кабинета библиотечная обработка богатейшего в мире Тибетского фонда ксилографов, принадлежащего ИВ, почти совершенно замерла. Отсутствие достаточного числа работников, загруженность имеющегося состава ведут к тому, что огромный тибетский фонд, до сих пор почти не разобранный, если не считать единичных усилий и потому уже недостаточных, моих и других лиц, остается не разобранным и впредь...»¹⁶. Сотрудником, на которого решено было возложить задачу обработки коллекции, Востриков называет свою будущую вторую жену —

¹⁵ Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003. С. 292.

¹⁶ Заявление Директору Института Востоковедения от Ученого хранителя Индо-Тибетского Кабинета А.И. Вострикова от 26 марта 1931 г. (хранится в Личном деле Н.П. Ярославцевой-Востриковой. АВ ИВР РАН. Фонд 152. Оп. 3. Ед. хр. 711. Л. 6).

Н.П. Ярославцеву (1902–1988), к тому моменту окончившую Ленинградский государственный историко-лингвистический институт Наркомпроса РСФСР (этот институт функционировал с 1930 по 1937 г. и был не чем иным, как историко-лингвистическим факультетом ЛГУ, выделенным из состава университета) и в достаточной мере владевшую тибетским языком и санскритом.

Ярославцева (впоследствии Ярославцева-Вострикова) плодотворно работала над инвентаризацией фонда в течение почти шести лет. Красноречивые свидетельства эпохи сохранились в отчетах и протоколах «производственных совещаний» Рукописного отдела ИВ АН СССР (этот особый отдел был специально создан для обработки и изучения рукописей и старопечатных книг Института, ныне он именуется Отделом рукописей и документов ИВР РАН). Так, мы узнаем, что в 1932 г. Ярославцева «начала с нормы 2 ксилографа в день, в плане на 1933 г. была установлена норма 3 ксилографа в день. К 1934 г. предполагалось довести ее норму до 4 ксилографов в день, но т. Ярославцева работает по этой норме уже с 4 квартала отчетного года. Помимо этого следует отметить, что Ярославцева проделала огромную, физически утомительную работу по приведению Тибетского фонда в порядок после газации»¹⁷. В конце 1933 г. Отдел решает «включиться в поход [московских рабочих к XVII Партсъезду] и повысить темпы» работы; в частности, Ярославцева «дает обязательство описывать пять ксилографов в день»¹⁸. Потом это обязательство увеличивается еще на единицу, и, наконец, в 1935 г. она дает «ударное обязательство довести количество обрабатываемых единиц в день до 15»¹⁹. Отметим при этом, что под единицами тогда имелись в виду отдельные сочинения, а не целые тома, так что даже последняя норма была сложной, но выполнимой.

Результатом работы Ярославцевой-Востриковой стали инвентарные книги следующих частей фонда: коллекции Цыбикова (в инвентарных книгах, составленных ею, значатся 3367 наименований, к ним в 1947–1948 гг. были добавлены еще 7, а в 1964 г. — 4); Барадийна (1620 наименований); Nova: в этот шифр изначально были включены книги, приобретенные у сотрудников Института — Обермиллера, Вострикова, Барадийна, акад. Щербатского, монголиста С.Д. Дылыкова (1912–1999), — однако потом в него стали включаться и все прочие книги, как поступившие в 1930-е годы, так и хранившиеся в АМ, последние

¹⁷ Отчет Рукописного отдела ИВ за 1933 г. (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 323. Л. 20).

¹⁸ Протокол Производственного Совещания РО от 10/XII — 1933 г. (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 323. Л. 53).

¹⁹ Ударное обязательство Н.П. Ярославцевой-Востриковой (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 425. Л. 25).

записи и вовсе относятся к книгам «старого фонда», т.е. собранным еще в XIX в. Текстам коллекции Nova присваивались три шифра, соответственно формату (в порядке увеличения): А, В, С. По первому шифру было инвентаризировано 2331 сочинение, по второму — 4203, по третьему — 1. Отдельные сочинения из обработанных Востриковой позднее, в 1940-е годы, были переданы в Монгольский фонд (о чем свидетельствуют соответствующие записи в инвентарных книгах).

Из поступлений 1930–1937 гг. помимо упомянутых стоит назвать четыре тибетские книги — подарок Ученого Комитета МНР в 1930 г. (были привезены в Ленинград С.А. и М.И. Кондратьевыми)²⁰, передачу известным монголистом (1880–1942) Ц.Ж. Жамцарано в 1934 г. важного исторического сочинения Туган-хутухты (в обмен на два монгольских сочинения)²¹ и «8 тибетских рукописей и ксилографов буддийского содержания от вдовы П.К. Козлова Е.В. Козловой-Пушкаревой» в 1935 г.²² Отметим также, что в 1920–1930-е годы происходило активное перераспределение фондов между различными государственными учреждениями, свидетельством чему служит письмо в Государственный Эрмитаж от 13 ноября 1936 г., подписанное ученым секретарем ИВ АН Х.И. Муратовым (1905–1942?) и содержащее следующее предложение: «Зная, что вся тангутская иконография хранится у Вас, мы считаем целесообразным передать имеющиеся у нас два листа многокрасочных изображений богов планет в обмен на находящиеся у Вас фрагменты тибетских (было напечатано „библейских“, исправлено от руки. — А.З.) рукописей»²³. Произошел ли этот обмен, пока выяснить не удалось.

Нормальный ход работы по инвентаризации Тибетского фонда прервался весной 1937 г., когда волна большого террора, захлестнувшая страну, унесла безвозвратно жизни многих выдающихся ученых, а иногда и целые научные школы. Эта участь постигла и имевшую мировую известность петербургскую/ленинградскую буддологическую школу, из видных представителей которой репрессий избежал только ее глава — акад. Щербатской (впрочем, разгром дела всей его жизни едва ли мог пройти бесследно — он умер в 1942 г.). Другой глава школы, академик Ольденбург, скончался в 1934 г. Из их непосредственных учеников и коллег были расстреляны Барадийн, Востриков, Тубянский (можно не сомневаться, что та же судьба постигла бы и Обермиллера, но он скончался в 1935 г.); Жамцарано был арестован, умер в 1942 г. в за-

²⁰ Выписка из Протокола Заседания Президиума АН СССР от 13 апреля 1930 г. § 31 (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 163. Л. 16).

²¹ [Акт от 17 октября 1934 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 377. Л. 44).

²² [Акт от 11 сентября 1935 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 427. Л. 35).

²³ [Письмо в Государственный Эрмитаж от 13 ноября 1936 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 480. Л. 49).

ключении; Семичов еще в 1933 г. был отправлен в лагерь в г. Лодейное Поле и находился вне крупных городов до середины 1950-х годов²⁴; наконец, Ярославцева-Вострикова была арестована в 1938 г., пять лет провела в лагере в Потье и затем также находилась в ссылке до реабилитации²⁵.

Формальным поводом для увольнения Ярославцевой-Востриковой (по приказу от 9 сентября 1937 г.) стали обвинения в хищениях из Тибетского фонда. Очевидно, сотрудники Института в те годы могли брать домой некоторые ксилографы и рукописи для научной работы, что, конечно, противоречит нынешним стандартам, но тогда воспринималось как дело естественное, тем более что они и сами участвовали в пополнении коллекций, поэтому, разумеется, ни о каком реальном воровстве речи быть не может.

Однако утрата части книг Институтом была бы вполне возможна в тех условиях, когда квартиры репрессированных подвергались форменному разгрому, а принадлежащие им книги — конфискации, если бы не настойчивость администрации ИВ, осмелившейся просить НКВД передать в Институт конфискованные научные материалы. В Архиве востоковедов хранится, в частности, письмо в НКВД от 1937 г., подписанное директором ИВ академиком В.В. Струве (1889–1965) и ученым секретарем Муратовым, следующего содержания: «Дирекция ИВ АН СССР просит передать Институту все находящиеся у Ц.Ж. Жамцарано рукописи и книги на восточных языках (в числе которых находятся также и принадлежащие Институту). Указанные рукописи и книги представляют чрезвычайно большую научную ценность, и Институт считает, что он является единственным местом, где должны храниться такие научные материалы. Для получения их Институт выделяет заведующего библиотекой Института востоковедения т. Тихонова и и.о. ученого секретаря Рукописного отдела т. Мугинова»²⁶.

Вероятно, подобные письма приходилось посылать и по другим поводам, так как, согласно письму Президенту АН В.Л. Комарову (очевидно, от 1938 г.), подписанному ученым секретарем Муратовым и завбиблиотекой Е.И. Кузнецовой, дирекция ИВ «добилась через соответствующие органы возвращения книг и рукописей от ряда бывших сотрудников, в том числе с квартиры Востриковой. После выявления по акту количества недостающих и похищенных рукописей и книг ИВ АН СССР предполагал привлечь к судебной ответственности Вострикову, но это отпало, т.к. она недавно была арестована органами

²⁴ Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы. С. 347.

²⁵ Там же. С. 443.

²⁶ [Письмо представителю АХУ НКВД] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 540. Л. 39).

НКВД»²⁷. Из этого письма как будто следует, что части текстов Институт все же недосчитался, но пока этот вопрос остается открытым.

Трагические события второй половины 1930-х годов в СССР повлекли, между тем, существенное пополнение коллекции тибетских книг в собрании ИВ АН. Во-первых, как следует из вышесказанного, Институт получил личные коллекции некоторых репрессированных ученых, в частности Вострикова (что спасло их от вероятной утраты). Во-вторых, в 1938 г. из закрытого Музея книги, документа, письма (более известного под названием Музея палеографии), основанного академиком Н.П. Лихачевым (1862–1936), известным ученым и выдающимся коллекционером книг, монет, печатей и икон, репрессированным в 1931 г. и сосланным в Астрахань, в ИВ были переданы ценные восточные книги, в том числе несколько тибетских. В-третьих, в Институте оказались многочисленные тексты из закрытых и разоренных буддийских монастырей, находившихся на территории Иркутской, Читинской областей и тогдашней Бурят-Монгольской АССР (именно эти территории названы в одном из документов 1955 г.²⁸). С количественной точки зрения, последнее следует признать самым массовым относительно единовременным поступлением во всей истории фонда. Сложно сказать, поступали ли в ИВ тексты из калмыцких монастырей и храмов и из петербургского (тогда ленинградского) дацана, которые также были закрыты. Последнее весьма вероятно, но конкретных свидетельств тому найти не удалось.

Следует отдать должное Академии наук, направившей в Бурятию специальные экспедиции по отбору текстов и других артефактов из буддийских монастырей, благодаря деятельности которых часть культовых предметов удалось спасти от варварского их уничтожения. Необходимо отметить смелость и добросовестность монголистов ИВ, работавших в этих экспедициях, — В.Д. Якимова (1904–1941), лично резко отрицательно относившегося к религии, и докторанта Е.М. Залкинда (1912–1980), которые старались противодействовать чудовищным методам уничтожения памятников культуры²⁹. В тех условиях сложно

²⁷ Письмо Президенту АН СССР акад. В.Л. Комарову (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 603. Л. 55).

²⁸ [Письмо главному ученому секретарю Президиума АН СССР Академику А.В. Топчиеву от 23 ноября 1955 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1164. Л. 40).

²⁹ Якимов В.Д. Хубилганы / Предисловие и публикация И.В. Кульганек, А.В. Попова // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944) / Сост. и отв. ред. И.Ф. Попова. М.: Восточная литература, 2011 (Труды Архива востоковедов ИВР РАН. Вып. 1). С. 291–292; Курныкина Г.И. О вкладе Е.М. Залкинда в сохранение культурного наследия Бурятии // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Пятые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2012 г. Барнаул: АЗБУКА, 2012. С. 7–10.

было бы ожидать четкой фиксации предметов, вывезенных в Ленинград. Счет шел не на тома или количество сочинений, а на... вагоны. По крайней мере, в 1940 г. для отправки в Ленинград из Читинской области было направлено 3 вагона книг, икон, статуй и т.д., хотя часть этих предметов осталась в Улан-Удэ³⁰. По-видимому, книги в основной своей массе в итоге оказались в ИВ. Однако никакой документации об их приеме в АВ ИВР РАН найти не удалось, поэтому мы можем только гадать, когда и сколько книг было передано в ИВ АН СССР. В документе, содержащем сведения о состоянии Рукописного и Архивного фондов ИВ на 31 декабря 1938 г., Тибетскому фонду посвящены два пункта: «а) ксилографы 12376 ед. — [подлежит первичному описанию] 12376; б) ок. 8 пог. м — [подлежит первичному описанию] 7 пог. м»³¹. Можно предположить, что под первым пунктом значились имевшиеся на 1937 г. сочинения, инвентаризацию которых не успела довести до конца Ярославцева-Вострикова, а под вторым пунктом — новые поступления, для описания которых пришлось прибегнуть к термину «погонные метры». Отметим также, что в 1955 г., характеризуя объем всего Тибетского фонда, руководство Рукописного отдела использовало формулировку «более 35000 рукописей и ксилографов объемом около трех вагонов»³².

По всей вероятности, вместе с ксилографами из закрытых монастырей и храмов в 1930-е годы в Институт попало и большое количество икон и других артефактов, принадлежащих тибето-монгольской буддийской традиции (более 2300 единиц хранения). Впрочем, появление некоторых предметов датируется более ранним периодом. В частности, три иконы были привезены академиком Б.Я. Владимирцовым (1884–1931) из Пекина в 1927 г. (шифры И-412, И-414, И-701)³³.

Итак, Тибетский фонд ИВ АН СССР разом вырос по крайней мере вдвое, а вместе с тем обрабатывать его было некому. После ходатайств руководства Рукописного отдела в 1939 г. к работе с фондом приступили двое студентов ЛГУ: Рабинович и Прохоренко. Согласно годовому отчету, первым было описано 1168, вторым — 650 тибетских рукописей и ксилографов³⁴. Однако уже в следующем году из них двоих работу продолжил один Рабинович, который обработал к 15 августа

³⁰ Курныкина Г.И. О вкладе Е.М. Залкинда в сохранение культурного наследия Бурятии. С. 9.

³¹ Сведения о состоянии Рукописного и архивного фондов ИВ АН на 31-ХІІ-38 г. (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 603. Л. 33).

³² [Письмо Президенту АН СССР Акад. А.Н. Несмеянову, ноябрь 1955] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1169. Л. 1).

³³ Акт [о принятии в Азиатский Музей АН СССР от Монгольской комиссии картин, привезенных проф. Б.Я. Владимирцовым из Пекина] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 116. Л. 30).

³⁴ Отчет РО ИВ за 1939 г. (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 656. Л. 4).

1940 г. 1547 единиц хранения, после чего ушел в отпуск³⁵ и, очевидно, к работе в ИВ больше не приступил.

Военные годы, в том числе все 872 дня блокады Ленинграда, рукописное собрание ИВ провело в хранилищах Института и БАН. Часть сотрудников Института ушли на фронт, часть «погибла от голода, болезней и бомбежек»³⁶, часть была постепенно эвакуирована. К середине июля 1942 г. в Ленинграде остались только шесть сотрудников, которым предстояло охранять имущество Института с его рукописными и книжными фондами. Невзирая на все сложности собственного существования в блокированном фашистами Ленинграде, они сделали все возможное для сохранения ценнейшей коллекции от бомбежек, холода и сырости. Тибетские книги чудом спаслись от немецкого снаряда, пробившего 14 февраля 1942 г. стену помещения³⁷, где они хранились. В отчете Л.С. Пучковского (эвакуировался в составе последней группы 12 июля 1942 г.) за первое полугодие 1942 г. его работа описана так: «Осуществлялось руководство по сохранению материалов тибетского фонда (наблюдение за очисткой, перенесением и укладкой в шкафы в комнате 50 материалов из комн. 48, пострадавшей от артиллерийского обстрела)»³⁸.

Независимая комиссия, собранная в январе 1944 г. для оценки условий хранения рукописного собрания, пришла к следующим выводам: «Книгохранилище — условия хранения хорошие, повреждений не отмечено. Бойлер с рукописными фондами — воздух сухой, признаков повреждения фондов не обнаружено. Архив рукописного отделения — состояние хорошее, повреждений не обнаружено. Общее замечание: обращает внимание особая тщательность в ликвидации последствий повреждений от артобстрелов и внимательное отношение к сохранению ценнейших фондов»³⁹. Однако в акте новой проверки, произведенной в мае 1945 г., сказано: «влажность воздуха значительно повышена» в помещениях «наборного цеха (архив востоковедов — фонды, ксилографы тибетские и монгольские и др. материалы)»⁴⁰.

³⁵ [Таблица работы сотрудников РО ИВ] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 712. Л. 22).

³⁶ *Марахонова С.И.* Институт востоковедения АН СССР в Ленинграде в годы войны и блокады. (По архивным материалам) // Письменные памятники Востока. 2008. № 1(8). С. 26.

³⁷ Там же. С. 25.

³⁸ Отчет о работе за I полугодие 1942 г. мл.н.с. Рукописного отдела Л.С. Пучковского от 3/VII 1942 (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 788. Л. 4).

³⁹ [Акт о проверке сохранности фондов ИВ АН от 31 января 1944 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 842. Л. 1).

⁴⁰ [Акт о проверке сохранности фондов ИВ АН от 15 июня 1945 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 842. Л. 6).

Следовательно, полностью негативного воздействия влаги на тибетские тексты избежать, по-видимому, не удалось. (Заметим, между прочим, что еще в 1935 г. в плане Ярославцевой-Востриковой значилось: «VII. Выделить 1000 единиц тибетских и индийских рукописей для реставрации. VIII. Сделать отбор 100 единиц тибетских и индийских материалов, подвергнутых плесени...»⁴¹, — так что проблемы консервации стояли остро и в довоенное время.)

Возвращение Института к нормальной работе начинается уже в 1945 г. В декабре в рукописное хранилище возвращаются книги, находившиеся в годы войны в нижних этажах здания БАН. В акте, посвященном этому мероприятию, особо отмечено, что «помещение для приемки тибетских фондов нуждается, кроме остекления внутренних рам, в ремонте отопительной системы, окончательной разделке стены, пострадавшей от разрыва снаряда, и штукатурень. Временно ксилографы тибетского фонда все же могут быть размещены во внутренних рядах шкафов»⁴².

В 1946 г. в ИВ АН передается на хранение Готская библиотека (из г. Гота в Тюрингии), хотя официально она числилась за БАН. В этом собрании имелось одно тибетское заклинание⁴³. Однако уже в 1956 г. вся Готская библиотека, наряду с некоторыми другими военными трофеями, была передана советскими властями ГДР (возвращаемые книги были предварительно микрофильмированы)⁴⁴.

В 1947 г. ИВ приобрел две небольшие личные коллекции тибетских и монгольских книг: у находившегося в ссылке Семичова — 30 тибетских книг (преимущественно по медицине)⁴⁵ и у докторанта Д.А. Алексеева — 28 монгольских и тибетских книг и документов (собственно тибетских — две книги)⁴⁶. Также в 1947 г. в ИВ вернулась группа материалов на тибетском языке, находившихся в Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР (Отдела рукописной книги БАН)⁴⁷. Наконец, в 1948 г. Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-

⁴¹ План работы на 1935 г. научного сотрудника II разряда по Тибетскому фонду Рукописного отдела Н.П. Ярославцевой-Востриковой (Архив Отдела рукописей и документов ИВР РАН, Арх. 106/11).

⁴² [Акт о проверке сохранности фондов ИВ АН от 24 декабря 1945 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 874. Л. 10).

⁴³ Акт проверки б. Готской библиотеки (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 905. Л. 12).

⁴⁴ [Докладная записка Д.И. Тихонова директору ИВ АН СССР И.А. Орбели, 1957 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1240. Л. 35).

⁴⁵ Акт [приема приобретенных у Б.В. Семичова ксилографов] от 23 июня 1947 г. (Вложен в архивную инвентарную книгу «Nova № 3», хранящуюся в Архиве Отдела рукописей и документов ИВР РАН, шифр Арх. 106/4).

⁴⁶ [Акт от 25 апреля 1947 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 949. Л. 2).

⁴⁷ [Расписка от 7 января 1947 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 949. Л. 1).

Щедрина в лице ее директора Л.Л. Ракова (1904–1970) предложила передать ИВ некоторые материалы на восточных языках. В своем письме от 24 ноября 1948 г. Раков констатировал: «В фондах Государственной Публичной Библиотеки находится большое количество ксилографов и рукописей на монгольском, тибетском, китайском и японском языках, принадлежавших Поликлинике тибетской медицины, монголоведу проф. Цыбакову (так! — А.З.) и др., а также Азиатскому музею. Указанные собрания поступили в Государственную Публичную Библиотеку из Государственного книжного фонда после 1937 года. Вследствие отсутствия в Библиотеке специалистов, упомянутые материалы не описаны и не приведены в должный порядок. Учитывая, что основные собрания монгольских и тибетских ксилографов и рукописей хранятся и изучаются в Институте Востоковедения Академии наук СССР, Государственная Публичная Библиотека находит более целесообразным передать упомянутые выше материалы в распоряжение Вашего Института»⁴⁸. Отметим, что среди книг, переданных Публичной библиотекой, находился «Сакья-кабум» — сборник сочинений основных представителей одной из важнейших школ тибетского буддизма — сакья.

После войны вновь встал вопрос об инвентаризации Тибетского фонда. В 1947 г. небольшую предварительную работу произвела лаборант А.Ф. Громова⁴⁹, но уже осенью того же года на постоянной основе к обработке фонда приступил К.М. Черемисов (1899–1982). В своем отчете за 1948 г. он отмечал, что «за годы войны Тибетский фонд, количественно очень большой и очень разнообразный по своему составу, неоднократно переносился из помещения в помещение и был сильно перепутан», поэтому ему сначала пришлось потратить значительное время на знакомство с фондом и первичную расстановку книг «по „коллекциям“ (Ганджур, Данджур, Цыбиков, Барадин, Старый фонд), которые находились в разных местах и на шкафах и в шкафах и просто штабелями, и потому (для достижения „компактности“ расстановки и сосредоточения каждой коллекции в одном месте, а также для помещения в соответствующий, подходящий по размеру шкаф) приходилось переставлять, переносить, снимать со шкафов и поднимать на шкафы такие тяжелые ксилографы, как Пекинский Данджур. Во время производившегося ремонта шкафов последние освобождались (из них изымались ксилографы и после ремонта опять водворялись на место). Произведена переноска ксилографов из одного места в другое с уклад-

⁴⁸ [Письмо от 24 ноября 1948 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 989. Л. 24).

⁴⁹ Отчет о работе сотрудников Рукописного отдела ИВ АН СССР за 1947 г. (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 948).

кой, весом, пожалуй, тонны 3–4, если не больше»⁵⁰. В 1949 г. Черемисов продолжил разбирать Тибетский фонд, в том числе поступления из бурятских монастырей, «с выделением лексикографических и исторических трудов», и материалы, принятые «из книжного магазина Института востоковедения, где оказались сочинения из фондов Рукописного отдела, в частности из Пекинского Данджура (поступили, очевидно, после смерти акад. Ф.И. Щербатского и Е.Е. Обермиллера)»⁵¹. Черемисов также принимал активное участие в транспортировке и первичном размещении книг Тибетского фонда в новом месте хранения, которым стали помещения Новомихайловского дворца (построенного в середине XIX в. для великого князя Михаила Николаевича архитектором А. Штакеншнейдером и потом перешедшего сыну великого князя Николаю Михайловичу), по адресу: Дворцовая наб., д. 18, — где и по сей день они находятся.

Переезд на новое место был обусловлен хронической нехваткой площадей для хранения рукописных, архивных, библиотечных коллекций. В акте, составленном по результатам осмотра 2 и 7 декабря 1948 г. предложенных Институту помещений Новомихайловского дворца, отмечается, среди прочего, что на прежнем месте «совершенно ненормально хранятся тибетские фонды, частью вынесенные в шкафы, стоящие на лестничной площадке и в проходных коридорах»⁵². В Новомихайловском дворце ИВ АН занял почти все левое крыло, однако потребовалось немало времени на то, чтобы разместить коллекции должным образом.

Тибетский фонд, например, трижды менял место расположения внутри дворца: судя по всему, сначала он был размещен в бывшей домовая церкви дворца, потом перенесен в Белый зал, сохранивший дворцовый интерьер, затем на второй этаж — в ту его часть, которая тогда представляла собой большое пустое пространство и которую впоследствии преобразовали в рабочие помещения, отданные под научные кабинеты. Наконец, в преддверии Международного конгресса востоковедов, который в 1960 г. второй раз в истории прошел в нашей стране, Тибетский фонд был в основном перенесен на самый верх здания, в кабинеты 301 и 302: первый из них ранее занимал Арабский кабинет, там, в частности, последние годы жизни работал академик И.Ю. Крачковский (1883–1951); во втором находился спецхран Института, о чем до сих

⁵⁰ Отчет о работе мл. науч. сотрудника К.М. Черемисова по Тибетскому фонду за 1948 г. (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 987. Л. 20).

⁵¹ [Отчет от 2 июня 1949 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1039. Л. 37).

⁵² [Акт об осмотре помещений Новомихайловского дворца] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 990. Л. 7).

пор напоминает железная дверь — единственная в нашей части здания. Значительное количество книг было размещено также на хорах Банкетного зала (с двух сторон) и в шести шкафах на втором этаже.

Стоит ли говорить, что в результате всех этих перемещений фонд оказался в «„предельном“ беспорядке»⁵³, по характеристике Б.И. Панкратова (1892–1979), известного китаиста, монголоведа и тибетолога, который в течение всех 1950-х годов прилагал усилия к поиску путей приведения Тибетского фонда в должный вид. Ситуацию сильно затрудняло то обстоятельство, что в 1950 г. Институт востоковедения вместе с некоторыми учеными, включая Черемисова, был переведен в Москву, а в Ленинграде остался только Сектор восточных рукописей с небольшим числом сотрудников. Лишь в 1956 г. было образовано Ленинградское отделение ИВ АН СССР. Начиная работу с фондом талантливый индолог и тибетолог В.С. Воробьев-Десятовский (1927–1956), но ранняя смерть оборвала его труды (он, в частности, впервые ввел в научный оборот материалы коллекции тибетских дощечек из Мирана, приобретенной С.Е. Маловым в 1914 г.⁵⁴). По инициативе Панкратова на первичную обработку фонда в конце 1950-х годов были обращены молодые Е.И. Кычанов (1932–2013) и М.И. Воробьева-Десятовская, которые, по их личным воспоминаниям, произвели первичную сортировку книг, однако очередное перемещение Тибетского фонда в связи с Конгрессом востоковедов вновь привело его в беспорядочное состояние.

Между тем в 1956 г. Музей истории религии АН СССР передал ИВ «свыше 1 тыс. киелографов, доставленных туда в 30-е годы из бурятских дацанов»⁵⁵. В Архиве востоковедов нам встретился лишь один документ, свидетельствующий об этом событии, а именно письмо Д.И. Тихонова (1906–1987), руководившего работой Сектора восточных рукописей вплоть до образования ЛО ИВ АН, к исполнявшему обязанности директора Музея истории религии АН СССР М.И. Шахновичу (1911–1992) с просьбой передать Сектору «вместе с тибетскими

⁵³ Краткая справка по вопросам тибетской филологии и буддологии К.М. Черемисова (от 15.11.1956) (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1180. Л. 15).

⁵⁴ Воробьев-Десятовский В.С. Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С.Е. Маловым // Ученые записки Института востоковедения. 1953. Т. VI. С. 167–175; Воробьев-Десятовский В.С. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, II // Эпиграфика Востока. 1953. VIII. С. 77–85, 1 л. илл.; Воробьев-Десятовский В.С. Тибетский документ на дереве из района озера Лоб-Нор // Эпиграфика Востока. 1953. VII. С. 70–76, 1 л. илл.; Воробьев-Десятовский В.С. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, III // Эпиграфика Востока. 1955. X. С. 68–72, 1 л. илл.

⁵⁵ Воробьева-Десятовская М.И., Савицкий Л.С. Тибетский фонд ЛО ИВ АН СССР. С. 142.

книгами также и лишние для... музея экземпляры „Торы“»⁵⁶. Это стало последним на данный момент крупным поступлением в Тибетский фонд нашего Института.

Во второй половине 1950-х годов новое советское руководство сделало несколько широких жестов в сторону стран-союзников СССР и тех стран, к которым оно относилось с симпатией. Коснулись эти жесты и нашего собрания. Выше было упомянуто возвращение Готской библиотеки Германии, а именно ГДР, в 1956 г. Годом ранее СССР посетил индийский профессор и политик Рагху Вира (1902–1963), который был принят весьма радушно. В частности, ему удалось ознакомиться с рукописным собранием ИВ, и для него не только были изготовлены копии довольно большой группы текстов, но также было передано несколько единиц хранения — оригиналов, что следует из письма Тихонова Главному ученому секретарю Президиума АН СССР академику А.В. Топчиеву (1907–1962): «Профессор Рагху Вира высказал просьбу получить вместо фотокопий с некоторых буддийских сочинений на тибетском и монгольском языках сами ксилографы. В целях сокращения расходов на фотографирование возможно удовлетворить эту просьбу...»⁵⁷, — и ответного письма Топчиева: «Президиум АН СССР не возражает против передачи профессору Рагху Вира некоторых интересующих его ксилографов, имеющихся в хранилище Сектора в нескольких экземплярах»⁵⁸.

Отметим также, что в 1958 г. ЛО ИВ АН передало более 80 единиц хранения (тибетских рукописей и ксилографов медицинского содержания), некогда принадлежавших доктору медицинских наук Н.Н. Бадмаеву, его наследникам — подполковнику медицинской службы А.Н. Бадмаеву и старшему научному сотруднику Академии медицинских наук СССР К.Н. Бадмаеву, причем одна единица хранения имела официальный шифр (А.157) ИВ, данный ей еще в начале 1930-х годов Ярославцевой-Востриковой⁵⁹.

В 1960 г. в ЛО ИВ АН была наконец образована группа по обработке Тибетского фонда, в которую вошли Л.С. Савицкий (1932–2007), М.В. Воробьева-Десятовская и Г.А. Маковкина. Последняя была вынуждена уйти из Института в 1966 г. в результате серьезного нервного расстройства, через два года ее место заняла Е.Д. Огнева. Сначала группа занималась первичным разбором фонда, потом была начата его сплошная инвентаризация. Составленные в основном в течение 1973–

⁵⁶ [Письмо от 24 мая 1956 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1194. Л. 12).

⁵⁷ [Письмо от 23 ноября 1955 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1164. Л. 40).

⁵⁸ [Письмо от 1 декабря 1955 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1164. Л. 43).

⁵⁹ [Акт от 16 мая 1958 г.] (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1294. Л. 17).

1975 гг. инвентарные книги стали итогом этой колоссальной по своей сложности работы.

Всего было присвоено более 20500 инвентарных номеров, которые составили отдельные тома, разбитые на три шифра: А, В, С — в порядке увеличения формата. В составе первых двух шифров оказалось большое количество конволютов, нередко механически сложенных сотрудниками из различных пачек текстов; каждому сочинению внутри этих конволютов присваивался отдельный порядковый номер (через косую черту после основного шифра, например А-231/1, А-231/2 и т.д.). Кроме того, был образован дублетный фонд (более 4000 инвентарных номеров), куда в основном вошли многочисленные копии различных буддийских сочинений (что, впрочем, не означает, что в основном фонде не было оставлено подобных же копий). Значительное количество листов оставались в разрозненном состоянии. Также были инвентаризированы 625 икон (еще около 400 с начала 1950-х годов находились в составе Художественного фонда).

Таким образом, к 1975 г. усилиями группы фонд был разобран настолько, что его материалы стали доступны исследователям, однако о полной инвентаризации фонда, не говоря уже о его каталогизации, говорить не приходилось. Несмотря на то что работа предстояла очень большая, группа по обработке Тибетского фонда была упразднена: М.И. Воробьева-Десятовская занялась другими фондами рукописной коллекции Института (прежде всего уникальными буддийскими памятниками на санскрите из Центральной Азии)⁶⁰, Е.Д. Огнева уволилась и уехала из Ленинграда (ныне она является сотрудницей киевского Института востоковедения им. А.Е. Крымского АН Украины), с фондом остался работать один Л.С. Савицкий, который, хотя и дополнил впоследствии инвентарные книги за счет небольшого числа составленных им конволютов, в сущности, законсервировал всякую деятельность по обработке и каталогизации фонда, не считая коллекции тибетских текстов из Дуньхуана, инвентаризированной и каталогизированной им самим в конце 1970-х — начале 1980-х годов, каталог

⁶⁰ В середине 1990-х годов М.И. Воробьева-Десятовская на время вернулась к исследованию тибетских рукописей и опубликовала три статьи, посвященные текстам VIII–XI вв. из собрания ИВР РАН (тогда СПбФ ИВ РАН), прежде всего коллекции дощечек из Мирана: *Vorobyova-Desyatovskaya M. Tibetan Manuscripts of the 8–11th Centuries A.D. in the Manuscript Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. July 1995. Vol. 1. No. 1. P. 46–48; Vorobyova-Desyatovskaya M. The S.E. Malov Collection of Manuscripts in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. October 1995. Vol. 1. No. 2. P. 29–39; Vorobyova-Desyatovskaya M. Tibetan Eighth-Century Documents on Wood from Miran // Manuscripta Orientalia. March 1997. Vol. 3. No. 1. P. 9–13.*

был опубликован в 1991 г.⁶¹; отдельно обрабатывались тибетские тексты из Хара-Хото: сначала ими занимался китаист А.А. Драгунов (1900–1955), затем студент ЛГУ Г.А. Леонов, составивший под руководством А.С. Мартынова (1933–2013) довольно подробное их описание⁶².

С начала 1990-х годов отечественная наука оказалась в поистине бедственных условиях, и в то же время новый исторический период значительно расширил возможности научного сотрудничества с зарубежными странами. В 1992 г. к руководству Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (в который превратилось прежнее ЛО ИВ АН СССР) обратился руководитель американской организации «Asian Classics Input Project» (ACIP) Майкл Роуч с предложением составить компьютерный каталог тибетских рукописей и ксилографов с помощью тибетских монахов из монастыря Сэра-Мэй (Бангалор, Индия). Филиал дал согласие на участие в этом проекте.

Работа началась в 1994 г., когда в Санкт-Петербург прибыли три тибетских монаха: гэше Туптэн Пэлгье, Нгаванг Кэцун и Чжампа Намдрол (первый из них после двух лет работы вернулся в Индию, третий также уехал в начале 2000-х годов, так что в 2008 г. проект завершал один Нгаванг Кэцун). От филиала в состав рабочей группы вошли Л.С. Савицкий (руководитель группы) и В.Л. Успенский. Работа этой группы заключалась в электронном описании сочинений по схеме, включавшей 22 пункта: номер сочинения в каталоге, шифр, тибетское название, название на санскрите, другие языки, печать или штамп, краткое название, автор, год издания, тип издания, происхождение бумаги, цвет бумаги, качество бумаги, качество печати, номер тома, количество листов, количество строк на странице, размер листов, размер текста, место издания, изображения, колофон⁶³.

Работа двигалась очень медленно по целому ряду объективных и субъективных факторов. Так, уже через год после начала работы главный в группе тибетцев, гэше Туптэн Пэлгье, вынужден был вернуться в Индию по состоянию здоровья. Оставшиеся тибетцы время от времени также поочередно уезжали в Индию, и нередко в фонде оставался только один из них. Тем не менее им удалось составить описание тибетской

⁶¹ Савицкий Л.С. Описание тибетских свитков из Дуньхуана в собрании Института востоковедения АН СССР. М., 1991.

⁶² Тибетские рукописи и ксилографы Хара-Хотоского фонда Института востоковедения / Диплом студента 5 курса Восточного факультета ЛГУ отд. тибетской филологии Г.А. Леонова (Архив Отдела рукописей и документов ИВР РАН, шифр Арх. 107).

⁶³ Подробнее о замысле проекта см. в: *Uspensky V.L. Two Years of Cataloguing of the Tibetan Collection in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies: Some Problems and Perspectives // Manuscripta Orientalia. 1996. Vol. 2. No. 1. P. 51–53.*

коллекции Восточного отдела научной библиотеки им. М. Горького в СПбГУ, и еще несколько лет их работа в СПбФ ИВ РАН пусть медленно, но неуклонно продвигалась вперед.

В 2004 г. в связи с болезнью и уходом Л.С. Савицкого на пенсию проект был приостановлен. Только весной 2006 г. новое руководство СПбФ ИВ РАН решило дать возможность Нгаванг Кэцуну, единственному из тибетцев оставшемуся в Санкт-Петербурге, окончить работу над проектом АСIP. Ему удалось это сделать к маю 2008 г.⁶⁴ В конечном счете тибетцами была составлена база данных, вместившая в себя описание более 130 000 сочинений. Качество выполненной работы можно охарактеризовать как удовлетворительное. Получившаяся база данных может быть полезна для нахождения требуемых сочинений (по названию), однако плохо структурирована и не может претендовать на звание академического каталога. Немало в ней и фактических ошибок. Тибетцами обработаны были все тома среднего формата (в основном собрания сочинений тибетских авторов — сумбумы) и значительная часть томов малого формата (по большей части бурятские издания отдельных канонических и постканонических сочинений). Вне базы данных (по изначальному решению) остались издания буддийского канона и дублетный фонд.

Каковы бы ни были результаты работы тибетцев, само по себе их пребывание в Институте стало интересным феноменом, заслуживающим того, чтобы войти в историю нашей науки.

19 июня 2007 г. постановлением Президиума РАН (№ 143) было принято решение о реорганизации Института востоковедения РАН и создании Института восточных рукописей на базе Санкт-Петербургского Филиала ИВ РАН. В том же году дирекцией вновь образованного Института было принято решение о проведении новой сплошной инвентаризации Тибетского фонда с параллельной подготовкой его каталога⁶⁵. Эта работа была поручена А.В. Зорину (с апреля 2006 г. занимавшемуся очисткой фонда от пыли, составлением при нем научно-справочной библиотеки и т.д.), к которому впоследствии присоеди-

⁶⁴ Отметим, что Нгаванг Кэцун в этот период помогал также переносить тяжелые тибетские книги из других частей здания в основное хранилище Тибетского фонда, который теперь компактно собран в двух комнатах (301, 302) и на прилегающей к ним части хоров бывшего Банкетного зала дворца.

⁶⁵ Еще в 2004 г. проведенная В.Л. Успенским и Н.С. Яхонтовой под руководством М.И. Воробьевой-Десятовской проверка Тибетского фонда выявила многочисленные недостатки в организации учета и хранения книг, разрозненных листов и артефактов. Стало очевидным, что полноценная каталогизация фонда невозможна без его новой полной инвентаризации и правильной расстановки тибетских книг. Подготовку к регистрации разрозненных листов и некоторых отдельных книг в 2005 г. проводил В.Л. Успенский.

лась С.С. Сабрукова, а также, для выполнения ряда работ внутри проекта, Н.С. Яхонтова, Б.Л. Митруев и А.А. Сизова⁶⁶.

Следует отметить, что формально в рукописном собрании ИВР РАН нет такой структурной единицы — «Тибетский фонд». Это понятие объединяет несколько отдельных фондов, имеющих собственные инвентарные книги.

На 2007 г. такими структурными единицами были следующие группы материалов:

- 1) тибетские рукописи из Дуньхуана;
- 2) тибетские тексты на дощечках из коллекции С.Е. Малова;
- 3) тибетские тексты из Хара-Хото;
- 4) тибетские ксилографы и рукописи (основной фонд);
- 5) тибетские ксилографы (дублетный фонд);
- 6) связки разрозненных листов (фонд «РА»);
- 7) связки разрозненных листов (фонд «РВ»);
- 8) фонд икон.

Первые три собрания сохранили свой статус отдельных фондов, их состав практически не претерпел изменений⁶⁷.

Последнее собрание, состоявшее к 2007 г. из 625 буддийских живописных и ксилографических изображений, преимущественно икон танка и цакли, стало основой для нового фонда, получившего название иллюстративного фонда тибетско-монгольских коллекций. К 625 единицам хранения были присоединены около 400 икон из Художественного фонда и значительное число различных иллюстративных материалов из основного фонда тибетских ксилографов и рукописей (альбомы, клишированные печатные изображения божеств для амулетов и т.п.) и из разрозненных листов (печатные изображения божеств, защитные круги, астрологические и медицинские рисунки, диаграммы и т.д.). Работа по инвентаризации этих материалов в основном завершена. Общее число единиц хранения составляет около 3900 инвентарных номеров. Прочие артефакты буддийской культуры (прежде всего подставки для книг и деревянные формы для печати) оказались в составе фонда «Камни, вещи, слепки». Коллекция фотографий буддийских священников и храмов вошла в состав фототеки ИВР РАН.

Одновременно идет работа по каталогизации иллюстративного фонда. В 2009 г. коллективом авторов был составлен электронный каталог 1300 живописных икон танка и цакли, проект был поддержан грантом

⁶⁶ Также в 2006–2007 гг. в фонде работала Р.Н. Крапивина, занимавшаяся проверкой коллекции тибетских текстов из Дуньхуана.

⁶⁷ Об изменениях в составе Дуньхуанского фонда см.: *Zorin A. The Collection of Dunhuang Tibetan Texts Kept at the IOM RAS // Dunhuang Studies: Prospects and Problems for the Coming Second Century of Research. St. Petersburg: Slavia Publishers, 2012. P. 365–367.*

президента России⁶⁸, а в 2013 г. вышел в свет бумажный каталог избранных 108 икон⁶⁹.

Оставшиеся четыре собрания, под которыми чаще всего и понимается «Тибетский фонд», решено было объединить в фонд тибетских ксилографов и рукописей. Также было решено отказаться от механического деления текстов по формату.

Базовые принципы, на которых основана текущая работа по сплошной инвентаризации фонда и которые были разработаны в 2007 г., состоят в следующем.

1. Единицами хранения (с присвоением им уникальных инвентарных номеров) выступают тома, которые могут быть сборниками текстов с единым оглавлением (карчаком) и сплошной (как в изданиях канона) или раздельной (как в сумбумах) пагинацией, отдельными изданиями того или иного сочинения (от томов с большим количеством листов до совсем маленьких текстов, иногда из одного листа; в многотомных изданиях каждый том признается отдельной единицей хранения), конволютами.

2. Тома, входящие в сборники текстов с единым оглавлением и в многотомные издания отдельных текстов, а также различные издания одного и того же текста собираются вместе (ранее не только малоизвестные собрания текстов, но даже издания канона и многотомных канонических текстов могли быть рассеяны по фонду, так что пользоваться ими было весьма затруднительно).

3. Шифры присваиваются уникальным изданиям текстов. Многотомные издания получают один шифр, при этом номера томов указываются через косую черту (например, 1-й том Пекинского Кагьюра имеет новый шифр Tib.1/1, 2-й — Tib.1/2 и т.д.). Если текст представлен несколькими экземплярами, номер экземпляра фиксируется через запятую (например, одно из изданий «Лотосовой сутры», представленное в 10 экземплярах, имеет шифры от Tib.205 до Tib.205, экз. 10).

4. Вся необходимая информация о единицах хранения заносится в новые инвентарные книги (на бумажном и электронном носителях), составляются конкордансы новых и старых шифров и топографический каталог фонда.

⁶⁸ Зорин А.В., Иохвин М.Б., Крякина Л.И., Сизова А.А., Шевельчинская С.Л., Яковлева Т.Ф. Каталог буддийских икон *танка* и *цакли*. Живописные изображения буддийских учителей и божеств [Электронный ресурс] / Под общей редакцией А.В. Зорина; Российская академия наук, Институт восточных рукописей. СПб.: [б. и.], 2009–2013. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

⁶⁹ Сто восемь буддийских икон из собрания Института восточных рукописей РАН / Авторы-составители: А.В. Зорин, Л.И. Крякина, М.Б. Иохвин. Под общей ред. А.В. Зорина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013.

5. Все инвентаризированные единицы хранения пагинируются (в предшествующие периоды эта работа практически не проводилась).

К концу 2014 г. будет обработано около 14 800 единиц хранения, преимущественно издания буддийского канона и отдельных канонических сочинений. Параллельно готовится издание каталога этой части фонда.

Подводя итог двум статьям по истории формирования и обработки Тибетского фонда Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР — Института восточных рукописей РАН, хочется отметить, что в ней удивительным образом преломилась история Санкт-Петербурга и России за последние триста лет. Сам Тибетский фонд во всей своей полноте и многообразии является настоящей сокровищницей знаний по тибетскому буддизму, уникальным памятником письменной культуры многих народов Центральной Азии, в том числе наших соотечественников бурят, калмыков, тувинцев. Наша первостепенная задача — сделать Тибетский фонд ИВР РАН широко известным и доступным для исследователей как в России, так и во всем мире.

Список литературы

1. Документы из Архива востоковедов ИВР РАН

- [Акт о принятии в Азиатский Музей АН СССР от Монгольской комиссии картин, привезенных проф. Б.Я. Владимирцовым из Пекина] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 116. Л. 30).
- [Акт о проверке сохранности фондов ИВ АН от 15 июня 1945 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 842. Л. 6).
- [Акт о проверке сохранности фондов ИВ АН от 24 декабря 1945 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 874. Л. 10).
- [Акт о проверке сохранности фондов ИВ АН от 31 января 1944 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 842. Л. 1).
- [Акт об осмотре помещений Новомихайловского дворца] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 990. Л. 7).
- [Акт от 11 сентября 1935 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 427. Л. 35).
- [Акт от 16 мая 1958 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1294. Л. 17).
- [Акт от 17 октября 1934 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 377. Л. 44).
- [Акт от 25 апреля 1947 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 949. Л. 2).
- Акт [приема приобретенных у Б.В. Семичова ксилографов] от 23 июня 1947 г. (Вложен в архивную инвентарную книгу «Nova № 3», хранящуюся в Архиве Отдела рукописей и документов ИВР РАН, шифр Арх.106/4).
- Акт проверки б. Готской библиотеки (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 905. Л. 12).
- Выписка из Протокола Заседания Президиума АН СССР от 13 апреля 1930 г. § 31 (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 163. Л. 16).
- Выписка из Протокола РАН от 29 апреля 1925 г.: ИФ. 1925. VIII (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 78. Л. 36).

Выписка из Протокола РАН от 16 февраля 1927 г.: ИФ. 1927. III (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 103. Л. 31).

[Докладная записка Д.И. Тихонова директору ИВ АН СССР И.А. Орбели, 1957 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1240. Л. 35).

Заявление Директору Института Востоковедения от Ученого хранителя Индо-Тибетского Кабинета А.И. Вострикова от 26 марта 1931 г. (хранится в Личном деле Н.П. Ярославцевой-Востриковой: АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 711. Л. 6).

Краткая справка по вопросам тибетской филологии и буддологии К.М. Черемисова (от 15.11.1956) (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1180. Л. 15).

[Отчет за 1928 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 124).

[Отчет за 1929 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 141. Л. 30).

[Отчет о поступлениях за 1923 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 71. Л. 7).

Отчет о работе за I полугодие 1942 г. мл.н.с. Рукописного Отдела Л.С. Пучковского от 3/VII 1942 (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 788. Л. 4).

Отчет о работе мл. научн. сотрудника К.М. Черемисова по Тибетскому фонду за 1948 г. (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 987. Л. 20).

Отчет о работе сотрудников Рукописного Отдела ИВ АН СССР за 1947 г. (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 948).

[Отчет от 2 июня 1949 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1039. Л. 37).

Отчет РО ИВ за 1939 г. (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 656. Л. 4).

Отчет Рукописного отдела ИВ за 1933 г. (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 323. Л. 20).

[Письмо в Государственный Эрмитаж от 13 ноября 1936 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 480. Л. 49).

[Письмо главному ученому секретарю Президиума АН СССР академику А.В. Топчиеву от 23 ноября 1955 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1164. Л. 40).

[Письмо из Всесоюзного общества культурной связи с заграницей от 1 февраля 1926 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 100. Л. 2).

[Письмо из Государственного музея народоведения от 3 декабря 1925 г. с перечнем книг] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 100. Л. 3).

[Письмо от 1 декабря 1955 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1164. Л. 43).

[Письмо от 23 ноября 1955 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1164. Л. 40).

[Письмо от 24 мая 1956 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1194. Л. 12).

[Письмо от 24 ноября 1948 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 989. Л. 24).

[Письмо представителю АХУ НКВД] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 540. Л. 39).

[Письмо Президенту АН СССР акад. А.Н. Несмеянову, ноябрь 1955] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1169. Л. 1).

Письмо Президенту АН СССР акад. В.Л. Комарову (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 603. Л. 55).

План работы на 1935 г. научного сотрудника II разряда по Тибетскому фонду Рукописного отдела Н.П. Ярославцевой-Востриковой (Архив Отдела рукописей и документов ИВР РАН. Арх. 106/11).

Протокол Производственного Совещания РО от 10/XII — 1933 г. (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 323. Л. 53).

[Расписка от 7 января 1947 г.] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 949. Л. 1).

Сведения о состоянии Рукописного и архивного фондов ИВ АН на 31-XII-38 г. (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 603. Л. 33).

[Таблица работы сотрудников РО ИВ] (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 712. Л. 22).

Ударное обязательство Н.П. Ярославцевой-Востриковой (Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 425. Л. 25).

Устав ИНБУК (Ф. 152. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 22–23).

2. Каталоги, исследования

Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003.

Vasilkov Ya.V., Sorokina M.Yu. Lyudi i sudbyi. Biobibliograficheskiy slovar vostokovedov — zhtv politicheskogo terrora v sovetSKIY period (1917–1991). SPb., 2003.

Воробьев-Десятовская М.И., Савицкий Л.С. Тибетский фонд ЛО ИВАН СССР // Письменные памятники Востока / Историко-филологические исследования. Ежегодник 1974. М.: Наука, ГРВЛ, 1981.

Vorobyova-Desyatovskaya M.I., Savitskiy L.S. Tibetskiy fond LO IVAN SSSR // Pismennyye pamyatniki Vostoka / Istoriko-filologicheskie issledovaniya. Ezhegodnik 1974. M.: Nauka, GRVL, 1981.

Воробьев-Десятовский В.С. Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С.Е. Маловым // Ученые записки Института востоковедения. 1953. Т. VI.

Vorobyov-Desyatovskiy V.S. Kolleksiya tibetskih dokumentov na dereve, sobrannaya S.E. Malovym // Uchenyye zapiski Instituta vostokovedeniya. 1953. T. VI.

Воробьев-Десятовский В.С. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, II // Эпиграфика Востока. 1953. VIII. С. 77–85, 1 л. илл.

Vorobyov-Desyatovskiy V.S. Tibetskie dokumenty na dereve iz rayona ozera Lob-Nor, II // Epigrafika Vostoka. 1953. VIII. S. 77–85, 1 l. ill.

Воробьев-Десятовский В.С. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, III // Эпиграфика Востока. 1955. X. С. 68–72, 1 л. илл.

Vorobyov-Desyatovskiy V.S. Tibetskie dokumenty na dereve iz rayona ozera Lob-Nor, III // Epigrafika Vostoka. 1955. X. S. 68–72, 1 l. ill.

Воробьев-Десятовский В.С. Тибетский документ на дереве из района озера Лоб-Нор // Эпиграфика Востока. 1953. VII. С. 70–76, 1 л. илл.

Vorobyov-Desyatovskiy V.S. Tibetskiy dokument na dereve iz rayona ozera Lob-Nor // Epigrafika Vostoka. 1953. VII. S. 70–76, 1 l. ill.

Зорин А.В. М.И. Тубянский и Тибетский фонд Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. СПб.: Изд-во А. Голода, 2014. С. 450–456.

Zorin A.V. M.I. Tubyanskiy i tibetskiy fond Aziatskogo muzeya — Instituta vostokovedeniya AN SSSR // Rozenbergovskiy sbornik: vostokovednye issledovaniya i materialy. St. Petersburg: A. Golod Publishers, 2014. P. 450–456.

Зорин А.В. Тибетский фонд Института восточных рукописей РАН: из истории формирования и каталогизации (1917–2012 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 3 (33). С. 37–53.

Zorin A.V. Tibetskiy fond Instituta vostochnykh rukopisey RAN: iz istorii formirovaniya i katalogizatsii (1917–2012 gg.) // Novyy istoricheskiy vestnik. 2012. № 3 (33). S. 37–53.

- Зорин А.В., Иохвин М.Б., Крякина Л.И., Сизова А.А., Шевельчинская С.Л., Яковлева Т.Ф. Каталог буддийских икон танка и цакли. Живописные изображения буддийских учителей и божеств [Электронный ресурс] / Под общей редакцией А.В. Зорина; Российская академия наук, Институт восточных рукописей. СПб.: [б. и.], 2009–2013. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
- Zorin A.V., Iohvin M.B., Kryakina L.I., Sizova A.A., Shevelchinskaya S.L., Yakovleva T.F. Katalog buddiyskih ikon tanka i tsakli. Zhivopisnye izobrazheniya buddiyskih uchiteley i bozhestv [Elektronnyiy resurs] / Pod obschey redaktsiey A.V. Zorina; Rossiyskaya akademiya nauk, Institut vostochnykh rukopisey. SPb.: [b. i.], 2009–2013. 1 elektron. opt. disk (DVD-ROM).
- Кожеевникова М.Н. К истории создания Института буддийской культуры (ИНБУК) АН СССР (1927–1930 гг.). Значение научных экспедиций школы академика Щербатского // Международная научно-практическая конференция: «Рериховское наследие». Том 3: Восток–Запад на берегах Невы. СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. Ч. 1. С. 314–329.
- Kozhevnikova M.N. K istorii sozdaniya Instituta buddiyskoy kulturyi (INBUK) AN SSSR (1927–1930 gg.). Znachenie nauchnykh ekspeditsiy shkoly akademika Scherbatskogo // Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: «Rerihovskoe nasledie». Tom 3: Vostok–Zapad na beregah Nevyi. SPb.: Rerihovskiy tsentr SPbGU, 2007. Ch. 1. S. 314–329.
- Кожеевникова М.Н. Ученый секретарь Комитета наук МНР М.И. Тубянский // Страны и народы Востока. М.: Восточная литература, 2013. Вып. XXXIV: Центральная Азия и Дальний Восток. С. 350–356.
- Kozhevnikova M.N. Uchenyy sekretar Komiteta nauk MNR M.I. Tubyanskiy // Stranyi i narodyi Vostoka. M.: Vostochnaya literatura, 2013. Vyip. XXXIV: Tsentralnaya Aziya i Dalniy Vostok. S. 350–356.
- Красная газета. 29.01.1926.
- Krasnaya gazeta. 29.01.1926.
- Курныкина Г.И. О вкладе Е.М. Залкинда в сохранение культурного наследия Бурятии // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Пятые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2012 г. Барнаул: АЗБУКА, 2012. С. 7–10.
- Kurnykina G.I. O vklade E.M. Zalkinda v sohranenie kulturnogo naslediya Buryatii // Sibir i Tsentralnaya Aziya: aktualnyie voprosyi politicheskogo i sotsiokulturnogo razvitiya. Pyatye nauchnyie chteniya pamyati E.M. Zalkinda. Materialyi mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 27 aprelya 2012 g. Barnaul: AZBUKA, 2012. S. 7–10.
- Марахонова С.И. Институт востоковедения АН СССР в Ленинграде в годы войны и блокады. (По архивным материалам) // Письменные памятники Востока. 2008. № 1(8). С. 21–36.
- Marahonova S.I. Institut vostokovedeniya AN SSSR v Leningrade v godyi voynyi i blokadyi. (Po arhivnyim materialam) // Pismennyye pamyatniki Vostoka. 2008. № 1(8). S. 21–36.
- Михеева И.Е. Формирование тибетского фонда Института восточных рукописей РАН // Новый исторический вестник. 2010. № 4 (26). С. 94–102.
- Miheeva I.E. Formirovanie tibetskogo fonda Instituta vostochnykh rukopisey RAN // Novyyi istoricheskiy vestnik. 2010. № 4 (26). S. 94–102.

- Русское зарубежье во Франции: 1919–2000. Биографический словарь: в 3 т. / Под общей редакцией Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010. Т. 3.
- Russkoe zarubezhe vo Frantsii: 1919–2000. Biograficheskiy slovar: v 3 t. / Pod obschey redaktsiei L. Mnuhina, M. Avril, V. Losskoy. M.: Nauka; Dom-muzei Marinyi Tsvetaevoy, 2008–2010. T. 3.
- Савицкий Л.С.* Описание тибетских свитков из Дуньхуана в собрании Института востоковедения АН СССР. М., 1991.
- Savitskiy L.S.* Opisanie tibetskikh svitkov iz Dunhuana v sobranii Instituta vosto-kovedeniya AN SSSR. M., 1991.
- Сто восемь буддийских икон из собрания Института восточных рукописей РАН / Авторы-составители: А.В. Зорин, Л.И. Крякина, М.Б. Иохвин. Под общей ред. А.В. Зорина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013.
- Sto vosem buddiyskikh ikon iz sobraniya Instituta vostochnykh rukopisey RAN / Avtoryi-sostaviteli: A.V. Zorin, L.I. Kryakina, M.B. Iohvin. Pod obschey red. A.V. Zorina. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2013.
- Тибетские рукописи и ксилографы Хара-Хотоского фонда Института востоковедения / Диплом студента 5 курса Восточного факультета ЛГУ отд. тибетской филологии Г.А. Леонова (Архив Отдела рукописей и документов ИБР РАН, шифр Арх. 107).
- Tibetskie rukopisi i ksilografyi Hara-Hotoskogo fonda Instituta vostokovedeniya / Diplom studenta 5 kursa Vostochnogo fakulteta LGU otd. tibetskoy filologii G.A. Leonova (Arhiv Otdela rukopisey i dokumentov IVR RAN, shifr Arh. 107).
- Якимов В.Д.* Хубилганы / Предисловие и публикация И.В. Кульганек, А.В. Попова // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944) / Сост. и отв. ред. И.Ф. Попова. М.: Восточная литература, 2011 (Труды Архива востоковедов ИБР РАН. Вып. 1). С. 286–317.
- Yakimov V.D.* Hubilgany / Predislovie i publikatsiya I.V. Kulganek, A.V. Popova // Trudyi vostokovedov v godyi blokadyi Leningrada (1941–1944) / Sost. i otv. red. I.F. Popova. M.: Vostochnaya literatura, 2011 (Trudyi Arhiva vostokovedov IVR RAN. Vyip. 1). S. 286–317.
- Vorobyova-Desyatovskaya M.* The S.E. Malov Collection of Manuscripts in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. October 1995. Vol. 1. No. 2. P. 29–39.
- Vorobyova-Desyatovskaya M.* Tibetan Manuscripts of the 8–11th Centuries A.D. in the Manuscript Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. July 1995. Vol. 1. No. 1. P. 46–48.
- Vorobyova-Desyatovskaya M.* Tibetan Eighth-Century Documents on Wood from Miran // Manuscripta Orientalia. March 1997. Vol. 3. No. 1. P. 9–13.
- Uspensky V.L.* Two Years of Cataloguing of the Tibetan Collection in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies: Some Problems and Perspectives // Manuscripta Orientalia. 1996. Vol. 2. No. 1. P. 51–53.
- Zorin A.* The Collection of Dunhuang Tibetan Texts Kept at the IOM RAS // Dunhuang Studies: Prospects and Problems for the Coming Second Century of Research. St. Petersburg: Slavia Publishers, 2012. P. 365–367.

Alexander Zorin

**THE TIBETAN COLLECTION HOUSED AT THE INSTITUTE OF ORIENTAL
MANUSCRIPTS, RAS: THE HISTORY OF ITS FORMATION
AND CATALOGUING, 1917–2013**

S u m m a r y : The paper presents an account of the history of the Tibetan collection housed at the IOM RAS during the period from the 1917 October revolution up to the present. It touches upon the major sources of Tibetan block prints and manuscripts acquired by the Institute (formerly the Asiatic Museum and later the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences), describes the history of their academic processing, lists personal contributions of Leningrad/St. Petersburg scholars to the formation and processing of the collection, characterizes the current work aimed at the thorough processing and cataloguing of the collection. The paper is based on the numerous archival documents at the IOM RAS.

Key words: the IOM RAS Tibetan collection, study of Tibetan prints and manuscripts, history of Oriental studies in Russia, Asiatic Museum, Institute for Buddhist Culture (INBUK), Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences.

Д.В. Иванов

ПЕРВЫЕ ФОТОГРАФИИ, СДЕЛАННЫЕ В МОНГОЛИИ РУССКИМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ

Во второй половине XIX в. фотография заняла важное место в работе научных экспедиций в Монголию. Эти материалы в настоящее время находятся в различных научных учреждениях Петербурга. Однако существует проблема точной датировки большинства фотографий. В статье рассмотрены вопросы хронологии самого раннего этапа этнографической фотографии Монголии.

Ключевые слова: Монголия, фотография, этнографические экспедиции.

Предисловие

В различных музеях и архивах как Монголии, так и России хранится достаточно большое количество фотографий, сделанных в Монголии в конце XIX — начале XX в., однако существует проблема датировки данных памятников. Это связано с тем, что дата поступления фотоколлекций практически всегда не соответствует времени съемки, дарителями коллекций могли быть как сами фотографы, так и другие люди, а зачастую имя фотографа и дата съемки просто неизвестны. Так, фотографии из монгольских архивов не имеют указанных дат и имен фотографов¹. В 2013 г. в Улан-Баторе был издан альбом старинных фотографий, большинство из которых датировано приблизительно 1890–1920 гг.².

В данной статье мы попытаемся расположить в хронологическом порядке самые ранние монгольские фотографии, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, а также сопоставить их с известными нам фотоколлекциями из других учреждений Петербурга.

¹ *Teleki K.* Monasteries and Temples of Bogdiin Khüree. Ulaanbaatar, 2011. P. 11.

² Хүрээ гоёл. Улаанбаатар, 2013.

Теленгитский шаман.
Фото А.В. Адрианова. 1879 г.

Коллекция А.В. Адрианова

В 1882 г. в МАЭ от А.В. Адрианова поступила коллекция, про которую на первом листе описи сказано: «Коллекция фотографий видов и типов Северо-Западной Монголии, составленная А.В. Адриановым в 1879 году»³.

Всего собрание насчитывает 64 отпечатка, наклеенных на белый картон, на котором золотым тиснением выполнены подписи. Часть фотографий подписана на русском языке: «Виды и типы Северо-Западной Монголии. Монгольская экспедиция Императорского Русского Географического Общества. С негативов А.В. Адрианова», а часть на французском: «Vues et types de la Mongolie Occidentale. Expédition de la Société Impériale Russe de Géographie dans la Mongolie Occidentale par G. Potanine et A. Adrianoff. Photographie par A. Adrianoff».

В 1874 г. Александр Васильевич Адрианов (1854–1920) поступил в Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге, а через год перевелся в Петербургский университет. За время обучения в академии Адрианов освоил фотографию, что пригодилось ему впоследствии⁴: в 1879 г. в качестве фотографа он принял участие в экспедиции в Северо-Западную Монголию. Экспедиция была организована Императорским Русским географическим обществом (ИРГО), возглавил ее известный географ, этнограф, ботаник Г.Н. Потанин. Специально для этого ИРГО был приобретен экспериментальный фотоаппарат Варнерке⁵.

Их маршрут пролегал через Алтай, Северо-Западную Монголию и территорию современной республики Тыва РФ. В ходе путешествия Адриановым было сделано около 70 качественных фотоснимков, некоторые из них послужили основой для рисунков, опубликован-

³ Опись коллекции № 128. Отдел учета и хранения МАЭ РАН. Л. 1.

⁴ Дзвлет М.А. А.В. Адрианов как археолог. Первый период (1879–1900) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М., 1998. С. 169.

⁵ Л. Варнерке первым создал фотоаппарат, в котором вместо пластин использовалась кассета с желатинированной бумажной лентой, покрытой бромсеребряным коллоидиновым слоем. Это изобретение задумывалось как подспорье для работы в полевых условиях. Так, в 1878 г. подобный фотоаппарат был отправлен на Зайсанский Пост Н.М. Пржевальскому. Однако в суровых климатических условиях портилась эмульсия. Первый опыт оказался не очень удачным. Как пишет известный исследователь истории фотографии С.А. Морозов, «например, фотограф экспедиции 1878 г. Г.Н. Потанина в Монголию (мы знаем, что этим фотографом был Адрианов. — Д.И.) в своем письме резко отозвался о бумажной ленте» (Морозов С. Русские путешественники-фотографы. М., 1953. С. 24. См. также: Андреев А.И. Использование фотографии // Российские экспедиции в Центральную Азию. СПб., 2013. С. 146; Чибисов К.В. Очерки по истории фотографии. М., 1987. С. 62; Андреев А.И. История первых фотографий Тибета и Лхасы [<http://www.fotodi.ru/articles.php?id=12>]).

«Сойоты» (тувинцы).
Фото А.В. Адрианова. 1879 г.

ных Г.Н. Потаниным в его работе «Очерки Северо-Западной Монголии»⁶.

В 1881 г. фотоработы Адрианова были выставлены в помещении Императорского Русского географического общества в Петербурге⁷.

Отпечатки полностью соответствуют маршруту экспедиции. И коллекция делится на три части — алтайскую, монгольскую и тувинскую.

В алтайской части мы можем видеть портреты алтайцев⁸, изображения теленгитского шамана⁹ и его бубна¹⁰, аилы (жилища) «новокре-

⁶ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического Общества. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб., 1883. Табл. XXIII. Ф. 97; Табл. XXIV. Ф. 99; Табл. XXV. Ф. 100.

⁷ Дэвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово, 2004. С. 7.

⁸ 128 — 1, 6, 9, 10, 13, 15.

⁹ 128 — 17, 18.

¹⁰ 128 — 14, 20.

щенных» алтайцев¹¹, прирученную косулю¹², вид на город Улала (Горно-Алтайск)¹³.

Монгольская часть представлена преимущественно портретами дюрбютов (дербетов). Некоторые сфотографированы сидящими или стоящими в полный рост¹⁴, но большинство фотографий — погрудный портрет в профиль и анфас¹⁵. Такой тип портрета был очень распространен в этнографической фотографии 70–80-х годов XIX в. и назывался «антропологические типы»¹⁶. Позднее, в 1888 г. по заданию того же Г.Н. Потанина другой фотограф — Н.А. Чарушин сделает серию «типы монголов»¹⁷. На портретных фотографиях Адрианова показаны представители разных социальных слоев и групп — «простые» монголы, ламы, музыканты, князья. В этой коллекции есть также изображения юрт¹⁸.

Всего насчитывается 50 фотографий, хранящихся в Отделе Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ, часть фотографий находится в Отделе Сибири МАЭ. 43 отпечатка наклеены на картон с подписями на русском языке, а 7 — с подписями на французском языке. «Французские» листы, видимо, были изготовлены для альбома, который Русское географическое общество (РГО) преподнесло в дар французскому принцу Бонапарту в 1884 г.¹⁹.

Тувинская часть представлена «антропологическими типами»²⁰.

В Петербургской штаб-квартире Русского географического общества имеются два альбома, озаглавленные «Виды и типы Северо-Западной Монголии. Г.Н. Потанин, А.В. Адрианов»²¹, а также коллекция фотографий Адрианова, наклеенных на паспарту²². Эта коллекция насчитывает 177 отпечатков, но включает большое количество дублей. В целом, в различных научных заведениях Петербурга хранится, как нам представляется, полное собрание фоторабот Адрианова из экспедиции 1879 г.

¹¹ 128 — 7, 8.

¹² 128 — 5.

¹³ 128 — 2, 3.

¹⁴ 128 — 36, 42, 43, 56.

¹⁵ 128 — 22, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 35, 37, 38, 40, 53, 54, 55.

¹⁶ Специалист по этнографической фотографии Е.Б. Толмачева также указывает на широкую распространенность этого типа фотографий в данный период.

¹⁷ *Сергеев В.Д.* Николай Чарушин — народник, общественный деятель, издатель, краевед-библиограф. Вятка, 2004. С. 99.

¹⁸ 128 — 48, 50.

¹⁹ *Дэвлет М.А.* А.В. Адрианов как археолог. С. 170.

²⁰ 128 — 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64.

²¹ Архив РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 188, 815. Альбом. Виды и типы Северо-Западной Монголии (экспедиция Г.Н. Потанина).

²² Архив РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 409.

Эти фотографии являются одними из самых ранних снимков, сделанных в Монголии. П.П. Семенов-Тянь-Шанский дал такую оценку работам Адрианова: «Общество получило равным образом до 70-ти, сделанных Адриановым, весьма хороших фотографий видов и типов Монголии, первых и единственных в своем роде»²³. Они даже считались самыми первыми фотографиями из Монголии²⁴. Однако в архиве Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН хранятся фотографии участника Русской учено-торговой экспедиции в Китай в 1874–1875 гг. А.Н.Э. Боярского²⁵. Среди них есть снимок дворца Хутухты в Урге²⁶, а также несколько фотографий, сделанных во Внутренней Монголии. Судя по описи, аналогичный альбом находится в архиве РГО²⁷.

В архиве ИИМК РАН имеются также фотографии, снятые В.В. Ланиным во время его путешествия в 1875–1876 гг. с Дальнего Востока в Иркутск²⁸. В этом собрании есть несколько изображений Маймачена²⁹.

Исследователь истории фотографии в Китае Т. Беннетт отмечает, что в 1875 г. шотландский ученый Джордж Форбс сделал фотографии Урги³⁰. К сожалению, мы не знаем, где сейчас находятся эти фотографии и сохранились ли они вообще.

В любом случае работы А.Н.Э. Боярского, В.В. Ланина и, возможно, Д. Форбса являются самыми ранними известными нам датированными фотографиями Монголии. Фотографии А.В. Адрианова «моложе» всего на несколько лет, но значительно превосходят их количеством, знакомят нас с разными социальными слоями монгольского об-

²³ Семенов П.П. История полувековой деятельности ИРГО, 1845–1895. Ч. II. СПб., 1896. С. 565.

²⁴ Андреев А.И. Использование фотографии. С. 146.

²⁵ Длужневская Г.В. Фотографии по Монголии в фотоотделе научного архива Института истории материальной культуры РАН // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). Международная научная конференция. СПб., 2013. С. 41.

²⁶ ГАИМК. Фот.Отдел. Ф. 1. Колл. 161. Л. 1. Русская учено-торговая экспедиция в Китай 1874–1875 гг. Монголия и Китай. Жилища, культовые и крепостные сооружения, транспорт сухопутный и водный, производство чая, театр и музыка, одежда и типы, войско.

²⁷ Архив РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 835. Альбом. Русская учено-торговая экспедиция по Китаю.

²⁸ Длужневская Г.В. Фотографии по Монголии. С. 41.

²⁹ Китайского торгового города. На территории Монголии существовало несколько Маймаченов. Ланиным были сделаны снимки «Кяхтинского Маймачена», располагавшегося на самой границе с Россией.

³⁰ Bennett T. History of Photography in China: Western Photographers 1861–1879. L., 2010. P. 79.

щества 70-х годов XIX в. Адрианову удалось посетить и сфотографировать наиболее удаленные районы Монголии. Любопытно также, что многие из портретных фотографий, хранящихся в МАЭ, имеют описания с указанием имен изображенных людей.

Кроме того, мы склоны считать, что «тувинские» фотографии Адрианова — это первые фотоизображения, сделанные на территории современной республики Тыва. Также им были выполнены одни из первых фотографий Горного Алтая. В 70-е годы XIX в. первые видовые снимки Алтая были сделаны, по всей видимости, Любовью Константиновной Полторацкой — женой семипалатинского губернатора В.А. Полторацкого³¹.

Коллекции Н.А. Чарушина, С.М. Дудина и Н.Н. Петрова

В 1894 г. МАЭ приобрел коллекцию фотографий от Н.А. Чарушина и С.М. Дудина³². Коллекция эта смешанная. В ней представлены работы, сделанные в Монголии и Забайкалье разными фотографами в разное время. Значительная часть фотографий выполнена непосредственно Чарушиным и Дудиным, но есть снимки и других авторов.

Николай Аполлонович Чарушин — известный революционер-народник и профессиональный фотограф. Его монгольские фотографии входят в состав двух коллекций: № 1697 и № 1359 (о коллекции № 1359 будет сказано чуть позднее, а пока мы попытаемся определить авторство и датировать фотоизображения из коллекции № 1697).

Н.А. Чарушин родился 23 декабря 1851 г. в г. Орлове Вятской губернии. В вятской гимназии в 60-х годах XIX в. он познакомился с Н.К. Лопатиным — одним из будущих основателей кружка «чайковцев»³³.

В 1871 г. он приехал в Петербург и поступил в Технологический институт, где вновь встретился с Н.К. Лопатиным, через него в начале октября 1871 г. вошел в кружок «чайковцев», в котором познакомился с Дмитрием Александровичем Клеменцем³⁴. В 1874 г. Н.А. Чарушин был арестован за пропагандистскую деятельность, направленную против правительства, и в 1878 г. приговорен к 9 годам каторги. Весной

³¹ Лухтанов А. Очерки по истории Казахстанского Алтая [<http://www.proza.ru/2013/08/31/664>]; Морозов С. Русские путешественники-фотографы. С. 33–34.

³² Описание коллекции № 1697. Отдел учета и хранения МАЭ РАН. Титульный лист.

³³ «Чайковцы» — члены народнического кружка, названного по имени Н.В. Чайковского.

³⁴ Сергеев В.Д. Николай Чарушин — народник, общественный деятель, издатель, краевед-библиограф. Вятка, 2004. С. 50.

1881 г. он был освобожден и стал ссыльнопоселенцем в Забайкальской волости³⁵. В Нерчинске Чарушин познакомился с «нечаевцем»³⁶ Алексеем Кирилловичем Кузнецовым, занимавшимся фотографией. А.К. Кузнецов стал учителем Чарушина³⁷. В 1885 г. он в качестве помощника фотографа посетил с Кузнецовым золотые прииски на границе с Монголией³⁸. Позднее он переехал в г. Троицкосавск (Кяхта), где открыл фотоателье. Его помощником стал опытный иркутский фотограф Иван Федорович Федоров³⁹.

Фотография обеспечила Чарушиным неплохой доход. Семья купила дом в Троицкосавске. У Чарушиных гостили Григорий Николаевич и Александра Викторовна Потанины⁴⁰. Чарушин давно хотел посетить Монголию, и общение с Потаниным только усиливало это желание, однако политическому ссыльному получить разрешение на поездку за границу было нелегко. Стараниями Потанина и Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского разрешение на выезд было получено, и летом 1888 г. Потанин, Чарушин и Федоров отправились в Монголию. Любопытно, что Николай Аполлонович сначала опасался этой поездки, но, познакомившись ближе с монголами, изменил о них свое мнение. Вот как он сам это описывает: «...я на всякий случай запасся револьвером большого калибра. В то время мое знакомство с монголами было еще очень ограниченное. Я их часто видел, но, не зная монгольского языка, близко с ними не сталкивался, а потому правильного представления о характере этих номадов у меня не было. Я считал их дикарями. Но, попав в Монголию и немного ознакомившись с населением этой страны, я устыдился, что взял револьвер, который так и не вынимал из своего чемодана»⁴¹.

Главной базой экспедиции стала Урга, поразившая Чарушина своей «оригинальной первобытностью, гармонирующей с бытом кочевого народа». В МАЭ имеются фотографии Урги⁴². Они полностью соответствуют описанию монгольской столицы Николаем Аполлоновичем: «Ничего

³⁵ Там же.

³⁶ «Нечаевцы» — члены «Общества народной расправы», лидером которого был С.Г. Нечаев. В 1869 г. членами общества было совершено резонансное убийство студента Иванова. Нечаев стал прообразом Верховенского из романа Ф.М. Достоевского «Бесы».

³⁷ *Сергеев В.Д.* Николай Чарушин — народник, общественный деятель, издатель, краевед-библиограф. С. 87.

³⁸ *Морозов С.* Русские путешественники-фотографы. С. 38.

³⁹ *Сергеев В.Д.* Николай Чарушин — народник, общественный деятель, издатель, краевед-библиограф. С. 93.

⁴⁰ Там же. С. 94.

⁴¹ Цит. по: *Сергеев В.Д.* Николай Чарушин — народник, общественный деятель, издатель, краевед-библиограф. С. 99.

⁴² 1697 — 153.

Утраченный «Желтый дворец» Богдо-гэгэна.
Фото Н.А. Чарушина. 1888 г.

похожего на наши европейские города здесь не было и в помине. Основными постройками собственно монгольского города были те же войлочные юрты, что и в остальной Монголии, изредка деревянные строения вроде наших курных бань внутри маленького четырехугольника, окруженного невысоким частоколом. Среди этих жалких построек резко выделялось белое здание тибетской архитектуры — храм Майдари (Будды Будущего. — *Д.И.*) и некоторые другие кумирни да дворцовые постройки богдо-гэгэна⁴³. В коллекции фотографий, хранящихся в МАЭ, имеются отдельные изображения храма Майдари⁴⁴, «зимнего» дворца Богдо-гэгэна⁴⁵. Можно также видеть усыпальницы 5-го и 7-го Богдо-гэгэнов в Гандане⁴⁶, несохранившиеся ворота «Ямпай» перед также несохранившимся «Желтым дворцом» Богдо-гэгэна⁴⁷.

Необходимо отметить, что большинство показанных на этих снимках архитектурных памятников были утрачены. Так, храм Майдари

⁴³ Цит. по: *Сергеев В.Д.* Николай Чарушин — народник, общественный деятель, издатель, краевед-библиограф. С. 99.

⁴⁴ 1697 — 170, 177.

⁴⁵ 1697 — 164.

⁴⁶ 1697 — 167.

⁴⁷ 1697 — 156.

был полностью разрушен в 1938 г.⁴⁸. Многие из ныне существующих зданий Улан-Батора, включая «Зеленый дворец» Богдо-гэгэна, были построены позднее. У нас есть возможность увидеть Ургу такой, как ее описал знаменитый русский монголовед Алексей Матвеевич Позднеев⁴⁹.

Остановились путешественники в доме кяхтинского купца 1-й гильдии И.А. Басова. Иван Александрович Басов совместно с Михаилом Александровичем Коковиным и купцом Алексеем Молчановым в 1875 г. основал торговый дом «Молчанов, Коковин и компания». После смерти Молчанова в 1885 г. он был переименован в торговый дом «Коковин и Басов». Фирма специализировалась на торговле чаем, закупке в Монголии верблюжьей и овечьей шерсти, а также на продаже там русских товаров⁵⁰. Это был один из крупнейших торговых домов Сибири и Монголии. Только монгольское отделение компании насчитывало несколько десятков служащих⁵¹. В МАЭ имеется фотография чайного склада Коковина и Басова в Урге⁵², а также отпечаток «Отъезд Басова из Урги»⁵³.

В ходе этой поездки Чарушину удалось посетить и монастыри в окрестностях Урги. В коллекциях МАЭ находятся фотоизображения монастырей «Таши-чонкур»⁵⁴ и «Дамба Доржи»⁵⁵ (последний является одним из трех старейших монастырей Монголии⁵⁶).

Основная задача, поставленная Потаниным как руководителем экспедиции перед Чарушиным, — фотосъемка разных типов монголов. Однако это было совсем не простым делом, поскольку монголы фотографироваться не хотели⁵⁷.

Под конец своего пребывания в Монголии путешественники посетили *наадам* (традиционное монгольское состязание, также именуемое «тремя мужскими играми»), который Чарушин ошибочно назвал праздником *цам*⁵⁸. В МАЭ имеются два снимка, озаглавленных «Общий вид скачек в 40 верстах от Урги»⁵⁹.

⁴⁸ Teleki K. Monasteries and Temples of Bogdiin Khüree. P. 96.

⁴⁹ Позднеев А.М. Города Северной Монголии. СПб., 1880. С. 19–29.

⁵⁰ Арбугин Я. Чайные короли Сибири [http://www.nvpress.ru/science_and_life/4763].

⁵¹ Старцев А.В. Численность и состав русских предпринимателей в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. [http://new.hist.asu.ru/biblio/zalk/142-148.pdf].

⁵² 1697 — 113.

⁵³ 1697 — 112.

⁵⁴ 1697 — 185.

⁵⁵ 1697 — 173.

⁵⁶ Teleki K. Monasteries and Temples of Bogdiin Khüree. P. 241.

⁵⁷ Сергеев В.Д. Николай Чарушин — народник, общественный деятель, издатель, краевед-библиограф. С. 99.

⁵⁸ Там же. С. 101.

⁵⁹ 1697 — 189, 190.

Вернувшись в Россию, Николай Аполлонович приступил к подготовке «монгольских» альбомов. Фотографии из этой экспедиции были отправлены Русскому географическому обществу, иркутскому отделению Русского географического общества, Московскому и Томскому университетам⁶⁰. Один из альбомов Чарушина хранится в отделе редких изданий Российской государственной библиотеки⁶¹. В РОСФОТО имеется альбом «Монголия. 1889 г.»⁶².

Для нас важно, что мы можем точно датировать монгольские фотографии Чарушина 1888 г.

В 1892 г. Н.А. Чарушин посетил *цам* в Гусиноозерском дацане⁶³. В состав коллекции № 1697 входит несколько снимков, связанных с этой мистерией⁶⁴. В Иркутском государственном университете имеется собрание фотографий Чарушина «Виды Забайкалья»⁶⁵.

Вторым собирателем коллекции № 1697 является Самуил Мартынович Дудин (1863–1929) — художник, этнограф, фотограф, коллекционер. Во время учебы в седьмом классе Елисаветградского земского реального училища С.М. Дудин был арестован за народовольческую деятельность, а в 1887 г. сослан в Восточную Сибирь, где с 1890 по 1891 г. работал в фотоателье Н.А. Чарушина⁶⁶.

Видимо, именно этим периодом можно датировать фотографию «Женщина бурятка в зимнем костюме», имеющую двойную подпись «Н. Чарушин, С. Дудин». Любопытно, что Самуил Мартынович Дудин позднее преподавал фотографию известному ленинградскому фотографу Александру Ивановичу Бродскому — отцу поэта Иосифа Бродского⁶⁷.

В 1891 г. Дудин принял участие в знаменитой Орхонской экспедиции В.В. Радлова. В составе коллекции № 1697 имеются снимки из Орхонской экспедиции, подписанные Дудиным⁶⁸.

⁶⁰ *Сергеев В.Д.* Николай Чарушин — народник, общественный деятель, издатель, краевед-библиограф. С. 101.

⁶¹ *Морозов С.* Русские путешественники-фотографы. С. 40.

⁶² Монголия. 1889 г. Фотоальбом Н.А. Чарушина. СПб., 2011; *Максимова А.В.* Российская фотография втор. пол. XIX — пер. пол. XX в. в коллекции Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО // Сборник докладов международной конференции «Фотография в музее». СПб., 2012. С. 151–154.

⁶³ *Сергеев В.Д.* Николай Чарушин — народник, общественный деятель, издатель, краевед-библиограф. С. 103.

⁶⁴ 1697 — 58, 97.

⁶⁵ Виды Забайкалья [<http://frontiers.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfdigcol/lists/mtfetcTitles1.html>].

⁶⁶ *Прищепова В.А.* Коллекции заговорили. СПб., 2000. С. 612.

⁶⁷ *Никитин В.А.* Рассказы о фотографах и фотографиях. Л., 1991 [http://www.photographerslib.ru/books.php?book_id=0014.0007].

⁶⁸ 1697 — 127, 128, 134, 138.

Однако В.В. Радлов в предисловии к «Атласу древностей Монголии» пишет, что «материалы, помещенные в „Атласе древностей Монголии“, составляют во 1) эскизы С.М. Дудина, исполненные на месте, во 2) фотографии, снятые моим сыном (в коллекции № 1697 есть фотография, подписанная „А. Радлов“. — *Д.И.*), в 3) фотографии, снятые Н.М. Ядринцевым посредством моментального аппарата, в 4) рисунки Д.А. Клеменца...»⁶⁹. Мы считаем, что авторство «орхонских» фотографий требует дальнейшего изучения, но в любом случае их можно точно датировать 1891 г.

Необходимо отметить, что в составе коллекции № 1697 есть несколько фотографий, подписанных «Воробьев». Мы предполагаем, что это купец А. Воробьев, дом которого изображен на одной из фотографий Н.А. Чарушина.

В 1890 г. в Монголии работала экспедиция финского профессора Гейкеля. Обоз этой экспедиции запечатлен на одном из кадров, однако, кто был автором этого снимка, мы в настоящее время сказать не можем.

В 1905 г. в МАЭ поступила коллекция фотографий от Н.Н. Петрова. Можно с достаточной уверенностью предположить, что Н.Н. Петров — это революционер-народник Николай Николаевич Петров (1851 — после 1934), приговоренный в 1880 г. к четырем годам каторги. В Средне-Карийскую тюрьму прибыл в 1881 г., в 1899 г. получил разрешение поселиться в Троицкосавске, а в 1905 г. уехал в Париж и вернулся в Россию в 1909 г.⁷⁰

Видимо, по дороге в Париж в 1905 г. Н.Н. Петров и продал в МАЭ интересующую нас фотоколлекцию, зарегистрированную под № 1359⁷¹.

Только две фотографии в этой коллекции подписаны Н.Н. Петровым⁷². Зато целый ряд снимков подписан «Н. Чарушин»⁷³. Особенно любопытен отпечаток под номером 1359 — 44, изображающий одного из представителей высшей монгольской знати, чингизида (потомка Чингисхана) Тушету-хана и практически полностью совпадающий с живописным изображением этого аристократа из Музея изобразительных искусств в Улан-Баторе⁷⁴. В нашем собра-

⁶⁹ Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. Труды Орхонской экспедиции. Вып. 1. СПб., 1892.

⁷⁰ <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=3148>

⁷¹ МАЭ РАН. Описание коллекции № 1359, титульный лист.

⁷² 1359 — 95, 142.

⁷³ 1359 — 44, 45, 78, 84, 91, 98, 101, 117, 119, 127, 136, 138.

⁷⁴ Живописное полотно принадлежит кисти художника Сономцэрэна. Известный исследователь монгольского искусства Н.-О. Цултэм относительно портретов, выполненных другим монгольским художником — Шаравом, отмечает: «В это время (в конце XIX — начале XX в. — *Д.И.*) в Урге в среде светских феодалов и духовенства вошла в моду фотография. Возможность, позволяющая моментально, предельно правдиво зафиксировать увиденное, поразила воображение Шарава. Он пишет портреты богдо-гэгэна, его жены, высшего духовенства по их фотографиям, заслужив тем самым похвалу и расположение правителя Монголии» (*Цултэм Н.-О.* Искусство Монголии. М., 1982. С. 109–110).

Портрет Тушету-хана.
Фото Н.А. Чарушина. 1888 г.

нии имеется также фотография его жены⁷⁵ и жены брата Богдо-гэ-гэна⁷⁶.

В коллекции № 1359 есть отпечатки, которые могут быть точно датированы 1887 г. — временем поездки Чарушина на Ленские прииски, находившиеся в бассейне реки Витим, правого притока Лены. Чарушин и Федоров с фотооборудованием весом в 50 пудов⁷⁷ (стеклянные пластины, бутылки с растворами и пр.) проехали сначала на лошадях от Троицкосавска до Лены, а потом плыли на лодках до Витима⁷⁸. К снимкам, сделанным в этом году, относятся: «Золотые прииски Витимской системы. Общий вид Аканакской золотой машины»⁷⁹, «Группа якутов с золотых приисков Витимской системы»⁸⁰.

В 1895 г. Н.А. Чарушину было дано разрешение на въезд в Европейскую Россию с запретом на проживание в столичных губерниях и университетских городах⁸¹. Н.А. Чарушин, будучи уроженцем Вятской губернии, выбрал Вятку. Из-за плохого зрения он не смог больше заниматься фотографией, но, видимо, перевез с собой все негативы. По крайней мере, в личной беседе вятский краевед Александр Львович Росковский сообщил мне, что в Кировской областной научной библиотеке имени А.И. Герцена хранятся негативы Николая Аполлоновича.

В настоящей статье мы представили лишь небольшую часть фотоколлекций, хранящихся в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Однако эти отпечатки — одни из наиболее ранних фотоизображений, позволяющие по-новому взглянуть на быт и жизнь Монголии конца XIX в.

Использованные документы

Архив РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 815. Альбом. Виды и типы Северо-Западной Монголии (экспедиция Г.Н. Потанина).

Архив РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 835. Альбом. Русская учено-торговая экспедиция по Китаю.

ГАИМК. Фот.Отдел. Ф. 1. Колл. 161. Русская учено-торговая экспедиция в Китай 1874–1875 гг. Монголия и Китай. Жилища, культовые и крепостные сооружения, транспорт сухопутный и водный, производство чая, театр и музыка, одежда и типы, войско.

Опись коллекции № 128. МАЭ РАН.

⁷⁵ 1359 — 45.

⁷⁶ 1359 — 43/2.

⁷⁷ 1 пуд = 16, 3804815 кг.

⁷⁸ Морозов С. Русские путешественники-фотографы. С. 39.

⁷⁹ 1359 — 145.

⁸⁰ 1359 — 132.

⁸¹ Сергеев В.Д. Николай Чарушин — народник, общественный деятель, издатель, краевед-библиограф. С. 107.

Опись коллекции № 1359. МАЭ РАН.
Опись коллекции № 1697. МАЭ РАН.

Список литературы

- Андреев А.И.* Использование фотографии // Российские экспедиции в Центральную Азию. СПб., 2013.
Andreev A.I. Ispolzovanie fotografii // Rossiyskie ekspeditsii v Tsentralnuyu Aziyu. SPb., 2013.
- Длужневская Г.В.* Фотографии по Монголии в фотоотделе научного архива Института истории материальной культуры РАН // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова). Международная научная конференция. СПб., 2013.
Dluzhnevskaya G.V. Fotografii po Mongolii v fotootdele nauchnogo arhiva Instituta istorii materialnoy kulturyi RAN // Rossiyskoe izuchenie Tsentralnoy Azii: istoricheskie i sovremennyye aspekty (k 150-letiyu P.K. Kozlova). SPb., 2013.
- Дэвлет М.А.* А.В. Адрианов как археолог. Первый период (1879–1900) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М., 1998.
Devlet M.A. A.V. Adrianov kak arheolog. Pervyy period (1879–1900) // Ocherki istorii otechestvennoy arheologii. Vyip. II. M., 1998.
- Дэвлет М.А.* Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово, 2004.
Devlet M.A. Aleksandr Vasilevich Adrianov (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya). Kemerovo, 2004.
- Максимова А.В.* Российская фотография втор. пол. XIX — пер. пол. XX в. в коллекции Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО // Сборник докладов международной конференции «Фотография в музее». СПб., 2012.
Maksimova A.V. Rossiyskaya fotografiya vtor. pol. XIX — per. pol. XX v. v kollektsii Gosudarstvennogo muzeyno-vyistavochnogo tsentra ROSFOTO // Sbornik докладов mezhdunarodnoy konferentsii «Fotografiya v muzee». SPb., 2012.
- Монголия. 1889 г. Фотоальбом Н.А. Чарушина. СПб., 2011.
Mongoliya. 1889 g. Fotoalbom N.A. Charushina. SPb., 2011.
- Морозов С.* Русские путешественники-фотографы. М., 1953.
Morozov S. Russkie puteshestvenniki-fotografyi. M., 1953.
- Позднеев А.М.* Города Северной Монголии. СПб., 1880.
Pozdneev A.M. Goroda Severnoy Mongolii. SPb., 1880.
- Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического Общества. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб., 1883.
Potanin G.N. Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii. Rezultatyi puteshestviya, ispolnennogo v 1879 godu po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. Vyip. IV. Materialyi etnograficheskie. SPb., 1883.
- Прищепова В.А.* Коллекции заговорили. СПб., 2000.
Prishepova V.A. Kollektzii zagovorili. SPb., 2000.
- Радлов В.В.* Атлас древностей Монголии. Труды Орхонской экспедиции. Вып. 1. СПб., 1892.
Radlov V.V. Atlas drevnostey Mongolii. Trudy Orhonskoy ekspeditsii. Vyip. 1. SPb., 1892.

- Семенов П.П. История полувековой деятельности ИРГО, 1845–1895. Ч. II. СПб., 1896.
Semenov P.P. Istoriya poluvekovoy deyatel'nosti IRGO, 1845–1895. Ch. II. SPb., 1896.
- Сергеев В.Д. Николай Чарушин — народник, общественный деятель, издатель, краевед-библиограф. Вятка, 2004.
Sergeev V.D. Nikolay Charushin — narodnik, obschestvennyiy deyatel, izdatel, kraeved-bibliograf. Vyatka, 2004.
- Цултэм Н.-О. Искусство Монголии. М., 1982.
Tsultem N.-O. Iskusstvo Mongolii. M., 1982.
- Чибисов К.В. Очерки по истории фотографии. М., 1987.
Chibisov K.V. Ocherki po istorii fotografii. M., 1987.
- Bennett T. History of Photography in China: Western Photographers 1861–1879. L., 2010.
- Teleki K. Monasteries and Temples of Bogdiin Khüree. Ulaanbaatar, 2011.
- Хүрээ гоёл. Улаанбаатар, 2013.
- Huree goyol. Ulaanbaatar, 2013.

Интернет-ресурсы

- Андреев А.И. История первых фотографий Тибета и Лхасы [<http://www.fotodi.ru/articles.php?id=12>].
Andreev A.I. Istoriya pervyih fotografy Tibeta i Lhasy [<http://www.fotodi.ru/articles.php?id=12>].
- Арбугин Я. Чайные короли Сибири [http://www.nvpress.ru/science_and_life/4763].
Arbugin Ya. Chaunyie koroli Sibiri [http://www.nvpress.ru/science_and_life/4763].
- Виды Забайкалья [<http://frontiers.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfdigcol/lists/mtfetcTitles1.html>].
Vidy Zabaykalya [<http://frontiers.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfdigcol/lists/mtfetcTitles1.html>].
- Лухтанов А. Очерки по истории Казахстанского Алтая [<http://www.proza.ru/2013/08/31/664>].
Luhtanov A. Ocherki po istorii Kazahstanskogo Altaya [<http://www.proza.ru/2013/08/31/664>].
- Никитин В.А. Рассказы о фотографах и фотографиях. Л., 1991 [http://www.photographerslib.ru/books.php?book_id=0014.0007].
Nikitin V.A. Rasskazyi o fotografah i fotografiyah. L., 1991 [http://www.photographerslib.ru/books.php?book_id=0014.0007].
- Прищепова В.А. К 150-летию со дня рождения С.М. Дудина — художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН) [<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/prischepova2.pdf>].
Prischepova V.A. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya S.M. Dudina — hudozhnika, etnografa (po materialam MAE RAN) [<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/prischepova2.pdf>].
- Старцев А.В. Численность и состав русских предпринимателей в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. [<http://new.hist.asu.ru/biblio/zalk/142-148.pdf>]; [<http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=3148>].
Startsev A.V. Chislennost i sostav russkih predprinimateley v Mongolii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. [<http://new.hist.asu.ru/biblio/zalk/142-148.pdf>]; [<http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=3148>].

D.V. Ivanov

**THE EARLIEST PHOTOGRAPHS
TAKEN IN MONGOLIA BY RUSSIAN TRAVELLERS**

S u m m a r y : Photography occupied an important place in the work of scientific expeditions to Mongolia in the second half of the 20th century. These materials are currently located in various scientific institutions of Petersburg. However, the accurate dating of the photos presents a problem. The article discusses the chronology of the earliest stage of ethnographic photography in Mongolia.

K e y w o r d s : Mongolia, photography, ethnographical expeditions

К.Г. Маранджян

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛУКИ ИЗ СОБРАНИЯ ИВР РАН

Статья посвящена истории ксилографического издания перевода Евангелия от Луки, поступившего из коллекции первого русского консула в Японии И.А. Гошкевича. Благодаря новым данным стало возможным установить автора перевода, время и место издания книги. Перевод принадлежит британскому протестантскому миссионеру Б. Беттельхайму, проведшему на о-вах Рюкю восемь лет. Взяв за основу китайский перевод Евангелия, миссионер подготовил его перевод на «гибридный» японский язык в его «рюкюизированной» версии.

Ключевые слова: протестантский миссионер Б. Беттельхайм, дипломат И.А. Гошкевич, королевство Рюкю, перевод Евангелия от Луки, Гонконг, «рюкюизированный» японский язык.

В японской коллекции рукописного собрания ИВР РАН хранится ксилограф Евангелия от Луки 路加傳福音書 (*рока дэн фукуинсё*), о котором до недавнего времени было известно крайне мало: источник поступления и дата издания. Согласно архивным документам, это издание поступило из коллекции Иосифа Антоновича Гошкевича (1814–1875) — дипломата, первого русского консула в Японии, знатока и ценителя дальневосточной книги¹.

И.А. Гошкевич родился в семье потомственных священников, закончил Петербургскую духовную академию (1839), был зачислен в Российскую духовную миссию в Китае (1839–1848), по возвращении из которой начал служить в Азиатском департаменте МИД России. К этому времени он уже владел китайским, корейским, монгольским и маньчжурским языками. В 1852 г. в качестве советника и переводчика он отправился с миссией дипломата и адмирала Е.В. Путятина (1803–1883) на фрегате «Паллада» в Японию. Во время путешествия он начал изу-

¹ Точнее говоря, коллекция была приобретена у сына И.А. Гошкевича в 1910 г.

чать японский язык под руководством японца по имени Татибана Кумэдзо, тайком пробравшегося на борт русского судна, желая избежать смертной казни, грозившей ему из-за приверженности к христианству.

Благодаря путевым заметкам, которые вел И.А. Гончаров, служивший секретарем Е.В. Путятина (позднее эти записи были опубликованы под названием «Фрегат Паллада»), мы получили возможность узнать о некоторых важных для нас фактах из биографии Гошкевича. Дополнительную информацию дает и путевой дневник архимандрита Аввакума, также находившегося на борту «Паллады». К примеру, в записи от 28 ноября 1853 г. сообщается: «После завтрака ходили с Гошкевичем к английским миссионерам Медгурсту² и прочим. Набрали книг, изданных ими, на английском и китайском языках. Были у Медгурста в комнате. Он занимался с китайцем поправкою Нового Завета, им переведенного»³. И.А. Гончаров характеризует Медхерста как «одного из самых деятельных миссионеров: он живет 30 лет в Китае и беспрерывно подвизается в пользу распространения христианства; он переводит европейские книги на китайский язык, ездит с места на место»⁴. При этом Гончаров уточняет, что наши синологи приобрели у него много изданных им книг, довольно редких в Европе, некоторые он им подарил.

Второе важное для нашей темы обстоятельство состоит в том, что, возвращаясь на родину, фрегат зашел на один из островов архипелага Рюкю («Ликейские острова», как именует их И.А. Гончаров).

В качестве третьего обстоятельства стоит упомянуть то, что с 1 августа 1855 по 30 марта 1856 г. И.А. Гошкевич находился в плену у англичан в Гонконге. Как пишет в своей статье наш современник архимандрит Августин, находясь в плену, Гошкевич по просьбе коллег-востоковедов выступил в Азиатском научном обществе, где рассказал о работе Российской духовной миссии в Пекине⁵.

Итак, знакомство с Медхерстом, визит на о-ва Рюкю и пленение в Гонконге, как мне кажется, имеют непосредственное отношение к истории нашего ксилографа. Впрочем, к этому мы вернемся чуть позже. Пока же отметим для себя, что Евангелие от Луки явно было не слу-

² Речь идет о Вальтере Генри Медхерсте (Walter Medhurst, китайское имя 麥都思, 1796–1857), английском миссионере, который в 1842 г. в Шанхае основал издательство Лондонского миссионерского общества. Прекрасно владея китайским языком, он занимался переводом Библии на китайский язык.

³ Цит. по: *Архимандрит Августин (Никитин)*. И.А. Гошкевич — миссионер, дипломат, востоковед [http://www.sobor.by/8km4tenia_nikitin.htm].

⁴ *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. Л.: Наука, 1986. С. 338.

⁵ *Архимандрит Августин (Никитин)*. И.А. Гошкевич — миссионер, дипломат, востоковед.

чайной книгой в коллекции И.А. Гошкевича, одно время трудившегося на поприще миссионерского служения.

На титульной странице ксилографа стоит дата 乙卯年鐫 — по указанным в ней циклическим знакам 乙卯 (в оригинале второй циклический знак написан разнописью, которую по техническим причинам мы не можем здесь воспроизвести) можно установить год — 1855-й, когда были вырезаны доски для этого ксилографа. Скорее всего, эту дату надо считать годом издания. Совершенно очевидно, что ксилограф не мог быть напечатан в Японии, где в то время царил строжайший запрет на христианство.

Помимо даты и заглавия 路加傳福音書 (*рока дэн фукуинсё* — Евангелие от Луки) на титульном листе стоит иероглифическая запись 往普天下傳福音與萬民, которая в переводе с китайского языка означает «распространять повсеместно в Поднебесной благовест среди народа».

На сгибе ксилографа записано: «Новый завет» (新約全書), а чуть ниже уточняется, что в этом томе содержится Евангелие от Луки (路加傳福音書).

Текст Евангелия записан на двух языках: два-три предложения идут на китайском языке с японской разметкой (точнее, записаны *камбуном*), а затем те же предложения записаны японской слоговой азбукой — *катаканой*, которая часто использовалась в первых переводах Библии на японский язык. К примеру, протестантский миссионер Карл Гюцлаф (1803–1851) перевел на японский язык и записал *катаканой* Евангелие от Иоанна в 1836 г. в Сингапуре⁶. Поэтому на первый взгляд кажется, что Евангелие от Луки написано по-китайски и по-японски. Однако здесь возникают сложности: на первой странице ксилографа, непосредственно после иероглифически написанного заглавия стоит запись, выполненная азбукой *катакана* «ロカヨロコビウトヅリヲツタウノシヨモツ», которая в русской транскрипции выглядит как *рока ёрокоби утодзури о цутау но сёмоцу*. С точки зрения японского языка здесь непонятно слово «утодзури» — его не удалось найти ни в каких японских словарях, включая и словари диалектов.

Заметим попутно, что в очень авторитетном каталоге японской коллекции рукописного отдела ИВР РАН, подготовленном О.П. Петровой и В.Н. Гореглядом, в главке об этом ксилографе уклончиво говорится о «параллельном переводе (камбун и катакана)» без уточнения, на каких языках написан текст Евангелия. Думаю, это объясняется тем, что и авторы каталога испытывали сложности с определением языка, записанного средствами японской слоговой азбуки *катакана*⁷.

⁶ <http://www.newadvent.org/cathen/15367a.htm#misc>

⁷ Петрова О.П., Горегляд В.Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. 3. Идеология. М., 1966. С. 86.

Для того чтобы понять, что это за Евангелие, где и кем оно напечатано, кому принадлежит перевод, мы попытались прежде всего выяснить, какой китайский перевод Евангелия лежит в основе издания.

Эту задачу позволил решить китайский сайт⁸ в интернете, где сосредоточены все библейские тексты на китайском и европейских языках. Путем сопоставления текстов мы выявили, что прототипом китайского текста является издание, предпринятое в Гонконге⁹ в 1855 г. и явившееся результатом коллективного труда Англо-Китайского колледжа (позднее переименованного в Теологическую семинарию Лондонского миссионерского общества в Китае) 香港英華書院 — крупного миссионерского, учебного и издательского центра, где печаталась христианская литература.

По-видимому, речь идет о так называемом «делегатском» издании: 12 американских и британских миссионеров, представлявших разные миссионерские организации, в 1843 г. решили встретиться и начать работу по переводу Библии, точнее, по переработке прежних версий. Предполагалось создать пять групп в разных открытых для европейцев портах, которые начнут работу над частями Нового Завета, а потом каждая группа представит результаты своей работы для обсуждения в другие четыре группы. Финальный вариант будет утвержден генеральным комитетом, составленным из пяти делегатов. Изначально в числе делегатов были такие известные миссионеры, как Вальтер Медхерст (Walter Medhurst, 1796–1857), Э. Бриджмэн (Elijah Bridgman, 1801–1861), В. Бун (W. Boone, 1811–1864), В.М. Лоури (W. Lowrie, 1819–1847) и Дж. Стронач (J. Stronach, 1810–1888), но из-за гибели Лоури его место занял В. Милн (W. Milne, 1815–1863). Во всяком случае, на сайте авторство этого перевода приписывается делегатскому комитету — 委辦譯本委員會¹⁰.

Новый Завет был готов к 1850 г., однако из-за терминологических разногласий был опубликован только в 1854 г. Ветхий Завет вышел в 1853 г., а вся Библия целиком была напечатана в 1855 г. («делегатская версия»)¹¹. Как отмечает А.В. Ломанов, «хотя она расценивалась многими как недостаточно буквальная, эрудиция переводчиков и шлифовка текста снискали в те дни широкое признание. Принятая Британским

⁸ На него мне любезно указал китайский исследователь Сун Ган из Гонконгского университета, специализирующийся на истории христианства в Китае.

⁹ В 1842 г. император Китая уступил Гонконг Великобритании на вечное пользование. Сразу после превращения острова в британскую колонию там обосновались всевозможные миссионерские организации.

¹⁰ <http://bible.fhl.net/ob/s.php?DETAIL=1&LIMIT=id=214>

¹¹ Chan Sin-wai, Pollard David E. (eds). An Encyclopaedia of Translation: Chinese-English, English-Chinese. Chinese University Press, 2001. P. 56–57.

и зарубежным библейским обществом, „делегатская версия“ к 1859 г. выдержала одиннадцать изданий и использовалась вплоть до 1920-х годов»¹².

По-видимому, и наш ксилограф также был напечатан в Гонконге. Однако мы так и не выяснили, кто и на какой язык переводил записанный слоговой азбукой *катакана* текст. Попробуем разобраться.

Первые попытки перевода библейских текстов на японский язык, предпринятые, например, иезуитами в начале XVII в., не дошли до наших дней, впоследствии из-за запрета на христианство переводы выполнялись за пределами Японии. В частности, уже упоминавшийся японский перевод Евангелия от Иоанна был выполнен на Макао протестантом Карлом Гюцлафом (1803–1851) из Лондонского миссионерского общества в 1837 г. В этой работе ему помогали трое японских моряков — Отокити, Кюкити и Ивакити, оказавшихся вне Японии из-за кораблекрушения¹³. Следующими по времени были переводы, сделанные миссионером Бернардом Беттельхаймом (1811–1870), который провёл на Окинаве восемь лет. Именно ему и принадлежит перевод Евангелия от Луки из нашей коллекции. Подтверждением этому служит дневник миссионера, изданный вместе с его официальной перепиской британским исследователем А.П. Дженкинсом, работающим на о-ве Окинава¹⁴.

Судьба и личность самого миссионера Б. Беттельхайма столь незаурядны, что могут стать канвой для увлекательного авантюрного романа. Родившись в еврейской семье в г. Прессбурге (совр. г. Братислава), он с юных лет намеревался стать раввином, однако затем получил медицинское образование в Падуе (1836). Он занимался врачебной практикой сначала в Италии, потом на Ближнем Востоке. Работая врачом в Турции, он после встречи с христианским миссионером крестился (1840) и отправился в Лондон, твердо намереваясь встать на путь миссионерского служения. В Лондоне Беттельхайм удачно женился. Его брак оказался очень крепким — в лице жены он нашел верного соратника и друга, разделившего с ним все тяготы жизни миссионера на далеких и труднодоступных островах. Кроме того, женитьба позволила ему получить британское подданство.

¹² Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М., 2002. С. 112.

¹³ Сведения приведены по: Biographical Dictionary of Chinese Christianity [http://www.bdconline.net/en/stories/g/gutzlaff-karl-friedrich-august.php].

¹⁴ The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part I (1845–1851) / Ed. by A.P. Jenkins. Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2005; The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part II (1852–1854) / Ed. by A.P. Jenkins. Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2012.

Далеко не сразу Б. Беттельхайм сумел убедить Британское миссионерское общество англиканской церкви отправить его в качестве медика и миссионера в г. Наха, куда он и отбыл в качестве члена Рюкюской морской миссии (“Loochoo Naval Mission”, т.е. морской миссии на о-ва Люцю, как именовались Рюкю по-китайски)¹⁵. История миссии началась в 1843 г., когда группа британских морских офицеров, стремясь в первую очередь к установлению отношений с Японией и зная о японском влиянии на о-ва Рюкю, задумала отправить туда миссионеров. Эта стратегия исходила из того, что, хотя формально королевство Рюкю считалось независимым, оно, с одной стороны, платило дань Китаю, а с другой — фактически находилось под властью княжества Сацума, которое еще в начале XVII в. вторглось на Рюкю. Япония, не желая конфликта с Китаем, не шла на прямой захват и присоединение королевства Рюкю, предпочитая оставаться в тени могущественного клана Сацума¹⁶.

Когда инициатива британских морских офицеров была отклонена Церковным миссионерским обществом, они учредили независимый фонд и отправили в 1845 г. на о-ва Рюкю Б. Беттельхайма.

Он отбыл сначала в Гонконг (с декабря 1845 по май 1846 г., где оставался), пока не появилась возможность отправиться на о-ва Рюкю. В этот период он много общался с европейскими миссионерами, находившимися в Гонконге, в том числе и с упоминавшимся уже Карлом Гюцлафом, автором «Журнала трех путешествий вдоль побережья Китая в 1831, 1832 и 1833 годах, с заметками о Сиаме, Корее и островах Лоо-Чоо». Общение с четой Гюцлафов оставило весьма неприятное впечатление, о чем Беттельхайм и писал в своем дневнике. Наконец в мае 1846 г. ему удалось перебраться с женой, двумя маленькими детьми и китайским переводчиком на о-ва Рюкю, где к тому времени уже находился французский миссионер Т. Форсад (Theodore Forcade). Он уже два года жил на о-вах Рюкю, находясь под постоянным наблюдением местных властей, не дававших ему ни шагу ступить самостоя-

¹⁵ О деятельности Морской миссии см. подробнее: [http://www.ampltd.co.uk/digital_guides/cms_series_one_parts_1_to_3/documents/LoochooMissionCatalogue1843-1861.pdf].

¹⁶ В тексте романа «Фрегат „Паллада“» эта ситуация описывается так: «Ликейские острова управляются королем. Около трехсот лет назад прибыли сюда японские суда, а именно князя Сатсумского, взяли острова в свое владение и обложили данью, которая, по словам здешнего миссионера, простирается до двухсот тысяч рублей на наши деньги. Но, по показанию других, острова могут приносить впятеро больше. По этим цифрам можно судить о плодородии островов. Недаром князь Сатсумский считается самым богатым из всех японских князей... После ликейцы думали было отложиться от Японии, но были покорены вновь. Ликейский король, в начале царствования, отправляется обыкновенно в Японию и там утверждается окончательно» (Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». С. 388–389).

тельно. Примерно такая же участь постигла и Беттельхайма: несмотря ни на что, все его усилия привлечь на свою сторону местное население (например, Беттельхайм оказывал людям квалифицированные медицинские услуги) не принесли ожидаемого результата. Королевство Рюкю, формально находившееся под протекторатом Китая, фактически было в подчинении у Японии, где христианская проповедь жестоко пресекалась¹⁷. Поэтому любое общение с миссионером было чревато для людей суровыми наказаниями. Впрочем, неудачи в общении с местным населением не помешали Беттельхайму упорно продолжать свои усилия в разных направлениях, в том числе и в столь важном тогда деле перевода и распространения христианской литературы на восточных языках. Сам Беттельхайм был великолепным лингвистом, он владел многими языками, включая и китайский. По его дневнику видно, как упорно и настойчиво он учился иероглифике и китайскому языку, кроме того, в записях часто упоминается о его занятиях японским языком. Однако в переводе библейских текстов ему помогали местные переводчики-переписчики.

В 1853 г. Беттельхайм впервые встретился с коммодором Мэтью К. Перри (1794–1858). Тогда Перри впервые прибыл на о-ва Рюкю и силой заставил власти принять его, после чего передал им послание президента с требованием установления дипломатических отношений.

Как пишет в своем дневнике Беттельхайм, он в первые пять минут разговора с Перри понял, что тот «хочет отправиться в Японию, сделав о-ва Рюкю местом для „деловых встреч“»¹⁸. В свою очередь, Перри считал, что Беттельхайм «может быть полезен для нас», и решил использовать его как консультанта и посредника в общении с местными властями¹⁹. Годом позже, в 1854 г., жена и дети миссионера, а затем и он сам покинули о-ва Рюкю и отправились в США. Там Беттельхайм открыл аптеку и занимался врачебной практикой. Бернард Беттельхайм скончался от пневмонии в Миссури.

Русский читатель может узнать о Беттельхайме из первых рук — в романе И.А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» (в гл. «Ликейские острова») описаны впечатления от встречи с миссионером. Приведем здесь небольшие отрывки из романа.

¹⁷ В романе И.А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» со слов Б. Беттельхайма говорится: «Японцы живут здесь подолгу и поддерживают в народе свою систему отчуждения от иностранцев и, между прочим, ненависть к христианам. И теперь их здесь до 600 человек» (Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». С. 393).

¹⁸ Дневниковая запись от 26 мая 1853 г., см.: The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part II. P. 396.

¹⁹ Подробнее см.: The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part II. P. 396.

«На другой день, 2-го февраля, мы только собрались было на берег, как явился к нам английский миссионер Беттельгейм, худощавый человек, с еврейской физиономией, не с бледным, а с выцветшим лицом, с руками, похожими немного на птичьи когти; большой говорун. В нем не было ничего привлекательного, да и в разговоре его, в тоне, в рассказах, в приветствиях была какая-то сухость, скрытность, что-то не располагающее в его пользу. Он восемь лет живет на Лю-чу и в мае отправляется в Англию печатать книги Священного Писания на ликейском (т.е. рюкюском. — *К.М.*) и японском языках. Жену и детей он уже отправил в Китай и сам отправится туда же с Перри, который обещал взять его с собою, лишь только другой миссионер приедет на смену.

Восемь лет на Лю-чу — это подвиг истинно христианский! Миссионер говорил по-английски, по-немецки и весьма плохо по-французски. Мы пустились в расспросы о жителях, о народонаселении, о промышленности, о нравах, обо всем»²⁰.

Вместе с тем встреча с русскими моряками нашла свое отражение и в дневнике миссионера. В его записях от 20 февраля говорится, что «в полдень капитан-лейтенант Посьет пришел узнать, что я перевел или написал на рюкюском или японском языках. Проявляя интерес к нашей работе и сам любитель и знаток языков, он выразил особое удовлетворение тем, что мы сумели преуспеть в этом виде деятельности нашей миссии... Вместе с Его Высочеством (адмиралом Путятиным. — *К.М.*) пришли несколько офицеров и один из переводчиков, которого Адмирал ценил за его пыл в изучении языков и для которого он хотел добыть какие-нибудь японские книги, но помимо моих книг они очень немногочисленны, а [мои] наполовину на китайском языке и похоже не могут служить их настоящей задаче [изучения японского]»²¹. Попутно заметим, что в записях от 14 февраля фигурирует имя Гошкевича (оно записано японской *катаканой*), с которым миссионер имел беседу²².

Таким образом, становится ясно, что И.А. Гошкевич лично встречался с Беттельхаймом, надеялся получить у него книги на японском языке и знал о его переводах. Можно было бы предположить, что именно тогда Евангелие могло попасть в руки И.А. Гошкевича, однако эта гипотеза не подтверждается: на ксилографе указана дата — 1855 г., в то время как описываемые события происходили годом раньше, в 1854 г. Тем не менее очевидно, что И.А. Гошкевич знал о переводческой деятельности Беттельхайма и, по-видимому, мог видеть и рабочий вариант Евангелия от Луки во время их встречи. Все это позволяет утверждать,

²⁰ Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». С. 390–391.

²¹ The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part II. P. 613.

²² Там же. С. 606.

что экземпляр из коллекции И.А. Гошкевича не был случайным изданием, пополнившим его личную библиотеку.

Вернемся вновь к вопросу об авторе перевода Евангелия и о тех доказательствах, которые указывают на Б. Беттельхайма. Здесь неоспоримую помощь нам оказывают уже упоминавшиеся дневники миссионера.

Во-первых, он неоднократно подчеркивает, что одной из его главных задач был перевод библейских текстов, причем не на рюкюский язык, а на японский. Вот что он пишет по этому поводу: «В стране, где правительство выступает против миссионеров и где нет письменного языка, с помощью которого можно было бы перевести часть Священного Писания, [работа по переводу] требует значительных расходов... То, что я перевожу сейчас на японский язык, безусловно будет иметь значительно более важное значение, чем перевод на рюкюский язык...» (16 июня 1852 г.)²³. А в записях от 10 февраля 1847 г. он прямо говорит: «В эти дни вновь располагал возможностью заняться переводом, который включал в себя часть первой главы Луки (т.е. Евангелия от Луки. — *К.М.*). Эти и подобные начинания, помимо их очевидных местных преимуществ, я надеюсь, окажутся весьма полезными, когда Япония будет открыта»²⁴. А еще через несколько дней он «с сожалением замечает, как мало перевод Медхерста (и его подражателя Гюцлаффа) можно назвать „переводом“. Он соотносится с оригинальным текстом как его тень в общих очертаниях, но не более»²⁵. Работа над переводом продолжалась несколько месяцев, во всяком случае 4 мая 1847 г. Беттельхайм уточняет, что «надеется закончить работу над [Евангелием от] Луки через месяц»²⁶. Запись от 1 декабря гласит: «Евангелие от Луки готово»²⁷. В апреле 1851 г. он все еще продолжает работу по переписке и исправлениям в Евангелии, сетуя на отсутствие второго миссионера, который мог бы помогать ему в этой работе.

Все эти свидетельства не оставляют сомнений в том, что перевод Евангелия от Луки принадлежит Б. Беттельхайму.

Итак, теперь мы знаем, что перевод был выполнен в расчете на его распространение в первую очередь в Японии, потому Евангелие и переводилось, видимо, на японский язык. Тем более что, как сообщает И.А. Гончаров про жителей Рюкю, «письменного своего языка у них нет: они пишут японскими буквами»²⁸. Это объясняет, почему текст

²³ Там же. С. 134.

²⁴ Там же. С. 206.

²⁵ Там же. С. 213.

²⁶ Там же. С. 237.

²⁷ Там же. С. 420.

²⁸ Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». С. 389.

записан японской слоговой азбукой *катакана*. Теперь осталось только разобраться в том, на каком же языке записан перевод.

Обратимся вновь к дневниковым записям Б. Беттельхайма. 19 июня 1852 г., сетуя на необразованность и плохое знание родного и китайского языков данных ему в помощь властями переводчиков, он отмечает среди их недостатков не только то, что «новые темы и факты из Евангелия вступали в противоречие с их прежними догматами», но и «путаницу со [звуками] О и У в нашем диалекте в сравнении с японским языком...»²⁹. Это очень важное соображение — на Рюкю помимо собственного языка, который именуется *утина-гути*³⁰, был в ходу и японский язык — *утина-ямато-гути*. Из-за различий в фонетическом строе собственно рюкюского и японского языков, в *утина-ямато-гути*, т.е. в «рюкюизированном» японском языке, отсутствовали японские звуки «э» и «о» — вместо них использовались «и» и «у». Именно это и имел в виду Беттельхайм, говоря о путанице звуков.

Можно ли считать «рюкюизированный» японский диалектом японского языка? Согласно современным лингвистическим представлениям, его скорее надо считать «гибридным» языком, а не диалектом. Ведь помимо фонетических несоответствий этот язык включает в себя и пласт лексических заимствований. Теперь становится ясно, что непонятное нам поначалу слово *утодзури*, которое фигурирует в названии этого ксилографа, по-японски должно звучать как *отодзурэ*, т.е. «известие, новость». В данном контексте это словосочетание *ёрокоби-но отодзурэ* используется для передачи библейского сочетания «благая весть».

Итак, Евангелие от Луки отнюдь не случайно попало в японскую коллекцию И.А. Гошкевича — он был лично знаком с Б. Беттельхаймом, встречался с ним на о-вах Рюкю. Нам точно неизвестно, когда именно он приобрел эту книгу, но и по этому поводу есть некоторые предположения: повторим вновь, что с 1 августа 1855 г. по 30 марта 1856 г. на обратном пути из Японии И.А. Гошкевич попал в плен к англичанам и находился в Гонконге. Именно в это время в Гонконге был издан ксилограф Евангелия от Луки Беттельхайма. Вполне возможно, что тогда он и попал в руки И.А. Гошкевича, сохранившего его в составе своей личной коллекции японских и китайских книг.

Двуязычное Евангелие от Луки приоткрыло нам неизвестную страницу истории, связав биографии двух незаурядных людей — британского миссионера на о-вах Рюкю Б. Беттельхайма и первого русского консула в Японии И.А. Гошкевича.

²⁹ См.: The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part II. P. 135.

³⁰ Точнее говоря, один из севернорюкюских языков. В основном распространен в южной части о-ва Окинава и на прилегающих островах в Японии.

Библиография

- Архимандрит Августин (Никитин)*. И.А. Гощкевич — миссионер, дипломат, востоковед [http://www.sobor.by/8km4tenia_nikitin.htm].
- Arhimandrit Avgustin (Nikitin)*. I.A. Goshkevich — missionary, diplomat, vostokoved [http://www.sobor.by/8km4tenia_nikitin.htm].
- Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. Л.: Наука, 1986.
- Goncharov I.A.* Fregat "Pallada". Ocherki puteshestviya v dvuh tomah. L.: Nauka, 1986.
- Петрова О.П., Горегляд В.Н.* Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. 3. Идеология. М., 1966.
- Petrova O.P., Goreglyad V.N.* Opisanie yaponskih rukopisey, ksilografov i staropечатnyh knig. Vyip. 3. Ideologiya. M., 1966.
- Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. М., 2002.
- Lomanov A.V.* Hristianstvo i kitayskaya kultura. M., 2002.
- Biographical Dictionary of Chinese Christianity [<http://www.bdcconline.net/en/stories/g/gutzlaff-karl-friedrich-august.php>].
- Chan Sin-wai, David Pollard E.* (eds). An Encyclopaedia of Translation: Chinese-English, English-Chinese. Chinese University Press, 2001.
- The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part I (1845–1851) / Ed. by A.P. Jenkins. Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2005.
- The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part II (1852–1854) / Ed. by A.P. Jenkins. Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2012.

K.G. Marandjian

GOSPEL OF LUKE FROM THE COLLECTION OF IOM RAS

Summary: The article deals with the history of wood-block print edition of Gospel of Luke from the collection of I.A. Goshkevich, the first Russian consul in Japan. The new data allowed us to identify the name of the translator, the place and date of its edition. The translation was made by the British protestant missionary B. Bettelheim who spent eight years on Ryukyu. Based on the Chinese Gospel translation, he made a translation of the book into the Ryukyuan version of the Japanese language.

Key words: Protestant missionary B. Bettelheim, diplomat I.A. Goshkevich, Ryukyu kingdom, translation of Gospel of Luke, Honkong, the Ryukuan version of the Japanese language.

С.Л. Невелева

**КРИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
ДРЕВНЕИНДИЙСКОГО ЭПОСА**

Эта статья посвящена проблеме критического издания текста двух памятников древнеиндийского эпоса — «Махабхараты» и «Рамаяны». Главные трудности в подготовке этого издания были связаны с особенностями, обусловленными спецификой устно-фольклорного генезиса эпоса. Оба памятника долгое время существовали в устной импровизационной традиции, так что единого «архетипа» для каждого из них не существует и существовать не может. Огромное количество рукописей на разных шрифтах, из разных частей Индийского субконтинента в процессе подготовки критического издания было подвергнуто тщательному сличению и разделено на рецензии.

Ключевые слова: древнеиндийский, эпос, «Махабхарата», традиция, эпический, перевод, комментарий, инкорпорация, памятник, издание, генезис, данные, типология.

Ознакомление культурной общественности Европы и России с индийской литературой начинается с перевода фрагментов из древнеиндийского эпоса «Махабхарата»¹. В конце XVIII в. в Лондоне и в Москве почти одновременно были опубликованы переводы «Бхагавадгиты»²,

¹ Историю вопроса см.: *Калянов В.И.* Изучение санскрита в России // Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедч. наук. Вып. 14. 1962. № 304. С. 140–167; *Гринцер П.А.* Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974. С. 6–8; *Эрман В.Г.* Очерк истории ведийской литературы. М., 1980. С. 2–29; *Невелева С.Л.* Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991. С. 23–31. Еще античные авторы со времен Александра Македонского упоминают об эпической поэзии древней Индии. Индийская повествовательная литература, проникшая в Европу через арабские, сирийские и персидские переводы, оказала влияние на художественное творчество европейского средневековья. В России активизации культурных устремлений к Индии способствовала деятельность Герасима Лебедева и Афанасия Никитина.

² *The Bhagavat Geeta or Dialogue of Kreeshna and Arjoon.* L., 1785; Багват-Гета, или Беседы Кришны с Арджуном / Пер. с англ. А.А. Петрова. М., 1788.

крайне важного по своей идейной значимости текста для содержания «Махабхараты». Английский перевод Ч. Уилкинса (с него в 1787 г. был сделан перевод на французский, а позже на русский язык) заложил основу европейской традиции перевода древнеиндийского эпоса с языка подлинника — санскрита. В числе первых переводчиков эпической поэзии в Европе, как и в России, были известные ученые, деятели культуры. В 1808 г. немецкий поэт-романтик Ф. Шлегель в книге «О языке и мудрости индийцев» поместил перевод отдельных эпизодов из «Махабхараты» и «Рамаяны». Если Ф. Шлегель своей книгой способствовал росту интереса Европы к древнеиндийской литературе, то с именем его брата А.-В. Шлегеля связано становление научной индианистики. В числе его начинаний было также издание второго великого эпоса древней Индии — «Рамаяны», оставшееся, правда, незавершенным. Ряд изданий и переводов из эпоса осуществил Ф. Бопп; в частности, впервые в Европе он издал и перевел на латынь знаменитое «Сказание о Нале»³.

Развитие санскритологии стимулировало рост интереса к переводу и изданию фрагментов древнеиндийских эпических памятников и в России. С 30-х по 50-е годы XIX в. вышли в свет избранные переводы из «Махабхараты», а также издания образцов ее текста, осуществленные санскритологами, зачинателями русской индологии, среди которых в первую очередь следует назвать П.Я. Петрова и К.А. Коссовича. При содействии В.Г. Белинского П.Я. Петровым был опубликован русский перевод небольшого фрагмента из «Сказания о Нале и Дамаянти»⁴. Первыми переводами законченных эпизодов из индийского эпоса, осуществленными с языка подлинника, явились «Похищение Дroupади»⁵, «Сказание о рыбе»⁶ и «Сказание о Савитри»⁷. Из переводов К.А. Коссовича наибольшую известность получили «Сказание о Сунде и Упасунде»⁸, «Легенда об охотнике и паре

³ Еще до того, как в 1819 г. Ф. Бопп, положивший начало филологическому изучению «Махабхараты», опубликовал текст и комментированный латинский перевод «Сказания о Нале», предназначенный для обучения европейских студентов началам санскрита, он включил в качестве приложения в свою работу «Conjugationssystem der Sanskritsprache» (1816) текст и перевод сказания об убийстве Хидимбы из той же, третьей книги эпоса — «Лесной» (см.: The Mahābhārata / Ed. and transl. by J.A.B. van Buitenen. Vol. I. Book 1. Chicago, 1973. P. XXXI).

⁴ Петров П. Песнь Налы из Махабхараты. Кн. 1 // Телескоп. М., 1835. Ч. XXVI. № 7. С. 342–346.

⁵ Петров П. Похищение Дroupади (из Махабхараты) // Отечественные записки. СПб., [б.г.]. Т. XIX. С. 185–197.

⁶ Петров П. Матсьопаханам, или Сказание о рыбе (из Махабхараты) // Москвитянин. М., 1841. Ч. 4. № 8. С. 404–409.

⁷ Петров П. Сказание о Савитри // Москвитянин. М., 1841. Ч. 6. № 12.

⁸ Коссович К. Сундас и Упасундас. Эпизод из Магабхараты // Москвитянин. М., 1844. Ч. 1. № 2. Отд. Изящная словесн. С. 311–329.

голубей»⁹ и «Сказание о Савитри»¹⁰. В начале 50-х годов XIX в. И.А. Коссович, брат К.А. Коссовича, впервые осуществил полный перевод с санскрита на русский язык «Сказания о Нале».

Помимо перевода и издания отдельных эпизодов из древнеиндийского эпоса П.Я. Петрову и К.А. Коссовичу принадлежат первые обобщающие работы по литературе древней Индии. Усилиями российских санскритологов эпические тексты были положены в основу филологического образования как в России, так и в Европе. Благодаря известным поэтам эпическая поэзия Индии стала фактом европейской культуры. Так, в 1844 г. В.А. Жуковский опубликовал поэтический перевод «Наля и Дамаянти», выполненный на основе немецкого перевода крупного поэта того времени Ф. Рюккерта, который, в свою очередь, воспользовался переводом Ф. Боппа¹¹.

В начальную пору знакомства Европы с индийским эпосом задача издания и полного перевода древнеиндийского эпоса на западные языки не ставилась. Однако с удивительной точностью для перевода избирались самые привлекательные, с точки зрения европейского читающего мира, поэтические фрагменты «Махабхараты».

Заслуга первых изданий богатейшего рукописного наследия индийского эпоса, равно как и перевода его в полном объеме на европейские языки, принадлежит индийским ученым. Сегодня с позиций современной науки к переводам «Махабхараты» на английский язык, выполненным бенгальскими учеными К.М. Гангули с 1883 по 1896 г.¹² и М.Н. Даттом с 1895 по 1905 г., можно предъявить немало справедливых претензий. Они касаются несовершенства и устарелости языка перевода и, главное, слабости слишком краткого пояснительного аппарата, который игнорировал научные результаты, достигнутые к тому времени в эпосоведении за пределами Индии, и некритично следовал за позднесредневековой комментаторской традицией. Нельзя не признать, однако, что при всех своих недостатках¹³ эти переводы сыгра-

⁹ Коссович К. Легенда об охотнике и паре голубей. Извлечение из Махабхараты, с приложением русск. транскр., латинского перевода и санскр.-русс. глоссария. СПб., 1857.

¹⁰ Коссович К. *Sāvitṛī-Mahābhārati Episodium*. Petropoli, 1861.

¹¹ Об исключительной популярности сюжета о Нале в неэпической, авторской литературе см.: *The Mahābhārata* / Ed. and transl. by J.A.B. van Buitenen. Vol. 1. Chicago, 1973. P. XXVI.

¹² Этот перевод чаще связывают с именем его издателя и называют переводом П.Ч. Роя. О содействии П.Ч. Роя опубликованию перевода К.М. Гангули и возможном участии издателя непосредственно в работе над переводом см.: *The Mahābhārata* / Ed. and transl. by J.A.B. van Buitenen. Vol. 1. P. X.

¹³ Й.А.Б. ван Бейтенен о языке перевода П.Ч. Роя: «Его английский не вдохновляет, но отталкивает»; о переводе П.Ч. Роя: «Аппарат его минимален, если не сказать, что вообще отсутствует» (*The Mahābhārata* / Ed. and transl. by J.A.B. van Buitenen. Vol. 1. P. XXIV, XXXVII).

ли — и в известной мере продолжают играть и теперь — роль определенного рода опоры в исследовании «Махабхараты».

Ранее, с 1863 по 1870 г., Ипполит Фуше предпринял перевод «Махабхараты» на французский язык, также замышлявшийся как полный, но эта публикация прервалась на восьмой книге эпоса.

В течение XIX и в начале XX в. трудами индийских филологов были осуществлены три издания текста «Махабхараты» — калькуттское (1839), бомбейское (1863) и кумбхаконамское (1910), включающее южную рецензию памятника. Позже В.С. Суктханкар в «Прологеменах» к первому тому критического издания «Махабхараты» так оценивал эти публикации: «Существующие издания либо просто воспроизводят версию частного типа рукописей (как, например, бомбейское, представляющее традицию Нилакантхи), либо эклектичны, не будучи основаны на каком-либо приемлемом принципе»¹⁴. По мнению Суктханкара, калькуттское издание, представляющее североиндийскую традицию, было лучшим из имеющихся к тому времени, тогда как кумбхаконамское издание, претендовавшее на полный охват южной рецензии, использовало только одну версию — телугу. Наибольшую популярность в Индии снискало бомбейское издание, однако отсутствие пояснений, которые определяли бы круг использованных рукописей и излагали принципы работы над ними, послужило причиной того, что В.С. Суктханкар был вынужден почти полностью пренебречь им при публикации критического текста «Махабхараты» (Prolegomena. P. CIV). Серию публикаций, отражающих ту или иную рецензию эпоса, завершает положительно встреченное европейскими индологами издание П.П.С. Састри (1935), представляющее южную рецензию.

Значительные расхождения между текстами всех этих изданий указывают на то, что ни одно из них не преследовало цели отразить все многообразие рукописей, меж тем как за известным уже в ту пору богатством рукописного наследия угадывалась широкая локальная и временная разветвленность эпической традиции. Отсутствие критического текста «Махабхараты» постепенно превратилось для исследователей в раздражающий фактор, породивший, по крайней мере частично, такие крайние оценки эпопеи, как те, что высказывались, например, знатоком древнеиндийской литературы М. Винтерницем, именовавшим «Махабхарату» «литературным монстром».

Вопрос о необходимости критического издания индийского эпоса впервые поставил М. Винтерниц в докладе на XI Международном кон-

¹⁴ The Mahābhārata. Adiparvan / Crit. ed. by V.S. Sukthankar. Vol. 1. Poona, 1933. P. III (далее — Prolegomena).

грессе ориенталистов в Париже в 1897 г.¹⁵, с целью привлечь внимание ученых к обширному корпусу южноиндийских рукописей, полностью не охваченных существующими публикациями. Издание критического текста позволило бы заложить основы научного изучения не только самой «Махабхараты», но и всей эпической литературы Индии¹⁶.

Вначале эта идея была встречена санскритологами без энтузиазма: благодаря своей величине и содержательному разнообразию этот памятник казался «целой литературой» (М. Винтерниц¹⁷); к тому же предстояло выявить и подвергнуть сличению огромное количество рукописей. Осуществить это было бы невозможно без серьезной текстологической подготовки целого коллектива исследователей, а между тем классическая текстология, выросшая на гомеровском эпосе, не обладала «опытом работы с подобным текстом гигантского объема и сложного характера, имеющим столь длительную и необычную историю»¹⁸. Тем не менее в соответствии с планом Международной ассоциации академий, принятым в 1904 г., европейские индологи (Г. Людерс, М. Винтерниц, О. Стейн, Б. Гейгер и др.) приступили к работе по сравнению и классификации рукописей. В 1908 г. в Лейпциге Г. Людерс представил образец критического текста «Махабхараты», учитывающий 29 рукописей из европейских библиотек, но малый размер эпизода из первой книги эпоса «Адипарвы» — всего 67 двустушии — и, главное, отсутствие предисловия, в котором обосновывалась бы методика обращения с текстом, послужили причиной того, что этот выпуск (18 страниц) не имел серьезного научного резонанса. Другие начинания подобного рода были прерваны Первой мировой войной.

После войны, когда Европа изживала ее последствия, сказавшиеся и на состоянии науки, центром подготовки критического издания эпоса стала Индия¹⁹. Одной из главных задач Института востоковедных исследований в г. Пуна (Bhandarkar Oriental Research Institute), основанного в 1917 г., была подготовка критического издания «Махабхараты». Старейший из санскритологов, Рамакришна Гопал Бхандаркар, именем которого назван Институт, в апреле 1919 г. положил начало работе над критическим изданием «Махабхараты», написав своей рукой мантру,

¹⁵ Данные о подготовке критического издания см.: *Sukthankar V.S. Prolegomena // Mahābhārata. Adiparvan. P. I–CX.*

¹⁶ «Critical edition of the Mahābhārata was wanted as the only sound basis for all Mahābhārata studies, nay, for all studies connected with the epic literature of India» (Prolegomena. P. I).

¹⁷ *Winternitz M. History of Indian Literature. Vol. 1. Calcutta, 1959. P. 316, 326.*

¹⁸ *Sukthankar V.S. Prolegomena. P. LXXVII.*

¹⁹ Сведения об изучении «Махабхараты» в Индии см.: *Pusalker A.D. Twenty-five Years of Epic and Puranic Studies // Progress of Indic Studies. 1917–1942 / Ed. by R.N. Dandekar. Poona, 1942. P. 101–152; Pusalker A.D. Studies in Epic and Purāṇas of India. Bombay, 1955.*

открывавшую большинство рукописей. В состав издательского совета вошли крупнейшие ученые того времени: С.К. Белвалкар, П.В. Кане, М. Винтерниц, Р.Д. Кармакар, позже — Рагху Вира, Ф. Эджертон и др.; главой издательского совета стал Н.Б. Удгикар, а в 1925 г. совет возглавил В.С. Суктханкар. Этот коллектив, объединивший усилия индийских и европейских исследователей, явился примером международного научного сотрудничества. Благожелательными рецензиями, содержащими ценные рекомендации, откликнулись на отдельные выпуски критического издания санскритологи различных стран, в том числе М. Винтерниц, Г. Людерс, А.Б. Кийт, С. Леви, В. Пизани, Ф. Эджертон, С. Конов и многие другие. Пользуясь поддержкой, в том числе финансовой, индийской общественности, издательский коллектив с 1933 по 1970 г. опубликовал полный критический текст «Махабхараты». О разработанной в Пуне методике текстологического анализа этого эпического памятника В.С. Суктханкар писал, что при подготовке «критического издания „Махабхараты“ были приняты во внимание все важнейшие версии великого эпоса, сличены, оценены и подвергнуты рассмотрению все значительные рукописи. <...> Все разночтения любой степени важности помещены в постраничных примечаниях...»²⁰.

Размах работы, проделанной при подготовке издания, показывают следующие цифры: были обследованы все оказавшиеся доступными рукописи на восьми индийских шрифтах общим количеством 1250 единиц²¹; из них отобрано для сплошного сличения 734 рукописи, распределенные по двум редакциям — северной и южной, причем каждая разделена в соответствии со шрифтами на отдельные версии²²; для большинства книг сплошному сличению подверглись не менее 20 полных рукописей каждой из них, а для наиболее важных двух начальных глав первой книги из отобранных 235 были сличены около 60 рукописей²³.

²⁰ «...A critical edition of the Mahābhārata, in the preparation of which all important versions of the Great Epic have been taken into consideration, and all important manuscripts collated, estimated and turned». <...> «All divergent readings of any importance will be given in the critical notes, printed at the foot of the page» (*Sukthankar V.S. Prolegomena*. P. III).

²¹ П.А. Гринцер отмечает, что обилие рукописей «Махабхараты» показательно в свете проблем ее генезиса и типологии: «Богатство рукописной традиции, которое лучше всего объясняется изначальным устным бытованием эпоса, — черта, сближающая, как и многие другие, „Махабхарату“ и „Рамаяну“ с эпической поэзией других народов» (*Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология*. М., 1974. С. 124).

²² Менее половины рукописей написаны на деванагари, другие — на бенгали, телугу, малаялам, непали, каннада и других шрифтах Северной и Южной Индии.

²³ Отобранные для первых двух глав 235 рукописей не исчерпывали всего их потенциального количества, так как множество рукописей находилось в частных коллекциях.

Из-за недолговечности материала, который использовался до применения бумаги для рукописей и легко разрушался из-за влажного климата Индии, в распоряжении ученых оказались лишь сравнительно поздние рукописи. Тем более важно то обстоятельство, что круг привлеченных при подготовке издания рукописных источников был расширен за счет использования не только традиционных комментариев (Девабодхи, Арджунамишры, Нилакантхи), но и других текстов: яванской версии «Махабхараты» (X в.), переложения эпоса на язык телугу поэтом Наннаей Бхаттой («Андхрамахабхарата», XI в.), санскритской версии кашмирского поэта Кшемендры («Бхаратаманджари», XI в.) и выполненного при Акбаре в 1580 г. перевода эпоса на фарси.

Следует подчеркнуть, что несколько искусственный характер критического текста, который представляет собой по замыслу издателей не какую-то «оригинальную» или каноническую версию, а отражение наиболее распространенных вариантов, покрывается справочным аппаратом, учитывающим разночтения рукописей, а также приложениями к каждому тому, в которых даются тексты, не вошедшие в критический корпус. Критическое издание «Махабхараты» представляет древнюю эпическую традицию в максимальной полноте и поразительном многообразии. Это издание послужило основой текстологической работы не только над другим индийским эпосом, «Рамаяной», но и над изданием классической литературы Индии. М. Винтерниц в рецензии на критическое издание «Адипарвы», «Книги первой», оценил ее опубликование как самое важное событие в истории санскритской филологии после выхода в свет издания «Ригведы» Ф. Макса Мюллера.

Касаясь метода реконструкции текста, В.С. Суктханкар отмечал, что представленное издание не есть что-либо подобное *the autograph copy of the work* ее мифического автора — риши Вьясы. Во всяком случае, это не было реконструкцией того, что ученые аналитического направления называли *Ur-Mahābhārata* или *Ur-Bhārata*, стремясь установить «исконное ядро» пра-эпоса. По утверждению В.С. Суктханкара, это издание — «скромная попытка представить версию эпоса столь древнюю, насколько это позволяет обширный рукописный материал, при некотором подобии достоверности», более свободную от явных ошибок переписчиков и произвольных добавлений (*Prolegomena*. P. CIII). Отмечая, что текст критического издания, не претендующий на глубокую древность, «является мозаикой старого и нового» («...is mosaic of old and new matter»), Суктханкар подчеркивает, что многие поколения поэтов и мыслителей трудились над «усовершенствованием» эпического текста, вставляя в него популярные истории, этические, религиозные, политические и иные рассуждения.

Неизбежные в такой гигантской работе недочеты отметила в рецензии на английский перевод первых трех книг «Махабхараты», выполненный проф. Й.А.Б. ван Бейтененом (США), Венди Донигер О'Флаэрти²⁴. Эти недочеты, в целом немногочисленные, явились следствием методического подхода издателей к решению одного из наиболее сложных вопросов эпического текстосложения — вопроса о том, что именно и на каком основании может быть исключено из критического текста как поздняя *интерполяция*. Автор рецензии называет критическое издание эпоса искусственной конструкцией, «ученой смесью», подобной «Калевале», и никоим образом не представляющей ни одной версии эпоса²⁵. Словно бы предвидя такую оценку этого издания, В.С. Суктханкар еще в 1933 г. писал: «„Махабхарата“ не является и никогда не являлась жестким фиксированным текстом; это изменчивая эпическая традиция, *тема с вариациями*, не лишенная подобия индийской народной мелодии. Нашей целью, следовательно, должно быть не приблизиться к архетипу (который практически никогда не существовал), но представить, рассмотреть и объяснить эпическую традицию во всем ее разнообразии, во всей ее полноте, во всех ее ответвлениях. Для нас проблема в текстуальной динамике, более, чем в текстуальной статике»²⁶.

Критическое издание, по мнению большинства индологов, полностью оправдывает свое назначение. Однако, при всей бережности обращения с эпическим наследием, представленным рукописной традицией, создатели этого текста иногда механически следовали постулатам «аналитической» теории, дискутировавшейся в индологии XIX–XX вв. Не без основания подчеркивая неоднородность *содержания* «Махабхараты», сторонники «аналитического» метода распространили этот подход на сам *текст* эпоса. В конечном счете это привело к лишенному надежного критерия, произвольному делению эпического текста на «исконный» и поздние интерполяции. Так, на этом основании за пределами критического текста остались важные эпизоды (в частности, о Вьясе и Ганеше из первой книги, об Урваши из третьей, о Смерти-

²⁴ Doniger O'Flaherty W. [Rev.:] The Mahābhārata / Ed. and transl. by J.A.B. van Buitenen. Vol. 1–2. Books 1–3. Chicago, 1973, 1976 // Religious Studies Review. January 1978. Vol. 4. № 1. P. 19–27.

²⁵ Ibid. P. 23.

²⁶ «...Mahābhārata is not and never was a fixed rigid text; but is fluctuating epic tradition, a *theme avec variations*, not unlike a popular Indian melody. Our objective should consequently not be to arrive at an archetype (which practically never existed), but to represent, view and explain the epic tradition in all its variety, in all its fullness, in all its ramifications. *Ours* is a problem in textual dynamics, rather than in textual statics» (Prolegomena. P. CII).

Мритью из седьмой²⁷ и т.д.), без учета которых трудно представить целостную картину эпической мифологии, прояснить ритуальные связи эпоса, точнее выявить историю его сложения. В силу подобных упущений критическое издание оказывается несколько обедненным и в художественном отношении.

Резкость критики, адресованной изданию «Махабхараты» в Пуне, уравнивается конструктивным ее характером. В работе над переводом и исследованием критического текста необходимо учитывать важнейшие эпизоды из приложений к нему, даже если они выглядят интерполяциями. Именно в пользу этого высказывается Венди Донигер О'Флаэрти, анализируя переводческий метод Й.А.Б. ван Бейтенена, который в работе над переводом «Махабхараты» учитывал разночтения к критическому изданию, однако не решился включить в свой перевод наиболее значительные фрагменты, оставшиеся за пределами основного текста.

Опыт мировой науки свидетельствует о том, что только работа над переводом *оригинального* текста служит надежным импульсом и основанием для теоретических обобщений. Непосредственным результатом публикации критического издания «Махабхараты» были проблемные статьи, выходявшие параллельно выпускам отдельных его томов. Серия «Epic Studies», основанная В.С. Суктханкаром, стала ареной научной полемики, посвященной проблемам сложения «Махабхараты». Публиковавшиеся в выпусках этой серии статьи звучали ответом на критику принципов издания, высказанную, в частности, Ф. Эджертоном, М. Винтерницем, В. Рубеном и др. Соответствуют новейшим работам в области генезиса и типологии «Махабхараты» и «Рамаяны» высказывания В.С. Суктханкара об изначальной «текучести» эпического текста, связанной с устной импровизационной манерой его воспроизведения, о динамичном характере традиционной эпической поэзии, сочетающей стабильность основных моментов содержания с варьированием формы его воплощения. Получили развитие положения исследователя о кшатрийском сословии как среде зарождения эпоса, о роли брахманского рода Бхаргавов в его дальнейшем формировании, о значении мест религиозного паломничества в распространении эпическо-

²⁷ Вопрос о включении в критическое издание эпизода с Ганешей, весьма показательного для понимания воззрений самой эпической традиции на письменную фиксацию эпоса, широко обсуждался в индологии до опубликования критического текста, причем ряд крупных ученых (М. Винтерниц, Г. Людерс) высказывались в пользу отнесения его к числу позднейших добавлений к эпосу. Обоснованные возражения по поводу исключения эпизода с Урваши см.: Васильков Я.В. Происхождение сюжета «Кайратапарвы» («Махабхарата» III. 39–45) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974. С. 143.

го сказания и его идеологической трансформации²⁸. Успешное завершение работы над критическим изданием «Махабхараты» явилось стимулом к дальнейшему изучению эпической проблематики и сделало возможной саму постановку задачи полного современного перевода эпоса²⁹.

Подготовка к изданию критического текста «Рамаяны» связана с именами известных ученых — В. Рубена (Германия) и Рагху Виры (Индия). После опубликования «Адипарвы» с «Пролегоменами» В.С. Суктханкара, где была представлена развернутая экспозиция текстологических проблем «Махабхараты», В. Рубен поддержал выработанный Суктханкаром метод отбора, классификации и сличения рукописей, подчеркивая принципиальное сходство истории сложения текстов обоих эпосов и идентичность общей схемы рецензий³⁰. Рукописи «Рамаяны», так же как и рукописи «Махабхараты», были распределены по двум рецензиям — северной и южной, каждая из которых в свою очередь подразделялась на две версии, но, в отличие от «Махабхараты», версии внутри рецензий располагались по двоякому принципу: в пределах северной рецензии — по региональному (были выделены северо-западная и северо-восточная версии), тогда как в южной — по версиям комментаторов. Принцип отбора дополнительного материала, расширяющего данные рукописной традиции, был ориентирован на круг источников, аналогичных тем, что использовались при работе над критическим текстом «Махабхараты»: в частности, на версию «Рамаяны», данную Кшемендрой, и общие для обоих эпосов комментарии. Издание В. Рубена содержало образцы критического текста «Рамаяны».

²⁸ См. работы В.С. Суктханкара: *Sukthankar V.S. The Bhṛguś and the Bhārata: A Text-Historical Study // Sukthankar Memorial Edition. Vol. I. Critical Studies in the Mahābhārata. Bombay, 1944; idem. On the Meaning of the Mahābhārata. Bombay, 1957.*

²⁹ Несомненный приоритет в этом отношении принадлежит России. К настоящему времени остались непереведенными на русский язык две объемные книги «Махабхараты» — «Шантипарва» («Книга об умиротворении») и «Анушасанапарва» («Книга о наставлении»). С 1950 по 1996 г. В.И. Кальянов опубликовал перевод семи книг «Махабхараты»: Кн. I. Адипарва. М.–Л., 1950; Кн. II. Сабхапарва (О Собрании). М.–Л., 1962; Кн. IV. Виратапарва (О Вирате). Л., 1967; Кн. V. Удьюгапарва (О старании). Л., 1976; Кн. VII. Дронапарва (О Дроне). СПб., 1992; Кн. IX. Шальяпарва (О Шалье). М., 1996. Я.В. Васильков и С.Л. Невелева с 1987 по 2005 г. издали перевод (также с критического текста) девяти книг эпоса: Махабхарата. Кн. III. Араньякапарва (Книга Лесная). М., 1987; Кн. VIII. Карнапарва (О Карне). М., 1990; Кн. X. Саутикапарва (Об избении спящих воинов), пер. С.Л. Невелевой; Кн. XI. Стрипарва (О женах), пер. Я.В. Василькова — обе М., 1998; Кн. XIV. Ашвамедхикапарва (О жертвоприношении коня). СПб., 2003; Заключительные книги: XV–XVIII. СПб., 2005.

³⁰ *Ruben W. Studien zur Textgeschichte des Rāmāyaṇa // Bonner Orientalische Studien. Stuttgart, 1936. Hf. 19.*

К тому времени, когда перспективы критического издания второго индийского эпоса обрели реальность, текстология Индии была обогащена опытом работы не только над «Махабхаратой». В 1928 г., практически одновременно с публикацией в Пуне первых выпусков критического текста «Адипарвы», в Лахоре было начато и в 1947 г. завершено критическое издание северо-западной рецензии «Рамаяны»³¹. В.С. Суктханкар, С.К. Де и другие обоснованно упрекали издателей в несоотнесенности этой рецензии с южной и северо-восточной (бенгальской) рецензиями, однако в целом публикация получила одобрение. Это издание использовалось вплоть до выхода в свет критического текста в г. Барода.

Еще в 1939 г. Рагху Вира предпринял попытку применить на практике положения, легшие в основу текстологических исследований В. Рубена, однако планы критического издания «Рамаяны» по образцу «Махабхараты» остались нереализованными.

Перечень важнейших публикаций эпической поэмы Вальмики до того, как в г. Барода был издан ее критический текст, завершает используемая исследователями и до сих пор южная рецензия «Рамаяны» (Мадрас, 1958 г.).

Работа над полным критическим изданием «Рамаяны» (оно публиковалось с 1960 по 1975 г.) шла в рамках специально созданного департамента Института востоковедных исследований при Университете Бароды. В 1954 г. началось сплошное сличение отобранных рукописей (общим количеством свыше 200) из фондов крупнейших библиотек мира, причем старейшая из этих рукописей датировалась 1076 г. Помимо бомбейской, бенгальской и северо-западной рецензий, комментариев Рамануджи, Говиндараджи и др. в качестве дополнительных материалов использовались «Рамаянаманджари» Кшемендры, пураны, буддийская и джайнская литература, исторические сочинения, переводы «Рамаяны» на современные индийские языки и т.д. По своему строению, организации критического аппарата и приложений к основному тексту это издание аналогично тому, которое было опубликовано в Пуне.

Исчерпывающая характеристика работы над критическим изданием «Рамаяны» в г. Барода дана П.А. Гринцером, опубликовавшим в 2006 г. полный перевод на русский язык двух первых книг эпоса — «Балаканды» («Книги о детстве») и «Айодхьяканды» («Книги об Айодхье»)³². «Рамаяна», как и «Махабхарата», классический эпос устного генезиса,

³¹ The Rāmāyaṇa of Vālmiki, in the North-Western Recension / Crit. ed. by Bhagavad Datta a.o. Lahore, 1928–1947.

³² См.: Рамаяна. Книга первая, Балаканда (Книга о детстве). Книга вторая, Айодхьяканда (Книга об Айодхье) / Изд. подгот. П.А. Гринцер. М.: Ладомир; Наука, 2006.

длительно бытовавший в традиции импровизации, не имеет единого аутентичного текста. Более двух тысяч рукописей, созданных в разных частях Индийского субконтинента различными шрифтами (деванагари, бенгали, телугу и др.), было привлечено для исследования; самая древняя из них — рукопись из Непала — датируется 1020 г. Рукописи эпической поэмы Вальмики, не сводимые к единому «архетипу», объединены в две, имеющие серьезные различия, редакции: северную и южную, причем северная редакция по той же причине подразделяется на северо-восточную и северо-западную³³.

Однако П.А. Гринцер, отдавая должное критическому изданию памятника в г. Барода, рассматривал его «как еще одну редакцию (рецензию) эпоса». Свой перевод «Балаканды» и «Айодхьяканды» исследователь основывал на южной редакции «Рамаяны», придерживаясь той точки зрения, что именно она «считается наиболее авторитетной»³⁴.

Таковы основные вехи долгой и многотрудной работы по подготовке и опубликованию критического текста великого эпоса древней Индии — «Махабхараты» и «Рамаяны».

Библиография

- Багуат-Гета, или Беседы Кришны с Арджуном / Пер. с англ. А.А. Петрова. М., 1788.
- Baguat-Geta, ili Besedyi Krishnyi s Ardzhunom / Per. s angl. A.A. Petrova. M., 1788.
- Васильков Я.В. Происхождение сюжета «Кайратапарвы» («Махабхарата» III. 39–45) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.
- Vasilkov Ya.V. Proishozhdenie syuzheta «Kayrataparvyi» («Mahabharata» III. 39–45) // Problemyi istorii yazykov i kultury narodov Indii. M., 1974.
- Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974.
- Grintser P.A. Drevneindiyskiy epos. Genезis i tipologiya. M., 1974.
- Кальянов В.И. Изучение санскрита в России // Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедч. наук. Вып. 14. 1962. № 304.
- Kalyanov V.I. Izuchenie sanskrita v Rossii // Uch. zap. LGU. Seriya vostokovedch. nauk. Vyip. 14. 1962. № 304.
- Коссович К. Сундас и Упасундас. Эпизод из Магабхараты // Москвитянин. М., 1844. Ч. 1. № 2. Отд. Изящная словесн.
- Kossovich K. Sundas i Upasundas. Epizod iz Magabharaty // Moskvityanin. M., 1844. Ch. 1. № 2. Otd. Izyaschnaya slovesn.
- Коссович К. Легенда об охотнике и паре голубей. Извлечение из Махабхараты, с присовокуплением русск. транскр., латинского перевода и санскр.-русс. глоссария. СПб., 1857.

³³ Там же. С. 707.

³⁴ Там же. С. 729.

- Kossovich K.* Legenda ob ohotnike i pare golubey. Izvlechenie iz Mahabgaraty, s prisovokupleniem russk. transkr., latinskogo perevoda i sanskr.-russk. glossariya. SPb., 1857.
- Коссович К.* Sāvitrī-Mahāb'ārati Episodium. Petropoli, 1861.
- Невелёва С.Л.* Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991.
- Neveleva S.L.* Mahabharata. Izuchenie drevneindiyskogo eposa. M., 1991.
- Петров П.* Песнь Налы из Махабхараты. Кн. 1 // Телескоп. М., 1835. Ч. XXVI. № 7.
- Petrov P.* Pesn Nalyi iz Mahabharaty. Kn. 1 // Teleskop. M., 1835. Ch. XXVI. № 7.
- Петров П.* Похищение Друпадии (из Махабхараты) // Отечественные записки. СПб., [б.г.]. Т. XIX.
- Petrov P.* Pohischenie Drupadii (iz Mahabharaty) // Otechestvennyye zapiski. SPb., [b.g.]. T. XIX.
- Петров П.* Матсьопакьянам, или Сказание о рыбе (из Махабхараты) // Москвитянин. М., 1841. Ч. 4. № 8.
- Petrov P.* Matsopakanam, ili Skazanie o rybe (iz Mahabharaty) // Moskvityanin. M., 1841. Ch. 4. № 8.
- Петров П.* Сказание о Савитри // Москвитянин. М., 1841. Ч. 6. № 12.
- Petrov P.* Skazanie o Savitri // Moskvityanin. M., 1841. Ch. 6. № 12.
- Рамаяна. Книга первая, Балаканда (Книга о детстве). Книга вторая, Айодхьяканда (Книга об Айодхье) / Изд. подгот. П.А. Гринцер. М.: Ладомир; Наука, 2006.
- Ramayana. Kniga pervaya, Balakanda (Kniga o detstve). Kniga vtoraya, Ayodhyakanda (Kniga ob Ayodhe) / Izd. podgot. P.A. Grintser. M.: Ladomir; Nauka, 2006.
- Эрман В.Г.* Очерк истории ведийской литературы. М., 1980.
- Erman V.G.* Ocherk istorii vediyskoj literatury. M., 1980.
- The Bhagavat Geeta or Dialogue of Kreeshna and Arjoon. L., 1785.
- Bopp F.* Conjugationssystem der Sanskritsprache. Bonn, 1816.
- Doniger O'Flaherty W.* [Rev.:] The Mahābhārata / Ed. and transl. by J.A.B. van Buitenen. Vol. 1–2. Books 1–3. Chicago, 1973, 1976 // Religious Studies Review. January 1978. Vol. 4. № 1. P. 19–27.
- The Mahābhārata. Adiparvan / Crit. ed. by V.S. Sukthankar. Vol. 1. Poona, 1933.
- The Mahābhārata / Ed. and transl. by J.A.B. van Buitenen. Vol. I. Book. 1. Chicago, 1973.
- Pusalker A.D.* Twenty-five Years of Epic and Puranic Studies // Progress of Indic Studies. 1917–1942 / Ed. by R.N. Dandekar. Poona, 1942. P. 101–152.
- Pusalker A.D.* Studies in Epic and Purāṇas of India. Bombay, 1955.
- The Rāmāyaṇa of Vālmiki, in the North-Western Recension / Crit. ed. by Bhagavad Datta a.o. Lahore, 1928–1947.
- Ruben W.* Studien zur Textgeschichte des Rāmāyaṇa // Bonner Orientalische Studien. Stuttgart, 1936. Hf. 19.
- Sukthankar V.S.* Prolegomena // Mahābhārata. Adiparvan / Crit. ed. by V.S. Sukthankar. Vol. 1. Poona, 1933. P. I–CX.
- Sukthankar V.S.* The Bhṛguś and the Bhārata: A Text-Historical Study // Sukthankar Memorial Edition. Vol. I. Critical Studies in the Mahābhārata. Bombay, 1944.
- Sukthankar V.S.* On the Meaning of the Mahābhārata. Bombay, 1957.
- Winternitz M.* History of Indian Literature. Vol. 1. Calcutta, 1959.

S.L. Neveleva

CRITICAL EDITION OF ANCIENT INDIAN EPICS

Summary: The article deals with the problem of critical texts' edition of the ancient Indian epics — *Mahābhārata* and *Rāmāyaṇa*. The main difficulty of this work was connected with the specifics of the folklore origin of Indian epics, which existed very long time in the oral tradition and have no single "original" text. There is a great number of different manuscripts of every epos, which was collected and revised in the process of critical texts' edition.

Key words: Mahābhārata, critical edition, manuscripts, ancient Indian epics, tradition, translation, oral, genesis, recension.

Д.А. Носов
**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ
В ЭКСПЕДИЦИОННЫХ МАТЕРИАЛАХ
В.А. КАЗАКЕВИЧА**

В статье рассматриваются записи произведений различных жанров устного народного творчества монголов, включенные русским исследователем В.А. Казакевичем в неопубликованный отчет о поездке в Гоби в 1924 г. в качестве сотрудника Ученого комитета МНР. Введение данных записей в научный оборот позволит углубить представления монголоведов-фольклористов о характере устного народного творчества южных регионов Внешней Монголии.

Ключевые слова: фольклор, Монголия, неизданные материалы.

История изучения устного народного творчества монголов, бурят и калмыков насчитывает уже полтора столетия. Двигаясь в русле общемировой фольклористики, основная задача которой заключалась в публикации произведений народной поэзии, оно прошло большой путь от публикаций письменных литературных сказок, зачастую индийского происхождения, в первой половине XIX в.¹ до подготовки точных фонетических записей фольклорных текстов с первого десятилетия XX в.². При этом произведения фольклора использовались монголистами как вспомогательный материал — учебные пособия для студентов, изучавших монгольский язык, и лингвистические данные для исследования монгольских языков.

Монгольские фольклористы, непрерывная работа которых началась после Второй мировой войны и продолжается вплоть до настоящего

¹ См., например: *Julg B.* Die märchen des Shiddhi-kur. Lpz., 1866.

² См., например: *Владимирцов Б.Я.* Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Л., 1926; *Санжеев Г.Д.* Дархатский говор и фольклор. Л., 1931; Образцы народной словесности монголов. Т. 3, собрал *Ponne H.H.* Л., 1932; *Mostaert A.* Textes oraux ordos. Peking, 1937; *Амстердамская Л.А.* Восточно-халхаские народные сказки. М.—Л., 1940; *Ramstedt G.J.* Nordmongolische Volksdichtung. Helsinki, 1973.

времени, основное внимание также уделяют публикации текстов произведений устного народного творчества. В отечественной и зарубежной науке в конце 1970-х годов такой подход подвергся серьезному пересмотру. Как выразился британский исследователь фольклора Д. Гай, опубликовавший в 2000 г. небольшую статью, в которой суммировал взгляды крупнейших современных теоретиков и собирателей фольклора, «издание — это не просто объективная транскрипция эмпирически существующего текста. Это процесс интерпретации, производящий факты, на которых и основывается исследование»³.

Следовательно, «публикация текстов — это не объективное, нейтральное действие. Это повод для прочтения набора текстов [сквозь призму] определенной исследовательской и интеллектуальной традиции»⁴. В меньшей степени данное замечание касается публикаций первой половины XX в., выполненных студентами-монголоведами Восточного факультета Петроградского/Ленинградского университета, работавшими в Монголии, поскольку их интересовала именно языковая форма фольклорных произведений. Но оно ясно показывает принципы, использовавшиеся Г.Н. Потаниным⁵, А.П. Беннингсеном⁶ и другими исследователями. Следует также учитывать тот факт, что задачу по выделению эталонных текстов фольклорных произведений решали и монгольские фольклористы второй половины XX в. Например, в вышедшем в 1982 г. под редакцией Д. Цэрэнсоднома академическом сборнике монгольских сказок из 161 приведенного текста лишь 24 записаны от одного конкретного информанта или взяты из отдельного дела архива Института языка и литературы АН Монголии⁷. Остальные либо сведены из различных текстов полевых записей, либо взяты из более ранних изданий, в том числе подготовленных Г.Н. Потаниным и А.П. Беннингсеном.

При подготовке всех упомянутых выше изданий на периферии внимания исследователей оставался сам фольклорный акт, т.е. риторическая ситуация исполнения текста, характер исполнителя и его аудитории. Эти аспекты не менее важны с точки зрения природы фольклора как социокоммуникативного явления. Поэтому необходим анализ всей информации, сопровождающей запись текста. В свете этого материа-

³ Gay David E. *Inventing the Text: A Critique of Folklore Editing* // *Folklore*. Tartu, 2000. Vol. 14. P. 98.

⁴ Ibid. P. 110.

⁵ Потанин Г.Н. *Очерки Северо-Западной Монголии*. Вып. 2. СПб., 1881; Потанин Г.Н. *Очерки Северо-Западной Монголии*. Вып. 4 (Материалы этнографические). СПб., 1883; Потанин Г.Н. *Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия* (Путешествие 1884–1886). Т. 2. СПб., 1893.

⁶ Беннингсен А.П. *Легенды и сказки Центральной Азии*. СПб., 1912.

⁷ См.: Монгол ардын үлгэр (Д. Цэрэнсодном эмхтгэв). Улаанбаатар, 1982.

лы, собранные русскими путешественниками во время их поездок по Монголии в XIX — первой четверти XX в., приобретают новое значение и требуют серьезного переосмысления.

Ниже мы предлагаем рассмотреть хранящийся в архиве Института истории АН Монголии (г. Улан-Батор) и не публиковавшийся ранее отчет, составленный В.А. Казакевичем (1896–1937), о его поездке на юг Монголии в 1924 г., как важный источник по истории монгольского фольклора первой половины XX в.

В.А. Казакевич известен монголоведам по своим трудам, изданным в период его работы в Институте востоковедения в г. Ленинграде в первой половине 1930-х годов. За довольно короткий промежуток времени он успел оставить заметный след в изучении истории Монголии, подготовить первое специальное исследование монгольской топонимики⁸ и перевести с немецкого книгу Б. Лауфера «Очерк монгольской литературы»⁹.

Начало научной деятельности В.А. Казакевича совпало с созданием Ученого комитета МНР в 1921 г.¹⁰. Его работа в качестве сотрудника Ученого комитета в первой половине 20-х годов лишь недавно начала привлекать внимание исследователей¹¹. Но уже сейчас очевидно, что это позволит нам значительно лучше понять различные стороны жизни Монголии в переломное для нее время.

Рассматриваемый в данной статье документ был составлен в 1925 г.¹² и повествует о результатах экспедиции, совершенной исследователем по территории бывших Тушету-хановского, Сайн-нойон-хановского и Дзасакту-хановского аймаков, а также Кобдоского округа¹³ годом ранее. Он хранится в оригинальном рукописном варианте, занимающем 88 тетрадных листов размером 21,5×36 см¹⁴, и сделанном позднее машинописном варианте, занимающем 141 лист того же размера¹⁵. Отчет написан на русском языке, а записи всех названий и монгольских выражений выполнены в академической транскрипции на основе

⁸ Казакевич В.А. Современная монгольская топонимика. Л., 1934.

⁹ Иорши И.И. Монголоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 218.

¹⁰ История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. С. 414.

¹¹ Кузьмин Ю.В. Отчеты научных экспедиций В.А. Казакевича в Монголии из Рукописного фонда Института истории АН Монголии // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора. Тезисы докладов. СПб., 2013. С. 14–15.

¹² ТХ Архив (Түүхийн Хүрээлэнгийн Архив — Архив Института истории Академии наук Монголии). Х-7, Д-3, ХН-1в. Л. 3.

¹³ Там же.

¹⁴ Шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэнгийн түүхэн баримтын бүртгэл. I боть. Улаанбаатар, 2010. Х. 343.

¹⁵ Там же.

кириллицы. Она была неизвестна составителю машинописной версии отчета, поэтому его можно использовать как вспомогательный материал для расшифровки почерка исследователя при анализе рукописи.

Согласно документу, экспедиция начала свой путь 9 июля¹⁶ и возвратилась в Улан-Батор 6 декабря¹⁷. Отчет содержит информацию о различных областях жизни южной части Внешней Монголии начала 1920-х годов, что сразу же позволило расценить его как источник, важный для воссоздания окружения изложенных в нем фольклорных произведений.

Значительное внимание путешественник уделял современным ему проблемам. Так, приехав 16 августа¹⁸ в монастырь Сангийн-далай — крупный торговый пункт, расположенный на Алашанской дороге, он отметил, что «факт недавней смерти Богдо-гэгэна и провозглашение республики... мало отразился на общественных настроениях»¹⁹.

Особенно важным автору данной статьи представляется вывод относительно качеств проводников-монголов. Считаю необходимым привести его полностью:

«Имея опыт в обращении с проводниками, я в дальнейшем старался брать их на короткие расстояния, в пределах района кочевков того или иного проводника, т.к. проводнику никогда нельзя доверять в той местности, где он долго не жил. К сожалению, прежние исследователи редко пользовались этим принципом, отчего их карты всегда полны несуществующими названиями, которые выдумывает проводник, боящийся попасть в неприятную для себя историю при отказе вести по незнакомой ему местности. Так как монгольская географическая терминология наполнена определениями по сходству с какими-нибудь общеизвестными предметами и цветами, то обычно отличить ложь от правды весьма затруднительно»²⁰.

Таким образом, мы получаем основание для критического рассмотрения отчетов предшественников В.А. Казакевича. Это же дает возможность по-новому взглянуть также на собирателей фольклора и на их информантов.

Во время экспедиции В.А. Казакевич занимался распространением среди монголов печатных книг, которые были выданы ему Ученым комитетом. На основании этого он сделал следующее наблюдение, имеющее большое значение для исследователей фольклора и литерату-

¹⁶ ТХ Архив. Х-7, Д-3, ХН-1в. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 140.

¹⁸ Вероятно, в данном случае мы имеем дело с опиской самого В.А. Казакевича, так как по хронологии событий это должно было происходить 16 июля.

¹⁹ ТХ Архив. Х-7, Д-3, ХН-1в. Л. 14. Здесь и далее в цитатах мы полностью сохраняем орфографию и пунктуацию В.А. Казакевича.

²⁰ Там же. Л. 27.

ры: «Сказки и исторические предания разошлись хорошо, но политические и научные издания успеха не имели»²¹. Оно позволяет сделать предположение о популярности в данный период нарративов определенного характера.

Теперь рассмотрим тексты фольклорных произведений, включенные в отчет.

Первое упоминание устного нарратива мы встретили на 1-й странице 18-го листа рукописной версии отчета, что соответствует 26-й странице машинописной версии. Здесь В.А. Казакевич приводит предание, услышанное им 27 июля 1924 г. от продавцов верблюдов в управлении хошуна Дэлгэр-хангай-ула²². Оно повествует о причине неправильного обозначения сторон света в Монголии и приведено путешественником на русском языке: «Шиджир-батур при постройке монастыря Эрдэни-дзу²³ обратился к Ундур-гэгэну²⁴ с вопросом, где север. Гэгэн показал на запад, и с тех пор западные ворота монастыря называются северными, а северные восточными, откуда такое понимание разошлось по всей Монголии»²⁵.

К сожалению, не приведен монгольский текст предания в том виде, в каком его исполнил информант. Также нет данных ни об информанте, ни об условиях исполнения произведения. Самим автором отчета отмечено, что это лишь один, наиболее интересный из слышанных им рассказов²⁶.

Один текст был записан во время ночной стоянки 4 августа от проводника партии по имени Сосор. Как и запись предыдущего предания, он приведен на русском языке:

«Он уверял, что к юго-западу от местности Цохо и на запад от колодца Билютэй, есть одиноко стоящая среди черных скал — белая горка Мэргэн-дэль, имеющая форму юрты. Проезжающие возле нее люди, видят иногда бегущую вокруг нее человеческую тень, или вернее, половину ее — талá хун (монг. *тал хун* — «половина человека». — Д.Н.), охраняющую в этом месте сокровище. Эта тень при жизни убивала без разбора все живые существа, которые ей навстречу попадались, и поэтому, после смерти не могла ни войти в нирвану, ни заново перевоплотиться, а вынуждена пребывать в таком гнусном состоянии. Такие тени часто встречаются, пугая по ночам своим криком и огоньками, появляющимися с разных сторон, а имеют свое пребывание обыч-

²¹ Там же. Л. 25.

²² Там же. Л. 26.

²³ Эрдэни-Дзу (монг. *Эрдэнэ-зуу*) — первый буддийский монастырь в Монголии, построенный в 1586 г. около развалин столицы Монгольской империи — Хархорума.

²⁴ Ундур-гэгэн (монг. *Өндөр-гэгээн*) — глава ламаистской церкви Монголии.

²⁵ Там же. Л. 26.

²⁶ Там же.

но возле человеческих костей или трупов. Если человек чистой жизни санцä һукла /maıdrın jırwı — тарническое сочинение/, поставит около себя чашку с водкой, не дотрагиваясь до нее, то талá хўн обязательно появится возле него. Нужно дать тени напиться водки до опьянения и тогда, когда она ослабеет, начать стегать ее ремнем. Тень взмолился о пощаде, пообещает достать что угодно. Этим можно воспользоваться и, сделав тень верным слугой, получить от нее все что ни потребуется. Но, конечно, подобное волшебство доступно лишь человеку чистой жизни... Иной раз они, по словам рассказчика, так похожи на живых людей, что отличить талá хўн'а можно лишь благодаря отсутствию какой бы то ни было тени, обычно находящейся возле каждого человека, стоящего перед светом. Кроме того талá хўн появляется в виде вихрей или смерчей, частых в Гоби»²⁷.

Данный текст В.А. Казакевич возводит к рассказам о джиннах, считая его подтверждением широкого распространения «сказочных элементов по всему матерiku Европы»²⁸, а персонаж талá хўн он безусловно воспринимает «как біріт — существо подземного мира буддийской космогонии»²⁹. С точки зрения современных исследователей фольклорных нарративов, перед нами — особая форма мифологического рассказа³⁰, включающая в себя повествование о поверье.

От того же информанта вечером 5 августа были записаны еще два текста, охарактеризованные путешественником как «сказки»³¹. Они снова приведены на русском языке:

«Первая называется: „Как верблюд лишился рогов“. В давно прошедшие времена верблюд пасся по своему обыкновению в Гоби, но обладал хорошими рогами. Однажды из Хангая пришел к нему олень и стал просить у него рога, обещая вернуть их верблюду в установленном месте в определенный срок, в течение которого он собирался достать рога у какого-нибудь другого животного. Верблюд поверил, спокойно ждал срока и по истечении его пришел в указанное место. Однако олень обманул его и не явился вовсе. Таким образом верблюд остался без рогов, а у оленя рога стали падать каждую весну в наказание за обман»³².

Данный нарратив представляет собой рассказ этиологического характера³³, или, как называют его монгольские исследователи, «домог-

²⁷ Там же. Л. 31–32.

²⁸ Там же. Л. 32.

²⁹ Там же.

³⁰ Ефимова Е.С. Поэтика страшного: мифологические истоки. М., 1997.

³¹ ТХ Архив. X-7, Д-3, ХН-1в. Л. 33.

³² Там же. Л. 33.

³³ Пропп В.Я. Жанровый состав русского фольклора // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 50.

үлгэр»³⁴. Тексты на описанный сюжет фиксировались собирателями до и после поездки В.А. Казакевича³⁵.

Вторая «сказка», рассказанная Сосором, также относится к этому разряду. Она гласит «что в те времена, когда жил великий Бурхан-гэгэн»³⁶, был у него великолепный конь /хүлгэ/. Подземные жители долго просили у гэгэна этого коня, пока он не отдал им его со словами: „Если будете ездить, то берегите коня и за это приносите пользу живым существам, распространяя мою веру. Если же не будете ездить, то пасите коня на хорошей, жирной траве“. Но подземные жители, шолмосы (монг., мн. ч. от шулам — „демон, ведьма“. — Д.Н.) и чүйтхүр (монг. *чөтгөр* — „черт, бес, демон“. — Д.Н.), на коне ездить-то, много ездили, а кормить-то не кормили, пользы живым существам не приносили и буддийской веры не распространяли. Житье коню было самое тяжелое и мучительное. Бурхан-гэгэн, узнав об этом, сильно разгневался и в наказание превратил подземных жителей в мулов, чтобы они за свои грехи все свое существование таскали тяжелые телеги»³⁷.

Еще один текст этиологического характера приводится далее, без указания информанта и места записи. В нем рассказывается о горе Хан, находящейся в хребте Дэлгэр-хангай и окруженной многочисленными керексурами³⁸.

«Про гору Хан существует легенда, что в те времена, когда горы Дэлгэр-хангай были князем и кочевали там, где они и сейчас находятся, гора Хан была адъютантом /х'а/ этого князя и пребывала возле Куку-хото»³⁹. Отправившись однажды для торжественного представления своему князю, она вдруг затосковала по родине и хотела повернуть назад, однако какие-то сверхъестественные силы не дали ей возможности двинуться ни назад ни вперед и она осталась на своем теперешнем месте»⁴⁰.

При описании полуразрушенного земляного вала у восточного отрога массива Цохо В.А. Казакевич приводит легенду о том, как по этому валу собирались перевозить в Пекин с запада гору Хутук-ула. Исследователь считает его отголоском легенды времен династии Тан⁴¹, повествующей о перевозе «горы счастья» из уйгурского царства в Ки-

³⁴ Монгол ардын үлгэр. С. 17.

³⁵ Там же. С. 332.

³⁶ Бурхан-гэгэн (монг. *бурхан-гэгээн*) — зд.: Будда.

³⁷ ТХ Архив. Х-7, Д-3, ХН-1в. Л. 33.

³⁸ Керексур (монг. *хэрэгсүүр*) — погребальное сооружение, представляющее собой грунтово-каменную насыпь разной высоты.

³⁹ Хух-хото (монг. *Хөх-хот*) — столица Автономного района Внутренняя Монголия КНР.

⁴⁰ ТХ Архив. Х-7, Д-3, ХН-1в. Л. 35.

⁴¹ Тан — китайская династия, правившая с 618 по 907 г.

тай⁴². К сожалению, информант, место и дата записи легенды не приведены.

Относительно следующей встреченной партией горы — Булган-хоргох — также было записано связанное с ней предание о пещере, в которой в древние времена погиб осажденный отряд воинов, оставивший после себя 70 ружей⁴³. Таким образом местные жители, вероятно, объясняли наличие на горе месторождения олова.

В конце августа 1924 г., находясь в кочевьях племени урат, В.А. Казакевич записал от мужчины-урата легенду о Хабуту-хасаре, брате Чингис-хана.

«Великий богатырь Хабуту-хасар жил в давным-давно прошедшие времена и отличался меткой стрельбой из лука. Тогда же существовала и страшная гигантская старуха Харальчь-хара-эмэгэн... Пребывая на вершине горы Муна, служившей ей седалищем, она задумала воцариться в Китае. Чтобы сокрушить столицу Пекин, она черпала огромной поварешкой воду из реки Хаток-гол /Хуан-хэ/ и заливала ею город. Взгляд у нее был недобрый, и от него люди гибли сразу, а если путешественники видели эту старуху, то путь их к цели удлинился, но зато обратная дорога домой становилась короче. Зная, что завладев Пекином, Харальчь-хара-эмэгэн погубит всё население, Хабуту-хасар решил ее убить. Предварительно он съел 100 баранов, выпил 100 алашанских чаев /бус цай/ и закусил 100-ми муравьями. Выйдя из дома, он достиг горы Муна и метким выстрелом убил чудовище. Но Харальчь-хара-эмэгэн успела перед смертью изречь следующее заклинание:

Хабўту-хасар, ері шасар	Хабуту-хасар, да прервется твое потомство
Харй хоні зў бітёгеї хўр	И не собирать тебе сто черных овец

Действительно, среди уратов сохранились лишь несколько тайджи⁴⁴, потомков Хабуту-хасара, а черные овцы вообще очень редко встречаются у монголов.

Когда-нибудь должны снова возродиться Чингис-хан, Хабуту-хасар, Харальчь-хара-эмэгэн, ее муж Йолдон-дархан, затем, где-то на севере двенадцатиголовый Атгар-хара-мингас, и тогда-то совершится соединение уратов, ордосцев, алашанев и халхасов в одно великое имя Монгол»⁴⁵.

Перед нами вновь текст этиологического характера.

⁴² ТХ Архив. X-7, Д-3, ХН-1в. Л. 50.

⁴³ Там же. Л. 51.

⁴⁴ Тайджи — низший княжеский титул у монголов во времена маньчжурского господства (1691–1911).

⁴⁵ Там же. Л. 58.

6 сентября датируется запись еще одного «предания»⁴⁶, повествующего о появлении стены в гобийской местности Йихе-хонгордже.

«В те древние времена, когда не было религии /ном үгѣи цактѣ/ жил в Халхе Батор-хара-джянджин. Один раз, на охоте, он упал с коня и произнес слова: „Бурхан“, „Далай-лама“, „Банчен-богдо“ и „Гурбан-эрдэни“, сам не понимая их смысла. Удивившись этим чудным словам, он просил своих приближенных разъяснить ему их смысл, но приближенные сами не знали его и не могли ответить. Так прошло несколько дней. Однажды является к князю молодой юноша из его свиты и вызывает объяснить таинственные слова затосковавшему владыке. Дело в том, что в то время существовал жестокий обычай убивать родителей по достижении ими преклонного возраста. Когда наступал этот срок, дети запикивали в рот родителей жирный бараний курдюк посредством бедренной кости овцы и этим душили их. Но молодой приближенный настолько любил своего отца, что тайно от всех вырыл глубокую яму, где и скрыл старика, принося ему пищу по ночам. Отец-то и объяснил ему таинственные слова, о чем молодой человек сообщил Батор-хара-джянджину. Последний, недолго думая собрался в Тибет, где ходил по всем монастырям и поклонялся всем великим ламам. В обратный путь он взял с собой одного живого бурхана /хубилгана/, Джэбзун-дамба-гэгэна⁴⁷ и одну статую Будды, для распространения религии в Халхе. Несмотря на величину бурхана в человеческий рост, Батор-хара-джянджин нес его на своих руках, однако, еще в Тибете, сильно устав, он остановился отдохнуть и поставил бурхана на землю. Когда, после отдыха он стал собираться в дальнейший путь, то никак не мог оторвать приросшего к земле бурхана. Рассердившись, князь выхватил саблю и разрубил его в поясной части пополам, причем верхний кусок вдруг сделался золотым, а нижний серебряным. Золотой верх, с грудью и головой, Батор-хара-джянджин привез в Ургу⁴⁸, где она имеется в монастыре Дзун-хуре /храм Шара-хуре/, а серебряная осталась в Тибете. Предварительно же, перед поездкой в Тибет, князь выстроил Юншобу-хэрим⁴⁹, в котором собрал и хранил нужную в пути воду»⁵⁰.

Еще один этиологический рассказ, повествующий о возникновении названия местности в Гоби, также был записан В.А. Казакевичем в сентябре 1924 г. от неизвестного информанта и приведен в отчете на русском языке:

⁴⁶ Там же. Л. 63.

⁴⁷ Джебцун-дамба-гэгэн (монг. *Жавцан-дамба-гэгээн*) — один из титулов главы ламаистской церкви Монголии.

⁴⁸ Урга (монг. *Өргөө*) — до 1924 г. название столицы Монголии.

⁴⁹ Рассматриваемая стена в местности Йихе-хонгордже.

⁵⁰ ТХ Архив. X-7, Д-3, ХН-1в. Л. 63–64.

«Согласно предания, горы Ноин-богдо в древние времена назывались Догшин-хара и в них водился зверь шордн⁵¹ (монг. *шороо(н)* — «земля, грязь, пыль». — Д.Н.) или харă-хорхдї (монг. *хар хорхой* — «черный червь». — Д.Н.), с виду похожий на волка или лисицу. Он беспощадно уничтожал скот и людей и вероятно был воплощением горного духа этих мест. Однажды великий князь Буви-батор, ехавший в Тибет за перерождением Богдо-гэгэна, остановился здесь и услышал о страшной напасти. Возбравшись на священное обо Докшин-хора, он принес в жертву духу одного из своих воинов, после чего гора смирилась и все несчастья прекратились. В честь Буви-батара ее переименовали в Ноин-богдо, а шорон хоть там и водится, но вреда не причиняет»⁵².

Другой этиологический рассказ, посвященный возникновению названия, приведен путешественником при описании гор Тосту-ясту:

«Существует легенда, что в давным-давно прошедшие времена здесь жила громадная змея аборһа моһдї (монг. *аварга могой* — «гигантская змея». — Д.Н.), глотавшая сразу целого верблюда. Все окрестные живые существа страшно от нее страдали, но как всегда бывает и на нее пришел конец. Когда змея стала разлагаться, жир начал стекать вниз, образуя склоны горного хребта, а спинные позвонки и ребра остались в виде вершин. Таким образом создались горы Тосту-ясту /жирно-костлявые/»⁵³.

Помимо целых нарративов В.А. Казакевич приводит описания различных мифологических персонажей, как, например, хун-хорхдї («человек-червь»):

«Его описывают как крошечного человечка величиной в поларшина, живущего в песках. По ночам хун-хорхой прокрадывается к овцам и сосет их. Если его тронуть, то он начинает мстить, насылая порчу на стада. Как местопребывание его мне указывали Шильбасийн-гол в южной части хошуна Гурбан-сайхан-ула. Другие говорят, что он встречается в северном Тибете и ростом лишь немногим ниже человека, оброс шерстью, любит очень человеческих женщин, которых часто хватает и уносит к себе в нору»⁵⁴.

Кроме прозаических текстов В.А. Казакевич записывал и небольшие стихотворные произведения. Так, от нанятого им в сентябре 1924 г. охотника по имени Самбо родом из хошуна Дэлгэр-хангай-ула, который до этого воевал в партизанских отрядах, был записан следую-

⁵¹ Подчеркивание монгольских названий здесь и далее выполнено В.А. Казакевичем.

⁵² ТХ Архив. Х-7, Д-3, ХН-1в. Л. 67.

⁵³ Там же. Л. 74.

⁵⁴ Там же. Л. 68.

щий текст (путешественник охарактеризовал его как человека, умевшего слагать стихи):

«Манāї ецїг ḡlūt
Манāї ец урāнхā
Халхā торһут хājārīн захад
Хаїрін үмүхēї худук ман»⁵⁵,
что переведено автором отчета как:
«Мой отец олет,
Моя мать урянхайка,
На границе Халхи и Торгутов —
Мой любимый вонючий колодец»⁵⁶.

Таким образом, в отличие от большинства случаев фиксации В.А. Казакевичем прозаических текстов данный образец устного народного творчества может быть проанализирован с разных сторон. Он записан на языке оригинала, нам известно время и место записи, а также мы имеем сведения об информанте (охотник проживал у колодца).

При описании поездки на Золотой Караул в Гоби путешественник приводит связанную с ним пословицу:

«Харүлнē захгї
Харһāнē цецёк адалі»⁵⁷
и дает ее перевод:
«Караульный староста
Похож на цветок карганы»⁵⁸.

В.А. Казакевич так объяснял смысл пословицы: цветок карганы⁵⁹ цветет весной непродолжительное время, точно так же и караульный староста единственный раз в год, осенью, при ревизии надевал шапку с шариком⁶⁰.

Фиксировал исследователь и устойчивые выражения, например: «һазār үндүс үгēї» — «земля, лишенная корней»⁶¹. Данное выражение, по его утверждению, использовалось для описания безводной гобийской степи⁶².

⁵⁵ Там же. Л. 68.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Л. 77.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Карагана (лат. *Caragana*) — род листопадных кустарников или небольших деревьев семейства бобовых (*Fabaceae*).

⁶⁰ ТХ Архив. X-7, Д-3, ХН-1в. Л. 77. Шапка с шариком (монг. *жинстэй малгай*) — головной убор чиновников во времена маньчжурского господства.

⁶¹ Там же. Л. 93.

⁶² Там же.

Всего путешественником в его отчете приведено 15 текстов фольклорных произведений и одно описание мифологического персонажа. Из них 13 текстов — прозаические нарративы, записанные на русском языке, и два текста малых поэтических жанров, записанные на монгольском языке в академической транскрипции.

Среди приведенных в отчете прозаических текстов наибольший интерес для фольклористов представляют мифологический рассказ и три этиологических рассказа, у которых известен информант, место, время и условия записи. Три этиологических рассказа, четыре предания, одна легенда, одно объяснение названия и одно описание мифологического персонажа могут быть использованы в дальнейших исследованиях лишь как вспомогательный материал. Из текста отчета не ясно ни время, ни место их записи, не приведены данные и об их исполнителях. Не всегда представляется возможным определить, какие элементы этих текстов записаны непосредственно от информантов, а какие добавлены самим В.А. Казакевичем. Тем не менее они в значительной мере расширяют наше представление о тематике малых жанров фольклорного эпоса монголов, косвенно указывая на возможное существование значительного количества локальных этиологических и мифологических нарративов, связанных с особенностями конкретной местности или историей населяющей ее этнической группы.

Использование данного источника важно с точки зрения реконструкции фольклора как коммуникативного процесса, протекавшего внутри населения юга Монголии. При привлечении его к всестороннему анализу необходимо учитывать данные и из других собранных В.А. Казакевичем материалов, а именно его путевых дневников и переписки. Также особое значение имеют фото- и аудиоматериалы. Если на основании содержащейся в них информации не удастся восстановить условия и риторическую ситуацию исполнения каждого конкретного произведения, тогда приведенные путешественником тексты могут быть использованы как вспомогательный материал для исследования истории устного народного творчества монголов.

В ходе данной реконструкции необходимо использовать методику эditorиальной критики, которая предполагает анализ текстов с точки зрения персоналий собирателей и их научного окружения, а также учитывать то, что исполнитель находился в нетрадиционной для себя ситуации.

Библиография

- Амстердамская Л.А.* Восточно-халхаские народные сказки. М.–Л., 1940.
Amsterdamskaya L.A. Vostochno-khalkhaskiye narodnye skazki. M.–L., 1940.
Беннингсен А.П. Легенды и сказки Центральной Азии. СПб., 1912.
Bennigsen A.P. Legendy i skazki Tsentralnoy Azii. SPb., 1912.

- Владимирцов Б.Я.* Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Л., 1926.
Vladimirtsov B.Ya. Obraztsy mongolskoy narodnoy slovesnosti (S.-Z. Mongoliya). L., 1926.
- Ефимова Е.С.* Поэтика страшного: мифологические истоки. М., 1997.
Yefimova Ye.S. Poetika strasnogo: mifologicheskiye istoki. M., 1997.
- Иориси И.И.* Монголоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
Ioris I.I. Mongolovedeniye // Aziatskiy muzey — Leningradskoe otdeleniye Instituta vostokovedeniya AN SSSR. M., 1972.
- История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007.
Istoriya Mongolii. XX vek. M., 2007.
- Казакевич В.А.* Современная монгольская топонимика. Л., 1934.
Kazakevitch V.A. Sovremennaya mongolskaya toponimika. L., 1934.
- Кузьмин Ю.В.* Отчеты научных экспедиций В.А. Казакевича в Монголии из Рукописного фонда Института истории АН Монголии // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора. Тезисы докладов. СПб., 2013.
Kuzmin Yu.V. Otchety nauchnykh ekspeditsiy V.A. Kazakevitcha v Mongolii iz Rukopisnogo fonda Instituta istorii AN Mongolii // Kulturnoye naslediyе mongolov: rukopisnye i arhivnye sobraniya Sankt-Peterburga i Ulan-Batora. Tezisy dokladov. SPb., 2013.
- Образцы народной словесности монголов. Т. 3, собрал *Поппе Н.Н.* Л., 1932.
Obraztsy narodnoy slovesnosti mongolov. T. 3, sobral *Poppe N.N.* L., 1932.
- Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2. СПб., 1881.
Potinin G.N. Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii. Vyp. 2. SPb., 1881.
- Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4 (Материалы этнографические). СПб., 1883.
Potinin G.N. Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii. Vyp. 4 (Materialy etnograficheskiye). SPb., 1883.
- Потанин Г.Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия (Путешествие 1884–1886). Т. 2. СПб., 1893.
Potinin G.N. Tangutsko-Tibetskaya okraina Kitaya i Tsentralnaya Mongoliya (Puteshestviye 1884–1886). T. 2. SPb., 1893.
- Пропп В.Я.* Жанровый состав русского фольклора // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.
Propp V.Ya. Zhanrovyy sostav russkogo folklora // Folklor i deystvitel'nost. Izbrannyye statyi. M., 1976.
- Санжеев Г.Д.* Дархатский говор и фольклор. Л., 1931.
Sanzheyev G.D. Darhatskiy govor i folklor. L., 1931.
- Монгол ардын үлгэр (Д. Цэрэнсодном эмхтгэв). Улаанбаатар, 1982.
Mongol ardyn ulger (D. Tserensodnom emhtgev). Ulaanbaatar, 1982.
- Шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэнгийн түүхэн баримтын бүртгэл. I боть. Улаанбаатар, 2010.
Shinzhleh uhaany akademiyn tuuhiyn hureelengiyn tuuhen barimtyin burtgel. I bot. Ulaanbaatar, 2010.
- Gay David E.* Inventing the Text: A Critique of Folklore Editing // Folklore. Tartu, 2000. Vol. 14.

Julg B. Die märchen des Shiddhi-kur. Lpz., 1866.

Mostaert A. Textes oraux ordos. Peking, 1937.

Ramstedt G.J. Nordmongolische Volksdichtung. Helsinki, 1973.

Dmitrii A. Nocov

**FOLKLORE TEXTS IN
V.A. KAZAKEVITCH'S UNPUBLISHED REPORT
ON HIS RESEARCH TRIP TO GOBI DESERT IN 1924**

S u m m a r y: The article deals with the committing to writing of different folk-texts that were added by V.A. Kasakevitch into the report on his trip to Gobi desert in 1924. These texts give us more profound understanding of the nature of the folklore genre in southern regions of Mongolia in the beginning of the 20th century.

K e y w o r d s: folklore, Mongolia, unpublished folktexts.

Е.Д. Огнева

**БУДДИЙСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В ТИБЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ
НА ЮГЕ УКРАИНЫ
(ИСТОРИЯ СОБРАНИЙ В МУЗЕЯХ ОДЕССЫ)**

В Украине систематическое изучение собраний сакрального изобразительного искусства в традиции северного буддизма, и в частности в тибетской традиции, начинается только с конца XX в. Статья посвящена истории формирования таких собраний в составе одесских музеев.

Ключевые слова: музей, буддизм, Будда Шакьямуни, Одесса, танка.

Истоки музейного дела в Украине связаны с Югом, в частности с городами Николаев, Керчь, Одесса. Именно там в конце XVIII — начале XIX в. возникли первые музеи на основе обнаруженных археологических материалов. Но предположение о возможности появления памятников буддийского изобразительного искусства в южных музейных собраниях в результате раскопок оказалось пока несостоятельным. Несмотря на активную археологическую деятельность в этом регионе, ни один подобный памятник еще не найден. Единственный предмет, обнаруженный в слое XVIII в., — это штампованное глиняное изображение (цацха) будды Амитаюса. Но его нашли не на юге Украины, а в центре, на территории Фастовского района Киевской области¹.

Изучение предметов сакрального изобразительного искусства в тибетской традиции из собраний украинских музеев начинается только с конца XX в., когда в результате разысканий удалось установить, что в составе собраний музеев нескольких городов Украины (Киев, Львов, Одесса, Харьков, Днепропетровск, Сумы, Луганск, возможно и дру-

¹ См.: *Огнева О.Д.* Матеріальні свідчення про перебування калмиків в Україні // Науково-інформаційний бюлетень. Пресс-музей. № 20–21. Фастівський державний краєзнавчий музей. Фастів, 2004. С. 74–84.

гие²) находятся подобные материалы. Появление таких коллекций на территории Украины на рубеже XIX–XX вв. связано с частным собирательством (как это было, к примеру, с собранием Б.И. Ханенко в Киеве³). Иной источник их появления в это же время — дары Церковно-археологическому музею (ЦАМ, основан в 1872 г.) при Киевской Духовной Академии (КДА) священников, проходивших пастырское служение на территории проживания народов, исповедовавших буддизм (Мелетий — епископ Селенгинский, Модест Волынский — ректор иркутской семинарии), или же чиновников (Капитон Костенков — попечитель калмыцкого народа). Что касается фондов упомянутых выше ныне действующих государственных музеев, то там такие собрания стали появляться после национализации коллекций частных музеев, музеев при высших учебных заведениях, путем перемещения предметов из музея в музей (распространенная в советское время практика). Материалы поступали в результате закупок (но не систематических, а случайных), передачи из других учреждений (таможня, отделы народного образования), а также даров частных лиц.

В одесских музеях тибетские предметы, скорее всего, могли появиться в начале XX столетия. В июне 1901 г. Агван Доржиев (1854–1937), наставник Далай-ламы XIII (1876–1933) и полномочный представитель его правительства, следовал из Парижа в Санкт-Петербург через Одессу и в знак признательности за гостеприимство преподнес дары городу⁴. Но отыскать их пока не удалось ни в одном из ныне действующих музеев Одессы. Тем не менее изобразительное искусство в традиции северного буддизма, в частности в его тибетской интерпретации, представлено в трех музеях Одессы. Это Одесский музей западного и восточного искусства (ОМЗВИ, основан в 1923 г.), Муниципальный музей личных коллекций им. А.В. Блещунова (ММЛКБ, 1988) и Дом-музей Н.К. Рериха в Одессе (ДМРО, 2000). У каждого из музеев своя история формирования собрания.

Собрание Музея западного и восточного искусства по объему практически сопоставимо с собранием Музея искусств им. Богдана и Варвары Ханенко (Киев) и составляет около 180 единиц хранения, судя по электронному изданию, где представлены только лицевые изображе-

² См.: *Ohnieva O.* Sacral Art Tradition of the Northern Buddhism in Ukraine // *Journal of Russian Studies*. 2008 (June). No. 8. P. 135–171.

³ См.: *Біленко Г.І., Рудик Г.Б.* Музей мистецтв імені Богдана та Варвари Ханенків. Східна колекція. Київ, 2005.

⁴ *Кульганек И.В.* Утраченные дары тибетского посольства: о проезде тибетского посольства через Одессу в Санкт-Петербург в июне 1901 г. // *Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXII годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники* (5–6, 8–9 ноября 2001 г.) / *Колчинский Э.И.* (отв. ред.). (СПб., 2001.) Вып. XVII. С. 196–198.

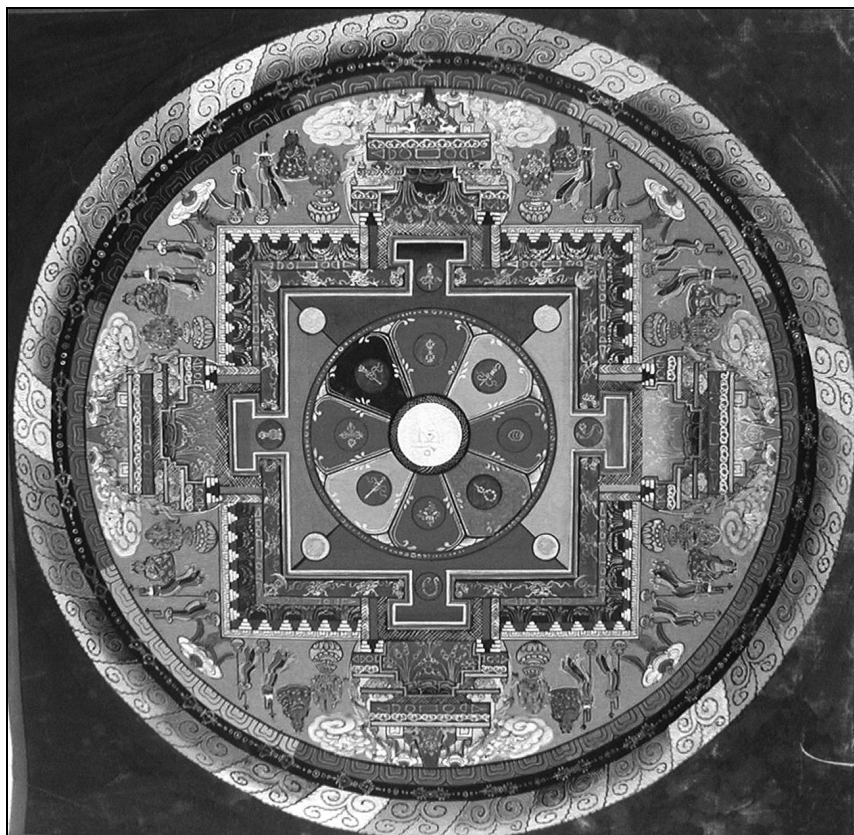
ния живописи и скульптуры, без какого-либо текста, отождествлений, атрибуций и инвентарных номеров⁵. Согласно инвентарным книгам, начало поступлений в музей приходится на 30-е годы и продолжается до 80-х годов XX в. включительно. Особенно активно формировался фонд начиная со второй половины 40-х годов. В 1946 г. поступила сакральная живопись из Одесского отдела Наробраза. В том же году, а потом и в 1950-м состоялись передачи буддийской скульптуры из Музея народов Востока (Москва). По номерам и биркам поступления определялись как конфискат московской таможни 1914 г., что указывает на московскую таможню как на предыдущий источник появления коллекции в Москве. В последующие годы никаких пополнений такого рода обнаружить не удалось.

В Одесском музее западного и восточного искусства представлена чрезвычайно интересная по содержанию коллекция *танка*. Некоторые *танка* имеют подписи, воспроизведенные в тибетской и монгольской графике и китайской иероглифике. В собрании имеются *танка* с иконографическими сюжетами, благодаря чему формируется представление о составе пантеона, поскольку фигурируют персонажи почти всех его разрядов (учители, будды, бодхисаттвы, идамы, исторические персонажи, дхармапалы [«защитники учения»], местные боги, божества). В их числе «Будда Шакьямуни», «Сиддха Канхапа», «Лобсан-танпе-донме», Джебцун Дампа-хутухта II (1724–1757) — глава монгольской буддийской церкви; «Будда Вайрочана»; «Идам Дорджежикджед со свитой», или «Иштадевата Ваджрабхайрава со свитой» — покровитель школы гелук; «Тара Белая» (Тара — санскр. «спасательница»), «Тара Зеленая»; «Ситатапатра», или «Тара Белозонтичная»; чойкьонги (санскр. дхармапалы): «Намтойре», или «Вайшравана», — податель богатства; «Яма и Ями», «Бекцзе со свитой», другие персонажи. На *танка* с образом Лобсан-танпе-донме присутствует явное сходство с оригиналом, в отличие от его изображений в бурятской и монгольской традициях⁶.

Представлены и многофигурные композиции: «Деважин» (санскр. «Сукхавати») — Чистая земля будды Амитабхи, где рождаются праведники, не оскверненные грязью чрева; «Амитаюс — податель долголетия и его восемь спутников»; «Восемь будд целителей», почитание которых должно приносить доброе здоровье; другие иконографические циклы, объединяющие персонажей пантеона, преимущественно из какого-

⁵ Электронная коллекция экспонатов. Одесский музей западного и восточного искусства. On-Line: www.oweamuseum.odessa.ua. Тибет 2.

⁶ См.: *Tsultem Niamosorgym*. Development of the Mongolian National Style Painting “Mongol Zurag” in Brief. Ulan Bator: State Publishing House, 1986. Pl. 113; *Бадмажанов Ц.-Б.* Иконография Ваджраяны. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2003. С. 82–83. Илл. 62–63.

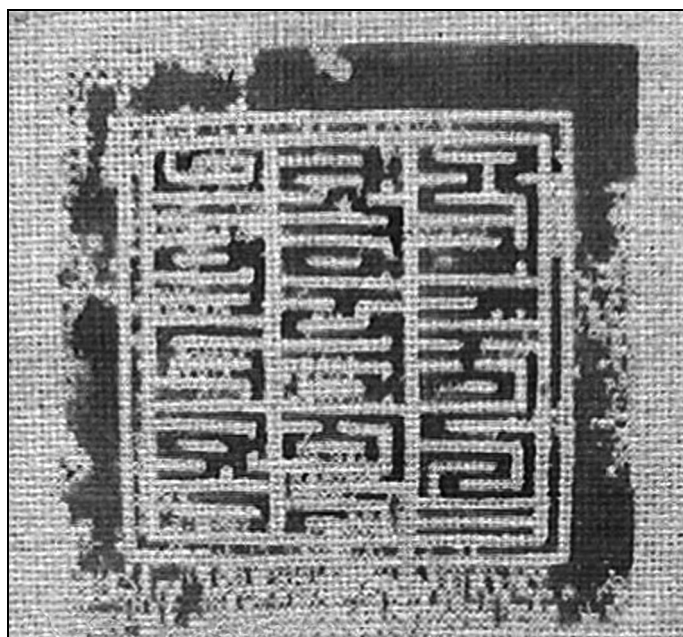

Илл. 1.

«Ваджрамала». Мандала. Танка. Монголия. 1-я треть XX в.

либо конкретного сакрального текста, служившего основой при создании изображения. На некоторых таких многофигурных композициях имеются подписи (в старомонгольской графике): «Три божества долголетия» (монг. *čelkanamsu*); «Земля Амиабхи» (монг.-тиб. *abida-yin singkod*); «Поле собрания учителей» (тиб.-монг. *blama-yin čohsin*) (чтение А.Д. Цендиной). На оборотной стороне танка «Будда Шакьямуни» размещены мантры «ОМ ĀṆ HŪM SVĀHĀ» (в тибетской зеркальной графике) как знак освящения.

Как уже упоминалось выше, в 1946 г. собрание дополнила сакральная живопись (15 единиц хранения), обозначенная в инвентарных книгах как «монголь[ская] религ[иозная] живопись орнамент: животные, птицы, предм[еты] культа». Так описана *килхор*, или *мандала* (санскр. *mandala*, тиб. *dkyil-'khor* — «круг, колесо, пространство»), представляю-

Илл. 2.

Печать на оборотной стороне танка с изображением мандалы.
Монголия. 1-я треть XIX в.

щая собой многокомпонентное изображение, которое пространственно локализует иконографические циклы персонажей пантеона. На оборотной стороне этих *танка* с изображениями *килхор* присутствуют надписи и повторяется одна и та же печать. Надписи (как в полной тибетской графике, так и в скорописи) указывают на текст «Ваджрные чётки» (тиб. «Дортренг», санскр. «Ваджрамала», «Ваджравали») (илл. 1). Согласно надписям удалось установить, что 15 *танка* — это неполный комплект изображений мандал, входящих в литургийный компендиум «Ваджрные чётки» из 45 мандал, который считается своеобразным путеводителем по предварительным обрядам, предшествующим введению монаха в систему мандал. Его автор — Абхаякарагупта (?–1125), знаменитый учитель университетов Викрамашила и Одантапури. Печать же, как оказалось, является личной печатью и читается таким образом: «Печать Илагуксана (монг. Илагуксан'а) номун хана правителя» (илл. 2). Скорее всего, музейные *танка* исполнялись как частный заказ. Имя Илагуксана номун хана определяет нижний порог создания изображений, поскольку упоминается в колофоне ксилографического издания «Ваджрных чёток» («Дортренг»), увидевших свет в 1810 г., со-

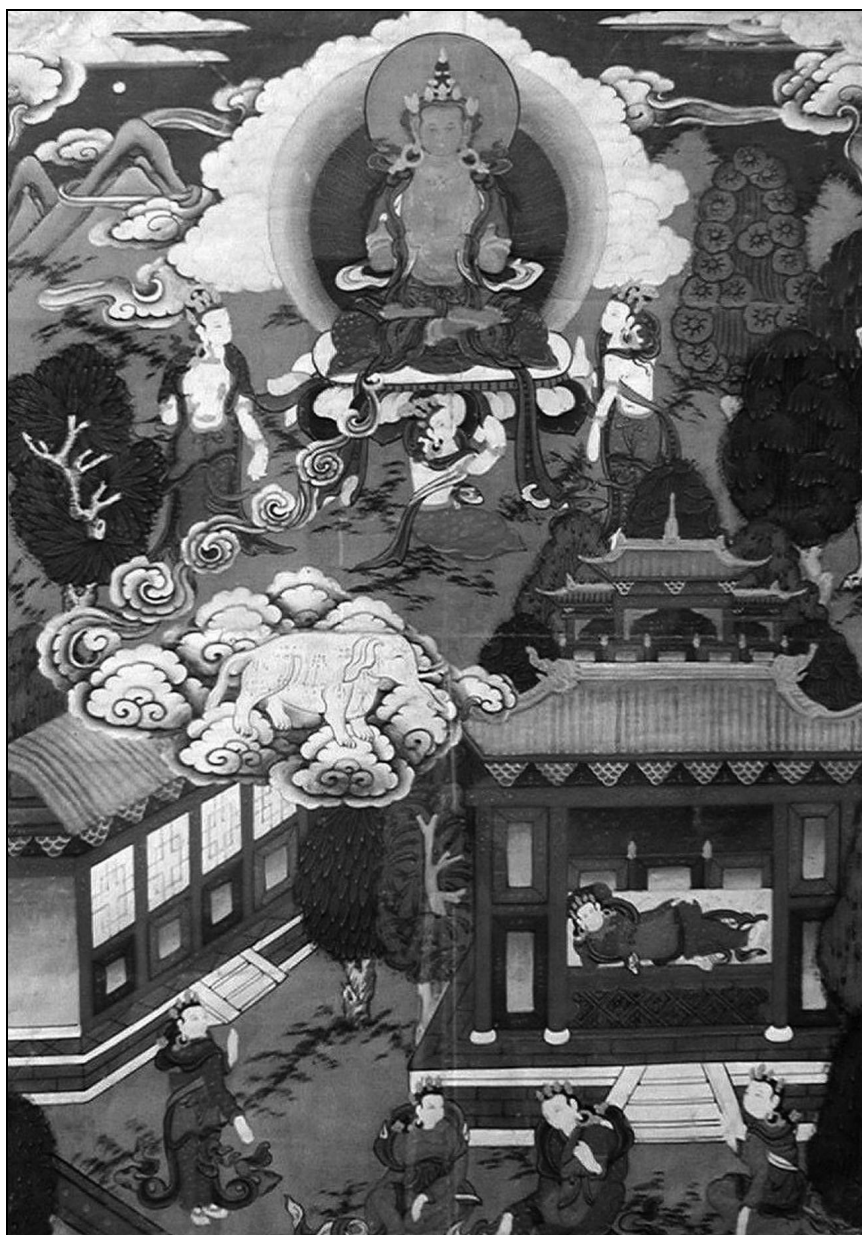
ответственно, раньше данные изображения не могли появиться⁷. По формальным признакам (одинаковый размер, характер изображений, цветовая гамма, почерк надписей, печать) похоже, что мандалы происходят из одного источника, видимо, из Внутренней Монголии (теперь КНР).

На двух *танка* представлены сюжеты «Двенадцати деяний Будды Шакьямуни». На одной из них воспроизведены три первых деяния («Существование Бодхисаттвы в форме Шветакету», «Нисхождение Бодхисаттвы Шветакету в мир людей», «Вхождение в лоно») (илл. 3), а на другой — пятое, шестое и седьмое деяния («Состязания в физической ловкости», «Житие Бодхисаттвы в окружении благородных женщин», «Уход Бодхисаттвы из дома». В нижнем (справа от Бодхисаттвы) углу *танка* изображен учитель в шапке, какие во времена Цинской империи носили пекинские первосвященники, назначенные на должность чжанчжа-хутухты (тиб.-монг.) при императорском дворе. Возможно, это изображение Ролби-дордже (1717–1786), чжанчжа-хутухты II — автора произведений по буддийскому искусству и иконографии, одно из которых могло послужить основой для создания *танка*, представленных в музее. На обороте данной *танка* размещены четыре знака, похожие на китайские иероглифы, три из них можно прочесть как «си тянь (?) эр» («западная небо ? вторая»), что указывает на позицию *танка* — «вторая» в полиптихе «Двенадцать деяний Будды Шакьямуни», а в соединении с атрибутом — шапкой на голове персонажа — на место создания: Пекин.

Собрание сакральной пластики музея вызывает чрезвычайный интерес из-за разнообразия представленных мастерских и школ, иконографических традиций. В экспозиции находится чудесной работы скульптурный образ Будды Шакьямуни, известный как «Чандана джово» (*tsandana jo-bo*), или «Чанданарпрабху», или же «Сандаловый владыка» (илл. 4). Данное изображение является изводом первообраза, который общеподданныйская традиция и возводит к прижизненным изображениям Учителя⁸. Статуэтка «Маравиджая», или «Победитель Мары», изображает

⁷ См.: Огнева Елена. Зібрання кїлхор, або мандали в зібранні Одеського музею західного і східного мистецтва // Хортицький семінар: Сакральна географія і феномен паломництва: вітчизняний і світовий контекст / Науковий редактор і упорядник Ю.Ю. Завгородній. Запоріжжя: Дике Поле, 2012. С. 228–237; Огнева Елена. Коллекция килхор в собрании Одесского музея западного и восточного искусства (Украина) // Материалы Международной научно-практической конференции: Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры. Одесса: Астропринт, 2011.

⁸ См.: Огнева Е.Д. Является ли скульптура Коронованного Будды из Одесского музея воспроизведением прижизненного образа Будды Шакьямуни? // Огнева Е.Д. Боги снежных гор. Музеи Украины: сакральное искусство в традиции тибетского буддизма. Сб. науч. статей. Одесса: Астропринт, 2008. С. 68–89.

Илл. 3.
 «Нисхождение Бодхисаттвы Шветакету в мир людей»,
 три первых из «Двенадцати деяний бодхисаттвы».
 Намтар. Танка. Внутренняя Монголия. XIX в.

Илл. 4.
Будда Шакьямуни. Скульптура. XIX в.

индийского царевича, который, став Буддой, т.е. Пробужденным или Просветленным, призывает «жестом свидетельствования» (касаясь земли рукой) богиню Земли подтвердить его победу над Марой, воплощением Зла. Утонченная ажурная статуэтка Хеваджры, многоликого и многорукого персонажа, покровителя тибетской буддийской школы сакья, имеет аналогом скульптуру из музея Ханенко⁹, вероятно, оба изображения происходят из одной мастерской Центрального Тибета. В собрании представлены также скульптуры из Долоннора и других мастерских.

Муниципальный музей личных коллекций им. А.В. Блещунова, где тоже есть предметы буддийского искусства, создан на основе собрания Александра Владимировича Блещунова (1914–1991), ученого и путешественника, известного организатора науки, основателя первой одесской секции альпинизма (1936) и первого в СССР муниципального музея личных коллекций (1989). Музей разместился в его бывшей квартире. Как полагают сотрудники, музей «сохраняет в себе отличительные черты „домашней коллекции“ и выделяется своей особой, неповторимой атмосферой камерности и уюта»¹⁰.

Коллекция появилась в собрании после пребывания А.В. Блещунова в монгольских степях в составе Монгольской сельскохозяйственной экспедиции Академии наук СССР¹¹, которая работала в Монголии с 1947 по 1951 г. Потому эта коллекция локализована по стране (Монголия), имеет точный верхний предел: 1951 г. — время работы Блещунова в составе экспедиции, согласно сведениям сотрудников музея. Они же сообщили, что предметы были переданы археологами А.В. Блещунову еще в Монголии, причем их значительная часть уже была повреждена. К сожалению, эти сведения не совсем точные, поскольку деятельность историко-этнографической экспедиции Института материальной культуры, в составе которой были археологи, на территории Монголии завершилась в 1949 г. Пересечение двух экспедиций было возможным только в том случае, если работа А.В. Блещунова в экспедиции началась ранее указанной даты. Что же касается самой коллекции, то Блещунову фактически подарили то, что не имело ценности — поврежденные предметы.

Металлическая культовая пластика представлена изображением Майтреи, будды грядущего. Он сидит, спустив ноги, готовясь идти в

⁹ См.: Біленко Г.І., Рудик Г.Б. Музей мистецтв імені Богдана та Варвари Ханенків. Східна колекція. С. 17.

¹⁰ Муниципальный музей личных коллекций им. А.В. Блещунова. Одесса: Talisman. 2003. С. 2.

¹¹ Архив музея: Справка от 22.06.1951 о том, что собранные материалы Монгольской сельскохозяйственной экспедиции Академии наук СССР сданы в Архив.

миры сансары; руки в жесте поворота колеса дхармы. Ко времени его прихода век человека будет составлять 84 000 лет, а весь мир объединит под своей властью один справедливый царь-буддист. В группу круглой скульптуры входят также: «Ушнишавиджая» («Освободительница, чья ушниша абсолютно победоносна») — символизирует просветленную мысль будды; «Лхамо» — главное гневное женское божество в разряде «защитников учения»; «Цонкапа Лобсан-дакпа» — основатель школы гелук; тантрический персонаж, чье имя установить не удалось. Основные утраты в группе скульптуры: отсутствие вложений (разнообразные предметы, которые вкладываются в пустотелую пластику в знак ее освящения) и атрибутов.

Следует отметить еще один экспонат (к сожалению, также поврежденный). Это так называемая «парма» (тиб. *par-ma*) — матрица, деревянное клише. На лицевой стороне матрицы вырезано зеркальное изображение «Авалокитешвары Экадашамукхи», или одиннадцатиликого и восьмирукого Ченрези, бодхисаттвы Милосердия — покровителя и защитника Тибета.

Самую большую часть коллекции составляют цацха, которые предназначались для ношения в качестве оберега либо для размещения на домашнем алтаре, или на субурганах (ступе, чортене), или памятных сооружениях. Цацха представляют персонажей всех разрядов пантеона. Среди учителей присутствуют изображения Будды Шакьямуни (руки в жесте высшего пробуждения, или уттарабодхи); Падмасамбхавы (VIII в.), буддийского проповедника и основателя школы ньингма — первой в истории тибетского буддизма; Цонкапы Лобсан-дакпы (1357–1419), основателя школы гэлук; Ролби-дордже, чжанчжа-хутухты II. Разряд бодхисаттв представляют «Ваджрапани» (санскр. букв. «рука, держащая ваджру») — бодхисаттва Мужества, «Тара Белая» — подательница здоровья и защитница женщин, «Тара Зеленая» — защитница от восьми бед и покровительница путников, «Ваджравидарана» — ипостась бодхисаттвы Ваджрапани, другие персонажи. Одни из них ярко раскрашены, другие покрыты однотонной бронзовой краской.

Представлены также два изображения зонта и колеса, выполненные в технике аппликации, которые вместе с парой золотых рыбок, вазой для драгоценностей, лотосом, белой раковиной (закручивается вправо, узлом бесконечности) и штандартом победы образуют «восемь эмблем счастья» (тиб. *bkra-shis rtags brgyad*, санскр. *aṣṭamaṅgala*). Они символизируют подношения богам Будде Шакьямуни сразу же после того, как он достиг просветления: Брахма поднес золотое колесо с тысячью спиц, чтобы Будда повернул колесо проповеди; Индра подарил белую раковину, что закручивается вправо, как символ провозглашения Дхармы; Стхавара (Притхиви) — богиня земли, которая подтвердила, что

царевич Сиддхартха стал Пробужденным, Просветленным, пожертвовала золотую вазу, наполненную нектаром бессмертия. В коллекции присутствуют и мемориальные предметы. Согласно музейной легенде (устное сообщение музейных сотрудников с отсылкой на А.В. Блещунова), три ритуальные подвески (из ткани) украшали трон Джебцундампы VIII (1871–1924), духовного иерарха монгольского народа и первого правителя независимой Монголии в начале XX столетия.

В числе монгольских музейных экспонатов обязательно следует отметить настольные игры степняков, так называемые «шатар» и «хорло». «Шатар» (монг.), чья этимология восходит к шатаранг (перс.), или чатуранга (санскр.), или же сатарам (на языке апабхрانشа) — это монгольские шахматы (в музее представлен неполный набор), их можно было найти практически в каждой юрте. «Хорло» (к сожалению, также неполный комплект) — традиционная монгольская игра, разновидность домино. Музейный комплект состоит из 16 прямоугольных дощечек, или костяшек. На каждой из них на темном фоне, границы которого обозначены красной рамкой, воспроизведены изображения животных двенадцатилетнего цикла (заяц, тигр, корова, мышь, свинья, птица, собака, обезьяна, овца, лошадь, змея, дракон) и знаки «восьми эмблем счастья» (лотос — символ чистоты, ваза с напитком бессмертия, зонтик — защита от злых помыслов, раковина, закрученная вправо; штандарт — символ победы и горы Сумеру; матсыя (рыбки) — символ единства, счастья, шриватса (узел счастья) — символ бесконечности, дхармачакра — колесо учения)¹².

В годы после создания Музея собрание пополнялось дарами одеситов-путешественников, что дало возможность развернуть в экспозиции раздел «Буддийский Восток», где представлены экспонаты, не имеющие аналогов в других музеях Украины, и не только настольные игры «шатар» и «хорло», а в частности, и тибетская рукопись (КП-9736/н-651) (илл. 5). Это «Рабсал» — литургийный сборник одного из монастырей Мустанга¹³. Он является единственным экземпляром в Украине и представляет рукописную книжную традицию средневеково-

¹² Огнева Елена. Настольные игры монголов (собрание Муниципального музея личных коллекций им. А.В. Блещунова) // Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры: Материалы научно-практической конференции 2010 г. Одесса: Астропринт, 2011. Вып. 9. С. 125–135; Огнева Елена. Монгольский світ в Україні // Східний світ. 2011. № 3. С. 127–135.

¹³ См.: Огнева Елена. Ваджраччхедика: тибетомовні примірники в установах та приватних колекціях України // Східний світ. 2009. № 2. С. 20–28; Огнева Елена. Литургийный сборник одного из монастырей страны Ло. Одесский музей личных коллекций им. А.В. Блещунова // Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры: Материалы научно-практической конференции 2009 г. Одесса: Астропринт, 2011. Вып. 8. С. 387–400.

Илл. 5.
«Рабсал». Рукопись. Западный Тибет. Не ранее XVII в.

го Западного Тибета. Книгу подарил музею Виталий Оплачко, одесский путешественник, предприниматель и бизнесмен.

Дом-музей Н.К. Рериха — самый молодой из одесских музеев, где имеются буддийские материалы. Собрание разнородное и невелико по объему (более 80 единиц хранения, без учета фотоматериалов В. Оплачко). Предметы буддийского происхождения появлялись благодаря дарам почитателей семьи Рерихов. В их числе Б.П. Коваленко, член-корреспондент Санкт-Петербургского отделения РГО, а также одесситы А. Кройц, В. Криштопенко, В. Парфененко — художники и коллекционеры; В. Оплачко, предприниматель и путешественник; сотрудники музея и среди них К. Гилевич, А. Богацкий, В. Рошак, Т. Белецкая, Н. Шепеленко; одесситы-почитатели наследия семьи Рерихов. В последние годы коллекция пополнялась в результате закупок и благодаря активности Е.Г. Петренко, директора Дома-музея Н.К. Рериха. В состав коллекции вошли дары Тензин-келсанга, монаха школы гэлук, который экспонировал в музее во время «Тура Майтреи» (2008) в рамках Проекта будды Майтреи (возведение статуи на месте паринирваны Будды Шакьямуни) реликвии, предназначенные для статуи будды грядущего — Майтреи.

Присутствие в музейном собрании предметов сакрального искусства связано с духовными и профессиональными интересами семьи Рерихов. Николай Рерих, напомним, участвовал в оформлении интерьеров

буддийского храма в Петербурге¹⁴. Елене Рерих ее учителя подарили две *танка*: «Манджугхоша», бодхисаттва Мудрости, и «Ситатапатра», или «Тара Белозонтичная»¹⁵. Семье принадлежали и другие *танка* бурятского, монгольского и тибетского происхождения: «Це лха сум», или «Три божества» — Амитаюс, Тара Белая, Ушнишавиджая, покровители здоровья, податели долгой жизни; их призывают в ритуале долгой жизни; «Ябре», или «Отец с сыновьями» (Цонкапа Лобсан-дакпа и два его духовных сына — два ученика); «Ченрези», или бодхисаттва Милосердия (одиннадцатиликий и восьмирукий). Вот почему комплектование этого музейного буддийского собрания предполагает, помимо всего другого, собирание таких предметов изобразительного искусства, которые должны отражать семейные предпочтения.

Благодаря Б.П. Коваленко в музее появляются фрагменты тибетских книг. Это два листа, которые представляют разные направления книжного рукописного наследия в тибетской традиции: обычный (КДФ-2) и парадный (КДФ-1), но бурятского происхождения. Возможно, в память о занятиях Юрия Рериха тибетским искусством Б. Коваленко подарил музею *танка* «Тара Зеленая в окружении учителей» (ЖВ-4), купленную в антикварной лавке Мадраса (Индия)¹⁶. Но образы Тары представлены и в иных традициях, например в бурятской. В целом же в музейном собрании преобладают *танка* с изображениями персонажей из разряда «защитников учения»: «Белый Махакала и пять дагинь» (монг. дагиня); Махакала в монгольской религиозной традиции является и покровителем Монголии, и подателем богатства; «Вайшравана и его восемь спутников», «Бекцзе» — монгольское божество войны, включенное в буддийский пантеон, и другие персонажи.

Собрание культовой пластики формировалось закупками цацха, круглой скульптуры и дарами. Среди таких поступлений можно упомянуть металлические скульптуры, которые дают представление о калмыцкой художественной школе и литейных мастерских Долоннора, других мастерских, о чем свидетельствуют изображения «Ваджравидараны», «Амитаюса», «Майтреи» — будды грядущего. В память о Николае Рерихе музей приобрел богато инкрустированную скульптуру бодхисаттвы, что происходит из Нагчу (илл. 6), в окрестностях которого на плато Чантанг (высота 4–4,5 тыс. м над уровнем моря) при силь-

¹⁴ См.: Огнева Е.Д. Ю.Н. Рерих и проблемы функционального назначения тибетской живописи (Джатакамала в живописи) // Петербургский Рериховский сборник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. С. 78–83.

¹⁵ См.: Баркова А.Л. Буддистская живопись в собраниях Международного центра Рерихов // Рерих Ю.Н. Тибетская живопись. М.: МЦР, 2001. С. 91–187.

¹⁶ См.: Огнева О. Традиція жанру лагю в живописі: Тара Зелена у супроводі вчителів школи н'інгма // Китайська цивілізація: Традиції та сучасність. Київ, 2007. С. 69–77.

Илл. 6.
Бодхисаттва. Скульптура. Инкрустация. Тибет. XIX в.

Илл. 7.
Фрески пещерных храмов. Провинция Ари, Западный Тибет.
Фото В. Оплачко

Илл. 8.
Фрески пещерных храмов. Провинция Ари, Западный Тибет.
Фото В. Оплачко. ДМРО

ных морозах девять месяцев длилось «тибетское стояние» Центрально-азиатской экспедиции Рериха.

Виталий Оплачко после путешествия в октябре 2006 г. в Ари, отдаленную от центра провинцию Западного Тибета (Тибетский автономный район, КНР), передал музею чудесные фото (илл. 7), запечатлевшие монументальные росписи интерьеров буддийских монастырей, сохранившиеся тибетоязычные надписи (как скорописные, так и выполненные уставом, т.е. в полной тибетской графике). Представлены фрагменты скульптур и рукописей (XI–XVI вв.), которые путешественник видел в пещерах Толинга, Дункара, Пианга¹⁷. Фотофиксация буддийских сюжетов, исполненных средневековыми мастерами, дает возможность оценить их мастерство, определить пути развития и становления живописного канона монументального искусства в Западном Тибете, формировавшегося под влиянием как кашмирского, так и хотанского изобразительного искусства, степень сохранности изображений в сравнении с предыдущими фотосъемками.

Можно сказать, что в отличие от других одесских музеев в Доме-музее Н.К. Рериха комплектование буддийской коллекции происходит наиболее динамично. И это не в последнюю очередь объясняется направленностью данного музея, сформированной под влиянием деятельности семьи. Что же касается других особенностей собирательской работы, экспозиций всех трех музеев, то их специфика зависела от условий развития музейного дела и возможностей каждого музея.

Таким образом, произведения сакрального искусства тибетской традиции появлялись в одесских музеях разными путями и их приобретение носило преимущественно случайный характер. Это могли быть передачи из других музеев — весьма распространенное явление советского времени. Или же в музеях оказывались деньги для пополнения фондов через закупку. Коллекции пополняли также дары одесситов-путешественников. Поступления составляли *танка*, или буддийские иконы; сакральная культовая пластика (как круглая металлическая, так и глиняная рельефная); памятники письменности, предметы декоративно-прикладного искусства и многое другое. Состав собраний позволил каждому из упомянутых музеев открыть для посетителей соответствующие экспозиции, где представлено духовное наследие как тибетцев, так и народов, оказавшихся в зоне влияния тибетской цивилизации.

¹⁷ См.: Огнєва О.Д. Невеселий підсумок однієї фотовиставки // Східний світ. 2007. № 2. С. 190–192.

Список сокращений

ОММЛКБ — Одесский Муниципальный музей личных коллекций им. А.В. Блещунова
ОММЛКВ — Odesskiy Munitsipalniy muzey lichnyih kollektsiy im. A.V. Bleschunova
ОМЗВИ — Одесский музей западного и восточного искусства
ОМЗВИ — Odesskiy muzey zapadnogo i vostochnogo iskusstva
ДМРО — Дом-музей Н.К. Рериха в Одессе
DMRO — Dom-muzey N.K. Rerih v Odesse

Литература

- Бадмажапов Ц.-Б.* Иконография Ваджраяны. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2003.
Badmazhapov Ts.-B. Ikonografiya Vadzhrayanyi. M.: Dizayn. Informatsiya. Kartografiya, 2003.
- Баркова А.Л.* Буддистская живопись в собраниях Международного центра Рерихов // *Рерих Ю.Н.* Тибетская живопись. М.: МЦР, 2001. С. 91–187.
Barkova A.L. Buddistskaya zhivopis v sobraniyah mezhdunarodnogo Tsentra Rerihov // *Rerih Yu.N.* Tibetskaya zhivopis. M.: MTsR, 2001. S. 91–187.
- Біленко Г.І., Рудик Г.Б.* Музей мистецтв імені Богдана та Варвари Ханенків. Східна колекція. Київ, 2005.
Bilenko G.I., Rudik G.B. Muzey mistetstv imeni Bohdana ta Varvary Hanenkiv. Shidna kollektsiya. Kiev, 2005.
- Войтов В.Е., Тихменёва-Позднеева Н.А.* Алексей Матвеевич Позднеев и его Восточная коллекция. Самара: Агни, 2001.
Voitov V.E., Tihmenyova-Pozdneeva N.A. Aleksey Matveevich Pozdneev i ego Vostochnaya kollektsiya. Samara: Agni, 2001.
- Кульганек И.В.* Утраченные дары тибетского посольства: о проезде тибетского посольства через Одессу в Санкт-Петербург в июне 1901 г. // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXII годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (5–6, 8–9 ноября 2001 г.) / Колчинский Э.И. (отв. ред.). (СПб., 2001.) Вып. XVII. С. 196–198.
Kulganek I.V. Utrachennyye daryi tibetskogo posolstva: o proезде tibetskogo posolstva cherez Odessu v Sankt-Peterburg v iyune 1901g. // Nauka i tehnika: Voprosy istorii i teorii. Tezisyi XXII godichnoy konferentsii Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Rossiyskogo natsionalnogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tehniki (5–6, 8–9 noyabrya 2001 g.) / Kolchinskiy E.I. (otv. red.). (SPb., 2001.) Vyip. XVII. S. 196–198.
- Муниципальный музей личных коллекций им. А.В. Блещунова. Одесса: Talisman, 2003.
Munitsipalniy muzey lichnyih kollektsiy im. A.V. Bleschunova. Odessa: Talisman, 2003.
- Огнева Е.Д.* Тибетоязычные письменные источники в Украине // Цирендоржиевські читання 2000. Київ, 2000. С. 76–82.
Ogneva E.D. Tibetoyazyichnyie pismennyye istochniki v Ukraine // Tsirendorzhievski chitannya 2000. Kiev, 2000. S. 76–82.

- Огнева Е.Д.* Ю.Н. Рерих и проблемы функционального назначения тибетской живописи (Джатакамала в живописи) // Петербургский Рериховский сборник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. С. 78–83.
- Ogneva E.D.* Yu.N. Rerih i problemyi funktsionalnogo naznacheniya tibetskoy zhivopisi (Dzhatakamala v zhivopisi) // Peterburgskiy Rerihovskiy sbornik. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2002. S. 78–83.
- Огнева О.Д.* Матеріальні свідчення про перебування калмиків в Україні // Науково-інформаційний бюлетень. Пресс-музей. № 20–21. Фастівський державний краєзнавчий музей. Фастів, 2004. С. 74–84.
- Ogneva O.D.* Materialni svidchennya pro perebuvannya kalmykiv v Ukrayini // Naukovo-informatsiynyi byuleten'. Press-muzey. № 20–21. Fastivskiy derzhavnyi kraeznavchyi muzey. Fastiv, 2004. S. 74–84.
- Огнева О.Д.* Невеселый підсумок однієї фотовиставки // Східний світ. 2007. № 2. С. 190–192.
- Ogneva O.D.* Neveselyi pidsumok odnieyi fotovytavky // Shidnyi svit. 2007. № 2. S. 190–192.
- Огнева О.* Традиція жанру лагу в живописі: Тара Зелена у супроводі вчителів школи н'їнгма // Китайська цивілізація: Традиції та сучасність. Київ, 2007. С. 69–77.
- Ogneva O.* Traditsiya zhanru lagyu v zhivopisi: Tara Zelena u suprovodi vchiteliv shkoli n'yingma // Kitayska tsivilizatsiya: Traditsiyi ta suchasnist. Kiev, 2007. S. 69–77.
- Огнева Е.Д.* Является ли скульптура Коронованного Будды из Одесского музея воспроизведением прижизненного образа Будды Шакьямуни? // *Огнева Е.Д.* Боги снежных гор. Музеи Украины: сакральное искусство в традиции тибетского буддизма. Сб. науч. статей. Одесса: Астропринт, 2008. С. 68–89.
- Ogneva E.D.* Yavlyaetsya li skulptura Koronovannogo Buddyi iz Odesskogo muzeya vosproizvedeniem prizhiznennogo obraza Buddyi Shakyamuni? // *Ogneva E.D.* Bogi snezhnyih gor. Muzei Ukrainyi: sakralnoe iskusstvo v traditsii tibetskogo buddizma. Sb. nauch. statey. Odessa: Astroprint, 2008. S. 68–89.
- Огнева Елена.* Ваджраччхедика: тибетомовні примірники в установах та приватних колекціях України // Східний світ. 2009. № 2. С. 20–28.
- Ogneva Olena.* Vadzhrachchedika: tybetomovni prymirnyki v ustanovah ta pryvatnyh kolektsiyah Ukrayiny // Shidniy svit. 2009. № 2. S. 20–28.
- Огнева Елена.* Коллекция килкхор в собрании Одесского музея западного и восточного искусства (Украина) // Материалы Международной научно-практической конференции: Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры. Одесса: Астропринт, 2011.
- Ogneva Elena.* Kolleksiya kyilkhor v sobranii Odesskogo muzeya zapadnogo i vostochnogo iskusstva (Ukraina) // Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: N.K. Rerih i ego sovremenniki. Kollektzii i kollektsioneryi. Odessa: Astroprint, 2011.
- Огнева Елена.* Коллекция мандал в собрании Одесского музея западного и восточного искусства (Украина) // Рериховское наследие. Труды конференции. СПб., 2011. Т. VII. С. 439–447.

- Ogneva Elena.* Kolleksiya mandal v sobranii Odesskogo muzeya Zapadnogo i Vostochnogo iskusstva (Ukraina) // Rerihovskoe nasledie. Trudy konferentsii. SPb., 2011. T. VII. S. 439–447.
- Огнева Елена.* Литургийный сборник одного из монастырей страны Ло. Одесский музей личных коллекций им. А.В. Блещунова // Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры: Материалы научно-практической конференции 2009 г. Одесса: Астропринт, 2011. Вып. 8. С. 387–400.
- Ogneva Elena.* Liturgiyniy sbornik odnogo iz monastyrey strany Lo. Odesskiy muzey lichnykh kollektsiy im. A.V. Bleschunova // N.K. Rerih i ego sovremenniki. Kolleksii i kollektsionery: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii 2009 g. Odessa: Astroprint, 2011. Vyip. 8. S. 387–400.
- Огнева Елена.* Монгольський світ в Україні // Східний світ. 2011. № 3. С. 127–135.
- Ogneva Olena.* Mongolskyi svit v Ukrayini // Shidnyi svit. 2011. № 3. S. 127–135.
- Огнева Елена.* Настольные игры монголов (собрание Муниципального музея личных коллекций им. А.В. Блещунова) // Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры: Материалы научно-практической конференции 2010 г. Одесса: Астропринт, 2011. Вып. 9. С. 125–135.
- Ogneva Elena.* Nastolnye igry mongolov (sobranie Munitsipalnogo muzeya lichnykh kollektsiy im. A.V. Bleschunova) // N.K. Rerih i ego sovremenniki. Kolleksii i kollektsionery: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii 2010 g. Odessa: Astroprint, 2011. Vyip. 9. S. 125–135.
- Огнева Елена.* Зібрання кїлхор, або мандали в зібранні Одеського музею західного і східного мистецтва // Хортицький семінар: Сакральна географія і феномен паломництва: вітчизняний і світовий контекст / Науковий редактор і упорядник Ю.Ю. Завгородній. Запоріжжя: Дике Поле, 2012. С. 228–237.
- Ogneva Olena.* Zibrannya kyilkhор, або mandaly v zibranni Odes'kogo muzeyu zahidnogo i shidnogo mistetstva // Hortytskyi seminar: Sakralna geografiya i fenomen palomnitstva: vitchyznyanyi i svitovyi kontekst / Naukovyi redaktor i uporyadnyk Yu.Yu. Zavorodniy. Zaporizhzhya: Dike Pole, 2012. S. 228–237.
- Электронная коллекция экспонатов. Одесский музей западного и восточного искусства. On-Line: www.oweamuseum.odessa.ua. Тибет 2.
- Elektronnaya kollektsiya eksponatov. Odesskiy muzey zapadnogo i vostochnogo iskusstva. On-Line: www.oweamuseum.odessa.ua. Tibet 2.
- Ohnieva O.* Sacral Art Tradition of the Northern Buddhism in Ukraine // Journal of Russian Studies. 2008 (June). No. 8. P. 135–171.
- Tsultem Niamosorgym.* Development of the Mongolian National Style Painting “Mongol Zurag” in Brief. Ulan Bator: State Publishing House, 1986. Pl. 113.

E.D. Ogneva

**BUDDHIST COLLECTIONS OF THE TIBETAN
ARTISTIC TRADITION IN SOUTHERN UKRAINE
(HISTORY OF THE COLLECTIONS IN THE MUSEUMS OF ODESSA)**

Summary: In Ukraine, systematical examination of the sacral art collections in the tradition of Northern Buddhist and especially Tibetan art begins only at the end of the 20th century. The paper is dedicated to the history of such collections in Odessa's museums.

Key words: museum, Buddhism, Sakyamuni Buddha, Odessa, *tanka* collection, collection.

Е.П. Островская

**БУДДИЙСКИЕ РУКОПИСИ
В СОСТАВЕ ИНДИЙСКОГО ФОНДА ИВР РАН:
ИСТОРИЯ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

История коллекционирования буддийских рукописей, хранящихся в Индийском фонде ИВР РАН, рассматривается автором статьи в контексте формирования российской и западноевропейской буддологии как отрасли классического востоковедения. Особое внимание уделяется санскритским письменным памятникам буддизма в составе этой коллекции.

Ключевые слова: буддизм, буддийские рукописи, Индия, Индийский фонд ИВР РАН.

Институт восточных рукописей Российской академии наук (далее — ИВР РАН) является крупнейшим отечественным центром коллекционирования и изучения письменного наследия народов Востока. В обширных собраниях манускриптов и старопечатных изданий, отложившихся в фондах ИВР РАН как правопреемника Азиатского музея Российской Императорской Академии наук, широко представлены письменные памятники буддизма, происходящие из Южной, Юго-Восточной, Центральной Азии и Дальнего Востока. Являясь непреходящей культурной ценностью, эти коллекции одновременно служат богатейшим ресурсом научных знаний об истории буддизма и процессах развития многонациональной буддийской культуры в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Значительный научный интерес вызывает также и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Буддийское историко-документальное наследие Южной и Юго-Восточной Азии в Индийском фонде Института восточных рукописей РАН: состав и история коллекционирования». Проект № 13-01-00167.

история их собирания, тесно связанная с формированием российской и мировой буддологии как отрасли классического востоковедения.

Настоящая статья посвящена буддийской коллекции Индийского фонда ИВР РАН. Небольшая по численности сравнительно с буддийскими коллекциями других фондов, она все еще остается наименее изученной.

Индийское собрание исторически сложилось в качестве структурного подразделения Азиатского музея, созданного в 1818 г. В его составе накапливались манускрипты, происходящие из Южной и Юго-Восточной Азии, а также с островов Малайско-индонезийского архипелага. Их объединение обуславливалось палеографическими критериями коллекционирования — в этих рукописях зафиксировались различные системы письма, собственно индийские и генетически связанные с Индией. На протяжении XIX — первой четверти XX в. в фонде отложились манускрипты, выполненные письменами деванагари, кайтхи, ланда, гурмукхи, кашмирским, невари, ланджа, тибетским, бенгальским, телугу, грантха, тамильским, квадратным пали, бирманским, кхмерским, тайским, яванским, сингальским, лампонг.

Следует подчеркнуть, что уникальные индийские рукописи I тысячелетия н.э. из Восточного Туркестана, поступавшие в Азиатский музей с 1890-х годов от русского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского и отечественных исследователей Центральной Азии², не вошли в состав Индийского фонда. Ввиду своего территориального происхождения они отложились в центральноазиатском собрании Азиатского музея.

Коллекционирование восточных, и в том числе индийских, рукописей началось в Императорской Академии наук задолго до создания Азиатского музея — в 1730-х годах. В то время Западная Европа переживала первую волну интереса к Востоку³. Академия наук, учрежденная в 1725 г. как российский оплот века Просвещения, не осталась в стороне от этой ориентальной увлеченности. В сообщество российских академиков, большая часть которого была в то время представлена зарубежными учеными, вошел немецкий ученый-востоковед Теодор Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738). А в академических учреждениях появились первые восточные раритеты — предметы материальной культуры народов Азии, нумизматические коллекции и манускрипты.

² Об истории открытия буддийских памятников индийской письменности в оазисах Восточного Туркестана см.: *Воробьева-Десятовская М.И.* Великие открытия русских ученых в Центральной Азии. СПб., 2011.

³ Западноевропейская и отечественная культуры пережили две волны увлеченности Востоком. Первая связана с эпохой романтизма, а вторая — с периодом модерна, охватывающим 1880–1920-е годы.

На этом раннем этапе вопрос об организации единого востоковедного древлехранилища еще не возникал. Поступление рукописей осуществлялось лишь благодаря личной инициативе частных владельцев достопримечательностей Востока — путем дарения, пожертвования или завещания. Восточные манускрипты накапливались в Кунсткамере, Академической библиотеке и Конференц-архиве. В роли донаторов выступали вельможи, царские сановники, ученые, а также любители культуры Востока.

Первая индийская рукопись, содержащая текст молитвы «Отче наш» в переводе на мультани и посвящение имп. Анне Иоанновне, была передана Академии наук в дар от правящей династии на рубеже 1730-х годов. Через 100 лет этот манускрипт сыграл значительную роль в деле исследования генезиса одного из языков буддийской культуры — тибетского, и об этом необходимо сказать хотя бы несколько слов. В 1829 г. изучением рукописи занялся Яков Иванович Шмидт (1779–1847), избранный в тот год в состав Академии⁴. До своего прихода в науку он занимался коммерческой деятельностью в Поволжье, тесно общаясь с местными калмыками и проживавшим в их среде тибетским буддийским священством. Благодаря этому Я.И. Шмидт приобрел глубокие познания в монгольском и тибетском языках и заинтересовался буддизмом. В Академии наук ученый приступил к работе над проблемой происхождения тибетской письменности и анализу специфики тибетского языка сравнительно с языками Индии. Рукопись перевода «Отче наш» на диалект мультани западноиндийского языка ленди заинтересовала его как палеографический памятник, способный пролить свет на происхождение тибетского алфавита. Изучая этот текст, написанный письмом ланджа (слитными монограммами и отдельными слоговыми знаками), ученый доказал генетическую связь тибетской письменности с одной из разновидностей северного индийского письма брахми⁵. Ряд его трудов был посвящен буддизму⁶ и культуре буддийских народов России — калмыков и бурят.

⁴ Я.И. Шмидт происходил из Голландии; в 1829 г. он был избран адъюнктом Российской Императорской Академии наук, в 1833 — ординарным академиком (т.е. действительным членом АН). Вошел в историю российского востоковедения как основоположник отечественной тибетологии, автор непревзойденных трудов по грамматике тибетского языка, а также тибетско-русского и тибетско-немецкого словарей. Благодаря Я.И. Шмидту собрания Азиатского музея значительно пополнились тибетскими рукописями и ксилографами.

⁵ См.: *Schmidt I.J. Über den Ursprung der tibetischen Schrift // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. VI-e série, sciences politiques, histoire et philologie. T. I. St.-Pbg., 1832. P. 41–54 и 1 табл.* Латинская транслитерация текста, содержащегося в рукописи, приведена на с. 52.

⁶ Наиболее интересна в научном отношении работа Я.И. Шмидта, посвященная догматике буддизма. См.: *Schmidt I.J. Über einige Grundlehren des Buddhismus // Mémoires de*

Возвращаясь к истории коллекционирования восточных рукописей до основания Азиатского музея, отметим, что к концу 1750-х годов встал вопрос о расширении источников новых поступлений. Россия, официально закрепившаяся со времен правления Петра Великого в статусе европейской империи, стремилась к обладанию не менее ценными и обширными коллекциями восточных манускриптов, нежели просвещенные страны Западной Европы — Великобритания и Франция. Но в отличие от них Россия не имела заморских колоний, откуда можно было бы беспрепятственно черпать культурные ценности. Хотя частные дарения и пожертвования восточных рукописей приобрели характер доброй традиции, они все же оставались явно недостаточным ресурсом коллекционирования. В 1759 г. Академия наук установила «класс академических корреспондентов»⁷ — почетное звание, которое присваивалось ученым и путешественникам, проявлявшим инициативу в собирании манускриптов. В XVIII в. один из носителей этого звания — знаток восточных языков И. Иериг⁸ (?–1795) доставил в Академию наук ряд манускриптов, происходящих из Южной Азии, Тибета и Китая. Благодаря развитию международных связей Академия обзавелась также и иностранными корреспондентами, сообщавшими о тех зарубежных коллекциях восточных рукописей, которые можно было приобрести.

Исследователи истории Азиатского музея неоднократно отмечали, что до его создания система описания восточных рукописей, поступавших в академические учреждения, еще не сложилась, да в России тогда и не было специалистов, способных заниматься такой работой. В XVIII в. многие восточные языки и системы письма еще не получили известности даже в Западной Европе, где становление востоковедения началось раньше, чем в России. Необходимость подготовки отечественных ученых-востоковедов не находила должного отклика на государственном уровне вплоть до 1800-х годов.

Тем не менее подобные идеи неоднократно выдвигались. С первым проектом учреждения Восточной академии выступил в 1733 г. германский востоковед Г.Я. Кер (1692–1740), приглашенный в Санкт-Петербург для описания нумизматических коллекций Кунсткамеры. Свою инициативу он мотивировал грядущей «просветительной миссией России в Азии» и важностью изучения восточных источников для познания

l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. VI-e série, sciences politiques, histoire et philologie. T. I. St.-Pbg., 1832. P. 89–120, 221–262.

⁷ Подробнее см.: Труды Архива АН СССР. М.–Л., 1959. Вып. 3. С. 328.

⁸ В Архиве востоковедов ИВР РАН хранится персональный фонд И. Иерига. См.: АВ ИВР РАН. Фонд 21. О деятельности и трудах И. Иерига см.: *Кюннер Н.В.* Описание Тибета. Владивосток, 1908. Т. II. Вып. 1. С. 87–88.

истории Российского государства⁹. Четверть века спустя, в 1758–1759 гг., аналогичное предложение изложил М.В. Ломоносов в записке по поводу реорганизации Императорской Академии наук. Необходимость развития отечественного фундаментального востоковедения ученый аргументировал непосредственным соседством России с «ориентальными народами»¹⁰.

Однако вплоть до конца XVIII в. никаких практических шагов в данном направлении не предпринималось. Дело ограничивалось лишь обучением переводчиков с живых восточных языков для Коллегии иностранных дел¹¹.

Вместе с тем именно в XVIII в. в отечественной науке наметились контуры зарождения индианистики. В определенной степени этому содействовали российско-индийские отношения, официально установленные в 1695 г.¹². Они имели характер преимущественно торговых связей,

⁹ Подробнее см.: *Шувалов М.П.* Критико-библиографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера // *Материалы государственного архива Министерства иностранных дел. М., 1893. Вып. 5. С. 89–110.*

¹⁰ Автограф записки хранится в СПбФ АРАН (Ф. 20. Оп. 1. Л. 172). Позднее, в 1764–1765 гг., М.В. Ломоносов, определяя в своем проекте регламента Академии наук должностные обязанности и компетенции академиков, указывал: «Знающий восточные языки академик, во-первых, должен стараться иметь переписку с природными восточных народов учеными по тамошнему состоянию людьми и собирать всякие книги и известия о состоянии тамошних стран, а особливо соседственных народов в рассуждении истории, поелику можно пользоваться тем в описании российских древностей и соседственного политического взаимства, в чем вспоможение давать могут ему историограф и древностей профессор, также и от него получать напротив того изъяснения». См.: *Ломоносов М.В.* Собрание сочинений. М.–Л., 1950–1959. Т. X. С. 150. Документ № 140. Автограф документа не сохранился.

¹¹ Подробнее см.: *Базильяни А.П., Гринкруг И.М.* Три проекта организации изучения восточных языков и Востока в России // *Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 г.). М., 1984. С. 34–36.*

¹² Источники, сообщающие о русско-индийских связях до этого времени, малочисленны. В 1471–1474 гг. в Индии побывал тверской купец Афанасий Никитин. Составленное им описание путешествия — «Хождение за три моря» было впервые исследовано в востоковедном аспекте основоположником отечественной индологической школы И.П. Минаевым (см.: *Минаев И.П.* Страна Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. М., 2009). Установление дипломатических отношений между Россией и Могольской империей было связано с открытием Северного караванного пути, пролежавшего через Астрахань и Персию. Морской путь, открытый для европейцев на рубеже XV–XVI вв. Васко да Гама, контролировался португальцами, стремившимися монополизировать прибыльную торговлю индийскими товарами. На протяжении XVII в. Россия трижды направляла дипломатические миссии в Индию сухопутным маршрутом. Два русских посольства (1646, 1654 гг.) не достигли цели ввиду препятствования со стороны персидских властей. Прибыть ко двору Великих Моголов смогла лишь дипломатическая миссия Семена Маленького, посетившая Дели и Агру. В 1696 г. Семен Маленький получил от императора Аурангзеба *фирман* (указ), гарантировавший право свободной торговли. К этому времени на русских землях, прилегавших к Северному

в поддержании которых значительное участие принимала созданная индийскими негоциантами в Астрахани коммерческая компания¹³. В астраханском сообществе выходцев из Северо-Западной Индии были знатоки «браминского языка», т.е. санскрита, и нескольких систем индийского письма. Прибывшие из Астрахани в Санкт-Петербург христианизированные индийцы Петр Сунгур и Наратон Лалаев познакомили Г.Я. Кера и Т.Г.З. Байера с системой письма деванагари, набором базовой лексики и грамматикой «браминского языка»¹⁴.

Занятия с индийцами существенно пополнили запас знаний, имевшийся у обоих этих ученых благодаря знакомству с трудами западноевропейских авторов — Барталоме Цигенбальга, Адриана Реланда, Афанасия Кирхера. Первым вкладом в фундамент Российской индианистики стали написанные на латыни работы Т.Г.З. Байера — две крупные статьи под общим названием «*Elementa litteraturae Brachmanicae, Tangutanae, Mungalicae*»¹⁵ и монография, посвященная истории Бактрии¹⁶. Эти труды представляют историко-научный интерес в сравнении с западноевропейской индианистической литературой того времени, посвященной преимущественно описанию политического и хозяйственно-экономического уклада, религиозных верований и социокультурной системы населения Бенгалии и южноиндийского побережья. Северо-Западная Индия, интересовавшая российского ученого, была тогда очень мало известна европейцам, не говоря уже о сюжетах, связанных с Бактрией.

Следует сказать, что с уходом из жизни Т.Г.З. Байера (1738), а затем и Г.Я. Кера (1740) индианистическая тематика в Академии наук заглохла более чем на 30 лет. Ее возобновлению в определенной степени

караванному пути, уже начали образовываться индийские фактории. В 1822 г. Петр Великий по итогам своей встречи в Астрахани с главой индийской купеческой общины Анбу Рамой издал документ, позволявший негоциантам из Индии вести торговую деятельность на всей территории Российской империи. Индийские купцы добирались даже до Верхне-Удинска (совр. Улан-Уде). Об этом свидетельствуют путевые дневники немецкого ботаника Д.Г. Мессершмидта, направленного Петром Великим в экспедицию для изучения Сибири (см.: *Новлянская М.Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970).

¹³ Астраханская индийская компания была создана в начале XVIII в. и просуществовала около 150 лет. Она вела оптовую торговлю так называемыми «восточными товарами», поставлявшимися в основном из Персии, — чаем, пряностями, красителями, коврами и т.д.

¹⁴ Подробно документированное изложение данного исторического сюжета см.: *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008. С. 24–31.

¹⁵ *Bayer Th.S.* *Elementa litteraturae Brachmanicae, Tangutanae, Mungalicae* // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. Т. III. St.-Pbg., 1728 (1732). P. 389–422; Т. IV. St.-Pbg., 1729 (1735). Необходимо отметить, что тибетский язык в то время именовался «тангутским», чем и объясняется присутствие соответствующего термина в заглавии статьи.

¹⁶ *Bayer T.S.* *Historia regni Graecorum Bactriani*. Petropoli, 1738.

способствовали экспедиционные исследования акад. П.С. Палласа, который в 1773, 1774 гг. посетил индийскую общину в Астрахани¹⁷. Работая с местными информаторами, П.С. Паллас собрал языковой материал и составил своеобразный разговорник, озаглавленный в его полевых записях «Речи для перевода по-индийски»¹⁸. Екатерина II, стремившаяся утвердить на международном уровне образ России как просвещенной европейской державы, выдвинула идею составления «Сравнительных словарей всех языков и наречий» и предложила П.С. Палласу возглавить эту работу, потребовавшую коллективных усилий российских и зарубежных ученых. В состав данного труда¹⁹ были включены санскритские слова и индийская лексика, собранная П.С. Палласом в Астрахани. В целом «Сравнительные словари», содержавшие 285 слов из 51 европейского и 149 азиатских языков и наречий, явились первым импульсом к становлению сравнительного языкознания в российской науке.

Разносторонняя исследовательская работа П.С. Палласа и его коллег, охватившая различные аспекты жизни полиэтнического населения Российской империи, пунктирно наметила в области востоковедения историческую связь Северо-Западной Индии с теми социокультурными формами буддизма, которые утвердились в среде бурят и калмыков. И. Иериг, сопровождавший П.С. Палласа, составил первый список санскритских, тибетских и монгольских манускриптов и старопечатных изданий, отложившихся в учреждениях Императорской Академии наук к началу 1790-х годов. В нем упоминались 258 единиц хранения без поименования сочинений.

Но в то время специальный научный интерес к письменному наследию буддизма еще не проявился. Буддизм привлекал внимание правящих кругов в первую очередь как одно из вероисповеданий «инородческих» подданных Российской империи²⁰. Екатерина II придавала осо-

¹⁷ Подробнее см.: *Петр Симон Паллас*. Некоторые сведения о живущих в Астрахани индийцах / Пер. с немецкого и комментарии К.Д. Никольской // *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). С. 48–65.

¹⁸ Рукопись П.С. Палласа хранится в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 79). О диалектальной и языковой принадлежности «Речей для перевода по-индийски» см.: *Гуров Н.В.* У истоков отечественной индологии (русско-«индийский» разговорник 1773 года) // *Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Тезисы докладов*. СПб., 2006.

¹⁹ Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Высочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1–2. СПб., 1787–1789.

²⁰ Относительная свобода религиозной жизни российских подданных-буддистов была официально санкционирована имп. Елизаветой Петровной, что объяснялось двумя факторами — необходимостью сохранения стабильности на российских территориях, прилежавших к границам с Цинской империей, которая патронировала буддизм, и стрем-

бое значение религиозному фактору в вопросах государственного управления и сохранения социальной стабильности. Придерживаясь рационалистических принципов идеологии немецкого камерализма, императрица проводила в жизнь принцип государственного благорасположения к любой религии, если та содействует спокойствию в обществе и пополнению казны. Сведения о религиозной жизни забайкальских бурят-буддистов, полученные благодаря экспедициям П.С. Палласа, показывали, что буддизм удовлетворяет этим критериям. Более того, ученый выявил в буддизме, лишь незначительно известном образованному российскому обществу того времени, присутствие морально-нравственной компоненты²¹. И это было чрезвычайно важно для оправдания толерантной позиции российской верховной власти в отношении буддийского вероисповедания на «инородческих окраинах»²².

Между тем в отличие от России в Западной Европе последние десятилетия XVIII в. стали для востоковедения временем формирования научных школ. В области индианистики этому во многом способствовало окончательное установление британского владычества в Индии. Для изучения местных языков, религиозных верований и социокультурной системы англичанами было создано в Бенгалии Азиатское общество. Наряду с этой прагматической тенденцией проявилась и заинтересованность в познании культурного наследия южноазиатских народов, что обуславливалось гуманистическими ценностями века Просвещения²³.

лением к регулярному получению ясачного налога с местного населения — сбора пушнины.

²¹ П.С. Паллас суммировал свои наблюдения о религиозной жизни хори-бурят: «...большая половина из них — настоящие язычники и подвластны своим шаманам; однако учителя Ламайского закону, с немалым старанием обращая из них в своё суевение, сопряженное с некоторым нравоучением, уже успели столько, что учредили между ними своего духовного Гедзиля с двадцатью шестью простыми ламами, а знатнейшие из них Сайсаны, как и сам Тайша, уже несколько одного закона придерживаются» (*Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российского государства*. СПб., 1773–1778. С. 241).

²² Вместе с тем Екатерина II предприняла действия, направленные на реорганизацию буддийской общины по образцу православной церковной иерархии, т.е. под единым контролируемым началом. Высочайшим рескриптом был утвержден титул буддийского иерарха — Бандидо Хамбо-лама. Буддисты-буряты отводились в ведение Министерства внутренних дел, а буддисты-калмыки — в ведение Министерства государственных имуществ. Так выглядела управленческая операционализация тезиса Екатерины II о желательности терпимого отношения к иноверцам: «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковольные сердца». См.: *Ключевский В.О.* Русская история. М., 2004. С. 616.

²³ Лаконичная, но чрезвычайно емкая по содержанию культурологическая характеристика этого периода становления индианистики дана А.А. Вигасиным. См.: *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). С. 35–37.

Коллекционирование манускриптов индийской письменности становится в 1780-х годах приоритетным направлением в данном аспекте. Рукописные раритеты, вывозившиеся англичанами из Южной Азии, накапливались в фондах Британского музея, Кембриджской библиотеки, в библиотеке Бодли — старейшем древлехранилище Оксфордского университета²⁴. В 1798 г. была создана Библиотека Департамента Индии (Indian Office Library), в фондах которой накапливались коллекции рукописей, собранные чиновниками британской Ост-Индской компании.

Небольшая часть Индийского субконтинента, колонизированная Францией, также служила территориальным ресурсом собирания индийских рукописей, поступавших в древлехранилище парижской Национальной библиотеки.

В российском обществе интерес к индийской культуре удовлетворялся информацией, получаемой из Западной Европы. Как показывают исследования В.Н. Топорова, русские масоны и, в частности, созданное Н.И. Новиковым «Дружеское ученое общество» уделяли пристальное внимание мистическим традициям Индии²⁵. В «Бхагавад-гите»²⁶ деятели русского Просвещения прозревали общечеловеческие духовные смыслы и пути познания основ мироздания. К этому историческому периоду относится и собирание первой коллекции индийских рукописей, осуществленное в научных целях россиянином Герасимом Лебедевым (1749–1817)²⁷ непосредственно в Индии.

Немаловажным фактором, способствовавшим росту интереса к культурному наследию азиатских народов, явилась актуализация в международной политике конца XVIII в. так называемого «восточного вопроса»²⁸. У России складывались отношения напряженности с Перси-

²⁴ Название библиотеки связано с именем ее основателя Томаса Бодли (1545–1613), британского дипломата, собирателя рукописей.

²⁵ См.: Топоров В.Н. Об индийском варианте «говорения языками» в русской мистической традиции // Wiener Slavistischer Almanach. Т. 23. Wien, 1989.

²⁶ Религиозная поэма в составе эпоса «Махабхарата», повествующая о четырех стезях духовного подвижничества. В русском переложении, выполненном с английского перевода А.А. Петровым, другом Н.М. Карамзина, была издана в университетской типографии Н.И. Новикова в 1788 г. под названием «Багуат-Гета, или беседы Кришны с Аржуном, с примечаниями, переведенная с подлинника, писанного на древнем Браминском языке, называемом Санскрита, на Английский, с сего на Российский язык».

²⁷ См.: Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) // Очерки по истории русского востоковедения. Т. 2. М., 1956.

²⁸ Эта проблема возникла в связи с ослаблением Османской империи, включавшей в свой состав многие территории и народы Балканского полуострова, Ближнего Востока и Северной Африки. Рост национальных движений и сепаратистских тенденций поставил под вопрос государственную целостность Турции. Россия наряду с Великобританией, Францией и Австро-Венгрией активно участвовала в решении «восточного вопроса», борясь за обеспечение для себя наиболее выгодного международно-правового

ей²⁹, выступавшей на Среднем Востоке в роли ведущей региональной державы. Между обеими странами развернулась борьба за обладание Закавказьем. Заинтересованность Российской империи в присоединении к своей территории Кавказа³⁰, Грузии и Северного Азербайджана диктовалась экономическими и геополитическими соображениями — стремлением к развитию торговли на Каспии через Астрахань, Дербент и Кизляр и к укреплению государственных границ по горным цепям Кавказского хребта. С точки зрения стратегических интересов империи российское правительство было обеспокоено вмешательством Великобритании в закавказский узел политической напряженности. Великобритания с середины XVIII в. использовала свое влияние в Персии для проникновения в Закавказье и обеспечения выхода к Каспийскому морю. Присутствие в этом регионе рассматривалось британскими стратегами как средство политического давления на Россию и одновременно как фактор сохранения безопасности собственных колониальных владений в Индии.

Активность России в решении восточного вопроса вылилась в две затяжные войны — Русско-иранскую (1804–1813)³¹ и Русско-турецкую (1806–1812)³². На этом фоне в 1804 г. был издан первый общий устав российских университетов, предусматривавший введение востоковедения в образовательную программу. В 1810 г. с проектом учреждения в

режима черноморских проливов и выступая покровительницей национальных движений на Балканах, что давало возможность оказывать давление на правительство Османской империи.

²⁹ Наименование «Персия» существовало до 1935 г., когда эта средневосточная страна стала официально называться Ираном. В рассматриваемый период в фактическом подчинении персидских шахов находились восемь ханств и 11 более мелких владений, располагавшихся в Восточном Закавказье (территория совр. Азербайджана).

³⁰ На Северном Кавказе (территории Дагестана, Кабарды, Чечни, Аварии) существовали разнообразные административно-территориальные и этнополитические образования: ханства, бекства, «вольные сообщества» — моноплеменные самоуправляемые социумы, сложившиеся на родовой основе.

³¹ В результате этой войны России согласно Гюлистанскому мирному договору с Персией отошли Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Карабахское, Дербентское, Кубинское, Бакинское, Талышское ханства и Муганская степь. Россия также получила преимущественное право держать военный флот на Каспийском море.

³² Для России эта война имела вынужденный характер, так как Турция вынашивала реваншистские планы в отношении Крыма и Причерноморья, намеревалась восстановить господство над Бессарабией, Валахией, Сербией. Вступая в войну, Россия стремилась закрепить свои политические позиции в регионе, установившиеся в конце XVIII в., и усилить собственное влияние на Балканском полуострове. По Бухарестскому мирному договору (1812) к России отошли Бессарабия и участок черноморского побережья с г. Сухуми. Этот мирный договор был заключен за месяц до вторжения Наполеона в Россию, что позволило русскому командованию высвободить Дунайскую армию для отражения наполеоновской агрессии.

России Азиатской академии как центра научного востоковедения выступил С.С. Уваров (1786–1855)³³. Этот написанный на французском языке проект был направлен им министру народного просвещения А.К. Разумовскому и в том же году опубликован³⁴. Годом позже вышли в свет переводы проекта на немецкий и русский языки³⁵. С.С. Уваров передал его через Г.-Ю. Клапорта³⁶ на отзыв Гёте³⁷, а также направил его во Францию³⁸ по дипломатическим каналам.

В литературе по истории востоковедения неоднократно отмечались недостатки того утопического замысла, который содержался в этом документе. Идеи, высказанные С.С. Уваровым, не соотносились ни с наличными кадровыми ресурсами, ни с уровнем развития востоковедных знаний на тот период. В проекте не просматривалась необходимая дифференциация вопросов преподавания востоковедных дисциплин и научно-исследовательской работы. Однако в нем был отчетливо заявлен тезис о важности развития отечественной индианистики и тем самым имплицитно проводилась мысль о заинтересованности Российской империи в Южноазиатском регионе — зоне колониального господства Британской короны³⁹.

³³ До завершения проекта С.С. Уваров состоял секретарем русского посольства в Париже и имел возможность ознакомиться на месте с организацией востоковедения во Франции. Затем он занял пост попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. С 1811 г. — почетный член Императорской Академии наук; с 1818 г. — президент Академии наук. В 1838–1849 гг. — министр народного просвещения. В ведении Министерства народного просвещения с 1810 г. находились все академии и учебные заведения, кроме военных и духовных.

³⁴ *Projet d'une Académie Asiatique*. St.-Pbg., 1810. Без указания автора.

³⁵ Немецкий перевод с дополнительными примечаниями: *Ideen zu einer Asiatischen Academie*. St.-Pbg., 1811. Русский перевод: Мысли о заведении в России Академии Азиатской // *Вестник Европы*. Ч. IV. М., 1811. С. 27–52, 96–120.

³⁶ Г.-Ю. Клапорт (1783–1835) — немецкий ученый-востоковед; с 1804 г. — адъютант Российской Императорской Академии наук по восточным языкам и словесности; с 1807 г. — экстраординарный академик; подготовил первый в истории российского академического востоковедения сборник: *Archiv für asiatische Literatur, Geschichte und Sprachwissenschaft*. Bd I. St.-Pbg., 1810. Письмо С.С. Уварова Г.-Ю. Клапорту с просьбой о передачи проекта Гёте хранится в СПФ АРАН (Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 93).

³⁷ Подробнее см.: *Людвиг Э. Гёте*. М., 1955. С. 435, 577.

³⁸ По распоряжению Наполеона доклад о проекте С.С. Уварова готовил французский ученый-востоковед Л. Лангле (1763–1824). См. собрание ученых трудов С.С. Уварова: *Etudes de philologie et de critique par M. Ouvaroff*. St.-Pbg., 1843. Р. 51–52. В этом же издании помещен эпистолярный критический отзыв Ж. де Местра о проекте (Р. 49–65). Также см.: Азиатская академия. Заметки Хаханова о проекте Кера и проекте гр. Уварова с критическими замечаниями Де-Местра // *Кавказский вестник*. 1902. № 8–9. С. 44–59.

³⁹ В 1807 г. под давлением Наполеона Россия сначала присоединилась к континентальной блокаде Англии, а затем разорвала с ней дипломатические отношения. Восстановление русско-английских отношений состоялось только в 1812 г., когда между странами был заключен антинаполеоновский союзнический договор.

В своем проекте С.С. Уваров характеризовал Азию и, в частности, Индию как исторический очаг древней культуры и «первоначального просвещения» и выдвигал задачи, непосредственно связанные с изучением индийского письменного наследия: составление санскритского словаря⁴⁰, перевод вед — древнейших памятников индо-арийской словесности и эпоса «Махабхарата», анализ индийских философских сочинений. Эта обширная программа не только свидетельствовала о приверженности ее автора западноевропейскому, преимущественно немецкому, романтизму, но и резко контрастировала с утилитаристскими тенденциями британского востоковедения, идеологически обусловленного европоцентристской позицией⁴¹.

Усиление интереса к Востоку в российском обществе со второй половины 1810-х годов опосредованно ассоциировалось с отказом русской дипломатии от активного вмешательства в европейские дела по завершении Отечественной войны 1812 г. Во внешней политике России восточный вопрос приобретал все больший удельный вес, и это в чрезвычайно значительной степени способствовало как становлению отечественной науки о Востоке, так и развитию государственного коллекционирования восточных рукописей.

Стремясь к продвижению своих границ в Азии, Российская империя одновременно заявляла себя просвещенной хранительницей письменного наследия народов Востока. 22 марта 1818 г. С.С. Уваров, уже будучи президентом Императорской Академии наук, выступил на торжественном собрании Главного педагогического института⁴² с речью, ставшей важной вехой в истории российского востоковедения⁴³. Тема

⁴⁰ О реализации этого замысла на фоне становления санскритологии в России см.: Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). С. 108–139.

⁴¹ В истории британской индианистики утилитарное направление, связанное с проблемами колониального менеджмента, играло значительную роль. Английское колониальное чиновничество внесло серьезный вклад в изучение и описание живых языков, религиозных верований и культурных традиций народов Индийского субконтинента. Однако в рамках этого направления европейская культурная традиция рассматривалась как эталон исторического развития человечества, что бесосновательно обесценивало достижения нехристианских культур.

⁴² Главный педагогический институт был учрежден в Санкт-Петербурге в 1816 г.; в этом учебном заведении вскоре открылись кафедры восточных языков — арабского и персидского. 8 февраля 1819 г. институт был преобразован в Санкт-Петербургский Императорский университет.

⁴³ Речь была прочитана по случаю введения в заведование кафедрами восточных языков приглашенных профессоров — Ж.-Ф. Деманжа (кафедра арабского языка) и Ф.-Б. Шармуа (кафедра персидского языка). Речь С.С. Уварова в том же году вышла в свет отдельным изданием. См.: Речь президента Имп. Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного Педагогического института 22 марта 1818 г. СПб., 1818.

Востока и Индии как «колыбели всей мировой культуры» зазвучала в ней с новой силой. В историческом прошлом Индии С.С. Уваров призывал узреть истоки интеллектуальных достижений Запада. Он говорил о выдающихся памятниках индийской словесности и о превосходстве санскрита над всеми известными в мире языками, о достоинствах классической поэзии Индии — ее изящной простоте и духовной зрелости, о перспективах благотворного влияния санскритской литературы на вкусы российского читателя и творчество русских писателей и поэтов.

Вместе с тем в речи С.С. Уварова был сделан и геополитический акцент — президент Академии наук предлагал своим слушателям взглянуть на карту России, чтобы убедиться в необходимости обретения индианистических познаний.

В ноябре 1818 г. по инициативе С.С. Уварова при Академии наук был учрежден Восточный кабинет, который спустя месяц стал именоваться Азиатским музеем⁴⁴ и получил в хранение все восточные манускрипты и старопечатные издания, накопленные в академических учреждениях. Его первому директору и единственному штатному сотруднику акад. Х.Д. Френу⁴⁵ предстояло упорядочить эти материалы, чтобы составить целостное впечатление об имеющемся. В результате классификации было выделено несколько собраний и в том числе первоначально небольшое индийское собрание⁴⁶.

В первой половине 1830-х годов в российском востоковедении начали появляться труды, активизировавшие научный интерес к пополнению индийского собрания Азиатского музея санскритскими рукописями⁴⁷. Первые успехи сравнительного языкознания привлекли внимание образованной части российского общества к идее по-

⁴⁴ В течение первого года функционирования Азиатского музея в его составе были сформированы три отдела: востоковедная библиотека, Азиатский архив (ныне — Архив востоковедов ИВР РАН) и древлехранилище, что свидетельствует об изначальной научно-исследовательской направленности в деятельности этого учреждения.

⁴⁵ Х.Д. Френ руководил Азиатским музеем с 1818 по 1842 г. Его преемником на этом посту стал Борис Андреевич (Альбрехт Бернгард) Дорн (1805–1881), авторству которого принадлежит очерк истории Азиатского музея, охватывающий первое десятилетие его существования. См.: *Dorn B. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. St.-Pbg., 1846.*

⁴⁶ О динамике пополнения Индийского фонда см.: *Воробьев-Десятовский В.С. Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР // Пособова Т.К., Чижикова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М., 1999. С. 7–11.*

⁴⁷ В 1830 г. была опубликована книга почетного академика Ф. Аделунга, посвященная библиографическому обзору изданных произведений на санскрите (*Adelung F. Versuch einer Literatur der Sanskrit-Sprache. St.-Pbg., 1830.*)

иска истоков славянских языков в древних пластах индийской словесности⁴⁸.

Именно в этот период индийское собрание Азиатского музея обогатилось копией одного из наиболее ранних произведений махаянского буддизма, рукопись которого была обнаружена Р.Х. Ленцом (1808–1836)⁴⁹ в библиотеке Оксфордского университета.

Следует подчеркнуть, что вопрос о настоящей необходимости изучения индийского этапа в истории буддизма был впервые поставлен в российском востоковедении Я.И. Шмидтом. Он справедливо полагал, что без знания санскритских источников невозможно достигнуть полнообъемного понимания тех социокультурных форм буддизма, которые исторически сложились в процессе продвижения этой религии из Индии в Центральную Азию⁵⁰ и укоренились в среде бурят и калмыков. Я.И. Шмидт считал, что поиск буддийских произведений на санскрите необходимо вести прежде всего в древлехранилищах Англии и Франции с целью последующего копирования найденных манускриптов⁵¹.

Однако в тот период вести такого рода поиск было чрезвычайно затруднительно, поскольку ни в российском, ни в зарубежном востоковедении еще не сформировалось сколько-нибудь отчетливое представление о структуре буддийского письменного наследия Индии⁵². Обнаружение Р.Х. Ленцом непальской рукописи, содержащей текст «Лали-

⁴⁸ В 1833 г. в Харькове вышло в свет исследование Б.А. Дорна «О родстве языка славянского и санскрита» (на латинском языке). Подробнее см.: *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). С. 78–82.

⁴⁹ О научной деятельности Р.Х. Ленца см.: *Зюграф Г.А.* Роберт Христианович Ленц (1808–1836) // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1960. № 279. Серия востоковедческих наук. Вып. 9. С. 31–38.

⁵⁰ Я.И. Шмидту уже была известна историческая роль тибетских переводов санскритских произведений в процессе укоренения буддизма в Центральной Азии. По инициативе этого выдающегося ученого в Санкт-Петербурге был отпечатан литографским способом каталог к нартанскому изданию Ганджура, поступивший в Азиатский музей в 1835 г. в составе коллекции П.С. Шиллинга фон Канштадта. См.: *Kandjur oder der Index des Kandjur. St.-Pbg.*, 1842.

⁵¹ Копирование рукописей являлось необходимым способом пополнения коллекций Индийского фонда Азиатского музея.

⁵² Санскритское письменное наследие буддизма было почти полностью позабыто в Индии того времени. В открытие для европейской науки этой важнейшей части источниковой базы буддологии значительный вклад внес Б.Х. Ходжсон (1801–1851), британский резидент в Непале. В 1832 г. собранная Б.Х. Ходжсоном коллекция буддийских санскритских рукописей, происходящих из Непала, была передана ведущим западноевропейским востоковедам-индианистам. На основе изучения этих манускриптов Э. Бюрнуф написал первую буддологическую монографию, посвященную источниковедческой проблематике, — «Введение в историю индийского буддизма». См.: *Burnouf E.* Introduction à l'histoire du banduhisme indien. P., 1844.

та-вистара-пураны»⁵³, положило начало изучению санскритских письменных памятников буддизма, получивших распространение в Центральной Азии⁵⁴. Выполненная им в латинской транслитерации копия этого пространного манускрипта является исторически первой единицей хранения в составе буддийской коллекции индийского собрания Азиатского музея⁵⁵.

Новый этап в изучении письменных памятников буддизма начался в России в период институционального оформления востоковедения как самостоятельного направления академических исследований. В обновленном уставе Академии наук, изданном в 1836 г., это направление было обозначено как «история и культура азиатских народов». А с 1841 г. в программу Отделения исторических, филологических и общественных наук⁵⁶ было введено также и «изучение восточных народностей России». С этого времени и началось целенаправленное изучение буддизма как одной из религий, утвердившейся в сопредельных России странах — Монголии и Китае, а также на «инородческих окраинах» империи. В трудах тибетолога А.А. Шифнера (1817–1879) и китаеведа В.П. Васильева (1818–1900) был намечен путь исследования исторического продвижения буддизма в Центральную Азию и на Дальний Восток. В этих регионах, как показал акад. В.П. Васильев, получила распространение именно та ветвь буддизма Индии, лингвистическим средством которой являлся санскрит.

Но в западноевропейском востоковедении становление буддологии шло несколько иным путем. Англо-германская школа буддологических исследований формировалась в проблемном поле индианистики и в последней четверти XIX в. полностью сосредоточилась на изучении буддийской канонической литературы на среднеиндийском языке пали.

Палийский корпус канонизированных текстов, Типитака («Три собрания»⁵⁷), сохранился в оригинале полностью в отличие от санскритской Трипитаки, об историческом существовании которой было извест-

⁵³ Это произведение является наиболее ранним образцом махаянской агиографической литературы о Будде Шакьямуни.

⁵⁴ См.: Lenz R. Analyse du Lalita-Vistara-Pourana, l'un des principaux ouvrages sacrés des bouddhistes de l'Asie Centrale, contenant la vie de leur prophète, et écrit en sanscrit // Bulletin scientifique, publié par l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. 1836. T. I. № 7–13.

⁵⁵ См.: Посова Т.К., Чижикова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 98. Копия, выполненная Р.Х. Ленцом, числится в этом каталоге под № 463 как «Lalitavistara [buddha] purana».

⁵⁶ С 1844 г. — Отделение историко-филологических наук.

⁵⁷ В востоковедной литературе нередко встречается буквальный перевод — «Три корзины».

но в XIX в. лишь по китайским и тибетским переводам⁵⁸. Кодификация текстов Типитаки, начатая предположительно в III в. до н.э., осуществлялась в рамках древней *тхеравады*, представлявшей южную ветвь буддизма Индии. В ходе распространения буддийского вероучения за пределы Индостана школа *тхеравада* утвердилась на о. Цейлон, где положила начало сингальской социокультурной форме буддизма, и в странах Юго-Восточной Азии.

Наблюдавшийся в 1860-х годах рост научного интереса к буддизму в Западной Европе и России вызывался тенденциями пробуждения национального самосознания азиатских народов. Накопление сведений о религиях, древней истории и культуре Востока стало рассматриваться как одна из приоритетных задач, что закономерно сопровождалось появлением востоковедных научных обществ и созданием соответствующих отделений в учрежденных ранее научных организациях⁵⁹.

Палийский канон привлекал пристальное внимание британских индианистов как свод священных текстов, почитаемых колонизованными буддийскими этносами Юго-Восточной Азии. Но одновременно Типитака интересовала западноевропейских ученых и в аспекте получения знаний о так называемом «первоначальном буддизме», непосредственно связанном с периодом деятельности основоположника вероучения. Два первых раздела палийского канона — Сутта (санскр. Сутра, собрание проповедей) и Виная (санскр. Виная, свод религиозно-нравственных наставлений, дополненный нравоучительными повествованиями⁶⁰) — содержали тексты, которые традиция приписывала авторству Будды Шакьямуни. И именно в силу этого Сутта и Виная расценивались боль-

⁵⁸ В состав сводов буддийских текстов, канонизированных в Китае и Тибете, были включены переводы санскритских произведений, канонизированных в традициях школ северной Хинаяны. Этот вопрос был впервые детально изучен В.П. Васильевым во время длительного пребывания в Пекинской православной миссии. Но большая часть его трудов так и не была подготовлена к публикации. Обзор научного вклада акад. В.П. Васильева см.: *Ольденбург С.Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму // *Ольденбург С.Ф.* Этюды о людях науки / Отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., предисл., коммент. А.А. Вигасин. М., 2012. С. 302–322.

⁵⁹ Востоковедение в России стало важным направлением деятельности Императорской археологической комиссии, основанной в 1859 г., Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, учрежденного при Московском университете в 1863 г., Императорского Московского археологического общества, основанного в 1864 г., и Общества археологии, истории и этнографии, созданного при Казанском университете несколько позднее — в 1878 г. Обзор отечественных научных обществ см.: *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1994. С. 29–36.

⁶⁰ Занимательные нравоучительные рассказы в жанре *джатака*, повествующие об эпизодах из прошлых рождений Будды Шакьямуни, и легенды в жанре *авадана*, включенные в состав Винаи, использовались буддийскими наставниками в проповеднической деятельности.

шинством западноевропейских индианистов как единственный аутентичный компендиум сведений о «первоначальном предании» — событиях жизни Будды Шакьямуни и его учении.

Третий раздел — Абхидхамма (санскр. Абхидхарма) считался в этом аспекте менее значимым, поскольку включенные в его состав семь трактатов являлись, как свидетельствовали колофоны рукописей, творениями учеников и последователей основоположника буддизма.

В России изучением палийских канонических произведений занялся И.П. Минаев (1840–1890)⁶¹, родоначальник российской индологии⁶². К началу 1860-х годов в индийском собрании Азиатского музея имелась рукопись, содержащая тексты из Виная-питаки⁶³ — регламенты поведения монахов и монахинь, соответственно образующие первый и второй разделы «Патимоккха-сутты» (санскр. «Пратимокша-сутра»): «Bhikkhupāṭimokkha» и «Bhikkunīpāṭimokkha». Имелись также и рукописи раннесредневековых сингальских комментариев к ним на языке пали⁶⁴ — «Kaṅkhāvitaraṇī». Все три манускрипта, выполненные сингальским письмом на пальмовых листьях, происходили из Цейлона. Источники их поступления в Азиатский музей не были своевременно зафиксированы и так и остались неизвестными. И.П. Минаев подготовил к изданию и перевел на русский язык тексты «Bhikkhupāṭimokkha» и соответствующий раздел «Kaṅkhāvitaraṇī». Публикация его книги «Пратимокша-сутра. Буддийский служебник», вышедшей в свет в 1869 г., стала существенным вкладом в процесс формирования буддологии в качестве востоковедной дисциплины.

В течение двух последующих десятилетий И.П. Минаев поддерживал тесные научные связи с Т.В. Рис-Девидсом, основателем «Общества [по изучению] палийских текстов», и сотрудничал с выпускавшимся

⁶¹ И.П. Минаев обучался на факультете восточных языков под руководством В.П. Васильева, специализируясь в области китаистики и монголоведения. Но затем он предпочел посвятить себя изучению Индии. В период постдипломной научной командировки в Западную Европу (1863–1868) И.П. Минаев слушал лекции Ф. Боппа в Берлинском университете, брал уроки санскрита у проф. Геттингенского университета Т. Бенфея, знакомился с востоковедными древлехранилищами Франции, Англии. В Париже он занимался составлением каталога палийских рукописей Национальной библиотеки. С 1864 г. И.П. Минаев состоял членом Немецкого востоковедного общества. О научной деятельности И.П. Минаева подробнее см.: *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). С. 140–153.

⁶² До И.П. Минаева в России существовала только санскритология, в которой не ставились задачи изучения исторических путей развития культуры Индии. И.П. Минаев первым приступил к выдвижению индологической проблематики в российском востоковедении. Буддологические исследования И.П. Минаева развивались как неотъемлемый аспект его интересов к истории индийской культуры.

⁶³ См.: *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 74. № 321.

⁶⁴ Там же. С. 36. № 84 и № 85.

в Лондоне периодическим изданием этого буддологического объединения.

Хотя И.П. Минаев изучал палийские тексты, его научные позиции отличались от методологических подходов классиков англо-германской буддологической школы, окончательно сложившейся в 1880-х годах. В трудах Т.В. Рис-Девидса, Р. Чилдерса, Г. Ольденберга, опубликованных при жизни И.П. Минаева, прослеживалась тенденция отождествления текстов Типитаки с истинной «религией Будды», якобы изначально простой и догматически незамутненной⁶⁵. Под таким углом зрения исторический буддизм, продолжавший свое существование в многообразии школ и направлений, оказывался обесцененным и не заслуживающим значительного научного внимания. И.П. Минаев, имевший возможность изучить древние археологические артефакты буддийской художественной культуры Северо-Западной Индии, не был согласен с редукцией «первоначального буддизма» только к каноническому наследию южной традиции. Его буддологические исследования развивались в русле опровержения этой идеи⁶⁶.

В первом томе своей итоговой монографии⁶⁷ И.П. Минаев показал, что буддизм исходно представлял собой историческое явление, формировавшееся в период становления канонической традиции не только на юге Индостана, но и на северных его территориях⁶⁸. Анализируя мате-

⁶⁵ Такой подход обуславливался, как показали исследования В.Г. Лысенко, перенесением в область буддологии принципов, разрабатывавшихся в протестантской теологии последней четверти XIX в. Протестантские теологи либерального направления противопоставляли «религию Христа», запечатленную в евангельских текстах, «учениям Церкви», сложившимся в историческом бытии христианских конфессий. Подробнее см.: Лысенко В.Г. Ранняя буддийская философия // Лысенко В.Г., Терентьев А.А., Шохин В.К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М., 1994. С. 32–40.

⁶⁶ Критика методологической неоправданности противопоставления «первоначального» и исторического буддизма была продолжена С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским. В частности, см.: Ольденбург С.Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму // Ольденбург С.Ф. Этюды о людях науки / Отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., предисл. и коммент. А.А. Вигасин. С. 310–315; Щербатской Ф.И. Центральная концепция буддизма и значение термина «дхарма» // Щербатской Ф.И. Труды по буддизму. М., 1988. С. 112–116.

⁶⁷ Минаев И.П. Буддизм. Исследования и материалы. Т. 1. Вып. 1–2. СПб., 1887. Перевод на французский язык: Minayeff I. Recherches sur le bouddhisme. P., 1894.

⁶⁸ Этот вывод был сделан И.П. Минаевым на основе сопоставления сюжетов нравоучительных повествований (*джатак*), включенных в состав палийского канона, с их вариантами, изображенными на рельефах Бхархутской ступы, датируемой II–I вв. до н.э., когда кодификация палийской Винаи еще не завершилась. В 1883 г. вышел в свет подготовленный японским ученым Бунью Нандзё Каталог китайских переводов из санскритской Трипитаки. См.: Nanjio B. A Catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist Tripitaka, the Sacred Canon of the Buddhist of China and Japan. Compiled by Order of the Secretary of the State for India. Oxford, 1883.

риалы по ранней истории буддийских соборов, ученый пришел к выводу, что эти древние религиозные форумы посвящались не спорам о догматической чистоте воззрений той либо иной буддийской школы, а согласованию приемлемых вариантов исполнения религиозно-дисциплинарных предписаний Винаи. Это в свою очередь означало, что ни одна из ранних школ не претендовала на статус ортодоксальной хранилища «Слова Будды», а следовательно, и палийский канон не должен рассматриваться в науке в качестве единственного аутентичного источника знаний о древнем этапе истории буддизма.

Изучение памятников индийской письменности, поступавших в центральноазиатское собрание Азиатского музея из Восточного Туркестана, начиная с 1890-х годов, подтвердило правоту выводов И.П. Минаева. Его выдающиеся ученики-академики, основоположники санкт-петербургской буддологической школы С.Ф. Ольденбург (1863–1934) и Ф.И. Щербатской (1866–1942) выдвинули на передний план проблему изучения письменных памятников северного буддизма⁶⁹. И именно это направление, охватывающее процессы формирования буддийской традиции в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, стало магистральным для дальнейшего развития отечественной и мировой буддологии.

В индийском собрании Азиатского музея северная ветвь буддизма представлена сравнительно небольшим числом манускриптов. Однако среди них имеются весьма интересные и ценные письменные памятники. Два манускрипта содержат литературные произведения, предназначенные для буддистов-мирян. Это — рукописи «*Aśokāvadānamāla*»⁷⁰ и «*Buddhacarita*»⁷¹. В первой представлен текст «Гирлянды легенд о [царе] Ашоке», выполненный письмом деванагари. Рукопись хорошей сохранности, весьма объемная (формат 43×13; 332 л). Источник ее поступления в Азиатский музей остается неизвестным. Рукопись использовалась в издании: *Бонгард-Левин Г.М., Волкова О.Ф.* Легенда о Кунале. М., 1963.

Произведение представляет собой сборник литературно обработанных нарративов о царственном покровителе буддизма имп. Ашоке Маурье (III в. до н.э.). Тематически «Гирлянда легенд о [царе] Ашоке» примыкает к канонической «Ашока-авадане» из состава Винаи. Жанр *авадана*, обычно интерпретируемый как «легенда» или «предание»,

⁶⁹ В 1897 г. по инициативе С.Ф. Ольденбурга на базе Российской Императорской Академии наук с целью публикации письменных памятников северного буддизма, исследований и переводов была учреждена международная научно-издательская серия “*Bibliotheca Buddhica*”, просуществовавшая до 1937 г.

⁷⁰ См.: *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 27. № 35.

⁷¹ С. 79. № 346.

имел в буддийской традиции древней и раннесредневековой Индии специфическую идеологическую нагрузку, связанную с учением о достойном действии⁷². К категории «достойных» относились бескорыстные деяния, соответствующие ценностной аксиоматике буддизма и порождающие в качестве своего трансцендентного (кармического) следствия религиозную заслугу (санскр. *пунья*). Отметим, что «Гирлянда легенд о [царе] Ашоке» является важным источником сведений о буддийской концепции благой верховной власти.

Вторая рукопись содержит жизнеописание Будды Шакьямуни, составленное в форме поэмы мыслителем махаянского направления Ашвагхошей (I–II вв.) на великолепном классическом санскрите. Рукопись хорошей сохранности, выполнена письмом деванагари (формат 17×22,5; 11 л.). В состав индийского собрания она поступила в 1937 г., когда фонды Азиатского музея уже находились в хранении Института востоковедения АН СССР, созданного в Ленинграде в 1930 г. Рукопись была привезена из Монголии М.И. Тубянским (1893–1937)⁷³, учеником акад. Ф.И. Щербатского. Не использовалась ни в отечественных, ни в зарубежных изданиях.

«Буддхачарита» относится к разряду ранних буддийских агиографических произведений, в ряду которых стоят «Лалита-вистара-пурана», «Махавасту», «Нидана-каткха». Хотя поэма Ашвагхоши несет в себе приметы принадлежности к махаянскому буддизму, это произведение тесно связано с текстами Трипитаки — сутрами, содержащими сообщения о событиях религиозной деятельности Будды, и каноническими джатаками.

В данной связи отметим, что в Индийском фонде имеется манускрипт, содержащий палийское агиографическое произведение, посвященное Будде, — «Pathamasambodhi»⁷⁴, в котором жизнеописание Учителя излагается с периода обретения Просветления. Рукопись выполнена кхмерским письмом на пальмовых листьях (в досках); формат 54×5; 224 л. (14 связок, без окончания текста). Манускрипт поступил в Ази-

⁷² Концепция достойного действия изложена в четвертом разделе трактата Васубандху (IV–V вв.) «Абхидхармакоша» («Энциклопедия буддийской канонической философии») — «Учение о карме». См.: *Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша)*. Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме / Изд. подгот. Е.П. Островская, В.И. Рудой. М.: 2001. С. 615–622. Отметим, что содержание широко известных эпиграфических эдиктов Ашоки напрямую соотносится с буддийским учением о достойном действии.

⁷³ О научной деятельности М.И. Тубянского см., в частности: *Островская Е.П.* М.И. Тубянский (1893–1937) как представитель отечественной научной школы // Пятые восточные чтения памяти О.О. Розенберга. Труды участников научной конференции. СПб., 2012. С. 45–60.

⁷⁴ См.: *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 73. № 313.

атский музей в 1907 г. в составе коллекции рукописей (35 ед.), привезенной российским ученым-этнографом Н.И. Воробьевым из Юго-Восточной Азии. В ней представлены буддийские произведения на языках пали, сингальском, кхмерском, тайском. В их число вошли и канонические тексты, в частности, сборники джатак из Куддхака-никаи (раздел Виная-питаки).

Хранящиеся в Индийском фонде рукописи буддийских трактатов на санскрите по науке логики характеризуют классический этап в истории философии махаянского направления. Как известно, буддийская философия в качестве высокоразвитого теоретического умозрения была открыта для европейской науки акад. Ф.И. Щербатским. Его первая работа в этом направлении посвящалась трактату Дхармакирти (600–660) «Ньяя-бинду» и комментарию к нему «Ньяябинду-тика» Дхармоттары (предположительно 750–810)⁷⁵. В Индийском фонде имеется непальская рукопись «Nyāyabinduṭīkā»⁷⁶, выполненная письмом невари на пальмовых листьях (формат 28×5,5; 60 л.; отсутствуют л. 1–8, 27, 41, 43, 55). Источник и дата ее поступления в Азиатский музей не выяснен. Рукопись не использовалась ни в отечественных, ни в зарубежных изданиях.

Отметим, что в индийском собрании имеется также и рукопись контркомментария к «Ньяябинду-тике», составленного мыслителем-джалавадином Маллавадином (VIII в.), — «Dharmottaraṭīpanaka»⁷⁷. Это выполненная в 1911 г. копия с манускрипта из древлехранилища храма Паршванатхи в Джайсалмере; письмо деванагари; формат 21×18; 111 л. Источник ее поступления в Азиатский музей не известен.

Отдельный научно-исторический сюжет связан с рукописью буддийского трактата по науке логики «Nyāyārgraveśa»⁷⁸. Рукопись без окончания, выполнена письмом деванагари; формат 27,5×13; 20 л. Источник ее поступления в Азиатский музей не известен.

Вплоть до начала 1910-х годов санскритский оригинал «Ньяяправеша» считался утраченным. Но в собраниях Азиатского музея имелись его переводы на китайский и тибетский языки. Интерес к этому произведению со стороны Ф.И. Щербатского, возникший еще в начале 1900-х гг., был обусловлен тем, что в «Ньяяправеше» излагаются логико-теоретические концепции, необходимые для понимания эпистемологических идей махаянской школы *виджнянавада* (*йогачара*). Кро-

⁷⁵ Щербатской Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1. Учебник логики Дхармакирти с толкованием на него Дхармоттары. Ч. 2. Учение о восприятии и умозаключении. СПб., 1903–1909.

⁷⁶ См.: Посова Т.К., Чижикова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 71. № 299.

⁷⁷ Там же. С. 64. № 261.

⁷⁸ Там же. С. 70. № 295.

ме того, как удалось выяснить О.О. Розенбергу (1888–1919), ученику Ф.И. Щербатского, именно «Ньяяправеша» в китайском переводе выступала основой изучения буддийской логики в Японии⁷⁹ и породила там объемную комментаторскую традицию.

Санскритский оригинал трактата был обнаружен в индийском собрании Азиатского музея Н.Д. Мионовым (1880–1936)⁸⁰, который с 1903 г. занимался по заданию Министерства народного просвещения каталогизацией индийских рукописей⁸¹. В связи с этой находкой С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Щербатской планировали комплексный научно-издательский проект для серии “*Bibliotheca Buddhica*”. Предполагалось издать санскритский оригинал, тибетский и китайский переводы «Ньяяправеша», а также санскритский комментарий «Ньяяправеша-тика» Харибхадры, рукопись которого в 1912 г. С.Ф. Ольденбург передал в Азиатский музей. (Это — копия с манускрипта Деканского колледжа⁸².)

Предполагалось, что к изданию тексты санскритского оригинала «Ньяяправеша» и комментария Харибхадры будет готовить Н.Д. Мионов, а подготовкой текста китайского перевода займется по возвращении из Японии О.О. Розенберг. Тибетским текстом Ф.И. Щербатской намеревался заняться сам. Также планировалось составить трехязычный (санскритско-тибетско-китайский) терминологический индекс.

Однако эти планы были нарушены событиями, связанными с Октябрьской революцией 1917 г. Н.Д. Мионов, состоявший в аппарате Временного правительства, бежал из Петрограда в Иркутск, откуда в годы Гражданской войны ушел в эмиграцию. О.О. Розенберг также покинул Петроград. В 1919 г. этот выдающийся молодой ученый умер в Таллинне от осложнения на сердце после тяжелого эпидемического заболевания.

Работу над проектом взял на себя М.И. Тубянский, зачисленный в штат Азиатского музея по рекомендации Ф.И. Щербатского в 1920 г. Проведенное им исследование показало, что автором «Ньяяправеша» являлся не индийский логик Дигнага (450–520), как полагал Н.Д. Ми-

⁷⁹ Об этом он сообщал в письме Ф.И. Щербатскому от 19 мая 1913 г., опубликованном А.А. Вигасиным в составе писем О.О. Розенберга из Японии. См.: *Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы)*. С. 484.

⁸⁰ О научной деятельности Н.Д. Мионова см.: *Вигасин А.А. Эмигранты: Н.Д. Мионов и А.А. Сталь-Гольштейн // Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы)*. С. 495–503.

⁸¹ Н.Д. Мионов успел выполнить только часть этого задания, связанную с описанием рукописей на санскрите и пали. См.: *Мионов Н.Д. Каталог индийских рукописей*. Пг., 1914 (Каталоги Азиатского музея. Вып. 1).

⁸² См.: *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 70. № 297. Копия выполнена письмом деванагари; формат 21×34; 17 л.

ронов, а его ученик Шанкарасвамин⁸³. Однако завершить работу над проектом М.И. Тубьянскому не удалось, так как типографский набор тибетского и китайского текстов памятника был приостановлен из-за недофинансирования. В персональном фонде М.И. Тубьянского, хранящемся в Архиве востоковедов ИВР РАН, отложились гранки этого труда — 21 страница тибетского и 76 страниц китайского переводов «Ньяяправеша». Санскритский оригинал трактата был издан Н.Д. Мироновым в 1931 г. в Лейдене⁸⁴.

Имеются в Индийском фонде и две рукописи произведений классика махаянской философской мысли Камалашилы (VIII в.), ученика и сподвижника Шантаракшиты — настоятеля монастыря-университета Наланда и прославленного проповедника буддизма в Тибете. Одна из них содержит мегакомментарий к трактату Шантаракшиты «Таттвасамграха» — «*Tattvasamgrahapāñjikā*»⁸⁵, выполненная письмом деванагари; формат 21×18; 1524 л. В рукописи представлены главы 1–5 произведения. Ни время, ни источник ее поступления в Азиатский музей выявить не представляется возможным. Рукопись не использовалась ни в отечественных, ни в зарубежных изданиях.

В другой рукописи содержится санскритский оригинал трактата Камалашилы «Бхаванаakraма». Рукопись выполнена письмом невари⁸⁶, формат 46×8,5. Использована в издании: *Камалашила. Бхаванаakraма* (Трактат о созерцании) / Факсимиле с предисловием Е.Е. Обермиллера. М., 1963.

Манускрипт является ценнейшим раритетом. Кроме него науке известны только две рукописи «Бхаванаakraмы» в санскритском оригинале. В Азиатский музей манускрипт был передан С.Ф. Ольденбургом в 1912 г. Талантливейший ученик Ф.И. Щербатского востоковед-буддолог Е.Е. Обермиллер (1901–1935) обратился к этой рукописи в связи с работой над переводом историографического трактата тибетского мыслителя Бутона Ринчендупа (1290–1364) «История буддизма». «Бхаванаakraма» представляет значительный научный интерес, так как в ней отмечены узловые пункты полемики между буддийскими школами Тибета на раннем этапе их становления. В предисловии к факсимильному изданию рукописи Е.Е. Обермиллер характеризовал ее следующим образом: «Весьма интересно отметить, что наш источник находится в трудах того самого Камалашилы, который одержал победу в

⁸³ См.: *Tubiansky M.I. On the Authorship of Nyāyapraveśa* // Известия АН СССР. Серия 6. 1926. Т. 20. № 9. С. 975–982.

⁸⁴ *Nyāyapraveśa. I. Sanskrit Text ed. and reconstructed by N.D. Mironov* // T'oung Pao. 1931. 1–2. С. 1–24.

⁸⁵ *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 57. № 213.

⁸⁶ Там же. С. 84. № 376.

диспуте, описанном Бутоном⁸⁷. Азиатский музей Академии наук в Ленинграде обладает маленькой санскритской рукописью, являющейся даром покойного далай-ламы и привезенной из Тибета Цанид-Хамбо Агван Доржиевым, Верховным Ламой бурятских и калмыцких буддистов. Упомянутая рукопись состоит из восьми листов серой тибетской бумаги, написана четким и правильным непальским алфавитом, ошибок мало. Углы листов обожжены, но повреждения очень незначительны (обычно с обеих сторон недостает не более 3–4 букв)⁸⁸.

Подводя итог изложенному, необходимо сказать, что буддийские рукописи из Юго-Восточной Азии, отложившиеся в Индийском фонде ИВР РАН, заслуживают отдельного рассмотрения. Большая часть из них еще лишь поверхностно изучена.

В настоящее время, учитывая успехи буддологии и, в частности, историко-философских исследований в этой области, требуется заново определить целый ряд манускриптов и пересмотреть прежние квалификации. Без выполнения такой работы практически невозможно классифицировать и адекватно оценить научную значимость этих материалов, установить их реальную численность в составе собрания. Кроме того, необходимо сопоставить номенклатуру буддийской коллекции Индийского фонда ИВР РАН с каталогами манускриптов, отложившихся в других, отечественных и зарубежных, востоковедных древлехранилищах. Буддийская часть индийского собрания разноязыка и разнописменна, что наряду с содержательной сложностью материала затрудняет проблему исчерпывающего описания коллекции. Тем не менее начать можно было бы с составления отдельного перечня буддийских манускриптов. Эти задачи настоятельно требуют своего разрешения, так как в настоящее время изучению религий и, в частности, письменного наследия буддизма придается большое значение во всем мире.

Литература

Азиатская академия. Заметки Хаханова о проекте Кера и проекте гр. Уварова с критическими замечаниями Де-Местра // Кавказский вестник. 1902. № 8–9. С. 44–59.

Aziatskaya akademiya. Zаметki Hahanova o proekte Kera i proekte gr. Uvarova s kriticheskimi zamechaniyami De-Mestra // Kavkazskiy vestnik. 1902. № 8–9. S. 44–59.

Базильянц А.П., Гринкруг И.М. Три проекта организации изучения восточных языков и Востока в России // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 г.). М., 1984.

⁸⁷ Имеется в виду диспут в Самье, первом буддийском монастыре Тибета (792 или 797 г., по данным разных источников).

⁸⁸ Камалашила. Бхаванакрама (Трактат о созерцании) / Факсимиле с предисловием Е.Е. Обермиллера. С. 14.

- Bazilyants A.P., Grinkrug I.M.* Tri proekta organizatsii izucheniya vostochnykh yazykov i Vostoka v Rossii // Formirovanie gumanisticheskikh traditsiy otechestvennogo vostokovedeniya (do 1917 g.). M., 1984.
- Васубандху.* Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме / Изд. подгот. Е.П. Островская, В.И. Рудой. М.: 2001.
- Vasubandhu.* Entsiklopediya Abhidharmyi (Abhidharmakosha). Razdel III: Uchenie o mire; Razdel IV: Uchenie o karme / Izd. podgot. E.P. Ostrovskaya, V. I. Rudoy. M.: 2001.
- Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.
- Vigasin A.A.* Izuchenie Indii v Rossii (ocherki i materialyi). M., 2008.
- Воробьева-Десятовская М.И.* Великие открытия русских ученых в Центральной Азии. СПб., 2011.
- Vorobyova-Desyatovskaya M.I.* Velikie otkryitiya russkikh uchenykh v Tsentralnoy Azii. SPb., 2011.
- Воробьев-Десятовский В.С.* Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) // Очерки по истории русского востоковедения. Т. 2. М., 1956.
- Vorobyov-Desyatovskiy V.S.* Russkiy indianist Gerasim Stepanovich Lebedev (1749–1817) // Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya. T. 2. M., 1956.
- Воробьев-Десятовский В.С.* Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР // *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М., 1999. С. 7–11.
- Vorobyov-Desyatovskiy V.S.* Sobranie indiyских rukopisey Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR // *Posova T.K., Chizhikova K.L.* Kratkiy katalog indiyских rukopisey Instituta vostokovedeniya RAN. M., 1999. S. 7–11.
- Гуров Н.В.* У истоков отечественной индологии (русско-«индийский» разговорник 1773 года) // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Тезисы докладов. СПб., 2006.
- Gurov N.V.* U istokov otechestvennoy indologii (russko-«indiyskiy» razgovornik 1773 goda) // Vostokovedenie i afrikanistika v universitetah Sankt-Peterburga, Rossii, Evropyi. Tezisy dokladov. SPb., 2006.
- Зограф Г.А.* Роберт Христианович Ленц (1808–1836) // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1960. № 279. Серия востоковедческих наук. Вып. 9. С. 31–38.
- Zograf G.A.* Robert Hristianovich Lents (1808–1836) // Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 1960. № 279. Seriya vostokovedcheskikh nauk. Vyip. 9. S. 31–38.
- Камалашила.* Бхаванахрама (Трактат о созерцании) / Факсимиле с предисловием Е.Е. Обермиллера. М., 1963.
- Kamalashila.* Bhavanakrama (Traktat o sozertsanii) / Faksimile s predisloviem E.E. Obermillera. M., 1963.
- Ключевский В.О.* Русская история. М., 2004.
- Klyuchevskiy V.O.* Russkaya istoriya. M., 2004.
- Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1994.
- Kulikova A.M.* Vostokovedenie v rossiyskikh zakonodatelnykh aktah (konets XVII v. — 1917 g.). SPb., 1994.
- Кюнер Н.В.* Описание Тибета. Владивосток, 1908. Т. II. Вып. 1.

- Kyuner N.V.* Opisanie Tibeta. Vladivostok, 1908. Т. II. Vyip. 1.
- Ломоносов М.В.* Собрание сочинений. М.–Л., 1950–1959. Т. X.
- Lomonosov M.V.* Sbranie sochineniy. M.–L., 1950–1959. Т. X.
- Лысенко В.Г.* Ранняя буддийская философия // *Лысенко В.Г., Терентьев А.А., Шохин В.К.* Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М., 1994.
- Lyisenko V.G.* Rannaya buddiyskaya filosofiya // *Lyisenko V.G., Terentev A.A., Shohin V.K.* Rannaya buddiyskaya filosofiya. Filosofiya dzhaynizma. M., 1994.
- Людвиг Э. Гёте.* М., 1955.
- Lyudvig E. Gyote.* M., 1955.
- Минаев И.П.* Буддизм. Исследования и материалы. Т. 1. Вып. 1–2. СПб., 1887.
- Minaev I.P.* Buddizm. Issledovaniya i materialyi. Т. 1. Vyip. 1–2. SPb., 1887.
- Минаев И.П.* Страна Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. М., 2009.
- Minaev I.P.* Strana Indiya. Zametki na «Hozhenie za tri morya» Afanasiya Nikitina. M., 2009.
- Миронов Н.Д.* Каталог индийских рукописей. Пг., 1914 (Каталоги Азиатского музея. Вып. 1).
- Mironov N.D.* Katalog indijskih rukopisey. Pg., 1914 (Katalogi Aziatskogo muzeya. Vyip. 1).
- Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. Ч. IV. М., 1811. С. 27–52, 96–120.
- Myisli o zavedenii v Rossii Akademii Aziatskoy // Vestnik Evropyi. Ch. IV. M., 1811. S. 27–52, 96–120.
- Новлянская М.Г.* Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.
- Novlyanskaya M.G.* Daniil Gotlib Messershmidt i ego raboty po issledovaniyu Sibiri. L., 1970.
- Ольденбург С.Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму // *Ольденбург С.Ф.* Этюды о людях науки / Отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., предисл., коммент. А.А. Вигасин. М., 2012.
- Oldenburg S.F.* Pamyati Vasiliya Pavlovicha Vasileva i o ego trudah po buddizmu // *Oldenburg S.F.* Etyudy o lyudyah nauki / Otв. red. S.D. Serebryaniy; sost., predisl., komment. A.A. Vigasin. M., 2012.
- Островская Е.П.* М.И. Тубянский (1893–1937) как представитель отечественной научной школы // Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Труды участников научной конференции. СПб., 2012. С. 45–60.
- Ostrovskaya E.P.* M.I. Tubyanskiy (1893–1937) kak predstavitel otechestvennoy nauchnoy shkoly // Pyatyie vostokovednyie chteniya pamyati O.O. Rozenberga. Trudyi uchastnikov nauchnoy konferentsii. SPb., 2012. S. 45–60.
- Паллас П.С.* Путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773–1778.
- Pallas P.S.* Puteshestviya po raznyim provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva. SPb., 1773–1778.
- Петр Симон Паллас.* Некоторые сведения о живущих в Астрахани индийцах / Пер. с немецкого и комментарии К.Д. Никольской // *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.
- Petr Simon Pallas.* Nekotoryie svedeniya o zhivuschih v Astrahani indiytsah / Per. s nemetskogo i kommentarii K.D. Nikolskoy // *Vigasin A.A.* Izuchenie Indii v Rossii (ocherki i materialyi). M., 2008.

- Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М., 1999.
- Posova T.K., Chizhikova K.L.* Kratkiy katalog indiyских rukopisey Instituta vostoковedeniya RAN. M., 1999.
- Речь президента Имп. Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного Педагогического института 22 марта 1818 г. СПб., 1818.
- Rech prezidenta Imp. Akademii nauk, popечitelya Sankt-Peterburgskogo uchebnogo okruga v torzhestvennom sobranii Glavnogo Pedagogicheskogo instituta 22 marta 1818 g. SPb., 1818.
- Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Высочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1–2. СПб., 1787–1789.
- Sravnitelnyie slovari vseh yazykov i narechiy, sobrannyye desnitseyu Vyisochayshey osobyi. Otdelenie pervoe, soderzhashee v sebe evropeyskie i aziatskie yazyiki. Ch. 1–2. SPb., 1787–1789.
- Топоров В.Н.* Об индийском варианте «говорения языками» в русской мистической традиции // Wiener Slavistischer Almanach. Т. 23. Wien, 1989.
- Toporov V.N.* Ob indiyском variante «govoreniya yazyikami» v russkoy misticheskoy traditsii // Wiener Slavistischer Almanach. Т. 23. Wien, 1989.
- Труды Архива АН СССР. М.–Л., 1959. Вып. 3.
- Trudy Arhiva AN SSSR. M.–L., 1959. Vyip. 3.
- Шувалов М.П.* Критико-библиографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера // Материалы государственного архива Министерства иностранных дел. М., 1893. Вып. 5. С. 89–110.
- Shuvalov M.P.* Kritiko-bibliograficheskiy ocherk zhizni i deyatelnosti orientalista Kera // Materialy gosudarstvennogo arhiva Ministerstva inostrannyih del. M., 1893. Vyip. 5. S. 89–110.
- Щербатской Ф.И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1. Учебник логики Дхармакирти с толкованием на него Дхармоттары. Ч. 2. Учение о восприятии и умозаключении. СПб., 1903–1909.
- Scherbatskoy F.I.* Teoriya poznaniya i logika po ucheniyu pozdneyshih buddistov. Ch. 1. Uchebnik logiki Dharmakirti s tolkovaniem na nego Dharmottaryi. Ch. 2. Uchenie o vospriyatii i umozaklyuchenii. SPb., 1903–1909.
- Щербатской Ф.И.* Центральная концепция буддизма и значение термина «дхарма» // *Щербатской Ф.И.* Труды по буддизму. М., 1988.
- Scherbatskoy F.I.* Tsentralnaya kontseptsiya buddizma i znachenie termina «dharma» // *Scherbatskoy F.I.* Trudy po buddizmu. M., 1988.
- Adelung F.* Versuch einer Literatur der Sanskrit-Sprache. St.-Pbg., 1830.
- Archiv für asiatische Literatur, Geschichte und Sprachwissenschaft. Bd I. St.-Pbg., 1810.
- Bayer Th.S.* Elementa litteraturae Brachamanicae, Tangutanae, Mungalicae // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Т. III. St.-Pbg., 1728 (1732).
- Bayer T.S.* Historia regni Graecorum Bactriani. Petropoli, 1738.
- Burnouf E.* Introduction à l'histoire du Bouddhisme indien. P., 1844.
- Dorn B.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. St.-Pbg., 1846.
- Etudes de philologie et de critique par M. Ouvaroff. St.-Pbg., 1843.

- Ideen zu einer Asiatischen Academie. St.-Pbg., 1811.
 Kandjur oder der Index des Kandjur. St.-Pbg., 1842.
Lenz R. Analyse du Lalita-Vistara-Pourana, l'un des principaux ouvrages sacrés des bouddhistes de l'Asie Centrale, contenant la vie de leur prophète, et écrit en sanscrit // Bulletin scientifique, publié par d'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. 1836. T. I. № 7–13.
Minayeff I. Recherches sur le bouddhisme. P., 1894.
Nanjio B. A Catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist Tripitaka, the Sacred Canon of the Buddhist of China and Japan. Compiled by Order of the Secretary of the State for India. Oxford, 1883.
 Nyāyapraveśa. I. Sanskrit Text ed. and reconstructed by N.D. Mironov // T'oung Pao. 1931. 1–2. P. 1–24.
 Projet d'une Académie Asiatique. St.-Pbg., 1810. [Без указания автора.]
Schmidt I.J. Über einige Grundlehren des Buddhismus // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. VI-e série, sciences politiques, histoire et philologie. T. I. St.-Pbg., 1832.
Schmidt I.J. Über den Ursprung der tibetischen Schrift // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. VI-e série, sciences politiques, histoire et philologie. T. I. St.-Pbg., 1832. P. 41–54 и 1 табл.
Tubyansky M.I. On the Authorship of Nyāyapraveśa // Известия АН СССР. Серия 6. 1926. Т. 20. № 9. С. 975–982.

E.P. Ostrovskaya

**BUDDHIST MANUSCRIPTS IN THE INDIAN
 COLLECTION OF IOM RAS:
 HISTORY OF COLLECTING AND PERSPECTIVES OF STUDY**

Summary: The topic of the article is the history of collecting and perspectives of study of the Buddhist manuscripts housed in the Indian part of collection of the IOM RAS. The structure of written heritage of Northern Buddhism is shown in correlation with specific features of Buddhist manuscripts in the IOM RAS. Special attention is paid to the Sanskrit part of the collection. The article demonstrates the main problems and perspectives of study of the Buddhist manuscripts in the context of contemporary research trends.

Key words: Buddhism, Buddhist manuscripts, India, Indian collection of the IOM RAS.

Т.А. Пан

**МАНЬЧЖУРСКИЕ ЗАПИСИ ПО ШАМАНИЗМУ СИБЭ
ИЗ АРХИВА Н.Н. КРОТКОВА**

Николай Николаевич Кротков, дипломат и ученый, был первым исследователем этнографии и религии тунгусо-маньчжурского племени сибэ (сибо), по приказу императора Цяньлуна переселенных в 1764 г. с северо-востока Китая в Синьцзян. В 1913 г. Н.Н. Кротков опубликовал свою единственную статью о шаманстве у сибэ, проживающих в Илийском крае и Тарбагатае. Черновые варианты его статьи и подготовительные материалы хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН. Вопросы о шаманах и ответы на них, записанные учителем маньчжурского языка Балишанем, раскрывают последовательность исследовательской работы ученого, публикуются в русском переводе с маньчжурского языка.

Ключевые слова: маньчжурский язык, сибэ (сибо), шаманизм, Илийский край, Тарбагатай, Н.Н. Кротков.

Имя Николая Николаевича Кроткова (1869–1919) хорошо известно специалистам, занимающимся среднеазиатскими коллекциями Института восточных рукописей РАН. Благодаря его собирательской деятельности в Восточном Туркестане на рубеже XIX–XX вв. Азиатский музей приобрел редчайшие рукописи на уйгурском, согдийском, монгольском, индийских и других языках. Выпускник маньчжурско-китайского отделения Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, после окончания учебы в 1894 г. он был назначен драгоманом русского консульства в Кульдже и инспектором консульской школы толмачей и переводчиков. Позднее Н.Н. Кротков был секретарем консульства в Гирине, Цицикаре и Кульдже, а затем, до 1912 г. — консулом в Урумчи¹.

¹ Свидетельство об освобождении Н.Н. Кроткова от должности российского консула в Урумчи датировано 20 февраля 1912 г. (Архив востоковедов. Ф. 32. Оп. 1. № 1). О консульской деятельности Н.Н. Кроткова свидетельствуют хранящиеся в Архиве востоковедов (Ф. 32. Оп. 1. № 11–15) архивные материалы, которые включают в себя доне-

Именно в тот период на территории Восточного Туркестана европейскими и российскими учеными развертывалась активная научная археологическая археографическая деятельность. Благодаря планомерной собирательской работе первого российского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского (1837–1908), который «первый заставил ученых обратить деятельное внимание на научные сокровища Китайского Туркестана»², фонды Императорского Эрмитажа, Азиатского музея Императорской Академии наук и музей императорского Русского Археологического Общества приобрели документы на древне- и новоуйгурском, согдийском, среднесирийском, древнеиндийском, персидском и других языках из района Кашгара и предгорий Памира. Его увлеченность не могла оставить безучастными и членов других российских консульств. Как отмечал С.Ф. Ольденбург, «дело Николая Федоровича продолжают в Кашгаре, его продолжают и на другой окраине Китайского Туркестана и даже за пределами его, в Урумчи: в лице Н.Н. Кроткова и С.В. Сокова»³ Николай Федорович признал бы своих преемников и продолжателей его дела»⁴. Несмотря на большую занятость на дипломатической службе, Н.Н. Кротков находил время для научных востоковедных занятий — сбора материалов, рукописей. Благодаря его усилиям и увлеченности Азиатский музей Санкт-Петербурга пополнился одной из самых больших коллекций центральноазиатских документов, собранных им в районах Кульджи и Урумчи. Первые рукописи от Н.Н. Кроткова были получены в 1898 г., о чем свидетельствуют «Протоколы историко-филологического отделения Академии наук» (Протоколы ИФО, 1909, от 16 сентября, пункт 238) и «Протоколы Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» за 1906–1912 гг. (Протоколы Русского комитета, 1908, № 2 от 10 мая, пункт 28; № 4 от 22 сентября,

сения Н.Н. Кроткова (№ 11), «сообщения и отношения китайского правительства русскому дипломатическому агенту Н.Н. Кроткову» (№ 13) и другие документы на китайском, маньчжурском и русском языках. До Октябрьской революции служил агентом Министерства торговли и промышленности в г. Софии. Работал в Азиатском музее (1 октября — 4 ноября 1918 г.). См.: Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., переработанное, подготовил А.Н. Кононов. М., 1989. С. 136.

² Ольденбург С.Ф. Памяти Николая Федоровича Петровского 1837–1908 // ЗВОРАО. СПб., 1910. Т. XX. С. 8. О научных находках Н.Ф. Петровского красноречиво повествуют его письма. См.: *Петровский Н.Ф.* Туркестанские письма / Отв. ред. В.С. Мясников, сост. В.Г. Бухерт. М., 2010. См. также: *Попова И.Ф.* Российские экспедиции в Центральной Азии на рубеже XIX–XX веков // Российские экспедиции в Центральной Азии в конце XIX — начале XX века / Под ред. И.Ф. Поповой. СПб., 2008. С. 11–39.

³ Соков Сергей Васильевич — консул в Кашгаре в 1909–1914 гг., с 1911 г. — генеральный консул.

⁴ Ольденбург С.Ф. Памяти Николая Федоровича Петровского. С. 3.

пункт 49 и др.)⁵. СобираТЕЛЬская работа Н.Н. Кроткова была высоко оценена учеными-востоковедами: в 1910 г. он был утвержден в звании корреспондента Музея антропологии и этнографии, а также в звании почетного члена-корреспондента Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

Однако его личные научные интересы были связаны со специализацией, полученной в университете, — китаистика и маньчжуроведение. Он не случайно был назначен драгоманом консульства в Кульдже, так как его знание китайского и маньчжурского языков было необходимо в этом районе Синьцзяна, где среди местного мусульманского населения были расселены знаменитые цинских войск: китайцы, маньчжуры, сибинцы (сибэ)⁶, дауры и солоны. В Кульдже Н.Н. Кротков продолжил занятия маньчжурским языком с учителем консульской школы переводчиков Балишанем и начал сбор материалов по этнографии и религии народа сибэ. Вернувшись в Петроград в 1918 г., Н.Н. Кротков привез из Китая коллекцию маньчжурских рукописей, которую он позднее передал в Азиатский музей. В том же году в течение месяца он составил каталог — «Фонд маньчжурских книг, находящихся в Азиатском музее Российской Академии наук», в котором отмечено 323 рукописи и ксилографа (Архив востоковедов. Ф. 32. Оп. 1. № 10). В этом списке нет рукописей из личной коллекции Н.Н. Кроткова, которые позже были учтены в каталогах М.П. Волковой и Т.А. Пан⁷. В настоящее время материалы Н.Н. Кроткова хранятся в рукописной коллекции (16 рукописей и 4 ксилографа) и Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН⁸.

Увлечение Н.Н. Кроткова шаманизмом сибэ вылилось в планомерное собирательство материалов по этому вопросу, а затем — в единст-

⁵ Турфанские и другие среднеазиатские документы, присланные Н.Н. Кротковым, упоминаются в письмах С.Ф. Ольденбурга и В.В. Радлова. Письма С.Ф. Ольденбурга хранятся в фонде Н.Н. Кроткова (Ф. 32. Оп. 2. № 9; В.В. Радлова — Оп. 2. № 11).

⁶ Сибинцы — тунгусо-маньчжурское племя, находившееся в составе цинских войск и переселенное в 1764 г. по приказу императора Цяньлуна вместе с солонами и даурами из Маньчжурии в Синьцзян после разгрома Джунгарского ханства. В русской литературе их называли *сибинцы*, в современной научной литературе их называют *сибо* (иногда *сибо-маньчжуры*) по транскрипции китайских иероглифов этого этнонима. По-маньчжурски они называют себя *сибэ*, поэтому в своей работе я использую этот этноним как самоназвание племени.

⁷ Волкова М.П. Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1965; Волкова М.П. Описание маньчжурских ксилографов Института востоковедения АН СССР. Вып. 1. М., 1988; Pang T.A. Descriptive Catalogue of Manchu Manuscripts and Blockprints in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. Issue 2. Wiesbaden, 2001.

⁸ Материалы Н.Н. Кроткова с библиографией подробно описаны в статье: Яхонтов К.С. Сводный очерк российских материалов по языку и культуре народа *сибо* // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1993. Вып. 2–3. С. 113–137.

венно опубликованную им в 1913 г. статью «Краткие заметки о современном состоянии шаманства у сибо, живущих в Илийской области и Тарбагатае»⁹. Она основана на опросах знакомых сибэ и сибэ-солон¹⁰, проживавших в Кульдже, в деревнях по левому берегу реки Или, в Хуйюань-чэне (к северо-западу от Кульджи) и Чугучаке (Тарбагатае). Как отмечал сам Н.Н. Кротков, «усердного помощника в этом деле я встретил в лице сибинца Балишаня, под руководством которого изучал в Кульдже разговорный язык сибинцев. Балишань передал мне все, что он сам знал о шаманах, и наиболее важное из своих рассказов по моей просьбе записал мне. Когда на какой-нибудь вопрос о шаманах наставник мой не мог дать вполне точного и ясного ответа, он обращался с вопросами к другим сибинцам и, если добытые таким образом сведения все же меня не удовлетворяли, отправлялся в сибинские селения и в большинстве случаев добивался-таки того, что мне было нужно»¹¹. Именно Балишань был постоянным спутником Н.Н. Кроткова в поездках по Илийскому краю, о чем исследователь-дипломат написал в своем очерке «Поездка осенью 1899 года в сибинский монастырь»¹².

Статья Н.Н. Кроткова оказалась первой и долгое время оставалась единственной работой по шаманизму сибэ. В ней автор впервые описывает мир шаманских духов сибэ, этапы обучения шамана, его камлания во время лечения различных болезней. Статья сопровождается фотографиями, сделанными Н.Н. Кротковым в Чугучаке, а также описанием редкой шаманской иконы, которую он видел в 1908 г. в доме одного из сибинских чиновников. До сих пор работа Н.Н. Кроткова по сибинскому шаманизму является образцовой и стала библиографической редкостью. Она была переведена на немецкий язык и дважды на китайский язык¹³.

⁹ Кротков Н.Н. Краткие заметки о современном состоянии шаманства у сибо, живущих в Илийской области и Тарбагатае // ЗВОРАО. 1913. Т. XXI. Вып. II–III. С. 117–136. Таб. X.

¹⁰ Сибэ-солонками Н.Н. Кротков называет сибэ, приписанных к солонскому аймаку (солонь-аймань) (Кротков Н.Н. Краткие заметки. С. 119. Примеч. 2).

¹¹ Там же. С. 119.

¹² Публикация рукописи Н.Н. Кроткова, хранящейся в Архиве востоковедов ИВР РАН, была осуществлена только в 1998 г. с переводом на английский язык — см.: Pang T.A. N.N. Krotkov's Manuscript "A Trip to a Sibe Buddhist Monastery in Autumn 1899" // *Aetas manjurica*. 6. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998. P. 77–122.

¹³ Stary G. N. Krotkovs Notizen über die Lage des Schamanismus bei den Sibe zur Jahrhundertwende // *Central Asiatic Journal*. Wiesbaden, 1985. Т. XXIX. No. 3–4. P. 266–291; *Кэлотэкэфу*. Или Тачэн дицюй сибо цзу саманьцзяо сяньчжуан цзяньшу (Краткие заметки о современном состоянии шаманства у сибэ районов Или и Тачэна) // Сибо цзу яньцзю / Под ред. Кэли, Боя, Цичэшань. Урумчи, 1990. С. 378–391; *Кэлотэкэфу*. Цин моу Или Тачэнь дицюй сибо цзу саманьцзяо (Шаманизм народа сибэ районов Или и Тачэна в конце династии Цин) / Перевод Тун Юйцзоань // Сибо цзу вэньхуа цзинцуй. Урумчи, 2009. С. 187–196.

О тщательности сбора и анализа материала свидетельствуют документы, хранящиеся в личном архиве Н.Н. Кроткова в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 32. Оп. 1. № 9). Эта единица хранения состоит из двух частей-папок: кроме чистового варианта статьи «Краткие заметки о современном состоянии шаманства у сибо, живущих в Илийской области и Тарбагатае», хранящейся в первой папке (л. 2–30), имеются различные тексты на русском и маньчжурском языках и черновой вариант статьи (вторая папка, л. 31–111). Например, л. 41–49 содержат перевод на русский язык записок Балишаня «О шаманах у сибинцев»¹⁴; л. 51–52 и л. 59 — 40 вопросов Балишаню, а л. 53–58 — их перевод на русский язык; на л. 60–67 — 43 вопроса Балишаню и ответы на них на маньчжурском языке и др.¹⁵. Большинство из этих материалов было переработано Н.Н. Кротковым и вошло в его статью. Тем не менее эти материалы являются красноречивым свидетельством научного творчества ученого, своеобразной «кухней» исследователя, с которой хотелось бы познакомить российского читателя¹⁶.

Сорок три вопроса на маньчжурском языке написаны рукой Н.Н. Кроткова черными чернилами и пронумерованы арабскими цифрами, пером на листе большого формата (43×27,5 см), сложенного пополам. Сотрудники архива, описывавшие фонд, использовали этот сложенный пополам лист как «папку» для более мелких заметок Н.Н. Кроткова и его информантов, поэтому вопросы оказались на л. 60а–б и л. 67а. Ответы на них Балишань дал на отдельном листе (44×35 см), также сложенном пополам (л. 61а–62б), написав их на маньчжурском языке кистью, черной тушью. Ниже я предлагаю перевод этого материала на русский язык:

Перевод с маньчжурского языка вопросов Н.Н. Кроткова:

[л. 60а]

1. Сколько семей солонов живет в Тарбагатае (*карандашом вставлено*: семей сибэ в Илийском крае)?

¹⁴ Издание текста см.: *Пан Т.А.* Неизданный текст Н.Н. Кроткова «О шаманах у сибинцев» // Проблемы общей и региональной этнографии. К 75-летию А.М. Решетова. Сб. статей / Отв. ред. Е.В. Иванова, Е.В. Ревуненкова, Е.Д. Петрова. СПб., 2007. С. 53–57.

¹⁵ Подробное описание фонда см.: *Яхонтов К.С.* Сводный очерк российских материалов по языку и культуре народа сибо. С. 129.

¹⁶ Впервые текст был опубликован на английском языке в: *Pang T.A.* N.N. Krotkov's Questionnaire to Balishan concerning Sibe-Solon Shamanism // *Tumen jalafun jecen akū. Manchu Studies in Honour of Giovanni Stary* / Ed. by A. Pozzi, J.A. Janhunen, M. Weiers. Wiesbaden, 2006. P. 201–210. В настоящей статье текст предлагается в русском переводе со значительными исправлениями в транслитерации (и, соответственно, переводе), которые объясняются трудностями чтения скорописи и были обнаружены при повторной сверке с оригиналом.

2. Сколько шаманов среди этих солонов (*карандашом*: сибэ)?
3. Сейчас у них есть молодые шаманы?
4. Может ли шаман (*карандашом*: сибэ)-солон быть чиновником?
5. Есть ли шаманы среди солонов, проживающих в Илийском крае?
6. Может ли человек, называющий себя шаманом, быть на официальной службе?
7. Были ли отец и дед шамана тоже шаманами?
8. Если у шамана несколько сыновей, который из них станет шаманом?
9. Может ли человек стать шаманом, если его предки не были шаманами?
10. Как обучаются, чтобы стать шаманом?
11. Когда обучаются, чтобы стать шаманом, в каких случаях используют бумагу, курительные благовония и барана?
12. Какие предметы называются *самань-и хачжунь* — «шаманские доспехи»?
13. У каждого ли шамана есть зеркало?
14. Это зеркало шаман получает от духов предков?
15. Как ловят это зеркало?
16. Когда человек, который хочет стать шаманом, становится настоящим шаманом?
17. Как шаман залезает на [шаманскую] лестницу?
18. Что делает шаман и что произносит, когда заберется на вершину лестницы? Молится ли он духам и своим предкам? Держит ли он в этот момент в руках зеркало?
19. Где находятся духи шамана?
20. Как он приносит жертвоприношения этим духам?
21. Какой дух самый главный из них? Как называются самые главные духи?
- [л. 60б]
22. Как шаман лечит легкие болезни? Каким духам он в этот момент молится? Какие слова произносит?
23. Какие вещи приготавливают родственники больного, когда приглашают шамана? После окончания лечения какие вещи берет шаман, чтобы сжечь в открытом поле? Какие вещи он берет себе домой?
24. Как камляет шаман, чтобы вылечить тяжелые болезни?
25. Как и зачем использует шаман конский навоз после лечения болезни?
26. Какая болезнь называется *ибагань нимэку* — «болезнь злого духа, сумасшествие»?
27. Как шаман лечит эту болезнь?
28. Какие еще болезни лечатся шаманом таким же образом?

29. Как шаман возвращает душу больного из степи?
30. Что означают слова *хорихори хори со*, произносимые, когда возвращают душу [больного]?
31. Как шаман лечит *хуту дабкаха* — «одержимость злым духом»?
32. Как шаман наказывает злого духа, когда поймает его?
33. Кто помогает шаману лечить больного?
34. Какие слова произносят люди, которые помогают шаману лечить больного?
35. Кого называют *доочи*?
36. Как человек, называемый *доочи*, помогает шаману?
37. Что дается шаману в качестве вознаграждения после того, как он вылечит больного и тот поправится?
38. Боятся ли простые люди шаманов?
39. Может ли шаман навредить тем, кто ненавидит его?
40. Как можно защититься от гнева шамана?
41. Когда рождается мальчик, приглашают ли шамана с вопросом о счастливой судьбе?
42. Совещаются ли с шаманом [перед свадьбой] и приглашают ли его на свадьбу?
- [л. 67а]
43. Если кто-либо умирает, спрашивают ли шамана, где сделать могилу?

Ответы Балишаня (перевод с маньчжурского языка)

[л. 61а] В Тарбагатае проживает триста семей сибэ, солонов и дауров.

Среди них есть два или три шамана, но нет казенных шаманов. По закону чиновник (т.е. служащий на государственной службе) не может быть шаманом.

Шаманы есть в деревнях сибэ и солонов, но их точное число неизвестно. Шаманы получают жалованье и ходят на службу, но они не могут занимать официальную должность. Шаманом становятся из поколения в поколение внутри рода.

Если у шамана несколько сыновей, то ему во сне духи предков указывают, кто будет следующим шаманом. Если не таким образом, то один из сыновей заболевает [шаманской болезнью] и по выздоровлении становится шаманом.

Нет такого правила, чтобы шаманом стал тот человек, в роду которого предки не были бы шаманами. Когда обучаются, чтобы стать шаманом, то выбирают в учителя сильного и опытного учителя-шамана и дома проводят шаманские жертвоприношения предкам шамана.

Когда человек обучается на шамана, то возжигаются курения, сжигается бумага и в жертву приносится баран.

Доспехами-*хачжунь* называют отлитые [медные] круги, которые надевают на пояс (на бедра), когда шаманят или принимают участие в камлании.

У каждого шамана есть зеркало.

Когда получают зеркало, то оно прилетает из пустоты. Эта ловля зеркала называется *толи чжафаламби* — «поймать зеркало».

Поскольку предки указали на того, кто должен учиться, чтобы стать шаманом, и после того как он поймает зеркало, только тогда он может считаться настоящим шаманом.

В последний день обучения на шамана [он] поднимается по лестнице. После того как он поднялся наверх по лестнице, [наверху] он ничего не делает. [Он] молится духам предков.

Место, где находятся духи предков, называется «три заставы». Я не знаю настоящего названия этого места и спрошу у других знающих людей.

[л. 61б] После того как соорудят место духов в его доме, то перед ним коленопреклоненно возжигают благовония.

Только шаманы сами знают имя их главного духа; никто другой этого не знает, и никому этого не говорят.

Когда болеют легкой болезнью, то в дом больного приглашают [шамана]. [Шаман], взяв бумагу и кланяясь, молится перед духами. В этом случае слова обращений могут быть различными.

Когда приглашают шамана в дом больного, то приготавливают благовонные свечи и бумагу. Определив болезнь, [шаман] делает [бумажные фигурки — ?], относит в степь и сжигает. Приведенные туда баран, лошадь или другие вещи отсылаются в дом шамана.

Если болезнь тяжелая, то [шаман] камлает, надев на пояс (на бедра) доспехи-*хачжунь*, и бьет в бубен-*уньтунь*¹⁷.

Ночью, когда камлание закончено, берут конский навоз, бросают в огонь, злую болезнь отгоняют — так употребляют [конский навоз].

Ибагань нимэку — «болезнь злого духа»¹⁸, когда женщины начинают ни с того ни с сего бессвязно говорить, бросаются кусаться — и это повторяется. Чтобы излечить это, шаман определяет время и в течение ночи во внутреннем дворе дома ходит по кругу, зазывает словами, нападает на женский злой дух и излечивает больную. Таким же образом вылечиваются и всякие простые болезни.

¹⁷ *Уньтунь* — одноручный бубен, в который бьют с одной стороны при домашних жертвоприношениях, употребляется шаманами (Захаров И.И. Полный маньчжуро-русский словарь. СПб., 1875. С. 139).

¹⁸ В своей статье Н.Н. Кротков переводит это словосочетание как «чёртова болезнь» (Кротков Н.Н. Краткие заметки. С. 131).

Я не знаю точно, как возвращается душа больного из открытого поля. Что касается слов *хури-хури*: родители и дети больного человека выкрикивают эти слова *хури-хури*. Благодаря этому находящаяся в степи душа вернется. Когда шаман лечит «болезнь злого духа», то он ходит по огню, [л. 62а] бьет себя мечом и кнутом, чтобы испугать злого духа и изгнать его. Когда шаман лечит больного, простые люди помогают шаману в излечении болезни.

Когда шаман камлает и молится духам предков, то говорит вспомогательные слова. Он говорит один куплет, помогающие ему люди повторяют их вслед за шаманом. Они кричат эти слова громко, когда шаман останавливается и делает перерывы между камланиями.

Женщину, в которую вселился злой дух, обступают кругом в центре внутреннего двора дома. *Доочи* — это [тот], кто говорит попеременно хорошие и плохие слова [злому духу], заставляя [его] раскаться и отступить.

После того как шаман вылечит болезнь, ему следует [дать] деньги и различные вещи. Количество не установлено. Люди, помогавшие ему, чувствуют и восхваляют хорошего шамана. Хороший шаман может призывать своих духов, и с их помощью большой шаман излечивает болезни.

Шамана не зовут, когда рождается сын.

С шаманом не советуются по поводу выбора невесты.

Он приходит на свадебный пир.

Когда умирает человек, [шамана] не спрашивают, где вырыть могилу.

Если внимательно прочесть опубликованную статью Н.Н. Кроткова, то можно заметить, что ответы Балишаня были использованы в тексте статьи. Однако в приведенном выше письме Балишаня даны довольно краткие пояснения, которые в статье развернуты более подробно. Так, Н.Н. Кротков детально описывает, как проводятся камлания по изгнанию злого духа из женщины, заболевшей «болезнью злого духа», как шаман залезает на «шаманскую лестницу» и что она из себя представляет. Лестницу Н.Н. Кротков описывает следующим образом: «...берут два очень длинных шеста и посредством острых мечей соединяют их друг с другом так, что получается весьма высокая лестница, у которой поперечными перекладинами или ступеньками являются мечи»¹⁹. Только благополучно забравшись и спрыгнув с нее, ученик считается настоящим шаманом. Ступени символизируют заставы, которые шаман должен пройти, чтобы достичь высшее божество и получить ее поддержку²⁰.

¹⁹ Кротков Н.Н. Краткие заметки. С. 122.

²⁰ О том, какие молитвы читает ученик шамана во время посвящения в настоящие шаманы, см. перевод рукописи, также привезенной Н.Н. Кротковым: Самань куварань-и

Из ответа Балишана не очень ясно, что такое доспехи-хачжунь, которые надевают на пояс (или на бедра) — *асхамби*. В связи с этим интересно описание костюма сибирского шамана, которое приводится в статье Н.Н. Кроткова: «1) очень оригинальной формы медная шапка (*тэйшунь-и махала*), которая состоит из медного обруча, надеваемого на голову, и двух прикрепленных к этому обручу и скрещивающихся друг с другом сверху, над головою, медных дуг; 2) пояс (*умесунь*), обвешанный тонкими пеньковыми веревками, обвитыми полосками холста пяти различных цветов; 3) одна сыромятная кожа (*илгинь суку*), набрасываемая поверх пояса; 4) тринадцать больших медных кругов, которые по преимуществу называются *хачжунь*, т.е. оружием или доспехами шамана; 5) небольшое, величиною с чох, медное зеркало (*толи*), которое вешается шаманом на грудь и обладает волшебными свойствами; 6) бубен (*имчинь*), состоящий из довольно широкого круглого деревянного обода, обтянутого с одной стороны козлиной кожей и имеющего внутри вместо ручек протянутые накрест от одного края до другого веревки; 7) копье (*гида*), длинное, немного более полусаженни»²¹. Следует отметить, что костюм сибирского шамана значительно отличается от маньчжурского: на шапке маньчжурского шамана всегда укрепляются три медные птицы, на талию он надевает колокольцы-бубенцы, прикрепленные к кожаному поясу, цветную юбку²². Вместо маньчжурского пояса с колокольцами-бубенцами сибирский шаман надевает тринадцать медных пластин, которые, видимо, должны выполнять ту же функцию, что и колокольцы — издавать шум во время пляски шамана. Судя по фотографии шамана Лого, снятой Н.Н. Кротковым в Чугучаке в 1907 г. и опубликованной в его статье, эти круглые медные пластины *хачжунь* довольно большого размера и прикрепляются на пояс по бокам и сзади.

В материалах Н.Н. Кроткова имеется и список названий духов, который, видимо, был составлен Балишаном позднее. Там же есть и короткие записки со сведениями от информантов.

В начале XX в. Н.Н. Кротков заканчивал свою статью тем, что шаманизм сибэ являлся исчезающим элементом народной жизни. Как рассказывали нам местные жители в деревнях сибэ Чабчалского автономного района в начале XXI в., шаманы значительно пострадали во время

битхэ («Шаманский двор») / Перевод с маньчжурского языка и предисловие Т.А. Пан // Письменные памятники Востока. 2012. 2(17). С. 52–64.

²¹ Кротков Н.Н. Краткие заметки. С. 124.

²² Подробное описание костюма маньчжурского шамана можно найти в статье: Решетов А.М. Костюм маньчжурского шамана из коллекции МАЭ // Шаманизм и ранние религиозные представления: к 90-летию доктора исторических наук, профессора Л.П. Потапова. Этнографические исследования по шаманству и иным ранним верованиям и практикам. М., 1995. С. 96–99.

культурной революции, и мы смогли встретиться только с одним шаманом в деревне Айсиньшэли (Первой ниру). Сейчас, через сто лет после издания Н.Н. Кротковым собранных им материалов, можно констатировать, что многие шаманские практики уже исчезли. Так, оказалось, что информация, собранная Н.Н. Кротковым на рубеже XIX–XX вв. об этнографии сибэ и шаманизме в частности, является чуть ли не единственным и уникальным источником по истории культуры и религии сибэ, который представляет собой неоспоримую ценность и для самих сибэ.

Транслитерация маньчжурского текста вопросов Н.Н. Кроткова

[л. 60а]

1. *Tarbagatai-i bade tere solon niyalma udu boigon bi* (рядом слева от строки подписано карандашом: *Ili-i bade sibe solon*)./

2. *ere solon-i* (рядом карандашом: *sibe*) *dorgide udu saman bi*./

3. *ere tonde siden saman bio akû*./

4. *solon* (рядом карандашом: *sibe*) *hafan saman ombio ojarahû*./

5. *ili-i bade tere solon aiman de saman inu bio akû*./

6. *saman sere niyalma alban de yabumbio yaburakû. alban weilembio weilerakû*./

7. *saman-i mafa ama inu saman biheo*./

8. *aika emu saman de ududu hahajui oci. ai hahajui saman bio*./

9. *aika emu niyalma-i mafa ama saman akû oci. Ere niyalma saman ombio / ojarahû*./

10. *saman ojarah be adarame tacibumbi*./

11. *saman ojarah niyalma tacire de. ai turgun de hoošan hiyan niman baibumbi*./

12. *ai jaka be saman-i hajun sembi*./

13. *toli saman tome de bio akû*./

14. *ere toli be saman weceku ci atanggih alimbi*./

15. *ere toli be jafarangge ai bi*./

16. *saman ojarah niyalma atanggih yargiyan saman ombi*./

17. *saman adarame jakûran de tafambi*./

18. *saman jakûran-i ninggu de isinaha manggi. ai weilembi. ai gisun gisurembi. / ini weceku de jai ini mafari de jalbirimbio (sic.)²³. tooli (sic.)²⁴ be ere erin de alimbio*./

19. *saman-i weceku ya bade bi*./

20. *ere weceku de saman adarame juktembi*. /

²³ Должно быть: *jalbarimbi* — «молиться».

²⁴ Должно быть: *toli* — «зеркало».

21. *ere weceku ci ai da weceku bi. da weceku se-i ai gebu.*//
[Л. 60б]
22. *ajige nimeku oci. saman adarame dasambi. nimeku be dasara de ai weceku be jalbarame baitambi. ai gisun gisurembi.*
23. *nimekungge niyalma-i booningge saman be solifi ai jaka be belhemb. saman / dasame wajiha manggi. ai jaka be bigan de benefi deijimbi. ai / jaka be saman-i boode benembi.*
24. *nimeku amba oci. saman adarame dasame samšambi.*
25. *saman dasame wajiha manggi. morin-i fajan be ai turgun de adarame baitambi.*
26. *ai nimeku ibagan nimeku sembi.*
27. *saman ere hacin-i nimeku be adarame dasame samšambi.*
28. *saman ereci encu geli ai hacin-i nimeku be dasambi.*
29. *saman nimekungge niyalma-i fayangga be bigan ci adarame gajimbi.*
30. *fayangga be gajire de. horihori hori so seme hûlara gisun de ai gunin bi.*
31. *saman hutu dabahan nimeku be adarame dasambi.*
32. *saman hutu ibagan be jafalabume beyebe adarame erulembi.*
33. *saman nimekungge niyalma de dasara de. saman de ai urse aisilambi.*
34. *saman de aisilara urse nimeku be dasame ai gisun gisurembi.*
35. *ai niyalma dooci sembi.*
36. *dooci sere niyalma saman de adarame aisilambi.*
37. *saman emu nimeku be dasafi. nimekungge niyalma sain oci. saman de ai / jaka be šangname bumbi.*
38. *arsari niyalma saman be geleme olhombio.*
39. *saman korsocun hefeliyefi niyalmasa de koro arame mutembio.*
40. *uttu oci saman-i jili be jiyalabume karmara arga ai bi.*
41. *jui baiha de saman be solifi hûturi baimbi baiburakû.*
42. *urun gaire de saman solifi hebešeme yabure ba bi akû. saman / niyaman jafara sarin de aici ombi ojurakû.*//
- [Л. 67а]
43. *emu nialma akû ohode. saman be solifi ya bade umbumbi seme fonjimbi fonjirakû.*

Транслитерация маньчжурского текста ответов Балишаня

- [Л. 61а] *Tarbagatai de tehe sibe. solon. dahûr-i boigon / ilan tanggû fucembi.*
- dolo juwe ilan saman bi / umai siden saman akû. / hafan niyalma saman ojoro kooli akû.*

Ili-i sibe solon aiman-de gemu saman bi. ton be sarakû. / saman niyalma caliyen jeme alban yabumbi. hafan teme muterakû. / saman oci jalan / halame saman bi. /

aika emu saman de ududu. hahajui bici. erei nenehe saman / mafari se tolgin bahabumbi. akû oci nimeku bahabufi. saman obuha manggi sainambi. /

nenehe mafa ama saman waka oci. saman ojoro kooli akû. / saman tacire de encu mutere sain saman be sefu obume / solifi beyei boode saman mafari be weceme samšambi. /

saman ojoro niyalma tacire de hoošan hiyan be ini / mafari de deijimbi. niman be wecembi. /

golin-i²⁵ muheliyan hungkerefi. samdara de dara de / ashara be hajun sembi. /

toli saman tome gemu bi. /

toli be benjimbi erinde untuhun de deyebuma unggimbi. / erebe jafame gajere be toil jafalambi semeo. //

ini-i mafari-i joriha se be dahame saman tacifi. toli jafalaha manggi teni yargiyan saman ombi. //

saman tacime wajire inenggi jakûran de tafalambi. / saman jakûran de tafaka manggi. umai jaka weilerakû. / ini mafari weceku de jalbarimbi. /

saman-i weceku se de ilan kûwaran bi sembi. erei / yargiyan gebu bisire ba be sarakû. bahaci encu sara niyalma ci fonjiki. //

[л. 616] weceku be ceni boode oron ilibufi. hiyan dabume / hengkileme juktembi. /

da weceku-i gebu hala be saman niyalma beye sambuu. / ai-i urse sarakû. ai-i urse de geli alarakû. /

ajige nimeku be nimekungge boode solime gamafi / hoošan jafafi ceni weceku de jalbarime baimbi. / ede meimeni bairengge adali akû. /

nimekungge booi-i (sic.) saman solici hiyan ayan hoošan / belhembi. nimeku be tuwame gai [?] arafi bigan de / beneme deijimbi. ede tucibure ihan morin jaka / hacin be saman-i boode benembi. /

nimeku amba oci. hajun ashafi untun jafafi / untušame samdambi. /

samdame wajiha dobori morin fajan be baitalame. / golbon²⁶ tuwa de cacume ehe geri be jailabure / jalin baitalambi. /

hehesai cihai balai eduleme gese gisun gisureme / gaitai sainafi / geli fukderere be ibagan nimeku / sembi. erebe dasara de saman inenggi tokto-bufi / dobori deri hûwa de horgime gisun-i yarkiyame / ibagan hehe be sucukubume dasatambi. ereci encu / eiten arsari nimeku inu dasatambi. /

²⁵ Значение этого слова неясно. Оно было неясно и для Кроткова, который рядом с этим словом карандашом поставил знак вопроса и написал: *голджань* — «снурок».

²⁶ Значение этого слова неясно. У Кроткова карандашом поставлен знак вопроса и подписано: *голбонь*.

nimeku niyalma fayangga be bigan ci gajire be getuken sarakû / hûri hûri sere gisun oci nimekungge niyalma ama / eme aici jusesa be hûlabume. erei bigan de / bisire fayangga gunifi jingkini sere gunin-i / saman hutu ibagan dabkaha nimeku be dasara de / aici tuwa be fehome. aici loho gida-i saman ini // [л. 62a] beyebe sacime hutu ibagan be gelebume bošombi. / saman nimekungge niyalma be dasatara de / arsari niyalma aisilambi. / saman mafari weceku de baime jalbarire de eiten / samarama aitubure gisun gisurembi. erei emu fiyelen / gisun gisureme aisilara urse saman-i tuktan / ai mudan-i mudan gaimе gisureci tere be sonkoi sureme / saman ergeme ja ili [?] jalbarimbi. / ibagan dabkaha hehesai be huwa de torhome / ujubume sain ehe gisun-i holbome gisureme / jerdebume. ailiyabure [?] gisun gisurere niyalma be / dooci sembi./ saman nimeku de dasame gainabuci. acara be / tuwame jaka hacin menggun jiha bumbi. toktoho ba akû. / arsari niyalma sain saman be kunduleme wesihulembi. / sain saman ini weceku de baiji bušukuleme mutembi. / erebe tere da saman de baiji teni dasame sainambi./ jui banjiha de saman solirakû./ urun gajere de saman-i emgi hebišerakû./ niyaman jafara sarin de emu adali jimbi./ niyalma akûha de umbure ba be fonjirakû.//

Литература

- Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., переработанное, подготовил А.Н. Кононов. М., 1989.
Bibliograficheskiy slovar otechestvennyih tyurkologov. Dooktyabrskiy period. 2-e izd., pererabotannoe podgotovil A.N. Kononov. M., 1989.
- Волкова М.П. Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1965.
Volkova M.P. Opisanie manchzhurskikh rukopisey Instituta narodov Azii AN SSSR. M., 1965.
- Волкова М.П. Описание маньчжурских ксилографов Института востоковедения АН СССР. Вып. 1. М., 1988.
Volkova M.P. Opisanie manchzhurskikh ksilografov Instituta vostokovedeniya AN SSSR. Vyip. 1. M., 1988.
- Захаров И.И. Полный маньчжуро-русский словарь. СПб., 1875. С. 139.
Zaharov I.I. Polnyiy manchzhuro-russkiy slovar. SPb., 1875. S. 139
- Кротков Н.Н. Краткие заметки о современном состоянии шаманства у сибо, живущих в Илийской области и Тарбагатае // ЗВРАО. 1913. Т. XXI. Вып. II–III.
Krotkov N.N. Kratie zametki o sovremennom sostoyanii shamanstva u sibo, zhivuschih v Iiyskoy oblasti i Tarbagatae // ZVORAO. 1913. T. XXI. Vyip. II–III.
- Кэлотэкэфу. Или Тачэн дицзюй сибо цзу саманьцзяо сяньчжуан цзяньшу (Краткие заметки о современном состоянии шаманства у сибэ районов Или и Та-

- чэна) // Сибо цзу яньцзю / Под ред. Кэли, Боя, Цичэшань. Урумчи, 1990. С. 378–391.
- Keluotekefu*. Yili Tacheng diqu xibo zu samanjiào xianzhuan jianshu (Kratkie zametki o sovremennom sostoyanii shamanstva u sibe rayonov Ili i Tachena) // Xibo zu yanjiu / Pod red. Keli, Boya, Tsicheshan. Urumchi, 1990. S. 378–391.
- Кэлотэкэфу*. Цин моу Или Тачэнь дицзюй сибо цзу саманьцзю (Шаманизм народа сибэ районов Или и Тачэна в конце династии Цин) / Пер. Тун Юйцюань // Сибо цзу вэньхуа цзинцуй. Урумчи, 2009. С. 187–196.
- Keluotekefu*. Qing mou Yili Tachen diqui xibo zu samanjiào (Shamanizm naroda sibe rayonov Ili i Tachena v kontse dinastii Tsin) / Per. Tun Yuetsyuan // Xibo zu wenhua jingcui. Urumchi, 2009. S. 187–196.
- Ольденбург С.Ф.* Памяти Николая Федоровича Петровского 1837–1908 // ЗВОРАО. СПб., 1910. Т. XX. С. 8.
- Oldenburg S.F.* Pamyati Nikolaya Fedorovicha Petrovskogo 1837–1908 // ZVORAO. SPb., 1910. T. XX. S. 8.
- Пан Т.А.* Неизданный текст Н.Н. Кроткова «О шаманах у сибинцев» // Проблемы общей и региональной этнографии. К 75-летию А.М. Решетова. Сб. статей / Отв. ред. Е.В. Иванова, Е.В. Ревуненкова, Е.Д. Петрова. СПб., 2007. С. 53–57.
- Pan T.A.* Neizdanniy tekst N.N. Krotkova «O shamanah u sibintsev» // Problemyi obschey i regionalnoy etnografii. K 75-letiyu A.M. Reshetova. Sb. statey / Otv. red. E.V. Ivanova, E.V. Revunenkov, E.D. Petrova. SPb., 2007. S. 53–57.
- Петровский Н.Ф.* Туркестанские письма / Отв. ред. В.С. Мясников, сост. В.Г. Бухерт. М., 2010.
- Petrovskiy N.F.* Turkestanskije pisma / Otv. red. V.S. Myasnikov, sost. V.G. Buhert. M., 2010.
- Попова И.Ф.* Российские экспедиции в Центральной Азии на рубеже XIX–XX веков // Российские экспедиции в Центральной Азии в конце XIX — начале XX века / Под ред. И.Ф. Поповой. СПб., 2008.
- Popova I.F.* Rossiyskie ekspeditsii v Tsentralnoy Azii na rubezhe XIX–XX vekov // Rossiyskie ekspeditsii v Tsentralnoy Azii v kontse XIX — nachale XX veka / Pod red. I.F. Popovoy. SPb., 2008.
- Решетов А.М.* Костюм маньчжурского шамана из коллекции МАЭ // Шаманизм и ранние религиозные представления: к 90-летию доктора исторических наук, профессора Л.П. Потапова. Этнографические исследования по шаманству и иным ранним верованиям и практикам. М., 1995. С. 96–99.
- Reshetov A.M.* Kostyum manchzhurskogo shamana iz kollektsii MAE // Shamanizm i rannije religioznyie predstavleniya: k 90-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora L.P. Potapova. Etnograficheskie issledovaniya po shamanstvu i inyim rannim verovaniyam i praktikam. M., 1995. S. 96–99.
- Яхонтов К.С.* Сводный очерк российских материалов по языку и культуре народа сибо // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1993. Вып. 2–3.
- Yahontov K.S.* Svodniy ocherk rossiyskikh materialov po yazyiku i kulture naroda sibo // Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi. SPb., 1993. Vyip. 2–3.
- Pang T.A.* N.N. Krotkov's Manuscript "A Trip to a Sibe Buddhist Monastery in Autumn 1899" // Aetas manjurica. 6. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998.
- Pang T.A.* Descriptive Catalogue of Manchu Manuscripts and Blockprints in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. Issue 2. Wiesbaden, 2001.

- Pang T.A.* N.N. Krotkov's Questionnaire to Balishan Concerning Sibe-Solon Shamanism // *Tumen jalafun jecen akū. Manchu Studies in Honour of Giovanni Stary* / Ed. by A. Pozzi, J.A. Janhunen, M. Weiers. Wiesbaden, 2006. P. 201–210.
- Stary G.* N. Krotkovs Notizen über die Lage des Schamanismus bei den Sibe zur Jahrhundertwende // *Central Asiatic Journal*. Wiesbaden, 1985. T. XXIX. No. 3–4. P. 266–291.

T.A. Pang

**MANCHU NOTES ON THE SIBE SHAMANISM
FROM THE ARCHIVES OF N.N. KROTKOV**

Summary: A diplomat and scholar, Nikolai N. Krotkov has collected a small, but precious collection of Manchu language materials on the Sibe culture, ethnography and shamanism. At present, the manuscripts are kept in the collection of the Institute of Oriental Manuscripts, and his personal notes and drafts for his only article on the Sibe shamanism (published in 1913), in the Archives of the Orientalists. The article presents some Manchu language materials collected for Krotkov by the Sibe teacher Balishan.

Key words: Manchu language, Sibe (Sibo), shamanism, Ili region, Tarbagatai, N.N. Krotkov.

И.Ф. Попова

СТАНОВЛЕНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ

В статье на основании архивного материала проанализированы основные достижения русских китаеведов в области лексикографии на раннем этапе ее становления. Словари, созданные в XVIII–XIX вв. по семантической, фонетической и графической системе, могли бы стать значительным вкладом русских ученых в мировую синологию, но почти все они составлялись в основном для личного пользования авторов и не были опубликованы, поэтому многие принципиальные достижения русских филологов-китаистов этого периода в сфере лексикографии остались неизвестны мировой науке.

Ключевые слова: лексикография, китайские словари, история русского китаеведения.

Начало истории китайской филологии в России можно отнести к 1730 г., когда в Санкт-Петербурге был опубликован труд Теофила Зигфрида Байера (Theophil Siegfried Bayer, 1694–1738) “Museum Sinicum” на латинском языке. Немецкий историк и филолог, выпускник Кенигсбергского университета был приглашен в Санкт-Петербургскую академию наук в 1725 г., где помимо восточных языков он стал исследовать источники по истории Древней Руси. “Museum Sinicum” стал главной научной работой Байера, в которую вошло несколько компилятивных статей, объединенных в две части: 1) Grammatica Sinica и 2) Lexicon Sinicum latine explicatum. В первую часть автор включил описание грамматики китайского языка, очерк ключевой системы китайских иероглифов, изложение работы “Clavis Sinica” Кристиана Менцеля (Christian Mentzel, 1622–1701) и т.д. Вторая часть содержала китайский словарь в 44 таблицах, объяснение значений китайских иероглифов на латинском языке, статью «Жизнь Конфуция» (Confucii vita), перевод «Да сюэ», сравнительную таблицу европейских и китайских мер длины и веса и т.д. “Museum Sinicum” представлял в большей мере работу по фило-

© Попова И.Ф., 2014

софии китайского языка, чем лингвистическое исследование. Байер составлял “Museum Sinicum” несколько лет и вложил в него немало труда, однако пекинские иезуиты Игнатий Кеглер (Ignatius Kegler, Дай Цзиньсянь 戴進賢, 1680–1746), Карел Славичек (Karel Slavichek, Янь Цзя-лэ 嚴嘉樂, 1678–1735), Доминик Парренин (Dominicus Parrenin, Ба До-мин 巴多明, 1663–1741) и Антонин Гобиль (Antonine Gaubil, Сун Цзюнь-жун 宋君榮, 1689–1759), которым автор отправил книгу в 1731 г., дали ей критическую оценку. После выхода в свет “Museum Sinicum” Байер приступил к составлению большого, очевидно, китайско-латинского словаря¹, но работа эта не была завершена из-за ранней смерти автора в 1738 г.

Одновременно в Пекине членами основанной в 1713 г. Русской духовной православной миссии осуществлялось составление словарей и грамматик для практических нужд освоения китайского и маньчжурского языков. Первое упоминание о результатах этой работы относится к 1742 г., когда начальник четвертой Миссии Гervasий Ленцовский получил в Российском Святейшем Синоде ранее доставленные из Пекина архимандритом Антонием Платковским (ум. в 1746 г.) китайско-латинский словарь, грамматику китайского языка и «списки слов» (вокабулы)². К сожалению, авторы и нынешнее местонахождение этих работ остаются неизвестными. Впоследствии из числа студентов Миссии вышло немало хороших китаеведов, но, к сожалению, их работы в большинстве остались неопубликованными, и поэтому имена не всех этих исследователей стали известны мировой синологии.

Развитие торговли и расширение дипломатических отношений между Россией и Китаем поставили вопрос о необходимости подготовки специалистов-китаеведов и маньчжуроведов на регулярной основе. В соответствии с Кяхтинским договором, заключенным в 1727 г. между Российской и Цинской империями, с каждой Русской духовной миссией в Пекин направлялись четыре студента. Лучшим среди учеников первых миссий стал Илларион Калинович Россохин (Лаливань 拉里婉, 1717–1751), с которого началось преподавание в России китайского языка. В возрасте 12 лет Россохин был принят в школу монгольского языка в Иркутске, спустя три года был направлен в Китай, где провел 12 лет (1729–1741). В Пекине И.К. Россохин работал над переводом труда Сыма Гуана «Основы Всеобщего зеркала, управлению помогающего» (*Цзычжи тунцзянь ганму* 資治通鑑綱目), составлением карты Цинской империи, а также служил переводчиком в Палате внешних сношений (Лифаньюань 理藩院) и преподавателем в Школе русского

¹ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1870. С. 189.

² Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, ГРВЛ. С. 65.

языка (Олосы вэньгуань 鄂俄羅斯文館), основанной около 1705 г. при Государственной канцелярии (Нэйгэ 內閣) Цинской империи. Для нужд школы И.К. Россохин вместе с маньчжурским сановником Фулохэ (Фу-лэхэ 福樂賀), а также студентом и переводчиком Русской православной миссии Алексеем Леонтьевым (Алекэсе 阿列克寫, 1716–1786) составил грамматику «Собрание важнейших извлечений, переведенных с русского языка» на китайском и маньчжурском языках (*Элосы фаньи цзе-яо цюаньшу* 俄羅斯繙譯捷要全書; *Oroslame ubaliyambuha oionngo babe tucibuhe ioni bithe*). Это уникальное учебное пособие стало первой в мировой синологии попыткой представить европейский язык средствами китайского и маньчжурского. Немногочисленные более ранние работы грамматического характера миссионеров Мартино Мартини (Martino Martini, Вэй Куан-го 衛匡國, около 1652 г.), Франсиско Варо (Francisco Varo, Вань Цин-го 萬濟國, 1703) и Этьена Фурмона (Étienne Fourmont, Фуэрмэн 傅爾蒙, 1742) имели целью описание китайского языка с помощью иностранного.

Основная часть текста «Собрания важнейших извлечений, переведенных с русского языка» представляет собой перевод наиболее распространенной в России до начала XVIII в. грамматики церковнославянского языка «Грамматика славенския правилное Свнтагма», опубликованной в 1619 г. Мелетием Смотрицким (ок. 1577 — 1633)³. К переводу этой грамматики Россохин и Фулохэ приступили зимой 1738 г. К 1745 г. они составили десять тетрадей рукописи, а затем Алексей Леонтьев продолжил перевод и добавил к имевшимся тетрадям еще четыре. В настоящее время рукописная грамматика «Собрание важнейших извлечений, переведенных с русского языка» в 14 книгах хранится в Отделе рукописей и документов Института восточных рукописей РАН.

В рукописи «Собрания важнейших извлечений» были использованы в основном раздел «Этимология» и частично разделы «Орфография» и «Синтаксис» грамматики Смотрицкого. Первая тетрадь «Собрания» состоит из двух частей: 1) предисловия, составленного Фулохэ, и 2) вводной части грамматики, содержащей начертание букв русского алфавита, список слов церковного обихода и список числительных. Вторая тетрадь содержит лексику по системе категорий, принятых у китайцев (небо 天 — земля 地 — человек 人 и т.д.). В тетрадях с третьей по одиннадцатую, а также в четырнадцатой изложены собственно правила грамматики русского языка под следующими заголовками: 3) «Книга о сочинении глагола» 言語變易; 4) «Книга союзов» 助語; 5) «Изъяснением разделен смысл и нужды высоких речей» 文旨剖析; 6) «Разделение

³ Смотрицкий Мелетій. Грамматика. Підготовка факсимального видання та дослідження пам'ятки В.В. Німчука. Київ: Наукова думка, 1979.

речей и глаголов» 正面之語發明; 7) «Правила изменения по падежам» 陽類單雙單; 8) «О предлогах» 勤之意; 9) «О согласовании слов» 總彙; 10) «Правила употребления книжных речей» 文理用法; 11) «Изложено вообще всех видов и склонений приклады» (китайского названия не имеет); 12) «О различных изменениях слов» (китайского названия не имеет); 14) Содержит список наиболее обиходных русских слов (китайского названия не имеет). В двенадцатой тетради приведены в переводе на русский разговорные фразы маньчжурского языка, позаимствованные из Грамматики (*Цинвэнь цимэн* 清文啓蒙), составленной Шоу Пином 壽平 в 1730 г. В тринадцатой тетради, озаглавленной «Правила для учащихся» 翻譯讀書要法, изложены наставления ученикам, правила поведения на занятиях и порядок обучения русскому языку. Грамматика, составленная Россохиным, Фулохэ и Леонтьевым, была упомянута Полем Пеллио (1878–1945) в одном из его библиографических обзоров в 1932 г. и затем кратко описана М.П. Волковой в 1963 г.⁴

По возвращении в Россию в 1741 г. И.К. Россохин приступил к преподаванию в школе китайского и маньчжурского языков, организованной при Коллегии иностранных дел. Школа просуществовала десять лет до 1751 г., ее немногочисленные выпускники не достигли каких-либо значимых результатов в синологии. В преподавании И.К. Россохин использовал традиционные китайские методы обучения: на начальном этапе ученики заучивали наизусть «Тысячесловие» (*Цянь цзы вэнь* 千字文), «Троесловие» (*Сань цзы цзин* 三字經), «Четверокнижие» (*Си шу* 四書). Наряду с этим для преподавания разговорного языка Россохин составил учебник «Школьные простыя манджурского и китайского языков разговоры», а для изучения фонетики написал пособие «Как выговаривать китайские речи, писанные российскими литерами для их подлинного произношения». Текст этого пособия сохранился в записи Якова Волкова, одного из учеников школы, и представляет собой самый ранний образец русской транскрипции китайских иероглифов и маньчжурских слов⁵. В 1744 г. И.К. Россохин составил небольшой рукописный русско-китайский словарь⁶, в который включил 1700

⁴ Pelliot P. Mélanges. Sur quelques manuscrits sinologiques conservés en Russie // *T'oung Pao*. 1932. Vol. XXIX. P. 109; Волкова М.П. Первый учебник русского языка для китайских учащихся // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. LXI. М.: Восточная литература, 1963. С. 154–157.

⁵ ПФА РАН. Разряд II. Оп. 1. № 113. Л. 3. См. также: Вебер К., Иванов А., Котвич Вл., Руднев А. К вопросу о русской транскрипции китайских иероглифов // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. 1907–1908. Т. XVIII. С. 074–095.

⁶ Русско-китайский словарик. 1744 (95 л.) // Библиотека Академии наук. Отдел рукописей. См. также: Рейхберг Г. О неизвестной рукописи Россохина // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока (РАНИОН). Т. 2. 1930. С. 95–99.

китайских слов (в основном бинемов), сгруппировав их по семантическим и лексическим категориям. В словарь были включены также простые разговорные выражения, например «учиться упорно 勤學», «праздники прошли 好日子過去了», «для меня 於我», «с тобой 合你», «где 在那裡», «откуда 從那裡» и т.д.

Пособия, разговорники и словари, составленные Алексеем Леонтьевым во второй половине XVIII в., также имели прикладной характер и создавались для нужд преподавания. Леонтьев провел в Пекине 13 лет (1743–1756) в качестве ученика третьей Русской духовной миссии, а затем служил переводчиком в Коллегии иностранных дел. Основные его труды по китаеведению были опубликованы в 1760–1780 гг. Их тематика была весьма разнообразной: география и история Китая, отношения России с Китаем, законодательство, административное устройство, императорские указы, этика, философия. Леонтьев перевел на русский язык с китайского и маньчжурского более 20 произведений китайской классики, включая «Великое учение» (*Да сюэ* 大學), «Середину и постоянство» (*Чжун юн* 中庸), «Книгу перемен» (*И цзин* 易經) (частично) и «Мэн-цзы» 孟子⁷.

Составление словарей и учебников китайского языка в России было продолжено Антоном Владыкиным (1757–1812), учеником седьмой Миссии в Китае (1781–1794). По основной своей специальности он был маньчжуроведом, и главным его трудом стала «Маньчжурская грамматика», составленная в 1804 г.⁸ Всю свою жизнь Владыкин интенсивно трудился как лексикограф и оставил после себя в рукописи пять словарей, а также учебники и переводы. В 1798–1808 гг. он работал над «Маньчжурско-китайско-русским словарем»⁹, составленным по русскому алфавиту. На рукописи этого словаря, хранящейся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН, сохранились пометы на французском языке, сделанные, возможно, рукой Ю.Г. Клапрота (Julius Heinrich Klaproth, 1783–1835), который вместе с Владыкиным участвовал в поездке в Китай с посольством графа Ю.А. Головкина (1762–1846) в 1805–1806 гг.

⁷ [Леонтьев А.Л.] Китайские мысли. СПб., 1772; 2-е изд. 1775; 3-е изд. 1786; [Леонтьев А.Л.] Депей-китаец. СПб., 1771; 2-е изд. 1772 (перевод Мэн-цзы); [Леонтьев А.Л.] Ге янь, то есть умные речи. СПб., 1776; 2-е изд. 1779; [Леонтьев А.Л.] Китайское уложение. СПб., 1778–1779. Ч. 1–2; [Леонтьев А.Л.] Да сию, то есть Учение великое. СПб., 1780; [Леонтьев А.Л.] Джун юн, то есть Закон непреложный. СПб., 1784; [Леонтьев А.Л.] Букварь китайский. СПб., 1779 (перевод Саньцзыцзин).

⁸ Маньчжурская грамматика. Для российского юношества сочиненная Антоном Владыкиным 1804 года в Санкт-Петербурге // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей РНБ (Дорн 691).

⁹ Маньчжурско-китайско-русский словарь // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 88. Ед. хр. 1 (373 л.).

Характер составленных русскими синологами XVIII в. словарей и учебников свидетельствовал о том, что эти труды создавались с целью практического освоения китайского языка и не включали его научного описания. Ситуация изменилась с началом деятельности выдающегося ученого Никиты Яковлевича Бичурина (о. Иакинфа 乙阿欽特, 雅經, 1777–1853), который достиг выдающихся результатов в самых разных областях синологии. Основная часть его фундаментальных трудов была опубликована в Санкт-Петербурге в 1820–1850-е гг.¹⁰ До появления этих работ основные сведения в России о Китае черпались из источников не на китайском, а на маньчжурском языке.

Прибыв в Китай в 1807 г. в качестве главы девятой Духовной миссии, о. Иакинф, как и его предшественники, сначала стал изучать маньчжурский и монгольский языки. Затем он убедился, что для изучения Китая первостепенное значение имеют произведения классики на китайском языке, и все свое внимание он сосредоточил на изучении китайских источников. Многие годы о. Иакинф трудился также над составлением словарей преимущественно для своего собственного пользования, поэтому они не были им подготовлены к печати и остались в рукописи: «Словарь китайско-латинский (фонетический), расположенный по русскому алфавиту»¹¹, «Краткий китайско-русский фонетический словарь, расположенный по русскому алфавиту»¹², «Маньчжурско-китайско-русский словарь терминов часового производства»¹³. О. Иакинф также перевел на русский язык часть маньчжурско-китайского словаря «Зерцало маньчжурского языка» (*Цинь вэнь цзянь* 清文鑑)¹⁴. Наряду с этими небольшими по объему работами о. Иакинф составил «Словарь китайско-русский, расположенный по русскому алфавиту» в 12 томах¹⁵. К работе над ним о. Иакинф приступил в Пекине в 1807 г. и продолжал

¹⁰ [Бичурин Н.Я.] Описание Тибета в его нынешнем состоянии. СПб., 1828; [Бичурин Н.Я.] Записки о Монголии. В 2-х т. СПб., 1828; [Бичурин Н.Я.] Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. СПб., 1829; [Бичурин Н.Я.] История первых четырех ханов дома Чингисова. СПб., 1829; [Бичурин Н.Я.] Сань-цзы-цзин, или Троеслобие. СПб., 1829; [Бичурин Н.Я.] Описание Пекина. СПб., 1829; [Бичурин Н.Я.] История Тибета и Хухунора с 2282 г. до Р.Х. до 1227 по Р.Х. 1227. СПб., 1833; [Бичурин Н.Я.] Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834; [Бичурин Н.Я.] Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840; [Бичурин Н.Я.] Статистическое описание Китайской империи. В 2-х ч. СПб., 1842; [Бичурин Н.Я.] Китай в гражданском и нравственном состоянии. В 4-х ч. СПб., 1848; [Бичурин Н.Я.] Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х т. СПб., 1853.

¹¹ АВ ИВР РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 24–25 (1887 л.).

¹² Там же. Ед. хр. 28–29 (1277 л.).

¹³ Там же. Ед. хр. 36 (10 л.).

¹⁴ Там же. Ед. хр. 30 (424 л.).

¹⁵ Там же. Ед. хр. 22–23 (1797 л.).

вносить дополнения в течение всей своей жизни. О. Иакинф разработал свою систему передачи произношения китайских звуков с помощью русского кириллического алфавита и большую часть своих лексикографических работ составил по фонетическому принципу, располагая слова в порядке русского алфавита.

Важной областью научной работы о. Иакинфа были китайская фонетика и грамматика. «Китайская грамматика» (*Ханьвэнь цимэн* 漢文啓蒙) Бичурина, изданная в Санкт-Петербурге в 1835 г. (в дополненном виде в 1838 г.), сыграла большую роль в развитии русской синологической филологии. Грамматика 漢文啓蒙 была предназначена для преподавания в Школе китайского языка в Кяхте, небольшом торговом городе на границе России и Китая, но позже была широко использована на факультетах восточных языков Казанского и Петербургского университетов. Грамматика создавалась постепенно, первый ее вариант был написан в Санкт-Петербурге, где она в 1828 или 1829 г. была издана в небольшом количестве экземпляров литографированным способом под названием «Основные правила китайской грамматики». Сохранилось три экземпляра этого тиража: два в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН и один — в Российской национальной библиотеке¹⁶. Последнее, расширенное издание отразило результаты полутора лет преподавательского опыта о. Иакинфа в Кяхте¹⁷.

Составленная в первую очередь как учебное пособие, Грамматика 漢文啓蒙 содержала большой аналитический материал, суммировала весь предшествующий опыт изучения китайского языка в Европе и стала самым полным описанием стандартного китайского языка начала XIX в. В приложениях к этому пособию были опубликованы таблицы, представившие русскую кириллическую транскрипцию китайских звуков, а также латинскую, французскую, португальскую и английскую транскрипции. В предисловии о. Иакинф кратко проанализировал восемь грамматических работ его предшественников: (1) “Arte de la lengua mandarina” Франсиско Варо (1703), (2) “Museum Sinicum” Т.З. Байера (1730), (3) “Linguae Sinarum Mandarinicae hieroglyphicae grammatica duplex Latine et cum characteribus Sinensium 中國官話” Этьена Фурмона (1742); (4) “Notitia linguae Sinicae” Жозефа Премара (Joseph Premare, 1831); (5) “Clavis Sinica” Жозуа Маршмана (Joshua Marshman, 1814); (6) “A Grammar of the Chinese Language 通用漢言之法” Роберта Мориссона (Robert Morrison, 1815); (7) “Eléments de la grammaire chinoise 漢文啓蒙” Абель-Ремюза (Jean-Pierre Abel-Rémusat) (1833); (8) “Arte China constante de alfabeto e grammatica comprehendendo modelos des diferentes

¹⁶ Там же. Ед. хр. 32 и 33; ОР РНБ. Ф. 288. Ед. хр. 2887.

¹⁷ [Бичурин Н.Я.] Хань-вынь ци-мын 漢文啓蒙. Китайская грамматика. СПб.: Литография Гемильяна, 1835 (2-е изд. 1838).

composiçoens 漢字文法” Альфонса Гонсалеса (Alphonso Gonçalves) (1829). Наиболее важными из перечисленных восьми грамматик о. Иакинф назвал работы Премара, Абель-Ремюза и Гонсалеса. Как и его предшественники, о. Иакинф описывал письменный китайский язык в категориях индоевропейских языков, при этом широко представлял читателю достижения китайской традиционной филологии, объясняя грамматические понятия, использовавшиеся китайскими филологами при объяснении и комментировании текстов. В частности, благодаря ему европейская наука впервые познакомилась со взглядами китайских ученых на развитие грамматической теории китайского языка, а также с делением слов на полные (т.е. знаменательные) и пустые (служебные).

В 1839 г. о. Иакинф опубликовал небольшое «Дополнение» к своей Грамматике, в котором охарактеризовал фонетические свойства произношения звуков китайского языка: «Буквы китайского языка разделяются на: 1) произносимые в гортань и из гортани; 2) произносимые в гортань и 3) произносимые из гортани <...> Б произносится ближе к *n*, твердо выговариваемому. Одной литеры *a* нет, а в именах собственных вместо *a* произносится э. *B* выговаривается мягко и нечувствительно. Собственно сей буквы нет в китайском языке...»¹⁸. В 1847 г. о. Иакинф представил в Русское географическое общество текст статьи «О правильном произношении китайских звуков»¹⁹. Введенная о. Иакинфом система передачи китайских звуков кириллицей получила широкое распространение, но она вызывала значительную критику со стороны современных ему китаеведов, которые полагали, что о. Иакинф основывается на южном китайском произношении²⁰.

Важно отметить, что Грамматика 漢文啓蒙 и другие работы о. Иакинфа, включавшие китайские иероглифы, были напечатаны в Санкт-Петербурге литографическим способом. В начале XIX в. в Париже, Берлине и Лондоне для нужд книгопечатания использовался китайский наборный шрифт, но в Санкт-Петербурге после выхода в свет “Museum Siniticum”, в котором были использованы медные клише, очевидно, публикации книг с китайским текстом не предпринималось.

В начале XIX в. Павел Львович Шиллинг (1786–1837), дипломат, физик, инженер и собиратель книг, начинает опыты по изданию книг на восточных языках литографическим способом. К 1817 г. Павел Иванович Каменский (1765–1845), студент восьмой Духовной миссии (1794–1807) и глава десятой Миссии (1821–1830), завершает работу

¹⁸ [Бичурин Н.Я.]. О произношении букв, входящих в состав китайских звуков. Дополнение к китайской грамматике. СПб., 1839. С. 1.

¹⁹ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 137.

²⁰ [Честной Д.М.]. Записки и заметки о Китае. Литера А. Ч. 1 // ОР РНБ (Ф. 273, М 2888/1, л. 219–249).

над пятиязычным «Китайско-монгольско-маньчжурско-русско-латинским словарем», в котором слова были расположены им «по предметам», т.е. по китайским традиционным семантическим категориям. П.Л. Шиллинг с большим энтузиазмом приступил к изданию этого словаря. Работая в течение девяти лет в Мюнхене, Шиллинг познакомился со способом литографического книгопечатания и по возвращении в Санкт-Петербург в 1816 г. организовал при Министерстве иностранных дел России литографическую типографию. В 1817 г. по его заказу были изготовлены каменные оттиски первых четырех страниц словаря, страницы были напечатаны, но затем из-за некоторых бюрократических препятствий работа была остановлена и словарь остался в рукописи²¹.

Помимо упомянутого пятиязычного словаря П.И. Каменский оставил после себя несколько лингвистических работ. Как лексикограф он был занят составлением общих и фразеологических словарей, стремясь отразить в них как можно более полно словосочетания и выражения, используемые и в разговорном, и в литературном китайском языке. В 1818 г. он завершил перевод на русский язык «Латинско-китайского лексикона», составленного неизвестным автором в 1734 г.²². В Китае П.И. Каменский работал над переводом словаря *У фан юань инь* 五方元音, который он назвал «Китайский лексикон по выговорам из Пекина»²³ и над «Русско-китайско-маньчжурским фразеологическим словарем»²⁴. Много времени он отдал составлению «Большого китайско-русского словаря с фразами и примерами» в трех томах, который он намеревался издать²⁵. В этом словаре гнездовые китайские односложные слова, или биномы, сопровождаются большим количеством сочетаний и выражений (например, к слову 手 *шоу*, «рука» составитель дает сопутствующий материал на трех страницах), что дало бы читателю возможность на основании примеров запомнить правила китайского языка. Иногда в словаре независимо, без гнездового знака, в алфавитном порядке приводятся довольно длинные предложения, например: «произведения гор и морей многообразны и бесчисленны» 山海之資生最繁最夥 и т.д. В словарь вошла разная терминология, много синонимов, а в конце второго и третьего томов в качестве дополнения были приведены обширные тексты религиозного содержания.

²¹ 91 экземпляр первых четырех страниц словаря П.И. Каменского хранится в АВ ИВР РАН (Ф. 24. Инв. I. Ед. хр. 5).

²² 中西字彙 Джун си дзы хуй. Лексикон латинского и китайского диалекта, в 1818 году на российский язык переложенный и выговорами китайских литер снабженный (АВ ИВР РАН. Р. I. Оп. I. Ед. хр. 55, 1267 л.).

²³ АВ ИВР РАН. Р. I. Оп. I. Ед. хр. 46, т. 1 (210 л.), т. 2 (119 л.).

²⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 24. Оп. I. Ед. хр. 4 (322 л.).

²⁵ Там же. Ед. хр. 1 (266 л.), 2 (284 л.), 3 (259 л.).

На начальном этапе развития китайской филологии в России русские лексикографы составляли словари по фонетическому (алфавитному), либо по семантическому (по категориям) принципу. Первым полным китайско-маньчжурско-латинско-русским словарем, составленным по ключевой (графической) системе, стал «Китайский лексикон», завершённый Захаром Федоровичем Леонтьевским (1799–1874) в 1830 г.²⁶ Леонтьевский, студент десятой Русской духовной миссии (1821–1830), известен также как переводчик на китайский язык первых трех томов «Истории государства российского» Н.М. Карамзина (1766–1826). Упомянутый «Китайский лексикон» состоит из 15 томов на 3560 листах и заслуживает особого внимания с лексикографической точки зрения, поскольку во введении составитель перечисляет все словари и пособия, на основе которых был построен его словарь и которые могли находиться в распоряжении русских синологов в то время. Среди этих лексикографических работ З.Ф. Леонтьевский называет “漢字西義 Vocabulaire Chinois-Latin” П. Базиля де Глемона (P. Basile de Glemona); “Dictionnaire chinois, français et latin” М. де Гиня (M. de Guignes) (Париж, 1813); “漢字西義補 Supplément au dictionnaire chinois-latin de P. Basile de Glemona” Ю.Г. Клапрота (Париж, 1819); китайские и маньчжурские словари *Канси цзыдянь* 康熙字典; *Цин вэнь дянь яо да цюань* 清文典要大全; *Цин вэнь цзянь* 清文鑑; *Цин вэнь хуй шу* 清文彙書; *Цин вэнь бу хуй* 清文補彙; *Цин хань вэньхай* 清漢文海. Кроме этих опубликованных словарей составитель упоминает рукописный китайско-русский словарь о. Иакинфа, а также отмечает: «Кроме этих пособий я в течение десятилетнего пребывания в Китае не оставлял без внимания ничего, что мне казалось нужным, и вносил в этот Лексикон. Чтение авторов и разговоры были обильными моими источниками, из которых я почерпнул то, чего до сих пор еще ни в каких лексиконах не было помещено»²⁷. Для установления значений слов, вошедших в его словарь, З.Ф. Леонтьевский широко использовал маньчжурские переводы с китайского языка, и такой подход сделал его труд новаторским. Каждый гнездовой знак словаря сопровождался большим количеством сложных слов, состоящих из двух, трех и более иероглифов. Весьма полный словарь Леонтьевского стал одним из наиболее удачных трудов русских филологов первой половины XIX в. Он отражал общий характер китайского языка того периода, и если бы был напечатан, то значительно способствовал бы развитию китаеведения в России. Латинская часть этого словаря сделала бы его международным.

При всей своей полноте и достаточной семантической сложности перечисленные выше лексикографические работы создавались русски-

²⁶ Китайский лексикон 漢義通解 // АВ ИВР РАН. Р. 1. Оп. 1. Ед. хр. 73 (3560 л.).

²⁷ АВ ИВР РАН. Р. 1. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 7.

ми китаистами с учебной или мнемонической целью, часто для собственного пользования и оставались словарями «быстрой справки»²⁸. При этом именно они заложили основу для подлинного прорыва в области лексикографии китайского языка в России во второй половине XIX в.

Начало нового этапа в истории российской лексикографии китайского языка ознаменовал выход в свет фундаментального словаря Палладия и работ В.П. Васильева, заложившего основу русской графической словарной системы. «Китайско-русский словарь» Палладия Кафарова²⁹ стал первым полным академическим словарем, предоставившим возможность читать и переводить исторические и литературные тексты на китайском языке. Архимандрит Палладий (Петр Иванович Кафаров, 巴第 1817–1878) трудился над этим словарем в течение всей своей жизни, однако этот труд был опубликован только спустя десять лет после его смерти. Работа была подготовлена к печати П.С. Поповым (栢百福, 1842–1913), переводчиком Русской дипломатической миссии в Пекине и позже профессором Санкт-Петербургского университета. Статья Василия Павловича Васильева (王西里, 1818–1900) «Графическая система китайских иероглифов»³⁰ стала новым шагом в создании словарной графической системы поиска иероглифов. В конце XVIII — начале XIX в. словари, составлявшиеся русскими китаистами по графической системе, обычно основывались на традиционных китайских принципах поиска иероглифов по ключам и количеству черт. Создавая новую поисковую систему, В.П. Васильев подытожил и китайский, и европейский опыт, в своей статье он отметил, что опирался также на работу “Systema phoneticum scripturae sinicae”, изданную Дж. Каллери (J.M. Callery) в Макао в 1841 г.

Словари, созданные в XVIII–XIX вв. по семантической, фонетической и графической системе, могли бы стать значительным вкладом русских ученых в мировую синологию, но почти все они, составлявшиеся в основном для личного пользования авторов, не были опубликованы, и поэтому многие принципиальные достижения русских филологов-китаистов этого периода в сфере лексикографии остались неизвестны мировой науке.

²⁸ Алексеев В.М. О роли русской китаистики XIX в. в лексикографии // Краткие сообщения ИВ АН СССР. М.: АН СССР, 1956. Вып. 18. С. 82.

²⁹ Китайско-русский словарь 漢俄合璧韻編, составленный бывшим начальником Пекинской Духовной Миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом Императорской Дипломатической Миссии в Пекине П.С. Поповым. Пекин, 1888.

³⁰ Впервые опубликовано в Журнале министерства народного просвещения. 1856 (12). С. 1–26.

Библиография

- Алексеев В.М.* О роли русской китаистики XIX в. в лексикографии // Краткие сообщения ИВ АН СССР. М.: АН СССР, 1956. Вып. 18.
- Alekseev V.M.* O roli russkoy kitaistiki XIX v. v leksikografii // Kratkie soobscheniya IV AN SSSR. M.: AN SSSR, 1956. Vyip. 18.
- [Бичурин Н.Я.]. Описание Тибета в его нынешнем состоянии. СПб., 1828.
- [Bichurin N.Ya.]. Opisanie Tibeta v ego nyineshnem sostoyanii. SPb., 1828.
- [Бичурин Н.Я.]. Записки о Монголии. В 2-х т. СПб., 1828.
- [Bichurin N.Ya.]. Zapiski o Mongolii. V 2-h t. SPb., 1828.
- [Бичурин Н.Я.]. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. СПб., 1829.
- [Bichurin N.Ya.]. Opisanie Chzhungarii i Vostochnogo Turkeстана. SPb., 1829.
- [Бичурин Н.Я.]. История первых четырех ханов дома Чингисова. СПб., 1829.
- [Bichurin N.Ya.]. Istoriya pervyih chetyireh hanov doma Chingisova. SPb., 1829.
- [Бичурин Н.Я.]. Сань-цзы-цзин, или Троеслобие. СПб., 1829.
- [Bichurin N.Ya.]. San-zi-jing, ili Troeslovie. SPb., 1829.
- [Бичурин Н.Я.]. Описание Пекина. СПб., 1829.
- [Bichurin N.Ya.]. Opisanie Pekina. SPb., 1829.
- [Бичурин Н.Я.]. История Тибета и Хухунора с 2282 г. до Р.Х. до 1227 по Р.Х. 1227. СПб., 1833.
- [Bichurin N.Ya.]. Istoriya Tibeta i Huhunora s 2282 g. do R.H. do 1227 po R.H. 1227. SPb., 1833.
- [Бичурин Н.Я.]. Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.
- [Bichurin N.Ya.]. Istoricheskoe obozrenie oyratov, ili kalmyikov, s XV stoletiya do nastoyaschego vremeni. SPb., 1834.
- [Бичурин Н.Я.]. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840.
- [Bichurin N.Ya.]. Kitay, ego zhiteli, нравы, obyichai, prosveschenie. SPb., 1840.
- [Бичурин Н.Я.]. Статистическое описание Китайской империи. В 2-х ч. СПб., 1842.
- [Bichurin N.Ya.]. Statisticheskoe opisanie Kitayskoy imperii. V 2-h ch. SPb., 1842.
- [Бичурин Н.Я.]. Китай в гражданском и нравственном состоянии. В 4-х ч. СПб., 1848.
- [Bichurin N.Ya.]. Kitay v grazhdanskom i нравstvennom sostoyanii. V 4-h ch. SPb., 1848.
- [Бичурин Н.Я.]. Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х т. СПб., 1853.
- [Bichurin N.Ya.]. Svedeniya o narodah, obitavshih v Sredney Azii v drevnie vremena. V 3-h t. SPb., 1853.
- [Бичурин Н.Я.]. Хань-вынь ци-мын 漢文啓蒙. Китайская грамматика. СПб.: Литография Гемильяна, 1835 (2-е изд. 1838).
- [Bichurin N.Ya.]. Han-wen qi-meng 漢文啓蒙. Kitayskaya grammatika. SPb.: Litografiya Gemilyana, 1835 (2-e izd. 1838).
- [Бичурин Н.Я.]. О произношении букв, входящих в состав китайских звуков. Дополнение к китайской грамматике. СПб., 1839.
- [Bichurin N.Ya.]. O proiznoshenii bukv, vhodyaschih v sostav kitayskih zvukov. Dopolnenie k kitayskoy grammatike. SPb., 1839.
- Вебер К., Иванов А., Котвич Вл., Руднев А.* К вопросу о русской транскрипции китайских иероглифов // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. 1907–1908. Т. XVIII.

- Veber K., Ivanov A., Kotvich Vl., Rudnev A.* К вопросу о русской транскрипции китайских иероглифов // *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo arheologicheskogo obshchestva.* 1907–1908. Т. XVIII.
- Волкова М.П.* Первый учебник русского языка для китайских учащихся // *Краткие сообщения Института народов Азии.* Вып. LXI. М.: Восточная литература, 1963.
- Volkova M.P.* Pervyyi uchebnyy russkogo yazyka dlya kitayskikh uchashchihsy // *Kratkie soobsheniya Instituta narodov Azii.* Vyip. LXI. M.: Vostochnaya literatura, 1963.
- Китайский лексикон 漢義通解 // АВ ИВР РАН. Р. 1. Оп. 1. Ед. хр. 73 (3560 л.).
Kitayskiy leksikon 漢義通解 // AV IVR RAN. R. 1. Op. 1. Ed. hr. 73 (3560 l.).
- Китайско-русский словарь 漢俄合璧韻編, составленный бывшим начальником Пекинской Духовной Миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом Императорской Дипломатической Миссии в Пекине П.С. Поповым. Пекин, 1888.
- Kitaysko-russkiy slovar 漢俄合璧韻編, sostavlennyiy byivshim nachalnikom Pekinskoy Duhovnoy Missii arhimandritom Palladiem i starshim dragomanom Imperatorskoy Diplomaticheskoy Missii v Pekine P.S. Popovym. Pekin, 1888.
- [*Леонтьев А.Л.*]. Китайские мысли. СПб., 1772; 2-е изд. 1775; 3-е изд. 1786.
[*Leontiev A.L.*]. Kitayskie myisli. SPb., 1772; 2-e izd. 1775; 3-e izd. 1786.
- [*Леонтьев А.Л.*]. Делей-китаец. СПб., 1771; 2-е изд. 1772 (перевод Мэн-цзы).
[*Leontiev A.L.*]. Derey-kitaets. SPb., 1771; 2-e izd. 1772 (perevod Meng-zi).
- [*Леонтьев А.Л.*]. Ге янь, то есть умные речи. СПб., 1776; 2-е изд. 1779.
[*Leontiev A.L.*]. Ge yan, to est umnyie rechi. SPb., 1776; 2-e izd. 1779.
- [*Леонтьев А.Л.*]. Китайское уложение. СПб., 1778–1779. Ч. 1–2.
[*Leontiev A.L.*]. Kitayskoe ulozhenie. SPb., 1778–1779. Ch. 1–2.
- [*Леонтьев А.Л.*]. Да сию, то есть Учение великое. СПб., 1780.
[*Leontiev A.L.*]. Da xue, to est Uchenie velikoe. SPb., 1780.
- [*Леонтьев А.Л.*]. Джун юн, то есть Закон непреложный. СПб., 1784.
[*Leontiev A.L.*]. Zhong yong, to est Zakon neprelozhnyiy. SPb., 1784.
- [*Леонтьев А.Л.*]. Букварь китайский. СПб., 1779 (перевод Саньцзыцзин).
[*Leontiev A.L.*]. Bukvar kitayskiy. SPb., 1779 (perevod Santszyitszin).
- Манджурская грамматика. Для российского юношества сочиненная Антоном Владыкиным 1804 года в Санкт-Петербурге // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей РНБ (Дорн 691).
Mandzhurskaya grammatika. Dlya rossiyskogo yunoshstva sochinennaya Antonom Vladyikinyim 1804 goda v Sankt-Peterburge // Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka. Otdel rukopisey RNB (Dorn 691).
- Маньчжурско-китайско-русский словарь // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 88. Ед. хр. 1 (373 л.).
Manchzhursko-kitaysko-russkiy slovar // Arhiv vostokovedov IVR RAN. F. 88. Ed. hr. 1 (373 l.).
- Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1870.
- Pekarskiy P.P.* Istoriya Imperatorskoy Akademii nauk v Peterburge. T. I. SPb.: Tipografiya Imp. Akademii nauk, 1870.
- Рейхберг Г.* О неизвестной рукописи Рассохина // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока (РАНИОН). Т. 2. 1930.

- Reyhberg G.* O neizvestnoy rukopisi Rassohina // Uchenye zapiski Instituta etnicheskikh i natsionalnykh kultur narodov Vostoka (RANION). T. 2. 1930.
- Русско-китайский словарь. 1744 (95 л.) // Библиотека Академии наук. Отдел рукописей.
- Russko-kitayskiy slovarik. 1744 (95 л.) // Biblioteka Akademii nauk. Otdel rukopisey.
- Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, ГРВЛ.
- Skachkov P.E.* Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya. M.: Nauka, GRVL.
- Смотрицкий Мелетий.* Грамматика. Підготовка факсимального видання та дослідження пам'ятки В.В. Німчука. Київ: Наукова думка, 1979.
- Smotritskiy Meletiy.* Gramatika. Pidgotovka faksimilnogo vidannya ta doslidzhennya pam'yatki V.V. Nimchuka. Kiev: Naukova dumka, 1979.
- [*Честной Д.М.*]. Записки и заметки о Китае. Литера А. Ч. 1 // ОР РНБ (Ф. 273, М 2888/І. Л. 219–249).
- [*Chestnoy D.M.*]. Zapiski i zametki o Kitae. Litera A. Ch. 1 // OR RNB (F. 273, M 2888/І. L. 219–249).
- Pelliot P.* Mélanges. Sur quelques manuscrits sinologiques conservés en Russie // T'oung Pao. Vol. XXIX. 1932.
- 中西字彙 Джун си дзы хуй. Лексикон латинского и китайского диалекта, в 1818 году на российский язык переложенный и выговорами китайских литер снабженный (АВ ИВР РАН. Р. І. Оп. 1. Ед. хр. 55. 1267 л.).
- 中西字彙 Zhong xi zi hui. Leksikon latinskogo i kitayskogo dialekta, v 1818 godu na rossiyskiy yazyik perelozhennyiy i vyigovorami kitayskikh liter snabzhennyiy (AV IVR RAN. R. I. Op. 1. Ed. hr. 55. 1267 l.).

I.F. Popova

THE FORMATIVE PERIOD OF THE LEXICOGRAPHY OF THE CHINESE LANGUAGE IN RUSSIA

Summary: The paper presents new archival material with a focus on the main achievements of the Russian Sinologists into the field of the lexicography of the Chinese language in the early stage of its history. The vocabularies and dictionaries compiled in the 18–19th centuries in Russia according to semantic, phonetic and graphical systems could have become an original contribution into the international Sinology if they had not been compiled mainly for the personal use of the authors, who never intended to publish them which is why they remain mostly unknown.

Key words: lexicography, Chinese dictionaries and vocabularies, history of Russian Sinology.

С.Ю. Рыженков

**К ВОПРОСУ О ПРИМЕНИМОСТИ ТЕРМИНА «ШКОЛА»
К ЭКЗЕГЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ «НИРВАНА-СУТРЫ»
В КИТАЕ В V–VI вв.**

В статье рассматривается ряд методологических проблем историографии традиции махаянской «Махапаринирвана-сутры» в Китае. Основное внимание уделено проблеме значения термина *цзун* в контексте истории китайского буддизма V–VI вв. Основываясь на анализе значения данного термина, автор приходит к выводу, что так называемая *непань-цзун* не представляла собой особую школу китайского буддизма, являясь скорее «экзегетической традицией».

Ключевые слова: «Нирвана-сутра», *цзун*, китайский буддизм, школы китайского буддизма, Южные и Северные династии, буддийские монастыри.

В отечественной и зарубежной литературе по истории китайского буддизма нередко упоминается «школа Нирвана-сутры» (*непань-цзун* 涅槃宗), имевшая распространение в период Южных и Северных династий (420–589), а затем влившаяся в школу *тяньтай*. Однако общепринятая точка зрения состоит в том, что формирование «школ» китайского буддизма произошло значительно позже — в периоды Суй (581–618) и Тан (618–907). В настоящей статье мы попытаемся объяснить это противоречие. Для начала необходимо ответить на ряд принципиальных вопросов: что мы подразумеваем под термином «школа»? что означает термин *цзун* 宗 в китайской традиции? попадает ли *непань-цзун* под наши критерии определения «школы китайского буддизма»?

Русскоязычный термин «школа Нирваны» или «школа „Нирвана-сутры“» и англоязычный «Nirvana School» являются буквальными переводами с китайского языка, сделанными по аналогии с переводами названий буддийских школ периодов Суй и Тан (ср. школы *чань-цзун* 禪宗, *тяньтай-цзун* 天台宗).

© Рыженков С.Ю., 2014

Проблема значения и перевода термина *цзун* 宗 неоднократно поднималась в буддологической литературе¹. Этот термин не имеет в европейских языках аналога, вмещающего в себя семантический спектр оригинала. В большинстве случаев *цзун* в контексте буддийской историографии принято переводить как «школа» (school, sect) либо «линия передачи» (lineage), однако такой перевод кажется нам не всегда удачным. Первым, кто обратил внимание на полисемантичность термина *цзун* в китайских буддийских текстах, был Тан Юн-тун; его примеру последовал целый ряд буддологов — Мано Сёдзюн, Хираи Сюньэй, Стэнли Вайнштайн и др. Для термина *цзун* эти исследователи определяют три основных значения:

- 1) доктрина или доктринальное толкование;
- 2) тема буддийского текста или же экзегетическая традиция, основанная на этом тексте;
- 3) группа или традиция, которая имеет в корне одного основателя, а также какие-либо общие практики или теоретические положения, разделяемые ее последователями по линии преемственности².

В китайских средневековых текстах, синхронных формированию буддийских школ, частотность употребления термина *цзун* ничтожно мала, и очевидно, что в большинстве случаев он применяется в первом и втором из указанных выше значений. Сочетание *непань-цзун* встречается среди текстов китайского буддийского канона только в «Комментариях к рассуждениям [Сэн]-чжао» («Чжаолунь шу» 肇論疏) Юанькана 元康 (VII в.) (ТСД № 1859), где термин указывает лишь на доктрину «Нирвана-сутры», а *цзун* в его современном значении «школа» (*цзунпай* 宗派) в ранних китайских текстах вовсе не встречается. Термин *непань-цзун* вошел в обиход благодаря труду японского историка Гёэнэна 凝然 (1240–1321) «Краткое изложение передачи буддийской Дхармы в трех странах» (*Санкоку бутто дэндзу энги* 三國佛法傳通緣起), где упоминаются 13 школ китайского буддизма (*цзюйшэ* 俱舍, *чэньши* 成實, *люй* 律, *саньлунь* 三論, *непань* 涅槃, *дилунь* 地論, *цзинту* 淨土, *чань* 禪, *шэлуь* 攝論, *тяньтай* 天台, *хуаянь* 華嚴, *фасян* 法相, *ми* 密)³. Следует отметить, что в работах большинства китайских исследовате-

¹ В русскоязычной литературе наиболее обстоятельную характеристику этого термина дает П.Д. Ленков (см.: *Ленков П.Д.* Философия сознания в Китае. Буддийская школа Фасян (Вэйши). СПб., 2006. С. 77–81).

² *Jia J.* The Hongzhou School of Chan Buddhism in Eighth- through Tenth-Century China. N. Y., 2006. P. 1; см. также: *Gregory P.N.* Tsung-mi and the Sinification of Buddhism. Princeton (N. J.), 1991. P. 50.

³ *Фэн Шу-сюнь* 馮樹勳. Сюэпай фэнлэй цюаньши бяньлунь фэньси: и «непань цзун» вэй ле 學派分類權實辨析: 以「涅槃宗」的問題為例 (Анализ условности и истинности в классификациях школ: на примере проблемы «непань-цзун») // Жусюэ, вэньхуа юй цзунцзяо: Лю Шу-сянь сяньшэн ци чжи шоуцин луньвэнь цзи 儒學、文化與宗教: 劉述先先生七秩壽慶論文集. Тайбэй, 2006. С. 198–200.

лей традиция «Нирвана-сутры» обозначается терминами *сюэшо* 學說 («учение», «доктрина») или *сюэпай* 學派 («школа», «направление»), а применение к ней термина *цзун* является более характерным для японской историографии.

Заслуживает внимания анализ термина *цзун* в значении «школа» современным исследователем Фэн Шу-сюнем, который, рассуждая о понятии «школа» в китайской историографии, предлагает различать «школы в строгом смысле» (*цяньи сюэпай* 強義學派) и «школы в слабом смысле» (*жюи сюэпай* 弱義學派). Первые он соотносит с дескриптивным (descriptive) подходом к исторической реальности, а вторые — с «предписывающим» (prescriptive), т.е. методологически допускающим гипотезирование существования той или иной школы. Для «школ в строгом смысле» вводятся следующие критерии:

- 1) возможность выделить ее представителей;
- 2) представители должны осознанно демонстрировать отличительные особенности данной школы и проводить различия между своей школой и другими;
- 3) обязательна преемственность школы, которая внешне может проявляться как переходящее из рук в руки «вещественное доказательство», например, ряса патриарха или мухогонка, и/или зафиксированная в письменном виде «линия передачи», и/или сознание преемственности, будь то преемственность идеологическая или фактическая⁴.

Вышеуказанные замечания методологического характера следует проиллюстрировать на конкретном историческом материале. «Махапаринирвана-сутра» (кит. «Да бо Непань цзин» 大般涅槃經; санскр. «Mahāparinirvāṇasūtra») переводилась на китайский язык несколько раз, но широкое распространение она получила лишь после перевода, выполненного Буддхабхадрой (Фотобатоло 佛跋陀羅, 359–429) и Бао-юнем 寶雲 (376–449) в 416 г. в Цзянькане. Перевод был выполнен с санскритского оригинала, который был доставлен Фа-сянем 法顯 (337–422) из Индии, он получил название «Да бо ниюань цзин» 大般泥洹經 и составил 6 *цзюаней* (ТСД № 376). Спустя некоторое время другой перевод сутры был сделан на Севере. Его выполнил Дхармакшема (Тань-учэнь 曇無讖, 385–433) в период с 421 по 430 г. в Гуцзане (совр. г. Увэй, пров. Ганьсу) под покровительством сюннского правителя Северного Лян (397–439) Цзюйцюя Мэнсуня (прав. 401–433)⁵. Перевод составил 40 *цз.* и был сделан в два этапа — сначала был переведен текст, по объему и содержанию приблизительно соответствующий 6 *цзюаням* Фа-сяня (первые 10 *цз.*), затем было переведено его продолжение в 30 *цз.*

⁴ Там же. С. 193–195.

⁵ Chen J. The Indian Buddhist Missionary Dharmakṣema (385–433) — A New Dating of His Arrival in Guzang and of His Translations // T'oung Pao. 2004. T. 90. № 4–5. P. 215–263.

из. (ТСД № 374). Дхармакшеме помогали шраматы Хуй-сун 慧嵩 и Дао-лан 道朗. Последний составил также комментарий к сутре, о котором известно, что основное внимание в нем было уделено вопросам монашеской дисциплины и практике соблюдения обетов.

В 427–431 гг. правитель возвысившегося государства Северное Вэй (386–534) Тоба Тао (прав. 424–452) отправил к Цзюйцзюй Мэнсуню посла с требованием выдать ему Дхармакшему, однако тот отказался его выполнить. Когда Дхармакшема отправился в Западный Край в целях поиска недостающих глав «Нирвана-сутры», Цзюйцзюй Мэнсунь подошел к нему убийц, возможно, опасаясь, что тот попадет в руки Тоба Тао⁶.

Началась война с Вэй, и большая часть сангхи бежали в Западный Край. Хуй-сун также бежал, но погиб от голода на горе Сишань в Цзюцзоане⁷.

К 439 г. в Лянчжоу установился мир, и 30 тыс. семей были отправлены в Пинчэн (совр. Датун, пров. Шэньси). Буддийских монахов вначале собирались казнить, но затем решили также отправить их в рабство в Северное Вэй. Известно, что среди них был Дао-цзинь 道進, принявший обеты бодхисаттвы у Дхармакшемы. Через него или других лянских монахов ветвь учения «Махапаринирвана-сутры», ведущая свое начало от Дхармакшемы, стала распространяться в Северном Вэй и сохранила свои характерные черты — известно, что Дхармакшема и его последователи придавали большое значение этической стороне учения сутры⁸. (О дальнейшей судьбе традиции в Северном Вэй мы имеем недостаточно сведений. Вероятно, это связано с тем, что правитель Тоба Тао был противником буддизма и жизнь сангхи протекала вдали от его двора.)

Тем временем на Юге сформировалась иная традиция, где основными действующими лицами были ученики Кумарадживы (Цзюмолюши 鳩摩羅什, 344?–413) — выдающегося переводчика, воспитавшего целую плеяду учеников.

⁶ Многие правители Северных династий содержали у себя при дворе буддийских миссионеров, покровительствовали им, прислушивались к их советам. Считалось, что обретение заслуг правителем (например, путем строительства монастырей) может способствовать удаче в государственных делах, а чтение буддийскими монахами заклинаний — избавить от злых духов. Подробнее об этом инциденте см.: Хуэй-цзяо. Жизнеописание достойных монахов (Гао сэн чжуань) / Пер. с кит. М.Е. Ермакова. Т. 1. М., 1991. С. 157–158.

⁷ Камата Сигэо 鎌田茂雄. Чжунго Фодзю тунши 中國佛教通史 (Сводная история китайского буддизма) / Пер. с яп. на кит. яз. Гуань Ши-цянь. Тайбэй, 2010. Т. 3. С. 359.

⁸ Шэн Кай 聖凱. Да бо непань цзин цзай лян Цзинь шидай дэ чуаньчэн юй люсин (大般涅槃經) 在兩晉時代的傳承與流行 (Традиция и распространение Нирвана-сутры в эпоху двух Цзинь) // Наньцзин сяо чжуан сюэюань сюэбао 南京曉莊學院學報. Март 2011. № 2. С. 33–39).

После падения царства Поздняя Цинь (384–417) со столицей в Чанъ-ани центр сосредоточения буддийской активности переместился на Юг, где в 420 г. была основана династия Южная Сун (420–479) со столицей в Цзянькане. Перевод сутры в 6 из. успел там завоевать популярность, а полная версия сутры в переводе Дхармакшемы была еще неизвестна.

Среди учеников Кумарадживы был монах Чжу Дао-шэн 竺道生 (355–434), который прибыл к Кумарадживе в Чанъань из лушаньской буддийской общины, где был учеником у Хуй-юаня 慧遠 (334–416)⁹. Он пробыл в Чанъани не более двух лет (405–406), но за это время успел прославиться как один из четырех великих учеников Кумарадживы. В первую очередь он стал известен как основоположник учения о «внезапном просветлении» (*дунь у* 頓悟).

После падения Поздней Цинь Дао-шэн, как и многие другие монахи, переместился в Цзянькан. Здесь он изучил неполную версию сутры Фа-сяня и объявил, что ее основной смысл в том, что все иччханттики могут стать буддой. Иччхантика — в терминологии «Нирвана-сутры» — особый класс существ, неисправимых злодеев, у которых, как сказано в сутре, «сожжены корни благого». В то время считалось, что иччханттики не могут достичь просветления даже в отдаленной перспективе, поскольку они не обладают «природой будды» (*фо син* 佛性). Об этом неоднократно и вполне определенно было сказано в первой части сутры. Монахи монастырей Цзянькана воспротивились такому толкованию, в результате чего по инициативе Хуй-гуаня в 428–429 гг. Дао-шэн был изгнан из сангхи и вернулся в горы Лушань¹⁰. Он был реабилитирован в 430 г., когда на Юг был доставлен перевод Дхармакшемы, в котором ясно утверждается, что все иччханттики также имеют «природу будды» и, следовательно, в отдаленной перспективе имеют шанс обрести спасение¹¹.

В 436 г. ученики Кумарадживы Хуй-янь 慧嚴 (363–443) и Хуй-гуань 慧觀 (375?–445?) создали новую редакцию «Нирвана-сутры», взяв за основу перевод Дхармакшемы. Текст был разбит на главы по образцу «Ниюань цзин» Фа-сяня, при этом в него были внесены незначительные стилистические изменения. В ее составлении также принимал участие известный поэт и сторонник учения о «внезапном просветлении» (*дунь у* 頓悟) Се Лин-юнь 謝靈運 (385–433). Новую редакцию стали называть «южной» (*наньбэнь* 南本), а перевод Дхармакшемы — «северной» (*бэйбэнь* 北本).

⁹ См.: Chan W.T. Transformation of Buddhism in China // Philosophy East & West. 1957. Vol. 7. № 3–4. P. 107–116.

¹⁰ Lai W. Sinitic Speculations on Buddha-Nature // Philosophy East and West. 1982. Vol. 32. № 2. P. 136.

¹¹ Подробнее об этом см.: Chan W.T. Transformation of Buddhism in China.

Хуй-гуань во время пребывания в Чанъани был учеником Кумарадживы и Буддхабхадры. Когда в 410 г. Буддхабхадра был вынужден покинуть Чанъань, Хуй-гуань ушел вместе с ним на гору Лушань, а после 420 г. обосновался в монастыре Даочансы 道場寺, который наряду с Лунгуансы 龍光寺 стал еще одним центром изучения «Нирвана-сутры».

По повелению сунского Вэнь-ди (прав. 424–453) Хуй-гуань занялся переводческой деятельностью. Вместе с Хуй-янем и Гунабхадрой (Цюнабатоло 求那跋陀羅, 394–468) в 436 г. он перевел «Сутру львиного рыка царицы Шрималы» («Шрималадеви симханада-сутра», «Шэнмань шицзыкун ишэн дафанбянь фангуан цзин» 勝鬘師子吼一乘大方便方廣經 — одну из основных сутр о «природе будды» (*фо син*) наряду с «Нирвана-сутрой». Хуй-гуань обладал незаурядным литературным даром, о чем свидетельствует его основное сочинение «Трактат о постепенном просветлении» («Цзянь у лунь» 漸悟論). Трактат не сохранился, но известен по цитатам в сочинении Се Лин-юня 423 г. «Рассуждение об основах» («Бянь цзун лунь» 辨宗論). Взгляды Хуй-гуаня отражали воззрения большей части столичной сангхи, находившейся под влиянием Абхидхармы и чанъаньского буддизма¹².

На основании текста «Нирвана-сутры» Хуй-гуань впервые составил «классификацию учений» (*пань цзяо* 判教), известную как «два учения пяти эпох». В дальнейшем с формированием школ китайского буддизма практика составления таких классификаций прочно утверждается и становится неотъемлемой их особенностью¹³.

Большая часть упоминаний о «школе „Нирвана-сутры“» в работах современных западных исследователей сводится к описанию полемики сторонников идеи «внезапного просветления» (*дунь у*) Дао-шэна и «постепенного просветления» (*цзянь у*) Хуй-гуаня и их последователей. Однако определить причастность последних к традиции «Нирвана-сутры» не всегда удается. Что касается генеалогии (преемственной связи «учитель–ученик»), то она фрагментарна и ее не всегда удастся проследить. Основным критерием причастности к традиции выступают упоминания о создании комментариев к «Нирвана-сутре» или, за неимением оных, хотя бы о знакомстве с ее учением и чтении проповедей по ней. В период Южных и Северных династий таких комментариев было со-

¹² *Шэн Кай* 聖凱. Да бо Непань цзин цзай Лю Сун шидай дэ чуаньчэн (大般涅槃經) 在劉宋時代的傳承 (Традиция Нирвана-сутры в эпоху Лю Сун) // Наньцзин сяо чжуан сюэюань сюэбао 南京曉莊學院學報. Март 2012. № 2. С. 31

¹³ Подробнее об этом см.: *Ван Чжун-яо* 王仲堯. Наньбэйчао Непаньши дэ паньцзяо цзи цзячжи ии 南北朝涅槃經的判教及其價值意義 («Классификации учений» проповедников «Нирвана-сутры» и их [историческая] ценность) // Пумэнь сюэбао 普門學報. 2001. Вып. 6.

ставлено множество, но почти все они за небольшим исключением были утрачены и дошли до нас в виде выдержек в более поздних обобщающих трудах, которые являются основными источниками по истории мысли традиции «Нирвана-сутры». Значительная часть цитат содержится в «Собрании толкований к „Махапаринирвана-сутре“» («Да бо Непань цзин цзицзе» 大般涅槃經集解) в 71 цз. (ТСД № 1763), приписываемом Бао-ляну 寶亮 (444–509)¹⁴. О немногих шраманах, которых можно идентифицировать как представителей традиции и биографии которых отсутствуют в других источниках, мы узнаем только из этого текста. К «Нирвана-сутре» также был составлен ряд комментариев. Некоторые из них дошли до наших дней, о наличии других свидетельствуют лишь уцелевшие цитаты, приведенные в «Собрании толкований». Это дает основание рассматривать их авторов в качестве представителей экзегетической традиции. Текст до сих пор не получил всеобъемлющего исследования, однако, вне всякого сомнения, он заслуживает пристального внимания со стороны историков религиозно-философской мысли китайского буддизма. Его анализ может дать ценные сведения о содержании дискуссий по различным аспектам учения «Нирвана-сутры». Помимо «Собрания толкований» важнейшими источниками по истории экзегетической традиции «Нирвана-сутры» являются «Сокровенный трактат о Махаяне» («Да шэн сюань лунь» 大乘玄論) (ТСД № 1853), «Экскурс в смысл „Нирвана-сутры“» («Непань цзин ю и» 涅槃經遊意) (ТСД № 1768) Цзи-цзана 吉藏 (549–623), «Сокровенный смысл „Махапаринирвана-сутры“» («Да бо Непань цзин сюань и» 大般涅槃經玄義) (ТСД № 1765) Гуань-дина 灌頂 (561–623) и «Основной смысл „Нирвана-[сутры]“» («Непань цзун яо» 涅槃宗要) (ТСД № 1769) Вон Хё 元曉 (617–686).

Существующие в науке классификации течений традиции толкования «Нирвана-сутры» носят весьма условный характер. Поскольку, как уже было сказано выше, порой единственным критерием, позволяющим судить о причастности шрамана к традиции, являются сведения о наличии комментария, написанного этим шраманом, либо упоминание в источниках биографического типа о факте чтения им проповедей «Нирвана-сутры». В результате история *непань-цзун* сводится лишь к перечислению имен и биографическим сведениям о наиболее известных ее представителях. Тан Юн-тун разделяет всех носителей «южной» традиции, т.е. не включая линию, идущую непосредственно от Дхармакшемы, на три класса: 1) южане, последователи Дао-шэна; 2) обучавшиеся на Севе-

¹⁴ То, что именно Бао-лян был составителем данной антологии, оспаривается большинством исследователей, некоторые из них считают составителем Мин-цзюня 明駿, другие — Фа-лана 法郎 (см.: *Камата Сигэо*. Чжунго Фоцзяо тунши. Тайбэй, 2011. Т. 4. С. 386).

ре, не являющиеся последователями Дао-шэна; 3) носители неопределенной традиции¹⁵. Этой классификации придерживаются и другие исследователи (Камата Сигэо, Жэнь Цзи-юй).

Описание традиции в рамках классификации, построенной таким образом, полностью состоит из просопографии и сводится к деятельности отдельных ее представителей, а вопрос о преемственности остается без должного внимания. В современных работах были сделаны попытки детализировать классификацию, локализовав отдельные течения по соответствующим монастырям¹⁶. Дальнейшая история традиции представлена следующим образом.

В монастыре Лунгуансы учениками Дао-шэна были Бао-линь 寶林, написавший впоследствии «Непаньцзи» 涅槃記, и Хуй-шэн 慧生 (?–502–519). У Бао-линя был ученик по имени Фа-бао 法寶. В Даочансы учениками Хуй-гуаня были Фа-ай 法瑗 (法愛) (409–489), также там пребывали Бао-юнь 寶雲 (376–449), Дао-пу 道普 и др. Монастыри Лунгуансы и Даочансы были основными центрами деятельности толкователей «Нирвана-сутры» лишь в начале правления династии Южная Сун, позднее таким центром стал Синьаньсы 新安寺. Приблизительно в одно и то же время там проживали Фа-яо 法搖 (400–473–477), Тань-бинь 曇斌 (407–473–477) и Дао-ю 道猷 (402–405–473–476). Фа-яо прибыл в столицу в 462 г. и вместе с Дао-ю поселился в Синьаньсы¹⁷. Его учениками были Тань-бинь, Хуй-цзин 慧靜 (408–413–466–471) и Цзинлинь 靜林. Дао-ю обучался у Дао-шэна в период пребывания последнего на горе Лушань, впоследствии он был приглашен в столицу и стал настоятелем монастыря Чжэньсы 鎮寺¹⁸. В монастыре Чжунсинсы 中興寺 жили Сэн-цзюй и Хуй-дин, в Линвэйсы 靈味寺 — Бао-лян, Фа-яо и Сэн-хань 僧含, в Чжичэнсы 冶城寺 — Хуй-линь 慧琳, Хуй-цзин 慧靜, ученик Дао-шэна Сэн-цзинь 僧瑾, Чжи-шунь 智順, Чжи-сю и др. Невозможно свести весь жизненный путь одного человека к пребыванию в одном монастыре и ученичеству у одного наставника. Так, Фа-ай в ранние годы был учеником Хуй-гуаня в Даочансы, затем отправился на гору Лушань, а в поздние годы поселился в Линвэйсы, а его ученик Сэн-цзун 僧宗 (438–496) впоследствии учился у Тань-биня¹⁹.

На раннем этапе формирования китайской буддийской традиции сложению школ на базе отдельных монастырей препятствовало еще одно обстоятельство — зависимость сангхи от императорского двора.

¹⁵ Тан Юн-тун 湯用彤. Хань Вэй лян Цзинь Нань Бэй чао фоцзяо ши 汉魏两晋南北朝佛教史 (История буддизма в эпохи Хань, Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий). Пекин, 2011. С. 374–376.

¹⁶ Шэн Кай. Да бо Непань цзин цзай Лю Сун шидай дэ чуаньчэн.

¹⁷ Камата Сигэо. Чжунго Фоцзяо тунши. 2011. Т. 4. С. 382–383.

¹⁸ Там же. С. 364.

¹⁹ Шэн Кай. Да бо Непань цзин цзай Лю Сун шидай дэ чуаньчэн. С. 28–34.

При Южных династиях после смерти настоятеля монастыря, основанного правителем, в качестве преемника на его должность назначался, как правило, кто-либо из выдающихся монахов, который мог не разделять доктринальных позиций своего предшественника. Так продолжалось вплоть до второй половины VI в., когда положение изменилось и контроль над монастырским имуществом стал переходить к преемникам настоятеля²⁰. На официальном уровне связь монастырей с конкретными линиями преемственности была закреплена веками позже — в эпоху Северной Сун (960–1127)²¹.

Среди толкователей «Нирвана-сутры» были и другие, а ее распространение не ограничивалось стенами столичных монастырей. Подробный анализ их деятельности является темой отдельного исследования и не входит в наши задачи. В свете сказанного выше попытка представить историю экзегетической традиции «Нирвана-сутры» в форме отдельной «школы» представляется, на наш взгляд, методологически необоснованной и искажающей историческую реальность. По нашему мнению, суть проблемы «школы нирваны» сводится, во-первых, к трудностям перевода термина *цзун*, во-вторых, к влиянию японской историографической традиции на современное понимание истории китайского буддизма. В имеющихся источниках нет намеков на существование «школьного сознания» проповедников «Нирвана-сутры». Процесс комментирования и толкования сутры не ограничивался ни пределами особой учительской традиции, ни определенными географическими рамками, в то время как шраматы не были связаны рамками замкнутых школ и были вправе свободно странствовать по разным монастырям и учиться у разных наставников. Официальной линии преемственности *непань-цзун* никогда не существовало, а что касается преемственности идеологической или фактической, мы можем лишь констатировать ряд частных случаев передачи учения, несводимых к единой традиции.

Список сокращений

цз. — цзюань

ТСД — Тайсё синсю дайзюкё (Заново исправленная Трипитака, составленная в годы Тайсё) — см. список литературы.

²⁰ Morrison E.A. The Power of Patriarchs: Qisong and Lineage in Chinese Buddhism. Leiden, 2010. P. 28.

²¹ Sharf R.H. Coming to Terms with Chinese Buddhism. A Reading of the Treasure Store Treatise. Honolulu, 2002. P. 9.

Список литературы

- Ван Чжун-яо* 王仲堯. Наньбэйчао Непаньши дэ паньцзяо цзи цзячжи ии 南北朝涅槃師的判教及其價值意義 («Классификации учений» проповедников «Нирвана-сутры» и их [историческая] ценность) // Пумэнь сюэбао 普門學報. 2001. Вып. 6. С. 1–17.
- Wang Zhongyao*. Nanbeichao Niepanshi de panjiao ji jiazhi yiyi // Pumen xuebao, 2001, 6. S. 1–17.
- Камата Сигэо* 鎌田茂雄. Чжунго Фоцзяо тунши 中國佛教通史 (Сводная история китайского буддизма) / Пер. с яп. на кит. яз. Гуань Ши-цянь. Т. 1–6. Тайбэй, 2010–2012.
- Kamata Shigeo*. Zhongguo fojiao tongshi / Per. s yap. na kit. yaz. Guan Shiqian. T. 1–6. Taibei, 2010–2012.
- Ленков П.Д.* Философия сознания в Китае. Буддийская школа Фасян (Вэйши). СПб., 2006.
- Lenkov P.D.* Filosofiya soznaniya v Kitae. Buddiyskaya shkola Faxian (Weishi). SPb., 2006.
- Тайсё синсю дайзюкё (Заново исправленная Трипитака, составленная в годы Тайсё) 大正新修大藏經 (электронный ресурс). Режим доступа: www.cbeta.org (дата обращения: 20.04.2014).
- Taishuo shinshiu daidzokyo: www.cbeta.org.
- Тан Юн-тун* 汤用彤. Хань Вэй лян Цзинь Нань Бэй чао фоцзяо ши 汉魏两晋南北朝佛教史 (История буддизма в эпохи Хань, Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий). Пекин, 2011.
- Tang Yongtong*. Han wei liangjin nanbeichao fojiao shi. Beijing, 2011.
- Фэн Шу-сюнь* 馮樹勳. Сюэпай фэнлэй цюаньши бяньлунь фэньси: и «непань цзун» вэй ле 學派分類權實辨析: 以「涅槃宗」的問題為例 (Анализ условности и истинности в классификациях школ: на примере проблемы «непань-цзун») // Жу-сюэ, вэньхуа юй цзунцзяо: Лю Шу-сянь сяньшэн ци чжи шоуцин луньвэнь цзи юэ-цзи 儒學、文化與宗教: 劉述先先生七秩壽慶論文集. Тайбэй, 2006. С. 189–214.
- Feng Shuxun*. Xuepai fenglei quanshi bianlun fenxi: yi “niepan zong” wei le // Ruxue, wenhua yu zongjiao: Liu Shuxian xiansheng qi zhi shouqing lunwen ji. Taibei, 2006. S. 189–214.
- Хуэй-цзяо*. Жизнеописание достойных монахов (Гао сэн чжуань) / Пер. с кит. М.Е. Ермакова. Т. 1. М., 1991.
- Hui-jiao*. Zhizneopisanie dostoynyih monahov (Gao seng zhuan) / Per. s kit. M.E. Ermakova. T. 1. M., 1991.
- Хуэй-цзяо*. Жизнеописание достойных монахов (Гао сэн чжуань) / Пер. с кит. М.Е. Ермакова. Т. 2. СПб., 2005.
- Hui-jiao*. Zhizneopisanie dostoynyih monahov (Gao seng zhuan) / Per. s kit. M.E. Ermakova. T. 2. SPb., 2005.
- Шэн Кай* 聖凱. Да бо Непань цзин цзай лян Цзинь шидай дэ чуаньчэн юй люсин 《大般涅槃經》在兩晉時代的傳承與流行 (Традиция и распространение Нирвана-сутры в эпоху двух Цзинь) // Наньцзин сяо чжуан сюэюань сюэбао 南京曉莊學院學報. Март 2011. № 2. С. 33–39.
- Sheng Kai*. “Da bo Niepan jing” zai liangjin shidai de chuancheng yu liuxing // Nanjing xiao zhuang xueyuan xuebao. 2011, No. 2. S. 33–39.

- Шэн Кай* 圣凯. Да бо Непань цзин цзай Лю Сун шидай дэ чуаньчэн 《大般涅槃經》在劉宋時代的傳承 (Традиция Нирвана-сутры в эпоху Лю Сун) // Наньцзин сяо чжуан сюэюань сюэбао 南京曉莊學院學報. Март 2012. № 2. С. 28–35.
- Sheng Kai*. Da bo Niepan jing zai Liu Song shidai de chuancheng // Nanjing xiao zhuang xueyuan xuebao. 2012, No. 2. S. 28–35.
- Chan W.T.* Transformation of Buddhism in China // Philosophy East & West. 1957. Vol. 7. № 3–4. P. 107–116.
- Chen J.* The Indian Buddhist Missionary Dharmakṣema (385–433) — A New Dating of His Arrival in Guzang and of His Translations // T'oung Pao. 2004. T. 90. № 4–5. P. 215–263.
- Gregory P.N.* Tsung-mi and the Sinification of Buddhism. Princeton (N. J.), 1991.
- Jia J.* The Hongzhou School of Chan Buddhism in Eighth- through Tenth-Century China. N. Y., 2006.
- Lai W.* Sinitic Speculations on Buddha-Nature // Philosophy East and West. 1982. Vol. 32. № 2. P. 135–149.
- Morrison E.A.* The Power of Patriarchs: Qisong and Lineage in Chinese Buddhism. Leiden, 2010.
- Sharf R.H.* Coming to Terms with Chinese Buddhism. A Reading of the Treasure Store Treatise. Honolulu, 2002.

S. Yu. Ryzhenkov

**ON THE RELEVANCE OF THE TERM “SCHOOL”
TO THE *NIRVANA-SUTRA* EXEGETICAL TRADITION
IN THE 5TH-CENTURY CHINA**

Summary: The paper focuses on the term *zong* in the Chinese Buddhist historiography. Once used in the 13th–14th centuries by Japanese scholars, it became a common term to designate schools of Chinese Buddhism. However, in some cases, particularly in the case of *Niepan-zong* there is no historical evidence to refer to it as a “school of Chinese Buddhism” in the sense of those in the Sui and Tang periods, more likely it was an exegetical tradition. The paper contains a short outline of the exegetical tradition of the *Nirvana-sutra*, which is given merely to point out its lack of uniformity and inherent features of the later Chinese Buddhist schools, such as the official lineage, the corpus of doctrinal texts, the “school-consciousness”, etc. Therefore, we should deal more carefully with the term “school” while referring it to pre-Sui Buddhism.

Key words: *Nirvana-sutra*, *zong*, Chinese Buddhism, schools of Chinese Buddhism, Southern and Northern dynasties, Buddhist monasteries.

А.А. Сизова

**УЧЕНИЕ ЛАМРИМ
В ТРАДИЦИОННОМ БУДДИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ
НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ ЛАМРИМ-ДАЦАНА
МОНАСТЫРЯ ГАНДЭН ЧОЙХОРЛИН¹**

Статья посвящена расписанию факультета ламрима в одном из подразделений монастырского комплекса Лавран — монастыре Гандэн Чойхорлин. Ксилографическое издание расписания (тибетский фонд ИВР РАН, шифр В 9963/3; колл. Б. Барадийна) входит в сумбум 24-го настоятеля Лаврана Кёнчог Гьялцэна. Учение ламрим представляет собой систему практик, основанную на идее трех типов личности. Данная идея была взята основателем школы Гелуг Цзонхавой в качестве основы трактата «Ламрим ченмо». На основе этого сочинения была построена описанная в данной статье двухгодичная программа диспутов в ламрим-дацане.

Ключевые слова: буддийское образование, Гелуг, институт диспута, Лавран, ламрим.

Понятием ламрим (тиб. lam rim, т.е. «ступени Пути») принято обозначать учение о трех типах личности (тиб. skyes bu gsum), являющееся неотъемлемой составляющей тибетского буддизма, а также тексты, в которых это учение зафиксировано. Под тремя типами личности следует понимать три этапа, которые надлежит пройти адепту: на первом этапе человек стремится к лучшему перерождению, на втором — к собственному освобождению от уз сансарического бытия и, наконец, подходит к вершине буддийского пути Махаяны — деятельности бодхисаттвы на благо всех живых существ.

¹ Написание тибетских имен дано в соответствии с изданием: *Гой-лоцава Шоннуцэл. Синяя Летопись* / Пер. с тиб. Ю.Н. Рериха, пер. с англ. О.В. Альбедилы и Е.Ю. Харьковской. СПб.: Евразия, 2001.

И в идеологическом, и в текстуальном аспекте учения ламрим на первый план выступает фигура Цзонхавы, роль которого в тибетском буддизме зачастую характеризуют как реформаторскую, что не совсем верно, учитывая укорененность его деятельности в предшествующей традиции. Обратившись к «Светочу на пути бодхи» (санскр. *Bodhipathapradīpa*) Атиши и заимствовав оттуда представление о трех личностях², Цзонхава разработал на его основе стройную систему буддийских знаний, нашедшую текстовое воплощение в труде «Ламрим ченмо». Структура ламрима Цзонхавы легла в основу подавляющего большинства³ трактатов о ступенях Пути, создававшихся в последующие века.

Учение ламрим заняло свою нишу в системе традиционного буддийского образования: как отмечает Дж. Туччи, в монастырях Гелуг получение степени геше (тиб. *dge bshes*) наряду со знанием «Абхисамайяланкары» (тиб. *mngon rtogs rgyan*) требовало глубокого понимания трактата «Ламрим ченмо», написанного основателем школы Цзонхавой⁴. Более того, для изучения ламрима при монастырях учреждались специальные факультеты (или дацаны).

Подобный факультет существовал при монастырском образовательном комплексе Гандэн Чойхорлин (полное тибетское название: *a mchog bde mo thang dga' ldan chos 'khor gling*). Гандэн Чойхорлин был основан в 1760 г. вторым Чжамьян-шепой⁵ и является своего рода филиалом (тиб. *dgon lag*) Лаврана. После разрушений периода «культурной революции» был восстановлен в 1989 г., в настоящее время действует⁶.

Образовательная программа данного ламрим-дацана входит в сумбум Кёнчог Гьялцэна⁷ (который в числе прочих был привезен Б. Барадийным из путешествия в Тибет в 1905–1907 гг.)⁸.

Программа представляет собой перечисление тем диспутов (тиб. *rtsod grwa*) с привязкой их к определенному времени в отведенной для учебы двухгодичной схеме.

² О причинах и способе обращения Цзонхавы именно к этому тексту и этой концепции см.: *Napper E. Ethics as the Basis of a Tantric Tradition: Tshong kha pa and the Founding of the dGe lugs Order in Tibet // Changing Minds: Contributions to the Study of Buddhism and Tibet in Honor of Jeffrey Hopkins. Ithaca (N. Y.): Snow Lion Publications, 2001. P. 107–132.*

³ Об исключениях см.: *Higgins D.O. The Tibetan lam-rim Genre: A Comparative Study Focussing on Five Representative Texts. Saskatoon, Saskatchewan, 1987. Diagram G. P. 67; Diargam H. P. 82.*

⁴ *Tucci G. The Religions of Tibet. L.: Routledge & Kegan Paul, 1980. P. 142.*

⁵ Кёнчог Чжигмэ Ванпо (1728–1791) [TBRC Resource ID: P169].

⁶ TBRC Resource ID: G393.

⁷ Кёнчог Гьялцэн (1764–1853) — 24-й настоятель Лаврана [TBRC Resource ID: P176] (TBRC — Tibetan Buddhist Resource Center, URL: <http://tbrc.org>).

⁸ Фонд тибетских рукописей и ксилографов ИВР РАН, шифр: В 9963/3.

Исследователь Дж. Дрейфус предполагает, что систему буддийского образования можно свести к двум базовым моделям: институту комментария (тиб. *bshad grwa*) и институту диспута (являющегося характерной чертой именно гелугпинского образования)⁹. Во втором случае процесс обучения разделен на несколько периодов, или «сессий» (тиб. *chos thog*), когда ученики заняты освоением текстов и непосредственно диспутами на их основе, перемежающихся периодами отдыха (тиб. *chos mtshams*).

Традиция, регламентирующая порядок диспутов в ламрим-дацане монастыря Гандэн Чойхорлин, появилась при втором Чжамьян-шепе и сохранялась со времен второго настоятеля этого дацана Лобсан Гьялцэна (fol. 1v1-2).

Период	Тематика	Соответствие тематики разделам трактата «Ламрим ченмо» Цзонхавы ¹⁰
Зимняя сессия первого года (fol. 1v5)	Величие автора; величие учения; способ слушания и изложения учения, обладающего этими двумя качествами	vol. 1, 35–44 vol. 1, 45–54 vol. 1, 55–67
Первая весенняя сессия первого года (fol. 1v5-2r1)	Опора на духовного наставника	vol. 1, 69–116
Вторая весенняя сессия первого года (fol. 2r1)	Свободные состояния (осознание ценности человеческого рождения)	vol. 1, 117–128
Третья весенняя сессия первого года (fol. 2r1)	Изложение классификации учения о трех типах личности	vol. 1, 129–141
Первая летняя сессия первого года (fol. 2r1)	Смерть, непостоянство; страдания дурных рождений	vol. 1, 143–160 vol. 1, 161–175
Вторая летняя сессия первого года, сопровождаемая ученым собранием (тиб. <i>rig grwa</i>) ¹¹ (fol. 2r1-2)	Принятие Прибежища, общее изложение кармического закона	vol. 1, 177–207 vol. 1, 209–214

⁹ *Dreyfus G.* The Sound of Two Hands Clapping: The Education of a Tibetan Buddhist Monk. Berkeley: University of California Press, 2003. P. 111.

¹⁰ В соответствии с изданием: *The Great Treatise on the Stages of the Path to Enlightenment (Lam rim chen mo. Tshong-kha-pa)*. 3 vols / Translated by The Lamrim Chenmo Translation Committee. Editor-in-Chief Joshua W.C. Cutler. Ithaca (N. Y.): Snow Lion Publications, 2000–2004.

¹¹ Собрания, во время которых ученые монахи комментируют священные тексты или ведут диспуты по вопросам логики. *Tucci G.* The Religions of Tibet. P. 268.

Осенняя сессия первого года (fol. 2r2-3)	Негативная карма, положительная карма, тяжелые и легкие результаты действий, импульс и исчерпание («забрасывающая» и «завершающая» карма)	vol. 1, 215–242
Монлам (fol. 2r3)	Восемь причин полного созревания кармы, четыре силы. На этом изучение низшей личности завершается	vol. 1, 242–259
Зимняя сессия второго года (fol. 2r3-4)	Утверждение в стремлении к Освобождению, анализ истины о страдании, начало изучения истины об источнике страдания	vol. 1, 265–295 vol. 1, 297–354
Первая весенняя сессия второго года (fol. 2r4-5)	Изучение истины об источнике, понимание природы пути к Освобождению. На этом изучение средней личности завершается	vol. 1, 297–354 vol. 1, 333–340
Вторая весенняя сессия второго года (fol. 2r5)	Зарождение бодхичитты, семь сущностных инструкций о причинах и следствиях, техника отождествления и обмена себя и других	vol. 2, 13–84
Третья весенняя сессия второго года (fol. 2v1)	Завершения изучения способов зарождения бодхичитты	
Первая летняя сессия: (fol. 2v1)	Общее изложение поведения бодхисаттвы, изучение парамит вплоть до парамиты усердия	vol. 2, 85–231
Вторая летняя сессия (fol. 2v1-2)	Завершение изучения парамит, изучение шаматхи, по желанию можно начать изучение випашьяны	vol. 3, 13–350
Осенняя сессия и Монлам (fol. 2v2-4)	Проведение диспутов по випашьяне, а также по шаматхе, если это необходимо. Принимается экзамен по обязательным для курса текстам. Также в последнюю сессию проводятся все необходимые для завершения курса диспуты по изученным за два года темам	

Транслитерация текста

Fol. 1r

lam rim grwa tshang gi rtsod grwa'i 'grigs yig bzhugs so

Fol. 1v

1) na mo gu ru many+dzū g+ho SHa ya | de yang chos sde chen po dga'
ldan chos 'khor gling gi lam rim grwa tshang la chos grwar dam bca' tshugs
pa'i srol sngar kun mkhyen sku 'phreng gnyis pa zhal

2) bzhugs skabs grwa tshang 'di ka'i gdan rabs gnyis pa mang nge dpon
slob blo bzang rgyal mtshan gyi dus nas tshugs 'dug pa ltar la gsal | srol de
nyid gong 'phel du gtong dgos pa dang | skabs skabs su 'dzin grwa so

3) sor dam bca' tshugs pa sogs don gnyer 'phel thabs gang drag byed
dgos par bca' yig tu bka' gnang yod pa ltar | slar yang thams cad la rting
bskul gyi ched du zla bo dang | dpe klog zhib mor 'gro ba'i ched du

4) chos thog 'di la 'di rtsod kyi nges pa byas chog mi chog kun mkhyen
mchog gi sprul pa'i sku rin po cher dgongs bstun zhus par | de bzhin byas
chog ces pa'i bka' phebs pa ltar chos thog so sor rtsod pa dang

5) dpe klog rtsal du 'don tshul gyi tho bkod par | lo dang po'i dgun chos la
mdzad pa po'i che ba | chos kyi che ba | che ba gnyis dang ldan pa'i chos la
nyan bshad bya tshul la rtsod pa 'gro ba byed | dpyid chos dang

Fol. 2r

1) po la bshes gnyen bsten tshul | dpyid chos gnyis pa la dal 'byor gyi
skor | dpyid chos gsum pa la lam spyi'i nram bzhag la nges pa bskyed pa |
dbyar chos dang po la 'chi ba mi rtag pa dang | ngan 'gro'i sdug bsngal gyi
skor gnyis | dbyar

2) chos gnyis pa rigs grwa dang bcas pa la skyabs 'gro bslab bya dang
bcas pa'i skor rdzogs nas las 'bras spyir bsam pa'i skor kyang rtsod | ston
chos la nag po'i las 'bras | dkar po'i las bras | lci yang 'bras

3) bu gsum | 'phen rdzogs kyi dbye ba bcas rtsod | lnga mchod la nram
smin gyi rgyu brgyad | stobs bzhi'i skor bcas skyes bu chung ngu'i skor
rdzogs par byed || lo gnyis pa'i dgun chos la | thar pa don gnyer gyi

4) blo ngos bzung ba dang | sdug bden gyi nyes dmigs bcas rdzogs nas |
kun 'byung gi 'jug rim tshugs par byed | dpyid chos dang po la kun 'byung gi
'jug rim dang | thar par bgrod pa'i lam gyi rang bzhin

5) gtan la dbab pa bcas | 'bring gi chos skor rdzogs par byed | dpyid chos
gnyis pa la theg chen gyi 'jug sgo sems bskyed kho nar ngos bzung ba dang |
rgyu 'bras man ngag bdun bdag gzhan mnyam brje bcas rdzog |

Fol. 2v

1) dpyid chos gsum pa la sems bskyed cho ga bslab bya dang bcas pa
rdzogs par byed | dbyar chos dang po la spyod ba spyi bslab kyi mgo nas |

brtson 'grus kyi phar phyin bar du rdzogs par byed | dbyar chos gnyis pa la spyod pa spyi bslab kyi mjug

2) dang | zhi gnas gtso bor byed | lhag mthong tshugs 'dod na tshugs tsam byed | ston chos dang lnga mchod gnyis la lhag mthong gi rtsod pa ci 'gro byed | zhi gnas phran tshegs re rtsod 'dod na rtsad chog bla ma'i rtsi bzhag gang gnang dang bstun nas brtsad na mang

3) nyung cha snyoms dka' bas | 'dir lam rim chung ngu'i steng nas lo gnyis la rtsod pa rdzogs pa'i dbang du btang ba yin pas rtsi bzhag rtsod grwa dang bstun nas gnang na legs | mtshan nyid pa ltar bdar sha chod pa dang | zhib cha thon pa blo kha mtho

4) dman gyi dbang gis mtha' gcig tu dka' yang | blo skyed lod nges dang go ba chags nges gal che zhing | chos thog rjes ma la gang rtsod dgos pa de chos 'tshams snga ma'i skabs su lam rim che chung shan sbyar nas dpe klog zhib mo byas te | dpe khrid

5) dang dogs gcod la brtson pa chu bo'i rgyun ltar bsrings na blo gros 'phel bar 'gyur bas thugs la dgongs par mdzod mdzod mdzod || ces pa 'di yang grwa tshang 'di ka'i 'chad nyan dang 'grig lam sogs la thugs khur ches bzhes kyi ngos nas bstan la phan pa'i

6) thugs bskyed dang lhag bsam mkha' ltar yangs pa dpon slob 'jam dbyangs phun tshogs nas bskul ma gnang ba ltar | chos sde chen po gang gi gdan sa'i khur 'dzin rigs pa smra ba dkon mchog rgyal mtshan gyis la brje'i gdan sa de nyid du sbyar ba 'dis kyang gdul bya mtha' dag yang dag pa'i lam la 'jug

7) par gyur cig || dga' ldan chos 'khor gling na dpar du grub sarba mang+galaM

Список литературы

- Гой-лоцава Шоннупэл.* Синяя Летопись. История буддизма в Тибете V–XV вв. / Пер. с тиб. Ю.Н. Рериха, пер. с англ. О.В. Альбедилья и Е.Ю. Харьковской. СПб.: Евразия, 2001.
- Goy-lotsava Shonnupel.* Sinyaya Letopis. Istoriya buddizma v Tibete V–XV vv. / Per. s tib. Yu.N. Reriha, per. s angl. O.V. Albedilya i E.Yu. Harkovoy. SPb.: Evraziya, 2001.
- Dreyfus G.* The Sound of Two Hands Clapping: The Education of a Tibetan Buddhist Monk. Berkeley: University of California Press, 2003.
- Higgins D.O.* The Tibetan lam-rim Genre: A Comparative Study Focussing on Five Representative Texts. Saskatoon, Saskatchewan, 1987.
- Lam rim grwa tshang gi rtsod grwa'i 'grigs yig bzhugs so. Тибетский ксилограф, 2 л. Тибетский фонд ИВР РАН, шифр В 9963/3.
- Napper E.* Ethics as the Basis of a Tantric Tradition: Tshong kha pa and the Founding of the dGe lugs Order in Tibet // *Changing Minds: Contributions to the Study of Buddhism and Tibet in Honor of Jeffrey Hopkins.* Ithaka (N. Y.): Snow Lion Publications, 2001. P. 107–132.
- The Great Treatise on the Stages of the Path to Enlightenment (Lam rim chen mo. Tshong-kha-pa). 3 vols / Translated by The Lamrim Chenmo Translation Committee.

Editor-in-Chief Joshua W.C. Cutler. Ithaka (N. Y.): Snow Lion Publications, 2000–2004.

Tucci G. The Religions of Tibet. L.: Routledge & Kegan Paul, 1980.

<http://tbrc.org> [10.01.2014]: Tibetan Buddhist Resource Center.

A.A. Sizova

**LAMRIM TEACHING IN TRADITIONAL BUDDHIST
EDUCATION THROUGH THE EXAMPLE
OF THE LAMRIM ACADEMIC CURRICULUM AT THE
DGA' LDAN CHOS 'KHOR GLING MONASTERY**

Summary: The paper deals with the curriculum of the lamrim department at the *dGa' ldan chos 'khor gling* (one of the subdivisions of the greater Labrang monastery). The xylographical edition of the curriculum (Tibetan collection at the IOM RAS, call number B9963/3; B. Baradiyn subcollection) is a part of collected works (*gsung-'bum*) of dKon mchog rgyal mtshan, the twenty-fourth throne holder of Labrang. The lamrim teaching is a system of praxis, based upon the concept of “three individuals”. Tsongkhapa, the founder of the Gelug sect, turned this concept into the core of his tract the *Lamrim Chenmo*. The *Lamrim Chenmo* served as a basis for a special two-year schedule of debates used at the lamrim faculty.

Key words: Buddhist education, dGe lugs, monastic debate, Labrang, lamrim.

Ф.Л. Сеницын

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ТИБЕТЕ В 1920-е годы
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ)**

В статье анализируется политическое положение в Тибете на основании данных, собранных участниками советских экспедиций 1920-х годов. В том числе рассматриваются роль разных политических сил («англофилов», «китаефилов», «русофилов» и др.) и отношение политических деятелей Тибета и «простых людей» к Советской России. Делается вывод о том, что советские экспедиции в Тибет внесли значительный вклад в изучение политической ситуации в этой стране. Однако аналитические выводы экспедиционеров не всегда были адекватными, что стало одной из помех для развития советско-тибетских отношений.

Ключевые слова: советско-тибетские отношения, история Тибета, Далай-лама XIII, С.С. Борисов, Э.-Д. Ринчино, В.А. Хомутников, Б.З. Шумяцкий.

После Октябрьской революции связи между российскими буддистами и Тибетом стали представлять интерес для большевистского правительства в целях разжигания мировой революции на Востоке. Советское руководство считало, что в Тибете под влиянием Октябрьской революции пробудилось национально-освободительное движение. Этот регион, в 1912 г. подтвердивший свою независимость от Китая, рассматривался как связующее звено с другими странами Азии, в том числе с Индией, революция в которой не только привела бы к появлению на карте мира большого просоветского государства, но и основательно ослабила бы внешнеполитическое положение Великобритании¹.

К 1920–1921 гг. в Советской России были получены некоторые сведения о политической ситуации в Тибете. Как сообщал Э.-Д. Рин-

¹ Максимов К.Н. Трагедия народа: репрессии в Калмыкии. М., 2004. С. 201.

чино², от бурятских паломников стало известно, что в Тибете «сложились три довольно сильных течения в пользу ориентации на Англию, Японию и Китай. Первое течение было возглавлено известным и энергичным деятелем Тибета и министром Шада-Галонгом, который без ведома Далай-ламы являлся с англичанами и вел переговоры о получении от них оружия (10 т[ыс]. винтовок)... Это оружие было получено, неизвестно на каких условиях, но известно, что Далай-лама немедленно по приезде Шада-Галонга из Индии лишил его министерского поста и послал в изгнание, где тот вскоре умер, а его сторонники были раскассированы под разными предлогами и лишены возможности влиять на политическую жизнь страны. Таким образом, англофильская партия вторично была ликвидирована... непоправимо»³. Э.-Д. Ринчино отмечал, что та же участь постигла японо- и китаефильские группы, руководители которых «были низложены с занимаемых ответственных постов, а их сторонники взяты на учет или сосланы в отдельные монастыри — совсем как в Московской Руси»⁴. Причиной таких действий тибетского руководства являлось стремление противодействовать империалистической «политике жадности и грабительства»⁵, проводимой указанными выше державами: например, был сделан вывод, что Далай-лама XIII достаточно успешно противостоял устремлениям британцев — в том числе отказал им в строительстве телеграфной линии от Гьянцзе до Лхасы⁶.

Э.-Д. Ринчино сообщал также, что «с Японией и японскими агентами приключилась в Тибете пренеприятная оказия: они были изобличены Далай-ламой в простом мошенничестве. Один из японских агентов... привез в подарок Далай-ламе изображение Будды, рельефное, на сандаловом дереве, якобы от какой-то японской высокой духовной особы. В ответ на это Далай-лама послал ценное издание буддийского священного писания, которое и было присвоено ученым агентом... С тех пор Далай-лама и тибетцы стали относиться к японцам с большим недоверием и неприязнью, как это водится в Тибете по отношению к людям, неустойчивым морально, и народам, запятнавшим себя вероломством»⁷. Схожим образом, по советским данным, складывались и тибето-китайские отношения, которые стали «донельзя скверны-

² Э.-Д. Ринчино (1888–1938) — бурятский общественно-политический деятель, в 1921–1925 гг. — на государственной службе в МНР, с 1926 г. — на учебе и научно-педагогической работе в Москве. Репрессирован.

³ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 32. Л. 179. Здесь и далее — стиль оригинальных документов исправлен.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 180.

⁷ Там же.

ми»⁸: «Китайцы за последнее время... накапливают военные силы на тибетской границе. Но тибетцы не дремлют»⁹.

В то же время, по советским данным, руководство Тибета было чрезвычайно озабочено ситуацией в России: «Как надо было и ожидать, англо-японцы через свою прессу... разрисовали положение в России следующей формулой: „От России ничего не осталось, кроме песков, развалин и жуликов“. Далай-лама и его партия в тревоге от этих известий: они не знают — верить или не верить этим рассказам англо-японцев. В частности, Далай-лама в большой тревоге за судьбу своего представителя в России... Доржиева»¹⁰. Далай-лама в 1919 году, посылая письмо... Д[оржие]ву... с тревожным запросом о положении России и его судьбе, просил Д[оржие]ва, если положение в России действительно безнадежно, поскорее вернуться в Тибет, так как Тибет в большом затруднительном положении. Но письмо не было доставлено, ибо Доржиев находился... чуть ли не в Бутырках, схваченный не в меру усердными агентами ВЧК. Письмо было возвращено Далай-ламе, что ввергло его в еще большую тревогу за судьбу дружественной страны, на которую он возлагал большие надежды в смысле заступничества, и своего ближайшего советника... Доржиева»¹¹.

В целом, Э.-Д. Ринчино сделал вывод, что в Тибете «по-прежнему правит партия Далай-ламы и Дор[жиева], т.е. партия русофильская, и правит твердой рукой на началах своеобразного просвещенного абсолютизма»¹². Он считал, что «положение в Тибете чрезвычайно благоприятно для установления дружественных отношений со страной: Тибет переживает серьезный умственный поворот и стоит накануне переворота экономического в смысле перехода к индустриально-промышленному хозяйству. На этом общем фоне в связи с внешними затруднениями Тибета там вполне возможна организация революционной борьбы против мирового империализма, и в этом отношении Тибет гораздо более подготовлен, чем Монголия. Для развития всех этих своих возможностей Тибет нуждается в небольшом внешнем толчке в виде технических, политических, культурных и т.д. работников, которых страна ждет от России и которых последняя должна будет дать»¹³.

На основании имевшихся о Тибете сведений советское руководство сочло возможным организовать в эту страну экспедицию, рассматри-

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 181.

¹⁰ Хамбо-лама Агван Доржиев (1853–1938) — бурятский и тибетский ученый, религиозный и политический деятель, сподвижник Далай-ламы XIII.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 32. Л. 181–182.

¹² Там же. Л. 181.

¹³ Там же. Л. 182.

вавшуюся как «чрезвычайно важное и необходимое»¹⁴ мероприятие. В сентябре 1921 г. в Лхасу была отправлена советская секретная миссия во главе с калмыцким коммунистом В.А. Хомутниковым¹⁵. Другим руководителем экспедиционеров был представитель буддийской общины — бурятский лама Даши Ямпилон. Кроме того, в состав экспедиции входили шестеро калмыков и один бурят (достоверно известны фамилии четырех человек — Д. Дарминов, Доржинов, Л. Бадминов и Ш. Лундуков)¹⁶. Д. Ямпилон считался советскими властями «представителем прогрессивного ламства»¹⁷, а другие экспедиционеры — людьми, знающими Тибет и «имеющими связи с калмыцкой эмиграцией»¹⁸.

Член Сибирского бюро ЦК РКП(б), уполномоченный НКВД на Дальнем Востоке Б.З. Шумяцкий сообщал нарком Г.В. Чичерину, что экспедиция была организована при помощи симпатизирующих Советской России «национально-революционных группировок Монголии»¹⁹. Целью экспедиции было ознакомить тибетцев с положением в Советском государстве, доказав, что оно «существует и вовсе не представляет из себя страны жуликов, как об этом распространяла сведения английская печать»²⁰. Э.-Д. Ринчино отмечал, что «экспедиции был придан рекогносцировочный характер»²¹, однако Б.З. Шумяцкий был уверен в том, что прибытие советской экспедиции должно было также «всколыхнуть правящие слои Тибета, Далай-ламу и его партию в их большой ориентировке на Сов[етскую] Россию»²².

Б.З. Шумяцкий дал экспедиционерам инструкцию ознакомиться с положением в Тибете, в том числе выявить «настроение тибетского населения — существующие в Тибете религиозные и политические группировки, их внутренние взаимоотношения и их отношение к проводимой в Тибете политике Англии и Китая; настроение и ориентация ламства и других слоев населения, экономические ресурсы и вооруженные силы Тибета, пути и методы английского и китайского политического и экономического воздействия на Тибет, степень влияния

¹⁴ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006. С. 220, 230.

¹⁵ В.А. Хомутников (1890–1945) — советский политический и военный деятель. Впоследствии занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР. Во время Великой Отечественной войны — на командных постах в Красной Армии. Погиб в боях за Будапешт.

¹⁶ Андреев А.И. Время Шамбалы: Оккультизм, наука и политика в Советской России. СПб., 2004. С. 257.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 343. Л. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Ф. 514. Оп. 1. Д. 32. Л. 179.

²² Там же. Л. 205.

Англии, Китая и т.д.»²³, установить «связи среди различных кругов тибетского населения и живущих в Тибете бурят и калмыков, с одной стороны, для получения информации, с другой — для создания нашего воздействия на различные круги Тибета»²⁴, а также «тщательно ознакомиться с путями в Тибет и настроением живущего по дороге туда населения, чтобы по возвращении в Сов[етскую] Россию члены делегации могли составить подробный маршрут для новых политических экспедиций»²⁵.

В апреле 1922 г. В.А. Хомутников, встретившись с Далай-ламой XIII, сообщил ему о благосклонности большевицкой власти к буддизму²⁶. Далай-ламе было передано письмо от заместителя наркома иностранных дел Л.М. Карахана, в котором утверждалось, что советское правительство принимает все меры к охране прав, обычаев и религии народов России и способствует «свободному развитию их жизни по их собственному желанию»²⁷. Власти РСФСР утверждали, что они стремятся к установлению дружеских отношений между Тибетом и Россией и будут оказывать тибетскому народу «всяческую поддержку в тех случаях, когда он в этом будет нуждаться»²⁸.

Результаты экспедиции были значительными — как отмечал Б.З. Шумяцкий, она «впервые рассказала, каково положение дел в Тибете»²⁹. В частности, В.А. Хомутников сообщил, что отношение Далай-ламы к Советской России поменялось в лучшую сторону, премьер-министр Лончен Шолкхан «проявил большую симпатию к России»³⁰ и даже англофил Царонг — главнокомандующий тибетской армии и министр финансов — «очень интересуется Советской Россией и Красной Армией»³¹. Одним из главных выводов, сделанных советскими экспедиционерами, стало то, что власти Тибета во внешней политике занимают весьма осторожную позицию, не собираются устанавливать союзнические отношения с Советской Россией и уж тем более предоставлять Тибет для продвижения «мировой революции» в Азию. В частности, Далай-лама отказался направить в Советскую Россию посольство, так как это могло вызвать недовольство Великобритании³².

²³ Там же. Л. 204.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. С. 201.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 32. Л. 177.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Ф. 532. Оп. 4. Д. 343. Л. 2.

³⁰ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. С. 244.

³¹ Там же. С. 245.

³² Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005. С. 237.

Тем не менее положительным итогом экспедиции стало восстановление отношений между Россией и Тибетом³³, что проявилось в интенсификации контактов между руководством двух стран. В конце 1922 г. нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин направил к Далай-ламе курьера С. Багбушева, калмыка по национальности, который вернулся с ответным письмом от Далай-ламы в августе 1923 г.³⁴

В августе 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) одобрило предложение Г.В. Чичерина об организации второй экспедиции в Тибет³⁵, которая состоялась в период с января 1924 г. по май 1925 г. во главе с С.С. Борисовым³⁶. Всего в экспедиции участвовало около 15 человек, в том числе ответственный за научную работу Б. Вампилон, ответственный за хозяйственное обеспечение Д. Молонов, бурятский комсомолец Ф.В. Баханов (он должен был вести фото- и киносъемку), сотрудник читинского Бурревкома Б. Мухарайн, бурятские ламы Жигме-Доржи (Бардуев), Зодбо и Ендон (в качестве переводчиков и посыльных), а также небольшая группа калмыков-буддистов³⁷.

С.С. Борисов доставил Далай-ламе письма от властей Бурят-Монгольской АССР и Калмыцкой АО. В этих письмах восхвалялись советская власть, ее отношение к бурятскому и калмыцкому народам, а также к буддийской конфессии. По словам С.С. Борисова, для советского руководства эта экспедиция стала «более совершенной рекогносцировкой Тибета»³⁸.

Особое внимание экспедиции было уделено изучению политической ситуации в Тибете. Экспедиционеры провели многочисленные встречи с представителями тибетских политических и религиозных кругов, а также с «простыми людьми». Главный вывод, который был сделан, гласил, что Далай-лама рассматривал «значение России, как фактора международной политики... почти таким же, как прежде, но он дал понять вместе с этим, что он сомневается в устойчивости такого положения, что прежде, чем обращаться официально к советскому правительству, он хотел бы еще подождать некоторое время, чтобы посмотреть, не будет ли какого-нибудь сюрприза в этой области. В полуофициальном порядке он поддерживает связи с соответствующими советскими учреждениями непосредственно, а также через некоторые монгольские центры»³⁹.

³³ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. С. 247.

³⁴ Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. С. 238.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 370. Л. 3–4.

³⁶ С.С. Борисов (1889–1937) — алтаец по происхождению, сотрудник НКВД СССР. Репрессирован.

³⁷ Андреев А.И. Время Шамбалы. С. 264–265, 276.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 343. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 43–44.

Было выяснено, что в Тибете сильны три политические группы — «англофилы», «китаефилы» и «руссофилы» («японофильская» группа, очевидно, прекратила свое существование). Как сообщал С.С. Борисов, «англофилами являются, во-первых, военный министр и небольшая численно группа ближайших его военных помощников, затем несколько лам, перебежавших из ламской партии и пристроившихся к военному ведомству»⁴⁰. Советские экспедиционеры сделали вывод, что «в массах эта группа как будто бы не имеет никакой почвы и поддержки, кроме, вероятно, немногих лиц, имеющих и имевших недавно торговые связи с Индией. Какого-нибудь прочного веса у этой англофильской группы в данное время не имеется. В тенденции он, конечно, есть, но, поскольку английское влияние еще окончательно не закрепилось, поскольку национальная буржуазия находится еще в эмбриональном состоянии, оценивать устойчивость этой группы более или менее высоко не приходится»⁴¹.

Экспедиционеры выяснили, что лидер англофилов Царонг «демонстрирует свое искреннее расположение к нам. Он раньше бывал в Монголии, встречался с русскими. Он говорит, что с англичанами приходится вести вынужденную политику. Он рисует это наглядно, берет схемы, карты, показывает пограничные линии, точки и говорит: „Как ни бейся, англичане через несколько дней будут здесь, попробуй обратиться к вам официально за помощью, а то еще аэропланы сделают такую штуку, как с афганистанцами“». Вместе с тем он проявляет определенное знакомство с большевизмом»⁴². С.С. Борисов с удовлетворением подчеркивал, что Царонг — это «человек новой формации... Свои разговоры с нами он начинает не со ссылок на милость божию, как обычно полагается у них, а с хвастовства, что он добился повышения цен на вывозную шерсть, что он добивается электрификации Лхасы, что он намерен соорудить суконную фабрику. Когда я ему сказал, что он является новым человеком, с которым иметь дело гораздо легче, чем с людьми старой формации, то он было очень польщен. Он ходит в европейском костюме, учит своего сына английскому языку, имеет в большом количестве французские ликеры — одним словом, европеизировался основательно»⁴³.

Группа «китаефилов» в Тибете, как стало известно советским экспедиционерам, была «чрезвычайно малочисленна... Старая китайская политика, распоряжки, которые были при китайских наместниках, постоянные поборы и посты китайских солдат, китайская двухкратная

⁴⁰ Там же. Л. 39.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 44.

⁴³ Там же.

военная интервенция, в результате первой из которых сгорела почти вся Лхаса во время восьмимесячной борьбы — все это ставит сейчас китайскую марку очень низко, и если кто думает о возвращении к старым порядкам, то это только те слои бывшего ламства, влияние которых базировалось на прежних взаимоотношениях с маньчжурской династией, и некоторых кругов влиятельного самого высшего чиновничества»⁴⁴. С.С. Борисов отмечал, что отношение «китаефилов» к Китаю «проявляется в очень интересной форме»⁴⁵. Так, на его вопрос, «обращенный к одному из видных представителей старого чиновничества, чрезвычайно крепко связанному с ламством (про него ламы говорят, что он родился в ламском одеянии, такой он набожный человек), как он смотрит на взаимоотношения с Китаем и не думает ли он сам и все люди, которые ему близки из среды тибетских влиятельных кругов, что лучшим выходом было бы возвращение к Китаю, усиление связи с Китаем за счет отказа от связи с Англией, — он сказал: „Если бы к власти в Китае вернулась прежняя маньчжурская династия, тогда, конечно, это было бы для нас приемлемо, но пока у власти в Китае стоят черные китайцы (республиканцы), лучше жить нам отдельно“»⁴⁶. С.С. Борисов считал, что такое мнение «выражает настроение не только чиновничества, но и ламства. Взаимоотношения с Китаем для них возможны только при наличии момента возрождения и укрепления прежней теократической системы»⁴⁷.

Положение группы «русофилов» определялось своеобразным отношением к СССР в Тибете, исходившим из их представлений о Российской империи: «Россию они расценивали как антагониста Англии в колониальной политике. Здесь сыграла свою роль формула, что интересы русские и английские сталкиваются, что, поскольку Англия близко, а Россия далеко, надо пытаться обращаться за помощью к русскому царскому правительству в какой бы то ни было форме, дипломатической или материальной, без всякого риска для себя, без риска быть съеденными царской Россией. При этом удельный политический вес царской России оценивался как чрезвычайно большой»⁴⁸.

Однако, как выяснили советские экспедиционеры, после Октябрьской революции эти представления поменялись, так как связь тибетцев с Россией поддерживалась через бурятских и калмыцких лам и паломников, а также представителей Тибета, посещавших Монголию, которые «о гражданской войне, о революции, о международном положении

⁴⁴ Там же. Л. 39–40.

⁴⁵ Там же. Л. 40.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

Советской России... могли давать информацию только определенного рода»⁴⁹ (очевидно, негативную для советской власти). Поэтому представления о новой России в Тибете «сводились к тому, что в России от бывшего могущества ничего не осталось, кроме сборища разных грабителей, жуликов, гонителей веры и т.д., что международный вес России сведен к нулю, что с ней никто не считается, представителей ее нигде нет, также как и представителей других государств в Советском Союзе не имеется. Ждать от нее какой-нибудь поддержки не приходится»⁵⁰.

В то же время С.С. Борисов сделал вывод, что постепенно эти представления стали меняться ввиду выявления международного значения РСФСР и ее благосклонной к национальным меньшинствам политики. Сыграли в этом свою роль также победа в Гражданской войне и объявление НЭП. Экспедиционеры выяснили, что в Тибет «дошли сведения о роли Карахана в Пекине, о его соглашении с китайским правительством»⁵¹ и... о нашей политике в Монголии»⁵². Вместе с тем мнения тибетцев о внешнеполитической роли СССР были разными: одни круги считали, что «красные помогли монголам освободиться от китайского владычества»⁵³, другие же — что «красные преследуют ламство»⁵⁴. Однако С.С. Борисов оптимистично отмечал, что такие противоречия потеряли свою остроту. Он основывал такое мнение на том, что Далай-лама XIII в разговоре с экспедиционерами не упоминал о преследовании религии в СССР: «Он ни слова не говорил ни про гонение духовных лиц, ни про разрушение храмов, и если на этот счет давались указания, то они были больше формального характера, просто для очистки совести»⁵⁵.

Оптимистичными были и сведения, полученные экспедиционерами, о том, что ламство стоит на первом месте среди сторонников налаживания отношений с революционной Россией. С.С. Борисов выяснил, что «представление о гражданской войне и о характере революции у них довольно своеобразное»⁵⁶: ламы знали, что красные победили белых, однако причин этого противостояния они не знали: ввиду того что у лам не было достаточной информации о положении в России, «у них сложилось представление о гражданской войне как о какой-то религиозной войне. Это подсказывалось еще своей собственной анало-

⁴⁹ Там же. Л. 41.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Имеется в виду деятельность советского полпреда Л.М. Карахана в Китае (1923–1926).

⁵² РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 343. Л. 41–42.

⁵³ Там же. Л. 42.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

гией. У них в истории были две группы: желтые и красношапочники. Желтые побили красных»⁵⁷.

Экспедиционеры обратили внимание на практическое выражение «русофильских настроений» тибетских священнослужителей — их «обращение к Советской России за официальной дипломатической помощью... пожелание получения от нее военных инструкторов, пожелание посылки учеников для учебы в советских школах»⁵⁸. С.С. Борисов приводит мнение лам по этому вопросу: «В английские школы наши дети посылаются, почему же не послать их в советскую школу. И мало того... послать туда нужно, потому что мы видим, что из тех людей, которые учатся на наши деньги в Индии, выходят люди, проводящие потом английскую политику. Пусть же люди, которые получают одинаковую квалификацию в России, противодействуют английской политике»⁵⁹. Ламы считали, что отправка учащихся в Россию будет даже более полезной, так как последние «не будут вести чистой русско-советской политики — порукой в этом является то, что Россия далеко»⁶⁰.

Кроме того, экспедиционеры сделали вывод и о некоем «разложении» тибетского ламства: «Среди... мелкого ламства... есть такие элементы, которые на европейское образование, на возможность получения европейского образования смотрят как на источник некоторой переориентировки, переседловки. Это ламство пришло к выводу, что песенка ламства уже спета, что европейское начало реформирует тибетскую жизнь в будущем так, что к прежнему положению не вернуться, и что ламская карьера по существу никаких богатых перспектив не сулит, и что поэтому нужно идти по гражданской линии. Поскольку невозможно обращение к Англии, поскольку ламство в глазах англофилов находится не в фаворе, поскольку ламство является антагонистом военной группы, постольку нужно изыскивать возможности получения образования у Советской России, которая теперь, как и раньше, является антиподом Англии»⁶¹.

По данным С.С. Борисова, политический вес советского государства среди тибетских священнослужителей был весьма велик: «Среди ламства усиленно время от времени циркулируют слухи, что там-то продвигаются русские, что русские прошли в Китай, что русские имеются в Индии, что они поддерживают индийское национальное движение, что при их помощи индусы скоро выгонят англичан из Индии. Относительно индийских событий они осведомлены более или менее хоро-

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Л. 42–43.

⁶⁰ Там же. Л. 43.

⁶¹ Там же.

шо. Они спрашивают, кто такой Ганди⁶², в чем его учение, есть ли у него связь с Советским правительством, будет ли оно его поддерживать»⁶³.

Советские экспедиционеры по результатам собранных ими сведений сделали прогноз политического будущего Тибета: «Расслоение среди ламства и утрата им прежнего влияния будет идти своим чередом, военный фактор остается и останется [важным], процесс зарождения новой буржуазии из среды того же ламства, только несколько перелицованного, будет также иметь свое естественное течение. Разложение среди ламства, зарождение новых настроений... будут прогрессировать чем дальше, тем больше. Связь с массами, вовлечение масс в политическую игру, в политическую борьбу — также вопрос... очень ближайшего времени... Наличие крепостных отношений, чрезвычайно тяжелый, прямо чудовищный налоговый пресс, сама неупорядоченность административной системы в целом — все это фактор колоссального давления на массы»⁶⁴.

На основании таких прогнозов С.С. Борисов выдвинул инициативу об «экспорте» революции в Тибет. Предполагалось, что в качестве движущего момента может быть использован «конфликт между ламством и военной группировкой»⁶⁵ (очевидно, имелись в виду упомянутые выше «русофильская» и «англофильская» группы). С.С. Борисов предлагал сыграть на этих противоречиях, направив их в революционное русло: «Задачей нашей и наиболее сознательных элементов среди тибетцев, которые рекрутируются из среды ламства, задачей ближайшего времени является установление определенного контакта организационно-политического с китайским революционным движением; это единственный, естественный, рациональный, подсказываемый всей обстановкой выход»⁶⁶.

На самом деле правительство Тибета совсем не питало «радужных настроений» в отношении СССР. Содержание посланий советского руководства вызвало сильное сомнение у Далай-ламы⁶⁷, так как до него начали доходить сведения о гонениях на религию в СССР. Очевидно, не были распространены среди основной массы населения Тибета «революционные» и просоветские намерения, и уж тем более руководство Тибета не было заинтересовано в распространении революции.

Ввиду необоснованно позитивного взгляда на отношение к СССР в Тибете, а также воспользовавшись охлаждением отношений между Ти-

⁶² Имеется в виду М.К. (Махатма) Ганди (1869–1948).

⁶³ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 343. Л. 43.

⁶⁴ Там же. Л. 46–47.

⁶⁵ Там же. Л. 47.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. С. 202.

бетом и правительством Британской Индии, наступившим в 1925 г., нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин решил создать в Тибете неофициальное представительство СССР⁶⁸. В январе 1926 г., на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос о Тибете⁶⁹. Было принято решение отправить в Лхасу советскую миссию под видом представительства МНР, выделив на ее содержание 20 тыс. рублей⁷⁰. Хотя выполнение этого решения откладывалось, в итоге данный вопрос был окончательно урегулирован, и, по словам Г.В. Чичерина, финансирование для миссии было выделено «постановлением авторитетнейших инстанций»⁷¹.

В сентябре 1926 г. из Улан-Батора в Тибет была отправлена третья советская экспедиция во главе с А.Ч. Чапчаевым⁷². Формальным прикрытием экспедиции была посольская миссия МНР под руководством дипломата Гомбодчийна, которая отправилась вместе с экспедицией А.Ч. Чапчаева. В июле 1926 г. НКВД дал указание полпреду в МНР П.М. Никифорову надлежащим образом проинструктировать отправляемое в Тибет посольство Монголии⁷³. Однако по прибытии миссии в Лхасу в мае 1927 г. Далай-лама отказался ее принять, так как он считал ее «красной». После нескольких месяцев ожидания, в октябре 1927 г. Далай-лама XIII все-таки принял А.Ч. Чапчаева, однако их переговоры окончились неудачей. Далай-лама отказался обмениваться дипломатическими миссиями с МНР и согласился только на неофициальные торговые отношения с Советским Союзом. В декабре 1927 г. миссия покинула Лхасу. Основной причиной неудачи миссии, по мнению А.И. Андреева, был синдром «красной опасности» — тибетцы пытались противостоять китайской революции, приближавшейся к границам Синьцзяна и Восточного Тибета⁷⁴, для чего были основания. Однако советские руководители не смогли спрогнозировать такую реакцию тибетского правительства — в том числе потому, что опирались на оптимистичные сведения, полученные от советских экспедиционеров, побывавших в Тибете.

Осенью 1928 г., по некоторым сведениям, в Лхасу прибыл последний советский делегат Б. Мухарайн (как уже говорилось, ранее он был

⁶⁸ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. С. 275, 280.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 537. Л. 4.

⁷⁰ Там же. Оп. 162. Д. 3. Л. 16.

⁷¹ АВП РФ. Ф. 100«Г». Оп. 1. П. 4. Д. 35. Л. 1, 5.

⁷² А.Ч. Чапчаев (1890–1938) — калмыцкий политический деятель, в 1921–1924 гг. — председатель ЦИК Калмыцкой АО. Репрессирован.

⁷³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 29. П. 197а. Д. 105. Л. 12.

⁷⁴ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. С. 287, 291–293, 295.

участником экспедиции С.С. Борисова), который находился там до февраля 1930 г. Результаты его миссии неизвестны⁷⁵. С этого времени советско-тибетские связи окончательно прервались⁷⁶. До конца 1940-х годов советское руководство не проявляло большого интереса к Тибету, так как ситуация складывалась не в пользу СССР в связи с активизацией в этом регионе Китая и Великобритании⁷⁷.

Таким образом, советские экспедиции в Тибет в 1920-х годах внесли значительный вклад в изучение политической ситуации в этой стране. Однако аналитические выводы экспедиционеров не всегда были адекватными. Превратное восприятие в СССР политической ситуации в Тибете, необоснованные надежды на легкость вовлечения этой страны в орбиту советского влияния, недооценка знаний тибетского руководства об истинном положении в Советском Союзе — особенно в сфере антирелигиозной деятельности — стали одной из главных причин провала попыток наладить советско-тибетские отношения.

Библиография

- Андреев А.И.* Время Шамбалы: Оккультизм, наука и политика в Советской России. СПб., 2004.
Andreev A.I. Vremya Shambalyi: Okkultizm, nauka i politika v Sovetskoy Rossii. SPb., 2004.
- Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006.
Andreev A.I. Tibet v politike tsarskoy, sovetskoy i postsovetskoy Rossii. SPb., 2006.
- Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005.
Kychanov E.I., Melnichenko B.N. Istoriya Tibeta s drevneyshih vremyon do nashih dnei. M., 2005.
- Максимов К.Н.* Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. М., 2004.
Maksimov K.N. Tragediya naroda: Repressii v Kalmykii. M., 2004.

Fedor Sinitsyn

THE POLITICAL SITUATION IN TIBET IN THE 1920S (ACCORDING TO THE MATERIALS OF SOVIET EXPEDITIONS)

Summary: The article analyzes the political conditions in Tibet according to the data gathered by Soviet expeditions organized in the 1920s. Among other aspects, the roles of different political powers ("Anglophiles", "Sinophiles", "Russo-

⁷⁵ Там же. С. 315.

⁷⁶ *Максимов К.Н.* Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. С. 203.

⁷⁷ *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. С. 332–333.

philes”, etc.) are considered along with the perception of Soviet Russia by political leaders and ordinary people of Tibet. A conclusion is made that the Soviet expeditions to Tibet have contributed significantly to studying the political situation in the country. However, analytical deductions made by the expeditioners had not been always adequate, which turned out to be one of the obstacles for developing Soviet-Tibetan relations.

Key words: Soviet-Tibetan relations, history of Tibet, the 13th Dalai Lama, Sergey S. Borisov, Elbek-Dorzhi Rinchino, Vassily A. Khomutnikov, Boris Z. Shumyatsky.

Е.В. Столярова

**ВИШНУИТСКИЕ СТОТРЫ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ИНДИЙСКИХ МАНУСКРИПТОВ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН**

В статье рассматриваются посвященные богу Вишну гимны из коллекции ИВР РАН, их структура, функции и значение в культовой практике индуизма. Гимны-молитвы (стотры) используются для почитания божества, отдельная группа этих гимнов (нама-стотры) базируется на доктрине божественного имени как средстве защиты и освобождения.

Ключевые слова: вишнуизм, имена бога Вишну, Индия, индуизм, индуистские гимны, нама-стотра, санскритские рукописи.

В коллекции Института восточных рукописей РАН есть ряд ритуальных текстов, называемых в индуизме «стотра», они представляют собой гимны-восхваления божества.

Стотра заключает в себе важную религиозно-философскую информацию и является дидактическим наставлением. Среди данных гимнов выделяются нама-стотры — гимны, в которых последовательно перечисляются имена божества (отражающие его качества, функции, атрибуты) и эпитеты. Рецитация гимнов-стотр относится к основным ритуальным практикам индуизма, они значительно различаются в зависимости от кастовой, возрастной, половой принадлежности и местных традиций, однако существуют правила, которые выполняются всеми адептами данной религии и определяют в целом религиозную культуру поведения. Базовые ритуалы и обряды в индуизме разделяются на три группы: нитья — обязательные ежедневные службы (пуджи) в индуистских храмах и обязательные домашние ритуалы почитания богов, обряды поминовения предков; наймиттика — основные обряды и церемонии жизненного цикла (самскары: рождение, инициация, вступление в брак и т.д.), регулярно отмечаемые священные дни и религиоз-

© Столярова Е.В., 2014

ные праздники; камья — желательные, но не обязательные ритуалы (например, паломничество).

Храмовая пуджа представляет собой ритуал поклонения богу или богине в виде образа (мурти) или символа, установленного в храме. Мурти считается в индуизме местом божественного присутствия и проходит перед установкой в храме специальные процедуры освящения. Лицезрение мурти божества (даршан) является основным в посещении храма. Богам подносят вегетарианскую пищу — фрукты, масло, вареный или сырой рис, кокосовые орехи, сладости, цветы, бетель и благовония. Для проведения традиционной домашней ежедневной пуджи в каждом индуистском доме есть специально отведенное для изображения божества место (отдельная комната или просто полка), где хранятся скульптуры богов, цветные олеографии с их изображением или их символы. Обычная ежедневная домашняя пуджа состоит из поднесения богу на блюде пищи, воды, благовоний, цветов и огня, а также из повторения священных мантр¹.

Основные иконографические образы были закреплены с давних времен в иконографических канонах (в текстах эпических и пуранических произведений, агамах, шастрах), в то время как основные божественные имена, рецитируемые адептами, закреплялись и передавались в виде нама-стотр. Сочетание этих двух компонентов сохраняло религиозную традицию.

Гимны являются одним из наиболее древних поэтических жанров, они возникли из религиозного культа как форма хвалебного песнопения, направленная на умиловление божества, а также испрошение разнообразных благ путем его прославления. Важным компонентом древних гимнов являлось описание величия божества в различных его аспектах, что часто сопровождалось изложением или упоминанием важнейших мифов о данном божестве. По мере развития словесности гимнографическая традиция претерпевала определенные изменения.

Для древних культур была характерна ситуация обмена между божеством и его адептом, т.е. гимн также являлся одним из важнейших средств воздействия на божество. Гимны, восхваляющие бога, наряду с принесением жертв играли весьма существенную роль в ритуале почитания богов. Одним из атрибутов хвалебного гимна служил миф, к которому обращались не как к источнику известной всем информации, а как к способу воздействия.

Первый памятник индийской литературы, «Ригведа», представлял собой собрание гимнов, большая часть которых посвящена древним богам (Индре, Агни, Варуне и др.). В структуре ригведийских гимнов исследователи выделяют две части: апеллятивная часть, которая нахо-

¹ Иванова Л.В. Индуизм. М., 2003. С. 417–426.

дит выражение в просьбах адепта, обращенных к божеству, и экспликативная часть — своего рода характеристика мифологического персонажа, включающая эпитеты, признаки, атрибуты, описание действий божества или героя, его связи с другими мифологическими персонажами и т.д. Апеллятивная часть иногда могла отсутствовать, экспликативная же часть гимна-восхваления составляла его основу².

А.В. Зорин³ в истории индийской гимнографии выделяет несколько типов гимнов: ведийские (самые ранние); эпико-пуранические (носящие отчетливые следы влияния религиозных культов индуизма); индуистские, джайнские и буддийские. Буддийские, индуистские и джайнские гимны сочинялись в условиях культурного диалога-диспута между различными религиозно-философскими системами, поэтому многие черты в них являются общими, в них пересекаются две линии развития — литературно-философская и ритуальная.

Обилие имен и эпитетов божеств — существенная черта индийской гимнографии. Она слабо проявлялась в ведийских гимнах, но была уже достаточно развита в эпосе. Авторы таким образом стремились максимально полно охватить достоинства богов, при этом для каждого из них выделялись наиболее свойственные ему качества.

Рецитация индийских гимнов, перечисляющих имена и эпитеты божеств, как индуистских, так и буддийских, являлась благочестивым действием, сулящим различные блага в будущем, а также определенным способом концентрации ума на объекте сосредоточения.

Огромное количество индуистских гимнов, которые называются тремя синонимичными терминами — «стотра», «става» и «стути», довольно сложно классифицировать. А.В. Зорин⁴, следуя научной традиции, использует термин «стотра» как условное общее название жанра. Он отмечает, что термин «става» употребляется так же часто, как и «стотра», а «стути» в классической литературе встречается сравнительно редко. Содержательных отличий между тремя группами текстов, по мнению автора, не существует.

Попытку систематизировать гимны, содержащиеся в популярных индуистских сборниках стотр, предпринял Г. Бюнеман⁵, использовавший различные критерии, которые по большей части выводятся из названий этих сочинений. Исследователь отделил стихотворные тексты

² Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1999. С. 482–486.

³ Зорин А.В. У истоков тибетской поэзии: гимны стотра в тибетской литературе (VIII–XIV вв.). Автореф. канд. дис. СПб., 2006. С. 9.

⁴ Зорин А.В. У истоков тибетской поэзии: Буддийские гимны в тибетской литературе VIII–XIV вв. СПб., 2010. С. 25.

⁵ Bühnemann G. Budha-Kauśika's Rāma-rakṣā-stotra. A Contribution to the Study of Sanskrit Devotional Poetry. Vienna, 1983.

от прозаических. Стихотворные гимны он разделил по формальному и содержательному признакам. Согласно формальному критерию, ученый выделил четыре группы текстов: имеющие в своем названии имя божества, название реки и т.п.; имеющие в названии слово-маркировку («гирлянда», «царь гимнов» и т.п.); называемые по начальным или конечным словам гимна; содержащие в названии указание на поэтическую особенность (размер и т.д.). Согласно содержательному критерию, семь групп текстов: предназначенные для утреннего прочтения; ритуальные тексты (пуджи); призывания (букв. «пробуждения») божества; мысленные пуджи; покаяния; призывы о защите; перечисления имен⁶.

Опираясь на труды вышеперечисленных исследователей и анализируя комплекс доступных индийских гимнов-стотр, выделим следующие основные группы данных гимнов:

- по имени божества: сюда относятся гимны, посвященные различным божествам (Вишну, Шиве, Дурге, Ганеше, Сарасвати и др.);

- по количеству перечисляемых имен божества:

dvādaśa nāma (12); ṣoḍaśa nāma (16); aṣṭāviṃśati nāma (28); śata nāma (100); trīśata nāma (300); aṣṭaśata nāma (108); sahasra nāma (1000) и т.д.

В индуизме существует множество «Сахасранама-стотр» («Гимн тысячи имен»), но наиболее популярными являются три из них: «Viṣṇu-sahasranāma», «Śiva-sahasranāma», «Lalitā-sahasranāma»;

- по размеру: pañcaka (5 шлок); sapṭaka (7); aṣṭaka (8); daśaka (10). Исходя из наличия гимнов типа aṣṭaka, посвященных различным основным индийским богам, можно сделать вывод, что этот тип гимна является одним из популярных гимнов данного класса. Он состоит из восьми стихов, каждый из которых заключает основные характеристики и качества бога;

- по определенной функции гимна (защита от врагов, прославление или пожелание победы и т.д.): śaraṇa, rakṣāṇa, pañjara, kavasa, smaṇa, jāya и т.д.;

- имеющие в названии некое объединяющее слово;

- написанные определенными авторами (Вьяса, Шанкара и др.);

- написанные определенным размером (например, bhujaṅga);

- по времени и частоте рецитации (утренние, вечерние; читаемые в полнолуние, новолуние, в последние моменты жизни и т.д.);

- кодирующие в себе одну из известных мантр. Например, «Dva-daśākṣara stotra»: в данном гимне каждая шлока начинается со слога известной мантры «Om Namo Bhagavate Vasudevaya».

⁶ Зорин А.В. У истоков тибетской поэзии: Буддийские гимны в тибетской литературе VIII–XIV вв. С. 19–26.

Часто одна стотра соответствует двум пунктам классификации. Например, śaraṇa sapṭaka: данный гимн состоит из семи стихов и выполняет защитную функцию.

В состав индуистского гимна нама-стотра входит несколько частей (некоторые из них могут отсутствовать): мангала-шлока, пролог, основная часть (перечисление имен божества) и пхала-шлока (заключение).

Мангала-шлока (от санскр. maṅgala — «благословение») представляет собой небольшой гимн (краткое восхваление) перед чтением основного гимна. Опираясь на текст Аннамбхатты, Е.П. Островская заключает, что практика мангалы является элементом йоги, средством для достижения поставленной цели. Совершение мангалы не просто введение в текст формулы прославления, оно имеет практический смысл — пребывание в состоянии сосредоточения. Мангала-шлока часто посвящается богу мудрости Ганеше или богине мудрости Сарасвати⁷. Пхала-шлока или пхала-стути (от санскр. phala — «плод») перечисляет заслуги от рецитации гимна.

Имеющиеся в собрании ИВР РАН индуистские стотры частично входят в состав различных произведений (например, стотра, посвященная Даттатрею из «Брахманда-пураны», Дурге из «Маркандея-пураны», Раме из «Линга-пураны» и «Санаткумара-самхиты», Шиве из «Падма-пураны»), частично являются самостоятельными произведениями (например, стотры, посвященные Кали, Сарасвати)⁸. Имеются стотры на санскрите и новоиндийских языках.

Одна из индийских рукописей ИВР РАН (I, 41 (Хаса Джас, 1), письмо деванагари) представляет собой ритуальный сборник гимнов типа стотра на сильно санскритизованном хинди и неправильном санскрите⁹. Она входит в состав коллекции, владельцем которой был индийский коммерсант Кирпал Дас. Данная коллекция (более 100 наименований текстов на разных языках: хинди, санскрит, панджаби, персидский, узбекский, таджикский и русский) умершего в Средней Азии торговца-индийца была прислана из Ашхабада около 1900 г. в Азиатский музей на хранение с условием, что в случае не востребоваания в течение десяти лет она может перейти в собственность музея. В Ашхабад рукописи были пересланы дипломатическим чиновником при начальнике Закаспийской области А.Д. Калмыковым по соглашению с мировым

⁷ Иванова Л.В. Индуизм. С. 269–270.

⁸ См.: Посова Т.К., Чижикова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М., 1999. С. 13.

⁹ В данной публикации мы приводим имена и названия в соответствии с их написанием в рукописи.

судьей Ренненкампом, у которого находилось дело о наследстве. В 1912 г., по истечении срока хранения, установленного для востребования имущества наследниками, рукописи были включены в собрание музея (внесены в Инвентарь Азиатского музея за 1912 г. под № 2186–2200).

Коллекция «Хаса Джас», к которой принадлежит исследуемая рукопись, состоит из текстов, большей частью написанных в Средней Азии. Согласно Инвентарю¹⁰ и составленному Н.Д. Мироновым списку¹¹, коллекция состояла из 29 единиц, в том числе 11 рукописных книг, из них одна исполнена письмом деванагари, а остальные — письмом гур-мукхи; литографированная книга письма гурмукхи; 14 счетных книг индийского типа в виде больших длинных блокнотов разного формата; три пакета бумаг¹². В 1957 г. при разборе пакетов с бумагами выяснилось, что они содержат в основном архив индийца-коммерсанта, занимавшегося, вероятно, ссудными операциями.

Архив состоит из 572 листов разного формата с записями, выполненными различными видами письма: скорописью ланда, гурмукхи; в арабской графике — в основном долговые расписки на таджикском и узбекском языках; четыре листа по-таджикски еврейским письмом; несколько листов и отдельных фрагментов на русском языке (список должников, расчет платы за работу, обрывки железнодорожных накладных и долговой описи). Материалы архива относятся, по предположению Г.А. Зографа¹³, ко второй половине XIX в. Во многих документах упоминается имя индийца Кирпала Даса, который, вероятно, и являлся владельцем бумаг.

Кроме архивных документов в пакетах оказались рукописные книги письма гурмукхи (8 полных — от 18 до 220 л. и 14 дефектных), три рукописи в виде свитков, большое количество мелких произведений и фрагментов на отдельных листах и более 20 небольших литографированных книжек на языке панджаби. К коллекции «Хаса Джас» относят также три единицы хранения из необработанной части индийского фонда, о происхождении которых прямых данных не имеется.

Г.А. Зограф¹⁴ в данной коллекции выделяет две группы рукописных материалов: архив коммерсанта-индийца, о котором уже говорилось, и его библиотеку. Рукописная библиотека представляет значительный

¹⁰ Инвентарь Азиатского музея за 1912 г. № 2186–2200.

¹¹ Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Имп. Академии наук, 1912. Заседание XIV от 28 ноября 1912 г., § 403 и Приложение II.

¹² Зограф Г.А. Индийские рукописи из Средней Азии // Проблемы востоковедения. 1960. № 1. С. 129–130; Зограф Г.А. Описание рукописей хинди и панджаби Института востоковедения. М., 1960. С. 7.

¹³ Зограф Г.А. Индийские рукописи из Средней Азии. С. 130.

¹⁴ Там же. С. 129–134.

интерес по подбору произведений и особенно по месту создания списков.

В целом рукописная коллекция содержит 18 полных и 16 неполных рукописных книг различного объема, а также мелкие произведения и фрагменты. Пять рукописей, вероятно, вывезены из Индии, остальные написаны в Средней Азии, о чем свидетельствуют как палеографические особенности списков, так и указания в колофонах.

К рукописям, вывезенным из Индии, относится и исследуемая рукопись, которая является единственной во всей коллекции рукописью хвалебных гимнов-стотр на деванагари. Среди пяти рукописей из Индии также список Адигрантха конца XVIII — начала XIX в.

Рукописи из Средней Азии включают в себя группу сикхских сочинений (гимны из Адигрантха, фрагменты трактата о правилах чтения священных книг и генеалогию сикхских гуру), переводы и переложения сюжетов древнеиндийского эпоса, образцы лирического творчества панджабских поэтов. По мнению Г.А. Зографа, содержащиеся в данных списках произведения были созданы в разное время в разных районах Северной Индии, а сами списки могут содержать некоторые искажения, внесенные переписчиками. Исследователь относит данные рукописи ко второй половине XIX в. Он отмечает, что перепиской занимались в важнейших центрах Средней Азии (Бухара, Ташкент, Самарканд); основываясь на сличении почерков, утверждает, что в данном районе действовал по крайней мере десяток более или менее квалифицированных переписчиков (отдельные небольшие рукописи, выполненные неумело и небрежно, возможно, писались самим владельцем коллекции для личного пользования).

Таким образом, коллекция «Хаса Джас» дает исследователю представление о литературных интересах ее владельца — индийского купца в Средней Азии, что, в свою очередь, помогает охарактеризовать его локальную и религиозную принадлежность. Г.А. Зограф отмечает¹⁵, что проникавшие в Среднюю Азию индийцы были в основном выходцами из Мультана, Синда и Пешавара. Наличие же среди рукописей значительной части сикхских произведений и алфавит гурмукхи приводят исследователя к выводу, что среди проживавших в Средней Азии индийцев были и сикхи.

Рассматриваемая рукопись ритуальных гимнов представляет собой тетрадь в матерчатом переплете в красную и белую полосу. Размеры — 18х14 см, объем — 40 листов, материал — бумага. Основная ее часть написана в Шикарпуре (современный Пакистан) в 1801 г. Одно

¹⁵ Там же. С. 134.

из многочисленных позднейших добавлений было сделано также в Шикарпуре через 17 лет брахманом Кхемом Чандом¹⁶.

Основной текст рукописи (7 строк на странице) заключен в тройную рамку черного, оранжевого и красного цветов размером 13×9 см. Текст написан тушью, заголовки, колофоны и обозначения стихов — киноварью. Перед основным текстом и после него располагаются рисунки, изображающие богов (по два в начале и в конце текста). На свободных листах в начале и в конце рукописи имеются более поздние добавления, вписанные беспорядочно, разными почерками. Дополнения носят тот же характер, что и основное содержание (гимн-арти в честь богини Деви, гимн Шиве, Каши-мангала-стотра, а также мелкие произведения без названий, магические квадраты и таблицы)¹⁷.

Как многие индуистские религиозные тексты, текст начинается восхвалением бога мудрости Ганеши: om svasti śrigaṇeśaya namaḥ ||.

Затем следует гимн из восьми стихов, посвященный Ганеше (Gaṇeṣ ustatih), и восхваление богини Сарасвати (Sarasvatike dvādas nām, 12 имен Сарасвати), содержащее перечисление эпитетов богини. Имя автора отсутствует.

Три гимна основного текста посвящены непосредственно богу Вишну: «Viṣṇa-sahasra-nām» («Тысяча имен Вишну»), «Viṣṇa-sati-nām» («Сто имен Вишну»), «Viṣṇu-aṭhāṁśa-nām» («Собрание двадцати восьми эпитетов Вишну»)¹⁸.

Гимн «Тысяча имен Вишну» часто используется в индуистской религиозной практике, также как и меньшие по объему гимны «Сто имен Вишну» и «28 имен Вишну».

Гимн «Тысяча имен Вишну» существует в ряде редакций на санскрите. Текст «Viṣṇa-sahasra-nām» рукописи I, 41 представляет собой список имен бога, достаточно обширный, но значительно меньший, чем эпический список «Вишну-сахасра-нама» — стотры из книги 13 «Махабхараты». Автор данной версии, вероятно, Сагар Дас, чье имя упоминается в заключительном стихе. Сюда включены, например, следующие имена и эпитеты бога: Тот, кто держит палицу (Gadādhārī), Имеющий Гаруду на флаге (Garuḍadhvaṇī), Поддерживающий гору (Giradharaṇī), Великий йогин (Mahājogī) и т.д.

«Viṣṇa-sati-nām» — это собрание эпитетов Вишну в 14 стихах. Гимн возводится к «Вишну-пуране» и приписывается Вьясе.

¹⁶ Зограф Г.А. Описание рукописей хинди и панджаби Института востоковедения. С. 45–46.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Посова Т.К., Чижикова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 104.

В него включены такие имена, как: Васудева (Vāsudevaṃ), Хриши-кеша (Hṛṣīkeśaṃ), Джанардана (Janārdanaṃ), Хари (Harī), Кришна (Kṛṣṇaḥ), Имеющий Гаруду на флаге (Garuḍadhvaṃ), Вараха (Vārāhaṃ), Нарасимха (Narasimhaṃ), Нараяна (Nārāyaṇaṃ), Говинда (Govindaṃ), Несущий в руке чакру (Sakṛpāṇaṃ), Несущий в руке гаду (Gadāpāṇaṃ) и т.д.

Самый небольшой по объему из рассматриваемых гимнов — «Viṣṇu-aṭhāvis-nāṃ». В него входят основные эпитеты бога (Джанардана, Говинда, Васудева, Вишварупа), аватары (Матсья, Курма, Вараха, Нарасимха, Рама, Кришна и т.д.).

Заканчивается текст упоминанием переписчика (Гуру Даш (Дас) Гауд) и указанием времени создания (самвара 1858/ шака 1722).

Таким образом, даже в рамках одной рукописи мы видим примеры различных типов религиозных гимнов вишнуизма, которые использовались в культовых практиках и играют огромную роль по сей день.

Литература

- Аннамбхатта*. Тарка-санграха («Свод умозрений») и Тарка-дипика («Разъяснение к своду умозрений») / Пер. с санскр., введ., коммент. и историко-философские исследования Е.П. Островской. М., 1999.
- Annambhatta*. Tarka-sangraha («Svod umozreniy») i Tarka-dipika («Raz'yasnenie k svodu umozreniy») / Per. s sanskr., vved., komment. i istoriko-filosofskie issledovaniya E.P. Ostrovskoy. M., 1989.
- Елизаренкова Т.Я.* «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1999.
- Elizarenkova T.Ya.* «Rigveda» — velikoe nachalo indijskoy literaturyi i kulturyi // Rigveda. Mandalyi I–IV. M., 1999.
- Зограф Г.А.* Описание рукописей хинди и панджаби Института востоковедения. М., 1960.
- Zograf G.A.* Opisanie rukopisey hindi i pandzhabi Instituta vostokovedeniya. M., 1960.
- Зограф Г.А.* Индийские рукописи из Средней Азии // Проблемы востоковедения. 1960. № 1.
- Zograf G.A.* Indijske rukopisi iz Sredney Azii // Problemyi vostokovedeniya. 1960. № 1.
- Зорин А.В.* У истоков тибетской поэзии: гимны стотра в тибетской литературе (VIII–XIV вв.). Автореф. канд. дис. СПб., 2006.
- Zorin A.V.* U istokov tibetskoy poezii: gimnyi stotra v tibetskoy literature (VIII–XIV vv.). Avtoref. kand. dis. SPb., 2006.
- Зорин А.В.* У истоков тибетской поэзии: Буддийские гимны в тибетской литературе VIII–XIV вв. СПб., 2010.
- Zorin A.V.* U istokov tibetskoy poezii: Buddiyskie gimnyi v tibetskoy literature VIII–XIV vv. SPb., 2010.
- Иванова Л.В.* Индуизм. М., 2003.
- Ivanova L.V.* Induizm. M., 2003.

Классическая йога («Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья») / Пер. с санскр., введ., коммент. и реконструкция системы Е.П. Островской и В.И. Рудого. М., 1992.

Klassicheskaya yoga («Yoga-sutryi» Patandzhali i «Vyasa-bhashya») / Per. s sanskr., vved., komment. i rekonstruktsiya sistemyi E.P. Ostrovskoy i V.I. Rudogo. M., 1992.

Посова Т.К., Чижикова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М., 1999.

Posova T.K., Chizhikova K.L. Kratkiy katalog indiyских rukopisey Instituta vostoковedeniya RAN. M., 1999.

Bühnemann G. Budha-Kauśika's Rāma-rakṣā-stotra. A Contribution to the Study of Sanskrit Devotional Poetry. Vienna, 1983.

Das R.C. The Divine Name. Berhampur, 1997. WWW Edition — Vamana dvadasi 2007.

Mahadevan T.M.P. Viṣṇu-sahasra-nāma. Bombay, 1976.

E.V. Stolyarova

**VISHNU STOTRA HYMNS FROM THE INSTITUTE
OF ORIENTAL MANUSCRIPTS, RAS**

Summary: The article deals with Hindu *stotra* hymns from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS (St. Petersburg), their structure, functions and meaning in ritual practice. The hymns-prayers to a deity (*stotras*) are used in the Hindu religion. A special group of these hymns, *nama-stotras*, are based on the doctrine of a divine name which helps devotees to reach protection and deliverance.

Key words: Vishnuism, Vishnu god's names, India, Hinduism, hindu *stotras*, *nama-stotra*, sanscrit manuscripts.

А.А. Туранская
**МОНГОЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ ИЗБРАННЫХ ГЛАВ
«СОБРАНИЯ ПЕСНОПЕНИЙ МИЛАРЭПЫ»
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ-КВАРТИРЫ
Ц. ДАМДИНСУРЭНА**

Тибетский сборник «Собрание песнопений Миларэпы» был переведен на монгольский язык в первой четверти XVII в. известным переводчиком Ширегету Гуши Цорджи. Во второй половине XVIII в. этот текст был издан ксилографическим способом в Пекине. При этом утраченные к моменту издания пять глав текста были заново переведены на монгольский язык. Статья посвящена исследованию уникальной монгольской рукописи избранных глав «Собрания песнопений Миларэпы» из коллекции музея-квартиры Ц. Дамдинсурэна (г. Улан-Батор), в которой частично сохранился старый перевод глав, считавшихся утерянными уже в XVIII в.

Ключевые слова: монгольская литература, перевод, Миларэпа, «Гурбум», Ширегету Гуши Цорджи.

Составленный в 1488 г. известным учителем школы Кагью Цаннён Херукой (тиб. gTsang smyon he ru ka; 1452–1507), тибетский прозаический сборник «Собрание песнопений, дополняющее жизнеописание досточтимого Миларэпы» (тиб. Rje btsun mi la ras pa'i rnam thar rgyas par phyé ba mgur 'bum bzhugs so), известный также под кратким названием «Гурбум», был переведен на монгольский язык в первой четверти XVII в.¹ известным переводчиком буддийских сочинений

¹ В колофоне пекинского издания монгольского текста «Собрания песнопений» отсутствует какая-либо информация о дате и месте перевода сочинения. Однако, согласно колофону рукописи, хранящейся в библиотеке Университета Внутренней Монголии, перевод «Гурбума» был закончен в 15-й день 9-го месяца года зайца (монг. taulai jil-un yisün sarayin: ... arban tabun edür-tür ... tegüs-iyer orčiγulun orosiγuluγsan bui:), по всей вероятности, соответствующего 1615 г. европейского летоисчисления. См.: Catalogue of Ancient Mongolian Books and Documents of China. Beijing Library Press, 1999. Vol. I. № 04704.

Ширегету Гуши Цорджи (монг. Siregetü Güüsi Ćorĳi; конец XVI — начало XVII в.).

Во второй половине XVIII в. этот монгольский перевод «Гурбума» был издан ксилографическим способом в Пекине (MGB)². Именно это издание получило широкое распространение в Монголии и Бурятии, с него делались многочисленные рукописные копии как всего текста, так и отдельных глав.

Согласно небольшому колофону, расположенному на л. 135a–135b ксилографа, к моменту издания текст «Гурбума» в переводе Гуши Цорджи не сохранился полностью. Утраченные пять глав, повествующие об встрече Миларэпы с одной из его духовных учениц — Рэчунмой, об усмирении свирепого охотника Гомпо Дорже, подношениях царя местности Бхактапур в Непале, а также две главы о проповеди Миларэпой буддийского учения богиням долгой жизни церин (тиб. tshe ring ma), были заново переведены учеником второго джанджа-хутухты Ролби Дордже (тиб. Rol pa'i rdo rje; 1717–1786) дай-гуши Нгаван Тэнпэлом (тиб. Ngag dbang bstan 'phel; 1690/1700–1780) в 1756 г.³

В библиотеке музея-квартиры академика Ц. Дамдинсурэна (г. Улан-Батор, Монголия) под шифром А5-50 (МН-592) хранится уникальная рукопись избранных глав из монгольского перевода «Гурбума» Миларэпы (DGB)⁴. Это рукопись формата бодхи объемом 160 листов (размер листа — 40,5×10,6; размер рамки 36,2×8,3, в рамке 28 строк). Сочинение написано черной тушью на китайской бумаге. Пагинация полистная, на монгольском языке, с левой стороны листа. В тексте рукописи некоторые имена собственные и топонимы подписаны по-тибетски. На первом листе красным карандашом написано имя Ц. Дамдинсурэна и стоит штамп его личной библиотеки; на последнем — краткое благопожелание, написанное карандашом (монг. masi sayin oom

² Getügegĳi milarasba-yin tuyūĳi delgerenggüi ilāysan 'bum dayūlal kemegdekü orosiba («Пространное жизнеописание спасителя Миларэпы под названием „Сто тысяч песнопений“»). Пек. ксил., РФ ВФ СПбГУ, Mong. E 55, 282 л. См. описание этого издания в: Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. М., 2001. Т. 2. № 293; Aalto P. A Catalogue of the Hedin Collection of Mongolian Literature // Reports from Scientific Expedition to the North-West Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. Publication 38. Stockholm, 1953. No. H-1175; Heissig W. Die Pekinger Lamaistischen Blockdrucke in Mongolischer Sprache. Wiesbaden, 1954. No. 130; Heissig W., Sagaster K. Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten // Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland. Bd 1. Wiesbaden, 1961. No. 147; Heissig W. Catalogue of Mongol Books, Manuscripts and Xylographs. Copenhagen, 1971. P. 84; Uspensky V.L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo, 2001. No. 223.

³ Перевод колофона см. в: Туранская А. Монгольский перевод сборника «Сто тысяч песнопений» Миларэпы // Вестник СПбГУ. 2013. Серия 13. Вып. 2. С. 86–87.

⁴ [Mila-yin dayūlal] («Песнопения Миларэпы»). Библиотека музея-квартиры Ц. Дамдинсурэна, А5-50 (МН-592). 160 л.

amuyulang boltuyai). В рукопись вложены три листа небольшого формата с комментариями Ц. Дамдинсурэна. На первом написано краткое название сочинения — «Песнопения Миларэпы» (монг. *Mila-yin dayulal*), а также отмечено, что «рукопись неполная и в ней представлены главы до 34 и 35» (монг. *ene bičimel dutayū: gebčü 34 ba 35-duyar bölüg kürtele lab bayimui*:). На последующих двух приведен полный список глав «Гурбума» пекинского ксилографического издания. Латинской буквой “W” синего цвета отмечены главы, вошедшие в рукопись, латинской буквой “W” красного цвета — пять глав, переведенные Нгаван Тэнпэлом.

Рукописный сборник не имеет заглавия на титульном листе, равно как и в начале или в конце текста. В нем также отсутствует какая-либо информация о дате написания и составителе сборника. Судя по почерку⁵, рукопись, вероятнее всего, была написана в конце XVII — начале XVIII в. Однако некоторые особенности орфографии рукописи, характерные для конца XVI — начала XVII в., такие как:

- слитное написание суффиксов (монг. *čaytur, d’elekeyin, basabar*);
- доклассическое использование “t” и “d” в суффиксах (монг. *sine-tür, teden-tür, bidan-tur, čim-a-tur, ulus-daki*);
- присоединение суффиксов твердого ряда к словам мягкого ряда (монг. *čidküd-nuud, belge-luγ-a, ner-e-luγ-a*);
- написание конечной “d” так же, как в середине слова (монг. *ireged’, nököd’*);
- архаическое написание некоторых слов (монг. *bodisung, maqasung, linqus*), —

указывают на то, что она, скорее всего, восходит к более раннему списку, существовавшему до появления ксилографического издания монгольского перевода «Гурбума».

В рукопись включены 17 из 63 глав монгольского перевода «Гурбума»⁶:

1. «Глава о встрече с Рэпой Дарма Ванчун в [местности] Пуран» (монг. [6b] *Buram ulus-tur rasba darm-a vangp’yug-luγ-a aγuljaγsan bölöḡ:: : ::*)⁷.

⁵ См. подробнее: Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М., 1972. С. 53–68.

⁶ Следует отметить, что архитектура всех известных автору статьи тибетских сборников «Гурбума» отличается от монгольского ксилографического издания XVIII в. В тибетских сборниках содержится 58 глав, в монгольском издании — 63. Глава 28 в тибетском сборнике, посвященная встречам Миларэпы с пятью богинями церин и состоящая из четырех небольших эпизодов, в конце которых приведены колофоны, в монгольском тексте разделена на четыре отдельные главы. Глава 35 о роге яка, состоящая из трех частей: первой, основной и заключительной (тиб. *dang po, dngos gzhi, mjug gi*), — в монгольском переводе разбита на три самостоятельные главы.

⁷ В статье для передачи галика используются следующие символы: ʼ - ‘a, c’ - ʼ, ʼ - d’, ʼ - e’, ʼ - g’, ʼ - j’, ʼ - k’, ʼ - n’, ʼ - o’, ʼ - p’, ʼ (в середине слова) - t’.

2. «Глава о принятии в ученики⁸ Шакьягуны в [местности] Ньянам» (монг. [10a] Sn'a nam ulus-daki saky-a gun-a-yi nigülesügsen bөлөг:: : ::).

3. «Глава с одним смыслом, но тремя названиями: Глава о шести воспоминаниях о ламе из-за повелителя демонов Винайки, Глава о Дагмар Чонлун, Глава о том, как Миларэпа ходил за хворостом» (монг. [16b] Todqar-un qayan bigniyaka-yin siltayan bolju: blam-a-yin jirγuyan duradqu-yin jüil: ulayan qada-tur čonglung-un jüil: milarasba tüliden tegüre oduγsan jüil [17a] <büged: nigen činar-tu bügetele γurban nere-luy-a tegüesügsen-ü jüil> kiged bolai:: : ::)⁹.

4. «Глава о встрече с Рончун Рэпой во время путешествия в Дагкья Дорже Дзон» (монг. [26b] Bigsja včir-tu qury-a-tur qoyitu ögede boluγsan čay-tur: rongčung rasba-luy-a ayuljaγsan bөлөг:: : ::).

5. «Глава о снежной горе Йолмо» (монг. [36a] Yolmo časutu ayula-yin bөлөг:: : ::).

6. «Глава о Лачи Чузан» (монг. [36a] Sayin usu-tu labsi-yin bөлөг:: : ::).

7. «Глава о Снежной горе» (монг. [60a] Časutu ayulayin bөлөг:: : ::).

8. «Глава о подношении царя местности Бхактапур из страны Мон и появлении богинь церин» (монг. [68b] Mon ulus-tur: k'o'k'o'm qayan takiγsan urtu nasutu dagina durasira iregsen bөлөг:: : ::).

9. «Глава о посохе из камыша в [местности] Чимлун и встрече с Нганзон Тонпой» (монг. [77a] Lčim lung ulus-tur γar-tur bariγsan čulu qulusun beriy-e-yin bөлөг kiged: maγu qury-a-daki baysi-luy-a ayuljaγsan bөлөг:: : ::).

10. «Глава о встрече с Кыра Рэпой на горе Ньишан Гурта» (монг. [87a] Nisnisan gürta neretü ayulan-tur: görögesüči rasba-luya ayuljaγsan bөлөг:: : ::).

11. «Глава о встрече [Рэчуна] с учителем Миларэпой» (монг. [92a] Milarasba blam-a-luy-a ayuljaγsan bөлөг:: : ::).

12. «Глава о встрече с девушкой Палдар Бум, [ставшей одной] из четырех учениц Миларэпы, в пещере Кидпа Лисум в [местности] Чун» (монг. [101a] Qutuy-tu milarasba blam-a dörben ökin degü sabinarun dotor-a-ača 'ačunggi kidba ligsum ayui-tur: 'abal d'arbum ökin-lüge ayuljaγsan bөлөг:: : ::).

13. «Глава о встрече с Себан Рэпой в гостинице Гара Каче на севере [местности Яру]» (монг. [104b] Ümetü γara kači čiyulqu qarsi-tur se'ban rasba-luy-a ayuljaγsan bөлөг:: : ::).

14. «Глава об усмирении Наро Бончун на горе Кайлаш» (монг. [112b] Gangtise' ayula-tur nara bončung-yi nomoγadqayγsan bөлөг:: : ::).

⁸ Калька с тиб. rjes su bzung ba.

⁹ Тиб. bgegs kyi rgyal po bhi naa yak as rkyen byas pa/ bla ma dran drug gi skor ram/ brag dmar mchong lung gi skor ram/mi la shing thun gyi skor zhes kyang bya ste/ don gcig la mtshan gsun ldan gyi skor tsho dge'. См.: Rnal 'byor gyi dbang phyug chen po mi la ras pa'i rnam mgur («Намтар и Гурбум великого повелителя йогинов Миларэпы»). Peking, 2005. P. 199.

15. «Глава о девушке Сале О» (монг. [123b] Sali od' ökin-ü bölg:: : ::).

16. «Глава о встрече с главой избавившихся от сомнений¹⁰ Дибо Рэпой и духовным учеником Шэнгом Рэпой в местностях Бапхуг Мамо Дзон и Лапхуг Падма Дзон» (монг. [135b] Qonin niyuysan qurğ-a kiged: labuy badm-a qurğ-a-tur sesig aldaraysan-u manglai qoniči rasba kemekü kiged: čiqula šabi gse'nggom rasba-luy-a ayuljaysan bölg:: : ::).

17. Глава без названия (см. ниже).

Порядок глав в рукописи отличается от их последовательности в пекинском ксилографическом издании и во всех известных автору статьи тибетских изданиях «Гурбума». В рукопись были включены главы в следующей последовательности относительно пекинского издания: 21, 13, 1, 23, 7, 2, 27, 18, 26, 10, 14, 15, 22, 37, 24. Последняя глава, 17, рукописи состоит из двух историй, посвященных проповеди Миларэпы буддийского учения богиням церин. Первая часть главы соответствует первому эпизоду из главы 30 ксилографа, вторая — второму эпизоду главы 29 ксилографа, переведенной для пекинского ксилографического издания Нгаван Тэнпэлом.

В ходе текстологического сличения было установлено, что разночтения во всех главах рукописи, кроме глав 8, 10, а также второй части последней главы и соответствующих главах пекинского ксилографического издания носят незначительный характер и не выходят за рамки различий в написании отдельных слов и грамматических форм. В тексте ксилографа также добавлены некоторые слова, отсутствующие в рукописи и уточняющие смысл монгольского перевода. В качестве примера можно привести небольшой отрывок из «Главы о Лачи Чузан» (глава 6 в рукописи, глава 2 в пекинском издании):

DGB	MGB
[36a] namo' <i>ghuru</i> : yo'gačaris-un manglai mila kemen aldarsiysan: tere boyda anu: <i>čunglung</i> (cung lung) ¹¹ qadan-tur sayun bülüge: tendeče blama-yin jarliy-i bütügekü-yin tula: tongla neretü tergegür-iyer labsi neretü ayulan-tur bisilyasuyai kemen ögede bolqu-yin jaγura <i>sn'anam rčamar</i> (snya nam rtsa mar) ulus-tur qurim kijü sayun ajuγu:	[5b] namo' guru yo'gaj'aris-un manglai mila kemen aldarsiysan tere boyda anu: <i>ču</i> 'nglung qada- <i>dur</i> sayun bülüge: tendeče blam- <i>a</i> -yin jarliy-i bütügekü-yin tula <i>to</i> 'ngla (thong la) neretü tergegür-iyer: labyi (la phyi) neretü <i>časutu</i> ayulan- <i>dur</i> bisilyasuyai kemen ögede bolqu-yin jaγur-a <i>gn'a-a nam rčar mar</i> (gnya' nam rtsar mar) <i>neretü</i> ulus-tur <i>kürbesü</i> : tere ulus-tur <i>yeke</i> qurim kijü sayun ajuγu:

¹⁰ Тиб. rtogs ldan — йогин, монах, практикующие йогические практики.

¹¹ В круглых скобках дается тибетский текст, вписанный между строк монгольского текста.

Следует отметить, что бо́льшая часть разночтений приходится на долю тибетских топонимов и имен собственных. В частности, галик встречается в рукописи значительно реже, чем в пекинском ксилографе. В отличие от ксилографического издания, в тексте рукописи также довольно часты случаи транскрипции имен собственных и топонимов, при которых воспроизводится звуковая, а не графическая форма тибетских слов. Так, название горы Лачи (тиб. *la phyi*) в рукописи транскрибируется как *labsi*¹² (в ксилографе — *labyi, lap'yi*); название пещеры Дагкье Дорже (тиб. *brag skya rdo rje*) — *bragča včir-tu*¹³ (в ксилографе — *'abrag sky-a včir-tu*), имя дакини Дова Санмо (тиб. *'gro ma bzang mo*) — *ruu-a bsangmo*¹⁴ (в ксилографе — *g'ro' va bzangmo'*). Разночтения встречаются и в написании имен собственных и топонимов, вписанных на тибетском между строк монгольского текста:

DGB	MGB
sn'ya nam (тиб. <i>snya nam</i>) [7a]	gn'a-a nam (тиб. <i>gnya nam</i>) [47b]
sn'anam rčamar (тиб. <i>snya nam rtsa mar</i>) [36a]	gn'a-a nam rčar mar (тиб. <i>gnya' nam rtsar mar</i>) [5b]
lčim lung yi čo'mun garbur (тиб. <i>lcim lung yi co mun gar bur</i>) [68b]	lči ma lung gi ču mt'a-a mkhar p'ur (тиб. <i>lci ma lung gi chu mtha' mkhar phur</i>) [71b]
sdergü neretü ulus (тиб. <i>sde rgu</i>) [92a]	rd'a sg'o' (тиб. <i>rta sgo</i>) neretü časutu ayulan [49b]
'jonggi g'angbala gsum neretü ulus (тиб. <i>'jong gi gang pa la gsum</i>) [92a]	gčung gi gang ba sle' gsum neretü ulus (тиб. <i>gcung gi gang pa sle gsum</i>) [49b]
lisin (тиб. <i>li sin</i>) [113a]	lašing (тиб. <i>la zhing</i>) [163b]

Следует отметить, что написание имен собственных и топонимов (в основном это касается приписных и надписных букв) различается и в тибетских изданиях «Гурбума», который вместе с намтаром Миларэпы издавался ксилографическим способом не менее десяти раз¹⁵. Переводя «Гурбум» на монгольский язык, Ширегету Гуши Цорджи в качестве источника мог пользоваться только двумя тибетскими изданиями сборника — Цаннён Херуки (1488) или изданием его ученика Лхацун Ринчен Намгьяла (тиб. *Lha btsun rin chen mam rgyal*; 1473–1557), осуществлен-

¹² *Mila-yin dayulal*. F. 36a.

¹³ *Ibid.* F. 17a.

¹⁴ *Ibid.* F. 2b.

¹⁵ О тибетских изданиях намтара и «Гурбума» Миларэпы см.: *Smith E.G. Among Tibetan Texts. History and Literature of the Himalayan Plateau*. Boston: Wisdom Publications, 2001. P. 70–73.

ным в монастыре Дакар Тасо (тиб. Brag dkar rta so) в 1550 г. Поскольку оба эти издания на сегодняшний момент считаются утерянными, провести их текстологическое исследование не представляется возможным. Изданный же в середине XVIII в. пекинский ксилограф был отредактирован в соответствии с тибетским изданием «Гурбума», отпечатанным по распоряжению Ролби Дордже в Пекине в 1750 г.¹⁶ Это также подтверждает предположение о том, что рукопись, хранящаяся в библиотеке музея-квартиры Ц. Дамдинсурэна, восходит к изначальному монгольскому переводу «Гурбума», не подвергавшемуся редактуре в соответствии с тибетским изданием 1750 г.

Наибольший интерес для исследования представляют главы 8, 10 и вторая часть главы 17 рукописи. Как было сказано выше, эти главы соответствуют 27-й, 26-й и части 29-й главы ксилографического издания сборника, которые вместе с 25-й и 28-й считались утерянными уже в XVIII в. и были заново переведены Нгаван Тэнпэлом. Текст этих глав в рукописи существенно отличается от текста пекинского издания монгольского перевода «Гурбума».

Глава 10 рукописи под названием «Глава о встрече с Кыра Рэпой на горе Нышан Гурта» (монг. Nisnisan gürda neretü ayulan-tur: görögesüçi gasba-luᠠ ayuljaᠢsan bölgö: : :)¹⁷ посвящена одной из наиболее популярных в Монголии историй о встрече тибетского йогина с охотником Гонпо Дордже (тиб. Mgon po rdo rje)¹⁸.

Названия главы в рукописи и ксилографе практически совпадают (в ксилографе — монг. sn'i šang gürda-dur görögeçi gasba-luᠠ ayuljaᠢsan bölgö: : :)¹⁹). Текстологическое сличение главы в рукописи и ксилографе показало, что это два совершенно разных перевода. В качестве примера можно привести несколько небольших отрывков из этих переводов и оригинального тибетского текста (TNG)²⁰:

¹⁶ Успенский В.Л. Тибетский буддизм в Пекине. СПб., 2011. С. 265; Smith E. G. Among Tibetan Texts. History and Literature of the Himalayan Plateau. Boston: Wisdom Publications, 2001. P. 72.

¹⁷ Mila-yin daᠠᠭᠤᠯᠠᠯ. F. 87a.

¹⁸ Это единственная известная автору статьи история, бытовавшая в Монголии в нескольких вариантах. До нас дошли фрагменты сочинения, написанного, по всей вероятности, в начале XVII в., под названием «Глава о благозвучной песне охотника Дордже Гомбо» (монг. Garaᠠᠭᠠᠨᠠ dorjī go'mbo'yin {göörö}gegčīn-ū ariᠢᠶᠤ <iraᠢᠶᠤ> ayaluᠠ kiged-ün jūil bolai), а также сокращенная версия этой истории из бурятского сочинения «Сборник историй из [собраний] песнопений досточтимого святого Миларэпы» (монг. Getülgegčī milarasba boyda-yin mgur-ud-ača kedūi jūil tegūjū bičigsen orosibai:). См.: Chiodo E. The Mongolian Manuscripts on Birch Bark from Xarboxyn Balgas in the Collection of the Mongolian Academy of Sciences. Pt II. Wiesbaden, 2009. P. 15–56; Туранская А. Бурятское издание избранных песнопений Миларэпы (1040–1123) // Вестник СПбГУ. 2013. Серия 13. Вып. 1 С. 97–101.

¹⁹ Getügegčī milarasba-yin tuᠷᠦᠵᠢ. F. 113b.

²⁰ Rnal 'byor gyi dbang phyug chen po mi la ras pa'i nam mgur.

DGB	MGB	TNG
[77a] ... <möred (=mören) samadis-ün> aḡar-tur tegsi aḡuluḡsan-tur: čayan жүг-tür bayasuḡči kümün busu ireged ergün kündülen sayumui: tendeče nigen čaḡ-tur: tere aḡula-yin ekin-tür: nigen noqai-yin daḡun sonosuḡad sača daru: yeke dünggineküi daḡun ḡaruḡsan-tur: qutuḡ-tu milarasba eyin sedkimü:	[108b] ... čayan жүг-tür bayasuḡči kümün busu-yin ayimaḡ-ud ergül kündülel-i üiledüged: usun-u urusqal kemekü samadi-yin aḡar-a sayun abai: qoyina nigen učir-a: tere aḡui-yin ekin-dür anu nigen noqai qab qab qučayad: tegün-ü qoyina nigen yeke töberege ḡaruḡsan-dur: boyda mila eyin sedkir-ün:	[417] dkar phyogs kyi mi ma yin rnam kyis zhabs tog sgrub cing chu bo rgyun gyi ting nge 'dzin gyi ngang la bzhugs pa la/ dus nam zhiḡ gi tshe gnas de'i phur khyi skad lhang lhang ba dang/ de rjes thug sgra chen po zhiḡ byung ba/ rje btsun gyi thugs gdongs la/
[87a] ... abisig ba: qamuḡ ubadis tegüs-iyer soyorqaḡu: bisilḡaḡuluḡsan-tur: bisilḡalun kiḡaḡar-tur kürügsen: görögesüči rasba kemekü erketü degedü nigen šabi bololuḡ-a: tere ölöčün ba buqu ber: tegün-eče ekileḡü mayui ḡayaḡan-u ḡobalang-ača toniluḡsan bülüge: tere görögesüči-yin bariḡsan numun sumun edüge bügetele: tere aḡui datora bui kemen sonosdaḡuqui:	[113b] ... abisig kiged ubadis-i čöm soyorqaḡu bisilḡaḡuluḡsan-iyar: onol-un tuyil-dur kürügsen görögeči rasba kemekü sedkil-ün köbegün nigen niqan sabi boluḡsan aḡuḡu: tere kü ölöḡčün kiged buqu qoyaḡula tegün-eče qoyinasi mayui ḡayaḡan-ača tonilbai: boyda mila-yin saḡuḡsan tere aḡui-yin dotor-a anu görögeči-yin ergügsen numun sumun edüge boltala bui kemen aldarsijuqui:	[419] dbang dang gdams ngag mtha' dag rdzogs par gnang nas bsgoms pas/ nyams rtogs mthar phyin pa khyi ra ras pa zhes bya ba thugs kyi sras gcig byung ngo/ khyi dang sha ba yang de nas bzung ste ngan song gi sdug bsngal las grol ba yin no/ phug pa de na khyi ra bas phul ba'i mda' gzhu yang dus sa lta'i bar du yod par grags skad/

Даже по этим небольшим отрывкам видно, что подходы к переводу с тибетского Нгаван Тэнпэла и переводчика глав рукописи существенно отличаются. В переводе Нгаван Тэнпэла наблюдается стремление перевести как можно ближе к тибетскому оригиналу. Сохраняя монгольский порядок слов, он переводит практически каждое слово тибетского текста, в частности звукоподражания, вспомогательные глаголы. Перевод в рукописи более сглаженный, но зачастую лучше передает смысл текста. Подобная манера характерна для более ранних переводов с тибетского и, в частности, для переводов Ширегету Гуши Цорджи.

Текстологическое сличение показало, что переводы некоторых расхожих тибетских терминов и выражений совпадают в главах, переведенных Ширегету Гуши Цорджи, и в главах 8, 10 и второй части главы 17 рукописи и отличаются в переводе Нгаван Тэмпэла. Ниже в таблице показаны примеры такого рода совпадений и отличий:

Тибетский термин или выражение	Главы ксилографа, переведенные Нгаван Тэмпэлом	Главы восьмая, десятая и вторая часть 17-й главы рукописи	Главы «Гурбума», переведенные Ширегету Гуши Цорджи
gsung bcad	jarliḡ-iyān quriyaḡad	dayun-iyān quriyaḡu	dayun-i quiyaḡu
chu bo rgyun gyi rnal 'byor la bzhugs	usun-u urusqal-un yo'ga-dur orosiḡu	tasurasi ügei mörön bisilyal-tur sayuqui	mörön bisilyal-tur sayuqui čay-tur
sa bcu'i byang chub sems dpa'	arban oron-u bo'ddhi satuva	arbaduyar ḡajar-taki bodisung maqasung	arbaduyar ḡajar-taki bodisung maqasung; arban ḡajar-un boding maqasung
'khor los sgyur ba'i rgyal po	yirtinčü-yin qayan	čakravad-un qayan	čakravad-un qayan; čakravartin
bod la phyin	tangyud-tur ögede bolḡu; töbed-tür ögede bolḡu;	töbed-ün ulus-tur ögede bolḡu	töbed-tur ögede bolḡu; töbed-ün ulus-tur ögede bolḡu
skal ldan	masi qubitu	tegüs qubitu	tegüs qubitu
dka' spyad	qataryuḡil	qatayu yabudal	qatayu yabudal
mkha' la rgyu ba'i mi ma yin	oytaryui-dur bitügči kümün busu	oytaryui-bar oduḡči kümün busu	oytaryui-bar oduḡči kümün busu
theg pa mcho gi sems	yeke kölgen-ü bo'ddhi sedkil	degedü manglai kölgesün sedkil	degedü manglai kölges-ün sedkil
tshe ring ma	urtu nasutu c'ringma; urtu nasutu j'eringma	urtu nasutu dagina; urtu nasutu dagini; urtu nasutu eke	urtu nasutu dagini; urtu nasutu eke

bkra shis tshe ring ma	urtu nasutu bkrasis j'eringm-a	urtu nasutu öljei- tü eke; urtu nasutu öljei-tü dakini	urtu nasutu öljei-tü eke
'jig rten mig sgyur yi DA ki ma	sansar nidün qubilγayči d'akinis	yirtincü-yin nidün-i urbaγululči dakini	yirtincü-yin nidün-i urbaγululči dakini
mgur 'di gsungs	eyin egesiglen nolarun; egesig dayun-i eyin nomlar-un; egesig-i eyin nom- lar-un; jarliy-i egesiglejšü	silüg-yi nomlarun; silüg-i nomla- run; silüg egesiglejšü nomlabai; silüg- üd-i nomlarun;	silüg-yi nomlar- un; silüg-i nomla- bai; silüg egesiglejšü nomlaју
dad par gyur	neng ülemji bisireged; γayiqaju süsül-ün bisireldübei; γayiqaju süsül-ün bisirekü bolbai	čing bisirel-tü boluyad; bisirel-tü bolју; γayiqamsiy süsüg bisirel-tü bolba	süsüg bisirel-tü bolbai; bisirel-tü bolју; ülemji bisirel-tü bolју
mchod gnas	ergükü-yin oron	takiqu-yin oron	takiqu-yin oron
rje btsun	getülgegči	qutuy-tu; boyda; boyda blam-a	qutuy-tu; boyda; boyda blam-a
srin po	mangyus	rags-a	rags-a; ragša

Следует отметить, что в главах 8, 10, а также второй части главы 17 рукописи переводчик, также как и Ширегету Гуши Цорджи, не переводит устойчивый эпитет Миларэпы «досточтимый» (тиб. rje btsun) в тех случаях, когда в тибетском тексте он используется вместо имени йогина. Практически всегда его заменяют именем собственным Миларэпы. Так, тибетская фраза «...когда **досточтимый** с великомилосердными помыслами проповедовал голосом Брахмы» (тиб. rje btsun gyi thugs rje chen po'i ngang nas tshangs pa'i dbyangs kyis chos gsungs pa des²¹) передается в монгольском тексте следующим образом: «...когда **учитель Миларэпа** с великомилосердными помыслами проповедовал голосом Брахмы» (монг. **mlarasba blam-a**: yeke nigülesküi sedkil-iyer esru-a-yin egesig-iyer nomlaysan-tur: ...²²).

²¹ Rnal 'byor gyi dbang phyug chen po mi la ras pa'i rnam mgur. P. 417.

²² Mila-yin dayulal. F. 77b.

Учитывая все вышесказанное, можно предположить, что текст рукописи избранных глав «Гурбума» Миларэпы, хранящейся в библиотеке музея-квартиры академика Ц. Дамдинсурэна, восходит к монгольскому переводу Ширегету Гуши Цорджи, не подвергавшемуся редакции в ходе ксилографического издания памятника в середине XVIII в. Главы 8, 10, а также вторая часть главы 17 рукописи, по всей вероятности, являются переводом того же автора, считавшимся к середине XVIII в. утерянным.

Источники и литература

- Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М., 1972.
Kara D. Knigi mongolskih kochevnikov (sem vekov mongolskoj pismennosti). M., 1972.
- Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 2. М., 2001.
Sazykin A.G. Katalog mongolskih rukopisey i ksilografyov Instituta vostokovedeniya RAN. T. 2. M., 2001.
- Туранская А.* Бурятское издание избранных песнопений Миларэпы (1040–1123) // Вестник СПбГУ. 2013. Серия 13. Вып. 1. С. 97–101.
Turanskaya A. Buryatskoe izdanie izbrannykh pesnopeniy Milarepyi (1040–1123) // Vestnik SPbGU. 2013. Seriya 13. Vyip. 1. S. 97–101.
- Туранская А.* Монгольский перевод сборника «Сто тысяч песнопений» Миларэпы // Вестник СПбГУ. 2013. Серия 13. Вып. 2. С. 82–88.
Turanskaya A. Mongolskiy perevod sbornika «Sto tyisyach pesnopeniy» Milarepyi // Vestnik SPbGU. 2013. Seriya 13. Vyip. 2. S. 82–88.
- Успенский В.Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб., 2011.
Uspenskiy V.L. Tibetskiy buddizm v Pekine. SPb., 2011.
- Aalto P.* A Catalogue of the Hedin Collection of Mongolian Literature // Reports from Scientific Expedition to the North-West Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. Publication 38. Stockholm, 1953.
- Catalogue of Ancient Mongolian Books and Documents of China. Vol. I–III. Beijing Library Press, 1999.
- Chiodo E.* The Mongolian Manuscripts on Birch Bark from Xarbuxyn Balgas in the Collection of the Mongolian Academy of Sciences. Pt II. Wiesbaden, 2009.
- Getügegči milarasba-yin tuyuji delgerenggüi ilγaysan ‘bum dayulal kemegdekü orosiba («Пространное жизнеописание спасителя Миларэпы под названием „Сто тысяч песнопений“»). Пек. ксил., РФ ВФ СПбГУ, Mong. E 55, 282 л.
- Heissig W.* Catalogue of Mongol Books, Manuscripts and Xylographs. Copenhagen, 1971.
- Heissig W.* Die Pekinger Lamaistischen Blockdrucke in Mongolischer Sprache. Wiesbaden, 1954.
- Heissig W., Sagaster K.* Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten // Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland. Bd 1. Wiesbaden, 1961.
- [Mila-yin dayulal] («Песнопения Миларэпы»). Библиотека музея-квартиры Ц. Дамдинсурэна, А5-50 (МН-592). 160 л.

Rnal 'byor gyi dbang phyug chen po mi la ras pa'i rnam mgur («Намтар и Гурбум великого повелителя йогинов Миларэпы»). Peking, 2005.

Smith E.G. Among Tibetan Texts. History and Literature of the Himalayan Plateau. Boston: Wisdom Publications, 2001.

Uspensky V.L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo, 2001.

A.A. Turanskaya

**MONGOLIAN MANUSCRIPT OF SELECTED CHAPTERS FROM
MILAREPA'S COLLECTED SONGS IN THE LIBRARY
OF Ts. DAMDINSUREN'S MEMORIAL HOUSE**

Summary: The Tibetan original of Milarepa's *Collected Songs* was translated into Mongolian in the first quarter of the 17th cent. by the eminent translator Siregetü Güši Čorji. In the second half of the 18th cent. this text was blockprinted in Beijing. By the time of publishing five chapters of the old text were missing and were newly translated into Mongolian. The article deals with the unique manuscript of selected chapters from Milarepa's *Collected Songs* housed in the library of Ts. Damdinsuren's Memorial House (Ulaanbaatar), which seem to partially preserve the old translation of the chapters that were considered to be missing in the 18th century.

Key words: Mongolian literature, translation, Milarepa, *Gurbum*, Siregetü Güši Čorji.

А.Д. Цендина

**АКАДЕМИК ЦЭНДИЙН ДАМДИНСУРЭН
И КОЛЛЕКЦИЯ ЕГО КНИГ**

В статье описываются история формирования и особенности коллекции старых книг монгольского ученого, академика Цэндийн Дамдинсурэна (1908–1986), которая в настоящее время находится в его музее-квартире в г. Улан-Баторе. В число тибетских и монгольских рукописей и ксилографов этой коллекции входят такие монументальные собрания, как тибетский Ганджур, ксилографированный в столице Монголии Их-Хурэ, собрания сочинений монгольских литераторов, писавших по-тибетски, произведения монгольской художественной литературы, справочная и обрядовая литература.

Ключевые слова: монгольские и тибетские рукописи и ксилографы, буддийская литература, монгольская и тибетская литература.

Главным в жизни моего отца, Ц. Дамдинсурэна, были книги. Жена, дети, друзья, ученики, литература, исследовательская и организаторская работа, просветительство (это из любимого), заседания, сочинение передовиц и пр. (это из обязанностей) занимали все его время. Но, мне кажется, без этого он смог бы существовать, а без старых монгольских и тибетских книг, которые собирал всю жизнь, — нет.

Сформировалась эта страсть, наверное, в детстве. Родился и вырос папа в образованной семье. О своем деде Эрэгдзэндоном он вспоминал, что один его сундук почти доверху заполняли монгольские книги и переводы китайских романов. Старший брат Эрэгдзэндоноя — Балдан-аджа был монахом, известным и уважаемым в округе книжником. Из воспоминаний отца: «Балдан-аджа служил в монастыре Алтан-Очирта. Состарившись, ушел из монастыря и стал жить с нами. В молодости он хотел пойти учиться в Их-Хурэ, но его не пустил отец. Балдан-аджа хорошо знал тибетские книги, рассказывал разные легенды — о жизни Падмасамбхавы, Атиши, Цзонхавы и других тибетских проповедников буддизма. Это очень повлияло на мое воспитание»¹.

¹ Дамдинсурэн Ц. Намтрын хуудсаас. Улаанбаатар, 1990. С. 34.

Старшего сына, Шарава, Эрэгдзэндоной отдал в монахи в монастырь Бандид-гэгэна во Внутренней Монголии, где тот провел несколько лет. Шарав хорошо знал тибетскую и монгольскую письменность. Читая тибетскую книгу, мог сразу переводить ее на литературный монгольский язык. Другого сына — Цэнда (папиного отца) отдал в обучение чиновнику, где тот овладел монгольской письменностью. Цэнд служил. За хорошую службу был пожалован синим шариком джинс ранга дзалан² и стал пожалованным дзаланом (не настоящим, а наградным). В 1920-е годы Цэнд стал одним из четырех управителей хошуном и настоящим дзаланом, а затем — мэйрэном³ с синим прозрачным джинсом. Отец вспоминал: «Цэнд научил меня монгольской грамоте, читать и писать. В доме Цэнда был сундук со старыми сутрами. Я их все прочитал. Перечислю некоторые из книг, бывших в отцовом сундуке: „Сутра о мудрости и глупости“, „Поучения Ноён-хутухты“, „Бумажная птица“, „Толкование Капли, питающей людей“ (в переводе Ринчина Номтоева), „Поучения Тоба-гэгэна“, „Повесть о царе Ушандаре“, „Сутра ста тысяч белых драконов“, или „Лунбум гарбо“ („kLung 'bum dkar po“), „Польза Ваджраччхедики“, „История Чойджид-дагини“, „Поучение под названием Сила одной буквы“, „Собрание благопожеланий“, „Сутра о почитании огня“, „Надписи на камне“ (кажется, перевод с китайского), перевод с маньчжурского трактата „О сохранении различных порядков“, „Сказка о собаке, кошке и мышке“, три тома исторического сочинения „Хрустальное зеркало“ („Bolor toli“), „Жизнеописание Гиргир-хана“, законы маньчжурских императоров, касающиеся Монголии, списки монгольских аймаков и хошунов, карта уртонов⁴, положение об уртонах и т.д.

Мой отец Цэнд всегда держал у себя дома пять-десять мальчиков, которых учил монгольской грамоте. Это была своего рода домашняя школа. Одежду дети привозили с собой, а кормила их наша семья. За обучение никакой платы не брали. Дети жили у нас не весь год, а лишь один месяц. Отец несколько раз в году отправлялся на службу в администрацию, куда обязательно брал с собой одного-двух мальчиков. Их называли учениками писаря, и они переписывали официальные бумаги. Отец не учил детей специально. Он давал задание переписать какую-нибудь бумагу, а назавтра исправлял написанное и объяснял ошибки. В остальное время дети пасли ягнят, телят и овец, делали другую до-

² Ранга дзалан — низший ранг и титул чиновника в Монголии в период империи Цин. Каждый титул чиновника обозначался определенным шариком на шапке (джинс).

³ Мэйрэн — чиновник третьего ранга.

⁴ Уртоны — станции, расположенные на дорогах.

машинную работу. Таким образом, мой отец научил монгольской грамоте многих в Матад-сомоне»⁵.

Кроме монгольской грамоты папа выучил дома и тибетский язык, хотя и не был монахом.

«Мой брат старше меня на один год. Нам было пять и шесть лет, когда в нашей семье начали говорить, что одного отдадут в ламы, а другого оставят дома. Но кого сделать монахом, а кого оставить светским человеком — еще не решили.

Однажды осенью у нас устроили молебен джаса. Осенний джаса — это молебен, который проводят в честь своих бурханов-покровителей один раз в году. В это время собирается много народу, люди угощаются и пируют. К нам пришли четыре-пять лам, они читали молитвы нашим бурханам. Ламы читали молитвы с утра до полудня, а днем делали перерыв на обед. У нас в юрте с уни⁶ свешивался барабанчик с двумя палочками. Мы с братом взяли по палке. Брат стал стучать по барабану. А я направил палку на старшего ламу, будто собираясь выстрелить, потому что до этого видел, как стреляли по целям из кремнёвого ружья. „Посмотрите на этого маленького грешника“ — с такими словами меня сразу выгнали из юрты. Так и решили — брата отдать в монахи, а меня оставить дома.

Когда брату исполнилось шесть-семь лет, Балдан-аджа начал его учить тибетскому языку. Сначала рассказал ему о 30 тибетских буквах и о том, как читаются слоги, составленные из них. Потом заставил учить наизусть молитвенные стихи. Собственно языку как таковому он и не учил. Сидя рядом, я выучил сначала тибетские буквы и как они читаются, затем — различные молитвенные стихи. Но Балдан-аджа выгонял меня из юрты, говоря, что мне тибетские книги учить не нужно. Тогда я стал учить, слушая снаружи юрты. Когда я вырос, то понял, что все, что я выучил в детстве, было неправильным. Я ведь учил, не смотря в книги, а на слух, поэтому запомнил многое в искаженном виде — так, как расслышал. Например, первые строки „Джамбалцанджид“ („Манджушри-нама-сангити“) произносятся как „дулга дулба намджийн чоґ“, а я запомнил их как „дулба дулга намджийн чоґ“. Вместо слов „высший из покорителей тех, кого покорить трудно“ получилось „высший из тех, кого трудно покорить, покоряя трудных“. Так я выучил с ошибками „Джамбалцанджид“, „Пять благопожеланий“, „Жертвоприношение учителю“, „Восхваление Зеленой Дара-эхэ“, „Восхваление белой Дара-эхэ“ и пр. Балдан-аджа говорил

⁵ Дамдинсүрэн Ц. Намтрын хуудсаас. С. 24–26.

⁶ Уни — деревянные шесты, на которых натянут войлок и укреплен «крыша» юрты.

про меня: “Этот мальчик легко выучился бы тибетской грамоте. Только ему-то она не нужна”.

Потом Балдан-аджа стал иногда объяснять смысл тибетских книг брату. Так я узнал и запомнил значение многих тибетских слов. Научился довольно хорошо писать по-тибетски»⁷.

Конечно, именно детство повлияло на интерес отца к книге. Однако далеко не все из его семьи стали «сухими пьяницами», как называла папу мама за готовность отдавать последние деньги за книгу, проводить за ней дни и ночи, посвящать поискам книг все свое время и прикладывать массу усилий. Папа был в этом отношении особенным человеком — убежденным, страстным, неутомимым, и таким мы его знали всю жизнь.

Еще юношей Ц. Дамдинсурэн начал собирать книги. Уже в преклонных годах он вспоминал, как весной 1925 г., будучи на военной службе, увидел в степи разлетевшиеся страницы какой-то книги. Он собрал их. Это был монгольский перевод комментария к дидактическому трактату «Субхашита» тибетского поэта и философа Сакья-пандиты (XIII в.). Так появилась первая книга в коллекции Ц. Дамдинсурэна. Однако в 1938 г. в связи с его арестом это собрание было утрачено. В сделанной при аресте описи вещей был указан сундук со старыми монгольскими книгами, так никогда позже не обнаруженными и не возвращенными.

Безусловно, на папино собирательство повлияла многолетняя борьба власти с национальной культурой монголов, начавшаяся еще в 1930–1940-е годы и продолжавшаяся вплоть до 1990-х. Большая часть наследия монголов, и письменного в первую очередь, была объявлена религиозной, феодальной, реакционной, подлежащей уничтожению. И оно успешно уничтожалось. Уже в 1982 г. мы с отцом и его учеником Р. Отгонбаатаром отправились в Хэнтийский аймак за книгами, которые отец не смог увезти в предыдущем году, так как они не поместились в машину. По приезду выяснилось, что по поручению местного начальства все они были сожжены. Мой отец не был тихим человеком, но таким рассерженным я его не видела никогда, ни до ни после этого. Именно такое отношение властей и подвигло отца на труд по собиранию и сохранению монгольских книг — рукописей и ксилографов.

Пополнялась коллекция разными путями. Во-первых, в результате дарения. Так, в его библиотеке хранятся старые книги, подаренные монгольскими стариками-книжниками, коллегами, учениками, друзьями. Есть даже книги, отданные ему Б.И. Панкратовым, Б.Л. Рифтиным, Д. Цагаан, Х. Гааданом, Л. Хурэлбаатаром и другими. Люди, боявшиеся обвинения в национализме за хранение старых книг, доверяли Ц. Дам-

⁷ Дамдинсүрэн Ц. Намтрын хуудсаас. С. 32–33.

динсурэну как человеку, известному своей деятельностью по сохранению монгольской культуры, и отдавали ему свои книги. Например, так он получил в дар тибетский Ганджур, изданный в Их-Хурэ. История его такова. Главным донатором этого издания была Цаган-Дара-эхэ, жена Богдо-гэгэна. Монастырь в знак признательности подарил ей первый отпечаток этого ксилографического издания. Она преподнесла его своему родному хошуну в Хэнтийском аймаке. Там для него был построен небольшой храм. В 1930-е годы, когда по всей Монголии уничтожали монастыри, один местный человек спрятал тома Ганджура. Умирая, он завещал жене и детям передать их Ц. Дамдинсурэну, что те и сделали в конце 1970-х годов.

Во-вторых, многие книги в коллекции появились в результате обмена или покупки. Почти во все рукописи и ксилографы из его коллекции вложены листки с такими надписями: «Получил у возчика Даш-жамбы за сутру о четырех догшидах. 1967.8.5. Ц. Дамдинсурэн»⁸; «Выменял у Даваагийн Чойдага из Халхин-гола на „Паян Дорджджодвы“. 1982.5.14. Дамдинсурэн»⁹; «Рукописный „Сонсгод“ выменял у Даш-дэндэва на бурятский ксилограф „Таравчимбо“. 1980.10.10. Дамдинсурэн»¹⁰. «Эти десять с лишним книг, неполных и обрывочных, купил у Чулуунгомбо. 1977.1.14. Дамдинсурэн»¹¹; «Монгольские рукописи. Купил за 100 тугриков у фотографа с Железной дороги Сандагдоржа. 1978.11.24. Дамдинсурэн»¹². У папы были и специальные «агенты», помогавшие ему в розыске книг. Таким, мне кажется, был упомянутый Сандагдорж с Железной дороги.

В-третьих, на протяжении долгих лет почти каждое лето Ц. Дамдинсурэн отправлялся в экспедиции от Академии наук для сбора книг. Этому предшествовала долгая и трудная работа — он встречался с приезжавшими в Улан-Батор образованными стариками, узнавал у них, где, по слухам, сохранились старые книги, расспрашивал о том, что это за книги, и т.д. И только после этого отправлялся в путь. Многие книги он разыскивал всю свою жизнь, многие так и не нашел. Я помню такую картину. Папа приехал с книгами. С ним ездил кто-то из моих братьев. Когда грузовик на пути в Государственную библиотеку¹³ остановился около нашего дома, мой брат свободно перелез, или даже перешагнул, из грузовика на наш балкон на втором этаже — так много книг было на нем нагружено. В другой раз мой брат, тогда еще подросток, после та-

⁸ *Билгүүдэй Г. Ц. Дамдинсүрэнгийн гэр музейн монгол номын бүртгэл. I боть. Улаанбаатар, 1998. С. 42.*

⁹ Там же. С. 125.

¹⁰ Там же. С. 131.

¹¹ Там же. С. 112.

¹² Там же. С. 129.

¹³ Теперь Национальная библиотека Монголии.

кой поездки гордо рассказывал, что только он смог пролезть в пещеру, где были спрятаны книги и бурханы, и это его усилиями собрано то, что папа привез из поездки. В 1961 г. отца сопровождали в поездке два моих брата. Им указали место, где были зарыты книги и бурханы. Мой брат позднее рассказывал: «Встал вопрос, кто будет копать. Наших сил, как считал папа, было мало. Тогда он придумал такой ход. Купил барана и велел его готовить на костре. „Зачем нам целый баран?“ — недоумевали мы. Но тут с разных сторон из степи на огонь потянулись люди. Один прискакал, второй... Им всем было интересно, что мы делаем. А мы напряженно копали. Люди расселись по краям раскопа и стали смотреть на нас. Потом потихоньку начали помогать — то один, то двое. Когда потянуло запахом мяса, копать стали интенсивнее... Так мы раскопали эти книги и бурханы»¹⁴.

Отец собирал книги не как настоящий коллекционер, стремящийся лишь обладать предметами своего вождения. Главной его целью было их сохранение и изучение. Поэтому папина коллекция была довольно «живым организмом». Она пополнялась и убывала одновременно. На основе этой коллекции написано много научных трудов.

Первое, что следует назвать, это публикация памятников монгольской литературы самим Ц. Дамдинсурэном, и прежде всего мону-ментальное собрание, так называемые «Зуун билиг», или «Сто образцов». Значение этого труда, предпринятого Ц. Дамдинсурэном в 1959 г., не только для монголистики, но для монгольской культуры в целом вряд ли можно переоценить. Он открыл этим изданием не отдельные памятники, а целую литературу. На «Ста образцах» воспитывались поколения монгольской интеллигенции и исследователей Монголии. Петербургский ученый Е.А. Кузьменков вспоминал: «Дамдинсурэн нечасто появлялся у нас на факультете, но был с нами всегда, во все годы учебы, потому что у нас был его „Зуун билиг“. Эта антология, полное название которой в переводе звучит как „Сто лучших образцов монгольской художественной литературы“, не только оказалась незаменимой для студентов-монголистов (число курсовых и дипломных работ по „Зуун билиг“-у не поддается учету), но и стала крупным событием в культурной жизни монголов. После выхода в свет в Улан-Батаре в 1959 году она выдержала два (а может быть, уже и три!) издания в Хух-Хото в 1979 и 1982 гг. „Зуун билиг“ достоин отдельного и пространный панегирика. Вспомним здесь только о „Завещании“ Н.Н. Поппе (так я называю список неотложных задач монголистики, который этот легендарный ученый составил на склоне лет). В нем говорится о том, что „Зуун билиг“ заслуживает переиздания с переводами и комментария-

¹⁴ Цэндийн Дамдинсурэн. К 100-летию со дня рождения. М., 2008. С. 559.

ми. Полностью с этим согласен»¹⁵. Продолжением «Ста образцов» стали публикации в серии «Corpus Scriptorum Mongolorum», а именно тибетских и монгольских версий «Волшебного мертвеца», комментариев к «Капле, питающей людей», письменных версий «Гэсэриады» и пр.

Коллекция книг Ц. Дамдинсурэна послужила основой для научных работ многих монголистов. Не говоря о том, что отец с радостью предоставлял свои книги другим исследователям, он просто отдавал рукописи и ксилографы для изучения и публикаторской работы. Например, великолепная коллекция сочинений монгольских авторов, писавших на тибетском языке, в частности поэта Равджи, им была передана монгольскому тибетологу Ч. Алтангэрэлу, который работал над тибетоязычными произведениями монголов¹⁶. Впоследствии эта коллекция была утрачена. Монгольские рукописи поэзии Равджи он отдал своей ученице Д. Цагаан, опубликовавшей на их основе книгу сочинений Равджи. Это издание до сих пор остается главным источником для исследователей творчества Равджи¹⁷. Своему ученику Д. Ёндону он вручил два редких «ламрима с примерами» (*dpe lam gim*) — тибетского ученого ламы Джура-ёндзина и монгольского книжника Эрэн-хамбо Лувсанцэрэна (конец XIX в.). Д. Ёндон написал большую монографию об этих произведениях¹⁸, а ламрим Джура-ёндзина Ц. Дамдинсурэн переслал известному издателю тибетских сочинений в Индии, монгольскому ламе Гурдэваа, и тот ксилографировал его в 1970-х годах. Другой ученик — Л. Хурэлбаатар, работая над дидактической литературой, получил от отца большое число тибетских сургалов¹⁹. Р. Отгонбаатару Ц. Дамдинсурэн передал редкое собрание тибетоязычных произведений известного монгольского еролчи²⁰ Гэлэгбалсана, написанное самим автором. Этот перечень можно было бы продолжить.

Надо подчеркнуть, что большинство приобретенных рукописей и ксилографов Ц. Дамдинсурэн передал в Государственную библиотеку Монголии и в библиотеку Института языка и литературы АН Монголии. Не побоюсь сказать, что значительная часть этих коллекций собрана усилиями моего отца. Кроме того, уже после смерти отца, в 1986 г.,

¹⁵ Там же. С. 543–544.

¹⁶ *Алтангэрэл Ч.* Монгол зохиолчдын төвдөөр бичсэн бүтээл. I дэвтэр. Улаанбаатар, 1967; II дэвтэр. (Д. Равжаа). 1968.

¹⁷ *Равжаа Д.* Зохиолын эмхэтгэл. Эрхэлсэн академич Ц. Дамдинсурэн, эмхэтгэж хэвлэлд бэлтгэсэн Д. Цагаан. Улаанбаатар, 1962; 2-е изд.: *Равжаа Д.* Яруу найргийн цоморлиг. Эмхэтгэж хэвлэлд бэлтгэсэн Д. Цагаан / Ред. доктор Д. Ёндон. Улаанбаатар, 1992.

¹⁸ *Ёндон Д.* Төвд монголын уран зохиолын харилцааны асуудалд. Улаанбаатар, 1980.

¹⁹ Сургалы — поучения.

²⁰ Еролчи — сочинитель благопожеланий.

когда создавался музей-квартира Ц. Дамдинсурэна, две трети книг были переданы в Институт языка и литературы, так как в квартире они занимали очень много места. И все же в 1990 г., когда в Улан-Баторе был наконец создан этот музей, кроме мемориальной части в него вошла и большая коллекция старых книг. Она насчитывает около 4 тыс. тибетских и монгольских рукописей и ксилографов.

Что касается тибетской части коллекции Ц. Дамдинсурэна, то, пожалуй, наиболее значительную группу памятников составляют произведения художественной словесности, распространенные в Монголии на тибетском языке и в монгольских переводах, относящиеся к основной области его научных интересов: «Субхашита» Сакья-пандиты («Legs par bshad pa»), «Капля, питающая людей» («sKye bo gso ba'i thig pa»), приписываемая Нагарджуне, и комментарии к ним, «Книга примеров» («dPe chos rin chen spungs pa») и «Голубая книга» Потобы («Be'u bum sngon po») с комментариями, «Сутра о мудрости и глупости» («mDzangs blun»), сборники джатак и пр.

Другую группу составляют монументальные собрания, среди которых упомянутый тибетский Ганджур, сумбумы²¹ известных литераторов Тибета и Монголии (иногда неполные) — Сумбо-хамбо Ешибалджора, Чахар-гэвши Лувсанчултима, первого Гунчен-ламы, Цзонхавы, Аджа-ёндзина, Агванбалдана, Ёндзин-Ешиджалцана. К этим собраниям примыкают жизнеописания: Будды, Атиши, Цзонхавы, Миларэпы, Ра-лоцавы, Джанджа-хутухты Ролбидорджа, Агван-Чойдогджамца, Дарба-пандиты, Цултим-Дамбиняма и др.

В библиотеке Ц. Дамдинсурэна хранится много книг, связанных с «Гэсэриадой», над которой он работал начиная с 1940-х годов, — это воскурения-саны Гэсэру, отдельные рукописные главы. В последние годы он исследовал проблему возникновения мифа о Шамбале, в связи с чем тоже собирал книги по этой теме — «Благопожелание о рождении в Шамбале», сочинения, связанные с «Калачакрой», произведения панчен-ламы Лубсан-Чойджиджалцана (1570–1662).

Часть подобных книг составляет справочная литература. Это гарчаки²²: нартанского Ганджура, сумбумов Аджа-ёндзина, Седьмого далай-ламы, Бэнса-ламы Лувсандондова, Гэдундуба, Первого джамьян-шадпы, Ханчен-багши, Панен-ламы Лубсан-Чойджиджалцана, Джанджа Ролбидорджи; дуймины²³: «Нацог-дуймин», «Субашидын дуймин»; словари, словари иносказаний, орфографии; вспомогательная историческая литература, например хронологическая таблица истории буддизма в

²¹ Сумбум — собрание сочинений на тибетском языке ученого монаха.

²² Гарчак — список названий сочинений.

²³ Дуймин — словарь редких слов и трудных выражений какого-либо сочинения.

Монголии, Тибете и Китае; джалрабы, тунрабы, данрабы²⁴. Другую часть составляет обрядовая литература: саны (Белому старцу, Халхын-цаган-ула и пр.), монламы, магталы²⁵.

Ц. Дамдинсурэн был прежде всего исследователем монгольской литературы, и тибетские книги ему нужны были преимущественно для анализа изучения их «жизни» в Монголии — как, когда и кем они были переведены на монгольский язык, каково было соотношение тибетских и монгольских версий различных сочинений, каковы особенности монгольских вариантов, сколько их и как они произошли. Так, он впервые установил близость монгольского «Лин Гэсэра» с тибетской рукописью, приобретенной в Амдо Г.Н. Потаниным. Другой пример. При издании комментария к «Капле, питающей людей» Ц. Дамдинсурэн выявил четыре монгольских версии: 1) «Erdeni-yin čimeg» — возможно, перевод Сэцэн-шавруна (начало XVII в.); 2) «Čindamani-yin čimeg», перевод Чахар-гэвши (1740–1810); 3) «Erdeni-yin sayin qumqa», перевод Ринчина Номтоева (1821–1907); 4) «Törü yosun-u sastir-un tayilburi», перевод Агван-Дампила (1700–1780); и две анонимные тибетские версии: 1) «Nor bu'i rgyan»; 2) «Chos kyi snyan ngag», «gSal pa'i sgron me». Все они были опубликованы им в серии «Corpus Scriptorum Mongolorum»²⁶. Для анализа тибетских версий он исследовал 11 рукописных списков и ксилографических изданий сочинения, причем оригинала первой монгольской версии среди имеющихся тибетских источников установлено так и не было. Все эти книги хранятся в музей-квартире.

Сами книги часто располагаются в коллекции смешанно: тибетские «Книга отца» («Pha chos») и «Книга сына» («Bu chos») и их переводы, принадлежащие ойратскому Зая-пандите и Гуши-цорджи; «Великое освобождение» («Thar pa chen po») и переводы этого буддийского сочинения Гунга-Одсэра и Алтангэрэл-убаши; «Восьмитысячестрочное изложение Праджняпарамиты», или «Джадамба» («brGyad stong pa»), и его переводы Арьядива, Самдансэнгэ, Алтангэрэл-убаши; «Панчара-кша» и ее переводы Шаравсэнгэ и Аюуши-гуши. В монгольских пере-

²⁴ Джалрабы (джатаки), тунрабы (жизнеописания предыдущих рождений того или иного церковного иерарха), данрабы (списки глав монастырей) — жанры буддийской литературы.

²⁵ Саны (молитвы при воскурении), монламы (благопожелания), магталы (восхваления) — жанры буддийской литературы.

²⁶ *Daminsüring Če. Erdeni-yin čimeg kemekü sudur orusibai // Uran jokiyal-un degeji jayun bilig orusibai. Ulaanbaatar, 1959. P. 363–389; Arad-i tejigeküi dusul neretü sastir-un tayilburi čindamani-yin čimeg // CSM. T. XV. Fasc. 2. Ulaanbaatar, 1961; Rasiyan-u dusul-un mongyol töbed tayilburi. Mongolian and Tibetan Stories from Panchatantra // CSM. T. VII. 1–2. Ulaanbaatar, 1964; Дамдинсурэн Ц., Цендина А.Д. Тибетский сборник рассказов из «Панчатантры» // CSM. T. XX. Fasc. 3. Улан-Батор, 1983.*

водах «Истории религии в Китае» («rGya nag chos 'byung») Таранатхи (1575–1634), принадлежащих двум переводчикам — Джирудзане и Олгонуд Мэргэн-нансо, сделаны многочисленные пометки, показывающие, что он сличал оригинал с монгольским переводом.

Среди тибетских книг коллекции большую часть составляют тибетоязычные труды монгольских ученых лам. Что касается рукописных книг, то большинство из них — монгольские списки; среди ксилографов наряду с халхаскими, бурятскими и пекинскими встречаются и тибетские, в частности из Амдо.

Конечно, как человек монгольской буддийской культуры, Ц. Дамдинсурэн хранил дома и наиболее важные и популярные буддийские сочинения, такие как «Джадамба», «Сутра золотого блеска», или «Сэрод» («gSer 'od»). Особенно много в его коллекции списков и изданий сутры «Сэрод» и ее монгольских переводов.

О монгольской части коллекции дает представление Каталог, изданный в 1998 г. к 90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна²⁷. Каталог насчитывает 1263 названия. Книги систематизированы по следующим тематическим разделам: 1) народная словесность; 2) художественная литература; 3) буддийская литература; 4) история; 5) право; 6) народные обряды; 7) языкознание; 8) медицина; 9) астрология; 10) разное.

Разделы «художественная литература» и «буддийская литература» являются самыми значительными и имеют несколько подразделов. Например, раздел «художественная литература» состоит из следующих подразделов: 1) поэзия; 2) пьесы; 3) сказки; 4) повести; 5) дидактика; 6) переводы китайских сочинений; 7) переводы с русского языка; 8) сборники.

При описании рукописей и ксилографов были использованы следующие позиции: 1) номер по каталогу; 2) шифр, в скобках инвентарный номер; 3) название книги, если оно отсутствует — первая строка; 4) колофон; 5) автор или составитель; 6) переводчик; 7) заказчик; 8) писарь; 9) резчик; 10) переписчик; 11) место ксилографирования или переписки; 12) различные печати и надписи; 13) место приобретения; 14) технические характеристики. В числе последних указаны: 1) рукопись или ксилограф; 2) форма книги; 3) количество листов; 4) размер бумаги; 5) размер внутренней рамки; 6) количество строк на странице; 7) качество бумаги; 8) орудие письма, цвет чернил, туши; 9) комментарий; 10) другие варианты; 11) наличие в других каталогах.

Во время составления данного Каталога встретилось немало трудностей, типичных для систематического описания любых коллекций старых монгольских книг. Это относится, в частности, к проблемам в раз-

²⁷ Билгүүдэй Г. Ц. Дамдинсүрэнгийн гэр музейн монгол номын бүртгэл. I боть.

граничении художественной и буддийской литературы, в определении раздела, в который должна входить тетрадь, объединяющая два или более совершенно различных произведения, и т.д. Однако кроме названных затруднений были и другие — обусловленные конкретными особенностями данной коллекции. Ц. Дамдинсурэн работал с этими книгами, а это значит, что некоторые из них, как упоминалось выше, были сложены с тибетскими рукописями или ксилографами, даже соединены постранично. Многие из недостающих страниц дописаны им по другим спискам.

Кроме того, большинство книг снабжено пометками, закладками, описаниями, замечаниями и т.д. Ц. Дамдинсурэна. Они учтены в Каталоге. Замечания и пояснения Ц. Дамдинсурэна включены в раздел «комментарий», где они отмечены кавычками. Его указания, где приобретена данная рукопись или ксилограф, вошли в графу «место приобретения». Комментарии содержат суждения ученого о рукописи или ксилографе, качестве, происхождении, соотношении с другими версиями и сочинениями, составе. Иногда они носят характер небольших научных заметок. Вот лишь один пример. В ксилографе «*Qutuγtu manjusiriyin per-e-yi üneger ögülegçi*» («Манджушри-нама-сангити»), входящем в Каталог под № 500, вставлена записка, которая содержит следующие слова: «Этот Сундуй, по-видимому, пекинского издания. Сундуй, изданный ламой из Дзандан-дзу Агванчойджамцем, меньше этого. В пекинском Сундуйе колофон Сутры о плеядах практически не изменен. Оставлено без изменения правильное замечание, что она переведена с монгольского языка на тибетский. А в издании, отредактированном ламой из Дзандан-дзу, это замечание переписано и неверно отмечено, что она переведена с тибетского на монгольский. Странно, что Хайссиг в своей книге о пекинских ксилографах не указал большой монгольский Сундуй, изданный в Пекине. Хайссиг 149. В каталоге старых монгольских книг, опубликованном в 1979 г. во Внутренней Монголии, сказано, что в маньчжурскую эпоху монгольский Сундуй был ксилографирован несколько раз»²⁸.

Ц. Дамдинсурэн очень боялся, что коллекция его старых рукописей и ксилографов будет разорена. Он даже говорил, что после смерти станет нечистой силой и будет охранять свои книги. За годы, прошедшие со дня его смерти, коллекция не была ни разделена, ни распределена, ни уничтожена каким-либо иным способом. В этом заслуга монгольских ученых и монгольского государства. Наша забота — его учеников и близких, — чтобы коллекция оставалась «живой», была востребована и продолжала служить науке.

²⁸ *Билгүүдэй Г. Ц. Дамдинсүрэнгийн гэр музейн монгол номын бүртгэл. I боть. С. 133.*

Использованная литература

- Дамдинсүрэн Ц., Цендина А.Д.* Тибетский сборник рассказов из «Панчатантры» // CSM. Т. XX. Fasc. 3. Улан-Батор, 1983.
- Damdinsuren Ts., Tsendina A.D.* Tibetskiy sbornik rasskazov iz «Pan-chatantryi» // CSM. Т. XX. Fasc. 3. Ulan-Bator, 1983.
- Цэндийн Дамдинсүрэн. К 100-летию со дня рождения. М., 2008.
- Tsendiyn Damdinsuren. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. M., 2008.
- Алтангэрэл Ч.* Монгол зохиолчдын төвдөөр бичсэн бүтээл. I дэвтэр, Улаанбаатар, 1967; II дэвтэр (Д. Равжаа), 1968.
- Altangerel Ch.* Mongol zohiolchdyin tovdoor bichsen buteel. I devter, Ulaanbaatar, 1967; II devter (D. Ravzhaa), 1968.
- Билгүүдэй Г. Ц.* Дамдинсүрэнгийн гэр музейн монгол номын бүртгэл. I боть. Улаанбаатар, 1998
- Bilguudey G. Ts.* Damdinsurengiyn ger muzeyn mongol nomyin burtgel. I bot. Ulaanbaatar, 1998.
- Дамдинсүрэн Ц.* Намтрын хуудсаас. Улаанбаатар, 1990.
- Damdinsuren Ts.* Namtryin huudsaas. Ulaanbaatar, 1990.
- Ёндон Д.* Төвд монголын уран зохиолын харилцааны асуудалд. Улаанбаатар, 1980.
- Yondon D.* Tovd mongolyin uran zohiolyin hariltsaanyi asuudald. Ulaanbaatar, 1980.
- Равжаа Д.* Зохиолын эмхэтгэл. Эрхэлсэн академич Ц. Дамдинсүрэн, эмхэтгэж хэвлэлд бэлтгэсэн Д. Цагаан. Улаанбаатар, 1962; 2-е изд.: *Равжаа Д.* Яруу найргийн цоморлиг. Эмхэтгэж хэвлэлд бэлтгэсэн Д. Цагаан / Ред. доктор Д. Ёндон. Улаанбаатар, 1992.
- Ravzhaa D.* Zohiolyin emhetgel. Erhelsen akademich Ts. Damdinsuren, emhetgezh hevleld beltgesen D. Tsagaan. Ulaanbaatar, 1962; *Ravzhaa D.* Yaruu nayrgiyn tsomorlig. Emhetgezh hevleld beltgesen D. Tsagaan / Yondon D. Ulaanbaatar, 1992.
- Arad-i tejigeküi dusul neretü sastir-un tayilburi čindamani-yin čimeg // CSM. Т. XV. Fasc. 2. Ulaanbaatar, 1961.
- Daminsürüng Če.* Erdeni-yin čimeg kemekü sudur orusibai // Uran jokiyaal-un degeji jaγun bilig orusibai. Ulaanbaatar, 1959. P. 363–389.
- Rasiyan-u dusul-un mongyol töbed tayilburi. Mongolian and Tibetan Stories from Panchatantra // CSM. Т. VII. 1–2. Ulaanbaatar, 1964.

A.D. Tsendina

ACADEMICIAN TSENDIN DAMDINSUREN AND THE COLLECTION OF HIS BOOKS

Summary: In the article, the history of the formation and features of the collection of old books that belonged to the Mongolian scientist, Academician Tsendin Damdinsuren (1908–1986) are described. This collection is currently placed in his apartment-museum in Ulanbator. The Tibetan and Mongolian manuscripts and block-prints of this collection include such monumental treatises as the *Ganjur* in Tibetan, printed in the Mongolian capital Ih Hure, the collected works of Mongolian writers written in Tibetan, Mongolian works of fiction, reference books, ritual books etc.

Key words: Mongolian and Tibetan manuscripts and block-prints, Buddhist literature, Mongolian and Tibetan literature.

В.В. Щепкин

**ПЕРВАЯ ЯПОНСКАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗЕМЛИ АЙНОВ (1785–1786)**

Статья посвящена первой японской правительственной экспедиции на о-в Хоккайдо, южные Курильские острова (Кунашир, Итуруп и Уруп) и юг Сахалина, которая состоялась в 1785–1786 гг. и была вызвана слухами о продвижении русских по Курильскому архипелагу и их контактах с представителями японского княжества Мацумаэ. В ней освещаются предпосылки отправки и ход экспедиции, а также анализируются ее научные и политические результаты.

Ключевые слова: экспедиции, Хоккайдо, Курильские острова, Сахалин, российско-японские отношения, айны, Мацумаэ.

Предисловие

В 1785–1786 гг. состоялась первая японская правительственная экспедиция на о-в Хоккайдо и прилегающие к нему о-ва Кунашир, Итуруп и Уруп, а также в южную часть Сахалина. В результате экспедиции слухи о нелегальной торговле японцев с русскими, а также о богатых залежах драгоценных металлов, ставшие одним из поводов к ее отправке, не подтвердились. В то же время чиновники японского правительства впервые встретились с русскими и из первых рук получили информацию о своем северном соседе. Кроме того, по результатам экспедиции впервые прозвучали мысли о возможности сельскохозяйственного освоения Хоккайдо и Сахалина, а также утвердилась идея о том, что земли айнов могут значительно помочь в улучшении финансового положения правительства Японии. И хотя на некоторое время от реализации этих планов отказались, продвижение России по Курильским островам и предложения об установлении торговых отношений вынудили центральное правительство Японии (*бакуфу*) взять «земли Эдзо»¹

¹ До второй половины XVIII в. словом «эдзо» в Японии называли все земли к северу от главного острова страны, а также населявших их людей. Однако поскольку по большому счету японцам был известен лишь один остров — современный Хоккайдо, то

под свое прямое управление и приступить к их освоению. В данной статье хотелось бы рассмотреть причины отправки экспедиции и проанализировать ее результаты, в том числе и в контексте отношений с Россией.

Княжество Мацумаэ и айны

Интерес японцев к землям к северу от главного острова страны — Хонсю — начал проявляться давно. По-видимому, первые японцы стали переселяться на «остров Эдзо» (совр. Хоккайдо) еще с конца XIV в. В течение первой половины XV в. вдоль его южного побережья было построено 12 небольших крепостей, ставших опорными пунктами японского проникновения на остров. В результате конфликтов с местным населением в 1457 г. произошло вооруженное столкновение, известное в японских источниках как «восстание Косямаина» по имени предводителя айнов. Одержав победу над местным населением смог полководец Такэда Нобухиро (1431–1494), благодаря чему вырос его авторитет среди японского населения юга острова, а один из местных военачальников, Какидзаки Суэсигэ, передал ему право главенства в своем доме. Постепенно дом Какидзаки смог сосредоточить в своих руках власть в южной части острова Эдзо, выступая как вассал дома Андо, сильнейшего на северо-востоке Хонсю. Когда на основной территории Японии подходил к концу процесс централизации власти, пятый глава дома Какидзаки Ёсихиро (1548–1616) присягнул на верность Тоётоми Хидэёси, тем самым уйдя из-под крыла Андо и установив прямые отношения с центральной властью. После смерти Хидэёси Какидзаки Ёсихиро в 1599 г. получил аудиенцию у Токугава Иэясу и попросил его о смене имени дома на Мацумаэ — по названию своей резиденции². Кроме этого, Ёсихиро получил от Иэясу разрешение на монопольную торговлю с айнами. В отличие от большинства других княжеств, Мацумаэ получали от сёгуна не землю, а именно право монопольной торговли. В качестве вассальной «дани» княжество Мацумаэ было призвано «усмирять» северных варваров, т.е. в случае чего взять на себя меры по улаживанию возможных конфликтов.

По свидетельствам европейских миссионеров, в начале XVII в. торговля японцев с айнами на Хоккайдо велась в форме приездов айнов из разных частей острова в княжество Мацумаэ. Сертификаты на право торговли, выданные первыми тремя сёгунами Токугава (последний —

именно его часто называли «островом Эдзо». К концу XVIII в. под землями Эдзо стали пониматься все земли, населенные айнами, т.е. кроме Хоккайдо в них были включены южные Курильские острова и южная часть Сахалина.

² Позднеев Д.М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т. 2. Ч. 1. Отношения к народам Маньчжурии и данные по истории Мацумаэского клана. Токио, 1909. С. 73–79.

в 1634 г.), также подтверждали право айнов на свободу передвижения. Однако голландец Маартен де Фрис, побывавший у берегов Хоккайдо в 1643 г., стал свидетелем уже другой формы торговли, при которой японские суда прибывали в земли айнов. Судя по всему, между 1634 и 1643 гг. утвердилась практика предоставления князем (яп. *даймё*) Мацумаэ своим вассалам в качестве платы за службу «торговых участков», где они могли вести обмен с местным населением, отдавая часть дохода княжеству (*акинаиба тигё: сэй* 商場知行制). Айны же теперь не могли свободно покидать территории своего проживания. Такое изменение схемы торговых отношений с айнами, возможно, было нацелено на недопущение их контактов с маньчжурами: об усилении последних и их войнах с Китаем японскому правительству было известно, при этом в то время еще господствовали представления о том, что «остров Эдзо» смыкается с землями к северо-востоку от Китая, которые и населяли маньчжуры³.

Описанная практика не распространилась на всю территорию Хоккайдо сразу — административные возможности княжества Мацумаэ были ограничены. Земли, включенные в эту систему, назывались «ближними землями эдзо» (*кутиэдзо* 口蝦夷), остальные — «дальними» (*окуэдзо* 奥蝦夷). В 1669 г., после подавления восстания под предводительством Сякусяина в «ближние земли» был окончательно включен юго-восток Хоккайдо (тихоокеанское побережье к западу от м. Эримо). Судя по всему, в первой половине XVIII в. граница «ближних» и «дальних» земель проходила примерно по линии Кусиро — Румои. К этому времени вассалы дома Мацумаэ стали передавать свои торговые участки на откуп купеческим домам. В погоне за прибылью купцы приступили к активному освоению новых рыболовных стоянок на севере Хоккайдо и прилежащих островах. При этом отношения с местным населением все меньше носили характер торговли: айнов теперь все чаще нанимали в качестве рабочей силы для ловли рыбы и других морепродуктов. В обмен на свой труд они получали от японцев рис, вино и предметы быта. Первый торговый участок на о-ве Кунашир был открыт японцами в 1754 г., однако местное население активно сопротивлялось японскому присутствию: в 1774 г. айны напали на судно купца Хидая Кюбээ и разграбили его, после чего отправка японских судов на Кунашир была приостановлена на восемь лет⁴.

³ Подробнее об этом см.: *Щепкин В.В.* Влияние возвышения маньчжуров на формирование внешней политики Японии в первой половине XVII в. // *Страны и народы Востока*. 2013. Вып. XXXIV: Центральная Азия и Дальний Восток. С. 73–83.

⁴ *Лим С.Ч.* Восстание айнов на острове Кунашир и в Менаси (на северо-востоке Эдзо) в 1789 году // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2012. № 1 (17). С. 87–92.

К этому времени относится установление регулярных торговых отношений между айнами северо-востока Хоккайдо и Курильских островов и русскими с Камчатки. Русские начали продвижение на юг по Курильским островам с 1711–1713 гг., когда Иван Козыревский впервые посетил северные острова Шумшу и Парамушир и привел их население в подданство России. Айны северных Курильских островов, пытаясь уйти от необходимости уплаты ясака, уходили на юг. Для их возвращения в 1766 г. из Большерецка были отправлены тойон Парамушира Никита Чикин и казачий сотник Иван Черный. В течение 1766–1769 гг. Черный, обосновавшись на о-ве Уруп, привел в подданство население островов вплоть до Итурупа и, по-видимому, завязал торговые отношения с айнами Итурупа и Кунашира⁵. Положение айнов Кунашира и Итурупа между русскими и японцами в качестве торговых посредников было весьма выгодно, чем и объясняется их нежелание переходить под чей-либо полный контроль.

В 1778–1779 гг. состоялась экспедиция к южным Курильским островам «вплоть до Аткиса» на средства купцов П.С. Лебедева-Ласточкина и Г.И. Шелихова под руководством Д.Я. Шабалина. Выяснить возможность установления торговых отношений с японцами предписывалось и в самой инструкции к экспедиции⁶. Однако, согласно японским источникам, в том, что русские отправились в Аккэси для непосредственной встречи с японцами, большую роль сыграл вождь айнов Кунашира по имени Цукиноэ. Вероятно, он хотел продемонстрировать японцам свои связи с русскими, тем самым указав, что у айнов Кунашира есть не менее серьезный торговый партнер, чем княжество Мацумаэ⁷. В этом смысле вполне логичным выглядит принятое по итогам переговоров между японцами и русскими решение вести торговые отношения на Кунашире.

Экспедиция Д.Я. Шабалина примечательна в контексте данной статьи еще и тем, что слухи о ней постепенно распространились среди вассалов княжества Мацумаэ, а вскоре достигли и Эдо. Однако центральное правительство Японии узнало о приезде русских не из отчетов княжества Мацумаэ: власти княжества не стали сообщать об этом, видимо, опасаясь потерять свои привилегии, принимая во внимание появление у северных границ практически неизвестного до тех пор государства. Тревогу забил врач княжества Сэндай по имени Кудо Хэйсукэ.

⁵ Полонский А.С. Курилы // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1871. Т. 4. С. 409–418.

⁶ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: сб. документов. М.: Наука, ГРВЛ, 1989 (Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в. Т. 2). С. 143–144.

⁷ Кунасири мэнаси но татакаи クナシリ メナシの戦い (Война на Кунашире и в Мэнаси). Нэмуру 根室: Нэмуриси кё:ику иинкай 根室市教育委員会, 1994. С. 11.

Кудо Хэйсуке и его сочинение «Изучение слухов о Камчатке»

Кудо Хэйсуке (1734–1801) родился в семье врача княжества Вакаяма. В возрасте 13 лет он был взят приемным сыном в семью врача княжества Сэндай, изучал медицину, конфуцианство, историю. В 22 года унаследовал главенство в доме, после чего переехал в Эдо, где продолжил свое обучение. Вскоре он стал известным врачом, а когда ему было 30, к нему стали поступать в ученики люди из самых дальних провинций. Круг его знакомств был очень широк: он находился в дружеских отношениях в том числе с известными «голландоведами»⁸ своего времени Маэно Рётаку, Ооцуки Гэнтаку, Накагава Дзюнъан и Кацурагава Хосю. От них он узнавал разные сведения о внешнем мире⁹.

Кроме врачебной практики Кудо Хэйсуке также занимался тем, что представлял интересы людей в суде, поэтому его дом зачастую посещали представители самых разных слоев общества. Именно в рамках одного судебного дела Кудо Хэйсуке сблизился с несколькими выходцами из княжества Мацумаэ. Одним из них был вассал Мацумаэ по имени Минато Гэндзаэмон, который в 1780 г. прибыл в Эдо в рамках разбирательства по делу его подчиненного Кауэмон из Намбу, покусившегося на интересы одного из крупнейших торговцев в землях Эдзо Хидая Кюбээ. Полученные от него сведения стали для Кудо Хэйсуке важнейшим источником информации о ситуации в землях айнов¹⁰.

По-видимому, именно полученные от Минато сведения побудили Кудо Хэйсуке приступить к написанию труда о России. Сегодня это сочинение известно под названием «Изучение слухов о красных эдзо» (*Акаэдзо фу:сэцуко*: 赤蝦夷風説考), однако недавно было установлено, что первоначальным названием являлось «Изучение слухов о Камчатке» (*Камусасука фу:сэцуко*: 加模西葛杜加国風説考)¹¹. Это сочинение имело хождение лишь в рукописи, его авторство было установлено только в 1916 г. До тех пор оно приписывалось Могаме Токунаи, Хонда

⁸ Голландоведами (яп. *рангакуся* 蘭学者) в Японии XVIII–XIX вв. называли специалистов по европейским знаниям, которые они получали от проживавших в Нагасаки голландцев.

⁹ *Окада Тосихиро* 岡田俊祐. Нихон тиригаку дзимбуцу дзитэн (кинсэйхэн) 日本地理学人物事典(近世編) (Словарь персоналий японской географии. Позднее средневековье). Токио 東京: Харасёбо 原書房, 2011. С. 105–106.

¹⁰ *Коно Цунэкичи* 河野常吉. Акаэдзо фу:сэцуко: но тёся Кудо Хэйсуке 赤蝦夷風説考の著者工藤平助 (Кудо Хэйсуке, автор «Акаэдзо фу:сэцуко») // Сигаку дзасси 史学雑誌 (Исторический журнал). 1916. Т. 26. № 5. С. 50–64.

¹¹ *Ивасаки Наоко*. Акаэдзо фу:сэцуко: но кэнкю: 赤蝦夷風説考の研究 (Исследование «Акаэдзо фу:сэцуко») // Хэйсэй 18–20 нэндо кагаку кэнкю:хи ходзёкин кэнкю: сэйка хо:ко-кусё 平成 18～20 年度科学研究費補助金研究成果報告書 (Отчет о результатах исследования по научно-исследовательскому гранту на 2006–2008 гг.). Киото 京都, 2009. С. 2–7.

Тосиаки, а также — под названием «Дополнение к Обзору трех стран» — Хаяси Сихэй.

В первом томе сочинения Кудо Хэйсукэ изложил сведения о Камчатке и России, полученные от людей из Мацумаэ, сопоставил их с информацией голландцев и переводчиков из Нагасаки и на основе этого предположил желание русских начать торговлю с Японией и предложил меры по ее налаживанию. Кудо Хэйсукэ заявил, что в дальних землях Эдзо между русскими и японцами ведется нелегальная торговля, и, поскольку запретить ее крайне сложно, бакуфу следует взять ее под свой контроль и извлечь для себя максимальную выгоду из этой торговли. Он предположил, что открытие торговых отношений с русскими вынудит голландцев и китайцев в Нагасаки снизить цены на товары, что уже само по себе принесет бакуфу прибыль. Кроме того, он предложил начать активную разработку рудников драгоценных металлов, расположенных в землях Эдзо, а средства на их освоение брать из прибыли от торговли с русскими. Второй том сочинения составили переведенные с голландского языка сведения о России, взятые из двух европейских книг, которыми были «География» Иоганна Гюбнера¹² и «Описание России» Яна Райца¹³.

Второй том «Изучения слухов о Камчатке» был окончен в 1781 г., общее для двух томов предисловие датировано 1783 г.; тогда же, вероятно, был окончен и первый том. А в 1784 г. Кудо Хэйсукэ изложил содержание своего сочинения Мацумото Хидэмоти (1730–1797), вассалу бакуфу, занимавшему на тот момент пост министра финансов (яп. *кандзё*: *бугё*: 勘定奉行). По свидетельству дочери Кудо Хэйсукэ, среди посетителей отца был некий вассал *родзю*¹⁴ Танума Окицугу (1719–

¹² Оригинальное издание на немецком языке: *Hübner Johann. Kurtze Fragen aus der neuen und alten Geographie biss auf gegenwärtige Zeit.* Lpz., 1693. Голландский перевод, которым пользовался Кудо Хэйсукэ: *Hübner Johann. Algemeene geographie, of Beschryving des geheelen aardryks.* Amsterdam: P. Meijer, 1769. Русский перевод: *Гюбнер И. Земноводного круга краткое описание / Из старья и новья географии по вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собраное и на немецком диалекте в Лейпцике напечатано, а ныне повелением великаго государя царя и великаго князя Петра Перваго всероссийскаго императора при наследственном благороднейшем государе царевице Петре Петровиче на российском напечатано в Москве. М., 1719.*

¹³ Оригинальное издание на голландском языке: *Reitz Jan Frederik. Oude en nieuwe staat van 't russische of moskovische keizerryk, behelzende eene uitvoerige historie van Rusland en deszelfs groot-vorsten; benevens de beschryvinge van dat uitgestrekte ryk, de zeden en Godsdienst der inwoneren: zyne opkomst en voortgang in koophandel, kunsten, landen zeemacht, oproeren, oorlogen en verdere wisselvalligheden, tot dezen tegenwoordigen tydt toe.* Utrecht: J. Broedelet, 1744.

¹⁴ *Родзю* 老中 — высший пост в японском правительстве периода Эдо (1603–1867); в обязанности *родзю* входило формирование политического курса страны. Танума Окицугу занимал этот пост в 1772–1786 гг.

1788). Однажды он сказал Хэйсукэ: «Мой хозяин не испытывает недостатка ни в богатстве, ни в жаловании, ни в чинах. Но он хочет сделать что-то такое, о чем потомки будут долго помнить и говорить, что это было сделано в правление Танума. Что бы ему такое сделать?» Хэйсукэ ответил: «Это очень похвальное желание. В таком случае ему стоит подумать над тем, как увеличить территорию страны». На вопрос о том, что он конкретно имеет в виду, Хэйсукэ разъяснил: «К Мацумаэ прилегает страна Эдзо, которая подчиняется и Японии. Если он придумает, как освоить эту страну и собирать с нее налог, люди будут его уважать и говорить, что именно Танума увеличил территорию Японии». В ответ на это вассал Танума попросил изложить его мысли по этому вопросу на бумаге¹⁵. Вероятно, в воспоминаниях дочери Хэйсукэ речь идет как раз о Мацумото Хидэмоти — именно он, проникшись идеями Хэйсукэ, составил на основе его сочинения предложение об отправке экспедиции в земли Эдзо и вместе с сочинением Хэйсукэ летом 1784 г. представил его бакуфу. Танума Окицугу с энтузиазмом отнесся к предложению вассала, и в конце 1784 г. было принято решение об отправке экспедиции в земли Эдзо.

Состав, задачи и ход экспедиции 1785–1786 гг.

Экспедиция 1785–1786 гг. до сих пор не становилась объектом исследования российских ученых, о ней лишь несколько раз коротко упоминалось в работах о раннем этапе истории российско-японских отношений¹⁶. На японском языке об экспедиции написано немало работ. Наиболее полно она рассмотрена в монографии Тэруи Сосукэ «История экспедиции в земли Эдзо в годы Тэммэй»¹⁷. Из последних работ стоит отметить соответствующие главы в монографиях Акидзуки Тосиюки и Ивасаки Наоко, а также статью С. Коллер¹⁸.

¹⁵ Тадано Макудзу 只野真葛. Мукасибанаси むかしばなし (Воспоминания). Токио 東京: Хэйбонся 平凡社, 1984 (Серия «Тоё бунко». Т. 433). С. 143–144.

¹⁶ См., например: *Файнберг Э.Я.* Российско-японские отношения в 1697–1875 гг. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 41–43; *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М.: ГРВЛ, 1988. С. 46; *Черевко К.Е.* Зарождение русско-японских отношений XVII–XIX. М.: Наука, 1999. С. 108.

¹⁷ Тэруи Сосукэ 照井壮助. Тэммэй эдзо танкэн симацуки 天明蝦夷探検始末記 (История экспедиции в земли Эдзо в годы Тэммэй). Токио 東京: Яэдакэсёбо: 八重岳書房, 1974.

¹⁸ Акидзуки Тосиюки 秋月俊幸. Нихон хокухэн но танкэн то тидзу но рэкиси 日本北辺の探検と地図の歴史 (История изучения и картографирования северных границ Японии). Саппоро 札幌: Хоккайдо дайгаку тосё канко:кай 北海道大学図書刊行会, 1999; Ивасаки Наоко 岩崎奈緒子. Нихон кинсэй но аину сякай 日本近世のアイヌ社会

Основным источником по истории экспедиции 1785–1786 гг. в земли Эдзо является сборник документов в пяти томах под названием «Дело о землях Эдзо» (*Эдзоти иккэн 蝦夷地一件*), в котором под одной обложкой собраны все материалы, имеющие к ней отношение¹⁹. Первый том составили сочинение Кудо Хэйсукэ (один из наиболее ранних его списков), сопровождающие его записки Мацумото Хидэмоти, переписка с представителем княжества Мацумаэ в Эдо, а также поручение узнать о водных путях вокруг земель Эдзо и запрос о возможности участия в экспедиции упоминавшегося выше Минато Гэндзаэмон²⁰. Все эти документы относятся к периоду с июня по декабрь 1784 г. 3 декабря того же года документы за исключением запроса о Минато (этот вопрос подлежал дальнейшему разбирательству) были одобрены правительством. После этого можно было приступить к подготовке экспедиции.

Документы по экспедиции сообщают многие подробности этапа подготовки, прежде всего финансовую сторону вопроса, однако в них практически нет информации о ходе и принципах отбора участников экспедиции. Примерный состав должностей был определен в ноябре 1784 г., но в течение нескольких месяцев до отправки он претерпел некоторые изменения и в конечном счете выглядел следующим образом.

В восточные земли Эдзо направлялось 10 человек: 2 *фусин-яку*²¹, 2 их помощника, 2 проводника из числа вассалов Мацумаэ, 3 перевод-

(Айнское общество в позднем средневековье). Токио 東京: Адэкурасёбо: 校倉書房, 1998; Коллер С. コラー・スサンネ. Тэммэй нэнкан но бакуфу ни ёру тисима танкэн 天明年間の幕府による千島探検 (Экспедиция бакуфу на Курильские острова в годы Тэммэй) // Хоккайдо: то:хокуси кэнкю: 北海道・東北史研究 (Исследования по истории Хоккайдо и Тохоку). 2005. № 2. С. 2–18.

¹⁹ Оригинал сборника хранится в Государственном архиве Японии 国立公文書館 (шифр хранения 178–0184). Сборник опубликован: Эдзоти иккэн 蝦夷地一件 (Дело о землях Эдзо) // Син Хоккайдо: си 新北海道史 (Новая история Хоккайдо). Т. 7. Источники (1). Саппоро 札幌: Губернаторство Хоккайдо, 1969. С. 259–507.

²⁰ Минато Гэндзаэмон, ставший основным источником информации для Кудо Хэйсукэ, по итогам судебного разбирательства, ради которого он прибыл в Эдо, был признан виновным и приговорен к изгнанию тяжелой степени (*дзю:цуйхо*: 重追放, запрет на пребывание в районе совершения преступления, в родной провинции, а также в землях прямого подчинения бакуфу). Однако у него имелся богатый опыт поездок в земли Эдзо и разрешения конфликтов с местным населением. Мацумото Хидэмоти обратил внимание на этот факт и попросил об освобождении Минато от наказания и его участия в экспедиции.

²¹ *Фусин-яку* 普請役 — одна из должностей в японском правительстве периода Эдо (1603–1867); в обязанности *фусин-яку* входили подготовка и осуществление строительных, укрепительных и прочих работ, что было связано с частными поездками в разные провинции, проведением измерительных и других работ в незнакомой местности. Наверное, именно поэтому для первой правительственной экспедиции в качестве руководителей были отобраны люди из числа занимавших эту должность.

чика из княжества Мацумаэ, 1 врач оттуда же. В западные земли Эдзо направлялось 6 человек: 1 *фусин-яку*, 1 помощник, 1 проводник из числа вассалов Мацумаэ, 2 переводчика из княжества Мацумаэ, 1 врач оттуда же. Первый отряд должен был из района Киитаппу (северо-восточная оконечность Хоккайдо) перебраться на Кунашир, а также дойти до Итурупа, Урупа и насколько можно дальше. Второй отряд должен был из района Соя (северная оконечность Хоккайдо) перебраться на Кара-футо (Сахалин) «и, насколько возможно, на другие дальние острова». Большое число участников восточного отряда объяснялось «близостью иностранных государств». Еще двое *фусин-яку* и двое их помощников должны были находиться в Мацумаэ для проверки багажа судов из Эдо, после чего по одному человеку каждой должности направлялись к отряду в западных землях Эдзо, а двое других до конца экспедиции оставались в Мацумаэ для решения возможных проблем. Восточный отряд возглавили Ямагути Тэцугоро (?–?) и Аосима Дзюндзо (1751–1790), западный — Ихара Яроку (?–1786) и Сато Гэнрокуро (?–?). Еще один *фусин-яку* Минакава Тюэмон (?–?) оставался дежурным в Мацумаэ. Известный впоследствии исследователь Могами Токунаи (1754–1836), которого большинство российских и зарубежных ученых называют главой экспедиции²², в действительности был зачислен в состав участников в качестве рядового разнорабочего по протекции своего учителя, известного мыслителя Хонда Тосиаки (1743–1820), состоявшего в дружеских отношениях с одним из руководителей экспедиции Аосима Дзюндзо. Токунаи вошел в состав восточного отряда.

В связи с тяжелыми и непредсказуемыми климатическими условиями экспедиция в землях Эдзо могла проводиться лишь в весеннее и летнее время, т.е. с апреля по август. Проект экспедиции держался в тайне до марта 1785 г., когда было отправлено извещение о ней главе княжества Мацумаэ и соседним с ним князьям — Датэ, Цугару, Намбу, Хатинохэ. В этом извещении в том числе перечислялись задачи экспедиции: изучение ситуации с эксплуатацией торговых участков, изучение географических условий, растений, животных и минералов, а также расположения залежей драгоценных металлов, изучение политики княжества Мацумаэ в отношении земель Эдзо и его финансового положения, проверка фактов прихода иностранных судов и нелегальной торговли²³.

Здесь нужно отметить, что до экспедиции японцы (купцы и вассалы Мацумаэ) не посещали не только Сахалин, но и побережье Охотского моря на Хоккайдо: проживавшие там айны приходили для торговли с японцами в Соя в северной оконечности Хоккайдо, их японцы считали

²² См. примеч. 14.

²³ Дело о землях Эдзо. С. 318–320.

«дальними», т.е. независимыми эдзо. Легенды о путешествиях вассалов Мацумаэ на Сахалин, конечно, имели хождение, но никаких письменных свидетельств тому нет²⁴. Не доводилось бывать японцам также и на Курильских островах севернее Кунашира, где, как говорилось выше, в 1754 г. была создана торговая стоянка.

Экспедиция выехала из Эдо в марте 1785 г., в апреле прибыла в Мацумаэ, а с 27 мая разделилась на две группы и направилась в глубь земель Эдзо. Участники западной группы добрались до местечка Соя в северной оконечности Хоккайдо, оттуда переправились в Сирануси на Сахалине и дошли до Тарантомари²⁵ на севере и до Сирэтоко²⁶ на востоке, после чего вернулись в Сирануси, а в сентябре переправились обратно в Соя, где и остались на зимовку, чтобы на себе испытать степень холодов. Участники восточной группы дошли до района Киитаппу²⁷ и оттуда перебрались на Кунашир, однако из-за погодных условий, вызванных окончанием теплого сезона, дальше на север они продвинуться не смогли и вернулись в Мацумаэ. В то же время Сато Гэнрокуро из западной группы 26 сентября выехал из Соя, прошел вдоль северного побережья Хоккайдо и 9 ноября прибыл в Аккэси, однако там он обнаружил лишь помощника Ооиси Иппэй, остальные участники уже вернулись в Мацумаэ. Ооиси рассказал Сато, что до них дошли слухи о русских на Урупе, и для подтверждения они отправили туда вождя Кунашира Цукиноэ, однако, по-видимому, из-за плохой погоды Цукиноэ не вернулся, и руководители группы решили оставить там Ооиси и вернуться в Мацумаэ с намерением отправиться на Курилы весной следующего года. После этого до участников экспедиции все же дошли вести о том, что Цукиноэ вернулся и находится в местечке Сибэцу. Сато отправил Ооиси в Сибэцу, где выяснилось, что Цукиноэ вернулся, узнав со слов вождя Итурупа Хаусиби о том, что русские уже уехали с Урупа обратно на Камчатку. После этого Сато уехал в Мацумаэ, откуда вернулся в Эдо для представления отчета и получения разрешения на продолжение экспедиции в следующем году.

Основное внимание в отчете Сато Гэнрокуро было уделено возможности сельскохозяйственного освоения Хоккайдо и Сахалина. Он сообщал, что местные жители, айны, сами давно хотят научиться возделывать землю, но власти княжества Мацумаэ запрещают своим вассалам обучать их этому, поскольку опасаются, что купцы-откупщики по-

²⁴ Там же. С. 329; *Ооиси Синдзабуро* 大石慎三郎. Танума Окицугу но дзидай 田沼意次の時代 (Эпоха Танума Окицугу). Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 2001. С. 150.

²⁵ Ныне район с. Зырянское южнее Холмска.

²⁶ Ныне район с. Озёрское восточнее Корсакова.

²⁷ Во время экспедиции общее название северо-восточной оконечности Хоккайдо, включающей мысы Сирэтоко и Носаппу.

теряют дешевую рабочую силу для рыболовных промыслов. Вождь айнов Ноккамапу по имени Сёнка тайно приходил к Гэнрокуро, поведал ему о торговле с русскими и сообщил о давнем желании местного населения выращивать рис и табак, которые пользовались у русских большим спросом. Мацумото Хидэмоти, ознакомившись с отчетом Сато Гэнрокуро, написал сопроводительную записку к нему, где сосредоточил внимание на возможности сельскохозяйственного освоения земель Эдзо, и вместе с отчетом преподнес ее Танума Окицугу 5 марта 1786 г. Танума согласился с предложениями по возделыванию новых сельскохозяйственных площадей, а поскольку силами одних лишь айнов обойтись было невозможно, Мацумото Хидэмоти даже начал переговоры с главой столичных *хинин* и *эта*²⁸ о выделении нескольких тысяч людей для отправки на север.

Тем временем все члены экспедиции оставались на Хоккайдо: Ихара Яроку со своей группой зимовал в Соя, трое других находились в Мацумаэ и готовились к продолжению экспедиции. Учитывая опыт прошлого года, участники решили выехать из Мацумаэ так, чтобы к сходу льда быть на местах. Именно на этом этапе началась активная деятельность Могами Токунаи: он попросил Аосима и Ямагути разрешения отправиться в сторону Кунашира раньше остальной группы не по морю, а по суше, чтобы произвести измерения рельефа острова. Получив разрешение, 18 февраля 1786 г. Токунаи выехал из Мацумаэ. 24 февраля вслед за ним отправилась и вся восточная группа во главе с Ямагути.

Могами Токунаи в начале апреля прибыл в Аккэси, а затем в сопровождении местных айнов переплыл на Кунашир, где приступил к подготовке мест расположения для остальной группы, которая прибыла в конце того же месяца. 15 мая группа перебралась на Итуруп и, воспользовавшись айнскими лодками, обследовала также Уруп, после чего вернулась на Кунашир. В конце мая туда же из Мацумаэ прибыл Аосима Дзюндзо и вновь отправил Могами Токунаи на Итуруп. В этот раз Токунаи встретился на Итурупе с тремя русскими, которые жили там среди айнов, сбежав за пару лет до того от своих соотечественников с Урупа. Вероятно, они были участниками экспедиции Шабалина, который в 1784 г. направился на Уруп, чтобы спустить на воду судно «Наталия», выброшенное за четыре года до того землетрясением на остров²⁹. Имена русских несколько отличаются в разных японских источниках (в российских источниках информации о них не обнаружено), но предположительно их звали Семен Дорофеевич Извозов (33 года), Иван

²⁸ *Хинин* 非人 и *эта* 穢多 — дискриминируемые группы населения, занимавшиеся нечистым, с точки зрения традиционных представлений, трудом (забой скота, рытье могил и т.д.).

²⁹ Полонский А.С. Курилы. С. 462–466.

Сосновский (29 лет) и Никита (28 лет)³⁰. Токунаи предложил двоим русским проследовать с ним на Кунашир, где Аосима и Ямагути расспросили их о России, Камчатке и деятельности русских на Курилах.

Оставив русских под надзором Токунаи на Кунашире, в июне и июле Аосима и Ямагути направились на Итуруп, где первый занялся обследованием юго-восточного побережья, а второй — северо-западного. По-видимому, двое русских на Кунашире нужны были японцам в качестве заложников на случай возможных конфликтов с русскими на Урупе и севернее. Вернувшись в конце августа на Кунашир, они снова встретились с русскими и настоятельно рекомендовали им вернуться на родину, а в дальнейшем не приезжать на острова южнее Урупа. Затем группа вернулась в Аккэси, где к ним присоединился Ооиси Иппэй из западной группы, приплывший из Соя в Аккэси на судне, и они вместе отправились в Мацумаэ.

Тем временем членов западной группы, оставшихся (за исключением Сато Гэнрокуро) на зимовку в Соя, постигла трагедия: в течение апреля 1786 г. из-за холода и болезней скончались трое сопровождавших группу вассалов княжества Мацумаэ, переводчик айнского языка, а также глава отряда — Ихара Яроку. В живых остались только двое рядовых членов группы. С помощью местных айнов в Мацумаэ было отправлено письмо о бедственном положении в Соя. 10 апреля в Соя из Мацумаэ отправился Ооиси Иппэй. Прибыв на место 15 мая, он тоже незамедлительно отправил сообщение в Мацумаэ о ситуации в лагере западного отряда и, оставив выживших участников, сам все же отправился в соответствии с изначальным планом на Сахалин. Княжество Мацумаэ, получив через айнов письмо, направило в Соя своего пехотинца для выяснения подробностей. А дежуривший в Мацумаэ Минакава Тюэмон, получив извещение от Ооиси, отправил оставшимся в живых двум участникам предписание возвращаться в Мацумаэ. 29 июня в Мацумаэ вернулся пехотинец и сообщил подробности смерти участников экспедиции, а также поведал о том, что к северному побережью Хоккайдо приплывало иностранное судно, и местные айны получили от членов экипажа хлеб и вино.

Что касается экспедиции Ооиси Иппэй на Сахалин, сам он в сопровождении местных айнов прошел вдоль западного побережья острова и примерно 5 июля прибыл в Кусунаи³¹. Там он впервые встретился с сантанцами³² и смог получить сведения об этом народе. Поняв, что

³⁰ Черевко К. С. Зарождение русско-японских отношений XVII–XIX вв. С. 108.

³¹ Ныне с. Ильинское Сахалинской области.

³² Сантанцы, или люди из Сантан (яп. *санта́ндзин* 山丹人), — японское название народностей, проживавших в северной части Сахалина и в районе устья Амура (ороки, орочи), через которых айны южной части Сахалина имели торговые контакты с мань-

если пойдет дальше, то не успеет вернуться в том же году обратно, он вернулся чуть южнее, в Наёро, где расспросил айнов о расположении поселений на острове. Айны нарисовали для него на песке подробную карту острова с названиями поселений и расстояниями между ними. После этого Ооиси отправился обратно в Соя, куда вернулся 31 июля. Там его ждал Сатоми Хэйдзо, посланный на смену погибшему Ихара. После этого Ооиси двинулся вдоль побережья Охотского моря в Аккэси, чтобы соединиться с восточным отрядом. Ооиси и Ямагути вернулись в Мацумаэ на судне 13 сентября. Аосима Дзюндзо и Могами Токунаи прибыли по суше пешком в Мацумаэ примерно в середине октября (точных сведений об этом не сохранилось).

У участников экспедиции оставалось лишь последнее дело — отправить из Мацумаэ в Эдо два судна с товарами, полученными в результате пробной торговли в восточных землях Эдзо (решение о проведении пробной торговли было принято Танума Окицугу и Мацумото Хидэмоти по предложению купца из Сакаи, который предоставил для экспедиции одно из судов, — ведь именно на возможную торговлю с русскими Танума возлагал большие надежды в деле пополнения казны). Суды не дошли до Эдо: по пути туда они попали в шторм и затонули вместе со всем товаром. Однако причиной завершения экспедиции стало совсем не это.

Результаты экспедиции 1785–1786 гг.

Еще до возвращения членов экспедиции в Мацумаэ в столице Японии произошли большие перемены. 31 декабря 1785 г. один из главных политических противников Танума Окицугу, молодой глава княжества Сиракава и внук восьмого сёгуна Ёсимунэ по имени Мацудайра Саданобу (1759–1829) получил назначение на одну из должностей в замке Эдо, укрепив свое положение при правительстве. А 17 сентября 1786 г. внезапно серьезно заболел основной покровитель Танума, 10-й сёгун Токугава Иэхару, после чего Танума также под предлогом болезни ушел с поста *родзю*. После этого многие начатые им предприятия были одно за другим приостановлены. 18 ноября того же года была прекращена и экспедиция в земли Эдзо. Прибывшие в Эдо Ямагути и Сато подготовили доклад о результатах второго года экспедиции, однако он даже не был принят. В июле 1787 г. Мацудайра Саданобу был назначен на пост *родзю* и в ближайшие несколько лет стал играть ведущую роль в политике Японии, а поскольку освоение земель Эдзо не входило в его планы, руководители экспедиции были освобождены от своих должностей.

чжурами китайской империи Цин. Название восходит к айнскому *дзянта* или *санта*, а от них к нивхскому *янта* — так нивхи называли эти народы.

Оставшись не у дел, они собрали полученные в ходе экспедиции сведения в общий труд под названием «Собранное в Эдзо» (*Эдзо сю:и 蝦夷拾遺*)³³. Это сочинение, написанное в 1786 г., состоит из пяти томов: общие сведения по географии (два тома), люди и продукты природы, разные слухи и язык, сведения о красных людях и сантанцах — обо всем в довольно краткой и емкой форме. Чуть позже, в 1790 г. Могамы Токунаи также написал по результатам экспедиции сочинение «Записки об Эдзо» (*Эдзо со:си 蝦夷草紙*)³⁴. По сравнению с первым трудом оно отличается большим охватом тем и меньшей официально-стью изложения. Основное внимание уделено разным сторонам жизни княжества Мацумаэ и айнов. «Собранное в Эдзо» и «Записки об Эдзо» стали первыми в Японии сочинениями, где в большом объеме излагались достоверные сведения о землях «дальних эдзо» — севере Хоккайдо, Сахалине, Кунашире, Итурупе, — а также полученная из первых рук информация о России и Камчатке. Оба сочинения существовали в течение периода Эдо лишь в рукописях, но, несмотря на это, внесли большой вклад в распространение сведений о северных землях среди японских политиков и интеллектуалов.

Не менее значимыми были результаты экспедиции и в картографическом отношении. Участниками экспедиции было составлено, по-видимому, несколько карт. На сегодняшний день известны «Общая карта земель Эдзо» 1786 г. и «Новая карта Эдзо и прилегающих земель» 1790 г. (составлена Могамы Токунаи). Еще одна карта, «Общая карта Тосандо, Муцу, Мацумаэ, Тисима и прилегающих земель», составленная в 1789 г., приписывается Аосима Дзюндзо³⁵. Если рассмотреть эти карты в контексте развития японской картографии, то очевиден значительный шаг вперед благодаря личной работе картографов в описываемых землях и общению с местным населением.

До экспедиции 1785–1786 гг., пожалуй, наиболее точной картой, резюмировавшей бытовавшие до тех пор представления и учитывавшей некоторые данные людей из Мацумаэ, была карта земель Эдзо Хаяси Сихэй, опубликованная им как составная часть труда «Общий обзор трех стран» в 1785 г. Карты, составленные участниками экспедиции, отличались от карты Хаяси следующим: 1) Курильские острова изображались грядой, вытянутой от Хоккайдо до Камчатки, а не скоплением

³³ Текст опубликован, см.: Эдзо сю:и 蝦夷拾遺 (Собранное в Эдзо) // Хокумон со:сё 北門叢書 (Библиотека Севера). Т. 1. Токио: Кокусё канко:кай 国書刊行会, 1972. С. 248–309.

³⁴ Текст опубликован, см.: Эдзо со:си 蝦夷草紙 (Записки об Эдзо) // Хокумон со:сё 北門叢書 (Библиотека Севера). Т. 1. Токио: Кокусё канко:кай 国書刊行会, 1972. С. 310–410.

³⁵ Акидзуки Тосиоки. История изучения и картографирования северных границ Японии. С. 149–156.

островов одинакового размера; 2) Карафуто (Сахалин) изображался как один остров, в то время как у Хаяси это были отделенный горной грядой от материка полуостров Карафуто и остров Сахалин к северу от него; 3) остров Хоккайдо (Эдзо) приобрел очертания, близкие к действительным: наряду с побережьями Японского моря и Тихого океана вытянутым изображалось и побережье Охотского моря, и остров таким образом становился «треугольным», а не вытянутым с севера на юг, как до тех пор.

Как известно, северная часть Тихого океана оставалась в конце XVIII в. одним из немногих «белых пятен» в мировой картографии. Японская экспедиция могла значительно уточнить сведения о географии региона Охотского моря. Однако отсутствие связей с европейской наукой того времени не позволило сделать географические результаты экспедиции общемировым достоянием. Отставала от европейских стандартов и точность картографии в Японии. Так, Ооиси Иппэй составил карту Сахалина на основе собственных данных и со слов местных жителей годом ранее, чем это сделала таким же способом экспедиция Лаперуза в 1787 г., однако если сравнить японскую и французскую карты Сахалина, очевидно, что последняя значительно точнее сообщает очертания острова. Тем не менее деятельность экспедиции породила в Японии новую волну картографирования северных пределов государства, прежде всего в самом княжестве Мацумаэ, и уже в 1790 г. вассал княжества Такахаси Сэйдзаэмон отправился на Сахалин и составил более точную карту, исправив ошибки своего предшественника³⁶.

Наконец, необходимо сказать о значении экспедиции 1785–1786 гг. в контексте российско-японских отношений. Еще во время встречи с айнскими вождями Икотои и Сёнка в Аккэси в 1785 г. члены экспедиции узнали, что власти княжества Мацумаэ и купцы-откупщики запрещали айнам рассказывать о контактах с русскими под угрозой расправы и прекращения торговли. Также айны поведали, что русские ежегодно приезжают на Уруп, где торгуют сукном, хлопком и сахаром³⁷. Услышав это, чиновники бакуфу заподозрили власти княжества Мацумаэ в нелегальной торговле с северными соседями, однако проверка торговых стоянок не дала никаких доказательств.

Кроме того, члены экспедиции получили возможность пообщаться с русскими напрямую. Встречи Могами Токунаи и Ямагути Тэцугоро с русскими на Итурупе стали первым случаем контактов представителей японского правительства с северными соседями. Русские рассказывали японцам о деятельности первопроходцев и купцов, о политике

³⁶ Там же. С. 156–165.

³⁷ Дело о землях Эдзо. С. 340–341.

российского государства по освоению Сибири и островов Тихого океана. В результате японцы смогли узнать, что жители Урупа и островов к северу от него уже подчиняются России. Могами Токунаи замечал, что русские свободно плавают от Камчатки до Урупа, в то время как люди Мацумаэ даже плавание до Кунашира считают опасным³⁸. Привычку русских к холодам члены экспедиции также считали большим их преимуществом перед японцами в деле освоения Курил.

В то же время случайность пребывания троих русских на Итурупе породила у японцев мысль о необходимости закрепиться на острове до того, как это сделают русские. Во время экспедиций Антипина и Шабалина в 1778–1779 гг. значительная часть населения Итурупа была приведена в российское подданство, однако указ Екатерины II от 30 апреля 1779 г. предписывал «приведенных в подданство на дальних островах мохнатых курильцов оставить свободными и никакого сбора с них не требовать»³⁹. В результате основной организатор экспедиции купец П.С. Лебедев-Ласточкин потерял возможность извлекать прибыль на Курилах и перенес свою деятельность на Алеутские острова, а русское присутствие на Урупe, не говоря уже о позициях России на южных островах, сошло на нет. Русские вернулись на Уруп лишь в 1795 г., когда там основала поселение торговая компания Г.И. Шелихова.

Участники экспедиции подчеркивали важность освоения Кунашира и Итурупа до окончательного проникновения туда русских, однако, как уже говорилось, новый глава правительства Мацудайра Саданобу отказался от каких-либо проектов в отношении айнских земель. Пассивностью центрального правительства воспользовались купцы-откупщики, которые стали еще более ожесточенно осваивать рыболовные стоянки на Кунашире, посягнув на независимость местного населения. Это привело к восстанию айнов Кунашира и Мэнаси (северо-восток Хоккайдо) в 1789 г. Княжеству Мацумаэ удалось подавить восстание, что еще больше убедило центральное правительство в способности местных властей самим противостоять «северной угрозе» (тогда центральное правительство снова прибегло к услугам участников экспедиции 1785–1786 гг. Аосима Дзюндзо и Могами Токунаи, отправив их к местам восстания в качестве тайных агентов). Только приезд миссии Адама Лаксмана в 1792 г. и последовавшее за ним укрепление российских позиций на Курилах заставило бакуфу пересмотреть свою северную политику и взять Кунашир и Итуруп под свой прямой контроль.

³⁸ Коллер С. Экспедиция бакуфу на Курильские острова в годы Тэммэй. С. 15.

³⁹ Указ Екатерины II Сенату об освобождении от податей населения Курильских островов, принявшего российское подданство // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: сб. документов. С. 183.

Список использованных источников и литературы

Источники

- Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: сб. документов. М.: Наука, ГРВЛ, 1989 (Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в. Т. 2).
- Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tihogo okeana vo vtoroy polovine XVIII v.: sb. dokumentov. M.: Nauka, GRVL, 1989 (Issledovaniya russkih na Tihom okeane v XVIII — pervoy polovine XIX v. Т. 2).
- Эдзо со:си 蝦夷草紙 (Записки об Эдзо) // Хокумон со:сё 北門叢書 (Библиотека Севера). Т. 1. Токио: Кокусё канко:кай 国書刊行会, 1972. С. 310–410.
- Ezo soushi 蝦夷草紙 (Zapiski ob Edzo) // Hokumon sousho 北門叢書 (Biblioteka Severa). Т. 1. Tokio: KokusYo kanko:kay 国書刊行会, 1972. S. 310–410.
- Эдзо сю:и 蝦夷拾遺 (Собранное в Эдзо) // Хокумон со:сё 北門叢書 (Библиотека Севера). Т. 1. Токио: Кокусё канко:кай 国書刊行会, 1972. С. 248–309.
- Ezo shuui 蝦夷拾遺 (Sobrannoye v Edzo) // Hokumon sousho 北門叢書 (Biblioteka Severa). Т. 1. Tokio: KokusYo kanko:kay 国書刊行会, 1972. S. 248–309.
- Эдзоти иккэн 蝦夷地一件 (Дело о землях Эдзо) // Син Хоккайдо: си 新北海道史 (Новая история Хоккайдо). Т. 7. Источники (1). Саппоро 札幌: Губернаторство Хоккайдо, 1969. С. 259–507.
- Ezochi ikken 蝦夷地一件 (Delo o zemlyah Edzo) // Shin Hokkaido shi 新北海道史 (Novaya istoriya Hokkaido). Т. 7. Istochniki (1). Sapporo 札幌: Gubernatorstvo Hokkaido, 1969. S. 259–507.

Литература

- Гюбнер И. Земноводного круга краткое описание / Из старья и новья географии по вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собраное и на немецком диалекте в Леипцике напечатано, а ныне повелением великаго государя царя и великаго князя Петра Перваго всероссийскаго императора при наследственном благороднейшем государе царевиче Петре Петровиче на российском напечатано в Москве. М., 1719.
- Gyubner I. Zemnovodnago kruga kratkoye opisaniye / Iz staryya i novyya geografii po voprosam i otvetam chrez Yagana Gibnera sobranoye i na nemetskom dialekte v Leiptsike napechatano, a nyne poveleniyem velikago gosudarya tsarya I velikago knyazya Petra Pervago vserossiiskago imperatora pri nasledstvennom blagorodneyshem gosudarye tsareviche Petre Petroviche na rossiiskom napechatano v Moskve. М., 1719.
- Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М.: ГРВЛ, 1988. 381 с.
- Kutakov L.N. Rossiya i Yaponiya. М.: GRVL, 1988. 381 s.
- Лим С.Ч. Восстание айнов на острове Кунашир и в Менаси (на северо-востоке Эдзо) в 1789 году // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1(17). С. 87–92.
- Lim S.Ch. Vosstaniye ainov na ostrove Kunashir I v Menasi (na severo-vostoke Edzo) v 1789 godu // Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri I na Dal-nem Vostoke. 2012. № 1(17). S. 87–92.

- Позднеев Д.М.* Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т. 2. Ч. 1. Отношения к народам Маньчжурии и данные по истории Мацумаэского клана. Токио, 1909. 177 с.
- Pozdneyev D.M.* Materialy po istorii Severnoi Yaponii i yeyo otnoshenii k materiku Azii i Rossii. T. 2. Ch. 1. Otnosheniya k narodam Manchzhurii i dannyye po istorii Matsumaeskogo klana. Tokyo, 1909. 177 s.
- Полонский А.С.* Курилы // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1871. Т. 4. С. 409–418.
- Polonskii A.S.* Kurily // Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. SPb., 1871. T. 4. S. 409–418.
- Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 312 с.
- Fainberg E.Ya.* Russko-Yaponskiye otnosheniya v 1697–1875 gg. M.: Izd-vo vost. lit., 1960. 312 s.
- Черевко К.Е.* Зарождение русско-японских отношений XVII–XIX вв. М.: Наука, 1999. 255 с.
- Cherevko K.Ye.* Zarozhdeniye russko-yaponskih otnoshenii XVII–XIX vv. M.: Nauka, 1999. 255 s.
- Щепкин В.В.* Влияние возвышения маньчжуров на формирование внешней политики Японии в первой половине XVII в. // Страны и народы Востока. 2013. Вып. XXXIV: Центральная Азия и Дальний Восток. С. 73–83.
- Shchepkin V.V.* Vliyaniye vozvysheniya manchzhurov na formirovaniye vneshnei politiki Yaponii v pervoi polovine XVII v. // Strany i narody Vostoka. 2013. Vyp. XXXIV: Tsentralnaya Aziya i Dalnii Vostok. S. 73–83.
- Hübner Johann.* Kurtze Fragen aus der neuen und alten Geographie biss auf gegenwärtige Zeit. Lpz., 1693. 1029 S.
- Hübner Johann.* Algemeene geographie, of Beschryving des geheelen aardryks. Amsterdam: P. Meijer, 1769. 5 v.
- Reitz Jan Frederik.* Oude en nieuwe staat van 't russische of moskovische keizerryk, behelzende eene uitvoerige historie van Rusland en deszelfs groot-vorsten; benevens de beschryvinge van dat uitgestrekte ryk, de zeden en Godsdienst der inwoneren: zyne opkomst en voortgang in koophandel, kunsten, landen zeemacht, oproeren, oorlogen en verdere wisselvalligheden, tot dezen tegenwoordigen tydt toe. Utrecht: J. Broedelet, 1744. 4 pts. in 2 v.
- Акидзуки Тосиюки* 秋月俊幸. Нихон хокухэн но танкэн то тидзу но рэкиси 日本北辺の探検と地図の歴史 (История изучения и картографирования северных границ Японии). Саппоро 札幌: Хоккайдо дайгаку тосё канко:кай 北海道大学図書刊行会, 1999. 470 с.
- Akizuki Toshiyuki* 秋月俊幸. Nihon hokuhen no tanken to chizu no rekishi. Sapporo 札幌: Hokkaido daigaku tosho kanko:kai 北海道大学図書刊行会, 1999. 470 s.
- Ивасаки Наоко* 岩崎奈緒子. Акаэдзо фу:сэцуко: но кэнкю: 赤蝦夷風説考の研究 (Исследование «Акаэдзо фусэцуко») // Хэйсэй 18–20 нэндо кагаку кэнкю:хи ходзёкин кэнкю: сэйка хо:кокусё 平成 18～20 年度科学研究費補助金研究成果報告書 (Отчет о результатах исследования по научно-исследовательскому гранту на 2006–2008 гг.). Киото 京都, 2009. 77 с.
- Iwasaki Naoko* 岩崎奈緒子. Akaezo fu:setsuko: no kenkyu: 赤蝦夷風説考の研究 // Heisei 18–20 nendo kagaku kenkyu:hi hojokin kenkyu: seika ho:kokusho 平成 18～20 年度科学研究費補助金研究成果報告書. Kyoto 京都, 2009. 77 s.

- Ивасаки Наоко* 岩崎奈緒子. Нихон кинсэй но аину сякай 日本近世のアイヌ社会 (Айнское общество в позднем средневековье). Токио 東京: Адзэкурасёбо: 校倉書房, 1998. 250 с.
- Iwasaki Naoko* 岩崎奈緒子. Nihon kinsei no ainu shakai 日本近世のアイヌ社会. Tokyo 東京: Azekurashobo: 校倉書房, 1998. 250 s.
- Коллер С.* コラー・スサンネ. Тэммэй нэнкан но бакуфу ни ёру тисима танкэн 天明年間の幕府による千島探検 (Экспедиция бакуфу на Курильские острова в годы Тэммэй) // Хоккайдо: то:хокуси кэнкю: 北海道・東北史研究 (Исследования по истории Хоккайдо и Тохoku). 2005. № 2. С. 2–18.
- Koller S.* コラー・スサンネ. Temmei nenkan no bakufu ni yoru chishima tanken 天明年間の幕府による千島探検 (Ekspeditsiya bakufu na Kurilskie ostrova v godyi Temmey // Hokkaido: to:hokushi kenkyu: 北海道・東北史研究 (Issledovaniya po istorii Hokkaido i Tohoku). 2005. № 2. S. 2–18.
- Коно Цунэкичи* 河野常吉. Акаэдзо фу:сэцуко: но тёся Кудо: Хэйсукэ 赤蝦夷風説考の著者工藤平助 (Кудо Хэйсукэ, автор «Акаэдзо фусэцуко») // Сигаку дзасси 史学雑誌 (Исторический журнал). 1916. Т. 26. № 5. С. 50–64.
- Kono Tsunekichi* 河野常吉. Akaezo fu:setsuko: no shosha Kudo: Heisuke 赤蝦夷風説考の著者工藤平助 // Shigaku zasshi 史学雑誌 (Istoricheskiy zhurnal). 1916. T. 26. № 5. S. 50–64.
- Кунашири мэнаси но татакай* クナシリ・メナシの戦い (Война на Кунашире и в Мэнаси). Нэмуру 根室: Нэмуроси кё:ику иинкай 根室市教育委員会, 1994. 42 с.
- Kunashiri menashi no tatakai* クナシリ・メナシの戦い (Voyna na Kunashire i v Menasi) Nemuro 根室: Nemuroshi kyo:iku iinkai 根室市教育委員会, 1994. 42 s.
- Окада Тосихиро* 岡田俊祐. Нихон тиригаку дзимбуцу дзитэн (кинсэйхэн) 日本地理学人物事典(近世編) (Словарь персоналий японской географии. Позднее средневековье). Токио 東京: Харасёбо 原書房, 2011. 342 с.
- Okada Toshihiro* 岡田俊祐. Nihon chirigaku jimbutsu jiten (kinseihen) 日本地理学人物事典(近世編) (Slovar personaliy yaponskoy geografii. Pozdnee srednevekovye). Tokyo 東京: Harashobo 原書房, 2011. 342 s.
- Ооиси Сундзабуро* 大石慎三郎. Танума Окицугу но дзидай 田沼意次の時代 (Эпоха Танума Окицугу). Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 2001. 265 с.
- Ooishi Shinzaburo* 大石慎三郎. Tanuma Okitsugu no jidai 田沼意次の時代 (Epocha Tanuma Okitsugu). Tokyo 東京: Iwanami shoten 岩波書店, 2001. 265 s.
- Тадано Макудзу* 只野真葛. Мукасибанаси микашибанаш (Воспоминания). Токио 東京: Хэйбонся 平凡社, 1984 (Серия «Тоё бунко». Т. 433). 268 с.
- Tadano Makuzu* 只野真葛. Mukashibanashi mikaishibanashi (Vospominaniya). Tokyo 東京: Heibonsha 平凡社, 1984 (Seriya "Toyo bunko". T. 433). 268 s.
- Тэруи Сосукэ* 照井壮助. Тэммэй эдзо танкэн симацуки 天明蝦夷探検始末記 (История экспедиции в земли Эдзо в годы Тэммэй). Токио 東京: Яэдакэсёбо: 八重岳書房, 1974. 370 с.
- Terui Sosuke* 照井壮助. Temmei ezo tanken shimatsuki 天明蝦夷探検始末記 (Istoriya ekspeditsii v zemli Edzo v godyi Temmey). Tokyo 東京: Yaedakeshobo 八重岳書房, 1974. 370 s.

V.V. Shchepkin

**THE FIRST JAPANESE GOVERNMENTAL EXPEDITION
TO THE AINU LANDS (1785–1786)**

Summary: This paper covers the first Japanese governmental expedition to Hokkaido, southern Kuril Islands (Kunashir, Iturup and Urup) and southern Sakhalin in 1785–1786, which was caused by the rumors of Russians' expansion to the Kuril Islands and their contacts with Matsumae domain officials. The purpose of this paper is to clear up the background and the course of the expedition as well as to analyze its scientific and political outcome.

Key words: expeditions, Hokkaido, Kuril Islands, Sakhalin, Russia-Japan relations, Ainu, Matsumae.

Н.В. Ямпольская
«АШТАСАХАСРИКА-ПРАДЖНЯПАРАМИТА»
В МОНГОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ ОЙРАТСКОГО
ДЗАЯ-ПАНДИТЫ

В рукописном фонде ИВР РАН хранится рукопись, содержащая один из восьми известных на сегодня монгольских переводов сутры «Аштасахасрика-праджняпарамита» («Праджняпарамита в восемь тысяч шлок»). Последний лист рукописи, датируемой предположительно XVII в., сильно поврежден, и текст монгольского колофона утерян, однако особенности лексики и стиля перевода указывают на то, что его автором является ойратский Дзая-пандита.

Ключевые слова: «Аштасахасрика-праджняпарамита», ойратский Дзая-пандита.

В рукописной коллекции ИВР РАН хранится рукопись под шифром Q1¹ — монгольский перевод сутры «Аштасахасрика-праджняпарамита»². Лист с монгольским колофоном сочинения сохранился не полностью, однако есть основания полагать, что авторство перевода принадлежит ойратскому Дзая-пандите Намхай-Джамцо (1599–1662).

Предположение о том, что Дзая-пандита является автором текста рукописи Q1, основаны на косвенных данных. Из биографии Дзая-пандиты известно, что он переводил сутру «Аштасахасрика-праджняпарамита»³. Первым, кто атрибутировал этот перевод таким образом, был

¹ Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук. Т. II. М.: Восточная литература, 2001. С. 59. № 2639.

² Санскр. artasahasrika prajñāparamita; тиб. shes rab kyi pha rol tu phyin pa brgyad stong pa; монг. bilig-ün činadu kijayar-a kürügßen naiman mingy-a-tu.

³ Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабдхам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи / Перевод с ойратского Г.Н. Румянцева и А.Г. Сазыкина; транслитерация текста, предисловие, примечания и указатели А.Г. Сазыкина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 62.

Дьердь Кара: в своей работе «Книги монгольских кочевников» он упоминает о рукописи Q1 как о монгольском переводе Дзая-пандиты⁴. Пометка об авторстве перевода оставлена Карой и в инвентарной книге в рукописном фонде Института. Не давая подробных разъяснений, Кара указывает, что об авторстве перевода явно говорит специфическая лексика.

В рукописи 388 листов размером 46×19,5 см (рамка 38×17,5 см), на странице помещается от 13 до 26 строк. Текст написан каламом черными и красными чернилами на двухслойной китайской бумаге, иллюстраций нет. Пагинация на монгольском языке, первая страница помечена монгольской буквой ка. Особенности почерков позволяют предположительно датировать рукопись XVII в.

На последнем листе рукописи (387r) находится перевод тибетского колофона сутры.

Монгольская транскрипция⁵

Перевод

[387r] hindkeg-ün ubaḍiy-a šaky-a
sê-na kiged cñ-a-na/ siḍḍhi ba
ayilidqayči yeke kelemürči bandê/
ḍharm-a ḍa-a šii-la terigüten
kürbegül-ün arilyaju [387v]
debisker-e bayulyabai:

Индийские наставники (санскр. *upādhyāya*) Шакьясена (санскр. *Śakyasena*), Джнянаси́ддхи (санскр. *Jñānasiddhi*) и редактор, великий переводчик банди Дхарматашила (санскр. *Dharmatāśīla*) перевели, отредактировали и утвердили [перевод]. Затем, по приказу великого и могучего владыки, тибетского Пеллха Тенпо Траши Лхацена (тиб. *dpal lha bstan po bkra shis lha btsan*), индийский наставник Субхашита (санскр. *Subhāṣita*) и переводчик лодзава монах Ринчен Занпо (тиб. *rin chen bzang po*) сопоставили с комментарием и перевели. Затем индийский наставник, великий пандита Дипамкарашриджняна (санскр. *Dīpaṃkarasrījñāna*) и редактор, великий переводчик монах [Ринчен] Занпо сопоставили с индийским комментарием, отредактировали и

qoyin-a erketü degedü tegüs/ ejen
töbüd-ün čoy-un tngri küčü-tü
öljey-yin/ tngri ayimaγ-un
erketü-yin jarliγ-iyar:/ hindkeg-ün
ubidiy-a subha-a-ṣita kiged:
dayun/ kürbegülügči lôjçau-a
ḡḡêslông rinčên bzangpô/ tayilbur-
luγ-a nayirayul-un orčiyulbai:

qoyina/ hindkeg-ün ubidiy-a yeke
band'ita dibamkar-a šrii/ (...)ñ-a-na
kiged: ayilidqayči yeke kelemürči
ḡḡêslông/ (...) bzangpô dumdatu

⁴ Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М., 1972. С. 79.

⁵ Здесь и далее в транскрипции использованы следующие знаки для передачи специальных символов монгольского алфавита (галиг): ô - , ç - , ḍ - , ê - , ž - , ‘ - .

oron-u tayilbur-luγ-a/
(...)yalduyul-un sigüjü ḡasan
debisker-e bayulḡabai::/

basa qoyin-a kyismaḡ ḡñê
tang-tur: mön čêr yeke/ band'ita
dibamkar-a šrii-cñ-a-na kiged
lôjçau-a/ ilayuyusan ḡarqu-yin oron
'brôm qoyar-un naiman/ mingḡan-
tu-yi nomlaqui čay-tur yeke esi
bolḡan debisker-e/ bayulḡabai::

qoyina rasgrêḡ-ün nom-un süm-
e-tür/ lôjçau-a ilayuyusan ḡarqu-yin
oron 'brôm hindkeḡ-ün ḡurban
sudur-luγ-a tokiyalduyulḡu qoyar-
ta/ debisger-e bayulḡabai:: qoyina
basa lôjçau-a tere kü/ nomlan
üiledüged arilḡan niḡtalaḡu
debisger-e/ bayulḡabai qoyitu čay-
tur yeke lôjçau-a šaky-a-yin/
dgêslông blô ldan šês rab ḡaçê-yin
bičig kiged/ dumdatu oron-u olan
bičig-yi quriyaḡu debisger-e
bayulḡabai::

утвердили [перевод]. Затем в [месте
под названием] Кьиме Ньстанг (тиб.
kyi smad gnye thang) великий панди-
та Дипамкарашриджняна и тибет-
ский переводчик Дром (тиб. 'brom),
[по имени] Источник Победонос-
ных, проповедуя Восьмитысячную,
утвердили [перевод]. Затем в храме
Радренг (тиб. rwa sgreng) перевод-
чик Дром, Источник Победоносных,
согласовал с тремя индийскими сут-
рами и дважды утвердил [перевод].
Затем тот же переводчик пропове-
довал [эту сутру] и записал неболь-
шие исправления. Затем великий
переводчик, монах-Шакья Лодан
Шераб (тиб. blo ldan shes rab),
собрал много кашмирских и индий-
ских книг и утвердил [перевод].

Последние строки приходятся как раз на конец листа 387v, и на этом колофон мог бы завершиться. Текст этого колофона хорошо известен по тибетским редакциям сутры «Аштасахасрика-праджняпарамита». В редакции, вошедшей в состав тибетского Ганджура Дерге (1733), колофон завершается именно на этом месте⁶. Колофон в версии

⁶ Полный текст колофона на тибетском языке, редакция Дерге: rgya gar gyi mkhan po shAkya se na dang dz+nyA na si d+d+hi dang zhu chen gyi lo tsA ba ban+de d+harma tA shI la la sogs pas bsgyur cing zhus te gtan la phab/ slad kyis dbang phyug dam pa'i mnga' bdag bod kyi dpal ldan btsan po bkra shis lha sde btsan gyi bkas/ rgya gar gyi mkhan po sub+hA Shi ta dang / sgra bsgyur gyi lo tsA ba dge slong rin chen bzang pos 'grel pa dang mthun par bsgyur/ slad kyis rgya gar gyi mkhan po paN+Di ta chen po dI paM ka ra shrI dz+nyA na dang / zhu chen gyi lo tsA ba dge slong rin chen bzang pos yul dbus kyi 'grel pa dang gtugs nas bcos shing zhus te gtan la phab/ yang slad kyis kyi smad gnyes nga mo cher/ paN+Di ta chen po dI paM ka ra shrI dz+nyA na dang / lo tsA ba 'brom rgyal ba'i 'byung gnas gnyis kyis brgyud stong pa bshad pa'i dus su che long zhig gtan la phab/ phyi sar sgreng gtsug lag khang du lo tsA ba 'brom rgyal ba'i 'byung gnas kyis rgya gar gyi mdo gsum dang gtugs nas lan gnyis gtan la phab/ slad kyis yang lo tsA ba de nyid kyis bshad pa mdzad cing phran tshogs kyang gtan la phab/ dus phyis lo tsA ba chen po shAkya'i dge slong blo ldan shes rab kyis kha che'i dpe dang yul dbus kyi dpe du ma bsags nas gtan la phab/. См.: Brgyad stong bzhugs so. Xyl., 286 ff., TBRC, W22084, bka' 'gyur (sde dge). Vol. 33. P. 286r.

той же длины сопровождает и один из монгольских переводов «Аштасахасрики» — анонимный⁷. Однако есть и более длинные версии этого колофона, содержащие информацию о нескольких других тибетских редакциях сутры. Например, удлинённая версия колофона сопровождает тибетскую редакцию «Аштасахасрики», вошедшую в состав рукописного Ганджура дворца Тог (тиб. *stog pho brang bris ma*, начало XVIII в.). Такую же, удлинённую версию можно найти в монгольском переводе халхаского Дарба-пандиты⁸.

Среди последних листов рукописи Q1 находится обрывок страницы, содержащий разрозненные фрагменты текста: строки не имеют начала и конца, текст удалось атрибутировать лишь частично. Номер страницы частично оторван, можно прочесть лишь монгольское слово *yurban* («три»): возможно, это начало номера *yurban jāyūn nayan naim-a* — 388. На обрывке сохранились следующие слова⁹:

[388r?] (1) *jiči basa čüb čay-daki* (...) (2) *lôjçau-a đpal rinčên čo*(...) (3) *hindkeg töbūd-ün olan bi*(...) (4) *oγoγata arilyan ese üiled*(...) (5) *-un töbūd-ün darumal bičig* (...) (6) (...) *mnnga-a ri rabyamba đ*(...) (7) (...) *ügülegči toyin* (...)

[388v] (1) (...) *uγsan:: küčün-ü erketü* (2) (...) *ünide orosiqui kiged*: (3) (...) *kölgen delgeregülkü-yin tula*: (4) (...) *-tur sayitur бүтүгөжү*: (5) (...) *ge-yin egüden negebei:: bi*(...) (6) (...) *güden: oyun tegüsügen*: (...)

Не может быть сомнений в том, что слова, находящиеся на странице *recto*, — это фрагменты перевода тибетского колофона сутры. Сходство становится очевидным, если сравнить эти фрагменты с монгольским переводом Дарба-пандиты и длинной версией колофона на тибетском языке. В приведенной ниже таблице представлены уцелевшие строки текста из рукописи Q1, а также соответствующие фрагменты из тибетского колофона и колофона в переводе Дарба-пандиты. Совпадающие периоды выделены жирным шрифтом.

⁷ Перевод «Аштасахасрики», авторство которого не установлено, известен в первую очередь по изданию в составе «Красного» пекинского Ганджура на монгольском языке (1720). Предположительная датировка перевода — начало XVIII в. Подробнее об этом переводе сутры см.: *Yampolskaya N. Ashtasahasrikā Prajñāpāramitā in Mongolia: Some Problems of Interpretation // Mongolian Studies: Journal of The Mongolia Society. Bloomington, 2013. Vol. XXXIII.*

⁸ О существовании монгольского перевода «Аштасахасрики» авторства Дарба-пандиты Лувсансодовджамцана (1637–1702) стало известно в 2011 г., когда в Хубсугульском аймаке Монголии была обнаружена рукопись — единственный известный сегодня источник, содержащий этот перевод. Рукопись хранится в частной коллекции в Монголии. Перевод датируется периодом с 1678 по 1702 г.

⁹ Номера строк помечены цифрами в круглых скобках. Пропуски (несохранившаяся часть текста) отмечены знаком (...).

Фрагменты текста рукописи Q1	Фрагмент колофона в переводе Дарба-пандиты	Фрагмент колофона тибетской рукопис- ной редакции дворца Тог ¹⁰
[388r] (1) <i>jiči basa čüb čay-ḍaki (...)</i>	[318r] jiči basa čüb- ün čay-un qamuy-i medeg-či/ yeke kemekü: žalu (zha lu)	[408r] ... slar yang snyigs dus kyi thams cad mkhyen pa chen po zha lu lo tsa ba
(2) <i>lôjçau-a ḍpal rinčên čo(...)</i>	kelemürči ḍpal (ḍpal) rênčên (rin chen) çôs (chos) skýông (skyong)/ bzangpô (bzang po) žal (zhal) sang (sang) nas (nas)	dpal rin chen chos skyong bzang po'i zhal sang nas kyiis/
(3) <i>hindkeg töbüd-ün olan bi(...)</i> (4) <i>oḡoḡata arilyan ese üiled(...)</i>	kemekü ber hindkeg töbed-ün/ olan üliġer- ḍür jökilduyul-un masi teyin arilyan joki/yaysan qoyitu eke sudur ba: hindkeg-ün qoyar üliġer/ ba:	rgya bod kyi dpe du ma dang bstun nas shin tu rnam par dag par mdzad pa'i ma phyi dang/ rgya dpe gnyis dang /
(5) <i>-un töbüd-ün darumal bičig (...)</i>	töbed-ün üliġer darumal eke sudur- nuḡud-ḍur/ tulḡuyul- un: šaky-a-yin eke ayay-q-a tegimlig	bod dpe bar ma rnams la gtugs te/
(6) (...) <i>mnnga-a ri rabyamba ḍ(...)</i>	mngaris (mnga' ris) rab (rab)/ 'byams (byams) pa (pa) ḍpal (ḍpal) 'byôr ('byor) rgyal (rgyal) mčan (mtshan) kemekü ba tel	shAkya'i dge slong mnga' ris rab 'byams pa ḍpal 'byor rgyal mtshan dang /
(7) (...) <i>ügülegči toyin (...)</i>	kelen-ḍü/ ügülegči toyin kun (kun) ḍқа-â (dga') çôs (chos) bzang (bzang) kemekü ... ¹¹	skad gnyis smra ba'i btsun pa kun dga' chos bzang gnyis kyiis/ ...

¹⁰ Brgyad stong bzhugs so. Ms., 409 ff., TBRC, W22083, bka' 'gyur (stog pho brang bris ma). Vol. 50.

¹¹ Перевод фрагмента на русский язык: «И вновь переводчик из Жалу (тиб. zha lu) по имени Великий мудрец смутного времени Пэл Ринчен Чойкьон Занпо Жалцан (тиб. ḍpal rin chen chos skyong bzang po zhal sang) сопоставил с множеством индийских и тибетских книг, сравнил с заново отредактированными источниками, двумя индийскими книгами и тибетскими печатными источниками, а монахиня-Шакья Нгари Рабжампа Пэлчор Гьелцен (тиб. mnga' ris rab 'byams-pa ḍpal 'byor rgyal mtshan) вместе с двуязычным монахом по имени Кунга Чойзаном (тиб. kun dga' chos bzang)...

Сравнение даже столь небольших фрагментов текста доказывает, что перед нами действительно обрывок листа 388, на котором продолжается колофон тибетских переводчиков. Тот факт, что перевод сопровождается более длинной версией колофона, сужает круг тибетских источников, на которых он мог быть основан: это должна быть тибетская редакция сутры, содержащая колофон соответствующей длины.

Обрывки текста на стороне *verso* — это, должно быть, не что иное, как собственно монгольский колофон. По этим незначительным фрагментам до сих пор не удалось даже частично восстановить текст колофона, как не удалось обнаружить и другие источники, которые могли бы содержать его полный текст. В коллекции Института языка и литературы в Улан-Баторе хранятся два ксилографа, содержащие ойратский перевод «Аштасахасрика-праджняпарамита-сутры» авторства Дзая-пандиты¹², однако текст колофона этого перевода не содержит фрагментов, близких обнаруженным на обрывке листа 388v в рукописи Q1.

Несмотря на отсутствие колофона, своеобразие языка перевода позволяет определить его автора. Сравнительный анализ лексикона восьми монгольских переводов сутры «Аштасахасрика-праджняпарамита» выявил несколько характерных особенностей, свойственных терминологии рукописи Q1¹³. В таблице ниже приведены шесть терминов, вариант перевода которых в рукописи Q1 отличается от всех или большинства других монгольских переводов сутры, а также варианты перевода этих терминов из ойратского и монгольского переводов сутры «Ваджраччхедика-праджняпарамита» авторства Дзая-пандиты¹⁴.

¹² Gerelmaa G. Brief Catalogue of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature. Vol. III. Ulaanbaatar, 2005. № 455, 592[1].

¹³ Анализ был основан на выборке из 132 терминов, взятых преимущественно из глав 30 и 32 сутры в ее восьми монгольских переводах. См.: Yampolskaya N. Canonicity in Translation. Eight Mongolian Versions of the Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā Sutra. Dissertation Submitted at the Faculty of Humanities at the University of Bern to Obtain the Degree of Doctor of Philosophy. Bern, 2013. Vol. 1. P. 121–145; Vol. 2. P. 214–226.

¹⁴ Сделанный Дзая-пандитой ойратский перевод сутры «Аштасахасрика-праджняпарамита» не удалось привлечь к исследованию, поэтому для сравнения была выбрана сутра «Ваджраччхедика» — близкий по содержанию текст. Текст сутры «Ваджраччхедика» в переводе Дзая-пандиты был издан Н. Поппе, см.: Poppe N. The Diamond Sutra. Three Mongolian Versions of the Vajracchedika Prajñāparamita. Texts, Translations, Notes, and Glossaries. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1971. Монгольский текст в его переводе был издан А.Г. Сазыкиным, см.: Sazykin A.G. “Diamond Sutra”. The Mongolian Version of the Translation of Zaya-pandita Namkhai-Jamco // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn / Herausgegeben von Walther Heissig und Michael Weiers. 29 (1999). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. S. 17–36.

Термин на тибетском языке и перевод	Аштасахас-рика (рукопись Q1)	Ваджраччхе-дика в ойратском переводе Дзая-пандиты	Ваджраччхе-дика в монгольском переводе Дзая-пандиты	Термин в других переводах Ашта-сахасрики
bcom ldan 'das	ilay-un tegüs (-ün) ülegsen	ilayun tögüsün üleqsen	ilaḷu tegüs nögčigsen	ilaḷu tegüs nögčigsen
dge slong	gêlong	dgeslong	ayaḡ-q-a tegimlig, degêslông	ayaḡ-q-a tegimlig
dgra bcom pa	dayin-i darun	dayini darun	dayini darun	dayini daruysan, arqat
gnas brtan	batu oron	batu oron	batu oron	batuda aḡči, aḡali batu, čing oron, aqui sitügen
tshe dang ldan pa	nasu tegülder	nasu tögüs	nasu tegülder	amin qabiy-a-tu, nasun-a tegülder
'du shes	quriyan medeküi	xuran medekü	quriyan medeküi	sedkiküi, quran medeküi

Эти шесть терминов были выбраны как наиболее характерные, форма некоторых из них позволяет с точностью определить авторство Дзая-пандиты. Прежде всего это необычный для монгольского языка перевод тибетского термина *bcom ldan 'das* («Бхагаван» — эпитет Будды) — *ilay-un tegüs ülegsen* (вместо стандартного *ilaḷu tegüs nögčigsen*). Как видно из приведенного выше примера, этот вариант перевода Дзая-пандита использует в своем тексте на ойратском языке, но не использует в монгольском переводе сутры «Ваджраччхедика». Возможно, это говорит о том, что над переводом «Аштасахасрики» он работал позднее, в период, когда им уже была выработана ойратская терминология. Как бы то ни было, такой «ойратский» вариант перевода тибетского *bcom ldan 'das* явно указывает на авторство Дзая-пандиты.

Перевод тибетских терминов *dge slong* («монах»), *dgra bcom pa* («архат») и *gnas brtan* («стхавира, старейшина» — эпитет учеников Будды) тоже характерен для Дзая-пандиты: такие варианты как *dgeslong* (или *gelong*), *dayini darun* (в отличие от *dayini daruysan*) и *gnas brtan* встречаются как в его монгольском, так и в ойратском переводе сутры «Ваджраччхедика», а из восьми монгольских переводов «Аштасахасрики» они использованы только в тексте рукописи Q1.

Последние два примера характерны не только для переводов Дзая-пандиты, но являются вариантами, встречающимися и в текстах других переводчиков. Однако важно, что в своих переводах Дзая-пандита придерживается именно таких вариантов передачи тибетских терминов *tshe dang ldan pa* («почтенный» — эпитет учеников Будды) и *'du shes* («сознание, осознание»).

Не только в лексике, но и в синтаксисе, и в самом стиле перевода узнается авторство Дзая-пандиты, для чьей манеры перевода характерна максимальная близость к тибетскому тексту. Перевод пословно копирует тибетский текст, включая грамматические элементы, причем изменения часто не привносятся даже тогда, когда полученные конструкции противоречат самому строю монгольского языка. Такая манера перевода, характерная для трудов Дзая-пандиты, не раз становилась предметом интереса ученых и была достаточно подробно описана¹⁵. Ниже приведены лишь несколько примеров из рукописи Q1, иллюстрирующих некоторые характерные черты стиля этого перевода.

Прежде всего перевод по большей части пословно воспроизводит тибетский текст. Следующее предложение из главы 30 сутры «Аштасахасрика-праджняпарамита» разбито на фрагменты с целью проиллюстрировать детальную преданность переводчика строю тибетского предложения.

Тибетский (редакция Дерге)

Q1

1	[265r] rigs kyi bu	[364v] iḡayur-un köbegün-e
2	sems can de dag ni	amitan tede inu
3	de ltar chos la gus par byed cing	tere metü nom-tür süsül-ün üiledüged
4	chos rnam la rten pa dang/	nom-nuyud-a sitügsen kiged
5	dad pa dang ldan pas	bisirel-lüge tegüsügsen-iyer
6	dad pa dang dang ba skyed pas	bisirel kiged süsüg egüskeküi-ber
7	byang chub sems dpa' sems dpa'	bodi satu-a maha-a satu-a nom-un
	chen po chos 'phags kyi drung du	qutuy-un dergede
8	shes rab kyi pha rol tu phyin pa	bilig baramid-i sonosumui:
	nyan to/	

¹⁵ Например, см.: Цендина А.Д. Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына» // *Mongolica*. V. СПб., 2001. С. 54–74; Яхонтова Н.С. Влияние тибетского языка на синтаксис ойратских переводов // *Mongolica*. Памяти Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931). М., 1986. С. 113–117. Автор статьи выражает благодарность Н.С. Яхонтовой за предоставление ценных неопубликованных материалов по ойратскому и монгольскому переводам «Суварнапрабхаса-сутры» («Сутры золотого блеска»). Детальный анализ небольшого фрагмента из первой главы сутры «Аштасахасрика-праджняпарамита» в восьми монгольских переводах в сравнении с тибетской и частично санскритской версией текста представлен автором статьи в диссертации 2013 г. См.: *Yampolskaya N. Canonicity in Translation*. Vol. 1. P. 147–176.

Переводчик позволяет себе вносить в предложение лишь небольшие изменения, например: добавляет отсутствующий в тибетском языке звательный падеж (строка 1) или оформляет прямое дополнение винительным падежом (строка 8)¹⁶. Повсеместно в тексте переводчик передает тибетский вспомогательный глагол *byed* («делать») с помощью монгольского глагола *üiledkü* (строка 3), который не имеет подобной функции в монгольском языке, — прием, характерный для стиля Дзая-пандиты¹⁷. Другие примеры из текста:

Тибетский	Q1	Перевод
skyed par mi bya'o	egüsken <ülü> üiledeküi	не следует порождать
spyad par bya ba	edlen üiledkü	практиковать
thos par byed	sonosqan üiledüged	слушать
mchod pa bya	takin üiledkü	делать подношение

Следуя тибетскому порядку слов, переводчик оставляет указательные местоимения в постпозиции (строка 2), что нехарактерно для монгольского языка, но часто встречается в переводах Дзая-пандиты¹⁸. Другие примеры из текста:

Тибетский	Q1	Перевод
skyed mos tshal de dag	jiryalang-tu čečeglig tede	эти сады
khang pa brtsegs pa de	balyad quriy-a tere	это здание
'dren pa de	uduriduyci tere	этот проводник
me tog de	čečeg tede	эти цветы

Кроме того, придерживаясь буквального перевода некоторых тибетских терминов и выражений, переводчик создает словосочетания, смысл которых в монгольском языке не очевиден без знания тибетского текста. Причина возникновения таких конструкций — буквальный перевод каждого слова в словосочетании без учета общего значения и контекста. Например, тибетское выражение *gzhan du na* («иначе», исполь-

¹⁶ Подобные примеры из переводов Дзая-пандиты описаны в статье: Цендина А.Д. Два монгольских перевода. С. 58–59.

¹⁷ Использование монгольского *üiledkü* для перевода тибетского *byed* характерно не только для текстов Дзая-пандиты, однако эта деталь важна как еще один аргумент в пользу его авторства. Примеры использования Дзая-пандитой этого приема описаны в статьях: Цендина А.Д. Два монгольских перевода. С. 58; Яхонтова Н.С. Влияние тибетского языка. С. 114.

¹⁸ Цендина А.Д. Два монгольских перевода. С. 57.

зается в значении «кроме того») передается буквально как *busud-a bügesü*, поскольку тибетское слово *gzhan* («другой») переводчик последовательно передает монгольским *busud*, означающим «другие, прочие», когда речь идет о людях. Подобная манера придерживаться одного и того же перевода слов вне зависимости от контекста свойственна Дзая-пандите¹⁹. Другой пример из текста:

Тиб.: ...*zhes smras pa'i khyod kyī brgal ba gang yin pa de ci rigs par 'gyur ram/*

Q1: ...*kemen ügüleküi činu getülügen ali mön tere yaγu basa bolqu buyu:*

Есть два варианта интерпретации тибетской словоформы *brgal ba*: как формы глагола *rgal ba* («пересекать»), или другого глагола — *rgol ba* («возражать»). В данном случае контекст предложения (философский диспут) допускает только вторую версию перевода: «...является ли сказанное тобою подходящим **аргументом**?» Однако переводчик Q1 передает тибетское *brgal ba* монгольским *getülügen* — причастной формой глагола *getülkü* («пересекать, освобождаться»), соответствующего по значению тибетскому *rgal ba* («пересекать»). Другими словами, переводчик пренебрегает контекстом, очевидно придерживаясь одного выбранного им варианта перевода, что затрудняет понимание всего предложения.

Итак, присутствие в тексте рукописи Q1 нескольких «ойратских» терминов вкупе с характерными особенностями стиля перевода подтверждает мнение Д. Кары и позволяет утверждать, что автором этого перевода действительно является Дзая-пандита Намхай-Джамцо.

Источники

Brgyad stong bzhugs so. Ms., 409 ff., TBRC, W22083, bka' 'gyur (stog pho brang bris ma). Vol. 50.

Brgyad stong bzhugs so. Xyl., 286 ff., TBRC, W22084, bka' 'gyur (sde dge). Vol. 33.

Литература

Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М., 1972.

Kara D. Knigi mongolskih kočevnikov (sem vekov mongolskoy pismennosti). М., 1972.

Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабджам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи; перевод с ойратского Г.Н. Румянцева и А.Г. Сазыкина; транслитерация текста, предисловие, примечания и указатели А.Г. Сазыкина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.

¹⁹ См.: Цендина А.Д. Два монгольских перевода. С. 55.

- Radnabhadra*. «Lunnyiy svet»: Istoriya rabdzham Zaya-pandityi. Faksimile rukopisi; perevod s oyratskogo G.N. Rumyantseva i A.G. Sazykina; transliteratsiya teksta, predislavie, primechaniya i ukazateli A.G. Sazykina. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999.
- Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук. Т. II. М.: Восточная литература, 2001.
- Sazykin A.G.* Katalog mongolskih rukopisey i ksilografov Instituta vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk. T. II. M.: Vostochnaya literatura, 2001.
- Цендина А.Д.* Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына» // *Mongolica*. V. СПб., 2001.
- Tsendina A.D.* Dva mongolskih perevoda tibetskogo sochineniya «Kniga syina» // *Mongolica*. V. SPb., 2001.
- Яхонтова Н.С.* Влияние тибетского языка на синтаксис ойратских переводов // *Mongolica*. Памяти Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931). М., 1986.
- Yahontova N.S.* Vliyanie tibetskogo yazyika na sintaksis oyratskih perevodov // *Mongolica*. Pamyati Borisa Yakovlevicha Vladimirtsova (1884–1931). M., 1986.
- Gerelmaa G.* Brief Catalogue of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature. Vol. III. Ulaanbaatar, 2005.
- Poppe N.* The Diamond Sutra. Three Mongolian Versions of the Vajracchedika Prajñāpāramita. Texts, Translations, Notes, and Glossaries. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1971.
- Sazykin A.G.* “Diamond Sutra” The Mongolian Version of the Translation of Zaya-pandita Namkhai-Jamco // *Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn / Herausgegeben von Walther Heissig und Michael Weiers*. 29 (1999). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.
- Yampolskaya N.B.* Canonicity in Translation. Eight Mongolian Versions of the *Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā Sūtra*. Dissertation Submitted at the Faculty of Humanities at the University of Bern to Obtain the Degree of Doctor of Philosophy. Bern, 2013.
- Yampolskaya N.B.* *Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā* in Mongolia: Some Problems of Interpretation // *Mongolian Studies: Journal of the Mongolia Society*. Bloomington, 2013. Vol. XXXIII.

N.B. Yampolskaya

***AṢṬASĀHASRIKĀ PRAJÑĀPĀRAMITĀ* IN THE MONGOLIAN
TRANSLATION BY THE OIRAT DZAY-A PANDITA**

Summary: In the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) there is a manuscript that contains one of the eight Mongolian translations of the *Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā sūtra* known today. The last folio of the manuscript, dated, presumably, to the 17th century, is almost completely damaged, and the Mongolian colophon is lost. However, certain peculiarities of the lexicon and style of the translation show that its author was the Oirat Dzay-a pandita.

Key words: the *Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā*, Dzay-a pandita.

Н.С. Яхонтова

**ИЗДАНИЯ СЛОВАРЯ «МОРЕ ИМЕН»
В СОБРАНИИ ИВР РАН И ДРУГИХ КОЛЛЕКЦИЯХ¹**

Известный тибетско-монгольский словарь «Море имен» имеется во многих рукописных собраниях мира. На основании доступных материалов из коллекции ИВ РАН и СПбГУ, описаний других коллекций и каталогов дано подробное описание текстов с точки зрения их принадлежности к двум изданиям, а также выявлено существование более позднего оттиска первого издания, сделанного со слегка усохших досок.

Ключевые слова: рукописные собрания, тибетско-монгольские словари, словарь «Море имен», оттиск, усохшие доски.

Одним среди многих ксилографированных изданий, выполненных в Пекине в XVII–XVIII вв., является двуязычный тибетско-монгольский словарь, известный под кратким названием «Море имен» (по первым двум словам его полного названия), составленный *'bro ba rab 'byams pa*. Это объемное сочинение², состоящее из четырех частей, о котором Б. Лауфер писал следующее: «„Океан³ имен“... не без справедливости носит свое помпезное название, так как он в действительности является заслуживающим удивления достижением первого класса в области филологии»⁴.

¹ Исследование материалов, хранящихся в Британской библиотеке, выполнено при поддержке гранта СПбГУ 2.38.293.2014 «Тибетская письменная традиция и современность».

² Количество листов в нем 377 или 404, размеры листов — около 60 см в длину и до 13 см в ширину (в зависимости от издания).

³ Выбор слова «море» или «океан» в переводе названия словаря зависит от вкуса исследователя, так как и монгольское, и тибетское слово имеет оба эти значения.

⁴ *Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы. Л.: Издание Ленинградского восточного института, 1927. С. 16. Там же он отмечает, что одно из изданий «обнимает 367 листов in-Folio в четырех книгах». Цифра 367, по-видимому, опечатка — должно быть 377 или 376 (если в этом издании нет листа с дхармапалами).

Полное тибетское название словаря «Море имен»: ming gi rgya mtsho'i rgyab gnon dag yig chen po skad kyī rgya mtsho 'am skad rigs gsal byed nyi ma chen po zhes bya ba bzhugs so, монгольское⁵: nere-yin dalai-yin darul-yā yeke dag yig üges-ün dalai ba üges-ün jüil-i todarayul-un üiledügči yeke naran kemekü orošibai.

Этот словарь не является уникальным, напротив, он имеется во многих рукописных собраниях мира: Японии, Монголии, Китая, Германии, США, Франции, Венгрии, Великобритании, Швеции, описан в соответствующих каталогах и в известном труде В. Хайссига о пекинских ксилографах⁶. j

В собрании Института восточных рукописей РАН, согласно каталогу А.Г. Сазыкина, имеется шесть шифров этого словаря (полных текстов или отдельных частей)⁷. В результате передачи в Монгольский фонд двуязычных тибетско-монгольских текстов из Тибетского фонда Института количество экземпляров словаря увеличилось за счет приобщения новых полных текстов или отдельных частей (еще десять шифров) и теперь отличается от указанного в каталоге А.Г. Сазыкина. При более внимательном рассмотрении текстов, отмеченных в каталоге как отдельные части, а также некоторых текстов из вновь поступивших, оказалось, что они могут быть соединены как относящиеся к одному экземпляру словаря; кроме того, были сделаны и некоторые уточнения в распределении текстов по изданиям. Таким образом, на данный момент в собрании ИВР РАН имеется шесть полных комплектов словаря из четырех частей и шесть комплектов, в которых может быть от трех до одной части. Такого количества экземпляров в одном собрании не зафиксировано ни в одном из каталогов, доступных автору, поэтому именно анализ этой коллекции составляет основу статьи.

О существовании двух ксилографических изданий этого словаря пишет Б. Лауфер⁸. В. Хайссиг менее категоричен в количестве изданий, он уверенно называет одно (№ 45, 46, 47, 48), а про другие говорит, что они «более поздние и провинциальные»⁹. Два издания четко выделяются в каталоге собрания Тойё Бунко (№ 129 и № 130 описания)¹⁰. Со-

⁵ В зависимости от издания это название может писаться с теми или иными ошибками, но здесь мы приводим «идеальный» вариант, который ни в одном тексте нам не встретился.

⁶ Heissig W. Die Pekingener lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache // Göttinger Asiatische Forschungen. Bd 2. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1954. S. 43–44.

⁷ Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 264–265.

⁸ Лауфер Б. Очерк монгольской литературы. С. 16.

⁹ Heissig W. Die Pekingener lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache. S. 44.

¹⁰ Poppe N., Hurvitz L., Okada H. Catalogue of the Manchu-Mongol Section of the Toyo Bunko. Tokyo, 1964. P. 125–128.

ставители других каталогов в первую очередь соотносят отдельные экземпляры своих коллекций либо с текстами из Тойё Бунко, либо с описанием В. Хайссига. В то же время В.Л. Успенский пишет, что словарь издавался в Пекине три раза¹¹, и в составленном им каталоге рукописного собрания Восточного факультета СПбГУ три издания словаря числятся под тремя номерами (№ 818, 819, 820)¹².

Ниже на основании сравнения текстов словаря, в первую очередь в собрании ИВР РАН¹³ и доступной информации о нем в других коллекциях¹⁴, дается подробное описание двух изданий этого словаря, если под изданием понимать существенные различия в досках, с которых словари печатались. Для каждого из двух изданий доски вырезались заново, что, однако, не повлияло на содержание словаря, менялось только его оформление. Кроме того, есть основания выделять наравне с изданиями отдельный оттиск, сделанный с досок первого издания, но имеющий свои характерные особенности. Описание изданий этого словаря имеется в многочисленных каталогах, часть текстов из ИВР РАН и все тексты из собрания Восточного факультета СПбГУ описаны в упомянутых каталогах А.Г. Сазыкина и В.Л. Успенского, и что-то неизбежно будет повтором приведенной в них и других каталогах информации. Однако есть некоторые характеристики текстов, которые обычно не отмечаются в каталогах, и далее попробуем более подробно, чем это предполагает жанр каталога, рассмотреть различия между двумя изданиями, в первую очередь с точки зрения издательских особенностей текстов, не касаясь его содержания.

Содержание словаря, распределение текста по частям и, соответственно, содержание колофонов в обоих изданиях идентично. Информация об авторе и дате написания словаря приведена в колофоне, кото-

¹¹ Успенский В.Л. Тибетский буддизм в Пекине. СПб., 2011. С. 282.

¹² Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library / Compiled by Vladimir L. Uspensky with Assistance from Osami Inoue. Edited and Foreword by Tatsuo Nakami. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. P. 414–421.

¹³ У автора также была возможность увидеть экземпляры в собрании Восточного факультета СПбГУ (Санкт-Петербург) и музее-квартире академика Ц. Дамдинсүрэна (Улан-Батор), и здесь я с удовольствием выражаю благодарность за содействие коллегам: К.В. Алексееву и А.Д. Цендиной.

¹⁴ Неоценимую помощь в получении важной дополнительной информации об экземплярах словаря в других коллекциях оказали: Alice Sárközi (коллекция Венгерской Академии наук, Будапешт), П.Л. Гроховский (коллекция Британской библиотеки, Лондон), Françoise Robin, Jenny Ferreux (коллекция Коллеж де Франс / Институт тибетологии, Париж), Michèle Moulin, Michèle Sacquin, Sylvie Biet (коллекция Шиллинга фон Канштадта, хранящаяся в Институте Франции, Париж), Håkan Wahlquist (коллекция Свена Хедина, хранящаяся в Этнографическом музее Швеции, Стокгольм), Э. Мөнхцэцэг (Институт языка и литературы АН Монголии, Улан-Батор), А.А. Сизова (Государственная библиотека Монголии, Улан-Батор).

рый расположен в конце третьей части словаря: автор — 'bro ba rab 'byams pa kun-dga' rgya mtsho, год составления — 1718 (ere sirui noqai jil) (л. 104а). Про автора сказано также, что он составил словарь на 64-м году жизни. Благодаря этому оказывается возможным установить дату его рождения 1654/1655¹⁵.

Словарь состоит из четырех частей, каждая имеет самостоятельную пагинацию. Поскольку порядок расположения частей в двух изданиях отличается, ниже, в кратком описании содержания словаря, нумерация частей приводится по первому изданию¹⁶, которое представлено, в частности, словарем шифра Н 344¹⁷. Самым надежным (и единственным) точным указанием на содержание части оказались тибетские маргинальные названия, которые в каждой части свои, но одинаковые в обоих изданиях, поэтому они приводятся в скобках.

Часть 1 (ming mtsho) — только тибетский текст. В этой части сначала кратко рассказывается об истории появления тибетского алфавита и роли Тхонми Самбхоты, а затем перечисляются все буквы тибетского алфавита (отдельно каждая буква в сочетании с каждой гласной) и все возможные слоги, т.е. сочетания основной согласной с подписными и надписными (и опять же даются сочетания со всеми гласными). Эти списки занимают почти 40 листов и являются основным содержанием данной части.

Часть 2 (dag yig) — самая крупная из всех частей, представляет собой двуязычный грамматический справочник, в котором с различной степенью подробности показаны возможные глагольные формы, употребляемые в функции сказуемого различных типов.

Часть 3 (nyi 'od) — тибетско-монгольский словарь, построенный по алфавиту. В нем приблизительно 11 000 тибетских слов и словосочетаний с параллельным переводом на монгольский язык. Все слова, начинаю-

¹⁵ Taube M. Tibetische Handschriften und Blockdrucke. Teil 1–4. Wiesbaden: Franz Steiner 1966 (Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland. Bd 11, 1–4). S. 960.

¹⁶ «Первым» данное издание названо достаточно условно, потому что колофоны в них идентичны, и, соответственно, датировка тоже. В описаниях коллекций, где имеются оба издания словаря, вслед за В. Хайссигом, первым указывается это издание (Poppe N., Hurvitz L., Okada H. Catalogue of the Manchu-Mongol Section of the Toyo Bunko. P. 125. № 129; Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. С. 264. № 1476; Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. P. 419. № 818), и, как будет показано далее, для этого есть основания. Однако в китайском каталоге (Catalogue of Ancient Mongolian Books and Documents of China. Vol. II. Editorial Board. Beijing: Beijing Library Press, 1999. P. 1163–1165) первыми приводятся тексты второго издания.

¹⁷ Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. С. 264. № 1476.

шиеся на одну букву, оформлены как отдельные главы, таких глав 30, по числу букв тибетского алфавита. В начале каждой главы помещено четверостишие нравоучительно-буддийского содержания, первое слово которого начинается на соответствующую букву. Конец каждой главы завершается заключительной фразой, в ней сказано, что здесь кончается глава, написанная *'bro ba rab 'byams pa*. Именно эта часть имеет колофон, где, в частности, говорится, что данная часть входит в словарь «Море имен». Информация о годе издания и авторе также приводится здесь. Количество листов в ней одинаковое во всех изданиях — 104.

Часть 4 (*gmi lam*) — самая короткая. В ней автор словаря рассказывает о содержании и скрытом значении двух снов, которые ему приснились, когда работа над словарем «Море имен» близилась к концу. Во всех изданиях в ней 8 листов.

Первое издание. Первое издание имеется в фонде ИВР РАН в трех целых комплектах из четырех частей, их шифры: Н 344, Q 4383/1 (В 8916/1,4)¹⁸, Q 4383/2 (В 8854/1,2)¹⁹, а также в трех неполных, их шифры: Q 4383/5 (В 8324/1,2) (части 1 и 2), Н 382 (часть 3), Q 4383/3 (В 8448/1,2) (части 2²⁰ и 4). А также в полном комплекте в коллекции библиотеки СПбГУ (шифр Plg. 40)²¹, только часть 3 (*nyi 'od*) — в коллекции Института языка и литературы АНМ (Улан-Батор) (шифр 0374)²², части 3 (*nyi 'od*) и 4 (*gmi lam*) есть в коллекции Шиллинга фон Канштадта (Институт Франции, Париж)²³, а также, судя по описанию, полный комплект из четырех частей есть в собрании Восточно-Азиатской библиотеки в составе библиотеки Чикагского университета,

¹⁸ При первом упоминании текста, переданного из Тибетского фонда, в скобках указывается шифр, под которым сочинение хранилось в нем. Передача в Монгольский фонд сопровождалась присвоением тексту нового шифра (с начальной буквой Q). Описания словарей с шифрами Q в каталоге А.Г. Сазыкина нет, поскольку они были переданы в Монгольский фонд уже после выхода в свет каталога.

¹⁹ В последней части нет л. 8 (последнего). На л. 76 чернилами в дореволюционной орфографии написано «последнего листа нет».

²⁰ В части 2 нет л. 1.

²¹ Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. P. 419. № 818.

²² *Няммэгмар Б.* Хэл зохиолын хүрээлэнгийн монгол бичмэл дармал номын бүртгэл // Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Literarum Academiae Scientiarum Publicae Mongolici. Т. XXVIII. Fasc. 1. Улаанбаатар, 2012. С. 111. № 450.

²³ *Bacot J.* La collection tibétaine Schilling von Canstadt à la bibliothèque de l'Institut // Journal Asiatique. P., 1924. Т. 205. P. 323. № 3572; *Ligeti L.* La collection mongole Schilling von Canstadt à la bibliothèque de l'Institut // T'oung Pao. 1930. № 27. P. 123. № 3572. Дж. Бако пишет, что в нем 103 листа и аппендикс — 8 листов. К сожалению, точно узнать, какой лист отсутствует в части 3 (*nyi 'od*), не удалось, известно только, что первые три и последние два в ней есть, так что, возможно, это ошибка (состояние листов очень плохое).

Беркли (Калифорния) (шифр Mong. 25)²⁴ и только часть 2 (dag yig) есть в западногерманской библиотеке Марбурга²⁵.

Распределение листов по частям следующее: часть 1 (ming mtsho) — 43 листа, часть 2 (dag yig) — 221 лист, часть 3 (nyi 'od) — 104 листа, часть 4 (rmi lam) — 8 листов, всего 376 листов. Если в комплект входит еще лист с изображением четырех дхармапал, то всего будет 377 листов²⁶. Размер листов: 59,5×12 см (Н 344). Размеры внутренней рамки²⁷ в разных частях слегка отличаются: часть 1 — 52×7,7 см; часть 2 — 52,3×8,1 см; часть 3 — 53,2×8 см; часть 4 — 52,7×7,9 см.

Это издание, наиболее представительное, добротное, отличается высоким качеством китайской бумаги (она плотная и светлая) и очень четкой печатью с использованием двух цветов: красного и черного, буквы вырезаны аккуратно, миниатюры и орнаменты — сложные по рисунку. Оно выполнено в лучших традициях пекинского книгопечатания.

Тексты этого издания имеют свою желтую обложку, типичную для многих пекинских изданий, т.е. самый первый лист части 1 и самый последний лист в конце всего издания — более плотные, за счет наклеенного на них дополнительного листа желтого цвета²⁸. Такая обложка есть во всех текстах первого издания (разумеется, если текст неполный, мы можем с уверенностью говорить только об одной из двух обложек). В случае если последним листом издания является лист с изображением четырех дхармапал, то желтого цвета будет его оборотная сторона, а последний лист части 4 светлый (так в текстах шифра Н 344 и Uspensky-Plg. 40). Части внутри издания тоже выделены: лицевая сторона первого листа части и оборотная сторона последнего — чистые, текст расположен только на внутренней стороне этих листов.

У всех текстов этого издания есть только одно название, у частей названий нет²⁹, их лицевые листы чистые. Название словаря напеча-

²⁴ Bese L. The Mongolian Collection in Berkeley, California // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1977. Т. 31. Fasc. 1. P. 25. Можно исправить две очевидные опечатки в описании: во втором томе 221 лист (а не 22), а общее количество листов 377 (а не 177).

²⁵ Heissig W., Sagaster K. *Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten // Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland*. Bd 1. Wiesbaden, 1961. S. 287. № 533.

²⁶ Так укомплектованы только шифры Н 344, Uspensky-Plg. 40, Bese-Mong. 25.

²⁷ В пределах части размеры рамки могут слегка варьироваться. Размер внутренней рамки дается по ее внешним краям на л. 3а.

²⁸ Идеальный желтый цвет, конечно, у некоторых текстов стал грязноватым.

²⁹ На л. 1а шифра Н 382 (часть 3, nyi 'od) от руки тибетской скорописью написано краткое тибетское название этой части (всего пять слов, они наполовину стерты, но nyi 'od читается). Также только тибетское название (dag yig chung ngu dgul bya'i snying mun sel byed nyi ma stong gi 'od zer zhes bya ba bzugs so), написанное от руки, есть у части 3 (nyi 'od) текста Bacot-№ 3572. Оно приведено у Дж. Бако (*Bacot J. La collection tibétaine Schilling von Canstadt à la bibliothèque de l'Institut*. P. 345) и совпадает с названием этой части во втором издании, где каждая часть имеет свое название.

но на лицевой стороне первого листа, на желтой обложке, в прямоугольной рамке³⁰ с «ушами»³¹. И если тибетское название везде идентичное: ming gi rgya mtsho'i rgyab gnon dag yig chen po skad kyī rgya mtsho 'am skad rigs gsal byed nyi ma chen po zhes bya ba bzhugs so, то в монгольском у разных экземпляров есть разные ошибки в названии, притом что доски, с которых были напечатаны названия, были одни и те же. Трудно сказать, какое название было первичным. Такое впечатление, что «проблемные» места в словах (ниже эти слова подчеркнуты) по мере износа были подправлены в худшую сторону на тех же досках (характер ошибок и их исправлений вполне это допускает). Самыми правильными являются названия с двумя ошибками: nere-yin / dalai/-yin / darul/γ-a / yebe [=yeke]³² / dag / yig / üges-ün / dalai / ba / üges-ün / jüil-i / todara/yul-un / üiledig/či [=üiledügči] / yeke / naran / kemekü / oroši/bai (Q 4383/2)³³ или такое (указываем только подчеркнутые слова): nere ... yebe ... todadyul-un üiledügči (H 344). В двух названиях ошибки совпадают, но их уже четыре (указываем только подчеркнутые слова): eue ... yebe ... todayayul-un üiledigči (Q 4383/1, Q 4383/5³⁴). В названии текста Uspensky-Plg. 40 проблемные слова написаны так: eue ... yebe ... todarayul-un üiledigči³⁵.

В правом прямоугольном «ухе» помещено китайское маргинальное название сочинения — 明海³⁶ mínghǎi³⁷ и под ним номер страницы по-китайски («один», верх). Китайское маргинальное название потом повторяется в каждой из частей в трех местах: на двух первых страницах

³⁰ Размеры рамки 34,7×3,5 см.

³¹ Название «уши» (ears) взято из каталога Д. Кары, где так называются боковые поля в тексте и дополнительные квадраты по обе стороны рамки с названием (*Kara G. Mongolian and Manchu Manuscripts and Blockprints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences* / Ed. György Hazai. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2000 [Bibliotheca Orientalis Hungarica. XLVII]. P. 20). Мы будем так называть только последние.

³² Здесь и далее в транслитерации в квадратные скобки со знаком равенства ([=]) помещено исправленное написание слова или буквы.

³³ В уже напечатанном названии в слове yebe буква «b» аккуратно подчищена так, чтобы больше походить на букву «k».

³⁴ В уже напечатанном названии в слове yebe буква «b» аккуратно подчищена так, чтобы стать буквой «k».

³⁵ В каталогах обычно дается исправленное название (*Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. С. 264; *Catalogue of Ancient Mongolian Books and Documents of China*. P. 419; *Bese L.* The Mongolian Collection in Berkeley, California. P. 25), поэтому здесь ссылки даны только на тексты, которые так или иначе были доступны автору.

³⁶ За помощь в изображении и чтении китайских иероглифов (здесь и далее) большая благодарность Т.А. Пан и В.П. Зайцеву.

³⁷ Значение этих иероглифов («ясный» и «море») приобретает смысл, если вместо первого взять значение его омонима — «имя» (*Poppe N., Hurvitz L., Okada H.* *Catalogue of the Manchu-Mongol Section of the Toyo Bunko*. P. 127–128).

(л. 1б и л. 2а) и последней (часть 1 — л. 43а; часть 2 — л. 221а; часть 3 — л. 104а), а в части 4 — только в двух: на первой и последней страницах (л. 1б и л. 8а).

Маргинальные названия частей по-тибетски (часть 1 — *ming mtsho*, часть 2 — *dag yig*, часть 3 — *nyi 'od*, часть 4 — *gmi lam*) расположены в левом поле на листе 1б и дальше только на стороне «а», кроме части 3, где с обеих сторон листа. С обеих сторон на каждом листе в правом поле указан номер части по-китайски: 一卷, 二卷, 三卷, 四卷³⁸. Пагинация и по-тибетски (на левом поле внизу), и по-китайски (на правом под номером главы) также дается на каждом листе с двух сторон.

На тех же страницах, где есть китайское маргинальное название, расположены миниатюры, всего их 22. На каждой странице по две, слева и справа (всего шесть в каждой из трех первых частей, а в последней — четыре). Эти же страницы окрашены в красный цвет, но в части 4 лист 2а, на котором нет ни китайского маргинального названия, ни миниатюр, ни узоров, а только текст, тоже красный.

Каждая миниатюра сопровождается подписями с именами персонажей по-монгольски, которые расположены в отдельных вертикальных рамках, расположенных по внутреннему краю миниатюры (справа от левой картинки и слева от правой). Только на листе 104а (часть 3, *nyi 'od*) кроме монгольских есть и два тибетских имени, которые находятся в тех же рамках внизу.

Имена не всегда вырезаны аккуратно. У букв «п» и «у» регулярно нет диакритики слева, и мягкие «г» и «к» пишутся одинаково, хотя можно было бы ожидать использования *галика* в их написании, потому что для других букв он встречается: буква «ц» может иметь специальную диакритику слева для передачи тибетских букв (в транслитерации — *ê*), и гласная «о» иногда пишется с использованием сочетания «ова» (обозначаем как *ô*). В одном слове можно заподозрить церебральное «ң», хотя это просто длинный зубец. Буквы «г» и «д» не всегда вырезаны до конца, есть только длинный зубец «у». Все имена из двух изданий сведены в таблицу (см. с. 427–430).

Каждый из листов с миниатюрами имеет также рамку с узорами по нижнему и верхнему краю листа. Узоры в частях 2, 3 и 4 одинаковые (насколько могут быть одинаковыми рисунки). Наверху — это орнамент из масок с гиляндами, а внизу лепестки лотоса³⁹. Количество

³⁸ Эти номера частей указаны в каталоге А.Г. Сазыкина как маргинальные китайские названия (*Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. С. 264. № 1476*).

³⁹ Частичное воспроизведение аналогичных узоров из других пекинских ксилографов можно найти в книге Д. Кары: *Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 131. Маски (Кара их называет*

Фото 1.

Лхамо (монг. ökin tngri), часть 3 (dag yig), л. 221a. Первое издание

масок отличается: в части 2 (только на л. 1б и л. 2а) их семь, а в частях 3 и 4 — девять. В первой части верхний орнамент отличается: на листах 1б и 2а сверху по центру одна маска, от которой в обе стороны отходит волнистый стебель с редкими листьями⁴⁰, внизу, так же как в других частях, — лепестки лотоса. На последнем листе этой части (л. 43а) орнаментов нет. На фото 1 можно увидеть изображение одного из персонажей и частично орнаменты.

Отдельный оттиск. Существует также отдельный оттиск словаря «Море имен», сделанный с тех же досок. В собрании ИВР РАН экземпляр такого оттиска имеет шифр Q 4383/4,6, и он был собран из трех текстов, поступивших из тибетского фонда, где разные его части имели разные шифры (В 8908/1 — часть 1, В 8910/1,2 — части 2 и 4, В 8949 — часть 3). Принадлежность этих частей к одному общему комплексу очевидна не только исходя из формальных характеристик (качество печати и бумаги), но и по чисто внешним признакам, которые трудно четко сформулировать (например, степень потрепанности текста). Несмотря даже на то, что размер листов части пуи 'od чуть меньше (58,7×11 см), притом что остальные имеют одинаковый размер (58,7×11,5 см).

«голова дракона») это № 8, лепестки лотоса, из приведенных у Кары пяти вариантов (№ 10), ближе всего к изображению из ксилографа шифра I 66.

⁴⁰ Похожее изображение стебля приведено в: Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). С. 131, № 6.

Строго говоря, и тексты, которые были выше описаны как первое издание, и этот текст являются двумя разными оттисками, но все-таки вторичность этого оттиска очевидна. Именно этот оттиск хранится в большинстве собраний, но никаких оговорок о том, что он вторичен и что оттиск с досок первого издания был сделан значительно позже, в каталогах не дается.

Оттиск имеется также в следующих библиотеках: полный комплект из четырех частей есть в коллекциях Британской библиотеки (Лондон) (шифр ВМ 19999. а. 9)⁴¹, Чикагского Музея естественной истории (Krueger-№ 5), Свена Хедина⁴², хранящейся в Этнографическом музее Швеции (Стокгольм) (шифр Н-3516a,b,c)⁴³, Коллеж де Франс (Париж) (шифр VIR-469482-1)⁴⁴; только часть 3 (nyi 'od) есть в коллекциях библиотеки Академии наук Венгрии⁴⁵ (шифр Mong. 7), музея-квартиры

⁴¹ В работе (Heissig W. Die Pekingische lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache. S. 43) ссылка дается на Британский музей (ВМ), где тексты находились до 1972 г., когда они были переданы в Британскую библиотеку в составе Восточных коллекций (информация от Dr. Burkhard Quesel, куратора Тибетских коллекций Британской библиотеки, сообщена автору П.Л. Гроховским).

⁴² В предисловии к каталогу П. Аальто пишет, что часть текстов (в том числе и Н-3516) была приобретена в Пекине в монастыре Сунчжусы в ходе экспедиции Свена Хедина в 1927–1935 гг. (Aalto P. A Catalogue of the Hedin Collection of Mongolian Literature // Reports from Scientific Expedition to the North-West Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. Publication 38. Stockholm, 1953. P. 69). К этому можно добавить, что за два словаря: «Море имен» и еще один (Н-3516d) было уплачено 6 мексиканских долларов (информация от Håkan Wahlquist, хранителя Фонда Свена Хедина в Королевской Академии наук Швеции).

⁴³ Aalto P. A Catalogue of the Hedin Collection of Mongolian Literature. P. 85–86. В каталоге под шифром Н-3516a даются две первые части (ming mtsho и dag yig), под Н-3516b — часть 3 (nyi 'od), Н-3516c — часть 4 (rmi lam), однако на самих текстах указан только общий шифр Н-3516. В то же время на части 4 (rmi lam) к шифру Н-3516 добавлена буква «d», что было сделано явно позже (другим почерком и чернилами другого цвета). Тот, кто это сделал, постарался «уравновесить» четыре части и четыре буквы, но это противоречит данным каталога Р. Аальто. Более того, в каталоге под тем же шифром Н-3516, но именно с буквой «d» (Н-3516d) приведен еще один тибетско-монгольский словарь, тоже изданный в Пекине в 1838 г. (тиб. zla ba'i 'od saṅang. монг. saṅang-u gegen gerel). Фактически эти два словаря представляют собой один комплект, помещенный между традиционными досками, и, очевидно, в таком виде они были укомплектованы при покупке в Пекине и так поступили в музей. У словаря «Море имен» в конце добавлен лист с дхармапалами, что не отмечено в каталоге Р. Аальто.

⁴⁴ Онлайн каталог Collège de France http://bude.college-de-france.fr/F/VSP66PIBRC8PRAX8KUUBR3VJPCSU2HQAAMQXDE5GSVXLR49FG7-00672?func=full-set-set&set_number=059877&set_entry=000001&format=999 (последнее обращение 09.05.2014).

⁴⁵ Kara G. Mongolian and Manchu Manuscripts and Blockprints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences. P. 20.

академика Ц. Дамдинсүрэн в Улан-Баторе⁴⁶ (шифр МН 327), Монгольской национальной библиотеки⁴⁷, Международной Академии индийской культуры [Chandra-Mong. 01.01]⁴⁸.

Оттиск имеет три принципиальных отличия от первого издания: а) малиновый цвет страниц с миниатюрами; б) наличие собственных, отличающихся по качеству от второго издания, названий частей; в) меньшие размеры рамки с текстом на некоторых листах. Можно еще добавить, что китайская бумага, на которой делался оттиск, может быть более низкого качества, она может иметь коричневатый оттенок и быть тоньше, печать может быть смазанной (особенно по краям)⁴⁹. К сожалению, не о всех текстах имеется полная информация.

Малиновый цвет. Страницы с миниатюрами, которые в первом издании окрашены в красный цвет, в этом оттиске выполнены с использованием краски, имеющей резкий малиновый оттенок. Единственное исключение — текст из Коллеж де Франс (шифр VIR-469482-1), где вся печать выполнена черной краской. Ничего не известно про цвет в текстах Krueger-№ 5 и Chandra-Mong. 01.01.

Собственные названия. На лицевом листе каждой части оттиска имеется собственное название. У второго издания тоже есть собственные названия, но названия в оттиске имеют свои мелкие особенности, которые отличают их от второго издания.

Название части I в оттиске совпадает с названием всего словаря в первом (а не втором!) издании (тиб. *ming-gi rgya-mtsho'i rgyab gnon dag yig chen-po skad-kyi rgya-mtsho 'am skad rigs gsal byed nyi-ma chen-po zhes bya-ba bzugs so*, монг. *eye[=nere]-yin /dalai /-yin / darul/γ-a / yebe [=yeke] / dag / yig / üges-ün / dalai / ba / üges-ün / jüil-i / todaya/γul-un [=todarayul] / üiledig/či [=üiledügči] / yeke / naran / kemekü / oroši/bai*). Совпадает также и расположение монгольских слов и деление их на части (помечено косыми чертами), в нем также сохранены все четыре

⁴⁶ *Билгүүдэй Г. Ц. Дамдинсүрэнгийн Гэр музейн монгол номын бүртгэл I бодь.* Улаанбаатар. 1998. С. 295. № 1117.

⁴⁷ *Тунгалаг Б., Дуламсүрэн Ц.* Монгол гар бичмэл барын номын номзүй. Улаанбаатар: Арилдар, 2011. С. 300. № 5796. Этот экземпляр неполный (первые 98 листов). Название написано от руки: монг. *dokiyan-u bicig ner-e-yin dalai*. В каталоге указано только, что это словарь «Море имен», и дано количество листов.

⁴⁸ *Chandra Lokesh. Four Tibetan-Mongolian Lexicons. Vol. 1 / Reproduced by Lokesh Chandra from the Collection of Prof. Raghuvira // Indo-Asian Literatures. Vol. 289. New Delhi, 1981 (Śata pīṭaka Series). P. 1.* В предисловии к факсимильной публикации текста шифра Mong. 01.01 упоминается еще один «потрепанный экземпляр» (Mong. 01.02), о принадлежности которого к тому или иному изданию на основании этой информации ничего сказать нельзя. В конце факсимиле воспроизведен лист с дхармапалами, изображение которых отличается от имеющегося в первом издании и в тексте оттиска (Aalto-H3516a,b,c.).

⁴⁹ Этим отличается текст из ИВР (Q 4383/4,6).

возможные ошибки в монгольском названии (eye ... yebe ... todayayul-un üiledigči). От первого издания его отличает только меньшая четкость контура букв. Либо оно было вырезано заново «другой рукой», либо, что более вероятно, доски, использовавшиеся для первого издания, «обросли» краской и буквы стали чуть более округлыми и толстыми. Кроме Q 4383/4,6 идентичное название части 1 присутствует в комплекте из Британской библиотеки (BM 19999. а. 9), Коллеж де Франс (VIR-469482-1) и Aalto-H3516a,b,c. Про текст Krueger-№ 5 известно только, что ошибка есть в первом слове («eye»), остальные ошибки в каталоге не отмечены⁵⁰.

Названий остальных частей — 2 (dag yig), 3 (nyi 'od), 4 (rmi lam) — в первом издании нет, но они есть во втором, поэтому естественно сравнивать их с названиями во втором издании. И тибетские и монгольские буквы в названиях этих частей в оттиске вырезаны чуть более коряво, они больше напоминают рукописный, чем печатный текст. Особенно плохо написан монгольский текст названия части 3, с большим количеством ошибок, а ее тибетское название — это один из двух случаев (из рассмотренных текстов) написания с ошибками (здесь их две). Они также отличаются в худшую сторону от почерка в названии части 1 этого же оттиска. Расположение монгольских слов в названиях частей такое же, как и во втором издании.

Название части 2 (dag yig) имеется в двух разных вариантах. Первый вариант — это на самом деле название другого сочинения: тиб. rgyal po chen po ste lnga la gsol mchod 'bul tshul 'phrin las 'gag med rto rje'i sgra dbyangs zhes bya ba bzhugs so, монг. tabun yeke qayan-dur öčig takil ergüküi yosun-u üilen türidkel ügei včir-un irayu egesig kemegdekü orosiba. Оно не имеет никакого отношения к словарю «Море имен», и это просто ошибка издателей. Сочинение под таким названием известно, и оно также было издано в Пекине⁵¹. Тем не менее это ошибочно напечатанное название указано в двух текстах: Q 4383/4,6 и в Krueger-№ 5. Второй вариант — это правильное название: тиб. ming gi rgya mtsho 'am tshig gi rgya mtsho zhes ba [=bya] ba bzhugs, монгольского названия нет. Оно присутствует в комплекте из Британской библиотеки (BM 19999. а. 9), Коллеж де Франс (VIR-469482-1) и Aalto-H3516a,b,c.

Название части 3 (nyi 'od) очень сильно отличается от трех остальных названий количеством ошибок, и если в тибетском названии их всего две (тиб. dag yig chung ngu dgul bya'i snying mun sel byed nyi ma

⁵⁰ Скорее всего, в каталоге просто приводятся исправленные названия для всех частей.

⁵¹ См., например: Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. P. 357. № 533.

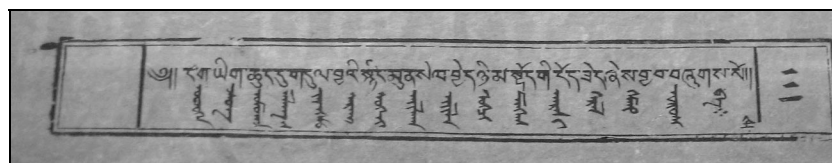

Фото 2.
Название части 3 (nyi 'od) в оттиске

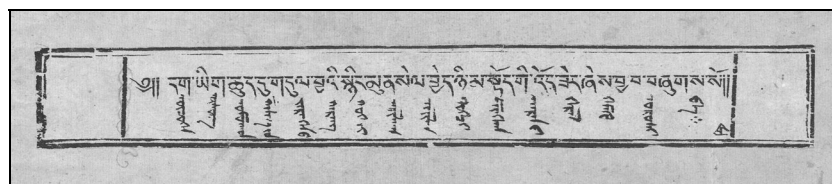

Фото 3.
Название части 3 (nyi 'od) во втором издании

stong gi dod [=‘od] zed [=zer] zhes bya ba bzhugs so), то в монгольском названии указать все ошибки довольно сложно, их значительно больше, некоторые слова вне контекста просто неузнаваемы, в большинстве слов есть буквы, которые вырезаны очень плохо, с пропусками частей. Это в первую очередь слова *jirüken*, *üsüg* и *arilyan*, и очень неестественно написано окончание в слове *kemekü*. Все усугубляется еще и тем, что в отдельных экземплярах они плохо пропечатаны (например, в тексте из Коллеж де Франс (VIR-469482-1) и точно так же в Kara-Mong. 7). В исправленном виде монгольское название должно выглядеть так: *öcüken* / *üsüg* / *nomoyad/qaly-a-yin* / *jirüken-ü* / *qaran/gyui-yi* / *arilyan* / *ayila/dügči* / [=üiledügči] *mingyan* / *naran-u* / *gerel* / *kemekü* / *oroši/ba*. Во всех перечисленных выше экземплярах оттиска, где есть название части 3, оно напечатано именно так⁵². Очевидно, что образцом послужило название этой главы из второго издания, где именно «проблемные» части слов плохо пропечатаны. Что касается написания *ayila/dügči* вместо *üile/dügči*, то так написано и во втором издании, и этот вариант некоторые авторы считают правильным⁵³. Разницу можно увидеть на фото 2 (оттиск)⁵⁴ и фото 3 (второе издание)⁵⁵.

⁵² В Q 4383/4,6 первый лист дефектный, без левой части и название неполное.

⁵³ См., например: *Krueger John R.* Catalogue of the Laufer Mongolian Collections in Chicago // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 86. No. 2 (Apr.-Jun., 1966). P. 175.

⁵⁴ Фотография сделана с текста из коллекции музея-квартиры академика Ц. Дамдинсүрэнэ (Билгүүтэй-МН 327).

⁵⁵ Текст из коллекции ИВР РАН (шифр Н 345).

Название части 4 (rmi lam): тиб. rmi lam gyi don legs par bshad pa'i shel dkar me long zhes bya ba bzugs so, монг. *ṣegüdüñ-ü / udq-a/-yi / sayitur / nomlay/san-u / čayan / šil-un / toli / kemekü / oroši/bai*.

Вторичность названий в оттиске по отношению к первому изданию (для части 1) и второму изданию (для остальных частей) очевидна. Во всех оттисках из разных коллекций, которые были доступны (кроме Krueger-№ 5), названия печатались с одних и тех же досок, но могли быть чуть более или менее четкими.

Оформление всего оттиска (наличие/отсутствие желтых обложек, печатное/наклеенное название) может быть разным (нет сведений о трех текстах Krueger-№ 5, Chandra-Mong. 01.01, Тунгалаг-№ 5796). Только в Aalto-H3516a,b,c желтые обложки есть в начале и конце всего комплекта. В некоторых текстах каждая часть (или одна часть 3) имеет свою желтую обложку (Британская библиотека (ВМ 19999. а. 9), Билгүүтэй-МН 327), а в Q 4383/4,6 есть некое подобие обложки — первый и последний листы всего сочинения сделаны из более плотной бумаги, но по цвету они не отличаются от остальных. В тексте из Коллеж де Франс (VIR-469482-1) и Kara-Mong. 7 первые листы никак не отличаются от остальных. Во всех доступных текстах (кроме Q 4383/4,6) все названия частей напечатаны прямо на обложках в прямоугольных рамках (у части 2, *ming mtsho* рамка трапецевидная, как и во втором издании) с «ушами». В Q 4383/4,6 название части 1 напечатано в рамке⁵⁶ на полоске желтой бумаги, вырезано по краям рамки и наклеено на лист, но остальные названия напечатаны прямо на листах. В правом «ухе» у первого названия оттиска стоит китайское маргинальное название 明海 *míng hǎi* и номер листа (т.е. так же как и в первом издании). У названий остальных частей в «ушах» даны только китайские цифры «два», «три» и «четыре» (притом что во втором издании «уши» пустые — в них номеров частей нет). Однако прямо под монгольским названием частей 2 и 3 есть еще и маленькие иероглифы 乙 *yǐ* и 全 *quán* соответственно, т.е. так же как и в названии этих частей во втором издании⁵⁷.

Можно еще добавить, что на листах с изображением дхармапал, которые есть в конце двух текстов оттиска (Chandra-Mong. 01.01 и H3516a,b,c), изображения существенно отличаются и между собой, и от такого же листа в первом издании.

Меньшие размеры рамки. Эту особенность оттиска — меньшие по сравнению с первым изданием размеры рамки с текстом на некоторых листах, следует считать самым существенным его отличием от первого

⁵⁶ Размеры рамки также совпадают с первым изданием: 34,7×3,5 см.

⁵⁷ В части 4, как и во втором издании, иероглифа нет.

издания. Весь текст равномерно ужат по длине от концов досок к середине, и разница между длиной рамки в первом издании и оттиском может достигать почти полутора сантиметров, притом что ширина рамки остается неизменной. Только для Q 4383/4,6 была возможность посмотреть листы выборочно по всем частям словаря⁵⁸, для текстов Коллеж де Франс (VIR-469482-1), Aalto-H3516a,b,c и Kara-Mong. 7 известно только, что размеры рамки на л. 3а короче почти на 1 см (52,2 см⁵⁹ вместо 53,2 см). При сличении размеров рамки в оттиске и первом издании заметно, что количество «ужатых» рамок меньше всего в части 2 (dag yig) и больше всего в части 3 (nyi 'od), но расхождения есть во всех частях. Кажется очень вероятным, что некоторые доски, с которых печаталось первое издание, к моменту печати оттиска немного усохли, и это привело к изменению размеров рамки с текстом.

К сожалению, нельзя с полной определенностью сказать, имеется ли в фонде Национальной библиотеки в Париже⁶⁰ полный экземпляр первого издания словаря или оттиск с него. В пользу того, что это первое издание, свидетельствуют два факта. Во-первых, Л. Лигети указывает только одно общее название словаря⁶¹. Во-вторых, в собрании ИВР РАН есть копия⁶² части 3 (nyi 'od) издания, хранящегося в Париже. В копии на лицевой стороне первого листа написано: Dictionnaire Tibetain calqué sur un exemplaire qui est à la Bibliothèque du Roi à Paris. 1824. Копия сделана очень аккуратно на кальке, всего 104 листа, сложенных вдвое (на половине листа — сторона «а», на другой половине — сторона «б»), с использованием красных чернил. Названия у части нет, а ее оформление соответствует первому изданию. Размеры рамки совпадают с первым изданием, но не оттиском, если считать, что это абсолютно точная копия⁶³. Ссылка на текст из Национальной библи-

⁵⁸ Измерения рамки в Q 4383/4,6 в сопоставлении с H 344 (первое издание) дают следующие результаты (указана только длина): часть 1 (ming mtsho) л. 2а: 52,2↔52,8, л. 3а: 51,4↔52,0, л. 3б: 51,0↔51,8; часть 2 (dag yig) л. 2а: 52,2↔52,8; часть 3 (nyi 'od) л. 7а: 52,2↔53,2, л. 20а: 52,3↔53,0, л. 40а: 52,0↔53,0, л. 50а: 52,0↔53,4, л. 70а: 52,0↔53,2; часть 4 (rmi lam) л. 3а: 52,3↔52,7, л. 5а: 52,3↔53,2, л. 7а: 52,4↔53,0.

⁵⁹ Так в Q 4383/4,6. В остальных текстах погрешность составляет 1–3 мм: у текста Aalto-H3516a,b,c — 52,0 см, Коллеж де Франс — 52,2, Kara-Mong. 7 — 52,3.

⁶⁰ *Ligeti L.* La collection mongole Schilling von Canstadt à la bibliothèque de l'Institut. P. 123. № 467–469.

⁶¹ Ibid. P. 123–124. Также одно название приведено и в рукописном «Catalogue sommaire du Fonds tibétain», составленном J. Filliozat в 1936 г., где сказано, что текст был приобретен Ю. Клапротом в 1819 г. для Королевской библиотеки (информация от Nathalie Monnet — главного хранителя Дунхуанского и китайского фондов Отдела Востока, в составе Рукописного отдела Национальной библиотеки Франции).

⁶² Шифр Q 4715 (B 8356/3).

⁶³ Хотя небольшие мелочи в копии не совпадают: автор копии иногда не делил одно монгольское слово на две части, как это сделано в оригинале.

отеки Франции есть в описании первого издания в работе В. Хайссига⁶⁴, где приводятся названия для всех частей словаря, что характерно для оттиска. Среди других текстов, на которые он ссылается, есть и первое издание и оттиски⁶⁵. Но все-таки, в первую очередь, из-за известной даты приобретения текста (1819) можно с уверенностью считать, что в Национальной библиотеке хранится текст первого издания, а не оттиска.

Напротив, вероятно, к оттиску относится экземпляр словаря в библиотеке Тойё Бунко (Токио)⁶⁶. Информации в каталоге недостаточно для точного ответа, но наличие собственного названия у части 4 (из имеющихся в коллекции трех частей нет части *nyī 'od*) характерно для отдельного оттиска.

Второе издание. Второе издание словаря «Море имен», которое делалось с других досок, в собрании ИВР РАН представлено следующими ксилографами: два полных текста словаря из четырех частей, их шифры Q 4386/1 (В 13680/1,4) и Q 4386/2 (В 8323/1,2), и пять неполных — шифры Q 4386/3 (В 8946) (часть 3)⁶⁷, Н 311 (части 2, 3)⁶⁸, Н 363 (часть 4), Н 384 (часть 2), Н 345 (части 3, 4). Четыре последних шифра могут быть соединены в два комплекта, из трех частей каждое: Н 311 с Н 363, а Н 384 с Н 345. Кроме одинаковых размеров (60×13 см) эти тексты внутри каждой пары объединяет одинаковое происхождение: первая пара поступила в Азиатский музей из собрания Казанской духовной академии (КДА), вторая — из Библиотеки Азиатского департамента (БАД). Про тексты из КДА, в отличие от текстов из БАД, можно сказать, что они изначально хранились отдельно — сохранились их разные инвентарные номера библиотеки КДА⁶⁹. И так же по отдельности они про-

⁶⁴ Heissig W. Die Pekingener lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache. S. 43–44. Можно исправить две очевидные опечатки в этой работе. На с. 43 в примеч. 3 указано количество листов 23 (23 fol.) вместо 43. В примеч. 5 указано 204 листа (204 fol.) вместо 104. В примеч. 6 также стоит 204 г вместо 104 г.

⁶⁵ Экземпляры из Британского музея (сейчас в Британской библиотеке) — BM 19999. a.9 и коллекции Свена Хедина (Н 3516a,b,c) — это оттиск, а текст из коллекции Шиллинга фон Канштадта (№ 3572) — первое издание.

⁶⁶ Poppe N., Hurvitz L., Okada H. Catalogue of the Manchu-Mongol Section of the Toyo Bunko. P. 125–128 (№ 129a — часть *ming mtsho*, 129b — часть *dag yig*, 129c — часть *gmi lam*).

⁶⁷ На л. 26 имеется штамп «Из книг Г.Ц. Цыбикова».

⁶⁸ В каталоге А.Г. Сазыкина из-за ошибочно указанного количества листов в части 2 (221 вместо 241) этот ксилограф отнесен к первому изданию (Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. С. 264. № 1476).

⁶⁹ На ярлыке библиотеки Казанской духовной академии указаны инвентарные номера: для Н 311 это 164_{6/4} (часть 2 — *dag yig*) и 164_{6/4a} (часть 3 — *nyī 'od*), а для Н 363 — 164_{6/22} (часть 4 — *gmi lam*). В каталог Казанского университета включен, по-видимому, текст шифра Н 311, потому что в каталоге под номером 3 сказано: «*Нэрэ-йн далай*. Море слов. Словарь тибетско-монгольский с примерами для упражнений в правилах грам-

должали существовать и в Азиатском музее (КДА 248 и КДА 153). Два вторых текста (Н 384 и Н 345) не имеют отметок об исходных номерах в коллекции Азиатского департамента, однако в каталоге А.Г. Сазыкина (№ 1477 и № 1478) для них приведены номера БАД 570 и БАД 570а,б⁷⁰. В обоих случаях принадлежность каждой пары к одному (неполному) комплекту словаря представляется очень вероятной.

Второе издание в комплекте из четырех частей есть также в коллекциях Чикагского музея естественной истории (США)⁷¹, библиотеки Академии наук Венгрии (шифры Mong. 84 — части dag yig и ming mtsho, Mong. 84a — часть nyi 'od⁷², Mong. 84b — часть rmi lam)⁷³, в Государственной библиотеке (Берлин) (шифры Tib. Bl. 207 — часть dag yig, Tib. Bl. 208 — часть ming mtsho, Tib. Bl. 209 — часть nyi 'od, Tib. Bl. 210 — часть rmi lam)⁷⁴ и отдельно часть 3 (nyi 'od) (шифр

матических и переводах книг с тибетского на монгольский. 1 книга» [Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в Библиотеке Императорского Казанского университета хранящимся. Казань, 1834 (Казанский каталог). С. 1]. Этому описанию содержания соответствуют части 2 и 3, которые включены в шифр Н 311 (а не часть 4 под шифром Н 363).

⁷⁰ Ярлыки библиотеки Азиатского департамента имеют четыре части словаря. Только на ярлыке одного текста (Н 382) стоит номер 570 (остальные ярлыки пустые). Именно этот номер включен в каталог БАД, где сказано, что это «тибетский словарь с монгольским переводом, составленный монгольским ламой» [Каталог книгам, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента. Санкт-Петербург, 1843 (Каталог БАД). С. 94]. Это описание действительно соответствует шифру Н 382 — только часть 3 (nyi 'od), тибетско-монгольский словарь. Таким образом, экземпляр, упомянутый в каталоге БАД, это Н 382. В то же время на всех четырех частях (предположительно Б.Я. Владимирцовым) размашистым синим карандашом были расставлены новые номера: на Н 384 (часть 2, da yig) — № 570, на Н 345 (часть 3, nyi 'od, и часть 4, rmi lam) — № 570а и 570б и на Н 382 — № 570с. По-видимому, за основу был взят № 570, а порядок номеров с буквами должен был отражать комплект второго издания (№ 570, № 570а,б) и отдельную главу из первого (№ 570с). Именно эти номера были приведены в каталоге А.Г. Сазыкина, хотя формально они не являются шифрами БАД. Здесь можно поправить неизвестного, который в печатном каталоге БАД, хранящемся в ИВР РАН, фиолетовыми чернилами расставил у большинства сочинений на монгольском языке номера шифров (которые являются действующими и на настоящий момент) и у № 570 написал шифр Н 384. То есть он также принял «вторичный» номер за изначальный шифр БАД.

⁷¹ *Krueger John R. Catalogue of the Laufer Mongolian Collections in Chicago.* P. 175. № 6. В размерах в сантиметрах есть опечатка (правильно 59х11,5), еще одна опечатка: количество листов в части 4 — 8 (а не 18).

⁷² В монгольском названии части 3 (nyi 'od) многие слова стерты (*Kara G. Mongolian and Manchu Manuscripts and Blockprints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences.* P. 126).

⁷³ *Kara G. Mongolian and Manchu Manuscripts and Blockprints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences.* P. 126.

⁷⁴ *Taube M. Tibetische Handschriften und Blockdrucke.* S. 960–962. № 2684, 2485, 2486, 2688.

Tib. Bl. 154)⁷⁵. Неполный комплект есть в библиотеке Тойё Бунко (Токио), где имеются три первые части (без последней части rmi lam): 130a — часть dag yig, 130b — часть ming mtsho, 130c — часть nyi 'od⁷⁶. Комплект из трех частей (без тибетской) есть в библиотеке Восточного факультета СПбГУ (шифр Plg. 59)⁷⁷, в Британской библиотеке (шифры BM 19999. b. 11 — часть dag yig, BM 19999. b. 12 — части nyi 'od и rmi lam). Отдельные части есть: в коллекции Чикагского университета — только часть 2 (dag yig) (шифр L-47)⁷⁸; в коллекции Института языка и литературы АНМ (Улан-Батор) — только часть 3 (nyi 'od)⁷⁹, но в двух экземплярах (шифры 1059, 0010).

Второе издание чуть менее качественное, китайская бумага может быть разная: с явно выраженным желтоватым оттенком и значительно тоньше (шифр Q 4386/3) или такая же плотная и, можно сказать, беловатая или сероватая (шифры: Н 311, Н 363, Н 345, Н 384, Q 4386/1, Q 4386/2, Kara-Mong. 84, 84a, 84b, BM 19999 b. 11, BM 19999 b. 12, Uspensky-Plg. 59, Нямягмар-0010). Независимо от качества бумаги печать местами чуть менее четкая, по краям может быть размазанной. В большинстве этих экземпляров все листы напечатаны только в черном цвете, но в Uspensky-Plg. 59 и Нямягмар-0010 использована красная краска для печати тех же листов (в начале и конце частей), что и в первом издании.

Второе издание также состоит из четырех частей, и тибетские маргинальные названия в каждой части те же, что и в первом издании⁸⁰, но количество листов в первых двух частях отличается. В части 1 (ming mtsho) — 51 лист, в части 2 (dag yig) — 241 лист, в части 3 (nyi 'od) — 104 листа, в части 4 (rmi lam) — 8 листов. Внутренние размеры рамки в первых двух частях 53,5×8,8 см, в третьей 53×8,8 см, в четвертой 52,8×9 см. Пагинация дана слева по-тибетски, справа по-китайски на

⁷⁵ Ibid. № 2487. Отмечается, что название части 3 (nyi 'od) почти полностью стерто.

⁷⁶ Poppe N., Hurvitz L., Okada H. Catalogue of the Manchu-Mongol Section of the Toyo Bunko. P. 128. № 130. Там же сказано, что название части 3 (nyi 'od) не читается.

⁷⁷ Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. P. 420. № 819.

⁷⁸ Krueger John R. Catalogue of the Laufer Mongolian Collections in Chicago. P. 160. В работе В. Хайссига (Heissig W. Die Pekingische lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache. S. 43) при описании первого издания ссылки даются на текст шифра L-47, а для части 1 еще и на L-109, о последнем Дж. Крюгер пишет, что он не обнаружен (Krueger John R. Catalogue of the Laufer Mongolian Collections in Chicago. P. 161). Относительно L-47 Дж. Крюгер уточняет, что это второе издание, но в каталоге указана только его часть 2 (dag yig) (Ibid. P. 160).

⁷⁹ Нямягмар Б. Хэл зохиолын хүрээлэнгийн монгол бичмэл дармал номын бүртгэл. С. 111. № 449, 451.

⁸⁰ И так же как в первом издании, только в части 3 (nyi 'od) они стоят на обеих сторонах листов.

обеих сторонах листа⁸¹. Листа с дхармапалами нет ни в одном из текстов этого издания. Несмотря на разный объем двух глав, их текст в обоих изданиях идентичен. Большее количество листов в части 1 получилось за счет уменьшения количества строк на странице (вместо семи в первом издании здесь их шесть). В части 2 — просто за счет более свободного расположения текста. Небольшие различия в расположении текста есть и в двух других частях, например в части 3, где количество страниц одинаково и границы страниц совпадают, внутри страниц есть разница в написании монгольских слов: во втором издании наблюдается стремление не разбивать слова на части, а писать целое слово слитно. В части 4 можно заметить только небольшие отличия в размерах пропусков между предложениями в пределах строки.

Порядок расположения частей во втором издании немного отличается от первого. Наличие в нем определенного порядка не столь очевидно как в первом, где части имеют китайские номера на полях (а в отдельном оттиске еще и при названиях частей на титульных листах). Во втором издании номеров нет нигде⁸², но тем не менее в первую очередь по полному тексту шифра Q 4386/2, который имеет желтые обложки в начале и в конце, видно, что первой в нем должна стоять часть 2 (dag yig), а за ней — часть 1 (ming mtsho), а потом уже части 3 и 4 в обычном порядке. Текст Kara-Mong. 84, 84a, 84b имеет не желтую, а «уплотненную» обложку, к первому и последнему листам в начале и конце всего комплекта приклеен добавочный слой бумаги того же цвета. Особое оформление имеет текст полного словаря (шифр Q 4386/1), где у каждой части имеются индивидуальные желтые обложки⁸³. Повидимому, этот фактор позволил владельцу этого текста расположить части в удобном для него порядке, обозначив порядок тибетскими цифрами на обложке⁸⁴. С его точки зрения, первой должна быть часть 3 (nyi 'od), второй — часть 1 (ming mtsho), третьей — часть 4 (rmi lam), и последней — часть 2 (dag yig).

Кроме полного комплекта из четырех частей второе издание часто представлено неполным комплектом из трех частей без чисто тибетской части (ming mtsho). Такой комплект может быть оформлен в двух

⁸¹ Указание, что в тексте шифра Н 345 (*Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. С. 264. № 1477) пагинация тибетско-монгольская, — опечатка.

⁸² Для шифра Н 345 в каталоге упомянуто наличие китайских номеров частей на полях (*Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. С. 264. № 1477), однако в этом тексте, как и в других текстах второго издания, номеров частей нет.

⁸³ У отдельной третьей главы (шифр Q 4386/3) есть желтая обложка в начале, а в конце более плотный серый лист.

⁸⁴ Каждая цифра подписана под тибетской буквой khu.

вариантах: с желтыми обложками и без. Желтые обложки есть в Н 311 и Н 363, Н 384 и Н 345, и в ВМ 19999. б. 11, ВМ 19999. б. 12, но их нет в Uspensky-Plg. 59⁸⁵. Про оформление комплектов остальных текстов (полных и неполных) информации нет.

Названия частей этого издания в целом совпадают с названиями, которые приводились выше для отдельного оттиска первого издания. Ниже приводятся названия частей в том порядке, в каком они идут в полном комплекте во втором издании, сохраняя нумерацию частей по первому изданию. Названия каждой части во всех экземплярах второго издания не просто совпадают, они были выполнены с одинаковых клише. Названия частей следующие:

Часть 2 (dag yig): тиб. *ming gi rgya-mtsho'i rgyab gnon dag yig chen-po skad kyi rgya mtsho 'am skad rigs gsal byed nyi ma chen po zhes bya ba bzhugs so*, монг. ая [=nere]-yin / *dalai-yin* / *darul/γ-a* / *yeke* / *dag* / *yig* / *üges-ün* / *dalai* / *ba* / *üges-ün* / *jüil-i* / *todaya/γul-un* [=toduraγul-un] / *üiledüg/či yeke* / *naran* / *kemekü* / *oroši/bai*.

Часть 1 (*ming mtsho*): тиб. *ming gi rgya mtsho 'am tshig gi rgya mtsho zhes ba* [=bya]⁸⁶ *ba bzhugs*, монгольского названия нет.

Часть 3 (*nyi 'od*): тиб. *dag yig chung ngu dgul bya'i snying mun sel byed nyi ma stong gi 'od zer zhes bya ba bzhugs so*, монг. *öčüken* / *üsüg* / *nomoyad/qalγ-a-yin* / *jirüken-ü* / *qarang/γui-yi* / *arilyan* / *ayila/dügči* [=üiledügči] / *mingyan* / *naran-u* / *gerel* / *kemekü* / *oroši/ba*.

Часть 4 (*rmi lam*): тиб. *rmi lam gyi don legs par bshad pa'i shel dkar me long zhes bya ba bzhugs so*, монг. *jegüdün-ü* / *udq-a-yi* / *sayitur* / *nomlay/san-u* / *čayan* / *šil-un* / *toli* / *kemekü* / *oroši/bai*

Первое название (часть *dag yig*) текстуально совпадает в обоих изданиях (в первом издании это название всего сочинения). Название также помещено в рамку⁸⁷. В двух текстах (шифр Q 4386/1 и Q 4386/3) название в рамке напечатано на желтой обложке, но в большинстве (шифры Н 311 и Н 363, Н 345 и Н 384, Q 4386/2, ВМ 19999. б. 11) рамка с названием напечатана на узком листе желтой же бумаги, наклеенном на обложку, и тогда сливается с ней, или на обложку обычного цвета (как в текстах Uspensky-Plg. 59, Kara-Mong. 84). Расположение строк монгольского названия относительно тибетского отличается от их расположения в первом издании: здесь они не выходят за пределы строки с тибетским названием. В результате монгольские слова более точно подписаны под соответствующими тибетскими (разумеется, с учетом разного порядка слов). Их разбивка на строки совпадает с пер-

⁸⁵ Но в нем самый последний лист последней главы 4 — это стандартная желтая обложка.

⁸⁶ В названии этой части в Kara-Mong. 84 виден легкий след от подписной «ya».

⁸⁷ Размеры рамки: 34,5×3,5 см.

вым изданием. Исправлены две ошибки, имевшиеся в монгольском названии (yeke и üiledügči), но две оставлены (aya⁸⁸ и todayayul-un). Написание аya (вместо pere или eye) отличает второе издание от первого. Совершенно очевидно, что это название было «срисовано» с названия словаря из первого издания. Отличия в стиле исполнения видны только при очень внимательном взгляде, в частности, тибетское название вырезано чуть менее четко, зато более свободно.

Чисто тибетская часть (ming mtsho) есть только в полных комплектах, и ее название в трапециевидной рамке⁸⁹ в двух текстах (шифры Q 4386/1 и Q 4386/2) напечатано прямо на обложке (желтой в первом случае и серой во втором), а в Kara-Mong. 84 рамка с названием наклеена. В тибетском названии есть одна ошибка (ba вместо bya).

Названия частей 3 (nyī ‘od) и 4 (rmi lam) тоже имеют рамки⁹⁰. Рамки с названиями могут быть напечатаны прямо на желтой обложке (так в шифре Q 4386/1), либо на обложку могут быть приклеены рамки с названиями, напечатанными на узких листах белой бумаги (H 311 и H 363) или сероватых, совпадающих по цвету с цветом лицевого листа (H 345 и H 384, Q 4386/2, Kara-Mong. 84a, 84b, BM 19999. b. 12, Ням-мягмар-0010), во втором случае практически не видно, что они наклеены. В монгольском названии части nyī ‘od есть одна ошибка (ayila/dügči вместо üiledügči)⁹¹. В тексте шифра Q 4386/3 (отдельная часть nyī ‘od) название напечатано на желтой обложке. У рамок всех названий есть «уши», но они пустые. Под монгольским названием первых трех частей (кроме части 4 — rmi lam) в правом нижнем крайнем углу рамки (но не в «ухе») помещаются также китайские иероглифы (для каждой части свой), которые являются китайскими маргинальными названиями этих частей. Про оформление названий в других текстах информации нет.

Наличие собственного китайского маргинального названия у каждой части является основным отличием второго издания от первого. Для части 1 (ming mtsho) это иероглиф 乙 yī⁹², для части 2 (dag yig) —

⁸⁸ В двух каталогах (Poppe N., Hurvitz L., Okada H. Catalogue of the Manchu-Mongol Section of the Toyo Bunko. P. 128. № 130a; Krueger John R. Catalogue of the Laufer Mongolian Collections in Chicago. P. 160) написание «aya» не считается ошибкой, видимо потому, что у него есть значение «звук», и оно вполне укладывается в смысл названия.

⁸⁹ Размеры рамки: 17,8 (21,5)×2,3.

⁹⁰ Размеры рамки названий части 3 — 24,6×3,2, части 4 — 25,8×3.

⁹¹ В. Хайсиг и Дж. Крюгер считают написание ayiladuüči правильным (Heissig W. Die Pekinger lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache. S. 43; Krueger John R. Catalogue of the Laufer Mongolian Collections in Chicago. P. 175).

⁹² Так же произносится число «один». Хотя связь значения иероглифа с номером части очевидна, первой эта часть является для первого издания, во втором она стоит второй.

達 *dá*⁹³, для части 3 (*nyi 'od*) — 全 *quán*⁹⁴, для последней части 4 (*rmi lam*) — сокращенный вариант иероглифа 來 *lai*⁹⁵. Они расположены в правом поле листа сверху с обеих сторон, а внизу дается китайская пагинация (тоже с двух сторон). На листе 1б каждой части эти иероглифы даются в сочетании с 頭 *tou* «начало», а на последнем — в сочетании с 未 *mò* «конец». Есть и другие добавочные иероглифы: только в части 1 на листе 2а к иероглифу 乙 *yǐ* добавлены два других 字 *zì* «иероглиф» и 号 *hao* «номер», а на листе 2б — один 字, а в части 3 на обеих сторонах листа 3 к иероглифу 全 добавлен 字. Кроме того, на последнем листе части 3 вместо ожидаемого сочетания двух китайских иероглифов стоит только второй, а вместо первого в стандартной рамке для маргинальных китайских названий и пагинации оказалась часть подписи к миниатюре: *bisman*. Так получилось, потому что рамка для подписи на этом листе не была предусмотрена, и первую часть подписи к миниатюре, и вторую часть китайского маргинального названия поместили в единственной имеющейся рамке.

В этом издании то же количество миниатюр, и на них изображены те же персонажи, что и в первом издании, но здесь миниатюры вырезаны заново, и качество их исполнения немного хуже. Основные детали и композиция рисунка сохранены, и персонажи выполнены в одинаковом стиле, однако некоторые мелкие детали не прорисованы или прорисованы по-другому, фон, на котором помещены персонажи, тоже менее детальный.

Есть небольшие изменения и в подписях у миниатюр. Во-первых, исправлены некоторые ошибки в написании монгольских имен, в то же время три монгольских имени просто пропущены (Махакала, Цонхопа и Красный Махакала). Во-вторых, при некоторых персонажах добавлены строки поклонения по-тибетски, которые располагаются под рисунком, без специальной рамки. В-третьих, если в первом издании при каждой миниатюре предусмотрена специальная широкая вертикальная рамка (по внутреннему краю картинки), то во втором издании так оформлены только части 1 (*ming mtsho*) и 2 (*dag yig*). В части 3 (*nyi 'od*) на л. 1б и л. 104а рамки нет (она есть только на л. 2а), в части 4, напротив, у миниатюр две рамки: внутренняя узкая, и внешняя широкая, и на л. 1б подписи стоят в широкой рамке, а на последнем л. 8а — в узкой. Там, где рамка отсутствует, имена пишутся в пределах рисунка по внутреннему краю, а на л. 104а части 3 это привело к «столкнове-

⁹³ Его значение «достигать», а произношение коррелирует с произношением тибетского маргинального названия этой части (*dag yig*).

⁹⁴ Связь этого иероглифа (его значение «полный») с частью 3 определить не удалось.

⁹⁵ Произношение этого иероглифа (значение «приходить») похоже на произношение второго слога тибетского маргинального названия *rmi lam*.

Фото 4.

Лхамо (монг. ökin tngri), часть 3 (dag yig), л. 241a. Второе издание

нию» на территории правого поля имени *bisman tngri* с китайским маргинальным названием с ущербом для обоих.

Отличаются в этом издании и узоры, которые идут по нижнему и верхнему краям листов с миниатюрами. В этом издании они более разнообразные, но часто более простые по исполнению. В части 1 (*ming mtsho*) на последнем (л. 51a) узоров нет (как их нет в этом месте и в первом издании), зато на самом первом листе (л. 1б) верхние узоры расположены в два ряда: сначала в рамке волнообразный растительный орнамент, а под ним на «территории» текста семь масок, между которыми помещены «восемь счастливых предметов». В остальных частях в верхнем орнаменте место масок первого издания занимают «купола» (стилизованные лепестки лотоса) разного размера и количества, внизу это могут быть лепестки лотоса⁹⁶, растительный орнамент⁹⁷, орнамент из лотосов и другие. На фото 4 можно увидеть изображение одного из персонажей и частично орнаменты.

⁹⁶ Изображения орнаментов из лотосовых лепестков в ксилографе шифра Н 345 см.: *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). С. 131. № 10 (нижний ряд). Оба эти узора из части 4 (*rtmi lam*): первый — это л. 1б, второй (ошибочно напечатанный вверх ногами) — л. 8а.

⁹⁷ Растительный орнамент части 3 (*nyü 'od*) (л. 2а) из ксилографа шифра Н 345 — это № 4, а из части 2 (*dag yig*) (л. 241) того же издания напоминает № 5 или № 6в [*Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). С. 131].

Наконец, необходимо упомянуть еще один текст этого словаря из собрания Восточного факультета СПбГУ (шифр Plg. 59A), который в каталоге отмечен как отдельное издание⁹⁸. Это текст только части 4 (rmi lam), который был отпечатан с тех же досок, что и эта часть из второго издания, однако у него нет названия, листы 1б и 8а красные⁹⁹, но самое главное, в нем на каждой странице стоит другой маргинальный китайский иероглиф 完 wán «конец». Так же как в других текстах второго издания, на листе 1б он дается в сочетании с 頭 tóu «начало», а на л. 8а — в сочетании с 末 mò «конец». Фактически он был просто «перевырезан» на месте стандартного для второго издания 来 lái, поскольку никаких других расхождений между вторым изданием и этим текстом нет. Наличие собственного маргинального иероглифа очень сильный довод в пользу того, чтобы считать этот текст самостоятельным изданием. Однако использование досок второго издания делают необходимыми соответствующие оговорки. Последний лист этого текста желтого цвета, т.е. является обложкой, предполагающей наличие и других частей, которых в собрании нет. Не удалось обнаружить текст с таким маргинальным иероглифом и в других коллекциях.

Таким образом, очевидно, что в собрании Института восточных рукописей есть два издания словаря «Море имен», известные и по другим коллекциям. Основными «опознавательными знаками» первого издания являются одно китайское маргинальное название и китайская же нумерация частей, количество листов в части 1 (ming mtsho) — 43, части 2 (dag yig) — 221. У него одно название (названия у частей отсутствуют). Второе издание, напротив, имеет свои маргинальные китайские иероглифы для каждой части, свое название для каждой части, другой порядок двух первых частей, количество листов в части ming mtsho — 51, а в части dag yig — 241. Два издания отличаются художественным оформлением (стиль миниатюр и узоры).

Неполные тексты второго издания (без тибетской главы), а также разное оформление (наличие/отсутствие желтых обложек, наклеенные/напечатанные названия глав, использование или не использование красной краски) свидетельствуют о различных вариантах его комплектации и полиграфического исполнения в зависимости от желаний (и кошелька) заказчика. Многие тексты могли быть отпечатаны позже, о чем писал еще В. Хайссиг, говоря, что «существовали более поздние и провинциальные издания словаря»¹⁰⁰, проф. Д. Кара называет текст из коллекции Венгерской Академии наук (Kara-Mong. 84, 84a, 84b) копией

⁹⁸ Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. P. 421. № 820.

⁹⁹ Так же как в шифре Uspensky-Plg. 59.

¹⁰⁰ Heissig W. Die Pekingener lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache. S. 44.

начала XX в.¹⁰¹. Была сделана попытка сравнить размеры рамки с текстом (как это было сделано для оттиска). К сожалению, оказалось возможным проверить только некоторые листы из трех текстов (Q 4386/3, Uspensky-Plg. 59 и H 311). Однако очевидно, что эффект «усохших досок» в данном случае тоже присутствует. Размеры рамки для текста в Q 4386/3 отличаются от двух других текстов в меньшую сторону¹⁰².

Особый интерес представляет отдельный оттиск первого издания, который не имеет таких четких «опознавательных знаков», как первое или второе издания и никак не отмечен в каталогах. Он был сделан с досок первого издания (соответственно все формальные характеристики, указанные для первого издания в нем те же), но с добавлением собственных названий для каждой части. Названия те же, что и во втором издании, однако для названия части 1 (ming mtsho), скорее всего, использовались доски первого издания, для остальных частей названия были вырезаны заново с собственными ошибками, но образцом послужили названия второго издания. Красная краска (которая использовалась в большинстве текстов оттиска) имеет ярко выраженный малиновый оттенок. Замеченное расхождение в размерах рамки с печатным текстом на некоторых листах, появившееся как следствие усыхания досок, — веский аргумент в пользу того, что оттиск был напечатан значительно позже.

Очевидно, что часть 3 (nyi 'od), содержащая тибетско-монгольский словарь, была широко распространена, особенно в Монголии, как отдельное сочинение¹⁰³. В рукописных собраниях Китая также эта часть встречается в наибольшем количестве экземпляров¹⁰⁴, отдельные тексты части 3 есть и в других коллекциях.

На основании информации, которая сопровождает описание текстов в каталогах, их можно в большинстве случаев соотнести с первым или вторым изданием, но сказать, есть ли среди них оттиск первого издания, можно только предположительно. В большинстве описаний авторы не указывают ошибки (особенно в тех случаях, когда ошибки оче-

¹⁰¹ Kara G. Mongolian and Manchu Manuscripts and Blockprints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences. P. 126.

¹⁰² Часть 3 (nyi 'od) л. 2а: 52,4↔53,2; л. 3а: 52,5↔53,2; л. 3б: 52,0↔52,5; л. 10а: 52,4↔53,0.

¹⁰³ По-видимому, поэтому Д. Бурнээ в своей статье (Burnee D. On Tibetan-Mongolian Lexicographical Tradition // Культура Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004. С. 69) пишет о существовании второго словаря того же автора под названием тиб. dag yig chung ngu dgul bya'i snying mun sel byed nyi ma stong gi 'od zer zhes bya ba bzhugs so, монг. öčüken üsüg nomoyadqaly-a-yin jirüken-ü qarangyui-yi arilyan üiledügči mingyan naran-u gerel kemekü orošiba. Это часть 3 (nyi 'od) словаря «Море имен», которая была распространена вне целого издания.

¹⁰⁴ Catalogue of Ancient Mongolian Books and Documents of China. P. 1164.

видные), имеющиеся в названии словаря или его частей, и приводят исправленный вариант¹⁰⁵. Однако ошибки, как выяснилось, тоже имеют значение для более точного соотнесения с изданием (в частности, с оттиском). Поэтому только благодаря помощи коллег стало возможно определить, что некоторые тексты являются именно оттиском. Удалось установить, что большое значение имеют размеры внутренней рамки на разных страницах, однако приведенная в каталогах разная степень погрешности (за счет разной степени округления измерения разных листов, включения или не включения толщины черт рамки) недостаточна для выводов.

Наконец, надо упомянуть сводный «Каталог древних монгольских книг и документов в Китае», в котором словарь «Море имен» представлен номерами 06750–06756¹⁰⁶. Способ его описания — отдельно даются ссылки на каждую из трех частей словаря (исключая тибетскую) со ссылками на шифры в разных коллекциях — только позволяет определить, что имеются и первое, и второе издания, но их комплектация не определяется. Видно также, что есть большое количество экземпляров части 3.

Подводя итог рассмотрению доступных экземпляров словаря из разных коллекций и описаний, можно сказать, что наличие его двух изданий (или трех с учетом текста Uspensky-Plg. 59A из СПбГУ) и одного оттиска, а также многочисленных вариантов его комплектации и части 3, широко распространенной как отдельный текст, с одной стороны, действительно показывает важное место этого словаря среди других тибетско-монгольских лексикографических работ, а с другой — влечет некоторые неточности при ссылках на экземпляры, имеющиеся в других коллекциях¹⁰⁷. Последнее вполне понятно, потому что некоторые параметры (особенно для определения оттиска) легче определяются визуально, чем поддаются описанию.

¹⁰⁵ Так сделано в каталогах А.Г. Сазыкина, В.Л. Успенского, Г. Бильгүүдэя, П. Аалто, а также в предисловии к факсимильной публикации Локеша Чандры.

¹⁰⁶ Catalogue of Ancient Mongolian Books and Documents of China. P. 1163–1165.

¹⁰⁷ В библиографическом издании (Bibliographies of Mongolian, Manchu-Tungus, and Tibetan Dictionaries / Compiled by Larry V. Clark, John R. Krueger, Manfred Taube, Hartmut Walravens, Michael L. Walter. Edited by Hartmut Walravens // Orientalistik Bibliographien und Dokumentationen. Bd 20. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. S. 35. № 117) приводится информация о втором издании, без упоминания первого и со ссылками на тексты первого, второго и оттиска без их дифференциации.

Таблица
Подписи при миниатюрах¹⁰⁸

Первое издание	Второе издание	Перевод и комментарий
Часть 1 (ming mtsho)		
(л. 1б) монг. sakamuni burqan-a mörgümü	(л. 1б) монг. sikamuni burqan-a mörgümü	Поклоняюсь будде Шакьямуни санскр. śākyamuni
(л. 1б) монг. уу[=d]ibunggin[=r]a buy[=r]qan-a möy[=r]gümü	(л. 1б) монг. dibungkara burqan- a mörgümü	Поклоняюсь будде Дипанкара санскр. dīpaṅkara
(л. 2а) монг. včii[=r] dara	(л. 2а) монг. včir dara	Важрадхара санскр. vajradhara
(л. 2а) монг. mayidaryi	(л. 2а) монг. mayidari	Майтрея санскр. maitreya
(л. 43а) монг. γаγча [=niγuča] bayatur	(л. 51а) монг. γаγча [=niγuča] bayatur	Тайный Яма санскр. dharma-rāja-guhyā- sadhana; тиб. chos rgyal gsang sgrub; в монг. тексте ошибоч- но γаγча вместо niγuča
(л. 43а) монг. maq-a kala	(л. 51а) монг. —	Махакала санскр. mahākala
Часть 2 (dag yig)		
(л. 1б) монг. mančusiri	(л. 1б) монг. manjusiri тиб. OM rje btsun ‘jam pa’i dbyangs la na mo	Маньчжури санскр. mañjuśrī ОМ. Поклоняюсь досто- почтенному Маньчжури

¹⁰⁸ За помощь в идентификации персонажей, изображенных на миниатюрах, автор крайне признательна А.А. Сизовой, А.В. Зорину, А.А. Туранской, А.А. Тереньеву, В.Л. Успенскому. Однако в сомнительных случаях окончательный выбор был за автором.

(л. 16) монг. e[=ni]düber üjegči	(л. 16) монг. nidüber üj[e]gči <i>тиб.</i> rje btsun spyen ras gzigs la na mo huM	Авалокитешвара <i>тиб.</i> spyen ras gzigs, санскр. Avalokiteśvara Поклоняюсь достопоч- тенному Авалокитешваре. Хум.
(л. 2а) монг. čôngkaba	(л. 2а) монг. — <i>тиб.</i> chos kyī rgyal po btsong kha ba la na mo huuM	Цонкапа <i>тиб.</i> btsong kha pa Владыке Учения Цонкапе поклоняюсь. Хум.
(л. 2а) монг. blam-a a[=e]rdeni	(л. 2а) монг. blam-a erdeni <i>тиб.</i> rje btsun blama rin po tshe [=che] la ma [=na] mo rjes su bzung du gsol	Драгоценный учитель <i>тиб.</i> bla ma rin po che Достопочтенному дра- гоценному учителю по- клоняюсь. Молю о по- кровительстве. Возможно, изображен Джан- джа-хутухта I Нгаван-Чойдан (<i>тиб.</i> ngag dbang chos ldan; 1642–1714)
(л. 221а) монг. erlig qaγan-i	(л. 241а) монг. erlig qaγan-i	Ямараджа <i>тиб.</i> gshin rje rgyal po
(л. 221а) монг. ökin tngi[=r]i	(л. 241а) монг. ökin tngi[=r]i	Лхамо <i>тиб.</i> lha mo
Часть 3 (nyi ‘od)		
(л. 16) монг. jô jô atis	(л. 16) монг. jô jô atis	Чжово Атиша <i>тиб.</i> jo wo a ti sha
(л. 16) монг. ‘by[=r]om bayṣi	(л. 16) монг. ‘brom bayṣi	Бром-учитель Бром тонпа (<i>тиб.</i> ‘brom ston pa) — ученик Атиши

(л. 2а) монг. ba᠋᠋ᠴᠢᠨ boyda	(л. 2а) монг. ba᠋᠋ᠴᠢᠨ boyda	Панчен-богдо Панчен лама I Лобсан-Чой- джи-Гьялцэн (<i>тиб.</i> blo bzang chos-kyi rgyal mtshan; 1570– 1662)
(л. 2а) монг. i[=ᠦ]ᠴᠢᠨ baᠴᠢᠨ damba	(л. 2а) монг. ᠷᠢᠨ bᠴᠢᠨ danpa	Достопочтенный <i>тиб.</i> rje btsun dam pa. Воз- можно, изображен Джэб- дзундамба-хутухта I Лобсан- Данби-Джалцан (<i>тиб.</i> blo bzang bstan-pa'i rgyal mtshan) – первый Богдо-гэгэн Дзана- бадзар; 1635–1723 ¹⁰⁹
(л. 104а) монг. ulan maᠴ-a kala: <i>тиб.</i> beg che [=tse]	(л. 104а) монг. нет <i>тиб.</i> beg che [=tse]	Красный Махакала. Бегцэ
(л. 104а) монг. bisman tngri: <i>тиб.</i> nam [=rnam] sras	(л. 104а) монг. bisman <i>тиб.</i> nam [=rnam] sras	Вайшравана <i>санскр.</i> vaiśravaṇa / vaiśramaṇa Вайшравана <i>санскр.</i> vaiśravaṇa / vaiśramaṇa
Часть 4 (rmi lam)		
(л. 1᠖) монг. bilig baramid	(л. 1᠖) монг. bilig baramid	Праджняпарамита <i>санскр.</i> prajñāpāramitā
(л. 1᠖) монг. eldeb eke	(л. 1᠖) монг. eldeb eke	Вишваматра (Праджня Калачакры) <i>тиб.</i> sna tshogs yum; <i>санскр.</i> viśvamātrī
(л. 8а) монг. nom-un qaᠭaᠨ	(л. 8а) монг. nom-un qaᠭaᠨ	Царь учения [Таог Ташон] Таог Ташон (<i>тиб.</i> tha 'og rta zhon) — покровитель монастыря Сэра, одна из форм дхармапалы по имени tha 'og <u>chos rgyal po</u> . На монг. язык переведена часть его имени: chos rgyal po

¹⁰⁹ Если это действительно он, то его изображение отличается от канонического (ср.: Himalayan Art № 50005).

(л. 8a) монг. sayin včir-a-tu	(л. 8a) монг. sayin včir-a-tu	Ваджрасадху тиб. rdo rje legs pa; санскр. vajrasadhu
----------------------------------	----------------------------------	--

Список сокращений

- Aalto-H3516a,b,c — текст из коллекции Свена Хедина, Этнографический музей Швеции (Стокгольм)
- Bese-Mong. 25 — текст из коллекции Восточно-Азиатской библиотеки в составе библиотеки Чикагского университета, Беркли (Калифорния)
- BM 19999. a. 9 — текст из коллекции Британской библиотеки
- BM 19999. b. 11 — текст из коллекции Британской библиотеки
- BM 19999. b. 12 — текст из коллекции Британской библиотеки
- Chandra-Mong. 01.01 — текст из коллекции Международной Академии индийской культуры
- Kara-Mong. 7 — текст из коллекции Академии наук Венгрии (Будапешт)
- Kara-Mong. 84, 84a, 84b — текст из коллекции Академии наук Венгрии (Будапешт)
- Krueger-№ 5 — текст из коллекции Чикагского Музея естественной истории
- Uspensky-Plg. 40 — текст из коллекции Восточного факультета СПбГУ
- Uspensky-Plg. 59 — текст из коллекции Восточного факультета СПбГУ
- Uspensky-Plg. 59A — текст из коллекции Восточного факультета СПбГУ
- Билгүүтэй-МН 327 — текст из коллекции музея-квартиры академика Ц. Дамдинсүрэнэ (Улан-Батор).
- Нямгагмар-0010 — текст из коллекции Института языка и литературы АНМ (Улан-Батор)
- Тунгалаг-№ 5796 — текст из коллекции Монгольской национальной библиотеки (Улан-Батор)
- монг. — монгольский язык
- санскр. — санскрит
- тиб. — тибетский язык

Литература

- Билгүүдэй Г. Дамдинсүрэнгийн Ц. Гэр музейн монгол номын бүртгэл I бодь. Уланбаатар, 1998.
- Bilguudey G. Damdinsurengiyn Ts. Ger muzeyn mongol nomyin burtgel I bod. Ulaanbaatar, 1998.*
- Казанский каталог — Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в Библиотеке Императорского Казанского университета хранящимся. Казань, 1834.
- Kazanskiy katalog — Katalog sanskritskim, mongolskim, tibetskim, manchzhurskim i kitayskim knigam i rukopisyam v Biblioteke Imperatorskogo Kazanskogo universiteta hranyaschimsya. Kazan, 1834.*
- Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Наука, ГРВЛ, 1972.

- Kara D.* Knigi mongolskih kochevnikov (sem vekov mongolskoy pismennosti). M.: Nauka, GRVL, 1972.
- Каталог БАД — Каталог книг, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента. Санкт-Петербург, 1843.
- Katalog BAD — Katalog knigam, rukopisyam i kartam na kitayskom, manchzhurskom, mongolskom, tibetskom i sanskritskom yazyikah, nahodyaschimsya v biblioteke Aziatskogo departamenta. Sankt-Peterburg, 1843.
- Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы. Л.: Издание Ленинградского восточного института, 1927.
- Lauffer B.* Ocherk mongolskoy literatury. L.: Izdanie Leningradskogo vostochnogo instituta, 1927.
- Няммьагмар Б.* Хэл зохиолын хүрээлэнгийн монгол бичмэл дармал номын бүртгэл // Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Literarum Academiae Scientiarum Publicae Mongolici. T. XXVIII. Fasc. 1. Улаанбаатар, 2012.
- Няммьагмар Б.* Хэл зохиолын хүрээлэнгийн монгол бичмэл дармал номын бүртгэл // Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Literarum Academiae Scientiarum Publicae Mongolici. T. XXVIII. Fasc. 1. Ulaanbaatar, 2012.
- Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.
- Sazykin A.G.* Katalog mongolskih rukopisey i ksilografyov Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR. T. 1. M.: Nauka, GRVL, 1988.
- Тунгалаг Б., Дуламсүрэн Ц.* Монгол гар бичмэл барын номын номзүй. Улаанбаатар: Арилдар, 2011.
- Tungalag B., Dulamsuren Ts.* Mongol gar bichmel baryn nomyin nomzuy. Ulaanbaatar: Arildar, 2011.
- Успенский В.Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб., 2011.
- Uspenskiy V.L.* Tibetskiy buddizm v Pekine. SPb., 2011.
- Aalto P.* A Catalogue of the Hedin Collection of Mongolian Literature // Reports from Scientific Expedition to the North-West Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. Publication 38. Stockholm, 1953. P. 69–108.
- Bacot J.* La collection tibétaine Schilling von Canstadt à la bibliothèque de l'Institut // Journal Asiatique. P., 1924. T. 205. P. 321–348.
- Bese L.* The Mongolian Collection in Berkeley, California // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1977. T. 31. Fasc. 1. P. 17–50.
- Bibliographies of Mongolian, Manchu-Tungus, and Tibetan Dictionaries / Compiled by Larry V. Clark, John R. Krueger, Manfred Taube, Hartmut Walravens, Michael L. Walter. Edited by Hartmut Walravens // Orientalistik Bibliographien und Dokumentationen. Bd 20. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006.
- Burnee D.* On Tibetan-Mongolian Lexicographical Tradition // Культура Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004. С. 68–75.
- Catalogue of Ancient Mongolian Books and Documents of China. Vol. II. Editorial Board. Beijing: Beijing Library Press, 1999.
- Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Compiled by Vladimir L. Uspensky with Assistance from Osami Inoue. Edited and Foreword by Tatsuo Nakami. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999.

- Chandra Lokesh*. Four Tibetan-Mongolian Lexicons. Vol. 1 / Reproduced by Lokesh Chandra from the Collection of Prof. Raghuvira // Indo-Asian Literatures. Vol. 289. New Delhi, 1981 (Śata piṭaka Series).
- Heissig W.* Die Peking lamasistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache // Göttinger Asiatische Forschungen. Bd 2. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1954.
- Heissig W., Sagaster K.* Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten // Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland. Bd 1. Wiesbaden, 1961.
- Kara G.* Mongolian and Manchu Manuscripts and Blockprints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences / Ed. György Hazai. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2000 (Bibliotheca Orientalis Hungarica. XLVII).
- Krueger John R.* Catalogue of the Laufer Mongolian Collections in Chicago // Journal of the American Oriental Society. Vol. 86. No. 2 (Apr.-Jun., 1966). P. 156–183.
- Ligeti L.* La collection mongole Schilling von Canstadt à la bibliothèque de l'Institut // T'oung Pao. 1930. № 27. C. 119–178.
- Poppe N., Hurvitz L., Okada H.* Catalogue of the Manchu-Mongol Section of the Toyo Bunko. Tokyo, 1964.
- Taube M.* Tibetische Handschriften und Blockdrucke. Teil 1–4. Wiesbaden: Franz Steiner, 1966 (Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland. Bd 11, 1–4).
- Онлайн каталог Collège de France http://bude.college-de-france.fr/F/VSP66PIBRC8PRAX8KUUBR3VJPCSU2HQAMQXDE5GSVXLR49FG7-00672?func=full-set-set&set_number=059877&set_entry=000001&format=999 (последнее обращение 09.05.2014)
- Himalayan Art <http://www.himalayanart.org/search/> (последнее обращение 09.05.2014)

N.S. Yakhontova

THE OCEAN OF NAMES: ITS EDITIONS AT THE IOM, RAS, AND OTHER COLLECTIONS

Summary: The well-known Tibetan-Mongolian dictionary *The Ocean of Names* is preserved in many manuscript collections round the world. Based on the information from the available descriptions and catalogues as well as on access to some texts (including *in absentia*), the author provides a detailed description of the differences between its two major editions and a separate print made from the dried boards of the first edition.

Key words: manuscript collections, Tibetan-Mongolian dictionaries, *The Ocean of Names* dictionary, print, dried printing boards.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

- Алексеев Кирилл Всеволодович** — ст. преподаватель Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета
- Богданов Кирилл Михайлович** — науч. сотр. Института восточных рукописей РАН
- Бурмистров Сергей Леонидович** — д.филол.н., вед. науч. сотр. Института восточных рукописей РАН
- Васильева Ольга Валентиновна** — зав. сектором восточных фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки
- Гусарова Екатерина Валентиновна** — ст. лаборант Института восточных рукописей РАН
- Елихина Юлия Игоревна** — к.и.н., ст. науч. сотр. Отдела Востока Государственного Эрмитажа
- Ермакова Татьяна Викторовна** — к.филол.н., ст. науч. сотр. Института восточных рукописей РАН
- Жамсуева Дарима Санжиевна** — к.и.н., ст. науч. сотр. Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
- Зорин Александр Валерьевич** — к.филол.н., ст. науч. сотр. Института восточных рукописей РАН
- Иванов Дмитрий Владимирович** — к.и.н., ст. хранитель Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
- Маранджян Каринэ Генриховна** — к.и.н., ст. науч. сотр. Института восточных рукописей РАН
- Невелева Светлана Леонидовна** — д.филол.н., вед. науч. сотр. Института восточных рукописей РАН
- Носов Дмитрий Алексеевич** — к.филол.н., мл. науч. сотр. Института восточных рукописей РАН
- Огнева Елена Дмитриевна** — к.и.н., ст. науч. сотр. Института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины

Островская Елена Петровна — д.филол.н., проф., зав. сектором Южной Азии Института восточных рукописей РАН

Пан Татьяна Александровна — к.и.н., зав. отделом Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН

Попова Ирина Федоровна — д.и.н., директор Института восточных рукописей РАН

Рыженков Семен Юрьевич — ст. лаборант Института восточных рукописей РАН

Сизова Алла Алексеевна — мл. науч. сотр. Института восточных рукописей РАН

Синицын Федор Леонидович — к.и.н., докторант Института российской истории РАН

Столярова Екатерина Владимировна — мл. науч. сотр. Государственного музея истории религии

Туранская Анна Александровна — лаборант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Цендина Анна Дамдиновна — д.филол.н., гл. науч. сотр. Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета

Щепкин Василий Владимирович — к.и.н., науч. сотр. Института восточных рукописей РАН

Ямпольская Наталья Васильевна — к.филол.н., науч. сотр. Института восточных рукописей РАН

Яхонтова Наталья Сергеевна — к.филол.н., ст. науч. сотр. Института восточных рукописей РАН

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К.В. Алексеев.</i> Переводы буддийских канонических сочинений Алтангэрэл-убаши в рукописных собраниях Санкт-Петербурга и Улан-Батора	5
<i>К.М. Богданов.</i> Книги из Хара-Хото, напечатанные подвижным шрифтом: критерии и проблемы выявления изданий (коллекция П.К. Козлова, Тангутский фонд ИВР РАН)	21
<i>С.Л. Бурмистров.</i> Гимн Шанкары «Дашашлоки» и рукопись Daśaślokīvedānta из Индийского фонда ИВР РАН	39
<i>О.В. Васильева.</i> «В пользу Императорской Публичной Библиотеки...»: приращение фондов восточными манускриптами в 1812–1814 гг.	61
<i>Е.В. Гусарова.</i> Народ оромо в Эфиопии в период правления Такла Гиоргиса I (конец XVIII в.) по данным его царской хроники	82
<i>Ю.И. Елихина.</i> Тибетская коллекция Государственного Эрмитажа	95
<i>Т.В. Ермакова.</i> Первые шаги к пополнению и каталогизации рукописей Индийского фонда Азиатского музея (по работам Р.Х. Ленца и П.Я. Петрова в «Журнале министерства народного просвещения»). Введение, подготовка к публикации <i>Т.В. Ермаковой</i>	117
<i>Д.С. Жамсуева.</i> Монастырская жизнь бурятских дацанов (по материалам дневников Б. Барадина 1903–1904 гг.).....	133
<i>А.В. Зорин.</i> Тибетский фонд Института восточных рукописей РАН: из истории формирования и каталогизации (1917–2013 гг.)	143
<i>Д.В. Иванов.</i> Первые фотографии, сделанные в Монголии русскими путешественниками	170
<i>К.Г. Маранджян.</i> Евангелие от Луки из собрания ИВР РАН.....	167
<i>С.Л. Невелева.</i> Критическое издание древнеиндийского эпоса.....	198
<i>Д.А. Носов.</i> Фольклорные тексты в экспедиционных материалах В.А. Казакевича.....	212
<i>Е.Д. Огнева.</i> Буддийские коллекции в тибетской традиции на юге Украины (история собраний в музеях Одессы).....	226
<i>Е.П. Островская.</i> Буддийские рукописи в составе Индийского фонда ИВР РАН: история коллекционирования и перспективы исследования	247
<i>Пан Т.А.</i> Маньчжурские записи по шаманизму сибэ из архива Н.Н. Кроткова.....	275
<i>И.Ф. Попова.</i> Становление лексикографии китайского языка в России	291

<i>С.Ю. Рыженков.</i> К вопросу о применимости термина «школа» к экзегетической традиции «Нирвана-сутры» в Китае в V–VI вв.....	305
<i>А.А. Сизова.</i> Учение ламрим в традиционном буддийском образовании на примере программы ламрим-дацана монастыря Гандэн Чойхорлин.....	316
<i>Ф.Л. Сеницын.</i> Политическое положение в Тибете в 1920-е годы (по материалам советских экспедиций).....	323
<i>Е.В. Столярова.</i> Вишнуитские стотры из коллекции индийских манускриптов Института восточных рукописей РАН	337
<i>А.А. Туранская.</i> Монгольская рукопись избранных глав «Собрания песнопений Миларэпы» из коллекции музея-квартиры Ц. Дамдинсурэна....	347
<i>А.Д. Цендина.</i> Академик Цэндийн Дамдинсурэн и коллекция его книг	359
<i>В.В. Щепкин.</i> Первая японская правительственная экспедиция в земли айнов (1785–1786)	371
<i>Н.В. Ямпольская.</i> «Аштасахасрика-праджняпарамита» в монгольском переводе ойратского Дзая-пандиты	391
<i>Н.С. Яхонтова.</i> Издания словаря «Море имен» в собрании ИВР РАН и других коллекциях	402
Авторы выпуска.....	434

CONTENTS

<i>K.V. Alekseev.</i> Translations of the Buddhist Canonical Works by Altangerel-Ubaši Housed at the Manuscript Collections of St. Petersburg and Ulaanbaatar.....	5
<i>K.M. Bogdanov.</i> Movable-type Printed Books from Khara-Khoto: Criteria and Problems Related to the Search of these Editions (P.K. Kozlov Collection, IOM RAS Tangut Collection).....	21
<i>S.D. Burmistrov.</i> From the Indian Collection of IOM RAS	39
<i>O.V. Vasilyeva.</i> “For the Benefit of the Imperial Public Library...”: Growth of the Collections through the Acquisition of Oriental Manuscripts in 1812–1814.....	61
<i>E.V. Gusarova.</i> The Oromo People in Ethiopia during the Reign of Täklä Giyorgis I (Late 18th Century A.D.) according to His Royal Chronicle	82
<i>Yu.I. Elikhina.</i> Tibetan Collection of the State Hermitage.....	95
<i>T.V. Ermakova.</i> The First Steps to the Enrichment and Cataloguing of the Asiatic Museum (IOM RAS) According to Articles by R. Lenz and P. Petrov in the Ministry of Education Journal. Preface, Commentaries by T.V. Ermakova	117
<i>D.S. Zhamsueva.</i> Monastic Life of the Buryat Datsans (Based on B. Baradin’s Diaries of 1903–1904)	133
<i>Alexander Zorin.</i> The Tibetan Collection Housed at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS — the History of Its Formation and Cataloguing, 1917–2013	143
<i>V. Ivanov.</i> The Earliest Photographs Taken in Mongolia by Russian Travellers.....	170
<i>K.G. Marandjian.</i> Gospel of Luke from the Collection of IOM RAS.....	167
<i>S.L. Neveleva.</i> Critical Edition of Ancient Indian Epics.....	198
<i>Dmitrii A. Nocov.</i> Folklore Texts in V.A. Kazakevitch’s Unpublished Report on His Research Trip to Gobi Desert in 1924	212
<i>E.D. Ogneva.</i> Buddhist Collections of the Tibetan Artistic Tradition in Southern Ukraine (History of the Collections in the Museums of Odessa)	226
<i>E.P. Ostrovskaya.</i> Buddhist Manuscripts in the Indian Collection of IOM RAS: History of Collecting and Perspectives of Study	247
<i>T.A. Pang.</i> Manchu Notes on the Sibe Shamanism from the Archives of N.N. Krotkov	275
<i>I.F. Popova.</i> The Formative Period of the Lexicography of the Chinese Language in Russia	291

<i>S. Yu. Ryzhenkov. On the Relevance of the Term “School” to the Nirvana-sutra Exegetical Tradition in the 5th-Century China</i>	305
<i>A.A. Sizova. Lamrim Teaching in Traditional Buddhist Education through the Example of the Lamrim Academic Curriculum at the dga' ldan chos 'khor gling Monastery</i>	316
<i>Fedor Sinitsyn. The Political Situation in Tibet in the 1920s (according to the Materials of Soviet Expeditions).....</i>	323
<i>E. V. Stolyarova. Vishnu stotra Hymns from the Institute of Oriental Manuscripts, RAS</i>	337
<i>A.A. Turanskaya. Mongolian Manuscript of Selected Chapters from Milarepa's Collected Songs in the Library of C. Damdinsüren's Memorial House</i>	347
<i>A.D. Tsendina. Academician Tsendin Damdinsuren and the Collection of his Books</i>	359
<i>V.V. Shchepkin. The First Japanese Governmental Expedition to the Ainu Lands (1785–1786)</i>	371
<i>N.B. Yampolskaya. Artasahasrika Prajñāparamita in the Mongolian Translation by the Oirat Dzay-a Pandita</i>	391
<i>N.S. Yakhontova. The Ocean of Names: Its Editions at the IOM, RAS, and Other Collections.....</i>	402
<i>The Authors Published in This Issue.....</i>	434

Научное издание

**СТРАНЫ И НАРОДЫ
ВОСТОКА**

Вып. XXXV

**Коллекции, тексты
и их «биографии»**

*Утверждено к печати
Институтом восточных рукописей РАН*

Редакторы *Т.А. Аникеева, О.В. Мажидова*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *И.И. Чернышева*
Компьютерная верстка *Е.А. Пронина*

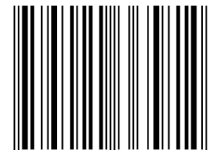
Подписано к печати 25.12.14. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 27,5. Усл. кр.-отт. 27,5. Уч.-изд. л. 24,7
Тираж 500 экз. Изд. № 8570. Зак. №

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Издательская фирма «Восточная литература»
119049, Москва, Мароновский пер., 26
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

По вопросам приобретения книги обращаться
в Институт восточных рукописей РАН:
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 18,
тел.: (812) 315-87-28, www.orientalstudies.ru
e-mail: iom@orientalstudies.ru

ISBN 978-5-02-036581-0

9 785020 365810